

ISSN 1810-1909

Вестник

ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 2014

Гуманитарные науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

А.Ю. Александров, кандидат экономических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Г.Е. Корнилов, доктор филологических наук, профессор

Члены редакционной коллегии

А.Ю. Егоров, доктор экономических наук, профессор

А.Ю. Епихин, доктор юридических наук, профессор

А. Каппелер, доктор истории, профессор

В.Г. Родионов, доктор филологических наук, профессор

С.В. Тасаков, доктор юридических наук, доцент

Н.В. Тумаланов, доктор экономических наук, профессор

А.Е. Шамин, доктор экономических наук, профессор

О.Н. Широков, доктор исторических наук, доцент

Ответственный секретарь

Н.И. Завгородняя

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15

Тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)

E-mail: vestnik@chuvsu.ru

<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

ISSN 1810-1909

Vestnik

CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

№ 1 2014

Humanities

Scientific Journal

Since March, 1995

Founder:
Federal State Educational Budgetary Institution
of Higher Professional Education
Ulyanov Chuvash State University

Editor-in-Chief

A.Yu. Aleksandrov, Candidate of Economics, Associate Professor

Deputy Editor-in-Chief

G.Ye. Kornilov, Doctor of Philology, Professor

Editorial Board

A.Yu. Egorov, Doctor of Economics, Professor

A.Yu. Epikhin, Doctor of Law, Professor

A. Kappeler, Ph.D., Professor

V.G. Rodionov, Doctor of Philology, Professor

S.V. Tasakov, Doctor of Law, Associate Professor

N.V. Tumalanov, Doctor of Economics, Professor

A.E. Shamin, Doctor of Economics, Professor

O.N. Shirokov, Doctor of History, Associate Professor

Executive Editor

N.I. Zavgorodnyaya

The journal is included into the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation where the main scientific results of doctoral theses are to be published.

Address: 15, Moskovskiy pr., Cheboksary,
Chuvash Republic, 428015, Russia

Tel. +7(8352)45-20-96, 58-33-63 (2030)

E-mail: vestnik@chuvsu.ru

<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

УДК 070:654:197]:37.013(470.344)

ББК Ч603.23(2Рос.Чув)

А.А. ДАНИЛОВ

РАСШИРЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)*

Ключевые слова: телевидение, культура, воспитание, советская идеология, советский период, Чувашия, Марий Эл, Мордовия, тематика.

Отражены проблемы поддержания, сохранения и развития национальной культуры посредством важнейшего средства массовой информации – телевидения. Изучен опыт региональных телевизионных структур советского и постсоветского периода в области расширения их культурно-воспитательной функции.

A. DANILOV

EXPANSION OF CULTURAL AND EDUCATIONAL FUNCTION OF REGIONAL TELEVISION: HISTORICAL EXPERIENCE OF THE SOVIET STATE (on materials of Mari, Mordovian and Chuvash Republics)

Key words: television, culture, education, Soviet ideology, Soviet period, Chuvashia, Mari El, Mordovia, subject.

Problems of maintenance, preservation and development of national culture by means of the major mass media – television are reflected. Experience of regional television structures of the Soviet and Post-Soviet period in the field of expansion of their cultural and educational function is studied.

В настоящее время телевидение представляет один из самых массовых средств распространения культурной, воспитательной информации. Тема исследования, несомненно, актуальна, что подтверждается активными дискуссиями о повышении культурного уровня аудитории, значении телевидения в воспитательном процессе. Исследование направлено на объективный, комплексный анализ одной из главных проблем жизнедеятельности нашего государства – поддержания, сохранения и развития культуры посредством важнейшего СМИ – телевидения. Актуальность темы подтверждается указом президента РФ, в соответствии с которым 2014 год в стране объявлен Годом культуры. По мнению министра культуры В. Мединского, ключевым моментом Года культуры в РФ станет поворот к регионам. По его мнению, Год культуры позволит «высветить накопившиеся проблемы» и сформулировать задачи на будущее.

Территориальные границы исследования включают Марийскую, Мордовскую и Чувашскую АССР, характеризующиеся общим историческим прошлым, естественно-географической близостью, тесными связями в культурной жизни, многонациональным составом населения, наличием общих традиций, что позволяет выявить целостность исследуемого региона. В свою очередь, телевидение Марийской, Мордовской и Чувашской АССР имеет общее и особенное в своем развитии.

Предпосылками возникновения телевидения Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как сегмента общесоюзного телевидения стали идеологические, технические и творческие факторы. Национальное телевидение рассматриваемых республик имеет особую значимость, его появление стало шагом вперед в

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-11-21003.

их национально-государственном и культурном развитии. В советский период региональное телевидение выполняло функции, которые стояли в целом перед единой государственной системой. В рамках задач, которые компартия ставила перед ним, менялись содержание и формы программ. Главными направлениями его работы являлись выполнение информационной и идеологической функций, популяризация и разъяснение экономических и политических задач, вызванных положением в хозяйственной инфраструктуре страны и географическими особенностями региона. Также важными являлись культурологическая и воспитательная функции.

«Региональное телевидение» подразделялось на местное, республиканское и центральное. Республиканское телевидение включало программы телестудий ССР, распространяющих телепередачи на весь Союз, местное – программы телевизионных студий Союзных республик. Местная телестудия включала общий объем технических аппаратных, съемочных павильонов, необходимых для создания программ. Термин «местное (республиканское) телевидение» существенно шире и включает содержательную сторону программ, которые затрагивают культурные, экономические, общественно-политические и прочие сферы жизнедеятельности. Республиканское телевидение осуществляло организацию трансляции в рамках конкретного региона, акцентируя внимание на главных направлениях его деятельности.

В 1940 – 1950-е гг. государственная политика в области телевидения характеризовалась началом его внедрения в качестве общесоюзного рупора культурного, идеологического воспитания. Руководство страны одним из главных приоритетов развития в области телевидения определило создание организационной формы управления телевидением, модернизацию материально-технической базы телевидения, популяризацию нового вида средства массовой информации, повсеместное расширение территории вещания телевидения. Главные направления совершенствования материально-технической базы телевидения, художественное и идейное содержание телепередач в большинстве случаев определялись решениями Гостелерадио, ЦК КПСС.

В 1953 г. перелом в векторе развития страны, изменение политической обстановки снизили идеологическое давление и привели к административным изменениям: система телевизионного вещания вошла в состав структуры Министерства культуры. Однако идеологические установки телевидения не изменились. Система телевизионного вещания продолжала существовать в рамках жесткой идеологии, выполняла задачу пропаганды положительного опыта в строительстве коммунизма, распространения научных и политических знаний и т.д. Именно в этом направлении государством были предприняты меры с целью создания структуры телевидения в регионах.

29 января 1960 г. Центральным Комитетом КПСС было принято постановление «О дальнейшем развитии советского телевидения», которое обозначило место и роль структуры телевидения в жизни общества, определило задачи и направление его развития. В нем отмечалось, что телевидение дает новые возможности для повсеместного ежедневного культурного, эстетического и политического воспитания населения.

В советский период произошли качественные и количественные изменения в области телевидения, обусловленные политическими, экономическими, социальными процессами. Государственная политика в области телевидения была сконцентрирована в первую очередь на идеологической составляющей, стимулировании научно-технического прогресса, закреплении за телевидением образовательной, информационной, воспитательной, образовательной, культурной функций. Развитие телевидения в данный период характеризовалось определяющей ролью государства в вопросах работы местного телеви-

дения, выступавшего в роли социального института и обладавшего культурологической, воспитательной, образовательной, информационной функциями.

На деятельности телевидения отражалось и то, что зачастую в регионах определенные события и явления общественно-политического, культурного и социально-экономического характера происходили позже, чем в центральных регионах страны. Необходимой предпосылкой для появления телевидения в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР стал процесс развития телевидения в стране и мире. В момент утверждения телевидения в качестве феномена общечеловеческой культуры и средства формирования общественного мнения региональные телеканалы способствовали расширению географии влияния этого нового средства массовой информации. Центральное телевидение было не способно в полной мере освещать жизнь всей страны. Кроме того, лучшее воздействие на телезрителя достигается в первую очередь анализом и освещением фактов, явлений и событий, которые ему ближе. С этим была связана потребность в создании и расширении зоны влияния региональных телеканалов.

В 1960-е гг. для телевидения рассматриваемых республик был характерен выход большинства передач в прямом эфире. В этот период в журналистике появилось понятие «телефильм» – фильм-спектакль с предварительно написанным сценарием. Выход передач телестудий республик в эфире Центрального телевидения становится регулярным. Главным образом они отражали культурную, духовную, экономическую или общественно-политическую жизнь регионов. В дальнейшем выступления местных телестудий в эфире Центрального телевидения стали целенаправленными и регулярными.

В период становления телевидение рассматриваемых республик, помимо основной – идеологической, выполняло просветительскую функцию, создавая культурные ценности телевизионной аудитории через популяризацию художественной культуры с помощью организации при телевизионных студиях драматических театров, создания полнометражных телевизионных спектаклей, разнообразных цикловых передач и т.д. Особенным для телестудий Марийской, Мордовской и Чувашской АССР являлось преобладание передач художественного вещания. Телевизионные редакции пропагандировали достижения в области художественной культуры, знакомили с работой представителей музыки, театра, искусства, создавали телестановки, основанные на произведениях ведущих писателей региона. Широкий спектр тем имели серии образовательных программ, ряд специальных передач был морально-этической направленности.

В 1970-е гг. средства массовой информации и пропаганды рассматриваемого региона уже представляли сильнейшее идеологическое оружие партии, всесторонне освещавшее процессы духовной жизни и экономики, деятельность советских комсомольских, партийных и профсоюзных организаций. Телевидение играло все большую роль в области пропаганды и культуры. В каждом решении съезда КПСС, каждом постановлении Пленума ЦК, посвященном «идеологическому обеспечению» вопросам развития общества, оценивалась работа телевидения. В постановлении «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» были «четко определены недостатки в работе средств массовой информации и пропаганды, обозначены основные пути развития и углубления воспитания нового человека» [1]. В документе Центральный комитет КПСС обязал организовать и провести работу по пропаганде марксизма-ленинизма, идейной составляющей телевизионных передач через всестороннее освещение жизни колхозного крестьянства, рабочего класса, интеллигенции, главных достижений в области культуры, науки и экономики.

Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. (годы правления Генерального секретаря Центрального комитета КПСС Л.И. Брежнева) происходила централизация отечественного телевидения. Идеологическое давление на

телевидение усилилось, что отразилось на содержательной стороне телевизионных передач рассматриваемого региона, которые в основном начали транслироваться в записи, что, в свою очередь, предоставило большие возможности контролирующим органам. Тем не менее именно в данный период зародилось новое художественное телетворчество. В рассматриваемых республиках улучшение содержания телепрограмм позволило сблизить культурные уровни населения сел и городов. Урбанизация страны сопровождалась активным развитием телевидения, выступившего в роли канала приобщения сельских жителей к городской культуре и наоборот. Телевидение большой вклад внесло и в повышение образовательного уровня регионов. Вместе с этим региональные телевизионные студии способствовали сохранению национальной культуры. Для местных телевизионных журналистов одной из важных задач являлась популяризация духовных ценностей народов рассматриваемых республик. Телевизионные студии играли важную роль в организации культурной жизни республик, способствуя ее сохранению, становясь элементом источника знаний и дальнейшего развития национальной культуры, формирования мировоззрения, морально-эстетических ценностей людей, приобщения к лучшим примерам мировой и советской культуры. Телевидение формировало образ национальной литературы, знакомя с творчеством лучших местных писателей. Литературные деятели сотрудничали с телевизионными студиями, помогая в воспитании народов в духе интернационализма. В передачах широко освещалась морально-этическая тематика, велась пропаганда жизни людей труда, основных моральных ценностей – трудолюбия, патриотизма, совести, уважения, гуманизма и т.д.

В первой половине 1980-х гг. недостаточное развитие материально-технической базы телестудий сопровождается трудностями в их творческом развитии. Во второй половине 1980-х гг. процессы коммерциализации Центрального телевидения вытесняют из эфира культурно-просветительские и учебно-образовательные программы. Подобная тенденция, тем не менее, в полной мере не отразилась на работе телевизионных студий Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. Рост национального самосознания сопровождался увеличением интереса народов республик к собственной языку, культуре, историческим корням.

Таким образом, тематика и содержание передач телестудий определялись в первую очередь изменениями в политической и социально-экономической жизни государства. Телевидение рассматриваемого региона, главным образом, разъясняло и популяризировало конкретные политические, экономические задачи. Следует отметить культурологическую, образовательную и просветительскую функции, которые выполняли телестудии Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. Телевидение как элемент политики государства в рассматриваемый период отмечен вертикальной структурой управления. Культурное развитие рассматриваемого региона также занимало большое место в программах телевизионных студий. В телепередачах отражались история титульных наций, развитие национальной культуры. С журналистами сотрудничали лучшие представители ведущих профессий, телестудиями создавались оригинальные спектакли, постановки и инсценировки, проводилась пропаганда музыкальной культуры, произведений местной, русской, зарубежной классической музыки, творчества сообществ художественной самодеятельности. Регулярные передачи знакомили телевизионных зрителей с талантливой молодежью, телестудии создавали передачи для младших школьников и дошкольников, в программах находила отражение пионерская жизнь, создавались общеобразовательные передачи и программы воспитательного характера, проводились телевизионные фестивали художественной самодеятельности. Все это давало возможность удовлетворять различные запросы телевизионной аудитории.

Литература

1. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. П-888. Оп. 1. Д. 54. С. 70.

ДАНИЛОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, доцент, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (danilov.andrey@mail.ru).

DANILOV ANDREY – doctor of historical sciences, associate professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 376.5-058.862(470.344)

ББК Ч424.772(2Рос.Чув)

А.Е. ДМИТРИЕВ, Е.К. МИНЕЕВА

**ЦИВИЛЬСКИЙ ДЕТСКИЙ ГОРОДОК ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА
КАК НЕФОРМАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СИСТЕМЫ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ОПЕКИ
В ЧУВАШСКОЙ АССР**

Ключевые слова: детская беспризорность, детский дом, народное образование, органы опеки.

Рассмотрены предпосылки и процесс создания детского учреждения нового типа – Цивильского детского городка для детей-сирот, полусирот и беспризорников. На основании изучения неопубликованных источников характеризуется внутренняя жизнь данного детского дома и делаются выводы об эффективности его работы.

A. DMITRIEV, E. MINEEVA

**THE CHILDREN TOWN OF CIVILSK NAMED AFTER V.I. LENIN AS THE INFORMAL CENTRE
OF ORPHANAGES AND CHILD PROTECTION SYSTEM IN CHUVASH REPUBLIC**

Key words: children's homelessness, orphanages, public education, children protection system.

The article examines the backgrounds and the process of creation of a children's institution of new type – The Children town of Civilsk for orphans, half-orphans and street kids. It bases on unpublished sources and characterizes the inner life of the orphanage, and draws conclusions about the effectiveness of its work.

Детская беспризорность в советской России, как явление остро социальное и резко негативное, неоднократно становилась предметом исследования психологов, педагогов, врачей, юристов и историков. Исторический аспект данного явления не столь популярен в современной науке, тем не менее можно смело назвать ряд ученых, которые вложили весомый вклад в дело его изучения: А.М. Нечаева [5], А.А. Славко [6], В.Г. Тимофеев [7] и др. Необходимо отметить, что историки при изучении проблемы, как правило, задаются следующими вопросами: Какие меры принимались государством для преодоления беспризорности? Каким образом организовывалась помощь детям, оставшимся без попечения родителей? Какие государственные учреждения были ответственны за будущее этих детей? Насколько успешной была их деятельность? Как функционировала система органов опеки?

Наиболее тяжелой задачей становится изучение непосредственно работы сети детских учреждений (детских домов, приемников-распределителей, школ-коммун и т.п.) и трудностей ее функционирования. Связано это с тем, что каждое из подобных заведений, количество которых менялось из года в год (см. таблицу), имело свою специфику. Охватить их всех, даже в пределах одного региона, кажется задачей неразрешимой.

Тем не менее нужно понимать, что, несмотря на всё разнообразие, в системе органов опеки всегда существовали неформальные центры. Подробное изучение их может оказаться действительно полезным для составления общей картины работы сети детских учреждений.

**Количество детских домов
Чувашской автономной области (ЧАО)
(позже Чувашской АССР)
и численность их воспитанников в 1920-е гг.
[8. С. 34]**

Годы	Количество детских домов	Численность питомцев
1920 – 1921	12	408
1921 – 1922	56	3404
1922 – 1923	23	1680
1923 – 1924	21	990
1924 – 1925	16	810
1925 – 1926	12	1061
1926 – 1927	11	745
1927 – 1928	7	716
1928 – 1929	7	754
1929 – 1930	6	720

голода в Чувашии можно представить следующими цифрами. Если урожаем 1921 г. по ЧАО в переводе на хлеб составлял 1 308 447 пудов, то нормальная потребность населения автономии выражалась в 14, а при голодной норме в 9 млн пудов хлеба [3. С. 380]. В подобных условиях нормализовать работу детских домов было невозможно.

Последующие годы были отмечены реэвакуацией детей, борьбой с последствиями голода. 25 сентября 1925 г. вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О мероприятиях по подготовке воспитанников детских домов к трудовой общепольной деятельности», в связи с которым детские дома расширялись, при них создавались производственные центры-мастерские [4. С. 347]. 23 августа 1926 г. постановлением ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью» устанавливалось дополнительное финансирование детских учреждений [4. С. 348], благодаря чему на детские дома Чувашской АССР выделялось 25 230 руб. [1. Л. 1]. Это позволило укрупнить существующие учреждения опеки и дало возможность изъять с улиц большее число беспризорников.

В вопросе создания неформального основного, «центрального» детдома точку поставило 21 апреля 1925 г. – образование Чувашской АССР. В связи с этим, а также с жилищным кризисом столице республики, городу Чебоксары, потребовалось большее количество зданий для размещения правительственных организаций. Работа по подготовке помещений проводилась заранее, и под нее также попал Чебоксарский детский дом. Наличие детдома в столице в целом допускалось, но не было желательным. Поэтому согласно постановлению Президиума Облсполкома от 4 декабря 1924 г. здание, занимаемое Детдомом имени К. Маркса и В.И. Ленина, предоставлялось под Облфинотдел [2. Д. 56. Л. 94]. Между тем вплоть до 1925 г. это помещение не было освобождено и передано Финотделу. Дело в том, что в данном учреждении числилось 104 ребенка; экстренно перевести их в г. Цивильск, как предполагалось, было невозможно, так как все более или менее подходящие под детские дома помещения в Цивильске к тому времени уже были заняты (всего в Цивильске числилось 3 детских дома и еще 2 в уезде), и на их освобождение потребовалось бы немало времени. В сельской местности свободные здания также отсутствовали [2. Д. 56. Л. 95].

Однако в перспективе Цивильский уезд оказался наиболее благоприятным для развертывания крупного детского центра. Здесь имелось достаточно помещений, которые можно было освободить и успешно использовать для различных целей. Согласно постановлению Цивильского УИКа 1 мая 1925 г. здания бывшего Цивильского женского монастыря передавались детдомам, нахо-

Руководство ЧАО, затем и Чувашской АССР было вынуждено бороться с проблемой беспризорности с самых первых лет своего существования. Самые высокие показатели численности воспитанников детских домов относятся к 1921 – 1923 гг. и к 1925 – 1926 гг. Причиной этого в первом случае является голод 1921 – 1922 гг. Численность населения ЧАО в этот период составляла 831 401 человек, из которых уже зимой 1921 г. питался различными суррогатами 758 161 человек [7. С. 109]. Ситуацию во время

дившимся в Цивильске, теперь детдома сконцентрировались в монастыре, в результате чего и был организован Цивильский детский городок имени В.И. Ленина [2. Д. 346. Л. 166]. До 1 мая 1925 г. в одном из зданий монастыря уже располагался детдом имени Калининой, который не имел доступа во все монастырские помещения. Сразу после организации нового учреждения началась работа по его укрупнению. 1 октября 1925 г. к городку был присоединен Чебоксарский детский дом имени К. Маркса, 22 декабря – Ковалинский детский дом, в декабре 1926 г. – Шихазановский детский дом [2. Д. 346. Л. 166].

Руководящим органом детского городка стал Совет, созывавшийся один раз в 3 месяца, куда кроме заведующего входили представители ВЛКСМ, ВКП(б), УИК'а (позже РИК'а), отдела профессионального союза работников просвещения, отдела по работе среди женщин, городских школ, где обучались воспитанники, педагогический персонал самого городка, фельдшер, а также один представитель воспитанников и местной ячейки ВЛКСМ [2. Д. 539. Л. 6].

В целях урегулирования борьбы с детской беспризорностью и обеспечения правильного возраста, бесперебойного выпуска из детских домов подростков, достигших рабочего возраста, на производство и облегчения выпуска части детей путем передачи их на воспитание в крестьянские семьи Президиум ВЦИК и СНК РСФСР издали ряд постановлений: от 21 сентября 1925 г. «О мероприятиях по подготовке воспитанников детских домов к трудовой общепольной деятельности» [4. С. 347], 8 марта 1926 г. «О мероприятиях по борьбе с беспризорностью» [4. С. 348] и от 5 апреля 1926 г. о порядке и условиях передачи воспитанников детских домов в крестьянские семьи для подготовки к сельскохозяйственному труду» [2. Д. 349. Л. 109].

В связи с этим в детских домах республики стала налаживаться работа по организации мастерских, а также выделяться земля под хозяйственные нужды и посевы. В Цивильском детском городке были открыты жестяно-посудная, кузнечно-слесарная, сапожная, столярная, швейно-чулочная мастерские [2. Д. 715. Л. 75]. К сожалению, корпус, выделенный под них, своему назначению не соответствовал. Так, кузнечно-слесарная и жестяно-посудная мастерские находились в бывших монастырских катакомбах. Тем не менее работа проводилась, например, в сапожной мастерской ежегодно производилось свыше 100 пар обуви, в швейной – более 30 комплектов пальто и прочей одежды [2. Д. 715. Л. 76]. К тому же продукция мастерских продавалась, что пополняло бюджет городка. В 1928 г. сапожная мастерская принесла 2145 руб. прибыли от выполнения частных заказов; посудно-жестяная и кузнечная мастерские – 4631 руб. [2. Д. 544. Л. 6].

Финансирование детских домов республики, как правило, было недостаточным. Детский городок находился на местном республиканском бюджете, его смета на 1929 г. составляла 54 000 руб. (включая отчисления на заработную плату). Исходя из этого, на каждого ребенка отпускалось на обмундирование – 25 руб., питание – 85 руб. в год, что соответствовало 23,2 коп. в день [2. Д. 539. Л. 46] (в то время как стоимость пуда ржаной муки на рынке составляла 4 руб. 50 коп., а стоимость фунта свинины – 26 р. 30 коп. [2. Д. 539. Л. 46]). Ежедневное меню в городке было следующим: на завтрак – сладкий чай и 200 г белого хлеба; на обед – одно блюдо мясное, суп или щи, иногда каша и 400 г черного хлеба; полдник (в 4 часа) включал сладкий чай и 200 г черного хлеба, а ужин – кашу и вновь 200 г черного хлеба [2. Д. 539. Л. 48]. Следует заметить, что при заметной скудности и отсутствии разнообразия, данное меню было лучшим среди детдомов республики, так как при детгородке имелся земельный участок площадью 7 десятин (7,6 га), огород в 4800 кв. саженей (2,2 га) и сады в 900 кв. саженей (0,4 га) [2. Д. 539. Л. 49], с которого в 1928/1929 учебном году было собрано 400 т картофеля, 160 кг лука, 3 т огурцов, 320 кг помидоров, 320 кг моркови, 1,9 т свек-

лы, 2,7 т капусты, 168 кг тыквы [2. Д. 544. Л. 6]. Помимо этого при детском городке содержались как «живой инвентарь» лошадь с жеребенком, корова, 3 овцы, 5 свиной-маток, 4 гусыни, 30 кур [2. Д. 544. Л. 6]. Подобное подсобное хозяйство в 1928 г. принесло детгородку 3089 руб., что совместно с продажами изделий мастерских составило 9865 руб. [2. Д. 544. Л. 6].

Бюджет также пополнялся за счет деятельности пионерского клуба и драмкружка. Необходимо отметить, что при детском городке был открыт единственный в городе Цивильск киноклуб, который посещали жители всего уезда, а позже и района. Воспитанники детдома самостоятельно проводили работу по организации кинопоказов, приёму киноплёнки и продаже билетов. По состоянию на 1928/1929 учебный год, средний кассовый сбор с картины составлял 35 руб., с которого клубу отчислялось 10% за аренду и обслуживание помещения [2. Д. 544. Л. 7].

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о постепенном переходе Цивильского детгородка на самообеспечение уже спустя 3 года его существования. Разумеется, нельзя говорить о самодостаточности этого учреждения, несмотря на внушительную сумму годового дохода, покрыть все необходимые расходы пока не представлялось возможным. Тем не менее подобного самообеспечения не существовало ни в одном детском доме Чувашской АССР, что говорит о его передовом опыте, лидирующем положении.

Формально, Цивильский детский городок имени В.И. Ленина просуществовал с 1925 г. по 1931 г. 23 августа 1931 г. он был реорганизован в интернат-ШКМ (школу крестьянской молодежи) с охватом детей в возрасте от 8 до 16 лет с 7-летним обязательным обучением [2. Д. 714. Л. 74]. Благодаря реорганизации, детгородок получил дополнительно 2 га пахотной земли и 15 га луговых угодий [2. Д. 714. Л. 75]. Статус ШКМ позволял интегрировать работу интерната в общеобразовательную школу, что позволяло воспитанникам проще социализироваться и находить общий язык с другими детьми. Школьники также привлекались к трудовой деятельности на участках и в мастерских интерната, что являлось прямым последствием провозглашения принципов единой трудовой школы.

Вместе с тем вторая половина 1920-х гг. и начало 1930-х гг. прошла под знаком усиленной борьбы с беспризорностью. Цивильский детгородок стал домом для более чем 200 детей, предоставил бывшим беспризорникам не только кров и пищу, но и право получать образование и трудовые навыки. Благодаря производственному обучению выпускники детгородка свободно могли поступать на дальнейшее обучение в техникумы, на работу в заводские цеха и иное производство.

В то же время наметился явный дисбаланс между данным учреждением и другими детскими домами в республике. В куда более худшем положении находился Ядринский детдом с его тесными помещениями и выбитыми стеклами, постоянным дефицитом одежды для детей (отсутствие теплой обуви, носков, портянок, чулок, варежек) [2. Д. 714. Л. 78]; а также Норваш-Шигалинский, о существовании которого вообще не знали районные организации и работа которого поддерживалась лишь местным колхозом [2. Д. 714. Л. 85].

Цивильский детский городок действительно можно назвать неформальным центром среди прочих детдомов республики. Основные причины такой ситуации: частичная самодостаточность, налаженная педагогическая и трудовая работа, наилучшие условия жизни его воспитанников среди прочих детских домов. Он являлся характерным учреждением опеки своего времени, четко отвечавшим на все нововведения в области борьбы с беспризорностью и трудового обучения молодежи. Однако деятельность указанного детского городка, как показывают источники, скорее не правило, а исключение из общей картины сети детдомов в

1920 – 1930-е гг. Требуется дальнейшее исследование проблемы, систематизация и сравнение различных типов школ и интернатов, с указанием принципиальных отличий в их образовательной и воспитательной деятельности. Подобная работа будет полезна для более целостного понимания политики советской власти в сфере борьбы с беспризорностью несовершеннолетних.

Литература

1. ГИА ЧР. Ф. Р-151. Оп. 3. Д. 191.
2. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1.
3. *Минеева Е.К.* Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920 – 1930-е гг.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 594 с.
4. Народное образование в СССР: общеобразовательная школа: сб. док.: 1917 – 1973 / сост. А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. 560 с.
5. *Нечаева А.М.* Правовая охрана детства в СССР. М.: Наука, 1987. 110 с.
6. *Славко А.А.* Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М.: ИНИОН, 2005. 176 с.
7. *Тимофеев В.Г.* На страже правопорядка: становление, развитие и деятельность органов милиции Чувашии в предвоенные годы (1917 – 1941). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. 448 с.
8. *Трофимов А.Т.* Народное образование в Чувашии за 15 лет. Чебоксары, 1935. 52 с.

ДМИТРИЕВ АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – аспирант кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Чебоксары (andrey.d.meat@mail.ru).

DMITRIEV ANDREY – post-graduate student of Russian History Chair named after A.V. Arsenteyeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

МИНЕЕВА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Чебоксары (mineevaek21@mail.ru).

MINEEVA ELENA – doctor of historical sciences, professor of Russian History Chair named after A.V. Arsenteyeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 93/94

ББК 63.3

Б.Н. ЕРОФЕЕВ

ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЧУВАШИИ В НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ XX ВЕКА

Ключевые слова: регион, перестройка, история Чувашии XX – XXI вв., культура, творческая интеллигенция.

Изучена тема становления и развития творческой интеллигенции Чувашии в начале 90-х гг. XX в. Рассмотрены вопросы формирования музыкальной жизни, деятельности композиторов и исполнителей, писателей и поэтов, художников республики в постсоветский период. Статья написана на основе разнообразных источников и историографии проблемы.

B. EROFEEV

CREATIVE INTELLIGENTSIA OF CHUVASHIA IN THE EARLY 90s OF THE 20th CENTURY

Key words: region, restructuring, history of Chuvashia of the 20th – 21st centuries, culture, intellectuals.

The article is concerned with the development of the creative intelligentsia of Chuvashia in the early 90s of the 20th century. The topics of formation of musical life, activities of composers and performers, writers and poets, artists of the Republic in the post-Soviet era receive full coverage. The article is based on a variety of the sources and historiography of the problem.

90-е годы XX в. стали переходным этапом в становлении государственного устройства России, который отразился на всех сферах жизни общества. Так, в 1991 г. Чувашия становится президентской республикой. С этого времени начинается новый период ее развития. Чувашия – национальная республика,

где преобладает коренной этнос. Рассматривая демографическую ситуацию в период с конца 1989 г. до начала 2002 г., можно увидеть, что численность жителей республики сократилась с 1338,0 тыс. человек, постоянно проживающих на территории Чувашии, до 1313,9 тыс. Свыше двух трети всего населения неизменно составляла коренная нация (в 1989 г. – 67,8%, в 2002 г. – 67,7%) [6. С. 6–7]. При проведении переписи в Чувашской Республике в 2010 г. насчитывалось 1251,6 тыс. человек, из них 814,7 (67,7%) – чувашаи [24].

Чуваши бережно хранят ценности и достояния своего прошлого, которые создавались на протяжении всей их многовековой истории. Наследие народа нашло отражение в музыке, танцах и изобразительном искусстве. В то же время культурное развитие невозможно без творчески активных, профессиональных, грамотно мыслящих и креативно развивающихся людей, которых в обществе принято называть интеллигенцией.

Несмотря на то, что по истории формирования интеллигенции Чувашии написан ряд научных трудов, на сегодняшний день отсутствуют комплексные обобщающие работы, позволяющие всецело и объективно дать оценку противоречивому процессу становления творческой интеллигенции республики в обозначенный период. Актуальность темы исследования подтверждается еще и тем, что впервые в статье предпринята попытка рассмотреть деятельность, проанализировать проблемы, поиски и изменения в формировании творческой интеллигенции Чувашии в начале 90-х гг. XX столетия.

Вопросы возникновения и развития интеллигенции в России начали активно изучаться учеными с XIX в. Например, Р.В. Иванов-Разумник выделял два основных подхода при изучении интеллигенции: социально-экономический (профессиональная принадлежность) и социально-этический (на первый план выдвигается духовно-нравственная составляющая личности) [14. С. 8]. В этот период наряду с гуманитарной интеллигенцией, которая всегда являлась базовой составляющей умственной жизни общества, выросли кадры технической интеллигенции (инженеры, технологи, агрономы).

Следует учесть, что все сферы жизни общества в советские годы протекали в рамках идейно-политической доктрины и, как указывает А.В. Ушаков [32. С. 122], большинством исследователей, определяя интеллигенцию как людей, профессионально занимающихся умственным трудом и имеющих минимум образования, опирались на терминологию В.И. Ленина, который, в свою очередь, понимал данную категорию как особый социальный слой (класс), лишенный форм собственности, занимающийся умственным трудом и выполняющий определенные социально-профессиональные функции в обществе [19. С. 309].

В 60-е гг. XX в. Л.К. Ерман выделял три профессиональных слоя интеллигенции: занятую в сфере материального производства, работающую в области культуры и служащую в государственном аппарате, помещичьих хозяйствах [11. С. 8]. Важный вклад в развитие и изучение отечественного интеллигентоведения внес А.В. Квакин, высказавший в 1970-х гг. мысль о том, что интеллигенция не может быть не творческой: «Постоянное развитие, самосовершенствование, творческие поиски выделяют интеллигенцию из других социальных групп. Отказ от творчества и саморазвития приводит к потере интеллигентом своего основополагающего признака...» [16].

В настоящее время определение термина «интеллигенция» можно найти в различных справочниках и энциклопедиях: интеллигенция (от лат. *intelligens* – понимающий, мыслящий, разумный) – общественный слой людей, профессионально занятых умственным, по преимуществу сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры (работники науки и искусства, юристы, учителя, инженеры, врачи, журналисты и др.) [7. С. 270].

Если еще в начале XIX в. понятие «интеллигенция» ассоциировалось с определенной профессиональной деятельностью человека, то уже с XX в. данная дефиниция стала включать в себя более емкостную терминологию, вбирающую и нравственные характеристики. Определяя для себя окончательный вариант данного понятия, хотелось бы остановиться на комплексном междисциплинарном подходе В.С. Меметова: «Интеллигенция должна определяться как по социально-профессиональным чертам и свойствам, так и по духовноинтеллектуальным качествам... Это особая социокультурная общность, профессионально выполняющая функции субъекта духовной жизни и духовного производства, что и составляет ее сущностный критерий» [22. С. 11].

Рассматривая же термин «творческая интеллигенция», следует подчеркнуть, что большинство исследователей закономерно отождествляют его с понятием «художественной интеллигенции», т.е. социально-профессиональной группой людей квалифицированного умственного труда, профессионально занятых созданием художественных ценностей (литераторы, архитекторы, композиторы, художники, кинематографисты, артисты, режиссеры, журналисты, творческие работники средств массовой информации и т.д.) [30. С. 215].

Например, профессор В.В. Тепикин (один из основоположников и ведущих специалистов в области интеллигентоведения) указывает на обязательное наличие художественной интеллигенции на базе всех социальных слоев и наций, ее участие в сохранении, изучении, создании и распространении духовных ценностей. «Дефиницию “художественная интеллигенция”» я характеризую как социально-профессиональную группу людей, занимающихся художественно-образным творчеством, которое базируется на природном таланте, интуиции и освоенном в процессе жизни индивида интеллектуальном (прежде всего профессиональном) опыте» [31]. При этом ученый выделяет две группы художественной интеллигенции: представители свободных профессий и штатные работники организаций.

Можно прийти к выводу, что понятия «творческая» и «художественная» интеллигенция, при условии рассмотрения их в рамках интеллигентоведения, являются тождественными. Рассматривая же внутривидовые группировки, мы будем придерживаться более традиционного подхода и выделим литераторов (писателей, поэтов, журналистов), художников (архитекторов, скульпторов, дизайнеров), музыкантов, театральных деятелей и кинематографистов.

На современном постсоветском этапе историками Чувашии создано немало интересных и глубоких исследований, раскрывающих слабоизученные грани истории интеллигенции нашего края. Так, процесс формирования и деятельности творческой интеллигенции Чувашии нашел значительное отражение в научной литературе. В историографии данной проблемы нами были выделены ключевые темы, освещающие отдельные страницы истории чувашской интеллигенции: 1) переломный этап духовного развития и культурного строительства интеллигенции России конца XX и начала XXI вв. (А.М. Иванов [13], А.Н. Радиченко [25] и др.); 2) социальная и культурная обстановка в Чувашии в начале 90-х гг. XX в. (Т.С. Сергеев [27], И. Мишин [22] и др.); 3) история интеллигенции Чувашской Республики (Г.А. Александров [4], Е.В. Агаева и Т.С. Сергеев [3] и др.); 4) творческая интеллигенция Чувашии в период модернизации российского государства (А.П. Хузангай [34], Т.С. Сергеев и А.Н. Радиченко [28] и др.); 5) писатели и поэты Чувашии, издательская деятельность в республике в конце XX в. (Л. Ялгир [20], В.П. Комиссаров и А.И. Михайлов [12] и др.); 6) художники и архитекторы в процессе общественных изменений 90-х гг. XX в. (А.Н. Автономова [2], Г.И. Федоров [33] и др.); 7) деятельность композиторов и исполнителей, развитие театрального творчества Чувашии в 1990-е гг. (С.П. Ильин и Н.А. Зимин

[5], М.Г. Кондратьев [17] и др.); 8) публикации о выдающихся людях Чувашии (Н.И. Володина [9], А.А. Кондратьев [29] и др.); 9) автобиографические очерки и воспоминания современников – деятелей искусства (Л. Кутьина [18] и др.).

Конец XX в. оказался непростым временем для чувашского книгоиздания. С 1987 г. Чувашское книжное издательство начало работать в новых условиях хозяйствования. Тиражи чувашских книг упали до 4–5 тыс. экз. Для насыщения книжного рынка национальной литературой в местах компактного проживания чувашей за пределами республики в издательстве был создан специальный координационный отдел. В Чебоксарах открылся специализированный магазин «Чувашская книга» [15. С. 324]. Данные факты являются яркими примерами того, как в начале 1990-х гг. книга превратилась в коммерческий продукт. В результате с прилавков практически исчезла национальная литература. Рынок был заполнен продукцией, не отвечающей критериям «познавательного» чтения.

Следствием принятия в 1990 г. Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» явилось появление условий для более свободного высказывания мнений журналистов и открытия новых изданий. Если к концу 1980-х гг. в республике выпускалось 60 газет (причем все они, за исключением республиканских, с экономической точки зрения были убыточными), то в 1994 г. издавалось 27 районных и городских, 5 республиканских газет и 5 журналов, а в 2003 г. – 27 районных и городских, 23 республиканских газеты и 9 республиканских журналов. Печать Чувашии в условиях расширения информационного пространства и конкуренции со стороны других средств массовой информации стала переходить к изданию газет и журналов малыми тиражами, что привело к сокращению общего тиража республиканских и местных газет [15. С. 382–383]. Так, повышение самостоятельности советских организаций, отмена цензуры и либерализация средств массовой информации привели к количественному увеличению периодической печати.

У писателей республики перестройка нашла активный отклик. Многие из них считали своим долгом отразить в своих произведениях переход к новым принципам экономики, внедрение эффективных форм управления, а также осветить место и роль в этих процессах человека как руководителя, так и простого труженика. Такие авторы, как В.С. Алендей, Д.В. Гордеев, А.В. Емельянов, В.Г. Енеш, Г.Н. Желтухин, Г.В. Краснов, И.И. Лисаев, Н.Н. Максимов, В.П. Петров, В.И. Эндип и др., стремились не только рассмотреть экономические и социальные процессы, но и раскрыть внутренний мир своих героев, дать их психологический анализ [15. С. 302].

Интенсивно на рубеже XX – XXI вв. развивалось чувашское изобразительное искусство. А.Н. Автономова отмечает: «В чувашской живописи наряду с реализмом появились символическая и авангардная тенденции, предполагающие безусловное стремление к новизне, открытости чувств и мыслей, раскованности, свободе художественного языка, обращению к различным историческим темам» [1. С. 25–26]. Свидетельством являются успехи О. Ксенофонтова (декоративная ваза «Памяти Миттова»), В. Зотикова (скульптурная композиция «Прометей»). В станковых формах искусства преуспели в разработке «чувашской темы» В. Агеев, К. Владимиров, Н. Енилин, С. Кадикин, Ф. Мадуров, Ю. Матросов, С. Михайлов, В. Петров, А. Розов [8. С. 65–67]. Глубокий смысл творений этих мастеров неразрывно связан с древней историей родного народа, его миропониманием и философией, богами, мифами и легендами, а также с сохранившимися до наших дней традициями.

Показателем успехов, достигнутых мастерами, являлись художественные выставки, посвященные, например, 150-летию со дня рождения выдающегося просветителя чувашского народа И. Яковлева (1998), 100-летию поэта-трибуна М. Сеспеля (1999), 55-летию Великой Победы (2000). Значительными собы-

тиями в художественной жизни стали выставки произведений П. Кипарисова и Н. Овчинникова (1998), Р. Терюкаловой, К. Владимирова и Н. Енилина (1999), Н. Карачарскова, академика Р. Федорова и В. Бритвина (2000) [23. С. 7–8]. Указанные мероприятия характеризуют с положительной стороны творческую деятельность живописцев, графиков, скульпторов, мастеров декоративно-прикладного искусства республики и свидетельствуют о слаженной работе их профессиональных союзов с Министерством культуры и межнациональных отношений Чувашской Республики и выполнении одной из основных функций – сохранения имеющихся, развития и распространения культурных ценностей.

Необычен опыт работы творческих бригад художников, которые начали образовываться в Чувашии еще с 1970-х гг. Например, творческая бригада художников «Ибресионисты», сформированная в 1992 г., (в которую входили М.Ф. Харитонов, В.С. Семёнов, А.А. Самарин, П.М. Меркурьев, Н.В. Федоров, Н.И. Панасюк, Ю.В. Викторов под руководством В.Л. Немцова) выполняла виды с пейзажами посёлка Ибреси, написала портреты знатных ибресинцев – ветеранов войны и труда. Эти произведения, а также творения В.И. Агеева, Г.А. Алексеева, В.И. Белова, А.И. Брындина, В.А. Зотикова, Н.П. Карачарскова, В.А. Леонтьева, П.В. Сизова, В.В. Федорова, В.С. Шведова, Э.М. Юрьева и других авторов в 1993 г. были представлены на юбилейной выставке в Ибресинской картинной галерее [35. С. 195]. При этом вызывает интерес не только идея создания подобных объединений, но и их цель, а также результаты совместной творческой деятельности – а это создание огромного количества произведений, посвященных жизни чувашского народа.

В конце XX столетия в творчестве мастеров изобразительного искусства республики прослеживается смена историко-революционной темы новой – историко-философской. Наряду с камерными портретами появляются парадный и групповой. Художники все больше увлечены созданием национальных образов. Набирает развитие исторический пейзаж.

Значительными объектами творческой деятельности архитекторов данного периода являются: здание Чувашсоцбанка, расположенного по бульвару Купца Ефремова г. Чебоксары (1994 г., архитектор А.Л. Ибрагимов), реконструкция Свято-Троицкого мужского монастыря (1996 г., архитекторы А.А. Исаев, А.Г. Мефодьев, А.П. Скворцов), административное здание регионального филиала Агропромбанка (1996 г., архитекторы И.Л. Аристова, Т.В. Ижанова, инженер О.П. Давидович), «Дорога к храму» – транспортно-пешеходная дамба, соединяющая историческое ядро города с современным центром (1996 г., авторский коллектив под руководством С.П. Лукиянова), жилой дом в юго-западном районе г. Чебоксары (1999, архитектор В.В. Цыпленков, инженеры Н.И. Сусарин, С.В. Муращенко), соборная площадь в г. Новочебоксарск (2000 г., архитектор Н.А. Рожков) [26]. Архитекторы республики в конце XX – начале XXI вв. в своем творчестве обращаются к этническим корням, о чем свидетельствует возрождение исторических зон в Чебоксарах, Алатыре, Мариинском Посаде и Цивильске. Развитие архитектуры также связано с расширением типологии проектирования, т.е. возникновением новых архитектурных объектов: офисов, банков, культурных зданий, особняков, и характеризуется использованием существующего фонда застройки.

Во второй половине 1980 – начале 1990-х гг. центральное место в музыкальной культуре Чувашской Республики занимали деятельность профессиональных композиторов, исполнителей и самодеятельное творчество. В 1990-е гг. стремительное развитие получил жанр национальной поп-музыки. Это направление приобрело двоякую оценку, поскольку, с одной стороны, одобрялось обществом, а с другой – вызывало негативные оценки со стороны профессиональных музыкантов.

Успешно развивалось песенно-хоровое творчество чувашских композиторов. В этой сфере сочиняли Ф.М. Лукин и А.Г. Орлов-Шузьм, Ф.С. Васильев. Значительный вклад в развитие хоровой музыки принадлежит А.Г. Васильеву (сюита «Тăри» и Концерт «Сĕлен эрни»). Начало чувашской эстрадной музыки связано с деятельностью Н.Н. Казакова, являющегося автором и зачастую исполнителем собственных песен. Развитие в композиторском творчестве получил кантатно-ораториальный жанр («Октябре мухтав» А.Г. Васильева, «Октябрь, революция, Ленин» Т.И. Фандеева). В симфоническом жанре создаются «Торжественная увертюра» А.Г. Васильева, «Торжественная увертюра» В.А. Ходяшева, «Концерт для трубы с оркестром» Т.И. Фандеева, «Концерт-рапсодия» А.В. Асламаса, «Концерт для струнных и ударных», «Концерт для валторны с оркестром» Ю.П. Григорьева, «Симфонietta» В.Г. Салиховой. В камерных жанрах интересными были работы молодых композиторов – Л.Л. Быренковой, А.Н. Лоцевой, В.Г. Саховой [15. С. 305]. В 1990-е гг. национальное направление оставалось приоритетным в творчестве композиторов республики. Рассматривая становление творческого пути музыкальных исполнителей, следует отметить, что их созидательная деятельность в большей степени не была направлена на поддержку местных произведений.

Важное значение в развитии музыкального творчества Чувашии имели межрегиональные и международные контакты. Так, в ноябре 1990 г. в Чебоксарах состоялся IX фестиваль творчества композиторов автономных республик Поволжья и Приуралья, в работе которого участвовали представители Марийской и Мордовской республик, Татарстана, Удмуртии и Чувашии [15. С. 306]. В Государственном историческом архиве Чувашской Республики сохранилась справка о гастрольных поездках эстрадно-фольклорного ансамбля «Савал» за 1994 г., в которой отмечено, что артисты ансамбля с большим успехом выступали в Польше, а также заслужили самую высокую оценку жюри и завоевали диплом на X Международном фольклорном фестивале, проходившем в г. Завоя [10. Д. 297. Л. 13]. В 1990-е гг. республика обогатилась значимыми фестивалями, ставшими визитной карточкой культуры Чувашии, среди которых – традиционно проводившийся ежегодный международный оперный фестиваль имени народного артиста СССР М.Д. Михайлова, в котором принимали участие солисты из Австрии, Великобритании, Германии, Испании, Китая, Франции, Эстонии, Японии и др. Благодаря подобным мероприятиям жители и профессиональные музыканты республики получили возможность ближе познакомиться с творчеством деятелей культуры и исполнительскими коллективами России и зарубежья, а также позволили музыкальному искусству Чувашии выйти на новый уровень развития.

Так, в 1990-е гг. в музыкальной жизни республики проявились определенные трудности, в частности в композиторском искусстве, связанные в большей степени с нехваткой или отсутствием исполнителей, которые могли бы претворить в жизнь их произведения. В то же время складывались и новые жанры – поп-музыка.

Исследование показало, что на рубеже XX – XXI вв. произошли качественные изменения в сфере культуры, обусловленные социально-экономическими изменениями общества. Культурное развитие невозможно без творческих, профессиональных людей, т.е. представителей интеллигенции, поэтому в данной статье мы постарались рассмотреть творческую активность, специфику работы и результаты интеллектуального труда писателей, издателей, композиторов и музыкантов, художников и архитекторов Чувашии в 90-е гг. XX столетия. Таким образом, в 1990-е гг. история Чувашии приобрела новый вектор в культурном пространстве России. Представители творческой интеллигенции республики

стали известны и востребованы не только на Родине, но и за рубежом. Культурное развитие Чувашской Республики имеет богатое наследие, активно развивается в современном мире и накапливает опыт для последующих поколений.

Литература

1. *Автономова А.Н.* Историческая живопись в республиках Среднего Поволжья (Чувашия, Татарстан, Марий Эл) в XX веке: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011. 30 с.
2. *Автономова А.Н.* Тенденции развития исторической живописи в изобразительном искусстве республик Среднего Поволжья (Чувашия, Татарстан, Марий Эл) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2011. № 1. С. 3–7.
3. *Агаева Е.В., Сергеев Т.С.* Художественная интеллигенция Чувашии в 1920 – 1991 гг. / Чуваш. гос. пед. ун-т. Чебоксары, 2005. 205 с.
4. *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. Чебоксары: [Б.и.], 2003. 214 с.
5. Ассоциации композиторов Чувашской Республики / сост. С.П. Ильин, Н.А. Зимин. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. 164 с.
6. *Бойко И.И., Марков Ю.К., Харитонов В.Г.* Перепись 2002 года в Чувашской Республике: организация, этническая идентичность, родной язык. Чебоксары: [Б.и.], 2006. 68 с.
7. Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. 2-е изд. М.: Большая советская энциклопедия, 1955. Т. 18. 630 с.
8. *Викторов Ю.В.* Чувашское изобразительное искусство в 1994 г. (Обзор) // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Вып. 2. С. 65–89.
9. Выдающиеся люди Чувашии: в 4 т. / под ред. Н.И. Володиной. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2002. Т. 1. 239 с.
10. Государственный исторический архив Чувашской Республики Ф. 1604. Оп. 2.
11. *Ерман Л.К.* Интеллигенция в первой русской революции. М.: Наука, 1966. 374 с.
12. Журналисты Чувашии: сб. ст. и очерков / сост. В.П. Комиссаров, А.И. Михайлов / ЧГИГН. Чебоксары, 2005. 207 с.
13. *Иванов А.М.* Духовность российской интеллигенции: (история и современность). Чебоксары: Изд. В.С. Шипилевский, 2006. 152 с.
14. *Иванов-Разумник Р.В.* Об интеллигенции. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1910. 220 с.
15. История Чувашии новейшего времени: в 2 кн. / ред. кол.: И.И. Бойко и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 324.
16. *Квакин А.В.* Современные подходы к изучению истории интеллигенции России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vvakin.ru/Documents/podhod.doc> (дата обращения: 19.11.2013).
17. *Кондратьев М.Г.* О периодизации чувашской музыки // Чувашское искусство / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Вып. 2. С. 3–11.
18. *Кутьина Л.* Писатель с душой художника [о писателе публицисте Валентине Прокофьевиче Буриневском] // Почтовый экспресс. 2010. № 49. С. 2.
19. *Ленин В.И.* Шаг вперед, два шага назад // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1967. Т. 8. 666 с.
20. Литературный мир Чувашии / сост. Л. Ялгир. Чебоксары: Чувашия, 2005. 160 с.
21. *Меметов В.С.* О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 7–26.
22. *Мишин И.* Интеллигенция и власть // Лик. 2010. № 2. С. 67–90.
23. Национальная академия наук и искусств Чувашской Республики / под ред. И.С. Илларионова / НАНИ ЧР. Чебоксары, 2002. 368 с.
24. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Чувашской Республике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edu.chr.ru> (дата обращения: 19.12.2013).
25. *Радиченко А.Н.* Интеллигенция в гражданском обществе современной и будущей России // Ученые записки. 2006. Т. 10. С. 60–63.
26. *Рахимов Р.К.* Фестиваль «Зодчество» [Электронный ресурс] // Чувашская энциклопедия: сайт. URL: <http://enc.chr.ru/?t=publ&lnk=5002> (дата обращения: 10.12.2013).
27. *Сергеев Т.С.* Культура Чувашии: (1917 – 1990): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Свердловск, 1991. 31 с.
28. *Сергеев Т.С., Радиченко А.Н.* История интеллигенции Чувашии в современных исследованиях // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2007. № 4. С. 129–135.
29. Сердцу близкие имена: краеведческий сборник / сост. А.А. Кондратьев. Уфа: Изд-во УГНТУ, 1996. 234 с.
30. Советская интеллигенция: словарь-справочник / под ред. Л.В. Ивановой. М.: Политиздат, 1987. 221 с.
31. *Тепикин В.В.* Некоторые актуальные проблемы исследования художественной интеллигенции [Электронный ресурс]. URL: http://www.samlib/ttepikin_w_w (дата обращения: 19.11.2013).

32. Ушаков А.В. Вопросы состава дореволюционной российской интеллигенции в отечественной историографии // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: тез. докл. VI межгос. науч.-теор. конф. Иваново: [Б.и.], 1995. Т. 1. С. 120–126.

33. Федоров Г.И. О национальном своеобразии чувашской литературы (некоторые аспекты) // Проблемы национального в развитии чувашского народа: сб. ст. / ЧГИГН. Чебоксары, 1999. С. 173–188.

34. Хузангай А. Культура как информация наивысшего качества: Чувашская интеллигенция ныне и прежде // Республика. 2002. № 29–30. С. 4.

35. Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 4. 494 с.

ЕРОФЕЕВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ – аспирант кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (bores21@mail.ru).

EROFEEV BORIS – post-graduate student of Russian History Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 339.9(09)(470.344-22)«1991/2013»

ББК ГЗ(2Рос.Чув.)64-62

А.М. КИРИЛЛОВА, О.Н. ШИРОКОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЧУВАШИИ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКОВ

Ключевые слова: развитие экономических отношений с зарубежными партнерами, участие в международных организациях и конференциях, сельский туризм и историко-культурное взаимодействие.

Расширение международных связей является важным фактором развития региона, источником ее экономического развития и доступа региональных компаний к зарубежным технологиям и финансовым ресурсам. В течение последних лет Чувашия остается надежным партнером для взаимовыгодного сотрудничества с зарубежными государствами. Важным институциональным изменением в современной истории региона стало формирование института торгово-экономических представителей Чувашской Республики в регионах Российской Федерации. На сегодняшний день Чувашская Республика сотрудничает в торгово-экономической сфере с 75 странами мира, работает по договорным отношениям с 38 субъектами Российской Федерации.

A. KIRILLOVA, O. SHIROKOV

INTERNATIONAL RELATIONS OF RURAL SETTLEMENTS OF CHUVASHIA AT THE TURN OF THE XX – XXI CENTURIES

Key words: development of economic relations with foreign partners, participation in international organizations and conferences, rural tourism and historical and cultural interaction.

The expansion of international relations is an important factor of region development, a source of its economic development and an access of regional companies to foreign technologies and financial resources. For the last years the Chuvash Republic has still been a reliable partner for the mutually beneficial co-operation with foreign states. The formation of the institute of trade and economic representatives of the Chuvash Republic in the regions of the Russian Federation has become an important institutional modification in the modern region history. Today, the Chuvash Republic co-operates with 75 countries of the world in trade and economic sphere, has contractual relations with 38 constituents of the Russian Federation.

Расширение международных связей является важным фактором развития региона, источником ее экономического развития и доступа региональных компаний к зарубежным технологиям и финансовым ресурсам. В течение последних лет Чувашия остается надежным партнером для взаимовыгодного сотрудничества с зарубежными государствами. Современная Чувашия активно встраивается в общую архитектуру межрегиональных и международных связей. Так, к примеру, начиная с 1993 г., органами государственной власти республики было подписано 7 Договоров, 90 Соглашений в различных областях, 22 Протокола по реализации Соглашений и Договоров с 79 субъектами Российской Федерации. Развитие межрегионального сотрудничества способствует развитию торгово-экономического, научно-технического, социально-культурного взаимодействия с регионами России, а также поиску зарубежных партне-

ров. За последние двадцать лет на 200–300% увеличился товарооборот со многими регионами России и странами дальнего и ближнего зарубежья.

Цель данной статьи заключается в анализе разнообразных международных связей сельского комплекса Чувашии за период 1993 – 2013 гг. В понятие комплекса авторы включают развитие экономических отношений с зарубежными партнерами, участие в международных организациях и конференциях, сельский туризм и историко-культурное взаимодействие.

В качестве источниковой базы были использованы официальные материалы органов власти Чувашской Республики и Российской Федерации, программы развития села, текущие архивы Чебоксарского речного порта, Чувашского Республиканского сельскохозяйственного потребительского кредитного кооператива «Согласие», Чувашского таможенного поста Нижегородской таможни, официальные электронные ресурсы органов сельских поселений, информационного агентства REGNUM, местные газеты и информационные выпуски.

Важным институциональным изменением в современной истории региона стало формирование института торгово-экономических представителей Чувашской Республики в регионах Российской Федерации. Так, например, создание Представительства Чувашской Республики в Республике Башкортостан позволило активизировать прямое сотрудничество предприятий двух регионов, а назначение торгово-экономических представителей в Санкт-Петербурге, Тюменской, Свердловской областях и Красноярском крае способствует укреплению взаимовыгодных отношений с ведущими и перспективными регионами [11]. Следует отметить, что опыт развития института торгово-экономических представителей превратился в основу становления современных международных контактов Чувашии.

На сегодняшний день Чувашская Республика сотрудничает в торгово-экономической сфере с 75 странами мира, работает по договорным отношениям с 38 субъектами Российской Федерации в рамках 44 межправительственных соглашений (договоров) и 16 документов международного характера [11]. Стабильная социально-политическая обстановка в республике и сохранение потенциала для роста производства ведущих отраслей экономики способствуют расширению спектра внешнеэкономических связей Чувашии с регионами Российской Федерации, государствами дальнего и ближнего зарубежья. Крупнейшие торговые партнеры по экспорту (2012 г.): Украина (30,07% от стоимостного объема экспорта), Куба (18,69%), Литва (8,53%), Италия (6,46%), Кипр (4,62%); по импорту: Китай (29,15%), Швейцария (11,98%), Италия (10,50%), Германия (10,38%), Бельгия (6,96%) [12].

Ярким показателем выхода Чувашии из кризисного этапа 2009 – 2010 гг. является статистика Приволжского таможенного управления за 2011 г. Внешнеторговый оборот республики достиг 700 млн долл., а по сравнению с таковым в 2010 г. увеличился в 2,5 раза. При этом в структуре внешнеэкономических показателей преобладает импорт (около 565 млн долл.), т.е. фактом становится внушительное отрицательное сальдо (435 млн долл.) [12]. Важным фактором роста показателей внешнеэкономической деятельности Чувашии в 2011 – 2012 гг. стал новый инструментарий методов государственной и негосударственной поддержки международных связей. В 2011 г. заработали Центр экспортной поддержки (ЦЭП) Чувашской Республики и Корпорация развития Чувашской Республики. Существенным фактором привлекательности рынка региона следует признать долгосрочный кредитный рейтинг Чувашии рейтингового агентства Moody's Interfax по национальной шкале Aa2.ru (очень высокая кредитоспособность по отношению к другим российским эмитентам) и по международной шкале Ba2 (стабильный кредитный рейтинг). Эксперты отмечают расширение нало-

гового потенциала, экономический рост, высокое качество финансового управления, открытость и прозрачность бюджета Чувашской Республики [8].

Международные инвестиционные проекты Чувашии, направленные на удовлетворение потребностей российского и иностранного рынка, реализуются в химическом производстве, производстве пищевых продуктов, производстве прочих неметаллических минеральных продуктов и жилищном строительстве. Например, в настоящее время реализуется соглашение между ООО «Хевел» и ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» и осуществляется подготовка специалистов для производства солнечных модулей; ведется строительство завода по переработке молока в г. Ядрин [1], комбикормового завода в г. Алатырь [4], ООО АФ «Путь Ильича» животноводческого комплекса в Моргаушском районе [11].

В 2005 г. Кабинетом министров была утверждена Республиканская целевая программа «Государственное стимулирование развития внешнеэкономической и инвестиционной деятельности в Чувашской Республике на 2005 – 2010 годы» [4]. Первым шагом ее реализации стал поиск иностранных спонсоров, в результате уже в 2005 г. определился крупнейший зарубежный инвестор в сельском комплексе Чувашии: дочерняя фирма Roslysine the Netherlands BV люксембургской компании Solid Bridge SA, ставшая основным участником финансирования проекта «Создания биотехнологических производств на территории Чувашской Республики» (проект «БиоПарк»). В том же году в дер. Дубовка Шумерлинского района состоялось официальное заложение капсулы проекта со сроком реализации в 2006 – 2012 гг. при общей оценочной стоимости в 5,5 млрд руб. С 2008 г. заработал «БиоПарк» по производству лизина и белковых добавок [2]. В этой связи можно согласиться с мнением международного эксперта Н.А. Ненилиной, что Чувашская Республика обладает неплохим экспортным потенциалом в сфере экологически чистых продуктов сельскохозяйственного производства [3].

Наиболее развитой сферой международного сотрудничества чувашского села по праву признается развитие малых форм хозяйствования в АПК. Первым Президентом Чувашии Н.В. Федоровым была поставлена приоритетная задача создать в каждом сельском поселении сельскохозяйственный кооператив. На начало второго десятилетия XXI в. их количество приблизилось к 140 (из них перерабатывающих – более 40, снабженческих, обслуживающих, сбытовых – около 100). Начиная с возникновения Чувашского республиканского сельскохозяйственного потребительского кредитного кооператива «Согласие» в 1998 г. в республике реализуется крупный инновационный проект. Еще в 2002 г. в рамках реализации российско-американской программы финансовой поддержки сельской кредитной кооперации был подписан Договор о сотрудничестве между Фондом развития сельской кредитной кооперации (ФРСКК) и ЧРСПКК «Согласие».

2006 год стал историческим прорывом для реализации потенциала ЧРСПКК «Согласие», когда в рамках приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» было создано 23 сельскохозяйственных потребительских кредитных кооперативов первого уровня из 39, по данным на докризисный период. Весомым инструментом привлечения зарубежного капитала в чувашские кооперативы выступает Фонд финансовой взаимопомощи. В первое десятилетие XXI в. его пополняли Германский фонд поддержки малого предпринимательства (Фонд ГЕРФО), Филиал некоммерческой корпорации ACDI/VOCA (США) в Российской Федерации, Германский кооперативный союз Райффайзен, Германский фонд поддержки малого предпринимательства (Фонд ГЕРФО) и Фонд «Новая Евразия». К 2006 г. определилась пилотная площадка развития

кооперативного движения. При содействии ОАО страховой компании «Чувашия-Поддержка» и ЧРСПКК «Согласие» в Советском сельском поселении (Ядринский район) были основаны кооперативы: кредитный «Советское-Согласие», обслуживающий «Нива», снабженческо-сбытовой «Рябинка» и перерабатывающий «Дары природы». Созданная сеть кооперативов позволила оборудовать материально-техническую базу для реализации пилотных проектов кооперативного движения. Для координации деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов Чувашии в августе 2006 г. ЧРСПКК «Согласие» и Кооперативным союзом Швеции был создан Республиканский сельскохозяйственный потребительский обслуживающий кооператив второго уровня «Содействие». К концу первого десятилетия XXI в. ЧРСПКК «Согласие» входит в первую десятку рейтинга сельских кредитных кооперативов России. К 2008 г. в кооперативное движение оказалось втянуто более 6000 пайщиков. К 2008 г. докризисные показатели паевого капитала достигли 60 млн руб. К нему следует добавить еще три сельскохозяйственных потребительских кредитных кооператива первого уровня, такие как СПКК «Чебоксары-Согласие», СПКК «Аликово-Согласие» и СПКК «Красные Четаи-Согласие» с активами от 8 до 16 млн руб. [10]. Таким образом, после двух этапов развития (1-й – 1998 – 2006 г. и 2-й – 2006 – 2013 г.) сложилась полная конструкция системы двухуровневой кооперации Чувашии.

Свой вклад в развитие международных контактов сельских поселений Чувашии вносят этноэкологический и агротуристический комплексы республики. Экопоселения начинают постепенно расширять свое воздействие на отечественного и зарубежного потребителя. К наиболее узнаваемым на сегодняшний день можно отнести Верхнеачакский музей натурального хозяйства и музей «Человек и природа» (Б. Шемердянское поселение, д. В. Ачаки), Школу мастерства по лозоплетению при Тукасинском сельском клубе и Этнографический парк культуры и отдыха в деревне Лапракасы Хочашевского сельского поселения. Советское сельское поселение приступило с 2012 г. к восстановлению парка выдающегося этнографа и историка В.К. Магницкого. Максимальное финансирование удалось получить Ядринской районной администрации на Возрождение ретропарохода «Чайка» (судно братьев Таланцевых) для организации водных экскурсионных маршрутов по р. Сура (3 млн руб.) и реставрацию Алексеевской церкви под Музей православной культуры (5 млн руб.) [7]. Значительный потенциал экотуризма в нашей Республике содержит Национальный парк «Чăваш вăрманĕ», общей площадью 25 200 га [6]. Только за 2012 г. парк привлек 6000 посетителей экологической тропой «Тайны чувашского леса» и этно-экологической тропой «Приоткрывая двери старины».

Сельский туризм Чувашии получает льготное кредитование в рамках национального проекта «Развитие АПК». В сельских поселениях республики в первом десятилетии нового века стали появляться первые объекты агротуризма: оборудованные гостевые дома, появившиеся в Козловском, Мариинско-Посадском, Ибресинском, Ядринском, Канашском районах. Перспективная цель данного направления заключается в достижении основных показателей устойчивого развития и конкурентоспособности сельских поселений Чувашии, сохранении историко-культурного и природного наследия.

Основной поток туристов из России и зарубежных стран проходит через Чебоксарский речной порт, что свидетельствует о преобладании на территории нашей республики направления речного туризма. В начале второго десятилетия XXI в. Чувашию ежегодно посещают свыше 60 тыс. экскурсантов (2009 г. – 64 тыс., 2013 г. – 67 тыс.). Существенно вырос показатель численности круизных теплоходов, заходящих в Чебоксары и на «зеленые стоянки» Козловского и Мариинско-Посадского районов, если в 2006 г. их прибывало

268, в 2009 г. – уже 370 [9], несмотря на падение показателей в 2012 г., число заходов в порт держится на уровне 350–390. Существенно вырос показатель международного туризма в Чувашии. Если за 2009 г. республику посетили 670 иностранцев, то в 2012 г. их количество возросло до 2200, а в 2013 г. достигло 3000. За 3 года Чувашия привлекла на 350% больше иностранцев в сравнении с первым десятилетием XXI в.

Преобладание круизного формата путешествий через чувашский отрезок реки Волги дал импульс к росту туристской инфраструктуры Козловского и Мариинско-Посадского районов, где организуются круизные «зеленые стоянки» после выхода теплоходов из Чебоксарского речного порта. По данным на 2012 г., только г. Мариинский Посад (18 июня 1856 г. Указом императора Александра II, в честь супруги императора Марии Александровны, село Сундырь было переименовано в город Мариинский Посад) и Мариинско-Посадский район посетило 62 тыс. экскурсантов и туристов. Всемирную славу по праву приобрел «Мемориальный комплекс летчика-космонавта СССР А.Г. Николаева», находящийся в с. Шоршелы Шоршелского сельского поселения Мариинско-Посадского района. По данным на 2012 г., музей посетили около 50 тыс. человек, среди которых сотни зарубежных гостей и туристов.

Примером успешного и эффективного развития экотуризма в республике, безусловно, является уникальный экологический проект «Кушниковские шалаши» (Приволжское сельское поселение Мариинско-Посадского района), проповедующий крестьянский уклад жизни вольных волгарей. Семейный маршрут «Кушниковские шалаши» был удостоен золотой медали на Международном форуме «Сельский туризм в России», который прошел 6–9 июня 2012 г. на Алтае. За 2012 г. через экотуристические шалаши прошли около 300 человек. Всего по Мариинско-Посадскому району в 2012 г. действовало 7 экскурсионно-туристических маршрутов.

Крупными «зелеными стоянками» по волжскому круизному маршруту географически и исторически являются г. Козловка (основан в 1671 г.) и Козловский район. Пристань Козловки в 2012 г. приняла 63 туристских теплохода. Самым известным историческим местом города является Дом-музей известного русского математика с мировой славой Н.И. Лобачевского, в котором он жил в 1840 – 1855 гг. В 2012 г. музей посетило более 3 тыс. человек, в том числе иностранные гости.

Чебоксарский район обладает своими природными и историческими достоинствами. Здесь располагается известный в мире уголок – «маленький Китай». В п. Кугеси находится крупный центр притяжения российских и зарубежных экскурсантов и туристов – Музей «Бичурин и современность». По информации за 2012 г. музей посетило 6700 человек из 35 стран мира. Этот культурно-исторический объект позиционирует себя как единственный в мире музей, посвященный жизни и творчеству известного востоковеда, основателя отечественной синологии – Н.Я. Бичурину (1777 – 1853 гг.).

Еще одним оригинальным решением вопроса развития сельского туризма стало открытие на территории Синьяльского комплекса поселения в д. Мошкасы Чебоксарского района конно-туристического комплекса «Заимка», ставшего первым объектом агротуризма в Чувашии (2008 г. – начало строительства). С 2011 г. комплекс принимает экотуристов. Оригинальность построек (банные комплексы, отапливаемые конюшни, крытый конноспортивный манеж, гостиницы) и интерьера выражается в использовании русского этнического стиля.

Значительную роль в развитии агротуризма Чувашии играют сельские поселения Ибресинского района, где были найдены неординарные формы привлечения туристов. Самый яркий пример подает сельскохозяйственный производственный кооператив «Камаево поле», расположенный на месте историче-

ски известной территории (эти земли были пожалованы царем Иваном Грозным сотнику Камаю Хусеинову, чувашу по происхождению, за помощь во взятии Казани в 1552 г.). Это обстоятельство предопределило дальнейшую судьбу агротуризма района: создание уникальной инфраструктуры для проведения летних сельских конноспортивных турниров крестьянских коней – «Кони Камаева поля» и турниров сельских борцов по нетрадиционным видам борьбы. Уникальные состязания создали узнаваемый имидж за пределами Чувашии. Следует отметить очень значительный перспективный потенциал «Камаева поля» для привлечения российских и зарубежных экотуристов. Не случайно именно здесь – в с. Новое Чурашево Ибресинского района – в 2007 г. проходил Всероссийский семинар по сельскому туризму. Это событие привлекло дополнительное внимание к уникальному историческому месту, где на берегу озера появился современный объект экотуризма – «Глухариня роща».

В 2013 г. Чувашия вошла в первую десятку российских регионов по организации сельского туризма. Тем не менее удельный вес туризма в валовом региональном продукте республики составляет только 1%, что свидетельствует о слабой инфраструктуре, традиционно низком финансировании отрасли и недооценке потенциала развития туризма в целом в нашем регионе. Изменить такое положение призвана Программа развития туризма Чувашии в 2011 – 2016 гг., которая предусматривает выделение из средств федерального, республиканского, местных бюджетов и внебюджетных источников около 6,4 млрд руб., что может со временем принципиально изменить структуру экономики региона.

В XXI в. совершенствование экономики и социальной жизни путем развития интеллектуальных ресурсов и новых технологий, создания конкурентных товаров и их продвижения на российский и мировой рынки, интеграции в мировой культурный процесс, развитие экотуризма позволили определить оригинальную модель развития Чувашской Республики. Несмотря на трудные и острые социально-экономические конфликты 1990-х гг., экономика республики учится быть ответственной и самостоятельной. Чувашия научилась не просто выживать, но и стратегически развиваться. Войдя в XXI век, республика имеет запас прочности, сформированный в конце XX в. Регион привлекает инвестиции российских и международных партнеров, что усиливает его конкурентоспособность и привлекательность.

Литература

1. Знамя труда. 2013. 15 июня.
2. ИА REGNUM: офиц. сайт. URL: <http://www.regnum.ru> (дата обращения: 06.12.2008).
3. Ненилина И.А. Экспортный потенциал: Республика Чувашия // NIE Joutna. № 7. 2012.
4. О комплексном инвестиционном плане модернизации г. Алатыря до 2020 года: постановление Кабинета министров ЧР от 21.03.2011 № 92 (ред. от 30.04.2013 г.). Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
5. О республиканской целевой программе «Государственное стимулирование развития внешне-экономической и инвестиционной деятельности в Чувашской Республике на 2005 – 2011 годы»: постановление Кабинета министров ЧР от 17.01.2005 № 8 (ред. от 29.12.2009 г.). Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
6. О создании в Чувашской Республике национального парка «Чăваш вăрманĕ» федеральной службы лесного хозяйства России: постановление Правительства РФ от 20.06.1993 г. № 588 (ред. от 09.10.1995 г.). Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
7. Программа развития туризма Чувашии в 2011 – 2016 гг. [Электронный ресурс] // Чувашская Республика: офиц. портал органов власти. URL: http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=/196/28795/35262/35333/35361.
8. Рейтинговое агентство Moody's подтвердило рейтинг Чувашской Республики по международной шкале в иностранной валюте [Электронный ресурс] // Корпорации развития Чувашской Республики: офиц. сайт. URL: <http://develop-21.com/рейтинговое-агентство-moodys-подтвердило>.
9. Текущий архив Чебоксарского речного порта 2009 года.
10. Текущий архив Чувашского Республиканского сельскохозяйственного потребительского кредитного кооператива «Согласие» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chrspkk.ru>.

11. Чувашская Республика: офиц. портал органов власти Чувашской Республики. URL: <http://gov.cap.ru>.

12. Чувашский таможенный пост Нижегородской таможни: офиц. сайт. URL: http://gov.cap.ru/?gov_id=43.

КИРИЛЛОВА АЛЕНА МИХАЙЛОВНА – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (semenova.alena.m@mail.ru).

KIRILLOVA ALENA – senior teacher of Civil Law Disciplines Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ШИРОКОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, декан историко-географического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (425954@rambler.ru).

SHIROKOV OLEG – doctor of historical sciences, professor of Foreign Countries History and Culture Chair, dean of History and Geography Faculty, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 271.22-36(470.40/43)(091)“1920/1930”

ББК 86.372.24-362.1-021.504(235.544)

Ф.Н. КОЗЛОВ

**ЗАКРЫТИЕ ЦЕРКВЕЙ
КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ
В КОНЦЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ
(по материалам национальных республик Среднего Поволжья)**

Ключевые слова: Чувашия, Мордовия, Марийский край, советская власть, Русская православная церковь, коллективизация, закрытие церквей, антиколхозная агитация, бабьи бунты, «Головокружение от успехов».

Рассмотрены государственная конфессиональная политика рубежа 1920-х – 1930-х гг. и направления ее реализации в национальных регионах Среднего Поволжья. Основное внимание уделено практике закрытия церквей как элементу борьбы с Русской православной церковью. Анализируются применявшиеся формы и методы ликвидации религиозных организаций и закрытия культовых объектов, оцениваются достигнутые результаты и реакция населения на действия властей.

F. KOZLOV

**CLOSING OF CHURCHES AS AN ELEMENT OF THE STATE ANTIRELIGIOUS POLICY
IN THE LATE 1920s – THE EARLY 1930s
(on materials of the National Republics of Central Volga Region)**

Key words: Chuvashia, Mordovia, Mari Krai, Soviet power, Russian Orthodox Church, collectivization, closing of churches, anti-collective-farm propaganda, woman's revolts, «Dizziness».

In the article the state confessional policy of a boundary of the 1920s – 1930s and its realization in national regions of Central Volga Area is considered. The main attention is paid to practice of closing of churches as to an element of fight against Russian Orthodox Church. Applied forms and methods of liquidation of the religious organizations and closing of cult objects are analyzed, the reached results and reaction of the population to actions of the authorities are estimated.

Вектор государственной конфессиональной политики в СССР не был прямым, отношение к религиозным организациям и в первую очередь к Русской православной церкви (далее – РПЦ) зависело от общей ситуации в стране и проводимых преобразований. Если в первые годы советской власти было законодательно ограничено и даже ликвидировано влияние РПЦ в различных областях общественно-политической, экономической и социокультурной жизни страны, то с 1923/24 г. – в условиях относительной экономической и политической стабилизации – установились сравнительно спокойные государственно-конфессиональные отношения, которые председатель Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП (б) Е.М. Ярославский назвал «религиозным нэпом».

В очередной раз ситуация изменилась в конце 1920-х гг. Этот период характеризуется усилением директивного планирования. Прошедший в декабре

1927 г. XV съезд ВКП (б) принял пятилетний план развития народного хозяйства, в основу которого были заложены высокие темпы индустриализации и усиление кооперирования деревни. ЦК партии постановлением от 5 января 1930 г. определил три группы районов страны по темпам проведения коллективизации [20. С. 383–386]. Марийская, Мордовская и Чувашская автономии являлись наименее подготовленными к коллективизации районами и были отнесены к 3-й группе¹, где социалистические преобразования предполагалось в основном провести к 1933 г. [17. С. 128; 34. С. 148; 43. С. 140; 48. С. 99]. Однако по договору «О социалистическом соревновании по реконструкции сельского хозяйства на 1929 – 1930 г.» с Пензенским округом Мордовия взяла обязательство коллективизировать к осени 1930 г. 70% всех крестьянских хозяйств [2. С. 164–165; 34. С. 148; 35. С. 265]. Была «допущена ошибка» в определении темпов коллективизации и в Марийской АО, где всем кантонам был установлен чрезмерно высокий процент (50%) к концу 1930 г., при этом в пяти кантонах в указанный год намечалось вообще завершить коллективизацию [17. С. 130]. Прошедший 15–19 февраля 1930 г. объединенный пленум Чувашского обкома и областной контрольной комиссии ВКП (б) решил объявить автономию «республикой сплошной коллективизации» и осуществить эту задачу уже к концу 1930 г. [9. Оп. 11. Д. 21. Л. 118; 40. С. 8–9]. Республика, относившаяся к числу так называемых «потребляющих» регионов, в отношении коллективизации сильно отставала от «основных зерновых районов», поэтому в автономии развернулось «решительное наступление на капиталистические элементы», Чувашия пошла по одному пути «вместе со всем Союзом» [31. С. 62; 42. С. 5].

При этом «социалистическое наступление» разворачивалось в классическом жанре военных действий с открытием «фронтов» индустриализации, коллективизации, идеологического, культурного, антирелигиозного и др. Даже ряд местных периодических изданий менял вывески в «духе времени», подстраиваясь под «текущий момент». Например, выходившая ранее как «Смычка города с деревней» Краснослободская районная газета начала выпускаться под названием «За сплошную коллективизацию!», мордовский общественно-политический и литературно-художественный журнал «Валдо ян» («Светлый путь») был переименован в «Колхозонь эряф» («Колхозная жизнь») [28. С. 214; 45. С. 293]. В Чувашии были учреждены под характерными названиями или сменили «имена» сразу десяток «районок» (ибресинская «Новая жизнь» превратилась в «Колхозную жизнь», «За коллективизацию» принялась алатырская «Трудовая газета», «По колхозному пути» пошло цивильское издание, «Колхозная газета» появилась в Аликовском районе и т.д.) [37. С. 74–75, 82, 85, 105].

Массовая коллективизация сопровождалась массовым закрытием церквей. Как заметил французский русист Н. Верт, закрытие церкви и «раскулачивание попа» стали символом, обязательным атрибутом коллективизации в большинстве деревень и городов [53. С. 178]. В целом по стране в 1928 г. было закрыто 534 церкви, в 1929 г. – 1119 храмов [52. С. 436].

В автономиях Среднего Поволжья дело не дошло до конфискации икон и расстрела в буквальном смысле «за сопротивление колхозному строительству» изображенных на них святых, как это происходило в Западном крае [4. С. 53], но активно шел процесс закрытия церквей. Вопросы такого рода стали неотъемлемой частью различных проводившихся на селе собраний. Так, вопрос о передаче церкви под культурно-просветительское учреждение (связанный с «очередными

¹ В некоторых изданиях говорится, что Мордовия вместе с другими регионами Средней Волги, была отнесена к 1-й группе, где коллективизацию предполагалась завершить весной 1931 г. (см.: Советская Мордовия. Саранск, 1950. С. 214–215) или к концу названного года (см.: История советского крестьянства Мордовии. Саранск, 1987. Ч. 1. С. 168).

задачами партии на селе») был вынесен на батрацко-бедняцкое собрание, собрание женского актива и собрание избирателей с. Алгаши Порецкого района [29. С. 487]. В национальных периодических изданиях публиковались отчеты о деятельности областных конференций крестьян-бедняков и батраков, делегаты которых приветствовали линию партии и призывали закрыть «ненужные» церкви и молитвенные дома и передать их «под школы и другие культурные учреждения» [19. С. 71]. Количественные показатели прекращения деятельности религиозных организаций и закрытия церквей стали качественными характеристиками в статистике «отхода от религии». Не удивительно, что в первое время в центральной и местной печати помещались призывы к скорейшему закрытию культовых объектов, размещению в освободившихся зданиях читальных залов и больниц, отчеты о проведении подобных мероприятий [5, 6, 16, 23, 49–51].

В ряде случаев закрытие церквей и ликвидация религиозных объединений носили формально-добровольный характер. Так, в 1929 – начале 1930 гг. на основании решений собраний верующих были закрыты Христорождественская церковь г. Чебоксары, церкви в с. Синьялы Чебоксарского района, с. Рындино, с. Большие Алгаши и с. Напольное Порецкого района, с. Хочашево Ядринского района, с. Орауши Вурнарского района, с. Арабоси Урмарского района, с. Большой Сундырь Татаркасинского района, с. Тенеево Аликовского района, с. Большие Яльчики Малояльчикского района, с. Бичурино Маринско-Посадского района, Троицкая церковь г. Йошкар-Ола и др. [10. Д. 713. Л. 5, 6, 9, 46; Д. 714. Л. 82, 83, 87; 16; 38. С. 69]. В отчетах это характеризовалось как «закрытие церквей по желанию населения идет полным ходом» [12. Оп. 6. Д. 1. Л. 9].

Вместе с тем с начала 1930 г. полоса ликвидации религиозных объединений получила массово-принудительный характер. Так, за вторую половину января – начало февраля были закрыты 16 из 17 церквей Батыревского района Чувашской АССР [9. Оп. 10. Д. 275. Л. 36об.]. «Форсированное наступление на религиозные очаги», по свидетельству секретаря Чувашского обкома Иванова, проводилось потому, что «церковь являлась штабом, где ведется агитация против колхозного движения» [30. С. 93]. В результате масштабной организованной кампании в марте 1930 г. на территории Чувашской автономии осталось только 16 из 284 православных храмов, функционировавших в октябре 1929 г. [10. Д. 762. Л. 53–55]. В Мордовии по состоянию на 1 июля 1930 г. было закрыто 172 культовых объекта из 703, в том числе 131 православная церковь из 569 [1. С. 285]. Следует обратить внимание на характерную особенность Марийской АО, где акция по закрытию церквей началась с кантонов с преобладанием титульной нации. Расчет строился на том, что местное население, в значительной своей части придерживавшееся дохристианских обрядов, поддержит политику властей. В отдельных случаях (например, в с. Куприяново Сернурского кантона) это привело к действенным результатам, однако в других случаях (например, с. Старый Торъял Ново-Торъяльского кантона) этот подход не сработал, здесь жители воспротивились насильственному закрытию храма [38. С. 68].

В свете вышеизложенных фактов представляется обоснованным утверждение Л. Виолы, что в рассматриваемый период региональные и прочие различия отошли на задний план по сравнению с борьбой деревни против коллективизации. Конечно, некоторое меньшинство крестьян поддержало государственную политику, однако большая часть сельского социума не приняла этой политики и особенно методов ее проведения [4. С. 18]. На действия властей крестьяне реагировали срывом предвыборных кампаний или бойкотом выборов в местные Советы. Так, в 1929 г. в Оршанском и Новоторъяльском кантонах Марийской АО повестки на избирательные участки назывались «антихристовыми грамотами» [7. С. 33]. В центральные и местные органы

власти хлынул поток жалоб. Отложившиеся в фондах федеральных и региональных архивов документы свидетельствуют об обращении «за правдой» в ЦИКи и ВЦИК жителей практически всех районов Марийской и Чувашской автономий [7. С. 33–34; 10. Д. 761. Л. 111, 113, 115, 171; Д. 762. Л. 16].

Властным структурам пришлось иметь дело и с активным сопротивлением крестьян своим действиям. Конечно, пытались найти «причины». Так, в числе главных факторов, создававших трудности в «деле коллективизации», называлась «исключительно низкая культурность населения, особенно женщин» [54. С. 10]. Именно последние были активными участниками демонстраций и иных протестных выступлений против закрытия церквей, снятия колоколов, арестов священников [4. С. 231]. Не случайно, именно тот период характеризуется активным использованием термина «бабьи бунты» [28. С. 280]. Пришлось органам управления столкнуться и с неприятием своих действий со стороны бедняцкой части населения – «опоры» режима на селе, в отдельных местностях составлявшей до 70% членов церковных советов [26. Л. 98].

По статистике ОГПУ, в 1928 г. в целом по стране произошло 44 выступления на религиозной почве [44. С. 819]. В 1929 г. 23,5% из 1300 официально зарегистрированных «органами» случаев беспорядков в СССР оказались связаны с «религиозными мотивами» (притеснения духовенства и верующих, закрытие церквей и т.п.) [4. С. 168; 15. С. 46]. В 1930 г. 1487 из 13 754 случаев крестьянских волнений были направлены против закрытия церквей [15. С. 51].

Рост нарушений на религиозной почве фиксировали и региональные органы правопорядка: если за 1928 г. в Чувашии было зарегистрировано всего 13 таких фактов, то за 1929 г. – уже 50 [11. Д. 14. Л. 27, 40об., 48об., 56об., 67об., 78об., 85об., 92об. и др.]. Характерной чертой при этом следует назвать массовость подобных выступлений. Только в октябре–ноябре 1929 г. произошли три случая (все – в Порецком районе): в с. Большие Алгаши в них участвовало около 300, в с. Урусово² – 200 человек, в с. Гарт порядка 500 женщин собрались у здания исполкома, а вооруженные кольями мужчины стояли на гумнах и огородах [9. Оп. 10. Д. 30. Л. 157–158; 14. Д. 43. Л. 156; Д. 332. Л. 4]. В Козловском районе толпа женщин численностью до 150 человек явилась в местный административный отдел, требуя разрешить проведение крестного хода по селениям прихода, угрожая в противном случае «разнести в щепки» здание райисполкома [9. Оп. 10. Д. 32. Л. 153]. Похожим образом развивались события и в других национальных регионах. В январе – феврале 1930 г. закрытие церквей, запреты на крестные ходы, аресты и конфискация имущества священнослужителей послужили причинами массовых выступлений в селах Новая Карьга, Старое Синдрово, Демина Поляна, Долговерьясы, Селищи, Слободские Дубровки, Горяши и Черновские выселки Краснослободского района, с. Посоп Саранского района, с. Березники Ромодановского района, с. Н.-Ямская и с. Ельники Ельниковского района, Н.-Муравьевка Рузаевского района, с. Кученяево Ардатовского района, с. Н. Пырма Кочкуровского района и других населенных пунктах Мордовии [1. С. 325–326; 22. С. 221].

К весне 1930 г. ситуация стала критической. В национальных регионах Среднего Поволжья, как и в целом по стране, шло пассивное и активное сопротивление крестьянства. Повсеместно продолжались «бабьи бунты». Так, «сводка фактов, характеризующих политическое состояние Чувашской АССР», зафиксировала выступления «женской массы населения деревни за открытие церквей» и «организованные требования об исключении из колхозов» [14. Д. 313. Л. 16]. В начале апреля 1930 г. толпа крестьян с. Чуваш-Шерауты Батыревского района

² 14 февраля 1930 г. с. Урусово передано из состава Порецкого района Чувашской АССР в состав Мордовской АО.

потребовала открыть церковь, распустить колхоз, вернуть всех раскулаченных; под аналогичным требованием в приходе с. Шуматово Ядринского района было собрано 184 подписи [11. Д. 43. Л. 307; 18. С. 146]. «Особенно» церковники пытались настраивать верующих против колхозов, как отмечают авторы «Очерков истории Чувашской областной организации КПСС», в Ибресинском, Красночетайском и Козловском районах [36. С. 200]. Имели место подобные случаи и в других районах [9. Оп. 12. Д. 33. Л. 170. Д. 37. Л. 36]. В 1931 г. против самовольного изъятия властями взбунтовались прихожане церкви с. Вечкусы Ичалковского района Мордовии [3. С. 347]. В этой автономии действовали целые «монашеские бригады», агитировавшие крестьян против колхозов с помощью «святых писем», угрожавших «светопреставлением и прочей чепухой», страшавших «отсталых» мордочек Антихристом [24. С. 26; 27. Л. 162]. Выступления прошли в деревнях Кульбаш, Семисола Моркинского и Портянур Мари-Турекского кантона Марийской АО [17. С. 131; 33. С. 206]. Агитировавшая против колхозов «кулацкая группировка» во главе с местным священником была «раскрыта» в с. Сидельниково Звениговского кантона той же автономии [33. С. 207]. В 1932 г. в связи «с усиленной агитацией церковников» на грани распада оказались Хундыкасинский колхоз и Тренькинская экономия Татаркасинского района Чувашии [13. Л. 52]. Власть реагировала соответствующим образом: там, где не удавалось решить дело мирным путем, в ход шли репрессии. Например, с применением силы были подавлены протесты в Ведянцах, Резоватове Ичалковского района, Большом Азясе Ковылкинского района и других населенных пунктах Мордовии [3. С. 341].

Против власти сыграл фактор допущенной бесхозяйственности в распоряжении изъятим имуществом. В справке о состоянии антирелигиозной пропаганды в Чувашской АССР за 1929 г. «большим недостатком» в работе по закрытию храмов названо «отсутствие средств на переоборудование закрывающихся церквей». По указанной причине, например, довольно продолжительное время стояла заброшенная церковь с. Икково Чебоксарского района, в течение более чем двух лет было бесхозным здание церкви с. Тюрлема Козловского района [9. Оп. 8. Д. 213. Л. 55; 10. Д. 1050. Л. 48]. Вообще «никакого надзора» не имела закрытая церковь в бывшем женском монастыре г. Алатырь: газетная публикация зафиксировала «кругом раскрытые» двери, выламывающуюся на дрова внутреннюю отделку, занесенные снегом помещения, к тому же с оставленными скотом «отметками» и т.п. [25]. Даже при размещении в закрытых церквях различных учреждений (прежде всего, клубов) новые «хозяева» могли не обращать никакого внимания на состояние зданий. Видимо, по этой причине в Марийской автономии центральным органам управления пришлось включать в запросы на места обязательный пункт: «нет ли случаев, что организован клуб или красный уголок, но никто не следит. Здание в неблагоустроенном виде, что вызывает недовольство населения» [8. Л. 3–16].

Эскалация конфликта, вызванная непродуманными действиями и погоней за «цифрами» на местах, невозможность погасить противостояние одним лишь – пусть и массово проводимым – изъятием «смутьянов», заставили власти предрержащих пересмотреть свои первоначальные планы. Был взят курс на некоторое смягчение политики. Информация по вопросу о закрытии церквей была заслушана 23 мая 1929 г. на особом заседании комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК. В принятом постановлении констатировалось, что закрытие молитвенных домов на местах производится «ненормально, хаотически», без соблюдения, а то и с нарушением партийных и советских директив, издевательством над предметами культа (стрельба в иконы, пускание ракет в верующую толпу и т.п.). Как результат – в ряде районов страны происходили волнения верующих, причем доходило и до вооруженных столкновений

[41. Л. 2]. Политбюро ЦК ВКП (б) на заседании 28 февраля 1930 г. поручило И.В. Сталину выступить со статьей против «перегибов» коллективизации. Появилась знаменитая публикация «Головокружение от успехов», в которой подчеркивалось, что нельзя дело организации артели начинать со снятия колоколов, «снять колокола – подумаешь, какая революционность!» [46]. «Совершенно недопустимые искривления партийной линии в области борьбы с религиозными предрассудками», связанные с административным закрытием церквей без согласия подавляющего большинства села, были отмечены в постановлении ЦК ВКП (б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном строительстве» [21. С. 103]. Постановлением Политбюро ЦК от 25 марта 1930 г. был объявлен выговор редактору газеты «Рабочая Москва» за напечатанное неделей ранее сообщение о массовом закрытии церквей с предупреждением, что «в случае допущения впредь таких сообщений будет поставлен вопрос о его исключении из партии» [39. С. 184].

Начали корректировку действий и на местном уровне. Проиллюстрируем развитие ситуации на примере Чувашской АССР. Партийные структуры автономии констатировали, что «в деле закрытия церквей допускались крупнейшие ошибки. Без всякого оформления и разрешения свыше церкви закрываются самовольно. Предварительной работы среди массы в достаточной мере не проводится. В с. Баймашкино, например, задолго до получения разрешения на закрытие церкви сняли кресты и развесили флаги. ЦИК утвердил закрытие уже закрытой церкви» [9. Оп. 8. Д. 213. Л. 58]. Решением президиума ЦИК Чувашской АССР от 25 марта 1930 г. была образована специальная Комиссия по предварительному рассмотрению материалов о закрытии церквей [10. Д. 761. Л. 217]. Подключенная к «разработке» вопроса Прокуратура республики вынесла заключение о закрытии «с полным нарушением закона» ряда церквей в Вурнарском, Татаркасинском и других районах [10. Д. 762. Л. 17, 165]. ЦИК ЧАССР потребовал от райисполкомов и горсоветов в предельно короткий срок (7 дней) проверить законность принятых решений. Выполняя распоряжение, Президиум Порецкого райисполкома рассмотрел данный вопрос на особом заседании 16 апреля 1930 г. и отменил решения сельсоветов о закрытии церквей в селах Кудеиха, Тихомирово, Мишуково, Анастасово 1-е, Сыреси, Большие Алгаши «в силу их необоснованности» [12. Оп. 5. Д. 10. Л. 8–9].

Результаты работы созданных комиссий были обобщены в специальных докладах. Так, в соответствующем докладе ЦИК Чувашской АССР приводились факты завышения оценки культовых зданий с целью принуждения крестьян к отказу от последних, отмечались случаи закрытия церквей без «добровольного согласия» крестьян и более того – настоящие погромы в церквях и случаи изъятия у крестьян икон и сжигание их на площадях по инициативе «общественного» или «деревенского» актива [10. Д. 762. Л. 55, 167]. 15 марта 1930 г. Бюро Марийского обкома ВКП (б) заслушало доклад о колхозном строительстве в МАО и «вскрыло ошибки, недостатки и искривления» в колхозном движении [17. С. 131]. Вопрос «Об исправлении допущенных ошибок и искривлений партийной линии в колхозном строительстве МАО» обсудил апрельский пленум Марийского обкома ВКП (б) [32. С. 195]. Власть была вынуждена отреагировать на выявленные факты: за допущенные искривления были сняты со своих должностей секретари Мари-Турекского и Моркинского кантонных комитетов ВКП (б) Марийской АО; по Чувашской республике за допущенные нарушения закона «О религиозных объединениях» было заведено 28 уголовных дел, по которым к различной ответственности привлечено 39 человек; культовые здания, изъятые в административном порядке, были возвращены верующим, нарушенные договоры восстановлены [10. Д. 762. Л. 55; 33. С. 207].

Подытоживая наше небольшое исследование, считаем необходимым обратить внимание на следующие ключевые моменты. Индустриализация страны была необходима, чтобы «догнать» в развитии передовые государства, но при отсутствии возможностей для внешних заимствований рассчитывать приходилось на привлечение только внутренних средств, и нужны они были не по частям, а одновременно. Решение задачи нашлось по принципу сообщающихся сосудов, где в качестве доноров выступили сельское хозяйство и Церковь. На наш взгляд, власть, уже неоднократно с разной степенью эффективности испытывавшая к тому времени метод насильственных изъятий и перераспределений, просто не искала иных вариантов развития ситуации. Если крестьянство должно было предоставить дешевые трудовые ресурсы, то Русская православная церковь – материальные средства: колокольный «цветмет» для нужд промышленности, помещения – для осуществлявшейся попутно «культурной революции», а также решение более «мелких» задач (например, обеспечение учащихся школьными принадлежностями и дровами за счет икон).

По указанным выше причинам закрытие церквей стало необходимым фактором политического, экономического и социокультурного развития в рассматриваемый период. Более того, оно явилось составной частью широкомасштабного наступления на Церковь, в ходе которого ориентированная на строительство атеистического общества партийно-государственная номенклатура использовала практически весь арсенал доступных средств: разгульную антирелигиозную агитацию, массовые репрессии в отношении клира и мирян, секуляризацию церковного имущества. Резкое проведение акции и попытка добиться успеха сразу на нескольких «фронтах» натолкнулись на естественное сопротивление, и чем сильнее становился нажим со стороны властных структур, тем выше нарастало напряжение в обществе в целом. Провал очередной «кавалерийской атаки» вызвал отступление от выбранного курса на резкую конфронтацию и изменение политики на более гибкую – даже с показательным осуждением отдельных «переусердствовавших» чиновников.

Важен, на наш взгляд, и другой аспект. В распоряжении исследователей практически нет сведений о каком-либо серьезном противодействии проводившейся государственной политике со стороны горожан. Почему основное сопротивление оказывал именно крестьянский социум? Конечно, сельское население было численно преобладающим, но только ли это влияло на общую картину? Или суть ответа коренится в ментальном различии? Согласимся с мнением сотрудника Института этнологии и антропологии РАН Л.А. Тульцевой, что «сословное “крестьянин” и вероисповедное “христианин” – эти понятия словно вытекают одно из другого. Такое слияние понятий, их своего рода “близичность” является фундаментальной координатой в понимании крестьянского мироощущения и его ментальных характеристик» [47. С. 303]. Более того, к концу 1920-х гг. религия поистине была делом крестьян, и советская власть, как никто другой, активно способствовала этому превращению: фактически религия «окрестьянилась» в результате целенаправленной государственной политики по отделению церкви от государства, различных мер «изъятия» из общественной жизни традиционных церковных иерархов и разрыва вековых связей последних с прочими элитами страны [15. С. 89]. Как заметила Л. Виола, церковь в культурном отношении оставалась антитетичным коммунизму символом, вместилищем автономной крестьянской культуры и традиций [4. С. 55]. При этом крестьянство было последним структурно сохранившимся социальным стратом общества.

Литература и источники

1. *Абрамов В.К.* Мордовский народ (1897 – 1939). Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1996. 412 с.
2. *Агеев М.В.* Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1960. 414 с.

3. *Бахмутов С.Б.* Православие в Мордовском крае: историко-культурологический аспект. Саранск: Красный Октябрь, 2006. 384 с.
4. *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2010. 367 с. (История сталинизма).
5. Вместо убежища контрреволюции, очагов лжи, тунеядства и мракобесия – школы // Красная Чувашия. 1930. 1 янв. С. 4.
6. Вместо церкви – школа // Красная Чувашия. 1934. 14 сент. С. 1.
7. *Востриков В. Г.* Сопротивление богоборчеству в 20–30-е годы XX века в Марийской автономной области // Христианское просвещение и русская культура: материалы IV науч.-богослов. конф. Йошкар-Ола, 2002. С. 33–35.
8. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 433.
9. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. П-1.
10. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-202. Оп. 2.
11. ГИА ЧР. Ф. Р-784. Оп. 5.
12. ГИА ЧР. Ф. Р-828.
13. ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 3646.
14. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф-2. Оп. 1.
15. *Грациози А.* Великая крестьянская война в России. Большевики и крестьяне. 1917 – 1933: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2001. 96 с.
16. Закрыли церковь // Красная Чувашия. 1930. 19 янв. С. 4.
17. История Марийской АССР: в 2 т. Т. 2. Эпоха социализма (1917–1987). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 328 с.
18. История Чувашии новейшего времени. 1917 – 1945 / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. 262 с.
19. *Киселев А.Л.* Социалистическая культура Мордовии. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1959. 320 с.
20. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986): в 15 т. Т. 4. 1926 – 1929 / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. М.: Госполитиздат, 1984. 575 с.
21. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986): в 15 т. Т. 5. 1929 – 1932 / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. М.: Госполитиздат, 1984. 446 с.
22. Красная слобода / В.А. Юрченков и др. Саранск: НИИГН, 2008. 464 с.
23. *Лява П.* Мӓнкун йӓли – тискер йӓла [Пасхальные традиции – злые традиции] // Сунтал. 1929. № 4. С. 4–5.
24. *Мартынов В.* Советское и хозяйственно-культурное строительство Мордовской автономной области. М.: Изд-во «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1930. 40 с.
25. М.С. [псевдоним]. Нет надзора // Красная Чувашия. 1930. 24 февр. С. 4.
26. Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НА НИИГН). И-672.
27. НА НИИГН. И-674.
28. Незабываемые годы / сост. В.И. Лопатова, Н.Н. Слостухин. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1967. 360 с.
29. Общество и власть. Российская провинция: в 3 т. Т. 1. 1917 г. – середина 1930-х годов / сост. А.А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодникова. М.: Ин-т российской истории РАН, 2002. 640 с.
30. Общество и власть. Российская провинция: в 3 т. Т. 2. 1930 г. – июнь 1941 г. / сост. А.А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодникова. М.: Ин-т российской истории РАН, 2005. 1152 с.
31. *Орлов Д.* Опыт колхозного строительства в Чувашии // Чувашское хозяйство. 1930. № 1. С. 62–70.
32. Очерки истории Марийской АССР (1917 – 1960) / под ред. А.В. Хлебникова. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 252 с.
33. Очерки истории марийской организации КПСС / под ред. В.Ф. Пашукова. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1968. 484 с.
34. Очерки истории Мордовской АССР: в 2 т. Т. 2. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1961. 544 с.
35. Очерки истории Мордовской организации КПСС / редкол. Г.М. Измаклин и др. 2-е изд., перераб. и доп. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1979. 712 с.
36. Очерки истории чувашской областной организации КПСС. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 628 с.
37. Периодические издания Чувашской Республики. 1969–2000: справочник / сост. С.В. Нахимова, И.Я. Углева, Т.И. Соколова и др. Чебоксары: Новое время, 2008. 300 с.
38. *Полов Н. С.* Православные приходы Марийского края в 30-е годы XX века // Марийский археографический вестник. 2006. № 16. С. 61–76.
39. Православная энциклопедия. Русская православная церковь / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Православная энциклопедия, 2000. 655 с.
40. Резолюции и постановления III объединенного пленума Чувашского обкома и ОКК ВКП (б) (15–19 февраля 1930 г.). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1930. 54 с.
41. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф-89. Оп. 4. Д. 125.
42. *Самарин П. Я.* Чувашия к XVI съезду ВКП (б). Чувашия к 10-летию своей автономии // Чувашское хозяйство. 1930. № 1. С. 3–8.

43. Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской АССР. 1920 – 1937 (Осуществление коллективизации): сб. документов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 432 с.
44. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 2. 1923 – 1929 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.
45. Советская Мордовия: очерки, посвященные 20-летию республики. Саранск: Морд. гос. изд-во, 1950. 342 с.
46. *Сталин И.В.* Головокружение от успехов // Сталин И.В. Соч. Т. 12. Апрель 1929 – июнь 1930 г. М.: Госполитиздат, 1949. С. 191–199.
47. *Тульцева Л.А.* Божий мир православного крестьянина // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): материалы Междунар. конф. М.: РОССПЭН, 1996. С. 294–305.
48. *Хлебников А.В.* Развитие советской автономии марийского народа. 1929–1936. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. 164 с.
49. Церкви закрыты // Красная Чувашия. 1930. 5 февр. С. 3.
50. Церкви – под культурные очаги, а колокола – на индустриализацию страны // Красная Чувашия. 1930. 14 февр. С. 4.
51. Церкви переоборудуются под школы // Красная Чувашия. 1936. 14 сент. С. 4.
52. *Цылин В.* История Русской Православной церкви. Синодальный период. Новейший период. М.: Изд-во Учебного комитета Русской православной церкви, 2004. 840 с.
53. Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии / под ред. Ч. Ронсака; пер. с фр. М.: Три века истории, 2001. 766 с.
54. *Шапошников И.В.* Сельское хозяйство Мордовии на подъеме // Известия НИИМК. Саранск, 1935. Кн. 1. С. 9–24.

КОЗЛОВ ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России, Мордовский государственный университет, Россия, Саранск; главный архивист отдела использования документов Государственного исторического архива Чувашской Республики, Россия, Чебоксары (fedor1977@yandex.ru).

KOZLOV FEODOR – candidate of historical sciences, doctoral candidate of Russia History Chair, Mordovian State University, Russia, Saransk; chief archivist of the documents use department of the State Historical Archive of the Chuvash Republic, Russia, Cheboksary.

УДК 811.111'367/37

ББК 123.34

Н.Ю. КУЗНЕЦОВА, Е.К. МИНЕЕВА

ПОМОЩЬ ЭВАКУИРОВАННЫМ В ЧУВАШСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 – 1945 гг.)

Ключевые слова: эвакуация, эвакуированное население, эвакуогоспитали, эвакуированные детские дома.

Показан процесс эвакуации, даны количественные и качественные показатели эвакуации населения в Чувашию, рассмотрены проблемы размещения и адаптации, определены основные регионы и национальность прибывавших граждан, центры их размещения в республике и взаимоотношения с местным населением, выявлены судьбы некоторых конкретных семей и отдельных личностей, освещена деятельность эвакуогоспиталей, эвакуированных детских домов и интернатов на территории Чувашской АССР.

N. KUZNETSOVA, E. MINEEVA

THE HELP TO EVACUEES IN CHUVASH AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941 – 1945)

Key words: evacuation, evacuees, evacuation hospital, evacuated children's home.

The article shows the process of evacuation, quantitative and qualitative characteristics of population evacuation to Chuvashia, the problems of accommodation and adaptation are considered, main regions and nationalities of arrived citizen, their housing centers in the republic and relationship with the local community are defined, the destiny of families and people are identified, the activity of evacuation hospitals, evacuated children's homes and boarding schools in Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic is considered.

После вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз большая часть проживавшего в прифронтовой полосе населения, а также народнохозяйственные и другие объекты были эвакуированы в глубокий тыл страны. В результате на территории Чувашской АССР оказалось

множество эвакуированных граждан. Эвакуация – одно из тяжелейших испытаний, выпавших на долю народа. Прием, учет и размещение, трудоустройство, материальное обеспечение прибывших людей были сложной задачей.

Население Чувашской АССР, как и других регионов нашей многонациональной родины, приняло гонимых войной людей из прифронтовой зоны, обеспечивая их всем необходимым для жизни: жильем, продуктами питания, одеждой, обувью и т.д. Эту заботу трудящиеся понимали как свое кровное дело. По причине географического расположения Чувашия в годы войны являлась одновременно не только пунктом приема эвакуированных граждан на длительный срок, но и перевалочным центром благодаря Чебоксарскому речному порту и железнодорожным узлам Алатырь и Канаш [11. С. 1].

В первые же дни войны в стране, в том числе и на территории Чувашии, начали создаваться специальные органы для решения задач по эвакуации населения из прифронтовой полосы. Уже 26 июня 1941 г. во главе с председателем Совета Народных Комиссаров Чувашской АССР А.В. Сомовым была сформирована правительственная комиссия по приему и размещению прибывших граждан [4. С. 132]. 10 марта 1942 г. был организован Отдел хозяйственного устройства эвакуированных Совнаркома Чувашской АССР [1. Л. 37].

По мере захвата Германией территории СССР число прибывших граждан внутри страны постепенно увеличивалось. В результате уже на 14 сентября 1941 г. в Чувашскую АССР прибыло 42 894 человека, из них 20 017 детей [3. Л. 8]. Часть детей поступала в Чувашию организованно: с детскими домами и садами, но основная масса прибывала вместе с родителями и близкими людьми. К началу декабря в районах и городах республики уже проживало 60 633 человека, среди которых насчитывалось 16 586 детей до 7 и 10 907 – до 15 лет [9. С. 175]. Новые группы эвакуированных продолжали прибывать в нашу республику в течение всего 1942 г.

Среди прибывших были представители почти всех национальностей, но преобладали русские, украинцы, белорусы и евреи. Кроме того, на территории региона обосновалось несколько тысяч неучтенных беженцев и переселенцев из захваченных гитлеровцами местностей. На вокзалах, пристанях и базарах городов и селений республики в разное время обитало от нескольких сотен до нескольких тысяч беспризорных и безнадзорных подростков, многие из которых потеряли связи со своими родителями. В этих условиях забота об эвакуированных (и детях в особенности) становилась важным направлением деятельности местных органов власти, милицейских подразделений, а также общественных организаций [9. С. 175].

Трудно приходилось с размещением людей на временное жительство. Например, г. Канаш не имел излишков жилья, а прибывших граждан было очень много. Под общежитие для них выделили барак мебельной фабрики. Значительную часть рабочих распределили по частным домам [8. С. 329]. Осенью того же года в депо пришла большая группа подростков, призванных в армию, но по возрасту не подлежавших прохождению военной службы. Многие из них являлись выходцами из Орловской области. Подростки прошли краткосрочные курсы при депо и с декабря стали профессиональными машинистами. Вначале, оторванные от семьи, а большинство и от родных мест, они тяжело привыкали к трудной работе кочегара, но «крестьянская закваска» помогла им в тяжелое военное лихолетье не сломаться, не спастись перед трудностями, найти свое место в рабочей среде [8. С. 290–291].

В основном эвакуированные размещались на селе. С местными жителями они трудились в промышленности и сельском хозяйстве, принимали активное участие в общественной жизни. Тысячи из них обрели на земле гостеприимной Чувашии свою вторую родину. Так, в конце июля 1941 г. в г. Канаш Чувашской

АССР прибыл эшелон с эвакуированными семьями из г. Кировск Мурманской области. Представителями городского Совета 15–20 семей были распределены по селам. Семью Барановых, мать и четверых ее детей, поселили в дом пожилой женщины в д. Яншихово-Норваши Янтиковского района. У Евгения Михайловича, старшего сына Барановых, об этой женщине остались самые добрые воспоминания: «Ее доброжелательность, внимание и какое-то внутреннее сострадание к детям помогли нам преодолеть барьер неуверенности, неопределенности своего положения» [8. С. 321–322]. Колхоз выделил эвакуированной семье муку, крупу и немного жиров, но в военные годы не приходилось надеяться лишь на помощь колхоза, поэтому переселенцы сразу же включились в трудовую жизнь: мать работала в колхозе, сын возил зерно в Канаш на элеватор.

На долю Евгения Михайловича выпала нелегкая судьба. После окончания школы в марте 1943 г. он поступил учиться в ЖДУ-2 в группу слесарей-вагонников. Вспоминая о трудностях, с которыми пришлось столкнуться во время учебы, он рассказывает: «Учиться было трудно. Зима суровая, одежда легкая. В учебных классах температура воздуха редко была нормальной... Общежитие было тесным, в спальнях комнатах кровати были двухъярусными... Питались в столовой, дневная норма хлеба была 700 граммов, но приварок был скудным, в супе или щах долго ищешь картошку или капусту. Все время хотелось есть. Несмотря на трудности, мы учились избранной профессии, понимали: не мы одни в таком положении». Закончив учебу, Евгений Баранов устроился на работу в сборочный цех Канашского вагоноремонтного завода. Первые трудовые дни он помнит до сих пор: «Работа была тяжелой, требующей не только физической силы, но и смекалки... Было все: и ушибленные руки, и синяки. Страшно уставали. Казалось, каждая клетка тела налита свинцом». Е.М. Баранов проработал 46 лет в коллективе вагоноремонтного завода. За трудовой вклад и успехи в трудовой деятельности он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», удостоен знака «Почетный железнодорожник», ему присвоено звание «Заслуженный работник промышленности Чувашской АССР» [8. С. 322–323].

Отрывки из письма на фронт эвакуированной в Советский район Чувашской АССР из Ленинградской области Серафимы Дикаревой свидетельствуют о том, что местные органы власти и население республики делали многое для беженцев, оказывали им необходимую помощь. Она пишет своему мужу на фронт о том, чтобы он не беспокоился о своей семье. Колхоз имени Молотова, в котором они жили, окружил их вниманием и заботой. Ей и ее детям был предоставлен отдельный дом. Правление колхоза обеспечивало их дровами, отпускало с фермы молоко. Сельпо ежемесячно выдавало продовольственные продукты. Она также писала о том, что ее «дети еще ни одного дня не были без мясного супа и молока» [2. Л. 11об.–12].

С большой теплотой и сердечностью встретили жители республики и детей, эвакуированных из детских домов, выделив для их размещения лучшие и благоустроенные помещения. До войны в Чувашии находилось 5 детских домов, в которых воспитывалось свыше 800 мальчиков и девочек. Местные органы власти, учитывая, что в условиях войны число детей, нуждавшихся в государственном воспитании, возросло, в 1941 г. открыли еще 2 детдома на 250 человек. Кроме того, за 1941 – 1942 гг. в республику были эвакуированы 3 детдома на 388 человек, 3 спецшколы-интерната для глухонемых и слепых на 219 человек и 9 интернатов-яслей на 493 человека. В августе 1943 г. из Ленинграда прибыл эшелон с 400 детьми-воспитанниками детдомов. Для них были предоставлены благоустроенные помещения, выделено достаточное количество продуктов, жиров, сахару и др. [6. С. 155]. В то же самое время часто не хватало продуктов питания, одежды и обуви, но спасало чуткое от-

ношение к детям воспитателей, учителей, всего обслуживающего персонала. В ответ на эту заботу позже они еще долго в своих письмах благодарили руководителей местной власти за теплый прием.

В 1942 г. по инициативе железнодорожников республики был осуществлен сбор подарков для героических защитников Ленинграда и их эвакуированных детей, организован сбор необходимых продуктов питания: картофеля, крупы, муки и овощей. Только для детей – ленинградцев, размещенных в соседней Татарии, было собрано и отправлено: капусты – 10 тыс. кг, огурцов – 3 тыс. кг, муки – 500 кг и др. Кроме того, по инициативе учащихся Янтиковской средней школы Чувашия собрала десятки тысяч книг для школьников, освобожденных от фашистов районов [6. С. 157].

Одной из приоритетных задач государства в военные годы также стала забота о раненых бойцах. С начала войны в стране была организована стройная и эффективная система санитарной эвакуации раненых в тыловые лечебные учреждения – специализированные эвакогоспитали, целью которых являлось, помимо восстановления здоровья раненых, возвращение им боеспособности. По поручению Государственного Комитета Обороны СССР в сентябрь-октябре 1941 г. на территории Чувашии было сформировано 15 эвакогоспиталей, в ноябре – еще 3 эвакуированных из прифронтовых районов учреждения. Из общего количества эвакогоспиталей 14 были сформированы в городах, 4 – в сельской местности [5. С. 8]. Большинство из них поначалу имели общехирургический характер, но уже в 1942 г. в них появились специализированные отделения. Со временем создавались и подобные госпитали: нейрохирургический, челюстно-лицевой хирургии, туберкулезный.

В эвакогоспиталях практиковалось комплексное применение активной хирургии и терапии в сочетании с лечебными физкультурой, питанием, переливанием крови и трудотерапией. Эффективность работы определялась отношением количества возвращенных в строй к числу поступивших на лечение раненых [10. С. 119]. По данным СНК Чувашской АССР, на 1 июля 1943 г. в республику из прифронтовой полосы было вывезено 70 900 человек, включая 8365 человек из Ленинградской области и 3907 – из Ленинграда [7. С. 85]. Самоотверженность медицинских работников, душевное слово, материнская ласка были отличительными чертами работы медицинского персонала и нередко заменяли раненым недостающие медикаменты, становясь важнейшими факторами их выздоровления. Нельзя не отметить, что помимо раненых бойцов Красной Армии медицинская помощь в расположенных на территории Чувашии эвакогоспиталях оказывалась и военнопленным [5].

Государственная политика по отношению к эвакуированному населению в годы войны являлась важным шагом и мощной силой, необходимой поддержкой государства в деле разгрома фашизма. Советская власть предприняла колоссальные усилия для сохранения населения страны, сумела сбереечь и использовать эвакуированных в целях создания резерва для фронта. В войне каждый из них имел непреходящую ценность, это был дополнительный источник силы. В тылу прибывшее население сразу включилось в трудовую деятельность, своим опытом работы в различных областях производства оно делилось с местными жителями, совместными усилиями легче было преодолевать трудности и тяготы войны. Эвакуированным людям оказывались материальная помощь и моральная поддержка. Они, в свою очередь, отвечали благодарностью за теплый прием и платили за это ударным трудом, увеличивая свой вклад в победу.

При всем этом в работе с эвакуированным населением существовало множество трудностей. Несмотря на то, что жизненные условия вновь прибывавшего населения всегда были в поле зрения центральных и местных органов власти,

не единичными являлись случаи, когда эвакуированные обращались с жалобами на то, что они уже несколько месяцев не ходили в бани, жили на скудном пайке, не хватало самого необходимого. Война оставила глубокий след в жизни людей. Военные годы стали тяжким испытанием не только для взрослых, но и для подростков. Не всем им удалось получить желаемое образование, пожить в беззаботном детстве. Война рано заставила их повзрослеть.

С началом ВОВ обострились основные проблемы в работе учителей: привлечение учащихся в школы, подготовка помещений к учебному году, приобретение школьных принадлежностей, снабжение продуктами и своевременная выдача заработной платы. Одной из первоочередных проблем стало устройство в школы эвакуированных детей и учителей, в основном по причине их незнания чувашского языка. Занятия в нерусских школах, а таких было много именно на селе, приходилось вести параллельно на двух языках, возникали трудности в налаживании отношений местных и эвакуированных детей. Приезжие педагоги, вошедшие в штат местных учебных заведений, также могли преподавать только на русском языке, что создавало проблемы во взаимопонимании с учащимися [11. С. 2].

Следовательно, в силу бытовых, материальных и психологических причин трудоустройство, взаимоотношения эвакуированного населения и местных жителей, особенно в начале войны, складывались непросто. Добрые и уважительные контакты, взаимопонимание, прежде всего тех, кто трудился, налаживались постепенно. Несмотря на все это, целенаправленная антифашистская политика советского государства как на фронте, так и в тылу создала все необходимые условия для победы СССР, не последнюю роль в которой сыграла работа с эвакуированным населением.

Таким образом, эвакуация стала одним из важнейших источников победы над фашизмом в годы Великой Отечественной войны. Чувашская АССР в силу своего географического расположения являлась местом спасения от врага для эвакуированных и базой для военно-санитарных учреждений глубокого тыла. Забота о вновь прибывавшем населении укрепляла моральный дух людей, армии, сохраняла жизненный потенциал всего государства. Чувашия и ее жители, как и многие другие регионы и народы страны, приняли самое активное участие в реализации этой большой политики Советского Союза. Органы здравоохранения и медицинские работники республики полностью справились с возложенными на них задачами по развертыванию сети госпиталей и обеспечению специализированной помощи раненым больным, воинам – защитникам Родины.

Литература и источники

1. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 33. Л. 37.
2. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 36. Л. 11об.–12.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 39. Л. 8.
4. Григорьев А.Д. Эвакуация и размещение населения и материальных ценностей в Чувашской АССР в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (по материалам государственных архивов Чувашской Республики) // Архивный вестник Чувашии: инф. бюллетень. 2006. Вып. 1(1). С. 132-137.
5. Ксенофонтов Г.Н. Эвакогоспиталь для военнопленных № 3064. Чебоксары: Новое время, 2008. 83 с.
6. Мурышкин Н.М. Патриотизм трудящихся Чувашии в годы Великой Отечественной войны. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. 161 с.
7. Питернова В.Ф. «Здесь нас ждали и заботливо готовились». Дети Ленинграда в Чувашии // Отечественные архивы. 2004. № 2. С. 85-93.
8. Страницы памяти (канашцы о войне, товарищах, о себе) / сост. А.Г. Плотников. Канаш, 1995. 359 с.
9. Тимофеев В.В. Личность, общество и государство в годы Великой Отечественной войны (из истории работы с эвакуированными в Чувашии) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2002. № 5. С. 174–179.

10. Тимофеев В.В. Трудности эвакуации и их преодоление в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) (на материалах республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2001. № 4. С. 113–120.

11. Широкова М.А. «Эвакуированная интеллигенция» в Чувашии в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // ЛОМОНОСОВ 2013: материалы Междунар. молодежного науч. форума / отв. ред. А.И. Андреев и др. М., 2013. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2182/40621_8e5a.pdf.

КУЗНЕЦОВА НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА – аспирантка кафедры отечественной истории им. А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (NYkuznetcova@yandex.ru).

KUZNETCOVA NATALIA – post-graduate of Russian History Chair named after A.V. Arsen'tjeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

МИНЕЕВА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА. См. с. 13.

УДК 94:338(470.344)«1957/1962»

ББК ТЗ(2Рос.Чув)631-2

А.И. МИНЕЕВ

ЧУВАШСКИЙ СОВНАРХОЗ И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ*

Ключевые слова: Чувашия, Совнархоз, промышленность, научно-технический прогресс, изобретательство, рационализаторство, кадровая политика.

Рассмотрена целенаправленная политика Чувашского совнархоза по организации технического творчества, внедрению и распространению движения новаторов и рационализаторов, активному взаимодействию научных кадров и работников производства в Чувашской АССР в 1950 – 1960-е гг., в результате которой было создано образовательное пространство, способное удовлетворять потребности местной промышленности высококвалифицированными специалистами.

A. MINEEV

CHUVASH COUNCIL OF NATIONAL ECONOMY AND PRODUCTION ACTIVITY OF INDUSTRY WORKERS

Key words: Chuvashia, Council of national economy, industry, scientific and technical progress, innovation, staff policy.

The article describes a deliberate policy on the organization of the economic council of the Chuvash technical creativity, implementation and dissemination of movement innovators and innovators, active engagement of scientific personnel and production workers in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic in 1950 – 1960-ies, a result which was established educational space that can meet the needs of local industry by qualified personnel.

В 1957 г. в связи с реформированием системы государственного и промышленного управления в СССР наряду с другими советами народного хозяйства был создан и Чувашский совнархоз. Одним из направлений его деятельности стала организация технического творчества в индустриальном развитии региона. Производственная активность работников промышленности тесно связана с движением рационализаторов и изобретателей. Именно для рубежа 50 – 60-х гг. XX в. становится характерным существенное развитие данного движения с точки зрения как количественного, так и качественного прироста его масштабов и результатов. Дальнейшая индустриализация аграрных районов страны, значительное увеличение в регионах количества заводов и фабрик, обособление народного хозяйства путем передачи его в систему территориального управления при помощи образования совнархозов, а главное – стрем-

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-11-21002.

ление объединить усилия государства и творческой активности трудящихся масс, за счет чего добиться высоких экономических показателей, стали причиной появления в 1955 г. отраслевых научно-технических обществ (НТО), а в 1958 г. – Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). В их задачи входили консолидация возможностей и деятельности новаторов, прогнозирование итогов изобретений, проведение отбора рацпредложений, а также их скорейшее внедрение в производство.

В 1959 г. правительство СССР приняло новое, в сравнении с нормативными документами 1940-х гг., положение об инновациях, которое более четко их определяло и оценивало, а также упрощало техническую процедуру признания изобретений и рационализаторских предложений, вносило ясность в вопросы материального и морального стимулирования. В 1960 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по улучшению внедрения в народное хозяйство изобретений и рационализаторских предложений» [7. С. 669–672], в соответствии с которым руководству предприятий было рекомендовано включать рационализаторство в производственные планы своих заводов. Обязательные для исполнения, они неизбежно предусматривали финансовые вложения, в результате чего входившие в них изобретения и рацпредложения подкреплялись и материально. Немаловажную роль в развитии рационализаторства сыграли премирование за разработку и внедрение новой техники, а также учреждение почетных званий «Заслуженный изобретатель» и «Заслуженный рационализатор» [5. С. 112].

Уделяя значительное внимание инновациям и творческой инициативе, государство стало создавать и особые гражданские институты, становившиеся достаточно перспективной формой хозяйственного управления. К ним, безусловно, следует отнести такие внештатные общественные организации, как технико-экономические советы (ТЭС). В своей повседневной деятельности совнархоз опирался на ТЭС, в котором были представлены не только лучшие специалисты различных отраслей индустрии, но и научные работники. ТЭС обеспечивал совнархозу квалифицированную помощь по важнейшим вопросам технологии и экономии производства. Действовал этот орган и в составе Чувашского совнархоза. В него входили 9 человек от Совета Министров ЧАССР, 39 служащих СНХ, 22 директора, 18 главных инженеров, 17 рабочих – новаторов производства, представители научно-исследовательских институтов и учебных заведений, конструкторы, технологи и мастера, начальники цехов, работники партийных советских и профсоюзных организаций – всего 200 человек [8. С. 132].

Производственная активность трудящихся получила свое существенное проявление в деятельности уже упоминавшихся НТО и ВОИР, которые функционировали в каждом экономическом районе. В Чувашской АССР НТО начали создаваться в 1958 г. В январе 1959 г. в Чувашии прошла первая областная конференция, в которой приняли участие представители 8 правлений НТО от имени многочисленных первичных организаций, включавших более 3 тыс. работников [6. С. 140–141]. В августе 1958 г. в регионе был организован областной совет ВОИР. В это же время появились и советы новаторов, имевшие существенное отличие от НТО и ВОИР, возникновение последних было связано с решениями государственных органов власти. В противоположность им советы новаторов представляли собой исключительно общественные организации, появившиеся по инициативе самих работников производства, изобретателей и рационализаторов. В то же время очень скоро стало понятно, что они зачастую дублировали деятельность структурных подразделений НТО и ВОИР, но, поскольку их ини-

циатива была очень явной и красноречивой, свидетельствующей об энтузиазме масс, советы новаторов решили сохранить, в результате чего они продолжили свое существование вплоть до 1970-х гг.

В целом по стране к 1958 г. в промышленности насчитывалось 1313 тыс. новаторов, подавших предложения на техническое новшество. За 3 года их численность возросла почти в 1,5 раза, а за один – 1961 г. – еще на треть. За 1959 – 1961 гг. рационализаторы и изобретатели подали свыше 11,6 млн заявок на инновационные разработки. Почти 2/3 из них были внедрены в производство (в 1960 г. – 60% против 53% в 1952 г.) [9. С. 191]. К 1958 г. в Чувашской АССР насчитывалось около 3,7 тыс. изобретателей и рационализаторов, а в 1964 г. их численность выросла до 7,6 тыс. человек. В целях развертывания массового изобретательства Чувашский совнархоз ежегодно проводил смотры-конкурсы. Так, в 1959 г. 77 из внедренных 2570 предложений отмечены как наиболее ценные, в 1960 г. их было, соответственно, 85 и 3151. В 1961 г. на предприятиях и стройках совнархоза число рационализаторов и изобретателей составило 4394 человека. От них поступило 6720 предложений, из которых 4766 было принято, а 3776 – внедрено.

Темпы роста числа новаторов объясняются, прежде всего, тем, что в изучаемый период в аграрно-индустриальной автономной республике, какой долгое время продолжала оставаться Чувашская АССР, активно проводилось строительство, появлялись новые индустриальные предприятия, соответственно, расширялось и укреплялось промышленное производство. Важной составляющей радикальных перемен становилось открытие учебных заведений технической направленности, чьи выпускники пополняли трудовые коллективы, т.е. производственная активность рабочих, с одной стороны, являлась итогом той управленческой и производственной базы, которая была заложена к этому времени, с другой – становилась источником нового мощного всплеска трудовой инициативы, за которой неизбежно шли выдающиеся показатели и результаты развития народного хозяйства в целом. Фактором, в определенной степени стимулировавшим творчество и инновационную деятельность, следует рассматривать соревнование, оценивавшееся по четким критериям, главным из которых была экономическая эффективность в рублях. Учитывались также затраты на организацию производства, общая сумма поданных заявок на изобретения, рассматривались количество и причины отложенных рацпредложений, отраслевая принадлежность и др. Таким образом, организация соревнований в техническом творчестве, оценивание его результатов превращались в достаточно сложное дело, особенно, если речь шла о подведении его итогов по нескольким регионам или по стране в целом, с учетом того, что главным принципом в системе управления народным хозяйством и организации производства в изучаемый хронологический период оставался территориальный.

Несмотря на это, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в Чувашии неизменно росла экономия от внедрения рационализаторских предложений: в 1959 г. она выражалась в сумме 1,49, 1960 г. – 1,882, 1961 г. – 2,283 млн руб. [3; 4. Л. 24]. Например, экономический эффект от внедрения катушки для электромагнитных аппаратов (автор М.Г. Кобленц) на электроаппаратном заводе составил 60,2 тыс. руб. в год, а прямоточный аппарат для получения твердого экстракта (автор М.Г. Яслы) дал Шумерлинскому заводу дубильных экстрактов 73,5 тыс. руб. экономии [4. Л. 25]. Группа работников Шумерлинского мебельного комбината во главе с заместителем директора комбината П.Г. Строговым внесла ценное предложение по упаковке мебели в картон вместо применяв-

шейся ранее упаковки в деревянные решетчатые ящики. Этот способ коренным образом изменил технологию производства, был получен значительный эффект по материалам, заработной плате и расходам на перевозку. Техническое усовершенствование, предложенное на Шумерлинском мебельном комбинате, до этого не применялось в Советском Союзе, его внедрение на комбинате явилось первым и оригинальным опытом по изменению существовавшего технологического процесса упаковки мебели [2].

Чувашский совнархоз выработал специальную систему материального премирования рационализаторов и изобретателей, например, в 1959 г. за наиболее удачное решение задач было выделено 72 премии на сумму 32 000 руб., в том числе 2 премии по 2000 руб., 4 – по 1000, 28 – по 500, 40 – по 250 руб. Премии выплачивались независимо от размера вознаграждения, причитавшегося автору, а в зависимости от экономического эффекта, имевшегося от внедрения изобретений. Изобретателям и рационализаторам, получавшим денежную премию, присваивали звание «Лучший рационализатор Чувашского совнархоза» и вручали грамоту совнархоза, облсовпрофа и областного совета ВОИР [1].

В результате целенаправленной деятельности по активному взаимодействию научных кадров и работников производства в Чувашской АССР было создано образовательное пространство, способное удовлетворять потребности местной промышленности высококвалифицированными специалистами. В 1957 – 1962 гг. значительную роль в этом направлении сыграл Чувашский совнархоз.

Таким образом, в целях использования положительного опыта и извлечения позитивных исторических уроков политика Чувашского СНХ по организации технического творчества, внедрению и распространению движения новаторов и рационализаторов, способствовавшая существенному промышленному развитию региона, должна стать объектом изучения как теоретиков, так и практиков, специалистов государственной службы в сфере народного хозяйства.

Литература

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-1806. Оп. 2. Д. 503. Л. 75, 76.
2. ГИА ЧР. Ф. Р-1806. Оп. 2. Д. 123. Л. 127.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-1806. Оп. 5. Д. 28. Л. 28.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-1806. Оп. 5. Д. 48.
5. Лельчук В.С. Научно-техническая революция и промышленное развитие СССР. М.: Наука, 1987.
6. Радиченко А.Н., Сергеев Т.С. Формирование и развитие технической интеллигенции Чувашской АССР в 1920-1991 гг. Чебоксары: ЧГПУ, 2002.
7. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. М.: Политиздат, 1968. Т. 4.
8. Руссаков С.Г. Реорганизация управления промышленностью и строительством в Чувашии в 1957 г. и ее первые результаты // Вопросы экономики и истории Чувашской АССР. Ученые записки. Вып. XXII. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. С. 125–142.
9. Степанов В.Р. НТР: государственная политика и регион (на материалах индустриально-го развития республик Волго-Вятского экономического региона в 50 – 80-е годы). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 368 с.

МИНЕЕВ АЛЕКСЕЙ ИГОРЕВИЧ – кандидат исторических наук, специалист по работе с образовательными учреждениями, ООО «Лидер софт – внедренческий центр», Россия, Чебоксары (minalig@inbox.ru).

MINEEV ALEXEY – candidate of historical sciences, specialist in work with educational institutions, Limited Liability Company «Leader Soft is an innovation center», Russia, Cheboksary.

УДК 94/99
ББК 63.3(0)6

Р.В. МИХАЙЛОВА, О.А. ДАНИЛОВА, А.А. НАУМЕНКО

ИЗМЕНЕНИЕ ДУХОВНОСТИ КРЕСТЬЯН РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ГОСУДАРСТВА

Ключевые слова: государство, крестьяне, реформа, Россия, П.А. Столыпин, собственность, земля, община.

Рассмотрено изменение духовности крестьянства России в начале XX в. под воздействием государства. Столыпинская реформа аграрной политики государства призвана была способствовать формированию проникнутой идеей собственности крестьянства. Однако непоследовательность в реализации программы реформ, антисобственническая специфика крестьянской общины, начавшиеся мировая война и революция не дали возможности развития сознания собственности крестьян. Их неадекватное поведение в большом обществе обернулось антигосударственным настроением. В результате крестьянские массы вместе с рабочими ниспровергли государство.

R. MIKHAILOVA, O. DANILOVA, A. NAUMENKO

THE CHANGE OF SPIRITUALITY OF RUSSIAN PEASANTS UNDER THE INFLUENCE OF THE STATE AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

Key words: state, peasants, reform, Russia, Stolypin, property, earth, community.

The article focuses on the change in spirituality of Russian peasants at the beginning of the twentieth century under the influence of the state. The Stolypin reform of the state agrarian policy was intended to promote the formation of the peasantry imbued with the idea of property. However, the inconsistency in the implementation of the reform program, antipositive specificity of the peasant community, the World War and the Revolution did not enable to give opportunities for the development of conscience of ownership of the peasants. Their inadequate behavior in the Big Society turned into anti-government mood. As a result, the peasant masses together with the workers overthrew the state.

Российское крестьянство имеет тысячелетнюю историю. К началу XX в. оно составляло большинство населения России. По данным на 1913 г., три четверти его жило и работало в деревнях, в 20 млн крестьянских дворов. По сравнению с экономически развитыми странами Европы в России этому обстоятельству способствовал ряд особенностей: относительно позднее земледельческое освоение Восточно-Европейской равнины, общая геополитическая обстановка в российском государстве, специфика экологических и экономических условий.

Хотя количественно крестьянство преобладало, реальное положение его в обществе было несправедливым. До 1861 г. крестьяне жили вообще без права и прав. В обыденной жизни они жили по нормам обычного права, которое было распространено в рамках отдельной крестьянской общины и не имело обязательной силы за пределами мира. Оно регулировало отношения индивида и социума, но не обеспечивало его прав. Составными частями крестьянского вопроса в России были: личное освобождение крестьян, утверждение земельной собственности, упорядочивание землепользования. Запоздание в решении первой части обусловило отсрочку и затягивание постановки и решения двух последних. В дореволюционной России частная собственность крестьянина распространялась лишь на часть средств производства – движимое и недвижимое имущество (рабочий скот, строения, сельскохозяйственный инвентарь, посевной материал). Владельцем и хозяином земли была община. Отношение крестьянина к общинной земле было весьма ограниченным – он ею только пользовался, выступал в роли наемщика, берущего на себя обязанности за разного рода льготы и пособия [15. С. 100; 9. С. 83].

Важным этапом на пути утверждения земельной собственности и упорядочивания землепользования была столыпинская реформа аграрной политики

российского государства. Реформа (1906 г.) предусматривала переход от старых, общинных порядков к решительной ломке общины путем выхода из нее крестьян, владеющих участками, и закрепления их в личную собственность. По мнению П.А. Столыпина, отдать укрепленный участок в личную собственность домохозяина означало: «дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью... избавить его от кабалы отживающего общинного строя». В реализации царского Указа от 9 ноября 1906 г. правительство намерено было опираться «не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных» [1. С. 45]. «Крепкое, проникнутое идеей собственности богатое крестьянство служит везде лучшим оплотом порядка и спокойствия; и если бы правительству удалось проведением в жизнь своих землеустроительных мероприятий достигнуть этой цели, то мечтам о государственном и социалистическом перевороте в России раз навсегда был бы положен конец...», – говорилось в особом секретном журнале Совета Министров от 13 июня 1907 г. [1. С. 43].

Правовые и экономические отношения крестьян с государством при этом оставались сложными и запутанными, что определяло отсутствие последовательности в реализации программы реформ. Так, после того, как земля становилась собственностью «укрепленца» (за крестьянами закреплялись участки по их фактическому состоянию в данный определенный момент), на нее (землю) налагались известные ограничения. Они включали в себя: запрет передачи лицам иного сословия и заклада в любом банке, кроме крестьянского, продажа за личные долги. Эту землю можно было завещать только по обычаю, т.е. близким родственникам. Ограничение было и на скупку земли шестью наделами в одни руки (эта мера была направлена против концентрации земли, когда вместо более или менее многочисленного класса кулачества образовался бы немногочисленный слой помещиков-нуворишей) [1. С. 46]. Вследствие указанных ограничений главный субъект аграрной реформы – крестьянин – не получил полной экономической и иных свобод. Побочные цели реформы (нежелание ее творцов пожертвовать политическими привилегиями крупных землевладельцев – помещиков) оказались важнее главной, и власть фактически не создала социальной силы мелких землевладельцев. В результате проведения столыпинской аграрной реформы, по данным С.М. Дубровского, из общины вышло 22% домохозяев. Они закрепили в личную собственность 14% общинной земли [2. С. 19]. Новоиспеченные реформой «сильные хозяева», т.е. кулаки, составили всего 4–5% сельского населения [1. С. 52]. На своих сельских сходах крестьяне часто не давали согласия выйти из общины изъявившим на это желание. Причем согласие зачастую достигалось лишь под нажимом земского начальника. Ясно, что крестьяне по-прежнему хотели жить общиной. Результаты свидетельствуют о том, что общину разрушить, как это задумал П.А. Столыпин, не удалось.

Одним из важнейших инструментов разрушения общины и насаждения мелкой личной собственности было переселение крестьян на Юг и Восток России. Правда, уезжавшие с насиженных мест за Урал (а также в Казахстан и Среднюю Азию) крестьяне (примерно 1,3 млн) массово возвращались обратно домой, но уже в еще худшем положении, ибо их прежние хозяйства были проданы. Переселение сопровождалось пересмотром внутреннего и внешнего мира крестьянина: разрывом со «своими», необходимостью полагаться только на себя. Такое положение связано с риском, поскольку утрачивалась «моральная общность» крестьян. Помимо получения земельного участка переселение не учитывало многие другие проблемы, связанные с ведением крестьянского хозяйства.

Переселенческая политика в конечном счете не способствовала разрядке земельной тесноты. Если до реформы Столыпина крестьяне обычно имели 1–2, а некоторые 1/2 десятины земли (для сравнения: помещики – 1000 десятин), то хуторянин или владелец отруба имел 5–7 десятин [1. С. 48, 51]. При этом деревня все равно оставалась низкопроизводительной и нищей. «Обратите внимание на безземельных и малоземельных... загляните в любую деревню, какая там царит голодная и холодная нищета. Крестьяне живут чуть ли не совместно со скотиной, в одном жилом помещении. Какие у них наделы? Живут они на 1 десятине, на 1/2 десятины, на 1/3 десятины, и с такого малого клочка приходится воспитывать 5, 6, и даже 7 душ семейства», – так заявил один из крестьян-депутатов на заседании Думы в 1908 г. [1. С. 48]. О социальной напряженности в деревне в связи с малоземельем и безземельем свидетельствует и письмо другого крестьянина, считавшегося одним из лучших представителей своего сословия, в газету в 1911 г.: «Был на войне, это страшная вещь, но страшнее всего, в том числе и войны, когда жена и дети сидят без кусочка хлеба. Нет земли – в этом все дело. Как мне избавиться от голода?... Мы говорим барину: «Дайте земли». А ответ барина таков: «Надо уничтожить треть народа, тогда хватит земли на всех» [1. С. 52]. Поскольку большинство крестьян оставалось на местах, естественный прирост населения в деревнях продолжался. Все эти явления и процессы таили в себе опасность нового революционного взрыва в деревне. Миллионы обезземеленных крестьян, не удовлетворенных землеустроительными мерами, становились потенциальной силой революции. Л.Н. Толстой в своих религиозно-философских произведениях отразил настроения протеста крестьян против несправедливости социальных порядков. Накануне 1905 г. он писал: «Среди большинства русского народа началась та невидимая, глухая, но подлежащая взвешиванию работа освобождения сознания» [12. С. 249]. Эта работа еще более усилилась в последующие годы, особенно во время первой мировой войны. В течение 1917 г. крестьяне активно захватывали земли помещиков.

Начавшиеся складываться в недрах российского общества реальные рыночные отношения были прерваны мировой войной и революцией. То, что скоро пришла революция, не давшая возможности развернуться ей (собственности), в действительности означало: крестьянской собственности в России не возникло. В связи с этим российский историк Н.Л. Рогалина пишет: «Крестьянин не был наделен собственностью, и весь строй крестьянской поземельной общины выступал не как правовой, а как антисобственнический» [8]. В этих условиях крестьянство не могло развить в себе сознания собственности. Институт собственности не стал привычкой, прочным регулирующим началом жизни крестьянских масс. Речь идет об отсутствии у них духа собственности. «...наш крестьянин не стал собственником – буржуа, каким должен быть всякий культурный мелкий земледелец, сидящий на своей земле и ведущий свое хозяйство» [11. С. 241]. Существовавшие элементы крестьянской собственности в дореволюционной России не играли заметной роли в обществе.

Основными землевладельцами в России оставались помещики. В ходе реформы Столыпина они охотно продавали свои имения Крестьянскому банку, который путем скупки земель создавал свой земельный фонд, затем дробил их и пускал в продажу отдельным крестьянам, разным земельным объединениям. Сказанное касается не столько количества помещичьей земли (хотя это тоже имеет значение), сколько самого факта существования данной формы землевладения. Культура обработки помещичьей земли мало отличалась от крестьянской. Все это консервировало отсталость, обособленность крестьянского хозяйства, его хозяйственную безынициативность, сословную неравноправность.

Ускоренное с началом мировой войны обострение проблем усилило озлобление крестьян против помещиков, «которых нужно стереть с лица земли» [3. С. 77]. Крестьяне возмущались тем, что богатые устраиваются в разного рода военные предприятия, а в войска брали только бедняков, последних работников на селе [3. С. 81]. В борьбе против помещиков традиционные формы крестьянского движения слились с антивоенными выступлениями. Помещица Л. Терлецкая из Орловской губернии в своем письме к министру внутренних дел жаловалась: «В минувшем 1914 году, 7 сентября, у меня был подожжен омет овсяной соломы и весь другой корм для скота, все дотла сгоревшее. Мною заявлялось властям, что в данной местности среди местных и окружных более зажиточных крестьян образовалась преступная «лига», задававшаяся целью непременно выжить намеченных ею земледельцев из их имений путем постоянных поджогов, чтобы таким способом воспользоваться их землями на праве аренды или купли в собственность» [16. С. 105].

Деревенская беднота усилила борьбу не только против помещиков, но и против кулачества, претендовавшего на монопольное владение как надельной, так и помещичьей землей. Эта борьба особенно усилилась в ходе проведения землеустроительных работ в период войны. Крестьянки-солдатки оказывали сопротивление землемерам, отказываясь выделиться на отруба, мотивируя это тем, что ждут возвращения с фронта своих мужей и сыновей, которые в своих письмах в деревню писали: «Не выходит из общины», «Не платить налоги». В селе Зерикла Бугурусланского уезда Самарской губернии выступление кончилось тем, что прибывший в село отряд стражников численностью 40 человек арестовал около 50 крестьян, главным образом женщин [7. С. 383]. В активизации выступлений крестьян в годы войны сказались и воспоминания о массовом аграрном движении 1905 – 1907 гг., когда они добивались определенных результатов в борьбе против царской администрации и помещиков.

Солдатские письма в тыл, в деревню были насыщены пониманием того, что «наше (российское. – *Авт.*) правительство заглушило жизнь бедного крестьянина, которому не за что класть свою голову» [3. С. 82]. Через ненависть к командному составу армии обосновывалась необходимость уничтожения его, свержения царя и правительства. Влияние войны на крестьян-солдат состояло в том, что в своих размышлениях они выходили далеко за пределы круга привычных крестьянских дел. Психологический шок, вызванный войной, рождал новое направление мыслей, которое противоречило нравственным представлениям, а нередко происходил и отказ от религиозно-нравственных устоев. Война породила немало тех, кто сомневался в религии. Среди них было немало таких, которые не посещали церковь в праздничные и воскресные дни. Одна из причин этого явления состояла в том, что, по мнению одного из священников, крестьяне «пользуются случаем увеличить заработок во время, по законному порядку не назначенное для заработков», в чем заключалось «пренебрежение заповеди божьей из корыстных расчетов...» [3. С. 38].

Обостренное войной ощущение самоценности земной жизни разрушающе действовало на религиозные моральные нормы, способствовало рождению нового представления о смысле жизни. «Выдумки, говорю, выдумки вражьи. Душа да душа! ... А душа в теле хороша. А хорошо тело – повсегда при деле... Значит, работай, округ себя смотри и об земном пекись» [13. С. 138]. Словом, война, будучи суровой школой жизни крестьян, у одних рождала чувство индивидуалистического протеста, других – ожесточала и развращала, а

у многих формировались желание расплаты и чувство бесстрашия. Освобождение сознания сопровождалось вытеснением религиозно-сдерживающих начал в русском крестьянстве.

Конкретно-исторические условия российской действительности, вызванные войной, сопровождались взрывом бунтарских наклонностей селян, что лишней раз доказывает, насколько сельское население неустойчиво в своем спокойствии. Кроме того, в годы войны в деревнях активнее стали выступать крестьянки-солдатки, действия которых усилили элементы стихийности и неорганизованности.

Крестьянство в годы первой мировой войны все больше охватывалось политическими настроениями. Ее воздействие на крестьянские массы совпало с их особенной восприимчивостью идей русской интеллигенции, выражавшей неприятие монархии. Монархия привлекала к себе узкий круг близких к ней элементов, но нераздельно обладала государственной властью России. Рядом своих непродуманных актов самодержавие породило в ее душе, помыслах и навыках психологию и традицию отчуждения и отщепления, связанную с постоянной, скрытой, подпольной, иногда открытой революционной борьбой с государством [11. С. 237, 239]. «Духовные яды» государственного отщепенства интеллигенции проникли и в крестьянство. В 1917 г. одетые в серые шинели крестьянские массы вместе с рабочими низпровергли государство. Причины антигосударственных настроений крестьян помимо других в немалой степени имелись в них самих. «Практичный крестьянин, – писал К. Каутский в 1906 г., – только тогда заинтересуется государством будущего, когда оно станет государством настоящего» [5. С. 17]. Крестьянское отношение к государству базировалось на нравственном идеале народного вече, сельского мира, авторитарного хозяина семьи. В русской общественной мысли славянофилам принадлежит заслуга того, что они указали на стремление крестьян к образу жизни, основанному на модели сельской общины, к властной структуре типа мирского схода. Отсюда понятно, что отношение русского крестьянства и государственной власти в своей основе базировались на социокультурном расколе. Мы разделяем вывод, в котором утверждается: «в основе отношений крестьянской России и государственной власти находится социокультурный раскол, поскольку у каждой из этих частей общества существовала своя система смыслов, ценностей, норм и отсутствовала важная для интеграции общества единая нравственная основа» [4. С. 15]. Так, одна часть общества признавала ценности государственной власти, другая (большая часть) – догосударственные ценности.

Неадекватное поведение крестьянства в большом обществе породило почву для спекуляции при объяснении причин революции 1917 года. Сторонники простого объяснения ответ находили в «невежественности», государственной неподготовленности народа. Он своим грубым, неумелым поведением погубил-де «страну и революцию». Такое объяснение было созвучно сторонникам идеализации крестьянства, также расхваливших в своей оценке с реальной действительностью. «Что же это за политики, которые в своих программах и своем образе действий считаются с каким-то выдуманном идеальным народом, а не с народом реально существующим» [14. С. 253]. При любых объяснениях объективность рассмотрения проблемы требует не отказываться от версии участия крестьянства в революции с ее негативными последствиями. Речь идет о том, что от уровня культурного развития крестьянских масс зависит, какая политическая организация, какие политические идеи и способы действий окажутся наиболее влиятельными. Однако реальность

российского общества состояла в том, что в крестьянстве в силу исторических причин накопился значительный запас противогосударственных, социально-разрушительных страстей и инстинктов. Если для крестьян в общине имеются все свои, то в обществе они тоже содержатся, но, по их мнению, там еще больше чужих. Такое положение определяет специфику образа мыслей и поведения крестьян в большом обществе.

Таким образом, изменения в духовности крестьянства России в начале XX в. в немалой степени происходили под воздействием государства, с одной стороны; с другой – крестьянская духовность с присущей ей способностью и сама порождала в нем те или иные изменения.

Литература

1. Аврех А. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России // Коммунист. 1991. № 1. С. 40–53.
2. Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М.: Наука, 1975. 398 с.
3. Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988. 237 с.
4. Казинцева Л. В. Проблема крестьянства в социально-философской концепции: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1995. 18 с.
5. Каутский К. Агитация среди крестьян в Америке. Киев: Изд. Е. П. Горский, 1906. 24 с.
6. Михайлова Р. В. Духовность крестьянства как всеобщий способ его самовыражения: дис. ... докт. филос. наук. М., 2000. 418 с.
7. Попов Ф. Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии: 1902 – 1917. Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1969. 623 с.
8. Рогалина Н. Л. Аграрный кризис в российской деревне в начале XX века // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 10–22.
9. Симуш П. И. Мир таинственный... Размышления о крестьянстве. М.: Политиздат, 1991. 255 с.
10. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. М.: Молодая гвардия, 1991. 441 с.
11. Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины / С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 235–250.
12. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.: Терра, 1992. Т. 8. 664 с.
13. Федорченко С. З. Народ на войне. М.: Сов. писатель, 1990. 399 с.
14. Франк С. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 510 с.
15. Холодков В. Православные традиции в российском землевладении // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 97–105.
16. Шестаков А. В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем 1917 г. Л.: Прибой, 1927. 191 с.

МИХАЙЛОВА РЕНАТА ВАСИЛЬЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (neti-mix@yandex.ru).

MIKHAILOVA RENATA – doctor of philosophical sciences, professor of Philosophy and History Chair, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary.

ДАНИЛОВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (olgadaniilova20@rambler.ru).

DANILOVA OLGA – candidate of philosophical sciences, associate professor of Philosophy and History Chair, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary.

НАУМЕНКО АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и истории, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (andrejnaumenko@yandex.ru).

NAUMENKO ANDREY – candidate of philosophical sciences, senior teacher of Philosophy and History Chair, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary.

УДК 392.5(=512.111)
ББК Т521(=635.1)-534

А.А. ОСИПОВ

ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА В ДОМЕ НЕВЕСТЫ У ЧУВАШЕЙ ВИРЬЯЛ

Ключевые слова: свадебный обряд, церемониал, верховые чувашы, поезд родственников жениха и невесты, место свадебного действия, музыкант-исполнитель на волынке, типы свадебных напевов.

Ставится задача определения общей структуры и трансформации центрального этапа церемонии свадебного обряда в доме невесты у чувашей вирьял во взаимодействии с традиционной свадебной музыкой. Исторический период определяется XIX – XX вв., временем расцвета и угасания традиции. Культура этой этнографической группы вызывает научный интерес многих специалистов. Поскольку она является одной из наиболее устойчивой локализованной традицией.

A. OSIPOV

FEATURES OF THE WEDDING CEREMONY IN THE HOUSE OF THE BRIDE IN ACCORDANCE WITH THE RITES OF CHUVASH VIRYAL

Key words: wedding ceremony, ceremonial, Chuvash viryal (highland Chuvash nation), procession of the bride and groom relatives, wedding ceremony venue, bagpiper, types of wedding melodies.

The task is to determine the overall structure and transformation of wedding ceremony in conjunction with the traditional wedding music in the house of the bride of Chuvash viryal. It is embraced by the period of XIX – XX centuries, the time of flourishing and fading of this tradition. The cultural habits of this ethnographic group attract justified scientific interest of many experts as they dispose the most invariable local tradition.

Вопросами структуры свадебного обряда верховых чувашей занимались А.К. Салмин [18], Е.А. Ягафова [20], по ним имеется база источников в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, в трудах С.М. Михайлова [2], Словаре Н.И. Ашмарина [1]. В работе над статьей использовались полевые материалы и опубликованные работы автора [13].

Свадьбу *вирьялы* устраивали чаще всего летом по завершении весенних полевых работ. Группы персонажей поезда невесты и жениха формировались параллельно в доме своих родителей. Поезд невесты *хёр туйё*, в котором участвовали её сверстницы *хёр суммисем*, до прибытия поезда жениха выезжал для прощального угощения к своим родственникам [3]. Свадьба невесты возвращалась в родительский дом незадолго до приезда женихова поезда *арсын туйё*, а иногда и вместе. Здесь происходила встреча двух свадеб. К концу XIX в. указанная традиция стала утрачиваться, а во второй половине XX в. – практически прекратилась [4].

Для проведения главных действий церемонии устраивали место гуляния – *шильяк* (варианты – *шилёк*, *силёк*). По четырём сторонам на чурбаны укладывали широкие доски в виде лавок со входом с западной стороны, через который въезжал свадебный поезд жениха. По краям *шильяк* вкапывали срубленные деревца берёзы или липы, внутри ставили стол и стул для главы свадьбы. Место свадебного гуляния устраивалось во дворе, а обрядовые деревца устанавливали даже зимой. «Чаще всего берёза ассоциируется у чувашей с божеством *Шильёк*», – пишет А. Салмин [18. С. 163], указывая на возможность символизации *Туря* через берёзу.

Невеста, покрытая девичьим покрывалом, находилась в отдельном помещении (чулане, клети, в соседнем доме). Свадебным гостям её показывали лишь незадолго до отъезда из родительского дома. Достигнув деревни невесты, поезд жениха останавливался у закрытых ворот её дома. Глава свадьбы *туй лусё* произносил короткое приветствие от имени жениха и его поезда, уплачивал род-

ственникам или сверстницам невесты *алӑк укҫи* – воротные деньги, после чего поезд въезжал во двор. В отдельных описаниях глава свадьбы, жених, старший и младший дружки верхом на конях трижды посолонь объезжали *шыльӑк*. Отец невесты расстилал кошму возле жениха, сидящего верхом на коне, укладывал на неё деньги и подносил кружку с пивом. Если жених приезжал в повозке, встреча имела варианты. Подъехав к дому невесты, жених или глава свадьбы платили воротные деньги, въезжали во двор, где отец невесты встречал жениха. В описаниях старинных свадеб обращает на себя внимание следующее: после въезда жениха и главы свадьбы во двор верхоконные участники поезда делают несколько кругов по улице, пускают лошадей вскачь, проделывая различные трюки, демонстрируя мастерство езды, и только затем въезжают во двор [5].

Шыльӑк в доме родителей невесты.

Начало XX в. Фото из фонда Н.В. Никольского.

Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук

Родственники невесты собрались в *шыльӑк*. Начало XX в.

Фото из фонда Н.В. Никольского.

Научный архив

Чувашского государственного института гуманитарных наук

Во второй половине XX в. встреча жениха с родителями невесты, а чаще с отцом, происходила перед воротами. Жених становился на одеяло или ковёр и подбирал положенные на него деньги. Имеются отдельные описания обрядов, в которых вместо кошмы жениху подкладывали *сытар* – подушку. Но этот элемент, по всей вероятности, является трансформированным вариантом классической традиции, где подушку удлинённой формы подкладывали жениху и членам его свиты, когда они усаживались за стол. Уплата воротных денег происходила на фоне пения многолюдного хора. Музыканты-волынщики, а в поздней традиции гармонисты, демонстрировали мастерство, свадебные женщины – *туй арӑмӑсем* и *пуса каччисем* – неженатые парни пели свадебную песню родственников жениха.

К концу XIX в. в доме невесты уже преобладали церемонии с одним местом гуляния, но традиционно каждый поезд имел свой локус. Их называли главный и малый *шыльӑк*. Родственники жениха и невесты

гуляли врозь, заходить на чужие территории запрещалось. На главном *шыльӑк* находился поезд жениха. Несмотря на запрет, парни со стороны невесты пробирались на чужую территорию. «Из-за этого ... происходят такие драки и побои, что дело доходит до волостного суда» [4]. В традиции с общим локусом для жениха накрывался отдельный стол, за которым он сидел вместе с отцом. Встречаются варианты, где кошму и уплату жениху подкладывали, когда он усаживался за стол [6]. В поздних традициях свита жениха первоначально входила в избу, а затем спустя некоторое время перемещалась в *шыльӑк*. Первыми в дом входили жених или глава свадьбы вместе с отцом. Жениха сопровождали посаженные родители.

Родственники невесты начинали угощать членов свадебного поезда жениха. В этот момент пение приостанавливалось и не возобновлялось до тех пор, пока младший дружка – *кёсён кёру* – не устраивал своего угощения: выкупал у подружек невесты приготовленную хозяевами бочку с пивом и потчевал всех присутствующих [5]. Завершив угощение, младший дружка первым начинал танец под песню женщин. Затем в танец входили *туй ачисем* – неженатые парни, приглашая по очереди женщин своего свадебного поезда. Во второй половине XX в. пиво выкупалось у хозяина дома целым бочонком, который возвращался в послесвадебном обряде угощения – *тавӑрна* – наполненный пивом противоположной стороны [7, 8]. В отдельных традициях невеста, вернувшись после прощания с родственниками, устраивала небольшое отдельное застолье в чулане (амбаре или другом помещении), куда, предварительно уплатив выкуп, входил жених и оставался там на все время свадебного гуляния, выходя с будущей женой только перед отъездом свадебного поезда [5, 9]. Сюда приглашались родственники для угощения и знакомства с молодыми. Среди обычаев начального эпизода церемонии в доме невесты существовал обряд *ура йӑтни* – поднимание за ноги. Сидящего на стуле жениха, с четвертью вина и стаканом, трижды поднимали вверх. На третий раз жених наливал в стакан вино и трижды брызгал на гостей с приговоркой «пусть всем достанется» [10]. К концу XX в. он вышел из обихода.

Глубинное значение сохранял обычай угощения главой поезда жениха родственников невесты. Кроме него в старой традиции гостинцы привозил также старший дружка – *ман кёру* [5]. Угощение главы свадьбы начиналось общим молением. «Полный дом народу, встав на ноги, надев шубу, «молятся нашим языком» (т.е. текстом молитвы исповедующих традиционную религию. – А.О.). Отец невесты, взяв шапку, приоткрыв дверь, молится богу. Затем пробуют гостинцы» [1. Т. 7. С. 56]. Лепёшки – *сӱхӱ*, сыр – *чӑкӑт*, бочонок пива, вино привозили в специальных сумках *такмак*, *кушел* или *пештёр* [5]. Количество гостинцев варьировалось и имело семантическое значение, сыр и лепёшки сохраняются и сегодня. Направляясь за невестой, набирали нечетное количество. Перед отъездом из дома невесты глава свадьбы снова набирал продукты в суму – теперь для угощения (молитвы) в доме жениха. На этот раз набиралось чётное число. По обычаям чувашской традиции гостинцы запрещалось резать ножом, а взяв в руки, необходимо отламывать, молясь и поминая умерших.

После завершения своего угощения глава свадьбы призывал всех к веселью. По указке первой запевала его жена – *туй пуç арӑмё*, в позднейшей традиции – *хӑйматлӑх амӑшӑ* – посажёная мать, их напев подхватывали все участники свиты жениха [11]. Порядку следования «выступлений» информаторы придают особое значение. Для определения структуры музыкального действия важны регламент и запреты на участие в церемонии отдельным персонажам. Степень их значимости четко определяется замечанием: «На свадебное место (*шыльӑк*. – А.О.) выходит петь и плясать посажёная мать. Ей можно плясать, а посаженому отцу – нельзя. Свадебные парни вначале пляшут, потом поют ...

Посажёному отцу и в это время плясать нельзя... А песни – их зачинает посажёная мать – за ней поют все остальные женщины» [16]. Пение и танцы запрещались главе свадьбы, жениху, невесте, родителям. Для жениха существовал особый запрет на участие в музыкальном действии. Его нарушение могло привести к болезни и даже смерти будущей жены [1. Т. 14. С. 96]. В такой же степени статично поведение невесты. Петь и танцевать ей запрещалось вплоть до обряда инициации, т.е. включения в социум замужних женщин, который проводили через полгода после свадьбы.

В чувашской свадьбе существует два традиционных плача невесты *хёр йёрри* (варианты – *хёр хўххи*, *хёр асәнни*) средненизовой и низовой традиции с рядом узко локальных напевов. В свадьбе верховых чувашей обычай плача невесты не выявляется. Очевидно, указанная традиция вышла из обихода верховых чувашей значительно раньше, в XVIII – начале XIX вв. В традиции борских чувашей нам удалось записать плач невесты местного типа [15]. Они переселились сюда из верховой зоны Чувашии во второй половине XVIII в. [19. С. 82]. Возможно, данный напев привезён ими на новую родину и сохранён до конца XX в.

Важной и ответственной была функция музыкантов-исполнителей *шăпăрçă*, игравших на волынке чувашской разновидности (*шăпăр*) или *купăсçă* – скрипке (*сёрме купăс*). Резервуар *шăпăр* изготавливали из мочевого пузыря быка, поэтому волынщиков в просторечии называли «пузырщики». Музыкант-волынщик считался необыкновенным человеком, наделённым магическими способностями связываться с невидимыми силами. Его присутствие на церемонии, звучание инструмента очищали происходящее, защищали молодых от «нечистой силы» и враждебного вмешательства [4]. К концу XIX в. из народной обрядности волынка начинает вытесняться гармониками, но вплоть до первой четверти XX в. она звучала на свадьбах и обрядах погребения [2. С. 41]. Кроме волынки на верховой свадьбе играли на чувашской разновидности барабана – *параппан*. Он звучал в ансамбле с волынкой для сопровождения танцев, а также в аккомпанементе к обрядовым песням. В чувашской традиции *параппан* локально дифференцирован. В низовой традиции он не имел подобного распространения, а в средненизовой бытовал только в зоне, приграничной с верховыми чувашами. Сегодня *параппан* используют в ансамбле с гармониками. В свадебной церемонии много театральности, демонстрационности, что проявляется не только в чётком разделении действий между персонажами, но и в самой игре, танцах, пении. Неженатые парни поезда жениха поднимаются на доски *шыльăк* для того, чтобы плясать [5]. Описывая свадьбу, С. Михайлов приводит факт исполнения плясовых мелодий музыкантами, которые играли, стоя на досках *шыльăк* [2. С. 62]. В его же работе один из главных персонажей свадьбы произносит свои слова, «встав на устроенные лавки шилик» [2. С. 67].

Встречным угощением поезду жениха следовало угощение подружек невесты – *хёр сұмёсем*. В структуре обряда, соответствующей обычаям некрещёных чувашей, подружки невесты персонально подносили младшему дружке миску с едой и каравай хлеба, часть которого он откусывал и забирал с собой. После чего родственники невесты приносят «полштофа вина, ведро пива, блины и угощают свадебных людей» [6]. Встречное угощение производилось не произвольно, а имело обрядово обусловленное место. Очевидно, что горбушку хлеба, которую брал с собой младший дружка, использовали в молении в честь молодых в доме жениха. В данной традиции музыкальное действие начинали после завершения встречного угощения. В более поздних обрядах встречное угощение производилось параллельно танцам и пению. В игровой форме девушки продавали ложки вначале младшему дружке, затем холостым парням и другим персонажам – мужчинам. Угощали мясным бульоном *шўрпе*, пирогами и хлебом [5]. В

отдельных традициях современной свадьбы зафиксирован обряд угощения пирогами с кисточкой – *моркка*, *муркка кукӓлӓ*. *Моркка*, как и марийское *морко*, переводится «кисть, украшение». Пекут мелкие пирожки с разной начинкой, с одного конца их продевают ниткой, к которой прикрепляют кисточку из разноцветных ниток или вышитый платок. Подружки невесты дарят пирожки во время танца *моркка ташиши*, приглашая неженатых парней поезда жениха. Возможно, танец *моркка ташиши* является результатом взаимовлияния с соседними марийцами и трансформировался в один из элементов обряда взаимного угощения. Поскольку обнаруживается лишь во второй половине XX в., а локально ограничен в приграничье Чебоксарского и Моргаушского районов [17. С. 74].

В отдельных описаниях свадьбы в доме невесты упоминается обряд *ура эрехӓ* (досл. «вино для ног»). Члены поезда жениха угощают родственников невесты параллельно с музыкальным действием [16]. Он бытует там, где в начале церемониала утрачен обряд угощения младшим дружкой и главой свадьбы. Переместившись несколько позднее в центральный эпизод, он трансформировался и приобрёл другое название. В некоторых традициях бытует обычай обрядового кушанья. После выкупа невесту усаживают рядом с женихом и угощают яичницей [10]. В качестве обрядового кушанья служит встречное угощение родственников невесты в других современных традициях. Подруги невесты варят суп с клёцками на молоке и угощают родственников жениха за выкуп [12]. Об этих обычаях не упоминается ни в одном из описаний XIX в. Их проводили в доме жениха после привоза невесты. В таком виде они существуют и поныне, кроме сёл юго-восточной части Ядринского района. Очевидно, что два последних эпизода являются элементами современного варианта.

В старой традиции важное значение имел обряд вывода невесты из клетки в *шыльӓк* или в избу. Глава поезда невесты *вӓй-кил-поҫ* приходил трижды к родителям невесты и спрашивал о деталях приданого. Переговоры имели игровой характер. Получив удовлетворительный ответ родителей, глава поезда подходил к невесте и с пожеланием здоровья выпивал пиво из ковшика. После чего подружки накидывали ей покрывало, которое та трижды отвергла. Глава поезда давал указание волынщику своего поезда играть плясовую мелодию и начинал свадебный танец, приглашая подружек невесты. После танца невесту приводили к столу в *шыльӓк* или избу, где для неё было приготовлено своё место. В старой традиции, где было два локуса противоположных поезда (два *шыльӓк* или *шыльӓк* с родственниками жениха и изба с родственниками невесты), в каждом из них существовало своё музыкальное действие со своими исполнителями. Во время наиболее активного музыкального действия перед началом заключительного этапа церемонии две противоположные группы соединялись. В этом эпизоде внимание участников обращали на себя волынщики – они устраивали соревнование, которое часто заканчивалось опасными для здоровья эксцессами – «от каковой натуги часто случается, что у иного музыканта открывается кровотечение из носу и рта, и, наконец, истощив последние силы, он падает замертво...» [2. С. 38].

Заключительный этап церемонии начинался последним угощением свадебных гостей и одариванием невестой близких родственников и подружек. Все это служило сигналом к окончанию свадьбы в доме невесты. Посажённые родители приводили невесту в *шыльӓк*, где она раздавала подарки своим родным и близким в протянутые правые руки. После чего посажённый отец спрашивал, нравится ли подарок, впору ли. Родственники отдаривались уплатой девичьих денег *хёр укҫи*. По данным С.М. Михайлова, невеста угощает каждого по отдельности пивом, а тот «кладёт ей грош или пятак ... и даже по полтиннику, смотря по достатку» [2. С. 60]. Прощаясь с родителями, она просила благословения. Волынщики играли наигрыши, специально предназначенные для

подобных случаев [2. С. 64]. Перед выходом невесту благословляли родители – мать вручала лепешку *сұхұ*, отец – икону. Взявшись за руку и тесно прижавшись друг к другу, молодые выходили из дома в сопровождении посажёного отца. В повозку молодых обязательно укладывали перину. В ранних описаниях невесту под покрывалом выносили и усаживали верхом на лошадь [2. С. 65]. Посажёная мать в этот момент сольно пела напев свадебной песни поезда жениха с текстом, комментирующим происходящее [6].

Важный этап заключительного эпизода – вынос приданого. Его могли выносить по указанию невесты во время раздачи подарков, а также после того как её вывели. Женщины и парни из поезда жениха поют распространённую в верховой и средненизовой традиции формулу «Дайте приданого столько, чтобы продавился обод телеги» [3, 11]. Предварительно выкупленное у подружек невесты приданое младший дружка или посажёный отец выносили на специальную повозку. Захватив со стола встречные гостинцы – лепешки *сұхұ*, сыр *чăкăт* – от родителей невесты, последним выходил глава поезда жениха. Выходя спрашивал «все ли выехали со двора?» [2. С. 65]. Перед самым выездом жених трижды ударял плёткой невесту. Этот обычай с разными трансформациями исполнялся и в поздних традициях [4]. Жених и младший дружка верхом на конях трижды посолонь объезжали *шыльăк*, младший дружка пускал стрелу на восток. Её находили дети и возвращали главе свадьбы [2. С. 64]. В современной традиции выкуп приданого называют *сытар сăлни* или *тўшек сăлни* – выкуп подушки или перины. Во время раздачи подарков невестой жених угощает гостей пивом. Завершая обряд, он наливает два стакана и оставляет на столе. Благословение родителей производится одновременно с одариванием. Мать или крёстная вручают невесте икону и каравай хлеба. В этот момент посажёная мать вместе с женой главы поезда поют свадебный напев с текстом, призывающим невесту к выезду. Данный эпизод имеет символическое значение и является драматургической кульминацией всей церемонии в доме невесты.

Корпус свадебной церемонии в доме невесты у чувашей вирьял находится в русле традиций тюркских предков чувашей скотоводов-кочевников (тенденция к компактному расположению двух поездов в своих локусах, использование молочных продуктов в качестве сакральных, демонстрация верховных наездников перед воротами дома невесты, свадебный кортеж вокруг *шыльăк* трижды посолонь, трехкратное поднимание на «ура» жениха и кропление вином присутствующих, использование кошмы при встрече жениха).

Устройство свадебного места *шыльăк* имело одновременно несколько функций: являлось пространством исполнения церемонии, моления богу, совершения обрядов; разделяло два поезда; выполняло функции подмостков для исполнения песен и танцев, произнесения обрядовых текстов в наиболее значимые эпизоды церемонии, а также для выступления музыкантов в наиболее кульминационных моментах музыкального действия.

Начало танцев и пения, наиболее активный этап, целесообразно отметить как центральный эпизод церемониала в доме невесты. Его продолжительность регламентировалась началом комплекса обрядов-действий, предназначенных для увоза невесты. Порядок их следования варьируется, но традиция устойчива. Структура музыкального действия соответствует общей тенденции: групповое действие предваряется первоначальным сольным исполнением напева или танца одним из главных персонажей. Обряд, как и синкретически связанный с ним музыкальный материал, имеет строго организованную систему.

Выявляется четыре типа формирования мелодической строфы, строго закреплённых за поездами свадебных напевов родственников жениха и невесты [13. С. 122]. Для верховых напевов характерны двух- и трёхсекционные типы. Односекционный тип, наиболее характерный для горных мари, встречается зна-

чительно реже, а четырёхсекционный – в зонах смежных со средненизовой традицией. Отдельные виды распева определяются как жанровые, поскольку встречаются исключительно в свадебных мелодиях [13. С. 132]. Типичными интонационными построениями являются нисходящее направление кадансов, мелодическая строка с характерным рефреном, а также каданс с захватом тонов ниже опорного [13. С. 136]. Последнее, как элемент материнского оригинала верховой традиции, сохранился в свадебных напевах закамских чувашей. Мелострофа с рефреном свидетельствует о том, что, сохраняя маркеры собственной культуры, верховая традиция находилась в тесной связи со средненизовой [14].

В системе социальных отношений музыкант-волынец приравнивался к руководителем обряда, выполнявшим обрядовые религиозные функции в сельской общине. Указанный персонаж продолжал исполнять их и с принятием чувашами христианства. В структуре обряда музыка выполняла одну из самых важных и значимых элементов. Считалось, что музыкант (в аутентичной традиции волынец или скрипач) звуками инструмента общается с богом, сохраняя обряд от порчи и подобной ему самому чужой силы [13. С. 50]. Современная традиция церемониала в значительной степени утратила характер состязательности поездов. Причина состоит в слиянии локусов действия противоположных поездов и трансформации обряда поезда невесты. Утрачены развитая персонажность и, соответственно, их функции, забыты многие элементы, формирующие структуру игры. Действия членов поезда в игре неконкретны и несут общий характер.

Литература и источники

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары, 1928–1950. Т. 1–17.
2. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. 424 с.
3. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 146. Л. 697. Кондратьев П. Ёлэхки чăвашсен туйё (Свадьба старинных чувашей).
4. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 287. Л. 359. Ятманов Я.
5. НА ЧГИГН 3 – НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 147. Л. 165. Андреева Т. Туй (Свадьба).
6. НА ЧГИГН 4 – НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 447–458.
7. НА ЧГИГН 5 – НА ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 542. № 3. Сообщения Иштудовой П.Я., 1921 г.р., Иштудовой А.Г., 1951 г.р.
8. НА ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 423. № 19. Сообщение Шишкина Г.Е., 1932 г.р.
9. НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 529. № 56. Сообщение Носиковой Е.П., 1933 г.р.
10. НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 529. № 24. Сообщение Сергеевой А.С., 1918 г.р.
11. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 268. Л. 81. Тимофеева В. Чикме уес.. Той синчен (Козьмодемьянский уезд. О свадьбе).
12. НА ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 529. № 33. Сообщение Васильева М.В., 1930 г.р.
13. *Осипов А.А.* Чувашская свадьба. Обряд и музыка свадьбы вирьял. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 206 с.
14. *Осипов А.А.* Свадебные песни чувашей анат енчи (Музыкальная типология) // Вопросы истории и теории искусств: сб. ст. / Научно-исследовательский институт яз., лит., истории и экономики. Чебоксары, 1992. С. 86–109.
15. ПМА – Полевые материалы автора 1996 г., № 6 в с. Большое Алдаркино, сообщение Степановой А.А. 1916 г.р.; № 40 в с. Неприк, сообщение Николаевой В.Ф. 1907 г.р., из Борского района Самарской области.
16. ПМК – Материалы экспедиции 1992 г. М. Кондратьева, № 78, сообщения Ефимовой Р.Н., 1933 г.р., Ивановой Л.А., 1948 г.р., из д. Старые Мадики Юськасинского с/с Моргаушского района.
17. *Попова Л.А.* Нам пляску заводить: танцы верховых чувашей / Чуваш. респ. Дом нар. творчества. Чебоксары, 2011. 127 с.
18. *Салмин А.К.* Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010. 240 с.
19. *Ягафова Е.А.* Самарские чувашы (историко-этнографические очерки). Конец XVII – начало XX вв. Самара: Поволжье, 1998. 368 с.
20. *Ягафова Е.А.* Чувашы Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII-начало XX вв.) / ЧГИГН. Чебоксары, 2007. 530 с.

ОСИПОВ АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ – соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alaros@yandex.ru).

OSIPOV ALEXANDER – a competitor of scientific degree of historical sciences candidate of Archaeology, Ethnography and Local History Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 94:342.25(470.1)"187/19"
ББК 63.3(235)53

С.А. ПОПОВ

ДОЛЖНОСТЬ ПИСАРЯ В СТРУКТУРЕ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Ключевые слова: пореформенная Россия, Вологодская губерния, крестьянская община, крестьянское самоуправление, должность писаря.

Представлены результаты исследования функций и роли писаря в структуре крестьянского самоуправления Вологодской губернии в конце XIX – начале XX вв. Рассмотрен принцип формирования кандидатов на данную должность, отражены взаимоотношения писаря со старшиной и старостой. Сделан вывод о том, что, являясь наиболее образованным среди крестьянских должностных лиц, зачастую он становился ключевой фигурой в функционировании волостного правления.

S.A. POPOV

POSITION OF RECORD CLERK IN STRUCTURE OF PEASANTS'S SELF-ADMINISTRATOIN IN VOLOGDA PROVINCE AT THE END OF XIX – AT THE BEGINNING OF XX CENTURIES

Key words: post-reform Russia, Vologda province, peasant community, peasant self-administratoin, position of record clerk.

Results of research of the functions and role of a record clerk in the structure of the peasant's self-administration in the Vologda province at the end of XIX – at the beginning of XX centuries are shown. The principle of the formation the candidate for the position is considered, and the relationship between the record clerk and the officer and the village headman is reflected. The conclusion is that being the most educated among peasant officials, he frequently became a key figure in the functioning of the province Board.

В ходе буржуазных реформ 1860-х гг. в российской деревне произошли преобразования системы местного управления, основанной на крестьянском самоуправлении. Организовывалось данное самоуправление в рамках поземельной общины с её вековыми традициями саморегулирования общественной жизни сельского населения. Сформированная структура, исходя из административно-территориального деления уездов на волости, которые, в свою очередь, состояли из селений, представляла собой два уровня управления: волостное и сельское. Как справедливо отметил выдающийся советский историк П.Н. Зырянов, правительственной властью она воспринималась в качестве низшего административного звена [6. С. 27].

Основными органами самоуправления в сельской местности выступали крестьянские сходы: сельский и волостной. С последней четверти XIX в. в Вологодской губернии в решении дел «домашнего обихода» наблюдалось возвышение роли селенного схода. В нём принимали участие крестьяне одного селения (деревни), входившего в состав поземельной общины. Несмотря на это, до начала 1880-х гг. он не являлся официальным органом самоуправления. 22 ноября 1883 г. указом Первого департамента Правительствующего Сената за № 3877 было законодательно закреплено право крестьян на его созыв [9. С. 155]. Крестьянские сходы являлись представительными органами самоуправления в деревне. На них решались вопросы, охватывавшие все стороны жизни крестьянского общества: политические, социально-экономические, хозяйственные, культурно-нравственные и т.д. Исполнение постановления схода, оформлявшегося в форме приговора, возлагалось на всех членов поземельной общины. Однако в первую очередь за его реализацию отвечали должностные лица сельского и волостного управления во главе со старостой и старшиной, соответственно. Помимо них в пореформенный период аппарат крестьянских должностных лиц в Вологодской губернии составляли: волостные судьи, воло-

стной и сельский писари, сборщик податей, смотритель хлебного запасного магазина, пожарные старосты, лесные сторожа (полесовщики) и др.

Вопросы развития и функционирования крестьянского самоуправления в пореформенной России привлекали внимание многих отечественных исследователей: М.М. Ковалевского [7. С. 155–188], Л.И. Кучумовой [8], П.Н. Зырянова [5, 6], С.В. Голиковой [17. С. 79–168] и др. Анализ данных проблем в основном осуществлялся в ходе изучения реформ и контрреформ второй половины XIX в. и протекавших в деревне социально-экономических процессов.

В настоящей работе рассматриваются деятельность и роль писаря, нередко занимавшего в структуре крестьянского самоуправления, наравне со старшиной и старостой, весьма высокое положение. «Старшина и писарь, – отмечали крестьяне Байдаровской волости Никольского уезда, – непосредственные начальники волости» [14. С. 67]. Поставив цель показать общую картину функционирования должностного лица, мы не акцентировали внимание на подробном рассмотрении его положения отдельно на уровне волости и сельского общества. Более того, возлагаемые на него обязанности как по волости, так и по сельскому обществу совпадали, отличаясь лишь объемом выполняемых работ.

По Общему положению о крестьянах 1861 г. в структуре крестьянского самоуправления наличие писаря являлось обязательным только для волостного правления. Их присутствие в сельском управлении передавалось на усмотрение домохозяев конкретного общества. Однако в губернии был распространён принцип формирования волостных правлений, выражавшийся, с одной стороны, в объединении в волость до нескольких десятков сельских обществ. Так, например, в конце 1870-х гг. Фетиньинская (Вологодский уезд) и Авнегская (Грязовецкий уезд) волости состояли из 32 обществ [1. С. 218]. С другой стороны, в северо-восточных уездах (Сольвычегодский, Яренский, Усть-Сысольский) волостное правление в среднем состояло из двух-трёх обществ, но его границы охватывали значительную территорию. Как следствие, исполнение обязанностей волостного писаря в одиночку по всей волости было затруднительно, поэтому в обществах, как правило, функционировали сельские писари. К примеру, из 15 сельских обществ Аксентьевской волости Кадниковского уезда в 1911 г. сельские писари служили в 9 из них [4. Л. 39]. В обществе, представлявшем собой волость, обязанности сельского писаря исполнял волостной писарь. Кроме того, в таких обществах сельским сходом, на своё усмотрение, дополнительно вводилась должность его помощника. Согласно раскладочному приговору сельского схода Ибского общества, представлявшего собой волость, в 1912 – 1913 гг. делопроизводство в правлении осуществляли волостной писарь Дёмин и один его помощник [10. Л. 9].

В пореформенный период крестьяне предъявляли минимальные требования к образованности сельского жителя. Как отметил в 1880 г. сельский учитель Бережнослободской волости Тотемского уезда Л. Скворцов, к грамотному на селе относили человека, «умеющего сосчитать по бумажкам или монетам деньги, и подписать в известном случае фамилию» [18. С. 1]. К кандидату на должность писаря предъявлялись дополнительные требования. Он должен был не только владеть грамотой и письмом, знать делопроизводство в целом, но и быть знакомым с общегосударственным законодательством о крестьянах и с местными крестьянскими порядками (обычным правом), вести трезвый образ жизни. Последнее, в свою очередь, непосредственно отражалось на делопроизводстве правления. В 1879 г. крестьяне Богородского сельского общества одноименной волости Усть-Сысольского уезда на сходе, состоявшемся 8 февраля, выразили общее несогласие с мнением мирового посредника А.Д. Кишкина, который назначил на должность сельского писаря Е. Шевелева. Свой

протест они мотивировали незнанием кандидатом на должность хозяйственной части счетоводства и незнакомством с жителями общества [19. Л. 79].

Малограмотность, а порой и полная необразованность, среди должностных лиц крестьянского самоуправления была нередким явлением в Вологодской губернии. В конце 1890-х гг. на одном из Вологодских губернских совещаний присутствующие в качестве одной из причин, не позволявшей обеспечить «удовлетворительный личный состав волостного и сельского общественного управления», указали малограмотность должностных лиц [16. С. 534]. Во многих волостных и сельских правлениях писари были единственными образованными служащими. Это обстоятельство непосредственно отражалось как на процедуре формирования аппарата писарей, так и на функционировании волостных и сельских правлений, а также на занимаемом ими положении в структуре местного управления.

Законодательно обязанностью данного должностного лица являлось ведение письменного делопроизводства в правлении: оформление приговоров крестьянских сходов и постановлений волостного суда, заполнение содержащихся в правлении книг, написание ответов на циркуляры уездного начальства и др. На практике на писаря была возложена вся канцелярская работа с документами, касавшимися деятельности сельских обществ. Находясь постоянно в правлении при старшине или старосте, он становился ключевой фигурой в структуре крестьянского самоуправления. «Писарь, – характеризовали его крестьяне Заднесельской волости Кадниковского уезда на рубеже XIX – XX вв., – это главный рычаг всего волостного управления в административном и судебном отношении» [13. С. 677]. А представители Бережнослободской волости Тотемского уезда, выражая своё отношение к исполнению обязанностей волостного старшины, отмечали: «...да и служить то что? – писарь всегда с ним (со старостой. – С.П.) – научит» [18. С. 1].

Нередко по причине малограмотности крестьян, избранных на должность старшины или старосты, исполнение ими служебных обязанностей находилось в непосредственной зависимости от деятельности писаря. В 1905 г. сельский староста Новожиловского общества Вожегодской волости Кадниковского уезда в поданной земскому начальнику А.О. Ангеру жалобе на вновь избранного обществом сельского писаря отметил, что являясь малограмотным, сильно зависел от него самого и его работы. Поэтому, указав в качестве причины недовольства «недоброкачественно ведёт делопроизводство», он просил отстранить его от должности [3. Л. 80]. Встречались случаи, когда положение волостного писаря в правлении было настолько высоко, что деятельность старшины сводилась к простой формальности. Один из таких фактов был зафиксирован корреспондентом «Этнографического бюро», созданного князем В.Н. Тенишевым в Санкт-Петербурге, И.Н. Ивонинским во время его исследования в 1898 – 1899 гг. Байдаровской волости Никольского уезда. В своей рукописи он отметил: «Все дела по тяжбам, жалобам зависят от писаря. Он грамотный; неграмотный старшина по большей части ограничивает свою деятельность только приложением «печати», которую нелегко у него выпросить» [14. С. 67]. Зачастую от деятельности писаря зависело функционирование всего волостного правления. Особенно это наблюдалось в северовосточных уездах (Усть-Сысольский и Яренский) Вологодской губернии, где проживали зыряне, не знающие русского языка. По отзывам служащих уездных присутствий и мировых посредников, местные писари имели здесь решительное влияние на всё управление, не исключая и волостной суд. Как следствие, последний, находясь под их влиянием, потерял доверие как должностных лиц, так и самих крестьян [12. С. 39].

В волостях, где аппаратом самоуправления руководили грамотные крестьяне, писарь не имел столь существенного влияния. Более того, он сам находился в зависимости от старшины и старосты. Так, например, в Койгородском обществе одноимённой волости Усть-Сысольского уезда писарь, прежде чем принять какое-либо решение, касавшееся общественной службы, советовался со старшиной. Только после получения одобрения со стороны последнего он оформлял распоряжение [15. С. 445].

Во второй половине XIX – начале XX вв. в губернии наблюдался дефицит в грамотных писарях, что беспокоило губернское начальство. Уездные чиновники в поисках кандидатов на данную должность прибегали к помощи местной прессы. В 1872 г. в Вологодских губернских ведомостях мировой посредник первого участка Вельского уезда опубликовал объявление: «О вызове лиц на должность волостных писарей». В нём были прописаны требования, предъявляемые к кандидатам, а также размер предлагаемого жалования. В частности, они должны были быть опытными, трезвыми и благонамеренными лицами, способными к исполнению должностей волостных писарей [11. С. 1]. Однако подобные мероприятия не всегда приносили существенных результатов. В 1916 г. губернатор В.А. Лапухин в циркуляре земским начальникам писал о недостатке «среди местного населения лиц, пригодных для писмоводства в волостных правлениях» [2. Л. 5].

Ограниченное количество лиц в Вологодской губернии, способных к исполнению обязанностей писаря, отражалось как на процессе их избрания, так и на процессе исполнения ими своих непосредственных обязанностей. Во многих волостях губернии один писарь одновременно служил в нескольких сельских обществах. В 1911 г. по Верхнераменскому волостному правлению Кадниковского уезда крестьянин Макаров одновременно состоял писарем по Вороновскому, Дмитриевскому, Претиханскому и Угольскому сельским обществам, а по Аксентьевской волости избранный писарем Синявин трудился в Тереховском, 2-м Тереховском и Хмелевицком обществах [4. Л. 39об., 48]. Нередко это затрудняло их деятельность, так как приходилось постоянно перемещаться по сельским обществам. Более того, дефицит лиц, способных исполнять функции писаря, ограничивал возможность крестьянского общества и уездного чиновника заменить его в случае «злоупотребления» им своим служебным положением.

Отсутствие альтернативы кандидатов в писари в крестьянской общине отразилось на том, что все они нанимались обществом, а не избирались. Встречались случаи, когда на эту должность приглашались представители других сословий. Один из таких случаев был зафиксирован в 1904 г. в Богодской волости Усть-Сысольского уезда. Обязанности волостного писаря здесь исполнял запасной старший писарь Санкт-Петербургской бригады отдельного корпуса пограничной стражи из мещан Усть-Сысольска М.Г. Сидоров [19. Л. 265].

Исполнение обязанностей писаря осуществлялось за денежное вознаграждение, которое оплачивалось из мирских средств сельского общества. В отличие от других должностей аппарата крестьянского самоуправления, которые могли осуществляться безвозмездно, предоставление ему жалования было обязательным. Размер оплаты зависел от нескольких показателей: степени благосостояния общины, в которой кандидат нес службу, и количества в ней душ, а также объёма выполняемых им работ. Во время исследования данного вопроса было установлено, что эти показатели варьировались как по волостным правлениям, входившим в один уезд, так и по сельским обществам, составлявшим одну волость. В 1890-х гг. участники Вологодского губернского совещания, обсуждая проблему оплаты труда должностного лица в губернии, отметили, что жалование сельского писаря по региону составляло от 3 до 220 руб. в год [16. С. 610]. В ян-

варе 1916 г. губернатор в циркуляре земским начальникам указал на факт наличия местностей, где оклады волостных писарей не превышали 120–240 руб. в год. Это, по его мнению, являлось совершенно недостаточным для удовлетворения их самых обычных потребностей, а также не позволяло «привлечь для занятия этой должности достойных и опытных кандидатов» [2. Л. 16].

Руководители волостных правлений и сельских управлений, независимо от собственных умений и навыков, были заинтересованы в привлечении на службу в писари наиболее образованных лиц. Причина этого не столько в зависимости их деятельности от него, сколько в эффективности и грамотности ведения писарем делопроизводства. Ведь именно староста и старшина в первую очередь несли ответственность за правильность и своевременность оформления документов и книг в правлении. Выявление уездными чиновниками нарушений сопровождалось приглашением начальников правлений к себе для дачи объяснений, а также наложением на них различного рода наказаний. Однако этот критерий не являлся главным для домохозяев при рассмотрении кандидатур на данную должность. Участники крестьянского схода, на котором принималось решение по найму писаря, зачастую руководствовались не умениями и навыками кандидата на должность, а размером требуемого им жалованья за службу. Один из таких случаев был зафиксирован в 1905 г. в Новожиловском сельском обществе Вожегодской волости Кадниковского уезда. На сходе, обсуждая вопрос о найме сельского писаря, домохозяева отказались продолжить служебные отношения с прежним писарем, проработавшим в обществе семь лет, и на его место наняли нового. При этом руководствовались они тем, что вновь принятый кандидат «предложил меньшую плату жалованья (24 руб.), помимо старого (26 руб. 80 коп.)» [3. Л. 81]. Впоследствии староста жаловался земскому начальнику на неудовлетворительное ведение нанятым должностным лицом делопроизводства по обществу.

Итак, в исследуемый период писарь являлся ключевой фигурой в структуре крестьянского самоуправления. Обладая законодательно правом ведения письменного делопроизводства в волостном правлении, на практике он осуществлял всю канцелярскую работу, связанную с функционированием аппарата самоуправления. Выступая наиболее образованным среди крестьянских должностных лиц, писарь оказывал непосредственное влияние на деятельность старшин и старост, в случае их малограмотности. Принцип формирования данной должности осуществлялся через наём кандидата с предоставлением ему обязательного денежного жалованья. Вводилась она, как правило, в каждом сельском обществе, а где оно представляло собой волость, на сходах дополнительно к волостному писарю приглашался помощник.

Литература и источники

1. Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 6. Губернии Приуральской группы и Крайнего Севера / сост. Г.Г. Аршов. СПб.: Изд-во ЦСК, 1885. 375 с.
2. Государственный архив Вологодской области (Далее ГАВО). Ф. 73. Оп. 1. Д. 3456.
3. ГАВО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 13.
4. ГАВО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 49.
5. Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) // Исторические записки. М.: Наука, 1982. Т. 7. С. 226–302.
6. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907 – 1914 гг. М.: Наука, 1992. 256 с.
7. Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. М.: Территория будущего, 2007. 240 с.
8. Кучумова Л.И. Сельская община Европейской России в 60–70-е гг. XIX в. // Исторические записки. М.: Наука, 1981. Т. 106. С. 323–347.
9. Мухин Д.А. Практика проведения сходов крестьянами Вологодской губернии [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 154–174. URL: <http://anthropologie.kunst-kamera.ru/07/17online> (дата обращения: 15.03.2013).

10. Национальный архив Республики Коми. Ф. ф-27. Оп. 1. Д. 9.
11. О вызове лиц на должность волостных писарей // Вологодские губернские ведомости. 1872. 13 мая.
12. Обзор Вологодской губернии за 1880 г.: приложения к всеподданнейшему отчёту Вологодского губернатора. Вологда: Тип. губернского правления, 1881. 39 с. Прил.
13. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. 840 с.
14. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 3. Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. 684 с.
15. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. Тотемский, Усть-Сысольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2008. 808 с.
16. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. Т. 1. Сельское и волостное управление (Вопросы 1–25). СПб.: Изд-во Земского отдела МВД, 1897. 795 с.
17. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века / Е.Ю. Алпаримова, С.В. Голикова, Н.А. Миненко и др. М.: Наука, 2003. 380 с.
18. Скворцов Л. Бережнослободская волость, Тотемского уезда (Этнографический очерк) // Вологодские губернские ведомости. 1880. 18 февр.
19. Чупров В.И., Шаньгина В.В. Крестьянская община Коми края во второй половине XIX – начале XX вв. (1861 – февраль 1917 гг.): научный отчёт. Сыктывкар, 2008 // Научный архив Коми НЦ УРО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 757.

ПОПОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – научный сотрудник сектора отечественной истории, Институт языка, литературы, истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Россия, Сыктывкар (hiys84@rambler.ru).

POPOV SERGEI – scientific worker of Russian History Department, Institute of Language, Literature and History of the Komi scientific center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Russia, Syktyvkar.

УДК 94(470)"1826/1860":351.746.1
ББК ТЗ(2)522-36

В.В. РОМАНОВ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА КРЕСТЬЯНСКИМ ПОБЕГАМ В 1826 – 1860 ГОДАХ

Ключевые слова: полиция, политическая полиция, Третье отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, корпус жандармов, жандармские отделения, жандармские штаб-офицеры в губерниях, жандармские команды, исполнительная полиция, побег крестьян.

Статья посвящена исследованию деятельности местных подразделений Корпуса жандармов – губернских жандармских команд – с целью противодействия побегам крестьян. Основное внимание уделяется нормативной базе их противодействия, механизму функционирования государственных институтов, материальному стимулированию нижних жандармских чинов.

V. ROMANOV

RUSSIAN STATE ACTION AGAINST PEASANT ESCAPE IN 1826 – 1860

Key words: police, political police, Third Section, Corp of Gendarmers, gendarme units, gendarme field officers in provinces, gendarme commands, executive police, runaways of peasants.

The article is devoted to research of the activities of local units of the Corp of Gendarmers – province gendarme commands for the purpose of combating to runaways of peasants. The main attention is paid to the normative base to their counteraction, the mechanism of functioning of state institutions, material incentive to the low gendarme ranks.

Традиционной формой антифеодальной борьбы во второй XIX в. выступали **побеги крестьян** с мест постоянного проживания, что обуславливало функцию государства по противодействию им.

В Своде законов Российской империи (1857 г.) законодатель разводит категории беглых и беспаспортных или бродяг. Определения их содержатся в т. XIV «Устава о паспортах» ст. 41, 511, 516, 525, 526, 582, а также в ст. 68 «Устава о предупреждении преступлений» и в т. III ст. 43 «Устава о службе правительственной» и т. V ст. 396 «Устава Под.» [1. С. 67].

Одновременно законодатель относил задержание беглых людей к компетенции чинов жандармских команд первоначально Корпуса внутренней стражи, а позднее – Корпуса жандармов.

Причины побегов в основном были связаны с плохим управлением, жестоким отношением к крестьянам со стороны владельцев и управляющих имениями, ростом феодальной ренты или сменой ее формы. Особой причиной выступают периодически распространяющиеся в крестьянской среде слухи о даровании свободы переселившимся в Закавказские провинции. Еще в отчете Третьего отделения за 1841 г. указывалось «Одним словом, семена беспокойства (мысль об освобождении. – В.Р.) брошены в умы, и идеи свободы и возможности переселения кружится в народе, чему видели мы примеры в... Саратовской и Пермской губерниях» [6. С. 256], что позднее повторится уже в период Крымской войны.

Масштабы указанной формы проявления антифеодальной борьбы крестьян не были широкими. Например, в отчете Третьего отделения за 1846 г. констатировалось, что в Империи находились в бегах и пойманы в разных губерниях 3716 человек, а также еще не менее 182 семейств [6. С. 390]. В случае массовых побегов, связанных со слухами «о переселении», приведенные цифры многократно увеличивались. Например, в отчете Третьего отделения за 1843 г. в разделе «Возмущение крестьян» констатировалось: «Кроме того, из Пензенской и Тамбовской губерний бежало значительное число помещичьих крестьян по случаю разглашений о даровании свободы тем, которые переселяются на земли, будто бы пожалованные Государыне Цесаревне в Закавказских провинциях» [6. С. 322–323].

Служащие политической полиции дифференцировали: периодически происходившие массовые побегі сельского населения и систематические побегі отдельных крестьян, их семей. Первый случай обоснованно являлся наиболее социально опасным, так как не только представлял угрозу экономической основе отдельных помещичьих, казенных, удельных имений, но и представлял собой деяние, посягающее на власть помещика, порядок управления в государстве.

Поэтому штаб-офицеры в губерниях, где наблюдались подобные выступления, использовали в первую очередь профилактическую и оперативно-розыскные формы деятельности для предупреждения подобных явлений в будущем и пресечения уже происходящих.

Служащие местных подразделений Корпуса жандармов, главным образом жандармских команд, на протяжении всего анализируемого периода осуществляли постоянное противодействие и побегам отдельных лиц, проживавших в сельской местности. В частности, Начальник казанской жандармской команды отвечал на запрос штаб-офицера в губернии Шпанова 27 июня 1830 г., что в 1829 – 1830 гг. были пойманы жандармами без паспортов 9 человек [5. Л. 112об.–113].

С одной стороны, такими мерами, составляющими юридическую основу крепостного права, поддерживался режим прикрепления крестьян к месту жительства, нашедший отражение в паспортной системе и паспортном режиме. С другой стороны, осуществлялась профилактика правонарушений, в том числе подпадающих под компетенцию политической полиции. В отдельные периоды под воздействием «слухов» побегі приобретали массовый характер. В этих

случаях штаб-офицеры в губерниях пытались выяснить причины указанных явлений и спрогнозировать тенденции развития процесса. В частности, штаб-офицер в Саратовской губернии во второй половине октября 1850 г. участвовал в расследовании причин выезда колонистов и побегов крестьян губернии с намерением переселиться на Кавказ [2. Л. 5].

Борьба с побегими крестьян осложнялась тем, что среди чиновников и помещиков находились лица, укрывавшие их. В конце 20-х гг. XIX в. предводитель дворянства Нижегородской губернии князь Грузинский обвинялся, среди прочего, в сокрытии в его имении беглых лиц [3. Л. 4об., 14]. 5 января 1830 г. 3 жандарма задержали в г. Казань беглого крестьянина указанной губернии, жившего в доме губернского контролера [5. Л. 63об.–64]. Нередко укрыватели сами являлись служащими правоохранительных органов и предоставляли беглым не только место жительства, но и работу, что делало противодействие им крайне сложным. Например, 29 сентября 1829 г. жандарм Ларионов поймал в г. Казань бродяжку, сначала называвшую себя местной солдаткой, потом беглой крестьянской женой из Казанского уезда В. Ивановой, проживавшей 2 года кухаркой у отставного квартального В. Яковлева [5. Л. 38]. А 21 мая 1830 г. начальник казанской жандармской команды направил отношение приставу 3-й части, в котором указывалось, что жандарм Г. Дмитриев задержал татарина Казанской губернии, который проживал без паспорта 4 года, служа кучером у его полицейского коллегги – квартального надзирателя 1-й части Иванова [5. Л. 100об.].

Особое место в деятельности местных подразделений Корпуса жандармов в борьбе с беглыми занимало противодействие бродягам. Как уже отмечалось, жандармы в своей деятельности дифференцировали всех ими задержанных на беглых, беспаспортных лиц и бродяг. В соответствии с этим делением они осуществляли и дальнейшие действия в отношении их. Например, 2 июня 1830 г. начальник казанской жандармской команды рапортовал капитану Шпанову: жандармы Борисов и Ципленков задержали беспаспортного И. Магометанинова, однако последний оказался не бродяга, и поэтому 6 мая его передали на поруки мещанину г. Казань для доставки к месту жительства. В другом случае, 16 июня 1830 г. руководитель команды рапортовал капитану Шпанову, что ст. вахмистр И. Кузьмин и жандарм А. Иванов, проезжая лес в Мамадышском уезде, поймали бродягу и сдали его в волостное правление под расписку [5. Л. 106об., 111об.].

Внимание политической полиции к бродягам было обусловлено имеющейся практикой деятельности правоохранительных органов. К данной категории относились, с одной стороны, лица, находящиеся какое-то время без определенного места жительства и средств к существованию, с другой – лица, которые ранее совершили тяжкие и особо тяжкие преступления с целью избежания ответственности и выдавали себя за бродяг, «родства не помнящих».

Заметим, что количество задержанных бродяг систематически изменялось. В частности, как вытекает из донесений жандармского штаб-офицера, с 8 августа 1827 г. по 26 января 1828 г. количество задержанных бродяг в Казанской губернии постоянно возрастало [4].

Задержанный жандармами беглый человек под расписку передавался в городе в органы полиции, в сельской местности – в органы сельской полиции для определения его дальнейшей судьбы. Свод Законов Российской Империи детально регламентировал компетенцию полицейского начальства в сфере расследования и задержания беглых по нормам т. II «Общих учреждений о губерниях» ст. 411, 413, 2539 (§ 1, п. 11), 2571 (п. 13), 4119 (§ 1, п. 8), 4226 (п. 5) и т. XIV «Устава о паспортах» ст. 587–592 [1. С. 67].

Если он называл свои паспортные данные, то после проверки по распоряжению нижнего земского суда или губернского правления через посредство полиции или внутренней стражи (по этапу) отправлялся к месту постоянного жительства. Это регламентировалось нормами ст. 614–616, 625, помещенных в т. XIV «Устава о паспортах» [1. С. 68].

Если же бродяга отказывался дать о себе сведения о состоянии, звании и месте жительстве или назывался «родства не помнящим», то в соответствии с нормой ст. 620–622, 633, помещенных в т. XIV «Устава о паспортах», в губернских ведомостях печаталось уведомление об арестованном лице.

Законодатель детально регламентировал механизм установления личности беспаспортного бродяги, а также судьбу тех из них, личности которых остались неизвестными. Кроме того, на основании норм ст. 617 последняя их категория подвергалась наказанию согласно ст. 618, 619, помещенным в т. XIV «Устава о паспортах», – наложению клейм, а также ст. 623, 629–631 того же устава и ст. 1004, 1009, 1011, 1102, 1104 «Устава содержащихся под стражею» – ссылке в арестантские роты и ст. 634, 635 «Устава о паспортах» – ссылке в Сибирь и Закавказье [1. С. 68].

Следует заметить, что пресечение побегов было, по мнению руководителей государства, настолько важным аспектом деятельности местных подразделений, что за успехи в нем нижние чины материально поощрялись.

К моменту образования местных подразделений Корпуса жандармов в государстве уже существовала система поощрения нижних чинов за задержание беглого. Кстати в ст. 601–613 «Устава о паспортах», а также в отношении дезертиров в ст. 692, 1323 «Устава рекрутского» нашли отражение нормы, направленные на поощрение подданных к донесению властям о скрывающихся беглых [1. С. 68].

Приказ по Корпусу жандармов от 7 июня 1830 г. № 16 охватывал следующие вопросы. На основании приказа 1829 г. 21 марта № 2 по Корпусу жандармов император повелел нижним чинам «за открытие беглых, бродяг и других людей без письменного вида» выдавать по 10 руб. каждому за счет притонодержателей, а так как таковые не всегда обнаруживаются, то местное начальство выдавать эти суммы отказывается. Шеф жандармов снесся по этому вопросу с министром финансов, и последний всем казенным палатам дал разрешение выдавать эти деньги по требованию гражданских губернаторов, так как на них возложено Министером Внутренних Дел исполнение этого высочайшего повеления. Поэтому при сдаче пойманных брать в полиции квитанцию, которые необходимо передавать гражданскому губернатору «и просить его дать распоряжение Казенной палате по этому вопросу на основании распоряжения министров финансов». Из полученных нижним чином 10 руб., 8 остаются у него, а 2 идут в общую артель для улучшения питания команды.

Кроме того, в дополнение к указанной мере срочно была введена ведомственная мера материального поощрения – 1 руб. от шефа жандармов. Успехи нижних чинов жандармских команд на nive задержания беглых, главным образом крестьян, были существенными. Об этом свидетельствует информация, содержащаяся в приложениях к приказам по Корпусу жандармов, в которых поощрения за указанный результат являются доминирующими в перечне их причин: например, к приказам от 25 марта 1829 г. (№ 3) по итогам прошедшего года, 17 апреля 1830 г. (№ 14), 27 января 1831 г. (№ 50) и др.

Однако в реальности денежное вознаграждение получали далеко не все нижние чины, задерживавшие беглых. Начальник казанской жандармской команды сообщал штаб-офицеру в губернии капитану Шпанову 27 июня 1830 г., что в 1829 – 1830 гг. были пойманы 6 жандармами без паспортов 9 человек, и

только 4 получили высочайше положенные по 10 руб. в награду и от шефа жандармов по 1 руб. [5. Л. 112об., 113].

Впервые 21 мая 1830 г. начальник казанской жандармской команды, рапортуя капитану Шпанову о случае задержания беглого, писал «покорнейше прошу не оставить Вашим ходатайством о награде сему жандарму» [5. Л. 105об.]. Аналогичным образом, 11 августа руководитель команды рапортовал командиру 1-го батальона внутренней стражи, что ст.вахмистр И. Кузьмин поймал бродягу и доставил ему, а он отправил того в 4-ю полицейскую часть г. Казань. Офицер просил ходатайствовать о награждении И.Кузьмина высочайше положенными 10 руб., что 14 августа 1830 г. дословно было повторено в рапорте штаб-офицеру в губернии капитану Шпанову [5. Л. 117, 117об.]

С 1833 г. в приложениях к приказам по корпусу (от 7 февраля за № 9) стали упоминаться за подобные действия (впервые за 1832 г.) награды нижним чинам по 10 руб. ассигнациями из средств губернских казенных палат.

К концу исследуемого периода отношение государства к проблеме задержания беглых несколько изменилось. Последними стали признаваться только те из задержанных жандармами беспаспортных лиц, которые впоследствии были отнесены к ним в судебном порядке. Это было прямое следствие нарастающей интенсивности экономических отношений, которые требовали перемещения крестьян в пространстве, что и было разрешено законодательным порядком и нашло отражение в правоприменении. Таким образом, материальное вознаграждение нижних чинов жандармских команд резко сократилось.

Важно отметить, что высокие нравственные качества нижних чинов губернских жандармских команд, проявившиеся в борьбе с беглыми, хорошо доказываются многочисленными фактами отказа их от взяток, предлагаемых беглыми, во избежание ответственности. В частности, 8 августа 1829 г. жандарм Я. Дмитриев в г. Казань задержал удельную крестьянку, которая предлагала ему взятку за свое освобождение [5. Л. 31об.], а 5 января 1830 г. там же был задержан жандармами беглый крестьянин той же губернии, который за свое освобождение предлагал им 8 руб. [5. Л. 63об., 64].

Таким образом в основе данной функции политической полиции лежала хорошо проработанная и динамично развивающаяся нормативная база. По мере развития капиталистических отношений формируется новый порядок правоприменения, который отражал в себе новые условия функционирования местных подразделений политической полиции в сфере противодействия беглым, превращая ее в ненужную и гипертрофированную функцию для государства и общества.

Литература

1. Алфавитный указатель к Своду Законов Российской Империи, изданному в 1857 г. СПб.: Тип. II отделения СЕИВК, 1860. С. 67.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1174. Оп. 1. Д. 643.
3. ГАРФ. Ф. 109, 1 эксп. Оп. 3 (1828 г.). Д. 100.
4. ГАРФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 1172.
5. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 199. Оп. 3. Д. 1.
6. Россия под надзором: отчеты Третьего отделения 1827 – 1869: сб. док. / сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: Рос. фонд. культуры; Российский архив, 2006. 256 с.

РОМАНОВ ВАЛЕРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Ульяновский государственный университет, Россия, Ульяновск (www@bk.ru).

ROMANOV VALERIY – doctor of historical sciences, candidate of legal sciences, associate professor of Chair of the Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University, Russia, Ulyanovsk.

УДК 94(470.344)"19"(092)
ББК Т1(2)5-8Радлов+ТЗ(2Рос.Чув)г(2)

А.К. САЛМИН

В.В. РАДЛОВ И ЧУВАШЕВЕДЕНИЕ – II

Ключевые слова: Василий Васильевич Радлов, чувашеведение, этнография, музееведение, лингвистика.

Статья представляет собой первую попытку системного анализа трудов академика РАН В.В. Радлова в области чувашеведения.

A. SALMIN

V.V. RADLOFF AND CHUVASH STUDIES – II

Key words: Vasily Vasilyevich Radloff, Chuvash studies, ethnography, museum management studies, linguistics.

The article is the first attempt to carry out a systemic analysis of the works by the Academician of the Russian Academy of Sciences V.V. Radloff in the field of Chuvash studies.

В.В. Радлов, будучи директором МАЭ РАН, внес существенный вклад в пополнение и систематизацию фондов. Он вел переписку с собирателями, готовил и консультировал экспедиции, сам фиксировал поступающие предметы. В том числе имел непосредственное отношение к чувашским коллекциям.

МАЭ РАН. Отдел Европы. Коллекция 347. Поступила в 1891 г. из РГО (разные губернии России – русские, чуваша, мордва, мари). Опись составлена В.В. Радловым, последняя опись составлена И.В. Жуковской. Число №№ – 130, предметов – 190. Из них 29 предметов по чувашам.

№ 10.1: Головной убор чувашский в виде усеченного конуса, сзади с разрезом почти до верха. Убор из кожи с нашитым плотными рядами бисером. Бисер расположен по цветам (по два ряда каждого цвета: желтый, красный, голубой). После двух рядов каждого цвета помещен ряд чередующихся бусин черного и белого цвета. Две нитки желтых бус, нитки черных и белых цветов; две нитки красных бус, нитки черных и белых цветов и т.д. Всего 44 ряда. К нижнему краю пришиты спускающиеся нитки бус и бисера, укрепленные за головной убор концами ниток. Высота головного убора – 13,5 см. Диаметр вверху – 12 см. Диаметр внизу – 25 см. Возможно, этот головной убор называется *хушту*. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения – Симбирск, 1867 г.

№ 10.2: Украшение шейное представляет собой прямоугольную полосу кожи 48 см × 6 см, плотно покрытую бисером: голубым, зеленым, красным, черным, белым, составляя определенный узор. На длинных сторонах укреплены по две подвески из бисера (одна нить с голубым бисером, вторая из зеленого, красного, белого, голубого, желтого, прозрачного бисера), на одной из коротких сторон сделаны кисти. Доставлен сотрудником Юрковым в 1867 г. из Симбирска.

№ 19.1,2: Нагрудное украшение чувашское женское (*шўлкеме – сурпан сакки*) представляет собой соединение двух украшений – *шўлкеме* и *сурпан сакки*. Носят зажиточные чуваша. Состоит из двух пластинок кожи, украшенных по краям бисером и чешуеобразно расположенными серебряными мелкими монетами. Верхняя часть украшения – это *сурпан сакки*. В середине верхней длинной стороны сделана кожаная петля, которая поверху тоже украшена бисером, а также металлической пластиной – петлей трапециевидной формы и камнем красным граненым (диаметр 0,4 см), вмонтированным в эту пластину. К металлической петле прикреплена медная булава. С внутренней стороны на кожу нашиты петли металлические, за которые укреплялась вторая кожаная пластина, так называемая *шўлкеме*. К ее верхней длинной стороне пришиты соответственно три крючка. Пластина украшена бисером и внизу в виде бахромы пришиты раковины-ужовки. Бисер на той и другой кожаной пластине зеленый, желтый,

черный, белый, красный (белый и красный – единичные). Монеты расположены на верхней пластине в 9 рядов, на нижней – в 8 рядов. Размер: 11 × 26 см и 12,5 × 27 см. Высота пластины серебряной 2,7 см. Ширина – 1,5 см и 2,5 см. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения неизвестно.

№ 20.1: Перевязь (*теветь*) – женское чувашское украшение, одевавшееся через левое плечо, пересекая наискось грудь и спину, и заканчивалось на правом боку несколько ниже подмышки или на высоте талии. Перевязь сшита из холста с подкладкой, покрытая шелковой тканой лентой (штофом?), по краям обшита серебряным позументом, черной шелковой и бархатной лентами. Полоса шириной 9,5 см, концы ее на уровне талии на расстоянии 24,5 см сшиты. Отступая от сшитых концов на 12 см пришиты поперек бархатная, позументная ленты и полосы из зеленой и красной ткани. Тут же как бы выступая из-под них нашиты на равном расстоянии серебряные монетки с зеленой бисеринкой поверх. Та часть перевязи, которая проходит по груди, покрыта монетками чешуеобразно. В длину они занимают 31 см. По краям перевязи нашиты белый бисер и раковины-ужовки, бахрома внизу из разноцветного бисера (белого, красного, оранжевого, черного) раковин-ужовок и монет иностранных с изображением Людовика XVI (1790 г.). Около того места, где концы перевязи сшиваются (вверху), пришиты завязки – красные шелковые ленточки шириной 1,5 см, длиной по 19 см. Длина перевязи вдвойне – 75 см. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения: Аршаш (?).

№ 20.2: Перевязь (*тевет*) из холста с подкладкой, покрыта шелковой тканой лентой (штофная?). Нагрудная часть на пространстве 17 см украшена рядами серебряных монеток (9 рядов), наспинная – раковинами ужовками, нашитыми в виде креста. Наружная сторона перевязи обшита бисером и раковинами-ужовками. К наружной стороне пришиты две ленты, сложенные предварительно складками. Они расположены на расстоянии 30 см друг от друга: одна пришита на грудную часть в районе монеток, другая – у талии. Ленты красные шелковые (?) с зелеными полосками по краям. Ширина лент – 66 см, длина – 84 (верхняя) и 66 см (нижняя). Концы перевязи скреплены на небольшом расстоянии – 3,5 см и украшены нашитыми поверх лентами в 1,3 см шириной, выступающими одна из-под другой. Ленты шелковые – синяя, красная, зеленая длиной 17 см. Ширина перевязи – 7 см. Длина (вдвойне сложенной перевязи) – 68 см. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения: Аршаш (?).

№ 22: Нагрудное украшение чувашское (судя по описи, принадлежность низовых чувашей, в описи названо *шўлкеме*). Это женское украшение *сурпан çакки* – пластинка кожи размером 25 × 12 см. На пластинку в четыре ряда, а внизу в два ряда нашит бисер (зеленый, желтый, черный, белый прозрачный). Все остальное пространство основы чешуеобразно заполнено мелкими серебряными монетами, расположенными в 8 рядов. В середине верхней длинной стороны сделана кожаная петля, также украшенная рядом бисера (зеленого). Сохранность удовлетворительная. Место приобретения неизвестно.

№ 23: *Хушпу* – женский головной убор чувашей представляет собой полосу кумача на холщовой подкладке шириной 5,5 см и облегающей голову, шов у полосы сзади. Сзади пришит хвост шириной 6,3–6 см также из кумача на холщевой подкладке. По верху *хушпу* отступая 0,5 см нашит бисер в 32 ряда зеленой, желтый, черный. Затем идет три ряда монет серебряных: два ряда мелких, а нижней 5-копеечные, а сзади 10-копеечные. Сзади же, по бокам от хвоста пришиты подвески, состоящие из раковины и трех зеленых бисерин (всего по 8 подвесок с каждой стороны). На хвосте 4 ряда серебряных монеток. Завязки на *хушпу* из тесьмы белой 0,8 см шириной и длиной 30,5 см и 32,5 см. Высота *хушпу* – 5,5 см. Окружность – 55 см. Длина хвоста – 50 см.

Сохранность удовлетворительная, монетки сохранились не полностью. Место приобретения неизвестно.

№ 29.2: Перевязь. Казанская губерния. XIX в. Шерсть, металл, бисер, гарус. Ширина – 1,4 см, длина – 146 см. Сохранность удовлетворительная.

№ 36: Женский головной убор. Казанская губерния. XIX в. Холст, металлические подвески, бисер, позумент. Высота – 5, см, окружность – 68 см, длина хвоста – 30,5 см, ширина хвоста – 11 см. Сохранность удовлетворительная.

№ 92.1: *Сурпан* чувашский из тонкого холста с узкими вышитыми полосками вдоль кромок, шириной 1,5 см. Вышивка выполнена по выдергу гладью шелковыми красными нитками. Узор геометрический – ромбами. На обоих концах *сурпана* кроме полосы вдоль кромки вышиты два ряда косых крестиков. *Сурпан* был обметан черными шерстяными нитками, но сохранилась обметка плохо. Длина *сурпана* – 2 м 39 см. Ширина – 22 см. Судя по длине, этот *сурпан* принадлежал низовым чувашам, по времени это начало XIX в. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения неизвестно.

№ 92.2: *Сурпан* чувашский из тонкого холста с узкими вышитыми полосками вдоль кромок шириной 1,5 см. Вышивка тоже выполнена по выдергу гладью шелковыми красными нитками. Узор геометрический – ромбами. На обоих концах *сурпана* кроме полосы вдоль кромки вышиты два ряда звездочек – косых крестов красными шелковыми нитками и между ними ряд звездочек вышит желтыми шелковыми нитками. Длина *сурпана* – 2 м 16 см. Ширина – 23 см. Сохранность удовлетворительная.

№ 93: Пояс женский (верховых чувашек) плетеный с многочисленными поясными украшениями. Длина пояса 153 см (без длины кистей), ширина 3 см. Пояс плетен из крученых ниток красных с добавлением шелковых желтых и золотых. Концы пояса обернуты кумачом (на длину 4,5 см), вышитыми косыми стежками параллельными и непрерывными овалами (нитки шелковые, зеленые, оранжевые и простые белые). Заканчивается пояс кистями из шелковых крученых желтых ниток длиной 9 см. Застежка на поясе – большой металлический крючок и петля, укрепленные на расстоянии 34 см от конца (кисти не учитываются). К этому же медному кольцу прикреплена нитка, прикреплена раковина-ужовка, на другом – медный гребешок с изображением конских голов. Длина концов 20 см, высота гребня 3 см, ширина 6 см (один крайний зуб отломан). К этому же медному кольцу прикреплены две кисточки, состоящие каждая из трех нитей черного с небольшим добавлением синего бисера, соединенных нанизанными на три нити двумя красными бусами. Через равные промежутки на три нити нанизана раковина-ужовка и по красной бусине с той и другой стороны раковины. Длина кистей – 44 см. На расстоянии 8 см сверху на эти кисти из бисера укреплен согнутый вдвое плетеный пояс из крученых красных и белых ниток, заканчивающихся кистями. Концы пояса обшиты (на длину 5,5 см) кумачом, зеленой и поверх желтой шелковой лентой, белой и черной тесьмой, тканой лентой. Длина пояса (сложенный, без кистей) – 22 см. Нижние концы вышеописанных кистей из бисера укреплены тоже на медном кольце, к которым в свою очередь прикреплена нитка (сложенная вдвойне) бус красных с добавлением синих и по две белых. Заканчиваются концы бус раковинами-ужовками. К этому же кольцу прикреплен пояс, сложенный вдвое так же, как и на кистях из черного бисера (см. выше). Длина данного пояса (вдвое, без кистей) – 26 см, ширина – 1,7 см.

№ 98: *Сурпан* *саkki* – чувашское нагрудное украшение, прикреплялось к *сурпану* в том месте, где он охватывал подбородок и шею спереди. Данное *сурпан* *саkki* имеет форму треугольной кожи, на которую сверху пришито украшение *сеҫтенкё* из меди, имеющее форму равнобедренного треугольника с кольцом наверху. Вокруг *сеҫтенкё* нашиты в три ряда красный бисер. Ниже

бисера нашит ряд бляшек серебряных овальной формы (12 шт.); серебряные монеты (10 шт.) Елизаветинского времени (1745 – 1752 гг.); состоящие из 6 гривенников и 4 полтинников. Монеты серебро, проба 800. Вес 62,7 г. Размеры: длина 11 см, наибольшая ширина – 11,3 см. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения неизвестно.

№ 100: Украшение чувашское (?) на шею из бисера, бус, раковин, монет. На концах подвесок монеты – 21 шт. Одна монета достоинством 10 коп. 1847 г. СПб., остальные старые монеты времен Елизаветы и Екатерины. Серебро, проба – 750. Размеры- диаметр: 17 мм – 1 шт., 19 – 6 шт., 20 – 1 шт., 23 – 9 шт., 25 – 4 шт. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения неизвестно.

№ 102: *Сарă хўре* (хвост) – принадлежность женской одежды низовых чувашек. В коллекции один хвост, а носились они по две пары сбоку или сзади чувашками низовых и *анат енчи*. Данный *сарă хўре* представляет собой разрезанный надвое короткий пояс, наложенный слегка один на другой и скрепленный между собой. Вверху пришит тонкий пояс из кумача, внизу пришита бахрома из крученых ниток (красных с добавлением синих и зеленых). *Сарă хўре* шит из холста, по краям обшит кумачом, середина вышита двусторонней гладью шелковыми нитками и бумажными. Нитки красные (преобладающий цвет), оранжевые и голубые. Орнамент геометрический. Длина (без кистей) – 23,5 см. Длина (с кистями) – 33 см. Ширина вверху и внизу – 8 и 9 см; 15 и 16 см. Длина пояса узкого – 110 см. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения неизвестно.

№ 117: *Сарă* (набедренник) – женское украшение представляет собой кумач с прокладкой из картона прямоугольной формы размером 16,2 × 9 см. К верхней короткой стороне по углам пришиты петли из ткани коричневой шерстяной (ширина ткани 3,3 см, высота (вдвое) 6,4 см). В петли продета узкая белая х/б тесьма длиной 44 см, шириной 1 см. Поверхность *сарă* покрыта вышивкой косым стежком шелковыми нитками черными, голубыми, оранжевыми. Узор геометрический – ромбы. Между вышивкой нашиты голубые шелковые ленты 1,3 см шириной и поверх позумент. По боковым, длинным сторонам нашиты розовые шелковые ленты 15 см шириной. На нижнюю короткую сторону нашиты несколько рядов лент, выступающих одна из-под другой (в виде лесенки). К концу *сарă* пришита бахрома из бисера и цепочек с монетами на концах, из черного шелкового шнура, обернутого на равном расстоянии небольшими оловянными (?) пластинками; на углах бахрома из лент розовой, зеленой, голубой. Бисер желтый, красный, зеленый, черный, белый, прозрачный, голубой (преобладает зеленый и желтый). Длина бахромы 7,5 см. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения неизвестно.

№ 127: Трубка курительная. Казанская губерния. XIX в. Дерево, медь. Сохранность удовлетворительная.

№ 129. Бирка чувашская деревянная не совсем правильной прямоугольной формы. На одной из боковых сторон (на неровной стороне) вырезано верху «X» и ниже «XXXXXIIIIIIII». На одной из плоских сторон около отверстия вырезано «X». Длина – 35 см. Ширина – 7; 4,5 см. Толщина – 1,6; 1,5 см. Сохранность удовлетворительная. Место приобретения неизвестно, поступила от В.И. Андреевского в 1878 г.

№ 130.1-10: Куклы из тряпок. Сохранность удовлетворительная. Х/б ткань, солома. Примечание: «возможно, это иережи». Высота: от 6 см до 8,5 см.

Коллекция 1040. Поступила в 1906 г. из Бузулукского уезда Самарской губернии от крестьянина Тимофея Егоровича Завражнева. Одежда и культурные предметы. Число №№ – 19, предметов – 32. Мордва и чуваша. Опись составил Б.Э. Петри. 5 предметов по чувашам.

№ 11а,в,с: а) *Ирик*, по-чувашски *по кчи* [пахчи, т.е. находящийся в огороде?]. Ставится в огороде, привешивается в балагане или шалаше. Требуется в жертву

утром и вечером масляные лепешки. Оригинал из гипса, сверху бронзирован (тем. краской). Если человек намочит ириха, то он завещает свою в) шапку для жилья *ирику*. Божество женское. В случае, если огурцы не цветут, капуста не дает кочку, люди просят помощи у *ирика*. Сам *ирик* питается зеленью, но от хозяина огорода требует лепешек. Он боится холода, поэтому его кладут в с) так теплый мех (мех безразличен) (251 × 8 см). Д. Подколки. Утеряно.

№ 12а, в: *Ирик-кереметь*. Из с. Яшкино. В старину на молитву сходились к роднику и приносили с собой ирика. Обыкновенно он подвешивается в овине и амбарах. Это божество женское, означает плодородие, поэтому беременные женщины молятся ему, посасывая иногда груди или целуя живот. Материал, из которого изготавливают ирик – гипс (бронзирован), дерево или иногда делают из металла (литье). Жертвой служит мука. Высота – 16 см. Сохранность удовлетворительная.

№ 13а, в, с: Из с. Яшкино. *Ирик – мочуар* – охранитель скота. Требует в жертву творожные ватрушки. *Ирик* – мужской. Делается литой (даже из серебра), гипсовый, деревянный. В одном месте существует очень ценный почитаемый *ирик* из серебра вызолоченный – ему совершают общественные моления. Обыкновенно И. подвешивают в темном месте в конюшне, особенно в месте, где ночуют коровы. *Ирик* любит принарядиться. Он будто говорит: «Люблю форсить», поэтому его одевают в бумажную цветную и нарядную одежду. Из скота особенно он любит козлов и ватрушки из козьего творога. Иногда для него держат специально козла. Цвет *ирика* по усмотрению хозяина. Держат его в суме, завернутым в цветную матерью. Высота 12,5 см. Сохранность удовлетворительная.

№ 14а, в(2), с: *Ирик*. Из с. Пронькино. Вешается в бане, пока парятся, поэтому приносят с собой. В руках у *ирик* кувшин и веник. Материалом служит глина, гипс, дерево. Он мужчина. *Ирик* помогает от болезней: шелудивости, чахотки. Его прикладывают обыкновенно к венику, также к изображению веника в его руках прикладывают веник, которым парятся. Он требует в жертву гуся, вообще он любит полакомиться. При жертвоприношении кости гуся бросают в воду. Гуся режут в бане, приглашая *ирик* принять в трапезе участие; гуся съедают, а кости бросают в воду. *Ирика* зовут *Хурды*. Жилищем ему служат пара лаптей: он приверженец старины и ненавидит сапог. Поэтому люди, особенно приверженные этому *ирику*, не носят сапог. Лапти привешивают к веревкам из кожаных ремней или конского волоса (раньше из человеческого волоса) – помогает от головной боли. Одевание безразлично, он не требует хорошей одежды, так как уважает своих хозяев. Высота 16 см. Сохранность удовлетворительная.

№ 15а, в, с: *Ирик* – леший (Кархимень-ворман). Из д. Березовка. На жертву требует барана. Также в жертву могут идти: барсуки, суслики, медведи, волки. Когда охотник отправляется на охоту, то просит *ирика* об удаче и кланяется ему. Вешают его обыкновенно на дубовый сук. Дома он находится в амбаре. Если ему не молиться, то он может заставить человека заблудиться. Жертвой ему служат шкурки хорька, суслика. На груди имеются изображения деревьев. Он голый, с большим penis'ом, так как в старину он был большой охотник до женского пола (ярун) и гонялся за девками и бабами. Шапка его из самого дорого зверя. Материалом служит дерево, гипс, а в случае удаче на охоте делают серебряные, позолоченные изображения. Его берут с собой, когда отправляются на охоту, но на самую охоту его не берут, а донеся до лесу и помолвившись, несут домой, несущий должен быть холостым. Хранят *ирика* или в медвежьей лапе или в сурковом или сусликовом меху. Ремни, которыми лапа привешивается – из коноплян. ве-

ревок, которые обмазывают кровью барана. Лапа настоящая, привезена из Пензенской губ. в старину. Медвежья лапа, потому что в ней большая сила. Высота фигурки 17 см. Сохранность удовлетворительная.

Учитывая заслуги собирателя Т.Е. Завражнова перед Академией наук (см. коллекцию № 1040), его решили поощрить. 6 сентября 1906 г. состоялось заседание Историко-филологического отделения Императорской Академии наук. Присутствовали вице-президент академик П.В. Никитин, непременный секретарь академик С.Ф. Ольденбург, академики Отделения.

В § 184 Протокола № IX, в частности, читаем: «Академик В.В. Радлов довел до сведения Отделения, что крестьянин Самарской губернии Бузулукского уезда, Старотепловской волости, села Новой Тепловки, Тимофей Егорович Завражнев представил в дар Музею антропологии и этнографии имени императора Петра Великого весьма ценную коллекцию чувашских идолов и костюмов, собранную им со знанием дела. Считая полезным поощрить его для дальнейшей работы в интересах этнографии и Музея, академик В.В. Радлов просил ходатайства Отделения о вознаграждении его большой серебряной медалью на шею. Положено сообщить об этом Правлению для возбуждения соответствующего ходатайства» [З. Л. 353]. Было ли ходатайство исполнено – неизвестно. Об этом пока бумаги не найдены. Сохранилось письмо самого собирателя на имя академика В.В. Радлова. Его входящий № 91, зафиксировано оно 21 ноября 1906 г. Вот текст письма: «Милостивый Государь Василий Васильевич! Как Вам уже известно, я Вам представил в музей Императора Петра Великого некоторые коллекции и при которых Вы кратко просили меня представить Вам еще самых древних и по возможности Ирихов, при этом уведомляю Вас, что я в настоящее время нахожу вещей в среде чуваш очень даже редкостных, но только очень трудно их достать и требуют за них большое вознаграждение, да еще поездка очень дорога, т.е. более рубля на день, так как вероятно Вам самим известно что в наших местностях большой неурожай <неразб.> скот наших <неразб.> Правительство так, вот если же Вам нужны вещи и чтобы я их собирал, то прошу благоволите прислать на первый случай на сбор вещей средства по Вашему усмотрению. Остаюсь навсегда покорный Ваш слуга [Подпись]. Адрес: Бузулук Сам. губ. в Старо Тепловскую волость, с. Ново Тепловка Тимофеем Егорову Завражному» [28. Л. 114–115].

В данном документе имеется одна любопытная деталь. Лист содержит четыре разных подчеркика. Это – 1) дата поступления письма, 2) входящий номер письма, 3) текст письма и 4) подпись. Текст письма и адрес написаны одним, более или менее грамотным для сельской местности человеком. А вот подпись, несомненно, самого собирателя. И в подписи, и в адресе фамилия собирателя читается четко: «Завражнов». Таким образом, вопреки тому, что во всех исследованиях, а также в самой описи поступившей коллекции значится «Завражнев», фамилия собирателя была «Завражнов», т.е. вместо «е» следует читать «о».

Тем не менее больше, видимо, Тимофеем Егорович в МАЭ РАН вещи не присылал. Зато имеются его коллекции в РЭМ. В чем причина – предстоит еще понять. В 1907 г. Т.Е. Завражнов приехал в Петербург в качестве доверенного своего общества по делу о покупке земли при помощи Крестьянского поземельного банка. Он зашел в Академию наук и предложил Музею имени Петра Великого приобрести у него старинные вещи. В частности, в Петербурге он встретился с академиком А.А. Шахматовым [51. С. 162–163, 166]. Это был, писал А.А. Шахматов, почтенный старик, родом из мордовского (эрзянского) села Новая Тепловка Бузулукского уезда Самарской губернии. А.А. Шахматов записал у него несколько мордовских сказок и условился с ним относительно записей на родине народных песен и преданий. Т.Г. Завражнов согласился. Свое обещание перед А.А. Шахматовым он сдержал. В следующий раз он приехал

вместе с С.А. Ларионовым – человеком лет 30–35, который и писал письма за Т.Г. Завражнова.

К сожалению, научной общественности ничего не известно о судьбе рукописи В.В. Радлова «Über den Einfluß der Religion auf die Völker Asiens». Этот труд он защитил в 1858 г. в Йенском университете в качестве диссертации на степень философии. Как писал В.В. Бартольд, «экземпляров этой диссертации нет в Петрограде; не установлено даже, была ли она вообще напечатана» [5. С. 671]. Сам диплом хранится в архиве [38. Л. 63]. Не сомневаюсь, что и здесь им был использован чувашский материал.

«Образцы чувашской народной словесности». 1915 год следует считать началом непосредственных приготовлений на уровне РАН к изданию труда «Образцы народной словесности чувашей» в формате «Образцов народной литературы тюркских племен». В качестве основного исполнителя В.В. Радлов видел своего казанского друга, видного чувашевода Н.И. Ашмарина, тогда работавшего преподавателем Казанской учительской семинарии. Решение Академии наук издать образцы народной литературы чувашей и возложение на г-на Н.И. Ашмарина исполнения этого нового начинания вынудили меня летом 1916 г. после более чем 30-летнего перерыва вновь вернуть мое внимание к чувашскому языку, – писал академик [33. Л. 1]. 9 января 1916 г. состоялось заседание Историко-филологического отделения Императорской академии наук. Академик В.В. Радлов докладывал о ходе подготовки издания: «После продолжительного и тщательного обсуждения с Н.И. Ашмариным составленного им и прилагаемого при сем проекта издания “Образцов чувашской народной словесности” и алфавита, которым должны печататься чувашские тексты, представляю этот проект Отделению с просьбой утвердить его. Вместе с тем покорнейше прошу возместить Н.И. Ашмарину расходы его по поездке в Петроград и двухнедельному пребыванию здесь в размере 250 руб., так как от Министерства народного просвещения он никакого пособия не получил и приехал сюда по вызову Академии» [25. § 327]. На заседании Отделения 23 марта 1916 г. академик В.В. Радлов представил просмотренный им отзыв Н.И. Ашмарина о рукописи И.Н. Юркина «Народное творчество чувашей». Академик указал на некоторые недостатки труда, требующие тщательного пересмотра рукописи перед сдачей ее в печать. Он также счел желательным издать его как первый том серии «Образцы народной словесности чувашей». Наблюдение над печатанием Василий Васильевич взял на себя вместе с Н.И. Ашмариным. Отделение решило после пересмотра рукописи И.Н. Юркина печатать ее как первый том серии «Образцы народной словесности чувашей» в формате и числе экземпляров серии «Образцы народной словесности якутов». Отделение признало желательным ходатайствовать о командировании Н.И. Ашмарина из Казани в Петроград и попросило академика В.В. Радлова выяснить лично у министра народного просвещения возможность такой командировки. 20 апреля 1916 г. академик Василий Васильевич на очередном заседании Отделения доложил, что министр народного просвещения утвердил командировку преподавателя Казанской учительской семинарии Н.И. Ашмарина. 18 июля товарищ министра А.К. Рачинский утвердил, что Министерство предложило Попечителю Казанского учебного округа командировать преподавателя Казанской учительской семинарии Н.И. Ашмарина в Петроград, на время до начала учебных занятий в семинарии, для участия в разработке собранных Академией наук материалов по народной словесности чувашей. Однако 26 августа Департамент Министерства народного просвещения уведомил, что Н.И. Ашмарин лишен возможности принять участие в разработке собранных Академией материалов по народной словесности чувашей, так как Казанский военный округ не разрешает ему, как военному цензору, отпуск в Петроград. Тогда Отделение РАН предложи-

ло согласовать с военными властями вопрос о разрешении Н.И. Ашмарину выехать в Петроград для занятий под руководством академика В.В. Радлова. 12 октября Отделение получает из Казани телеграмму, что цензору Ашмарину разрешен месячный отпуск. Телеграмму подписал генерал штаба Казанского военного округа Добрышин. 9 ноября 1916 г. состоялось очередное заседание Отделения исторических наук и филологии РАН. В.В. Радлов присутствовать на этом заседании не смог. Было зачитано его сообщение. В нем, в частности, говорилось, что он долго и тщательно обсуждал с Н.И. Ашмариным составленный им проект издания «Образцов чувашской народной словесности». Проект прилагался, а В.В. Радлов просил его утвердить. Он также просил возместить Н.И. Ашмарину расходы по поездке в Петроград и двухнедельному пребыванию здесь в размере 250 руб., так как от Министерства народного просвещения он никакого пособия не получил, а приехал сюда по вызову Академии наук. Отделение решило иметь суждение на следующем заседании. Было также решено напечатать проект в приложении к протоколу, Н.И. Ашмарину выдать 250 руб. Действительно, имеется печатная записка Н.И. Ашмарина об издании чувашских текстов в приложении к протоколу от 9 ноября 1916 г..

Ниже приводим текст записки с сокращениями:

«По моему мнению, издание образцов чувашской народной словесности, предположенной Академией наук, могло быть выполнено следующим образом.

Прежде чем приступить к систематическому собиранию произведений народного творчества на местах, было бы полезно издать уже имеющиеся налицо записки на чувашском языке, заключающие в себе описания чувашских религиозных верований и обычаев, а также различные виды словесных произведений: пословицы, поговорки, прибаутки, загадки, приметы, толкования снов, сказки, поверья, описания обрядов, песни и пр. Такого рода записки имеются у меня в значительном количестве; некоторые из них были сделаны мною лично во время моих немногочисленных поездок по чувашским селениям, большая же часть их была доставлена мне различными лицами, относившимися сочувственно к моей работе в области исследования чувашского языка. Материал, заключающийся в этих рукописях, весьма неодинакового качества, так как авторы их не были одинаково сведущи не только в тех вещах, о которых они писали, но и в своем родном языке. Точно так же во всех имеющихся у меня записках следует предполагать более или менее сильное влияние чувашского литературного языка, т.е. так называемого низового наречия, на котором печатаются книги для чувашей и совершается богослужение в чувашских приходах. Это влияние книжных образцов должно было отразиться как на морфологии и словаре рукописей, так и на их синтаксисе, в особенности же на их фонетике. Книжный чувашский язык развился преимущественно из «укающих» говоров Буинского уезда, и принятая для него азбука непригодна для точной передачи звуков более северных говоров, для которых в ней недостает некоторых букв; напр., она не имеет буквы для обозначения звука о, который часто заменяет в говорах верховых чувашей низовое «у». Вследствие этого обстоятельства особенности языка отдельных чувашских местностей нередко при записки теряются, и речь изменяется искусственно на низовой лад.

Часть записей сделана более точно; эта точность выражается в том, что их авторы сохраняют в большей неприкосновенности диалектические формы и слова, а также стремятся к более верной передаче отдельных звуков, последнее, впрочем, преимущественно касается звука «о», который они и обозначают особою буквою, не имеющеюся в чувашской азбуке. Иногда замечается попытка передавать и другие звуки, чуждые буинским говорам.

Несмотря на указанные недостатки, упомянутые здесь записи, по моему мнению, заслуживают внимания, так как многие из них содержат в себе ценный материал, собрать который вновь было бы в некоторых случаях совершенно невозможно, ибо многое из того, что записано 20 или 30 лет тому назад, уже исчезло из народной памяти и возобновлено быть не может. Едва ли нужно говорить о том, что среди записей могут встретиться и такие, которые не имеют никакой ценности; подобные записи могли бы быть оставлены в стороне.

Издание уже собранных до сих пор материалов могло бы значительно облегчить задачу дальнейшего собирания произведений народного творчества чувашей, так как дало бы собирателю возможность ориентироваться среди множества чувашских говоров, наметить себе отдельные пункты для записывания нового материала и выделить то, что заслуживало бы особого внимания.

Многие из рукописей безымянные и не имеют в себе пометки о месте записи; на других обозначены только имена и фамилии собирателей или авторов; на третьих вместе с именем и фамилией указана и родина писавшего; на четвертых обозначены точно как имена и фамилии авторов, так и место записи...

Порядок расположения материала в сборнике мог бы быть, например, следующий: 1. Пословицы и поговорки. 2. Присловье и прибаутки. 3. Загадки. 4. Приметы. 5. Толкование снов. 6. Легенды. 7. Рассказы о сверхъестественных существах. 8. Суеверные рассказы о живой и мертвой природе. 9. Суеверные рассказы из жизни людей. 10. Сказки. 11. Предания. 12. Описание религиозных верований. 13. Рассказы о йомзях. 14. Заговоры и описания способов лечения болезней. 15. Очерки из жизни и быта чувашей. 16. Песни.

Что касается собирания и издания новых материалов по языку и народной литературе чувашей, то эта работа могла бы быть выполнена в порядке топографического распределения чувашских говоров, начиная с "укающих", южных, и кончая "окающими", северными...

Чувашские записи, заключающиеся в рукописях, должны быть изданы с сохранением их транскрипции, но с исправлением явных ошибок; что касается записывания нового материала на местах, то в этом случае была бы весьма полезна система транскрипции, выработанная мною вместе с академиком В.В. Радловым. Эта транскрипция, при всей своей точности, отличается от общепринятой лишь прибавлением буквы «о» для верховых говоров и употреблением некоторых надстрочных и подстрочных знаков, благодаря которым может читать правильно по-чувашски даже тот, кто никогда не слышал живой чувашской речи...» [25. Л. 208–210].

23 ноября 1916 г. состоялось XIV заседание Отделения. В.В. Радлов на нем не присутствовал, а от имени также отсутствовавшего академика К.Г. Залемана доложено его мнение, что записка Н.И. Ашмарина дает повод к некоторым замечаниям как по способу издания текстов, так и по транскрипции. Поэтому он просил не выносить окончательное постановление, а учредить особую комиссию. Исходя из таких соображений, Отделение решило «иметь суждение» по поводу издания «Образцов народной словесности чувашей» на одном из следующих заседаний.

На заседании Отделения исторических наук и филологии РАН 11 января 1917 г. было решено выделить на подготовку чувашских текстов в распоряжение академика В.В. Радлова 400 руб. В Архиве РАН хранится рукописное отношение В.В. Радлова в Правление Академии наук. В нем он, в частности, писал: «Покорнейше прошу сделать распоряжение выслать в город Казань двести рублей на

имя преподавателя Казанской учительской семинарии Ник. Ив. Ашмарина из суммы 400 руб. <неразб.>...ных в мае распоряжение для подготовки к печати текстов чувашской народной литературы» [37. Л. 56]. Письмо составлено на бланке МАЭ, на нем отсутствует дата. Видимо, оно написано между 11 и 25 числами января 1917 г. 25 января 1917 г. Отделение опять рассматривало ход подготовки к изданию чувашских текстов. Однако это было последнее заседание, посвященное рассматриваемому вопросу. Василий Васильевич, тем не менее, постоянно снабжал Н.И. Ашмарина нужной литературой. Например, в письме от 28 января 1917 г. С.Е. Малов из Казани писал В.В. Радлову: «Виделся с Ник. Ив. Ашмариным, передал ему Ваши книги» [36. Л. 9об.]. Не оставались в долгу перед В.В. Радловым Н.И. Ашмарин и другие чувашские авторы. Они снабжали его местными изданиями. В.В. Радлов любезно отвечал на такие ценные бандероли и посылки. Например, в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук сохранился один из ответов от 1909 г. В нем, в частности, В.В. Радлов извещает о получении 7 книг и брошюр. Среди них – работы К.С. Мильковича, К.П. Прокопьева и Ф.Н. Никифорова [49. Л. 322]. Некоторые из этих книг сохранились в библиотеке МАЭ РАН.

Н.И. Ашмарин все еще полагал, что академическое издание чувашских текстов по народной словесности вскоре увидит свет. Вот его письмо к В.В. Радлову от 4 мая 1917 г. В нем он детально излагает ход работы.

«Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Весьма извиняюсь, что до сих пор я ничего не писал Вам о ходе своих работ по подготовке чувашского материала. До сих пор мне удалось сделать очень немного, потому что утомительные занятия в цензуре почти не оставляли времени для другой работы. Теперь я несколько освободился; осталась только цензура писем, а цензура газеты прекратилась. Я очень желал бы получить программу для печатания чувашских текстов, которая была нами выработана в Петрограде, а также узнать, можно ли пока ограничиться одним приведением в порядок материала, или же параллельно с ним следует немедленно готовить и переводы. Весь чувашский материал приходится переписывать набело, так как отдавать подлинники в типографию, это значит совершенно испортить их; да они и неудобны для пользования, ибо по большей части переплетены и частью неразборчивы. Часть текстов дана мне лишь для пользования. Возможно, однако, что некоторые рукописи будут сданы в печать не переписанными; это – те из них, которые хорошо написаны и не содержат в себе редких материалов. Сердечно благодарю Вас за присланные книги и просил бы прислать мне Ваш словарь и тексты, если это окажется возможным. Из денег, исхлопотанных на издание, хорошо было бы получить на первое время около 100 рублей: без переписчика я едва ли обойдусь.

Преданный Вам Н. Ашмарин» [35. Л. 1].

И Василий Васильевич, будучи болен, делал все, что мог. Так, в 1918 г. по его ходатайству Отделение рассматривало вопрос о выделении сумм на подготовку изданий чувашских текстов [26]. Однако В.В. Радлов продолжал болеть, а вскоре его не стало. Да и молодой Советской Республике было не до чувашских текстов по народной словесности [43. С. 80-82; 40. С. 3]. Так на этапе подготовки к изданию «Образцов чувашской народной словесности» оборвалось детище академика В.В. Радлова по выпуску серии «Образцов народной литературы тюркских племен».

К сожалению, рукопись «Образцов чувашской народной словесности» в том виде, в каком ее рассматривал В.В. Радлов, не сохранилась. Во время войны упакованные бумаги с чувашскими текстами видели сотрудники Азиат-

ского музея под лестницей. Об этом мне рассказывал С.Н. Муратов в 1984 г. Возможно, это были как раз те рукописи. В РГИА имеются бумаги, проливающие свет на следы рукописей И.Н. Юркина, составлявшие основную часть текстов, представленных Н.И. Ашмариным В.В. Радлову. Например, среди рукописей, поступавших в Главное управление по делам печати для разрешения к напечатанию, хранятся переписки о представленных И.Н. Юркиным текстах. 1888 г.: «Крестьянин д. Бюрганы Буинского уезда Иван Юркин (проживающий в Симбирске, Саратовская ул., дом Матвеева), представил в С.-Петербургский цензурный комитет рукопись песен на чувашском языке «Сăвăсем». Не имея в составе своем лиц, знакомых с чувашским языком, С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь представить рукопись на усмотрение Главного управления по делам печати» [39. Л. 35]. Также известно, что далее бумаги И.Н. Юркина последовали в Академию наук (л. 36). «Рукопись на чувашском языке крестьянина Буинского уезда И. Юркина была, по определению Историко-филологического отделения Академии наук 25 августа [1888 г.], передаваема для рассмотрения академику Радлову, который, в заседании того же Отделения 11 сего октября, представил о ней свое донесение» [39. Л. 80]. 25 октября начальник Главного управления по делам печати Е.М. Феокистов на основе отзыва В.В. Радлова дает свое заключение в Санкт-Петербургский цензурный комитет: «Вследствие представления за № 969, возвращая при сем рукопись песен на чувашском языке “Сăвăсем” И. Юркина, Главное управление по делам печати уведомляет Цензурный Комитет, что к напечатанию означенной рукописи со стороны Главного управления препятствий не встречается» [39. Л. 81].

В январе 1915 г. от и.о. неперменного секретаря АН В.В. Радлову поступает письмо следующего содержания:

«Господину академику В.В. Радлову.

Потомственный почетный гражданин Иван Николаевич Юркин (Симбирск, Ярмарочная площадь, 97) обратился в Академию со следующим представлением от 31 декабря 1914 г.:

“Представляемая при сем для напечатания рукопись на чувашском языке под названием “Народное творчество чувашей”, имею честь покорнейше просить Академию наук в получении как этой рукописи, так равно и другой, под названием “Тюркские элементы в русском языке до татарского нашествия”, представленной мною 16 декабря в Академию, меня уведомить. Рукопись представляю без перевода, так как я недостаточно владею русским литературным языком.

Вместе с сим осмеливаюсь покорнейше просить Академию наук, не найдет ли она возможным ввиду крайней моей бедности, как обремененному большим семейством, помочь мне сколько-нибудь материально. Летом предполагаю приняться за переписку народных песен, которых у меня до двух тысяч. Жду ответа”.

Положено передать рукопись “Народное творчество чувашей” академику В.В. Радлову с просьбою дать заключение и сообщить И.Н. Юркину, что другая его рукопись поступила по принадлежности во II Отделение Академии» [27. Л. 37].

Кстати, именно эта рукопись И.Н. Юркина («Народное творчество чувашей», датированная 1914 г., имеет 108 листов) найдена автором этой статьи в архиве Института восточных рукописей [2]. Значит, в частности, именно ее получил и рассматривал В.В. Радлов и, видимо, отобрал для помещения в издание «Образцов народной словесности чувашей». В рукописи 5 частей: загадки, пословицы, народные приметы, мелкие жанры, чувашская музыка. Остальные рукописи, отобранные для «Образцов народной словесности чувашей», пока не определе-

ны. Полагаю, что их следует искать в фонде члена-корреспондента РАН Н.И. Ашмарина в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. В этом же фонде имеются рукописи И.Н. Юркина.

Выводы. Вклад академика РАН Василия Васильевича Радлова в чувашеведение трудно переоценить. Основные направления, на которые он обращал особое внимание, – лингвистика, этнография и музейное дело. В.В. Радлов подготовил монографию о древнечувашском языке на немецком языке, однако не успел собрать его под единый переплет. Под его научным руководством также был подготовлен очередной том из серии «Образцы народной литературы тюркских племен» под названием «Образцы чувашской народной словесности», однако он не был опубликован из-за смерти В.В. Радлова.

Особенно ценны его наблюдения в области этимологии, исконных корней чувашского языка, фонетики, лексикологии, этнографии и музееведения. Не объяснены и не нашли откликов его мысли о том, что чуваша – народ не тюркский, а тюркизированный.

Его исследования по тюркским народам ценны и в сравнительном плане. Например, еще не востребованы тексты и исследования по остякам, хакасам и тофаларам, которые проливают свет на сюжеты чувашских традиционных обрядов и верований.

Литература и источники

1. *Александров Н.А.* Черемисы и чуваша. М.: Изд-во А.Я. Панафидина, 1899. 40 с.
2. Архив Института восточных рукописей. (АИВР). Р. II. Оп. 4. 21/264. Юркин И.Н. Народное творчество чуваш. 1914 г. 108 л.
3. Архив Санкт-Петербургского филиала РАН (РАН). Ф. 1. Оп. 1а (1906). 153. Протоколы заседаний общего собрания Императорской Академии наук. 1906. 326 л.
4. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. 1. Казань: Наркомпрос ЧАССР, 1928. – 335 с.; Вып. VII. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1934. 336 с.; Вып. XIV. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1937. 336 с.
5. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М.: Наука, 1977. 967 с.
6. Башкирско-русский словарь / *К.З. Ахмеров, Т.Г. Баишев, А.М. Бикмурзин и др.* М.: ГИИНС, 1958. 804 с.
7. *Большаков О.Г.* Примечания // Ал-Гарнати Абу Хамид. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153 гг.). М.: Гл. ред. вост. лит., 1971. С. 62–83.
8. *Волкова Л.А.* «Шийлык» – обряд аграрного культа удмуртов // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1994. С. 384–386.
9. *Волкова Л.А.* Земледельческая культура удмуртов: (вторая половина XIX – нач. XX в.) – Ижевск: УИИЯЛ, 2003. 385 с.
10. *Головнёв А.В.* Этнод из угорской этноистории // Этнокультурное наследие народов Севера России. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 41–55.
11. *Евзлин М.* Космогония и ритуал. М.: Радикс, 1993. 338 с.
12. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
13. Киргизско-русский словарь / сост. *К.К. Юдахин.* М.: Сов. энциклопедия, 1965. Т. 1. 504 с.
14. *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Л.: Наука, 1982. 360 с.
15. *Куник А.О.* родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому Именнику // Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. Ч. 1. С. 118–161.
16. МАЭ РАН. Отдел Европы. Коллекция № 1040. Поступила в 1906 г. из Бузулукского уезда Самарской губернии от крестьянина Тимофея Егоровича Завражнева. Одежда и культовые предметы. Число №№ – 19, предметов – 32. Мордва и чуваша. Опись составил Б.Э. Петри. 5 предметов по чувашам.
17. МАЭ РАН. Отдел Европы. Коллекция № 347. Поступила в 1891 г. из РГО (разные губернии России – русские, чуваша, мордва, мари). Опись составлена В.В. Радловым. Последняя опись составлена И.В. Жуковской. Число № – 130, предметов – 190. Из них 29 предметов по чувашам.
18. *Мессершмидт Д.Г.* Дневник путешествия из Тобольска через Тару, Томск и дальше в Сибирском государстве // Исторический архив. 2003. № 2. С. 25–40.
19. *Мессершмидт Д.Г.* Извлечения из путевого дневника // Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1888. С. 9–19.

20. Мухамадиев А. Об этнонимах «сувар» и «чуваш» // Время Булгар. 2011. № 1 (3). С. 36–37.
21. Мюллер И.Б. Нравы и обычаи остяков. Ханты-Мансийск: Адм. губ. ХМАО, 2003.
22. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов / тексты собр. и пер. Н.Ф. Катановым. СПб.: Имп. АН, 1907. 659 с.
23. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Тип. АН, 1893. Т. I. 1914, 66 с.; Т. II. 1899. – 1814, 64 с.; Т. III. 1905. – 2204, 98 с.; Т. IV. 1911. – 2230, 107 с.
24. Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1888. – IV, 40, 20 с., 6 л. табл.; Т. I, вып. 2. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1891. – С. 41–80, 1–52, XIV табл.
25. РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1916). 163 – Заседания Отделения исторических наук и филологии. VI, VII, X–XIV.
26. РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1918). 165 – О выделении сумм на подготовку изданий чувашских текстов.
27. РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). 39 – Выписки из протоколов заседаний общего собрания МАЭ и Историко-филологического отделения АН, относящихся к Музею. 76 л.
28. РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). 58 – Письма, полученные МАЭ РАН. 1906 – 1908 гг. 405 л.
29. РАН. Ф. 177. Оп. 1. 29 – Radlow W.W. [Исследование о чувашском языке. Первая редакция. На нем. яз.] 1916 г. 47 л.
30. РАН. Ф. 177. Оп. 1. 30 – Radlow W.W. Alttürkische Studien VII. Фонетика, морфология и заключение. II-я редакция. На нем. яз. 1916 г. 97 л.
31. РАН. Ф. 177. Оп. 1. 31 – Радлов В.В. [Материалы для статьи о чувашском языке. На рус. яз.] Б.д. 19 л.
32. РАН. Ф. 177. Оп. 1. 32 – Radlow W.W. [Грамматические формы чувашского языка. Набросок азбуки для транскрипции чувашских текстов. 1915 – 1918 гг.]. 7 л.
33. РАН. Ф. 177. Оп. 1. 33 – W.W. Radlow. [Studie der Grammatik der Chuwashsprache. 1916 – 1918 JJ.]. 35 Blätter.
34. РАН. Ф. 177. Оп. 1. 107 – Радлов В.В. Смешанный словарь на карточках. Б.д. 2888 л.
35. РАН. Ф. 177. Оп. 2. 12 – Радлов В.В. Переписка с Н.И. Ашмариним. 1917 г. 1 л.
36. РАН. Ф. 177. Оп. 2. 161 – Радлов В.В. Переписка с С.Е. Маловым. 1910 – 1917 гг. 9 л.
37. РАН. Ф. 177. Оп. 3. 24 – Радлов В.В. Выписки из заседаний Историко-филологического отделения Академии наук и официальные письма по вопросам, связанным с его деятельностью в музее. 1885 – 1917 гг. 61 л.
38. РАН. Ф. 177. Оп. 3. 63 – Диплом Йенского университета о присуждении степени доктора философии В.Ф. Радлову. 1858 г. 1 л.
39. Российский государственный исторический архив, СПб. (РГИА). Ф. 776. Оп. 20. 996 – О рукописях, поступивших в Главное управление по делам печати для разрешения на печатанию. 1888 г. 85 л.
40. Салмин А.К. Пёр алсыру историйё // Коммунизм ялавё. 1984. 12 май.
41. Семик // Иллюстрированная неделя. СПб., 1873. С. 407.
42. Татарско-русский словарь / К.С. Абдуразаков и др.. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 864 с.
43. Федотов М.Р. Записка Н.И. Ашмарина об издании чувашских текстов // Советская тюркология. 1982. № 6. С. 80–82.
44. Федотов М.Р. Материалы к историко-этимологическому словарю чувашского языка / ЧГИГН. Чебоксары, 1992. 180 с.
45. Федотов М.Р. Палла тѣпчевсѣ сыравѣ // Ялав. 1982а. 8 №: 30–31.
46. Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 336 с.
47. Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1986. 704 с.
48. Фурсова Е.Ф. Семицко-троицкие обычаи и обряды восточных славян Приобья второй половины XIX – 30-х годов XX в. // ЭО. 1998. № 3. С. 35–47.
49. ЧГИ 163 – Никольский Н.В. История, этнография. 1908 – 1913 гг. 327 с.
50. ЧГИ 176 – Никольский Н.В. Религия, археология, этнография, грамматика, фольклор. 1905 – 1911 гг. 616 с.
51. Шахматов А. Из области новейшего народного творчества // Живая старина. 1909. Вып. II–III. С. 162–177.
52. Patkanoff S. Über das Volk der Sabiren // Keleti Szemle. I. Budapest, 1900. S. 258–277.
53. Radloff W. Phonetik der Nördlichen Türksprachen. Leipzig: T.O. Weigel, 1882. XLV. 320 S.
54. Radloff Wilhelm. Aus Sibirien: Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Bd. 1. Leipzig: T.O. Weigel Nachfolger, 1893. V, 536 S., die Karte.

САЛМИН АНТОН КИРИЛЛОВИЧ – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, Санкт-Петербург (antsalmin@mail.ru).

SALMIN ANTON – doctor of historical sciences, leading researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Russia, St.-Petersburg.

УДК 323.329:631(470.344)«1941/1945»
ББК ТЗ(2Рос.Чув)622–283.2

М.А. ШИРОКОВА

СЕЛЬСКИЕ РАБОТНИКИ КУЛЬТУРЫ ЧУВАШИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ*

Ключевые слова: Чувашия, Великая Отечественная война, тыл, село, работники учреждений культуры, социальный портрет.

Изучена деятельность работников сельских учреждений культуры Чувашии в период Великой Отечественной войны. Проведен анализ источников и историографии по теме, рассмотрены основные характеристики, составляющие социальный портрет.

M. SHIROKOVA

RURAL CULTURAL WORKERS OF CHUVASHIA IN THE GREAT PATRIOTIC WAR: STROKES TO THE SOCIAL PORTRAIT

Key words: Chuvashia, the Great Patriotic War, the home front, village, workers of cultural institutions, the social portrait.

The article studied the activities of workers of rural cultural institutions of Chuvashia in the Great Patriotic War. The sources and historiography on the subject were studied, the basic characteristics that make up the social portrait were considered.

Становление советского строя в нашем государстве сопровождалось созданием новой культуры, в которой агитация и пропаганда стали главным инструментом воспитания граждан в духе коммунизма. В огромной аграрной стране эффективность этого процесса во многом зависела от создания сети учреждений культуры и деятельности их сотрудников. К началу 1940-х гг. в сельской местности работали клубы, библиотеки, избы-читальни, редакции газет, передвижные театры и киноустановки. Они формировали социокультурную среду, организовывали досуг населения, занимались образовательной и воспитательной деятельностью. Особенно ярко их роль проявилась в годы военных испытаний, когда боевой дух населения имел решающее значение в достижении Победы.

В науке рассматриваемая нами тема изучена фрагментарно, специальные работы отсутствуют. В целях более подробного изучения деятельности работников культуры мы ограничиваемся территориальными рамками одного региона – Чувашской АССР. Хронологические рамки охватывают период 1941 – 1945 гг. – время Великой Отечественной войны.

Таким образом, тема представляется актуальной с точки зрения изучения исторического опыта деятельности работников культуры, их роли в подъеме культурного уровня жителей села, а также расширения историографии Великой Отечественной войны.

Цель статьи: изучить социальный портрет и профессиональные группы сельских работников культуры Чувашии в 1941 – 1945 гг.

Работники культуры являлись частью сельской интеллигенции. В рассматриваемый период на территории Чувашии они были представлены сотрудниками домов культуры, изб-читален, библиотек, редакций газет, передвижных киноустановок, которые и формируют объект нашего исследования.

Источниковая база представлена в значительной степени неопубликованными документами трех архивов Чувашской Республики – Государственного исторического архива (ГИА ЧР), Государственного архива современной истории (ГАСИ ЧР) и Государственного архива печати (ГАП ЧР). Можно выделить несколько групп источников: 1) нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность учреждений культуры как общесоюзного, так и республиканского

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-11-21010а(р).

уровня; 2) делопроизводственная документация органов управления и учреждений различного уровня (ГИА ЧР. Ф. 203. Совет Министров ЧАССР, Ф. 1041. Президиум Верховного Совета ЧАССР, Ф. 1581. Управление по делам искусств при Совете министров ЧАССР, Ф. 1893. Чувашский республиканский передвижной театр); 3) партийные документы (ГАСИ ЧР. Ф. 1. Чувашский Республиканский комитет КП РСФСР г. Чебоксары); 4) статистические источники, предоставляющие информацию о численности, профессиональном составе, половозрастных и социальных характеристиках (ГИА ЧР. Ф. 872. Статистическое управление ЧАССР); 5) периодическая печать, представленная республиканскими и районными газетами.

В качестве дополнительных источников можно отметить все то, что формировало культурную среду села в военную пору, в которой происходила жизнь работников культуры: литературные произведения, фильмы, изобразительное искусство того времени.

В годы советской власти культурная жизнь села формировалась во многом под влиянием специальных учреждений культуры, создание которых стимулировалось государственной политикой. В сельской местности Чувашии в годы войны большую долю культурных учреждений занимали избы-читальни – к 1940 г. более 70%. Они стали самым приемлемым вариантом для сел и деревень, так как дома культуры, стационарные кинотеатры, клубы располагались лишь в больших населенных пунктах – городах и районных центрах. Как форма организации просвещения народа изба-читальня появляется уже в XIX в. С 1920-х гг. она получает широкое распространение. Направление и содержание работы изб-читален определялись циркуляром ВЦИК и СНК РСФСР от 18 сентября 1924 г., а затем постановлением ЦК ВКП (б) от 11 ноября 1929 г. «Об избах-читальнях» [5. С. 167–168]. В 1920 – 1930-е гг. избы-читальни являлись центром политической пропаганды и культурно-просветительской работы в деревне, так как в составе их актива обязательно присутствовали представители партийных и комсомольских ячеек. Они играли значительную роль в ликвидации неграмотности среди крестьянства и приобщении его к сельскохозяйственным знаниям, к культуре, помогали советским и партийным организациям в проведении коллективизации сельского хозяйства. В Чувашии они могли одновременно сочетать функции школы ликвидации неграмотности и медицинского пункта, лекционного и концертного зала, читальни, кинотеатра, танцевальной площадки и спортивной базы [6]. Например, в 1941 г. из 617 изб-читален 364 проводили регулярные киносеансы [2. Д. 1233. Л. 26]. Впоследствии, по мере распространения грамотности, количество изб-читален сокращается, однако в изучаемый нами период они зачастую были единственными культурными учреждениями в сельской местности.

В 1920 – 1930-е гг. были сделаны шаги в подготовке кадров для культурно-досуговых учреждений. Начиная с 1919 г. при совпартшколах были открыты политехпросветотделения, в центре и на местах функционировали краткосрочные курсы для избачей и библиотекарей. В 1930-е гг. была создана сеть высших учебных заведений, готовящих работников культурно-досуговых учреждений.

Статистические данные по сельским учреждениям культуры не дают полного представления о положении и деятельности их сотрудников. К примеру, из 636 изб-читален в 1941 г. отчет о своей деятельности предоставили только 467 [2. Д. 1233. Л. 26], а в военное время этот показатель еще больше ухудшился: в 1943 г. из 621 – только 366 изб-читален [3. Д. 6. Л. 61]. Кроме того, в них не всегда были штатные платные работники, и эффективность работы во многом зависела от местного руководства и энтузиазма интеллигенции. Статуправление рассылало уведомления о необходимости подачи

отчетной документации, однако в годы войны сбор этих сведений был крайне неэффективен. Анализируя данные статистики, необходимо иметь в виду вышеуказанный фактор. Тем не менее представить более или менее достоверную картину социокультурного портрета и деятельности работников культуры вполне возможно по данным имеющихся источников.

На 1 октября 1939 г. было учтено 605 изб-читален, годом ранее их насчитывалось 558 [2. Д. 1030. Л. 51]. Несмотря на неплохие темпы развития, в отчете указано, что количество действующих изб-читален все же недостаточно для удовлетворения культурных нужд населения и проведения эффективной государственной политики. В ноябре 1939 г. в сельской местности республики насчитывалось 859 клубных учреждений разных типов: 612 изб-читален, 14 районных домов культуры, 199 колхозных клубов, 19 клубных учреждений профсоюзов, 15 клубов кооперации [2. Д. 1030. Л. 52]. В этот же период в селах работали 752 библиотеки (из них только 88 имели более 1000 книг). Библиотек с платными¹ библиотекарями было 74, в них работал 91 библиотекарь, остальные не имели штатных должностей [2. Д. 1030. Л. 54]. К октябрю 1940 г. количество изб-читален увеличилось до 635. Кроме того, работали колхозные клубы, клубные учреждения профсоюзов, кооперации и прочих, которых было 236. В целом сельских клубных учреждений к 1940 г. стало 871 [2. Д. 1299. Л. 47]. Не во всех клубных учреждениях были платные работники, в отмеченном ранее 871 работали только 782 сотрудника. Однако количество таких учреждений сокращалось, что оказывало значительное влияние на качество их работы [2. Д. 1299. Л. 64об.]. Таким образом, в довоенный период отмечалась положительная динамика развития сети учреждений культуры на селе.

На 1 января 1941 г. в сельской местности Чувашии трудились 703 заведующих избами-читальнями, клубами и домами культуры и прочих платных культурработников. Среди них наблюдается значительное преобладание мужчин, из 703 культурработников было только 188 женщин (26,7%). В отличие от учителей они в большинстве своем были членами партии – 525 из 703 (74,7%) [2. Д. 1233. Л. 15об.]. Уровень образования работников культуры также был сравнительно невысок. Из 703 только 1 имел высшее образование, 51 – среднее, 417 – неполное среднее, а 234 не имели даже неполного среднего образования. Данные об опыте работы показывают, что это были начинающие специалисты – 676 работали не более 5 лет и только 27 – от 5 до 10 лет [2. Д. 1233. Л. 15об.].

Сеть массовых самостоятельных сельских библиотек в 1940 г. по сравнению с 1939 г. увеличилась на 9 единиц [2. Д. 1229. Л. 65]. На 1 октября 1939 г. массовых библиотек в сельской местности было 752, причем основу этой цифры составляли небольшие библиотеки при избах-читальнях – 521 [2. Д. 1229. Л. 65].

На 1 января 1941 г. из общего количества массовых библиотек в ЧАССР (810) большинство было сельскими (792). В них числилось 709 библиотекарей, следовательно, работа ряда библиотек, как и клубных учреждений, строилась на основе общественной инициативы. Несмотря на подавляющее большинство сельских библиотек, нужно также учитывать, что это были библиотеки с небольшим книжным фондом, тогда как одна республиканская библиотека превосходила их всех по данному показателю. Из общего числа сельских библиотек на 1 января 1941 г. только 72 были самостоятельными и массовыми, число их платных работников достигало 66. Наиболее распространенными были небольшие библиотеки при различных культурных учреждениях. Однако в них чаще всего не было платных работников.

¹ Речь идет именно о категории платных работников, так указано в тексте источников, в статистических таблицах.

В годы войны произошло значительное сокращение. По отчетам Наркомпроса в 1942 г. в селах ЧАССР насчитывалось 464 библиотеки, большинство из них – 351 – состояло при избах-читальнях [2. Д. 1630. Л. 11]. Кроме того, работало 617 изб-читален с 561 платным работником, 19 районных домов культуры и районных клубов с 41 платным работником и 202 колхозных клуба с 90 платными работниками [2. Д. 1630. Л. 12]. В 1943 г. в ЧАССР насчитывалась 621 сельская изба-читальня, в большинстве из них были платные работники [3. Д. 6. Л. 61]. На 1 января 1944 г. в сельской местности ЧАССР было 416 изб-читален с 413 платными работниками, 15 ДСК с 31 платным работником и 149 колхозных клубов с 109 работниками [3. Д. 6. Л. 52].

Самостоятельных массовых библиотек в 1943 г. в сельской местности было 45 с 47 платными библиотекарями. Также работала 21 районная библиотека, в них было 37 сотрудников. На 1 января 1944 г. в селах работало 19 библиотек, имеющих платных работников. Большая часть библиотек – 228 – находилась при избах-читальнях, в них не было платных библиотекарей [3. Д. 6. Л. 53].

Библиотекари совместно с другими представителями сельской интеллигенции были призваны выполнять просветительные и пропагандистские функции посредством распространения литературы. Политика советского правительства была направлена на борьбу с безграмотностью и ориентацию населения на регулярное чтение, прежде всего газет и журналов.

Еще одним важным средством идеологической политики стал кинематограф, который выполнял и развлекательную роль. В связи с этим возникла необходимость в квалифицированных киномеханиках. В сети Управления кинофикации при СНК ЧАССР работали на 1 января 1941 г. 276 чел., из которых 231 – это кадры межрайонных отделов – киномеханики. Подготовка киномехаников звукового кино велась через централизованные курсы, проводимые в городах Саратов, Воронеж, Казань, Болохов (Орловская область). За девять месяцев 1941 г. было подготовлено 79 механиков звукового кино, в том числе 31 женщина. И все они направлены на работу в периферию. В начале 1941 г. учились на киномехаников звукового кино в г. Болохово 29 чел., г. Казань – 12 человек, всего 41 человек, в том числе 12 женщин, которые прибыли в распоряжение Управления кинофикации в конце 1941 г. и начале 1942 г.

В мае-июне 1941 г. в г. Чебоксары были организованы курсы механиков немного кино и мотористов звуковой кинопередвижки, посредством которых были подготовлены 40 чел., из которых 15 механиков немного кино и 25 мотористов звуковой передвижки отправлены работать на периферию.

В целях поднятия квалификации работников киносети путем заочного обучения были организованы Воронежские курсы и подготовлено 5 киномехаников звукового кино и 1 кинотехник [4. Д. 119. Л. 11]. По окончании программы заочного обучения и программы производственного обучения киномеханики проверены Государственной квалификационной комиссией (ГКК) и после заключения приступали к работе. Таким образом за девять месяцев 1941 г. было аттестовано 11 человек, в том числе 2 киномеханика первой категории, 5 киномехаников второй категории и 4 помощника киномеханика [4. Д. 119. Л. 12].

В источниках встречаются сведения о частых задержках заработной платы работникам кино и в довоенные годы. В частности, по сообщению Янтиковского райкома ВКП(б) в 1941 г. обслуживание населения в плане кинопоказов значительно ухудшилось ввиду ликвидации Янтиковского отделения кинобазы [1. Д. 342. Л. 39]. Основная причина заключалась в халатном отношении руководства, так как не выполнялись элементарные условия безопасности работы киномехаников в кинобудке. Зимой она не отапливалась, и механики работали при температуре -20°C и ниже, что представляло угрозу их

здоровью, а также выходу из строя дорогостоящей аппаратуры. Старшему киномеханику Михайлову было дано указание выезжать только в близлежащие селения, тем самым без кинопросмотров остались все дальние колхозы. В феврале 1940 г. при демонстрации картины «Папанинцы» из-за холода чуть не испортилась кинолента, и механик был оштрафован на 252 руб. при его зарплате в 280 руб. С одной стороны, согласно техническим правилам он не должен был проводить демонстрацию в таких условиях, но с другой – ему угрожал Межрайотдел, если он сорвет показ фильма. К этому также нужно добавить постоянные задержки заработной платы, которые подрывали дисциплину. Так, работники Межрайотдела были замечены в воровстве: они использовали брезент служебной машины для пошива личных плащей [1. Д. 342. Л. 40]. Согласно источникам, среди киномехаников встречались случаи мошенничества. Так, бывший начальник Сундырской стационарной киноустановки Андреев, впоследствии приговоренный к тюремному заключению за хулиганство, в целях личной наживы через типографию Сундырского района изготовлял поддельные кинобилеты [1. Д. 342. Л. 39]. Киномеханик Комсомольского МРО Иванов за плату сельхозпродуктами незаконно организовал у себя на квартире киносеанс. Но, несмотря на указанные преступления, всегда сложно оценивать поступки людей, не зная подробностей случившегося. Возможно, плохое материальное положение и крайняя необходимость в продуктах стали причиной поступка тов. Иванова, а вовсе не излишняя жадность или жажда наживы. Государственные службы стремились пресечь подобные преступления, которые, особенно в годы войны, становились угрозой социальному порядку. Таким образом, неблагоприятное материальное положение киномехаников было связано не только с начавшейся войной. Хотя в военное время оно только ухудшилось. Источники содержат большое количество свидетельств о плохих условиях работы, жилья и снабжения продуктами. Киномехаников, работающих в сельской местности, снабжали хлебом по нормам, установленным областными исполкомами для рабочих [1. Д. 342. Л. 33]. Заработная плата киномехаников зависела от количества рабочих дней и типа оборудования. Например, в 1941 г. в Шемуршинском районе должность киномеханика с окладом в 280 руб. предполагала 20 рабочих дней в месяц [1. Д. 126. Л. 7]. Бытовые условия работников киносети были плохими. Начальники межрайотделов в районах не прикреплялись к столовым, точно так же киномеханики кроме хлебного пайка больше ничего не получали. Основными проблемами также были недостаточное финансирование, старые киноустановки, нуждающиеся в модернизации, отсутствие приспособленных помещений, дефицит новых фильмов.

На 1 октября 1941 г. государственная сеть насчитывала 12 сельских кинотеатров и 44 кинопередвижки [1. Д. 126. Л. 7]. Стационарных киноустановок в селах было 29 [4. Д. 119. Л. 1]. С началом войны большое сокращение произошло по профсоюзной и ведомственной сети киноустановок. Согласно отчетам в 1941 г. их было 9, а в 1942 г. осталась одна [4. Д. 180. Л. 4]. В целом, по данным статистики, сложно представить истинные масштабы кинофикации в ЧАССР периода войны. Многие работники киноустановок не сдавали отчеты вовремя, а также были часты случаи выхода оборудования из строя. В 1942 г. из запланированных 25 сельских звуковых широкоплечных киноустановок фактически работали только 12, из 25 немых – 20, а из 20 узкоплечных – 7. Таким образом, из 79 киноустановок по республике фактически работали 46, причем 29 из них были сельскими [4. Д. 180. Л. 6].

В системе Управления кинофикации при СНК Чувашской АССР на 1 октября 1941 г. работали 276 человек, в том числе 231 киномеханик. Подготовка механиков звукового кино велась через централизованные курсы в г. Сара-

тов, г. Воронеж, г. Казань и в г. Болохово Орловской области. За девять месяцев 1941 г. подготовлено 79 механиков звукового кино, из них – 31 женщина. И все они были направлены работать на периферию [4. Д. 120. Л. 10–11].

К концу 1941 г. согласно плану государственная киносеть республики должна была составлять 127 киноустановок, из которых предполагалось 36 – сельских стационарных, 34 – звуковых широкоплечных и 29 узкоплечных кинопередвижек, а также 19 немых кинопередвижек [4. Д. 175. Л. 1–2]. Но в апреле 1942 г. киносеть состояла только из 119 установок. Из 36 сельских стационарных киноустановок работали только 13, из 34 звуковых кинопередвижек – только 28 широкоплечных и 29 узкоплечных. Однако возросла доля немых кинопередвижек – их стало 40, хотя в довоенное время их планировалось полностью заменить звуковыми аппаратами. Начавшаяся война помешала выполнению этих планов.

Еще более сложная ситуация сложилась с кадрами киномехаников. В 1942 г. в сельской местности Чувашии их требовалось 75, а в действительности работали только 17 [2. Д. 1437. Л. 23, 30]. Дефицит специалистов был причиной простоя аппаратуры в 10% случаев, и эта тенденция сохранялась на протяжении всех лет войны. В 1943 г. потребность в кадрах киномехаников была удовлетворена только наполовину – 54 работника вместо 106. В условиях военного времени Управление кинофикации пыталось решить данную проблему посредством организации месячных курсов киномехаников. В 1943 г. 11 человек окончили курсы механиков немого кино в Чувашии. На Казанских курсах звукового кино было подготовлено 17 специалистов, на Загорских курсах обучался 1 человек. Качество подобного кратковременного обучения в тяжелых военных условиях оставляло желать лучшего. К примеру, в источниках низко оценивается квалификация механиков, обучавшихся на Казанских курсах. Курсанты жаловались на отсутствие стабильного расписания занятий и частые направления на сельскохозяйственные работы. По окончании обучения никто из слушательниц не смог самостоятельно завести двигатель и провести киносеанс. Низкий уровень знаний и навыков и отсутствие опыта также были частыми причинами выхода аппаратуры из строя.

На 1 января 1944 г. в системе государственной киносети ЧАССР насчитывалось 98 киноустановок – 7 сельских стационарных кинотеатров, 53 звуковых кинопередвижки и 28 немых [4. Д. 214. Л. 19]. Однако более половины из них не работали по разным причинам, поэтому в источниках отмечается крайне низкий уровень обслуживания сельского населения. В частности, план на 1943 г. по данному показателю был выполнен лишь на 50,1% [4. Д. 214. Л. 20]. В требованиях по улучшению кинопоказа указывается, что необходимо обеспечить кинообслуживание каждого сельсовета не менее одного раз в месяц, из чего можно сделать вывод и о более редком кинообслуживании. В целях улучшения уровня подготовки киномехаников Комитетом по делам кинематографии был подготовлено издание «Круг навыков и знаний», обязательных для них [4. Д. 212. Л. 12]. Чувашская АССР в годы войны занимала средние позиции в Советском Союзе по кинофикации и качеству обслуживания населения. По некоторым позициям, например, по вводу в эксплуатацию бездействующих киноустановок в 1944 г. республика заняла первое место в своем регионе.

Обычно киномеханики были молодыми людьми с уровнем образования не ниже начальной школы [4. Д. 148]. Чаще всего у них было неполное среднее образование – 7 классов, хотя, по всей видимости, минимальный образовательный уровень равнялся начальной школе. Большая часть киномехаников были беспартийными. В основном это были мужчины, так как профессиональные обязанности предполагали тяжелый физический труд – транспортировку и установку оборудования.

Война объективным образом сказалась и на кадровом обеспечении прессы. На республиканском совещании редакторов районных газет 3 апреля 1942 г. редактор аликовской газеты «Пурна́с сулёпе» Саперкин выступил с докладом: «Плохо обстоит дело с кадрами в редакции. За время войны пришлось сменить трех секретарей, в связи с уходом их в армию» [1. Д. 683. Л. 4об]. Редактор одной из шумерлинских газет Антонов также жаловался, что «кадры редакции часто меняются» [1. Д. 683. Л. 6] и некоторые должности не заняты вообще. Секретарь редакции алатырской газеты «Ленинский путь» особо отметил, что «в дни войны печать приобретает особо важное значение. В газету часто пишут районные партийно-советские работники, агрономы, врачи, учителя и др.» [1. Д. 683. Л. 5-5об]. При данной газете состояли 283 рабселькора, из которых действительно активно участвовали 50–60 чел. На базе редакции имелись курсы для подготовки рабселькоров, посредством которых до войны были подготовлены 47 заочников. Кроме того, часто проводились семинары с редакторами стенгазет. На подобных заседаниях обсуждались также и недостатки газет. Например, редакция гражданской газеты «Сталинец» подверглась критике за то, что не освещала вопросы о работе школ, политпросветучреждений, больниц, сельсоветов и др. Замечание было сделано и сотрудникам редакции газеты «Колхоз хаҫачё»: «Несмотря на то, что Аликовский район по населению является основным чувашским районом, иногда допускает статьи и на русском языке» [1. Д. 683. Л. 12об.].

При многих газетах были организованы курсы рабселькоров и редакторов стенных газет. Их эффективность зависела от многих факторов и не всегда была высокой. Например, в 1941 г. при редакции красноармейской газеты «Коммунизм сулёпе» из 20 человек курсы закончили 8. На заочных курсах при редакции газеты «Ёҫ ялавё» состояли 19 человек, газеты «Ҫёнь Пурна́с» колхоза «Красное Сормово» – 9 [1. Д. 342. Л. 47]. Сложности с прохождением курсов были связаны с тем, что колхозы порой направляли на них людей малограмотных, не посещающих консультации. Сотрудники редакций посещали курсантов на дому. Хотя дело не только в грамотных редакторах стенных газет: люди жаловались, что у них нет бумаги, а редакции просили выделить им пишущие машинки и велосипеды для сотрудников [1. Д. 683. Л. 61].

Работники культуры в период войны выполняли важные задачи пропаганды, агитации и формирования морального потенциала сельского населения. Это были в основном молодые специалисты со средним и ниже среднего уровнем образования и опытом работы до пяти лет. Под влиянием мобилизации в их среде возросло количество женщин.

Литература

1. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 23.
2. ГИА ЧР. ф. 872. Оп. 11.
3. ГИА ЧР. ф. 872. Оп. 17а.
4. ГИА ЧР. ф. 1056. Оп. 1.
5. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сб. док. за 1917–1947 гг. М., 1947.
6. Сергеев Т.С. Изба-читальня // Чувашская энциклопедия. URL: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=548> (02.09.2013).

ШИРОКОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – старший преподаватель кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mlemaeva@mail.ru)

SHIROKOVA MARINA – senior teacher of Foreign History and Culture Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mlemaeva@mail.ru).

УДК 811.111
ББК 81.432.1

И.Г. АХМЕТЗЯНОВ, А.К. ГАРАЕВА

**АНАЛИЗ ПРОДУКТИВНЫХ
ТОПОНИМООБРАЗУЮЩИХ СУФФИКСОВ -ЛЫК/-ЛЕК (-ЛЫ/-ЛЕ)
В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Ключевые слова: продуктивный, топонимообразующий суффикс, апеллятивы, производные топонимы.

Рассматриваются топонимообразующие суффиксы -лы/-ле в татарском языке и их эквиваленты в английском языке. Приводятся точки зрения ученых о продуктивности данного суффикса. Анализируются татарские и английские топонимы.

**I. AKHMETZYANOV, A. GARAEVA
THE ANALYSIS OF PRODUCTIVE PLACE-NAME FORMING SUFFIXES -LYK/-LEK (-LY/-LE)
IN TATAR AND THEIR EQUIVALENTS IN ENGLISH**

Key words: productive, place-name suffix, appellative, derived place-names.

The given article deals with the place-name suffix -ly/-le in Tatar and its equivalent in English. The viewpoints of some scientists to the productivity of the suffix are considered. Tatar and English place-names are analyzed in this article.

В татарском языке широкое распространение получил морфологический способ образования новых слов. Татарский язык обладает достаточным количеством словообразовательных аффиксов, разных по продуктивности и способности создавать новые слова различной семантики.

Производные топонимы в татарском языке образуются путем прибавления какого-либо аффикса к корневому слову. Но не все словообразовательные аффиксы участвуют в образовании топонимов, а только, как отмечает Г.И. Донидзе, специальные аффиксы [5. С. 126]. Специальными аффиксами можно назвать те, которые употребляются в образовании топонимов.

Н.В. Подольская пишет, что «типовые основы (или корни) и типовые форманты на определенном этапе существования языка, сочетаясь друг с другом, складываясь в многочисленные комбинации, создавали все разнообразие лексем как в апеллятивах, так и в топонимах и антропонимах» [8. С. 151].

Словообразовательный аффикс **-лык/-лек** существует в татарском языке с древних времен. В современном татарском языке этот аффикс является наиболее продуктивным [10. С. 246]. По истечении времени древний аффикс **-лык/-лак/-лук**, как отмечают ученые, разделился на **-лык/-лек** и **-лы/-ле** [6. С. 44].

Аффикс **-лы/-ле** указывает на обладание, изобилие или наличие растений, животных; образует имена прилагательные со значением наличия того, обладания тем, что названо в исходной основе [4. С. 85; 9. С. 20]. Как образующий суффикс существительных аффикс **-лы/-ле** является многозначным и широко используется в образовании как простых, так и сложных топонимов. Уровень участия аффикса **-лы** и его вариантов в образовании гидронимов, в целом топонимов, в основном высокий. Так, О.Т. Молчанова указанный аффикс в топонимии Горного Алтая считает основным [7. С. 125]. Однако все значения до единого не могут участвовать в образовании географических названий.

Прежде всего нужно учитывать семантику основы, присоединяющей этот аффикс:

а) исходная основа – названия различных животных и птиц, растений и деревьев: Камышлы (камыш «камыш, тростник»); Зирекле, Чаллы, Наратлы, Чуртанлы, Чебенле, Кигәвенле, Юкәле и др.;

б) основа – существительные, обозначающие те или иные особенности рельефа. В данном случае образуются географические названия, значение которых характеризуется указанными особенностями: Ташлы (таш «камень»), Томанлы, Комлы и др.;

в) основа – существительное; топоним обозначает наличие того или иного предмета: Буралы, Читәнле, Чүпрәле.

В составе указанных производных топонимов аффикс *-лы* обозначает множество однородных предметов, имеет собирательное значение, и такая особенность лежит в основе образования вышеперечисленных топонимов. В приведенных примерах значение аффикса *-лы/-ле* приближается к значению аффикса *-лык/-лек*. Необходимо отметить, что семантическое сближение аффикса *-лы/-ле* в составе топонимов с аффиксом *-лык/-лек* закономерно. Это реликт одной из древних особенностей словообразовательных средств в тюркских языках. Аффикс *-лы/-ле* в древнетюркских письменных памятниках употребляется в форме *-лыг* [9. С. 71–72]. Например: «Казгулуг булды» – кайгылы булды», «Өмме Жәмил атлыг ирде» – Жәмил атлы (исемле) иде [6. С. 70].

Однословные гидронимы с аффиксом определения *-лы/-ле* первоначально имели такую форму определительных словосочетаний, как Жикәнле күл, термин «күл» в практической речи выпадал; собственно гидронимическое значение обрела определительная, наиболее важная в смысловом отношении часть собственного имени. Так происходила субстантивизация слов с определительным аффиксом *-лы/-ле*, ранее входивших в составные названия. Этот переходный момент проявился в том факте, что очень часто применение детерминатива (күл и др.) в подобных гидронимах факультативно. В разговорном языке существуют, например, такие варианты одних и тех же названий: Жикәнле күл – Жикәнле, Ташлы йылгасы – Ташлы. Гидрографические названия с отпадением детерминативов күл «озеро», елга «река, речка» – типичные однословные аффиксальные гидронимы, бывшие до этого только компонентами (определителями) составных наименований.

Словообразовательный аффикс *-лык/-лек* свидетельствует о наличии характерных признаков, свойств, выражающих понятие скопления, обилия, концентрации тех или иных предметов на местности: Ташлык, Каенлык, Имәнлек и т.д.

Следует отметить, что этот аффикс широко употребляется в образовании географических названий. Аффикс *-лык/-лек* имеет несколько значений. По мнению Ф.Г. Гариповой, не все значения, употребляемые в современном татарском языке, приемлемы для географических названий [3. С. 185]. А.М. Щербак предполагает, что «аффикс *-лык/-ле* образует существительные от различных имен с преобладающим значением обобщенности. Имена действия с указанным аффиксом выражают абстрагированно процессуальность или состояние (...). Существительные с рассматриваемым аффиксом обозначают также действия совокупного расположения предметов и сами предметы, используемые в качестве такого» [11. С. 104].

С аффиксом *-лык/-лек* зафиксированы такие татарские географические названия, как Шомыртлык, Усаклык, Ташлык, Алмалык и др.

Аффикс *-лык/-лек* в качестве словообразовательного средства существует в тюркских языках с древнейших времен. В современном татарском языке, как и в других тюркских языках, он является одним из наиболее продуктивных аффиксов. Вполне закономерно, что этот формант достаточно широко употребляется и как средство образования гидронимических названий. Число гидронимов, образованных с помощью аффикса *-лык*, несколько меньше количества названий с аффиксом *-лы/-ле*.

Аффикс *-лык* является многозначным. Не все значения, употребляемые в современном татарском языке, приемлемы для названий гидрообъектов.

Гидронимы в основном образуются присоединением аффикса *-лык/-лек* к названиям различных деревьев, растений и указывают места, изобилующие данными предметами, например, р. Ташлык (таш «камень»); р. Каенлык (каен «береза») и др.

В английской топонимии широко представлены названия, которые могут быть обозначены как производные, т.е. состоящие из производящей основы и топонимического суффикса (Oakleigh, Fordwich) или основы и топонимического полуаффикса (Clifford, Elmsted).

В английском языке словообразующих суффиксов очень мало. Самым продуктивным суффиксом является *-ing*. Английский суффикс *-ing* служит для образования отглагольных существительных, обозначающих «процесс, действие, состояние» [2. С. 10].

В словаре А.Д. Миллза [12. С. XX] топонимообразующий суффикс *-ing*, соединяющая частица *-ing-* обозначают «место с характерным признаком; принадлежность к какому-либо месту; связанный с какой-либо местностью, названный в честь ...». Примером являются такие географические названия, как Abington, Abington, Addingham, Darlington, Reading, Stirling, Warrington и др.

Для английских топонимов характерно наличие конечных элементов, которые восходят к апеллятивам – географическим терминам. Такие конечные элементы называются топонимическими суффиксами.

В английском языке распространены наименования, включающие названия пород деревьев: Ashurst (ash – ясень, hyrst – лесистый холм), Dartington (Dart – дуб, -ing-, tun – деревня, жилище), Dartmoor (Dart – дуб, mor – болото); растений: Ryedale (Rye – рожь, dalr – долина), Reedham (Reed – камыш, ham – жилище, деревня), Reedness (Reed – камыш, naess, ness, nes – мыс); животных: Yardley (Yardy – медведь, leah – лес, пастбище, луг). В английском языке такие топонимообразующие суффиксы также указывают на местоположение географического объекта, например, Oxford (ford – переправа) Nottingham (ham – усадьба, ферма), Barnsley (lea – луг, долина) и др. Возможно, мы можем сопоставить данные названия с татарскими названиями с суффиксами *-лы/-ле, -лык/-лек*.

Однако данные исследований в этом направлении недостаточны для того, чтобы делать преждевременные выводы, и требуют дальнейшего, более тщательного анализа лингвистов-языковедов. Исходя из результатов данной статьи, можно прийти к нижеследующему заключению, а именно: как в английском, так и в татарском языке существуют топонимообразующие суффиксы. В татарском языке, в отличие от английского языка, существуют апеллятивы или местные географические термины. В английском языке их рассматривают как топонимообразующие суффиксы. Но все рассмотренные суффиксы служат одной цели – образуют географические названия со схожим значением как в татарском, так и в английском языке.

Литература

1. Ахметзянов И.Г. Историко-лингвистическое исследование тюрко-татарских географических названий в русских летописях: IX – XVI вв.: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 197 с.
2. Ахметзянова Г.Р. Сопоставительное исследование сложно-суффиксального словообразования в английском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1997. 18 с.
3. Гарипова Ф.Г. Татарская гидронимия. Казань: ИЯЛИ, 1998. 255 с.
4. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 280 с.
5. Донидзе Г.И. О грамматической характеристике тюркских топонимов // Ономастика Поволжья. Горький: [Б.и.], 1971. Вып. 2. С. 122–126.

6. *Залая Л.* Татар теленен тарихи морфологиясе (Очерклар). Казан: Фикер, 2000. 271 б.
7. *Молчанова О.Т.* Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 256 с.
8. *Подольская Н.В.* Типовые восточнославянские топоосновы. Словообразовательный анализ. М.: Наука, 1983. 160 с.
9. *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М.: Наука, 1966. 437 с.
10. Татарская грамматика: в 3 т. Казань: ИЯЛИ, 1998. Т. 1. 512 с.
11. *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л.: Наука, 1977. 191 с.
12. *Mills A.D.* Dictionary of British Place Names. Oxford, 2003. 534 p.

АХМЕТЗЯНОВ ИЛЬДАР ГАБДРАШИТОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и международной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (ildar-rashit@yandex.ru).

AKHMETZYANOV ILDAR – candidate of philological sciences, assistant professor of Romano-Germanic Languages and International Communication Chair, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan.

ГАРАЕВА АЛЬМИРА КАДЫРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и международной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (almiragaraeva09@yandex.ru).

GARAEVA ALMIRA – candidate of philological sciences, assistant professor of Romano-Germanic Languages and International Communication Chair, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan.

УДК 811.161.1'373.45

ББК Ш12=411.2*322

С.И. БАХТИНА, Т.Н. ПАВЛОВА

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

Ключевые слова: лексическая система, прототип, заимствование, семантическая адаптация.

Предложены результаты исследования семантической структуры заимствований в русском языке. При заимствовании часто происходят изменения в семантике слов. Значение лексем может модифицироваться в смысловом отношении. Рассмотрены отношения между прототипом и коррелятивным заимствованием, отражающие тенденцию к изменению исконной семантической структуры слова и ее консервации с сохранением мотивировочного признака в основе.

S. BAKHTINA, T. PAVLOVA LEXICAL AND SEMANTIC ADAPTATION OF BORROWINGS IN THE RUSSIAN LANGUAGE IN XX – EARLY XXI CENTURIES

Key words: lexical system, prototype, borrowing, semantic adaptation.

Proposed findings of the semantic structure of borrowings in Russian language. Borrowings are frequently accompanied by changes in semantics of words. The meaning of lexemes can vary in the semantic relation. Examined the relationship between the prototype and the correlative borrowing from the position changes of original semantic structure of the word and save motivational sign at the base of the words.

Русский язык, как, впрочем, и любой другой, будучи сложной динамической системой, находится в постоянном развитии. Лексика – один из самых подвижных уровней, реагирующих на все изменения в социуме. В тот или иной период жизни языка в его системе могут присутствовать или постепенно исчезать из нее какие-либо элементы, а также возникать новые, которые начинают активно взаимодействовать с данной системой. Лексическое богатство русского языка не исчерпывается исконно русскими словами; иноязычная лексика всегда в той или иной мере пополняла язык. Рассмотрение изменений лексики языка с позиции диахронии дает возможность проследить возникновение и становление тех явлений, которые характеризуют его современное состояние.

В истории развития русского языка можно выделить конкретные периоды, когда процесс его обогащения иноязычной лексикой происходил особенно активно: этому способствовали, прежде всего, определенные исторические события, связанные с преобразованиями и нововведениями в российском обществе. Именно в такое время во всех сферах жизни наблюдалась небывалая экспансия иноязычной лексики.

В XX в. иноязычная лексика (в том числе заимствования как ее составляющие) образует один из основных пластов лексической системы русского языка. В этот период создаются благоприятные условия для международных контактов. Технический и информационный взрыв сделал неизбежным международный обмен информацией. Все это способствовало притоку иноязычной лексики. В настоящее время в условиях тесного международного сотрудничества происходит обогащение словарного состава русского языка лексическими единицами из разных языков. Заимствования приходят, в основном, из западноевропейских, в небольшом количестве из тюркских, а также арабского и японского языков.

По причине того, что проблема языковых контактов имеет достаточно длительную историю, в лингвистике сложилась терминологическая система, которая характеризуется неоднозначностью подходов. Мы придерживаемся традиционной концепции, в соответствии с которой разграничиваются термины «иноязычная лексика» и «заимствование». Под заимствованием может пониматься переход элементов одного языка в систему другого как следствие контактов между ними (широкое понимание термина), а также слово или оборот, вошедшие в язык в результате такого перехода (лексическое заимствование). Заимствованием может считаться любое иноязычное слово, зарегистрированное в словарях. Мы находимся на позиции тех ученых, которые четко разделяют такие дефиниции, как заимствования и иноязычная лексика, выделяя в качестве основного различительного критерия степень ассимиляции конкретного слова. С нашей точки зрения, одним из обязательных условий, при котором лексическую единицу можно считать заимствованием, является частота ее употребления в речи, т.е. функциональный аспект.

Путь семантических преобразований иноязычных слов – путь, зачастую, очень сложный. По мнению Н.В. Габреевой, «...образование иерархии семантической структуры может вызываться семантической деривацией на русской почве или вторичным заимствованием переносного значения» [2. С. 298]. Необходимо учитывать тот факт, что лексемы, входящие в язык через язык-посредник, обычно несут на себе черты последнего, поэтому иногда бывает невозможно четко проследить отношения между двумя системами – передающей и принимающей. Конечным результатом таких преобразований может быть искаженное восприятие исконного значения слова, связанное с изначальным неверным его пониманием, в результате чего многие зафиксированные в слове семы оказываются нераскрытыми, что ведет к изменению смысла вообще.

Рассматривая развитие семантики лексем в когнитивно-диахроническом аспекте, мы выяснили, что в русском языке исследуемого периода существует большая группа заимствований, отражающих тенденцию к изменению исконного значения: их семантическая структура претерпела существенные изменения при формальном тождестве слова. Внутренняя форма слова, т.е. его этимон, с течением времени изменилась или забылась, вследствие чего слово получило новое модифицированное значение – суженное, расширенное, переносное и т.п. – в языке-рецепторе. Это может происходить по разным причинам: с целью уточнения исконного понятия, из-за необходимости охватить большой круг явлений, используя только одно средство высказывания, а также по причине проникновения слова из одной сферы значений в другую.

Расширение семантического объема заимствований на почве русского языка отмечается у значительного количества слов. Рассмотрим некоторые примеры. Слово *легионер* пришло на русскую почву из немецкого языка в значении «солдат легиона, особого воинского формирования» [5. С. 203]. В конце XX в. у данной лексики на русской почве развивается дополнительное значение «спортсмен, выступающий в зарубежных клубах, командах по контракту» [8. С. 457].

Первоначальное значение слова *банк* – «кредитное учреждение», затем в XX в. – «свод, фонд каких-либо данных, используемый с информационной целью; комплекс универсальных программ для хранения и поиска какой-либо информации с помощью электронно-вычислительных машин»; позднее семантическая структура лексики расширяется следующим значением: «хранилище подвергнутых консервации органов и тканей человека и животных, используемых при трансплантации и в исследовательских целях, а также клеток каких-либо организмов и растений» [8. С. 103].

Данный процесс затронул и слово *лимонад*, которое изначально и на протяжении XIX в. обозначало «напиток из лимона, сахара и воды» [3. С. 458]. С середины XX в. словари закрепили за этим словом значение «сладкий прохладительный напиток» [4. С. 334]. Таким образом, в настоящее время «лимонад» – большая группа безалкогольных напитков, имеющих разное сырье, разный аромат (лимонад грушевый, лимонад яблочный), но объединенных тем, что вода в них обязательно газифицируется.

Вошедшее в начале XX в. в русский язык английское слово *кекс* в конкретном значении «сдобный сладкий хлеб с изюмом» позднее стало обозначать любое сладкое кондитерское изделие из песочного теста, имеющее расcеянную начинку в виде вкраплений изюма, цукатов или орехов и особую форму в виде цилиндра.

Балык в современном русском языке имеет значение «подсоленное вяленое говяжье или свиное мясо» в отличие от первоначального «спинная часть осетровых рыб» [3. С. 243].

Немецкое слово *штрейкбрехер*, если рассматривать его буквально, состоит из двух частей, каждая из которых переводится соответственно как «забастовка, стачка» и «ломать, срывать». Это слово интересно тем, что в языке-источнике существует форма женского рода, в русском же языке функционирует только форма мужского рода этого слова, которое было заимствовано в начале XX в. В настоящее время, помимо значения, которое соответствует значению прототипа, зафиксировано дополнительное значение – «лицо, отказывающееся принять участие в забастовке или нанятое предпринимателем для выполнения работы забастовщиков» [4. С. 722]. На сегодняшний день в современных русских словарях отмечается коннотативная сема в значении данной лексики – «изменник, предатель общих интересов, общего дела» [4. С. 722].

Процесс увеличения семантического объема заимствованных ранее слов также распространен в современном русском языке: слово *чипсы* (буквально с английского языка «стружка») вошло в русский язык и фигурировало в нем до недавнего времени только в значении «картофель, зажаренный в виде хрустящих ломтиков». В последнее время в кулинарных книгах все чаще и чаще встречается более объемное значение этого слова, несущее в себе общий семантический элемент «хрустящие ломтики», но не обязательно из картофеля, например, чипсы из пастернака.

С процессом расширения лексического значения слова связано развитие у него переносного значения. Под переносным значением понимается производное лексическое значение слова, связанное с основным значением различными отношениями: метонимической, метафорической зависимостью, функциональной общностью или какими-либо ассоциативными признаками. Перенос-

ное значение появляется в языке как результат не прямой номинации, т.е. такого способа обозначения объективно существующих предметов или качеств, или состояний, который связан не с названием их существенных признаков, а с обозначением предмета или действия, или качества через второстепенные признаки другого, уже обозначенного предмета, отраженные в его наименовании. Развитие переносного значения на русской почве можно наблюдать, например, у слова *винегрет* (буквально из французского «соус из уксуса»), которое вошло в русский язык в XIX в. уже в расширенном значении «горячее блюдо из овощей и языка или холодное блюдо из овощей с уксусом» [6. С. 255]. В настоящее время, наряду с основным, зафиксировано также понятие «всякая всячина, смесь разнородных понятий, предметов» [4. С. 127]. Сравните: «В голове был такой винегрет, что я запутался окончательно». Употребление слова в переносном значении подразумевает наличие имплицитных связей между значением исходного слова и производным лексическим значением. В данном случае сработала ассоциация «смесь разнородных веществ», которая объединила исконное значение и производное значение слова.

Переносное значение развилось и у слова *анекдот*. Заимствованная из французского в значении «короткий рассказ о забавном или поучительном случае из жизни исторического лица» данная лексическая единица позднее стала употребляться более объемно – «злободневный комический рассказ с неожиданной концовкой»; в современном же языке стала использоваться по отношению к чему-либо в значении «смешное происшествие» [4. С. 48].

Английское слово *бизнес* вошло в русский язык и зафиксировалось в нем на достаточно долгое время в значении «предпринимательская деятельность». С конца XX в. словари дают употребление данной лексической единицы в переносном смысле – «дело, занятие, являющееся источником дохода» [4. С. 92].

На современном этапе развития языка можно говорить о терминологизации лексических единиц. Основным фактором, благодаря которому можно отнести слово общей лексики к термину, является использование этого слова для объяснения или характеристики элементов других терминосистем. Следовательно, слово-термин отличается от аналогичного по внешней оболочке слова из общей лексики своим содержанием. Понятие слова-термина начинает мыслиться как специальное, специфическое и постепенно расходуется с понятием слова, аналогичного по звуковой оболочке, но принадлежащего общей лексике. Но связь между ними зачастую просматривается, так как существуют так называемые «мотивированные термины», в которых устанавливается ассоциативная связь между словом-термином и предметом или явлением, называемым этим термином. Процесс терминологизации затронул такие лексические единицы, как *инфраструктура*, *котлета*, *карамель*, *глюк* и т. д.

Немецкое слово *инфраструктура*, которое первоначально встречалось там, где речь шла о военно-стратегических объектах и обозначало необходимые для экономики и милитаризации устройства, с течением времени стало употребляться применительно к другим объектам организации жизнедеятельности города: например, инфраструктурные области (улицы, школы, больницы). Вызывает интерес изменение и становление значения слова *котлета*. Вошедшее в русский язык в значении «кусочек мяса с ребром», за несколько десятилетий оно расширило исконное значение и стало употребляться в качестве «изделия из молотого мяса, фарша» и «вырезанной части мяса, из которой делают котлеты». В XX в. под словом *котлета* подразумевается: 1) отбивная котлета – жаренный кусочек мяса с ребрышком; 2) овальная лепешка из мясного или рыбного фарша, а также из рубленых, измельченных овощей, крупы и пр. [4. С. 318]. Следует отметить, что первоначальное значение (кусочек мяса с ребрышком) стало употребляться по отношению к дифференцированному наименованию «отбивная котле-

та». Помимо расширения значения слово приобрело и признаки термина: сочетание «форма котлеты» (овал) может употребляться применительно к любым веществам. Сравните: «Расположите мозаику в форме небольшой котлеты». Слово *карамель*, в настоящее время имеющее значение «сорт конфет и жженный сахар для подкрашивания кондитерских изделий», начинает использоваться для обозначения цвета или структуры любых изделий: одежда карамельного цвета, камушки в виде карамели и т. п. Таким образом, данное слово служит для описания внешнего вида или формы какого-либо предмета. Немецкое слово *глюк* помимо значений «благоприятные обстоятельства, большое везение», «благополучие, фортуна», «приятное и радостное душевное состояние, в котором находятся, когда вступаешь во владение чем-либо, пользуешься какими-либо благами», «счастливые ситуации» в русском языке приобрело дополнительное, употребляемое в молодежном сленге: «субъективно приятные галлюцинации, вызванные эффектом воздействия наркотиков» [5. С. 93]. Слова типа *имплантат*, *дельфинарий*, *вандализм*, *коинциденция* также могут быть отнесены к терминологической лексике, так как они семантически устойчивы, не осложнены дополнительными коннотациями благодаря однозначности в языке-источнике.

Процесс специализации значения является распространенным и удобным средством образования новых слов или терминов. Под сужением мы понимаем упрощение и сужение семантической структуры, собственно сужение, модификацию понятийного объема и сокращение количества значений. При этом русским языком обычно заимствуется только одно значение. Это можно объяснить тем, что язык-заимствователь воспринимает только ту часть семантической структуры прототипа, которая имеет аналоги в этом языке. Проследим этот процесс на следующих лексемах. Немецкое слово *харизма* в языке-источнике обладает несколькими значениями. В языке-реципиенте функционирует только одно – «особая одаренность, исключительность личности в интеллектуальном, духовном или каком-нибудь другом отношении; обаяние; умение вести за собой» [8. С. 850]. В немецком языке-источнике лексема *хакер* имеет несколько значений. Активно употребляемое в сфере информатики, это слово заимствовано языком-реципиентом только лишь в значении «компьютерщик-любитель, проникающий в чужие базы данных с целью развлечения или для получения секретных сведений (кода, номера, размера денежных счетов и т.п.)» [5. С. 394]. Кроме того, данное слово стимулировало словообразовательные производные, особенно в компьютерном жаргоне: «хакерский», «хакерство», «хакерить», «хакнуть», «хак-группа». Распространенное в настоящее время наименование блюда *крутэ* (буквально во французском языке означает «тесто») вошло в русский язык в конкретном значении «небольшие кусочки хлеба, поджаренные на масле или подсушенные в духовке, которые подают к супам, соусам и тушеным блюдам» [7. С. 124]. В современных словарях и кулинарных книгах под *лудингом* понимается только «запеканка из мучных изделий, творога, круп, обычно с фруктами или изюмом» [4. С. 505], хотя еще в начале XX в. значение данного слова было шире: под ним подразумевались «тертый хлеб с приправами; изделия из риса, можно с приправами». Немецкое слово *бликфанг* в языке-источнике имеет разветвленное значение, в русском же оно с развитием рекламного бизнеса приобретает более конкретное: «предмет, деталь, привлекающая внимание за счет световых или звуковых эффектов» [5. С. 61]. В данном случае лексемы вербализуют не весь объем первоначально номинированных предметов, а только их часть.

Одним из путей специализации значения может быть образование имен собственных от нарицательных: *Тауэр* – от английского слова со значением «дворец, крепость». В настоящий период *Тауэр* – музей (несколько раньше – тюрьма). Современный район в каком-либо мегаполисе может носить наиме-

нование *Siti* (например, Москва-Сити) от английского слова с более объемным значением «город».

В современный период развития русского языка наблюдается процесс ре-семантизации, или актуализации, лексики, когда малоупотребительные или вышедшие из употребления на том или ином временном отрезке слова вновь входят в активный словарный запас языка, переживают второе рождение, сохраняя прежнее смысловое содержание. Широко употребляемые ранее, эти лексические единицы вновь возвращаются в язык вместе с реалиями: французское наименование напитка из миндального молока *оршад*, французское блюдо из слегка отваренных фруктов *маседуан*, представитель центрального правительства в административно-территориальной единице *префект* и т.п. Вошедшее в русский язык XVIII в. слово *канапе* в значении «маленький, на один укус, кусок хлеба с начинкой» на протяжении XIX в. и в начале XX в. не было зафиксировано в словарях; лишь на рубеже XX – XXI вв. данное наименование блюда вновь стало встречаться и в кулинарных книгах, и в словарях. Активно используются в современном языке и такие забытые на какое-то время заимствования, как *коммерция*, *коммивояжер*, *богема*, *полиция*, *бомонд*, *департамент*, *трест*, *гимназия*, *гувернер*, *корпорация*, *лицей*, *муниципалитет*, *гильдия* и т.п.

В современном русском языке среди процессов, касающихся адаптации заимствований, выделяются также иноязычные слова, осваиваемые без каких-либо семантических изменений. Это, как правило, новейшие единицы, находящиеся в самом начале вхождения в систему русского языка и позволяющие заполнить лакуны в языке-рецепторе. В данном случае уместно говорить о наличии у заимствованной лексической единицы мотивировочного признака; это означает, что в ее основе лежит дословный перевод, т.е. перенесение значения из языка-источника в полном объеме. Иногда мотивировочный признак завуалирован, но он все же прослеживается и выделяется при ассоциативном сравнении истонного значения заимствования и значения этого же заимствования в языке-рецепторе. В основу таких лексических единиц могут быть положены:

а) дословный перевод: *эпл-пай* (англ. яблоко и пирог) – яблочный пирог, *чоу мейн* (кит. жарить и лапша) – жареная лапша, *свиткорн* (англ. сладкий и зерна кукурузы) – сладкая кукуруза, *файл* (англ. картотека) – набор данных, *хостпис* (англ. приют) – клиника, *кейс* (англ. футляр) – ящик, *чиз-кейк* (англ. сыр и пирог) – сырный пирог, *менеджер* (англ. управлять, руководить) – управляющий, *бизнесмен* – (англ. деятельность и человек) деловой мужчина и др.;

б) ассоциативные связи: *фри* (фр. жарить) – жареный картофель, *фильм* (англ. пленка) – кинокартина, *холдинг* (англ. владеющий) – компания со своим капиталом, *коктейль* (англ. петушиный хвост) – смесь различных по цвету напитков, *эклер* (фр. вспышка, молния) – пирожное с блестящей глазурью, *пресс-палье* (фр. нажимать на бумагу) – тяжелый предмет поверх бумаги для удерживания их на месте, *пленум* (лат. полное) – собрание в полном составе членов органа какой-либо организации, *попкорн* (англ. зерна кукурузы) – лопающиеся с характерным звуком зерна кукурузы, *деглиз* (фр. растворить в жидкости) – уваривание в бульоне или любой другой жидкости и др.

Ассоциативные связи между значением, которое имело то или иное слово в родном языке, и значением, которое приобрело оно в языке-рецепторе, могут быть очень сложными. Но наличие общей семы говорит о том, что значение заимствованного слова можно объяснить.

Таким образом, некоторые наблюдения над рецепционными процессами в области семантики позволяют сделать вывод, что лексико-семантическая адаптация заимствований на русской почве протекает по-разному. Рассмотрение семасиологических отношений между прототипом и коррелятивным

заимствованием позволяет выявить определенные типы соответствий, основными из которых являются модификация семантики при тождестве формы и заимствование лексических единиц с мотивировочным признаком в основе.

Литература

1. Бахтина С.И. Заимствованная лексика в составе тематической группы «пища и напитки» XVIII – начала XXI вв.: историко-функциональное исследование: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 199 с.
2. Габдреева Н.В. Лексика французского происхождения в русском языке (историко-функциональное исследование). Галлицизмы русского языка: происхождение, формирование, развитие. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2001. 340 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Цитадель, 1998. 968 с.
4. Зенович Е.С. Словарь иностранных слов и выражений. М.: Олимп; АСТ, 2002. 778 с.
5. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО, 1999. 552 с.
6. Молоховец Е.И. Лучшие рецепты для современной хозяйки. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004. 512 с.
7. Популярная кулинария: энциклопедия вкусных и здоровых рецептов. М.: Ниола 21-й век, 2005. 496 с.
8. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / под ред. Л.Б. Баш, А.В. Бобровой, Г.В. Вечесловой и др. М.: Цитадель-Трейд, 2002. 928 с.

БАХТИНА СВЕТЛАНА ИВАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (svetlanabakhtina@yandex.ru).

BAKHTINA SVETLANA – candidate of philological sciences, assistant professor of Russian as a Foreign Language Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ПАВЛОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (antat12@mail.ru).

PAVLOVA TATIANA – candidate of philological sciences, assistant professor of Russian as a Foreign Language Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 81'373.2
ББК Ш 10* 000.4

Л.В. БОРИСОВА

КОНЦЕПТОСФЕРА «ПИЩА И НАПИТКИ» В ЧУВАШСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА – I

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвокультурология, менталитет, концепт, концептосфера, коннотация.

Приведены результаты лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного анализа слов и устойчивых сочетаний, репрезентирующих концептосферу «пища и напитки» в чувашской языковой картине мира. Как показало исследование, лексика тематической группы «пища и напитки» формирует один из значимых фрагментов языковой картины мира носителя чувашского языка, что позволяет говорить о важности кулинарного кода в культуре чувашского народа.

L. BORISOVA

CONCEPTUAL SPHERE «FOOD AND DRINKS» IN THE CHUVASH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD – I

Key words: language picture of the world, linguistic and cultural studies, mentality, concept, conceptual sphere, connotation.

This article offers the analysis of the conceptual sphere «food and drinks» in the Chuvash language picture of the world. The words of given thematic group are a part of the language picture of the world of ethnic group.

Чувашская кухня представляет собой один из вариантов модели питания Волго-Уральской историко-этнографической области. Чуваши издавна относились с почтением к дарам леса. На праздничном столе, как правило, стояли орехи. Лексема *măjâr* «орех; орехи» широко представлена в чувашском

фольклоре. Ср.: *Майӑр тутти – чун тутти* «Вкус ореха – вкус, любимый душой»; *Майӑр тӗшиши пек тутлӑ* «Вкусно, как ядро ореха»; *Майӑр хуппи хытӑ та, тӗшиши тутлӑ* «Скорлупа ореха жестка, да ядрышко вкусно» [10]. В чувашском устном народном творчестве представлена параллель *майӑр* «орех» // *сын* «человек» (или: *хӗр* «девушка»). Примеры: *Ырӑ сын майӑр пек: хуппи хытӑ, тӗшиши сӗмсе* «Добрый человек подобен ореху: снаружи тверд, внутри мягок»; *Сар майӑра хурт синӗ* «Орех красив, но изъеден червями»; *Сар майӑр та шӑтӑклӑ пулать* «И в красивом орехе бывают дырки» [10]. В чувашской свадебной песне есть следующие строки: *Сарӑ шултӑра майӑрине / Катса сӗме пӗлмелле. / Ӱстерсе панӑ йӑмӑкне / Пӑхса пурӑнма пӗлмелле* «Крупный красивый орех / Надо уметь разгрызть. / Нашу сестрицу / Надо уметь содержать» [14. С. 114]. Значительное место в чувашской кухне занимают блюда из дико-растущих (преимущественно лесных) трав (сныти, борщевика, крапивы), ягод (калины, черемухи, кислицы, малины и др.) и грибов. Ср.: *Серте-пултӑран сӑкӑр хутне кӗрет* «Сныть и борщевик встают на защиту хлеба»; *Кӗркунне какай, суркунне серте тутлӑ* «Осенью вкусно мясо, а весной вкусна сныть» [5. Т. 3]. Основу хозяйственной деятельности чувашей составляло земледелие в сочетании с животноводством. Из овощей чувашаи использовали лук (*сухан*), чеснок (*ыхра*), тыкву (*кавӑн*), репу (*сарӑк*), капусту (*купӑста*), морковь (*кишӗр*), свеклу (*кӑшман*), огурцы (*хӑяр*), горох (*пӑрса*) и некоторые другие культуры. Сметана с накрошенным в нее зеленым луком составляла излюбленное лакомство чувашей. Не случайно одна из чувашских народных гостевых песен содержит следующие строки: *Сухан татса, хӑйма ярса, / Тӑвансемпе сӗер-и?* «Давайте нарвем зеленый лук и, накрошив и смешав его со сметаной, / Поедим вместе с родственниками» [12. С. 141]. Лук и чеснок были уважаемы чувашами. Сравните пословицы: *Сухан йӑсси – чун усси* «Горечь лука – отрада души»; *Хӑйма та хӑйне мухтать, ыхра та хӑйне ырлать* «И сметана себя прославляет, и чеснок себя восхваляет» [5. Т. 5]. С XIX в. в питании важное место занял картофель, причем паремиологический фонд чувашского языка зафиксировал двойственное отношение к картофелю. Сравните: 1) *Сӗр улми сӑкӑра упрать* «Картофель – хлебу подспорье (букв.: бережет хлеб)»; 2) *Сӗр улми сисех сӗр сул ытла пурӑнаймӑн* «Питаюсь одним картофелем, не проживешь свыше ста лет» [5. Т. 4]. Картофель считался обыденным, повседневному кушаньем. Сравните пословицу: *Кӗтмене кӑмака улми* «Тому, кого не ждали, достается печеный картофель» [5. Т. 2]. Особым почетом на чувашском столе пользовались тыква и калина, из которых готовились вкусные пироги. Сравните строки одной из чувашских народных гостевых песен: *Палан татса, кукӑль туса, / Тӑвансемпе сӗер-и?* «Давайте соберем калину, напечем с ней пирогов, / И поедем вместе с родственниками» [12. С. 142].

Одним из основных компонентов питания чувашей, как и многих других народов, были *сӑкӑр* «хлеб» и другие мучные изделия – *хӑпарту* «каравай», *кулач* «калач», *икерчӗ* «общее название жареных и печеных мучных изделий плоской формы: блины, оладьи, лепешки, ватрушки (*сатма икерчи* «блины; оладьи»), *кавас икерчи* «лепешка из кислого теста», *тӑпӑрчӑ икерчи* «ватрушка с творогом)», *пашалу* «лепешка из пресного теста», *капӑртма* «лепешка из кислого теста», *сӑхӑ* «тонкая лепешка из кислого полбенного теста», *хутламу / хутлами* «лепешка, покрытая конопляными семенами», *йӑва* «1) колобок из испеченного пресного теста; 2) круглые кусочки пресного теста, поджаренные на сковороде», *пӑремеч* «ватрушка», *пӗлӗм* «блины», *кукӑль* «пирог», *хуплу* «закрытый круглый пирог с многослойной начинкой из мяса, крупы, картофеля, лука», *хуран кукли* «вареники», *сӑмах* «клецки», *салма* «домашняя лапша», *юсман* «изготавливавшаяся специально для молений с жертвоприношением лепешка из пресного теста, в которое добавлялась кровь жертвенных домашних животных».

В чувашской кухне, как и в рационе питания других народов Поволжья, в течение долгого времени главным образом использовалась ржаная мука. Первое по значимости место занимал ржаной хлеб (*çăкăр*), являвшийся основой питания. Большое количество пословиц и поговорок с лексемой «çăкăр» говорит об огромной значимости этого продукта в питании чувашей и в их картине мира. Сравните: *Çăкăртан асли нимĕн те çук* «На Земле нет ничего значимее (важнее) хлеба»; *Çăкăр çинче тĕнче тăрат* «Мир держится на хлебе»; *Çăкăр çук пулсан, ылтăн та кирлĕ мар* «Если нет хлеба, то и золото ни к чему»; *Çăкăр татăкне пăрахакан çăкăр тĕшне тăман сын* «Человек, выбрасывающий кусок хлеба, не достоин хлеба»; *Çăкăр тĕпренчĕкне те çĕре ан ўкер* «И крошку хлеба на землю не роняй»; *Çăкăр умĕнче хаяр каласни аван мар* «Нельзя произносить злых слов в присутствии хлеба»; *Чулпа перекене çăкăрпа пер* «Бросающему в тебя камень брось хлеба»; *Çăкăр тутине ёслекен пĕлет* «Истинный вкус хлеба известен трудящемуся»; *Çăкăр сĕме пĕлекенĕн çăкăр тупма ĕс пултăр* «У умеющего есть хлеб да будет ум его добыть»; *Çăкăр вутпа мар, тарпа пиçет* «Хлеб печется не огнем, а потом». Выражая человеку осуждение и презрение, чувашки говорят: «*Эсĕ çăкăрăн пĕр тĕпренчĕкне тăмастăн* (Ты не стоишь и крошки хлеба)». В чувашском языке, как и в русском, употребительно сочетание *çăкăр-тăвар* «хлеб-соль», являющееся символом пищи, угощения. Ср.: *Çăкăртан-тăвартан асли çук, / Атте-аннерен пахи çук* «На земле нет ничего значимее хлеба-соли / И никого лучше родителей» [12. С. 131]. *Çăкăр-тăвартан аслă пулма хушман* «Нельзя пренебрегать хлебом-солью»; *Çăкăр-тăвар пулсан шĕкĕр теççĕ* «Хлеб-соль у тебя есть – и слава Богу»; *Çăкăр-тăварлă пул та, ырра итле* «Будь всегда при хлебе-соли и не пренебрегай советами добрых людей» (традиционное чувашское благопожелание старших младшим); *Çăкăр-тăвар хире-хирĕç* «Хлеб-соль взаимны» [10]. Паремнологический фонд чувашского языка зафиксировал употребление лексемы *тăвар* «соль» в паре со словом *çу* «масло»: *Тăварпа çусăр апат – çур апат* «Еда, приготовленная без соли и масла, – половина еды»; *Тăварсăр чун çук, çусăр ĕшши çук* «Без соли нет души, без масла нет тепла». Соль (*тăвар*) в чувашской языковой картине мира символизирует также страдания (физические и / или душевные). Ср.: *Тăван ача тăварлă* «Родной ребенок горек (букв.: солон)» [10]. *Матрус ёçĕ пит тăварлă – / Çав сĕет ман сывлăха* «Работа матроса весьма солон – / Это и лишает меня здоровья» [11. С. 148].

Выпечка из пшеничной муки, распространившаяся с XIX в., была относительно редкой и входила, как правило, в число праздничных блюд. Она была доступна в основном зажиточным слоям населения. Широко употребительна в чувашском фольклоре лексема *кулач* «калач», которая встречается как самостоятельно, символизируя достаток, материальные блага, так и в составе оппозиции *çăкăр* «хлеб» – *кулач* «калач». Сравните: *Сын кулачне сийиччен хăвĕн çăкăрна кăшла теççĕ* «Чем есть чужой калач, лучше грызи свой (зачерствевший) хлеб»; *Выçсан çăкăр та кулачă пек* «Когда проголодаешься, и хлеб покажется калачом»; *Кулач та, пĕрмай сĕес пулсан йĕпхĕрет çав* «И калач, если его есть все время, надоедает»; *Сын валли кулач илме хушман, илсен те сĕсе яма хушнă* «Покупать калач для другого человека не велено, а если купишь, лучше съешь сам». Сема «желательное / желаемое» является основой для возникновения параллели *калач // девушка*, представленной в одной из чувашских народных свадебных песен. Ср.: *Кăпăш-кăпăш кулачи / Пăхмашкăн та тĕсĕ пур, / Сĕмешкĕн те тутти пур. / Пирĕн йăмăк та çавнашкал: / Пăхмашкăн та сăнĕ пур, / Пурăнмашкăн та тăнĕ пур* «Мягкий-премягкий калач / Приятен и на глаз, / И на вкус. / И наша сестрица такова: / Ее внешность приятна для глаз, / И у нее достаточно ума, чтобы с ней приятно было жить» [8. С. 98].

Круглый хлеб из пшеничной муки (*хӑпарту*) выступал как атрибут многих обрядов. Он выставляется на стол при проведении родильного обряда, свадьбы и других [1. С. 386]. Чувашские пословицы гласят: *Юрату хӑпарту мар, сётпе сисе ярайман* «Любовь – это не хӑпарту, с молоком ее не съешь»; *Аван сӑлма улттӑн сӑмӑл, иккӑн хӑпарту сисе сӑмӑл* «Молотить легко вшестером, а есть хӑпарту – вдвоем»; *Хулара хутламу та хӑпарту тӑршине* «В городе и булочка хутламу стоит как пшеничный хлеб хӑпарту».

К осенним и зимним торжествам выпекали *хуплу* – большой круглый пирог со сложной начинкой. *Хуплу* – традиционное блюдо чувашской кухни, непременный спутник гостевой трапезы, род закрытого пирога круглой формы из пресного, чаще всего сдобного, теста. Между двумя лепешками теста укладывается многослойная начинка, состоящая из картофеля, пшенной или пшеничной крупы, мяса (или рыбы), сала. Низовые чуваша в основном готовили с начинкой из гуся и пшеничной крупой [3]. Сравните строки из чувашской народной гостевой песни: *Пӑр хуртан тунӑ, ик хуртан тунӑ, / Виç хуртан тунӑ хуплу-не / Касса пӑхмасӑр, / Сисе ямасӑр каймастпӑр* «Мы не уедем отсюда, / Пока не съедем хуплу, / Испеченное с одним, / Двумя, тремя гусями» [12. С. 254]. *Хуплу* долго выдерживали в печи, на стол подавали в слегка остуженном виде. Разделка поручалась уважаемому гостю, разрезали в торжественной обстановке. Сначала снимали верхнюю корочку, начинку обычно ели ложкой. *Хуплу* являлся элементом ряда ритуальных трапез (свадьба, родины, осенне-зимние и весенние праздники), был основным блюдом для праздника *хӑр сӑри*, готовился из принесенных девушками вкладчину продуктов [2. С. 430]. Лексема «хуплу» широко представлена в чувашском фольклоре. Ср.: *Хуплу – чӑваш апачӑ «Хуплу – чувашское блюдо (чувашская еда)»; Хурӑнташ умне хуплу хур* «Своиственников (родственников по браку) угощай хуплу»; *Сын патӑнче шӑрпе сисен, килте хуплу хатӑрле* «Если тебя угостят шюрбе (чувашское национальное первое блюдо), для ответного угощения готовь хуплу»; *Еçлесе илнӑ сӑкӑр чӑлли вӑрласа сине хуплуран усӑллӑрах* «Честно заработанный ломоть хлеба полезнее украденного хуплу»; *Савни сине пулсан чечче шатри чечек пек, хулӑн тутти хуплу пек* «На любимом лице и оспина подобна цветку, и толстые губы подобны хуплу» [10].

Пироги (*кукӑль*) пекли, в зависимости от сезона, с различной начинкой. Популярны были пироги с картофелем (*сӑрулми кукли*), капустой (*купӑста кукли*), свеклой (*кашман кукли*), морковью (*кишӑр кукли*), а также с начинкой из лесных ягод: *палан кукли* «пироги с калиной», *сӑмӑрт кукли* «пироги с черемухой», *камӑслӑх кукли* «пироги с кислицей» и другие. Весьма уважаемы были пироги из свежих и сушеных яблок (*пан улми кукли, тилӑтнӑ пан улми кукли*), а также пироги с горохом (*пӑрса кукли*) и грибами (*кампӑ кукли*). Для праздничного стола обязательно пекли *аш кукли* «пироги с мясом» и *сӑмарта кукли* «пироги с яйцом». Чувашские пословицы гласят: *Кукӑль-сӑмахсӑр хӑна кӑтмесӑсӑ* «Без пирогов и клецок гостей не поджидают»; *Кукӑль ӑшиши – тӑван ӑшиши* «Тепло пирогов – тепло родственников». Среди чувашей было принято, отправляясь в гости, непременно брать с собой в качестве гостинца какую-либо выпечку (чаще всего пироги). Хозяйева, в свою очередь, провожая гостей, также одаривали их пирогами, т.е., согласно традиции, чуваша и ходили в гости, и возвращались из гостей с выпечкой, чаще всего с пирогами. Этот факт нашел отражение в чувашских народных песнях. Ср.: *Атте сысна панӑ пулсан, / Аш куклипе килеттӑм. / Атте сысна пamarӑ, / Сӑмарта куклипе килтӑм* «Если бы отец позволил мне заколоть свинью, / Я бы приехал в гости с мясным пирогом. / Отец мне этого не позволил, / Поэтому я приехал с пирогом из яиц» [12. С. 127]; *Ӑсатса яр, ӑмӑк, Ӑсатса яр, / Сӑмарта куклине парса яр, / Тепре килмеллине каласа яр. / Ӑсатса яр, тӑхлач, Ӑсатса яр, / Тӑрӑ сӑлне кӑтарта яр, / Аш куклине тусан хыпар яр*

«Проводи меня, сестренка, / Передай в качестве гостинца пирог с яйцом. / Проводи меня, сватья, / Укажи прямую дорогу, / Когда испечешь пирог с мясом, дай знать» [6. С. 20].

Из кислого (квашеного) ржаного или полбенного теста на сковороде в печи на горячих углях выпекали лепешки (*сүхү, кавас икерчи*). Из кислого полбенного теста выпекали лепешки *капартма*, из пресного теста – лепешки *пашалу*. Чувашские пословицы гласят: *Паянхи пашалу ыранхи хуплуран маларах* «Сегодняшняя лепешка пашалу ценнее завтрашнего хуплу»; *Пуш калашу йүс пашалу хакне те тӓмасть* «Пустой разговор не стоит и кислой лепешки пашалу»; *Пуш алӓпа кайиччен пашалука кай* «Лучше отправиться в гости с лепешкой пашалу, чем с пустыми руками». Чувашский фразеологизм *пишмен пашалу* выражает значение «недотепа (букв.: непропеченная лепешка)». В процессе исследования в одной из чувашских свадебных песен нам встретилась оппозиция *аш кукли* «пирог с мясом» – *хыт пашалу* «черствая лепешка», символизирующая противопоставление счастливой, беззаботной жизни невесты в родительском доме и предстоящей тяжелой жизни замужней женщины. Ср.: *Аршӓн сурӓ аш кукли... / Караç патне пырсассӓн / Хыт паш(а)лу та лекӓха, / Кайран аса килӓха* «Перед тобой полуторааршинный пирог с мясом... / Когда станешь женой Караса, / Придется отведать и зачерствевшую лепешку пашалу, / Потом будешь вспоминать...» [4. С. 130].

Ритуальное значение имели колобки *йӓва*, для жертвоприношений чуваша использовали *юсманы*. *Йӓва / йӓвача* – колобок, печеное изделие из разных сортов муки без начинки. Пекли на поду печи или на сковороде, пропитывали маслом или медовой сытой. Считалось праздничным и обрядовым блюдом, выпекали в дни празднования *сурхури, сӓварни* и в некоторых других торжественных случаях. Примеры: *Ашӓ йӓва сине пек* «Хорошо так, как будто съел теплый колобок»; *Йӓва – тутанмалӓх, сӓкӓр – тӓранмалӓх* «Колобок – для того чтобы попробовать, хлеб – для того чтобы наесться» [10]. *Тулӓран тунӓ йӓвача / Сарӓ сӓва юратать, / Тетеçемех савӓ пур, / Сарӓ хӓре юратать* «Колобок из пшеничного теста / Любит топленое масло; / Наш братец / Любит красну девицу» [7]. *Юсман* – ритуальные лепешки из пресного полбенного теста (иногда сдобного), с добавлением крови домашних птиц. Использовались при жертвоприношениях *Турӓ, Киремет*, в некоторых случаях и другим божествам, а также в качестве жертвенного дара в обрядах земледелия (*килӓш пӓтти* – семейное благодарственное моление за хороший урожай) и животноводства (*картиш пӓтти* – семейное моление в честь божеств и духов-хранителей домашнего скота, проводившееся осенью в связи с переводом скота на стойловое содержание) [1]. Употребляли в пищу с обрядовой пшенной кашей. Готовили *юсман* и для летних молений *киремет чӓкӓ, учӓк*. Использовали и в семейной обрядности. Примеры: *Юсманпа пукане – киремете* «Ритуальная кукла и лепешка *юсман* предназначаются *киреметю* (месту общественных жертвоприношений)»; *Юратса пурӓнасси юсман сиесси мар* «Любить – это не то же самое, что есть лепешку *юсман*» [10].

На праздничный стол, а также на похоронах и поминках подавали блины из жидкого кислого теста из пшенной, полбенной, ячменной, гороховой муки (*пӓлӓм, икерчӓ*). Чувашские пословицы гласят: *Пӓлӓм сӓме – пӓлӓнтӓш, хуплу сӓме – хурӓнташ* «Для того чтобы есть блины, есть знакомые; для того чтобы есть хуплу, есть свойственники (родственники по браку)»; *Пӓлӓм пӓсӓрме те пӓлес пулать* «И печь блины надо уметь»; *Пӓлӓ илесси пӓлӓм сиесси мар* «Получать знания – это не то же самое, что есть блины»; *Пӓрле пӓлӓм синипех сӓынна пӓлсе ситме сук* «Не узнаешь человека, всего лишь отведав вместе с ним блинов» [10]. Праздничным кушаньем считалась ватрушка с творожной или кар-

тофельной начинкой (*луремеч*). Популярным и любимым блюдом чувашской кухни являются вареники с начинкой из творога (*хуран кукли*) [2. С. 165].

Для чувашской кухни характерно разделение горячих первых блюд на две группы: 1) супы (*яшка*), которые готовились на воде, с добавлением или без добавления масла и молока (но без мяса и рыбы); 2) мясное или рыбное горячее первое блюдо (*шурпе*). *Шурпе* – традиционное обрядовое и праздничное, в том числе и свадебное, блюдо. *Шурпе* было двух видов: 1) *какай шурпи* «мясной бульон (он мог быть с добавлением круп, картофеля и других овощей)» (Ср. пословицу: *Шурпи саншан та, какай саншан мар* «Шюрбе, конечно, для тебя, но мясо из него не для тебя»); 2) *пула шурпи* «уха» (Ср.: *Халлах самахе пула шурпи мар* «Людская молва не уха»). *Какай шурпи* – мясной бульон из свежего, только что заколотого животного (исконно – из баранины). Мясной составляющей этого бульона были голова, ноги, хвост и субпродукты. На трапезу приглашали близких родственников. Бытовал особый ритуал разделки бараньей головы, ее поручали одному из почетных гостей. Суп (*яшка*) был повседневным обеденным блюдом. Ср.: *Чаваш хырамё яшка сimesёр йпанмасть* «Желудок чуваша не удовлетворится без супа»; *Ялан яшка йалхтарать, тепёр чух шурпе те сиес килет* «Все время есть суп надоедает, иногда хочется отведать и шюрбе» [10]. Оппозиция *яшка* – *шурпе* представлена и в народных песнях. Ср.: *Яшка пёсертём – / Яшка сиеме пыр, / Какай шурпи пулмасан та, / Улма яшки пур* «Я сварила суп, / Приходи его есть; / Мясное шюрбе, конечно, не предложу, / Но картофельный суп есть» [12. С. 245]. Можно перечислить следующие виды супов, распространенные в чувашской кухне: *самах яшки* «суп с клецками», *салма яшки* «суп с салмой (домашней лапшой)», *серте яшки* «суп со снытью», *пултáран яшки* «суп с борщевиком», *вёлтёрен яшки* «суп с крапивой», *кёрпе яшки* «суп с крупой», *пáрса яшки* «гороховый суп», *кáмпá яшки* «грибной суп», *купáста яшки* «суп с капустой», *улма яшки* «картофельный суп», *кавáн яшки* «тыквенный суп», *сарáк яшки* «суп из репы» и другие. Сравните названия различных видов супов, встречающиеся в чувашском фольклоре: *Чáваш сынни серте яшки юратать* «Чуваши любят суп со снытью»; *Суркунне – пултáран яшки, кёркунне – пáрса яшки* «Весной хорош суп с борщевиком, осенью – гороховый суп»; *Хулленхуллен пурнáпáр, хулле яшки* (диал. «гороховый суп») *сийёлёр* «Будем жить потихоньку и есть гороховый суп»; *Сáмахлá самах сийиччен чáмáрла улма чáмла* «Лучше жевать отварной картофель, чем есть клецки с попреками»; *Ёсле-ёсле те, кáвас салма яшки* «Работай-работай – и вот тебе суп из домашней лапши»; *Ёсле-ёсле те, улма яшки* «Работай-работай – и вот тебе картофельный суп»; *Ялан купáста яшки йáлхтарать* «Суп из капусты, если есть его всегда, надоедает» [10]. *Купáста яшки сиес килмест, / Сиес килмест те – ситерессё. / Ман сич ютра пурнас килмест, / Пурнас килмест те – усрассё* «Мне не хочется есть суп из капусты, / Не хочется, но заставляют есть. / Мне не хочется жить в чужой стороне, / Не хочется, но заставляют» [11. С. 104]. Как видим, чувашский фольклор зафиксировал неодобрительное отношение к супу из капусты, а в русской языковой картине мира *Щи – всему голова; Отец родной надоест, а щи не надоедят*. Суп без масла в чувашской лингвокультуре символизирует горькую, безрадостную жизнь. Ср.: *Пёчэк чýлмек – сар чýлмек, / Пишет сусáр яшкасем. / Йытá илтмен сáмахне / Илтет тáлáх ачасем* «Маленький горшочек – красивый горшок, / В нем варится суп без масла (и без мяса). / Те слова, которые не слышит даже собака, / Слышит сирота» [11. С. 177].

Мясные блюда готовились из мяса и субпродуктов крупного рогатого скота, свиней, домашней птицы, дичи. Не являлись повседневной едой, их готовили для семейных пиров и некоторых обрядов в осенне-зимний период. Ср.: *Хáна килсен аш пишет, аш пишмесен пит пишет* «Когда приходит гость, варится мясо; если мясо не варится, сгорает со стыда лицо»; *Кёр мánтáрэнче аш си теçсё*

«В дни осеннего изобилия ешь мясо»; *Хёл ларсан какай кунё пусланать* «С наступлением зимы начинаются дни мясной пищи» [10]. Мясные блюда были обязательными для трапез при общественных молениях с жертвоприношениями (чүк), языческих поминовений. По сей день популярны национальные мясные блюда: *шăрттан, тултармăш / сутта (сутту, сукта)* «колбаса из мяса, субпродуктов, сала и крупы», *сърме* «жареные (запеченные) потроха», *ăшаланă юн* «жареная кровь», *шаркку* «жаркое из мяса и картофеля», *типётнĕ хур* «вяленый гусь» и другие. Древнее происхождение имеют такие мясные блюда, как *шăрттан, тултармăш, сърме*. *Шăрттан* – мясное блюдо, которое традиционно готовили из баранины: тщательно промытый желудок начиняли мелко нарезанным и хорошо подсоленным жирным мясом без костей, зашивали и запекали на сковороде в печи в несколько приемов в течение 3–4 дней. Чувашские пословицы гласят: *Чăваш кучченеçĕ – сулла шăрттан* «Чувашский гостинец – жирный шăрттан»; *Чăвашĕн юратнă алачĕ: суркунне – пултăран, кĕркунне – шăрттан* «Любимая еда чувашей – весной борщевик, осенью шăрттан». Правильно приготовленный шăрттан хранился долго. Сравните строки из чувашской народной гостевой песни: *Утмăл сурăм килтĕмĕр, / Улт сул усранă шăрттанне / Чуклемешкĕн хам килтĕм, / Эп сĕмесĕр каяс сук...* «Мы проехали шестьдесят километров, / Чтобы отведать шăрттан, / Хранившийся шесть лет, / Не уедем, пока его не отведаем...» [12. С. 138]. *Шăрттан* считался наиболее предпочтительным угощением для почетных гостей. Ср.: *Айма, хăта, хăна / Шăрттан сĕсе савăнма. / Шăрттан пулсан-пулмасан та, / Хирĕç ларса калаçма* «Пойдем, сват, в гости, / С радостью отведаем шăрттан. / А если его там не окажется, / Хоть наговоримся вволю» [6. С. 12]. В страдную пору летом шăрттан использовали для приготовления супов (*шăрттан яшки*). *Сърме* – жареные (запеченные) потроха. Это блюдо распространение имело главным образом среди средненизовых чувашей (Ср. пословицу *Сын патĕнче сърме сĕсен килте хуплу хатĕрле* «Если в гостях отведаешь сюрме, дома готовь хуплу»). *Тултармăш* – вареная колбаса, готовившаяся из мяса и субпродуктов. Кишка начинялась мелко рубленным жирным мясом вперемешку с пшеном или другой крупой. *Тултармăш* варили в котле, затем поджаривали на сковороде, подавали в горячем виде с мясным бульоном. В некоторых местностях это блюдо называли *сутту / сутта* или *хас*. Готовили чувашаи и *юн тултармăш* – колбасу из крови, крупы, сала. Для жертвенных обрядов использовалось отварное мясо. Мясо отваривали в воде, вынимали, разрезали, выкладывали в миски, а на мясном бульоне готовили кашу или суп, которые затем употребляли вместе с отварным мясом. При проведении праздничных застолий обязательными являлись отварная, жареная или запеченная домашняя птица (целой тушкой, которую разделявал в торжественной обстановке почетный гость). Запеченный гусь – одно из обязательных свадебных блюд. Сравните строки из свадебной песни: *И-и, хура-хура пĕлĕт килет, / Хур ашĕ сĕмесĕр каймастпăр. / И-и, кăвак-кăвак пĕлĕт килет, / Кăвакал ашĕ сĕмесĕр каймастпăр* «Плывут черные облака, / Мы не уедем, пока не отведаем гусятины. / Плывут синие облака, / Мы не уедем, пока не отведаем утяттины» [12. С. 81].

Отношение к рыбным блюдам отчетливо зафиксировано в поговорке *Пулă çăкăр мар, вăл тутă тытмасть* «Рыба не хлеб, в ней нет сытности» [10].

Литература и источники

1. Матвеев Г.М. Народная кулинария // Чувашаи: история и культура / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. С. 383–399.
2. Матвеев Г.М. Пища чувашская // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 3. С. 430–431.
3. Матвеев Г.М. Традиции питания чувашей // Чувашская кухня. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 205 с.

4. Патмар И.А. Пурнăç илемĕ. Паянхи чăвашсен туй йĕрки. Канаш, 1993. 255 с.
5. Патмар И.А. Халăх аслăлăхĕ. Канаш, 1994–1995. Т. 1–5.
6. Патмар И.А. Юрă савăнтарать, ташлаттарать, хурлантарать, вăрстарать. Канаш, 1997. 90 с.
7. Тимофеев Г.Т. Тăхăр ял. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2002. 431 с.
8. Халăх сăмахлăхĕ: хрестомати / Г.Ф. Юмарт пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2003. 415 с.
9. Чăваш тĕнчи. Чăваш халăх каларăшĕсем / В.П. Галошев пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш. ун-чĕ, 2003. 164 с.
10. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем / О.Н. Терентьева. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2007. 493 с.
11. Чăваш халăх сăмахлăхĕ. 3 т. Юрăсем / Г.Ф. Юмарт ред. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1978. 512 с.
12. Чăваш халăх сăмахлăхĕ. 4 т. Юрăсем / Г.Ф. Юмарт ред. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1979. 480 с.

БОРИСОВА ЛЮДМИЛА ВАЛЕНТИНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (borisova_l_v@mail.ru).

BORISOVA LUDMILA – candidate of philological sciences, assistant professor of Russian Language and General Linguistics Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 81'373.2
ББК Ш10* 000.4

Л.В. БОРИСОВА

КОНЦЕПТОСФЕРА «ПИЩА И НАПИТКИ» В ЧУВАШСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА – II

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвокультурология, менталитет, концепт, коннотация.

Приведены результаты лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного анализа слов и устойчивых сочетаний, репрезентирующих концептосферу «пища и напитки» в чувашской языковой картине мира. Как показало исследование, лексика тематической группы «напитки» формирует один из значимых фрагментов языковой картины мира носителя чувашского языка, что позволяет говорить о важности кулинарного кода в культуре чувашского народа.

L. BORISOVA

CONCEPTUAL SPHERE «FOOD AND DRINKS» IN THE CHUVASH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD – II

Key words: language picture of the world, linguistic and cultural studies, mentality, concept, conceptual sphere, connotation.

This article offers the analysis of the conceptual sphere «food and drinks» in the Chuvash language picture of the world. The words of given thematic group are a part of the language picture of the world of ethnic group.

Почетное место в чувашской кухне занимают **молоко (сĕт) и молочные продукты**. Сравните чувашские пословицы и поговорки: *Чăваша сĕтпе çăкăр – чи тутлă апат* «Хлеб с молоком для чувашей – самая вкусная еда»; *Сĕтсĕр пурнăç çук, ёнесĕр сĕт çук* «Без молока нет жизни, без коровы нет молока»; *Кĕр аш юратать, çур – сĕт* «Осень любит мясо, весна – молоко» [10]. Цельное молоко использовалось реже кисломолочных продуктов, его давали детям, из него варили молочные супы и каши. Процеженное молоко ставили в погреб. Через двое суток отделяли сливки (*тутлă хăйма*), которые сквашивали, или, выдержав молоко подольше, отделяли сметану (*хăйма*), из которой сбивали масло (*услам çу*). Лексема *хăйма* широко представлена в паремии-логическом фонде чувашского языка. Ср.: *Хăюллă сын хăйма сине, хăюсарри пăхса тăнă* «Смелый человек отведал сметаны (сливок), а несмелый только наблюдал это»; *Хăймана саваçсĕ те, кашнине лекмест* «Все любят сметану, но не всем она достается»; *Хăяккăн выртакана хăйма лекмест* «Лежебоке сметаны (сливок) не видать» [5. Т. 5].

Для хранения масло перетапливали в *сар су* (букв.: желтое масло). Лексема *су* «масло», *сар су* «топленое масло», *услам су* «сливочное масло» в чувашском языке характеризуются исключительно положительной коннотацией. Сравните: *Су сёрсен сёрёк сáпата та тутлă* «И гнилые лапти будут вкусны, если их намазать маслом»; *Ырă сыннăн кăмăлĕ катса сисес сар су пек* «Душа доброго человека подобна топленому маслу (т.е. хороша, приятна)» [5. Т. 3]. В одной из чувашских гостевых песен представлена параллель *су* «масло» // *тăван* «родственник»: *Сар су пекки сарри сук, / Сив су пекки сёмси сук, / Тăван пекки хакли сук* «Нет ничего желтее топленого масла, / Нет ничего мягче топленого жира, / Нет никого дороже родственников» [12. С. 181]. Концепт *су* «масло» в чувашской языковой картине мира репрезентирует также следующие смыслы: 1) дорогой, ценный гостинец или взятка (ср.: *Айăпа су суса ярат* «Масло смывает вину»; *Айăпли сүпа сăвăннă, пылпа шăлăннă* «Провинившийся умылся маслом, утерся медом»); 2) материальные блага; благополучная, обеспеченная жизнь (ср.: *Май пёлекен су синё тет* «Говорят, что ловкий, изворотливый человек отведал масла»; *Усласан-усласан су үкетех* «Если долго взбивать, собьешь масло непременно»; *Сёмсе чёлхе су сует, пăт! чёлхе патак сует* «Мягкий (пасковый) язык отведал масла, а грубый (резкий) язык отведал палки»); 3) мягкая, ласковая, приветливая манера общения (ср.: *Бл-тăнăм сук, тăванăм, кёмёлём сук, / Услам суран хывнă чёлхем сук* «Дорогой мой родственник, у меня нет для тебя ни золота, ни серебра, / Ни отлитого из сливочного масла языка» [11. С. 85]). Одно из чувашских этикетных благопожеланий новорожденному гласит: *Чёлхи пыл пек пылак та су пек сёмсе пултăр* «Да будет язык его (ее) сладок как мед и мягок как масло» [9. С. 18]. В чувашских народных песнях представлена параллель *услам су* «сливочное масло» // *хёр* «девушка»: *Сак ял хёрĕ – услам су, / Сулла ирелсе каясран / Хёлле илсе каятпăр* «Девушка этой деревни – сливочное масло, / Чтобы летом она не растаяла, / Забираем ее зимой» [4. С. 117]. О двуличном, лицемерном человеке чуваша говорят: *Куç умёнче сар су пек, кут хысёнче тимёр пек* «В глаза – как топленое масло, за спиной – как железо» [5. Т. 2. С. 11]. Концептуальная пара *пыл* «мед» (или *сёт* «молоко») – *су* «масло» в чувашской языковой картине мира служит для выражения удачи, успеха, благополучия, счастья. Сравните: *Сакă ялăн ваттисем, / Халалласах ярайăр / Сёт суллала каймашкăн, / Су сулла килмешкĕн* «Старейшины этой деревни, / Благословите нас / Отправиться в путь по молочной дороге / И вернуться по масляной дороге» [12. С. 5]. Одно из чувашских этикетных благопожеланий гласит: *Пурнăсу сан пултăр пыл та су* «Да будет жизнь твоя медом и маслом» [8. С. 86].

Кисломолочный напиток *уйран* «пахта» употребляли со вторыми блюдами или в качестве самостоятельного блюда, накрошив в него зелень. Сравните пословицы и поговорки, в которых выступает данная лексема: *Ан куллян, Улпян, усласан пулать уйран* «Не переживай, Ульяна, если собьешь масло, получишь пахту»; *Уйранпа пăтă сисен, тимёрсе те сёнёп тет* «Некто сказал, что если он поест пахту с кашей, то поборет и кузнеца»; *Уйран апачё урам урлă кашиччен* «Сытности пахты хватает только для того, чтобы перейти улицу»; *Уйранпа улма – хыт пуян апачё* «Картофель с пахтой – еда скупого богача» [10]. Из цельного или снятого молока готовили *турăх* «кефир (ряженку)» при помощи закваски, помещенной в остывшее кипяченое молоко. В паремиологическом фонде чувашского языка отражена особая любовь чувашского народа к кисломолочному напитку *турăх*. Сравните: *Турăх – тутлă апат* «Кефир – вкусная еда»; *Турăх пулсан урăх мён кирлĕ?* «Чего еще желать, если есть кефир?»; *Турăх синё чух Турра та пай ту* «Когда ешь кефир, не забудь оставить часть для угощения бога *Турă*»; *Кёрхи турăха кёрүрен пытарнă* «Осенний кефир утаили и от зятя» [10]. В чувашском фольклоре зафиксирована оппозиция *сёт* «молоко» – *турăх*

«ряженка», ассоциативно связанная с оппозицией хёр «девушка» – арәм «женщина». Сравните: *Турăхран сёт пулас сук, инке-арăмран хёр пулас сук* «Ряженке не стать молоком, женщине не стать девушкой»; *Сётрен турăх пулать, турăхран сёт Турă та тăваяс сук* «Из молока можно получить ряженку, но даже Бог не сможет из ряженки сделать молоко» [10]; *Сётрен турăх пулнă чух / Чашкăр-масăр а́стан пултăр? / Хёртен арăм пулнă чух / Макăрмасăр а́стан пултăр?* «Когда молоко становится ряженкой, / Как обойтись без шипения? / Когда девушка становится женщиной, / Как обойтись без слез?» [4. С. 64]. В чувашской языковой картине мира представлена концептуальная оппозиция *турăх* «кефир» – *уйран* «пахта», репрезентирующая противопоставление «более ценное, дорогое, свойственное богатым – менее ценное, дешевое, свойственное малообеспеченным». Ср.: *Тутă чух турăх та сиес килмест, вы́сса ситсен уйран та аванах анать* «Сытому не хочется есть и кефир, а голодному хороша и пахта»; *Хăймаллă турăхран тутли ним те сук», – терё тет уйранран пушне нимён те сиес курман сын* («На земле нет ничего вкуснее кефира из неснятого молока», – сказал человек, которому не приходилось есть ничего, кроме пахты); *Турăх тутлă та, юрлă сынна юрăх мар* «Кефир вкусен, но не годится для бедняков»; *Уйран пуяна – сысна апачё, ёне сукка – сёт апачё* «Пахта для богача – корм для свиней, а для того, у кого нет коровы – молочный продукт»; *Уйран йўсси юрлă сынна тет* «Кислая пахта – для бедняка» [10]. Традиционным чувашским напитком был *турăх уйранё*, представлявший собой смесь из напитков *уйран* и *турăх*, разведенную водой.

Творог (*тăпăрчă*) употребляли как самостоятельное блюдо и для изготовления празднично-обрядового сыра *чăкăт* (Сравните поговорки: *Ан шарла, аш парăп; чăт, чăкăт парăп* «Молчи, угощу мясом; терпи, угощу сыром *чăкăт*»; *Чăвашан – чăкăт, тутаран – турăх* «У чувашей – сыр *чăкăт*, у татар – кефир»), а также излюбленного детского лакомства – сырков (*тăвара / тăваралă су*). Для приготовления последнего блюда творог замешивали с яйцом и мукой, скатывали в небольшие шарики и поджаривали в печи, затем перекладывали в горшок, заливали топленным маслом и перетряхивали. Это кушанье, которое имело длительный срок хранения, употребляли в холодном виде. Сырки *тăвара* обязательно готовились к празднику зимнего солнцеворота (*сурхури*) [1]. *Чăкăт* был главным ритуальным блюдом на праздновании рождения ребенка (обряд так и назывался – *ача чăкăчё* «детский сыр»). Все участники праздничной трапезы получали по кусочку этого домашнего сыра с хлебом. Сыр раздавал самый старший и авторитетный член семьи. Трапеза угощения сыром (*чăкăт пуслани*) совершается и при закладке дома: участникам *ниме* «помочи» принято раздавать по куску хлеба и сыра, угощать домашним пивом. *Чăкăт* обязательно присутствовал в числе угощений, которыми родственники невесты угощали родственников жениха в день помолвки и свадьбы [3]. С хлебом, лепешкой *юсман* и сыром *чăкăт*, разложенными на куске холста, шли в старину чуваша перед траурной процессией [2]. Творог использовался в качестве начинки для вареников (*хуран кукли*) и ватрушек (*лўремеч / тăпăрчă икерчи*). Сравните строки из чувашской гостевой песни: *Апай ёне панă пулсан, / Тăпăрчă икерчипе килеттём. / Апай ёне пamarё, / Улма икерчипе килтём* «Если бы матушка одарила меня коровой, / Я бы приехала с ватрушкой из творога. / Матушка меня коровой не одарила, / Поэтому я приехала с картофельной ватрушкой» [7. С. 64].

Обрядовым молочно-яичным блюдом является *сăмарта хăпартни* – омлет, приготовленный в глиняной или металлической посуде в печи. Ср.: *Сăмăл апат – сăмарта хăпартни* «Легкое блюдо – омлет» [5. Т. 4. С. 64]. *Сăмарта хăпартни* «омлет» – одно из основных блюд поминального стола.

С молочными продуктами употребляли толокно (*тинкёле*) и мучные кисели (*кёсел, нимёр*). *Кёсел* – густой кислый кисель из овсяной муки или ржа-

ного (реже – пшеничного) хлебного теста. В традиционной чувашской кухне является и повседневным, и обрядовым блюдом. Готовили его обычно в зимнее время, ели охлажденным, запивая молоком или пахтаньем. **Нимёр** – пресный кисель из гороховой или чечевичной муки. Употребляли в летнюю рабочую пору, запивая конопляным «молоком» (эмульсией). Ср.: *Ним сукран – нимёр* «Из ничего – кисель»; *Ним сукран нимёр пулмасть* «Из ничего кисель не приготовить». Кисель являлся обрядовым блюдом для жертвоприношения домашнему духу *йёрёх*, водяному духу *вутăш* [1].

Каша (пăтă) – традиционное праздничное и ритуальное блюдо. Ср.: *Пăтта савнă хăнана ситерессĕ* «Кашей угощают любимого гостя»; *Ашă пăтă аша лăплантарать* «Теплая каша – отрада для души (или: желудка)»; *Ялан сулла пăтă сĕмелле мар, хăш чух хыт сăкăр та кăшлас пулать тессĕ* «Не всегда следует есть масляную кашу, иногда необходимо грызть черствый хлеб»; *Пăтă – виле апачĕ* «Каша – похоронная (поминальная) еда» [10]. Кашу использовали в общественных обрядах (*учĕк*, *киремет чĕкĕ*, *сумăр чĕкĕ* и др.), семейных, календарных и иных обрядах. С кашей связаны почти все значительные обряды и торжества. Можно перечислить основные названия обрядов, содержащие слово *пăтă* «каша»: **ача пăтти** «детская каша» (родильный обряд, на котором подается каша с курятиной), **сул пăтти** (угощение кашей в знак окончания праздничной или ритуальной трапезы), **салтак пăтти** «каша солдата» (обряд проводов в армию), **никĕс пăтти** «каша фундамента» (обряд закладки фундамента нового дома), **картиш пăтти** (обряд угощения кашей духов-хранителей домашнего скота, обитавших в хлеве), **хёрт-сурт пăтти** (обряд угощения кашей домового), **ака пăтти** (жертвоприношение кашей в период весенней страды), **кёр пăтти** (ритуальная крутая пшенная каша, сваренная на мясном бульоне, с добавлением кусочков картофеля, которая употреблялась на осенних поминках), **мăнкун пăтти** (ритуальная новогодняя каша) и др. Каша с гусятиной (**хур пăтти**) является основным блюдом на свадебной трапезе в честь сватов (*сĕн хăта*), где родственники жениха угощают родственников невесты. Особенно была любима чувашами пшенная каша (**вир пăтти**). Ср.: *Чăвашăн чаплă апачĕ – вир пăтти* «Великолепная еда, с точки зрения чувашей, – пшенная каша» [10]; *Вир пăтти пĕсерсе те кусне хывса / Ан кĕтсе лар, туссăм та, эп сĕес сук, / Сарă кушма сарса та минтер хурса / Ан кĕтсе вирт, туссăм, эп пырас сук* «Сварив пшенную кашу и положив в нее масла, / Не жди меня, любимый (-ая), мне ее не отвезать; / Разостлав красивую кошму и положив на нее подушку, / Не поджидай меня, любимый (-ая), я не приду» [11. С. 331]. В чувашском фольклоре отражена параллель *вир пăтти* «пшенная каша» // *хёр* «девушка». Ср.: *Сĕт хуран(ĕн)чи вир пăтти, / Сĕеесчĕ – сăвĕ сук. / Пĕрле ўснĕ хёр тантăш, / Выляясчĕ – пир(ĕ)нпе сук*. «Поесть бы пшенной каши, / Да нет масла. / Поиграть бы со своей сверстницей, с которой вместе выросли, / Да ее нет с нами» [8. С. 68].

Из яиц чувашаи готовили омлет (**сăмарта хăпартни**), ели и вареные вкрутую яйца. Оригинальным блюдом чувашской кухни было **месерле сăмарта**: сваренные вкрутую яйца очищали, разрезали пополам и поджаривали в масле. Это было праздничное блюдо. Яичницу непременно жарили для жениха и невесты во время свадьбы. Концепт *сăмарта* «яйцо» в чувашской языковой картине мира характеризуется положительной коннотацией. Ср.: *Сăмарта кăмăла савăрать, сăмарта чун парать* «Яйцо помогает человеку расположить к себе других людей, яйцо дарит жизнь»; *Ир тăракан сăмарта сĕнĕ, кайран тăракан валли сăкăр та юлман* «Рано встающий отведал яйцо, а

поздно встающему не досталось и хлеба»; *Пёр с̣амартапа пёр с̣ак̣ар с̣име хушн̄а* «С одним яйцом велено съесть один каравай хлеба»; *Пёр с̣амартана ик̄е хут шуратса с̣иейм̄ен* «Одно и то же яйцо невозможно очистить от скорлупы дважды» [5. Т. 2]. Лексема *с̣амарта* «яйцо» часто используется в чувашском фольклоре в качестве сравнения. Примеры: *Шур̄а-шур̄а с̣амарта / Й̄еритавра п̄ахсан та, / Й̄еп чикмелл̄ех ш̄ат̄ак с̣ук. / Ах, инке Муçса пур, / Й̄еритавра п̄ахсан та, / Туркемелли ним̄ен с̣ук* «С какой стороны ни посмотри / На белоснежное яйцо, / Нет никакого изъяна. / И наша тетушка такова: / С какой стороны ни посмотри, / Не к чему придраться» [8. С. 140]; *Халь те шав сиккипе килт̄ем̄ёр, / С̣амарта пек утсене / Нухайкка пек х̄аварт̄ам̄ёр* «Мы и сейчас примчались во весь дух, / Наши лошади, подобные яйцам (т. е. откормленные, упитанные), / Стали как ногайки (т. е. сильно сбросили вес)» [7. С. 178].

Мед (пыл) был продуктом любимым, но дорогим, и подавался он на большие торжества. Ср.: *Пылтан тутл̄а пулма с̣ук* «Невозможно стать вкуснее меда»; *Пылра х̄ер̄ех т̄ёрл̄е эмел теçç̄е* «Говорят, что мед включает в себе сорок разных лекарств»; *Пылпа с̄ёрсен пуш̄ат хуппи те тутл̄а* «И липовая кора (без лыка) вкусна, если ее намазать медом»; *Ир̄екс̄ёр с̄итерсен пыл та тутл̄а мар* «И мед невкусен, если им кормят насильно». Мед в чувашской языковой картине мира может выступать символом материальных благ, богатства. Ср.: *Пыл тесе п̄урне чикме каламан* «Не велено совать свой палец в то, что кажется медом»; *Пылне с̄иекен̄ен п̄урне ларман тет, ч̄ересне с̄улакан̄ан ч̄ёлхине т̄ар̄анн̄а тет* «Тот, кто ел мед, не подавился, а в язык вылизывавшего кадушку из-под меда засела заноза» [10]; *Пире с̄ак̣ар-т̄авар, ай, паракан / Хусаях та пулса та т̄аринчч̄е. / Эпир ёçсе-син̄е, ай, выр̄анне / Пыл̄е-с̄ав̄е тулса та ларинчч̄е* «Дающий нам хлеб-соль / Да станет влиятельным человеком. / Опустошенная нами посуда / Да заполнится медом и маслом» [6. С. 87]. **Мед (пыл)**, особенно в паре с **маслом (су)**, в чувашской лингвокультуре – символ благополучия, «сладости» жизни, счастья. Ср.: *Лай̄ах с̄ине лай̄ах – пылпа с̄у пек* «Хорошо на хорошо – как мед и масло»; *Пурн̄аçу сан пулт̄ар пыл та с̄у* «Да будет жизнь твоя медом и маслом»; *С̄аварне пылпа с̄у чикн̄е, с̄име п̄елмен* «Ему в рот засунули мед и масло, а у него не хватило ума их проглотить» [10]; *Каяс с̄ул̄арсем с̄у пулт̄ар, / Пур̄анассисем пыл пулт̄ар* «Да будет ваша дорога гладкой, как масло, / А жизнь сладкой, как мед» [4. С. 68]. На чувашской свадьбе мать невесты угощала парней из свиты жениха хлебом, на который были намазаны мед и масло. При этом высказывалось пожелание: *Самр̄аксен пурн̄аç̄е пыл пек пылак та с̄у пек с̄авак пулт̄ар* «Чтобы жизнь молодых была сладкой, как мед (т.е. счастливой), и жирной, как масло (т.е. богатой)». Со вкусовыми качествами меда (сладкий, приторный) в чувашской лингвокультуре ассоциируется ласковая, вежливая речь, обходительность (Ср.: *Армути ч̄ёлхелл̄е мар, пыл ч̄ёлхелл̄е пул теçç̄е* «Да будет язык твой не полынным, а медовым»; *Х̄ёр ч̄ёлхи пылпа с̄авать, с̄упа с̄ерет* «Язык девушки – мед и масло»), иногда льстивая речь, подхалимство (Ср.: *Суя тус куç ум̄енче пыл та с̄у, кут хыç̄енче сана с̄уме хат̄ёр* «Ложный друг в глаза – мед и масло, а за спиной готов содрать три шкуры»; *Пылл̄а с̄амахра ват нумай* «В медовом слове много желчи»).

Традиционные чувашские напитки. Для утоления жажды чуваша использовали воду (**шыв**). Ср.: *Чи тутли: ырса килсен – ый̄ах, с̄авар типсен – шыв* «Самое вкусное: для усталого – сон, для изнывающего от жажды – вода». Весной был популярен березовый сок (**хур̄ан шыв̄е**). Ср.: *С̄еткен в̄ах̄ат̄енче хур̄ан шыв̄е те ёне с̄ет̄енчен тутл̄а* «В определенный период березовый сок вкуснее коровьего молока» [10]. Использовались отвары це-

лебных растений и плодов (*пётнёк шывё* «отвар мяты», *палан шывё* «отвар калины», *шалан шывё* «отвар шиповника», *панулми шывё* «отвар яблок», *сёмёрт шывё* «отвар черемухи» и др.). Квас не был широко распространён. Чай (*чей*) известен с XIX в., но широкого распространения также не получил. Ср.: *Чăваш тутар мар, чей ёснипех пурнаймасть* «Чуваши не тарты, не могут жить на одном чае»; *Чей ёсесиён хăнана каймаççе* «В гости ходят не для того, чтобы всего лишь выпить чай» [5. Т. 4]. В качестве напитков использовались молочные и кисломолочные продукты – *сёт*, *уйран*, *турăх*, *турăх уйранё*. Употребление ряда напитков было ритуализировано. В качестве ритуального безалкогольного напитка использовался *шерпет* «медовая сита», представляющий собой мед, растворенный в воде в соотношении 1:5(6). Ср.: *Айта, хăта, хăнана / Шерпет ёссе ташлама. / Шерпет пулсан-пулмасан та, / Хирёç ларса калаçма* «Пойдем, сват, в гости, / Будем там пить шербет и плясать. / А если шербета не будет, / То хоть наговоримся вволю» [11. С. 12]. Для совершения культовых обрядов готовился один из древних видов безалкогольного пива без хмеля и дрожжей – *максăма*.

Известны различные чувашские алкогольсодержащие напитки, из которых наиболее распространенным является *сăра* «пиво» – слабоалкогольный хмельной напиток, занимавший значительное место в обрядовой системе чувашей: все традиционные праздники устраивали с использованием этого напитка. У чувашей бытовал даже специальный обряд – *кёр сăри* «осеннее пиво» / *автан сăри* «петушиное пиво» (проводившийся в конце октября – начале ноября при убывающей луне обряд поклонения духам предков, когда обязательно закалывали петуха и варили пиво). Пиво изготавливалось из ячменного солода или ржаной муки на пивных дрожжах. Для повседневного употребления готовили некрепкое пиво, для праздников – густое и крепкое. Лексема *сăра* «пиво» широко представлена в чувашском фольклоре. Ср.: *Сăра пур чух шыв ёсмеççе* «Когда есть пиво, воду не пьют»; *Кăлăкля сăра кăмăла ұсать* «Пенистое пиво – отрада души»; *Сăра тусан сăра ту, шёвё тусан ан та ту* «Если делаешь пиво, делай его густым, а жидкое нечего делать» [10]; *Ыр сын патне кётёмёр, / Юрай сăри пуçларăмър, / Пулперёмёр, юрларăмър, / Сăри пулчё шерпет лек* «Мы зашли к доброму человеку, / Почали бочку пива, хранившегося под снегом (в погребке), / Общались, пели песни, / Пиво было что шербет» [12. С. 190].

Популярны были у чувашей и алкогольные напитки, изготовленные на основе меда – *кăрчама* «медовая брага» и *сим пыл* «выдержанный на хмелевых дрожжах медовый напиток». Ср.: *Хăта нӳхрелӳнчи кăрчама / Епле вайля чашкăрса ларать* «Медовая брага крчама в погребке свата / До чего же сильно шипит» [12. С. 22]; *Айта, хăта, хăнана / Сим пыл ёссе юрлама. / Сим пыл пулсан-пулмасан та, / Хирёç ларса калаçма* «Пойдем, сват, в гости, / Будем там пить напиток *сим пыл* и петь песни. / А если *сим пыл* там не окажется, / То хоть наговоримся вволю» [6. С. 12]. *Сим пыл* хранился в погребке в бочке. Каждый состоятельный чуваш считал необходимым иметь *сим пыл* – своеобразное медовое вино – для угощения почетных гостей. Бочка этого напитка считалась равноценной бочке меда. *Сим пыл* был известен у волжских болгар, у древних арабов (в виде *сембела*), у греков (в виде *замбаля* / *бальзама*) [2. С. 178]. Как отмечает Г.Б. Матвеев, *сăра*, *максăма*, *кăрчама*, *сим пыл* имеют древнее происхождение, упоминаются арабскими авторами (в частности Ибн Фадланом) в записях о болгарях / булгарах [2. С. 178].

Праздничный стол чувашей состоял из разнообразного набора блюд. Самыми лучшими кушаньями, подававшимися почетным гостям, считались

шӑрттан, какай шӑрпи, чӑкӑт, хуплу, хӑпарту, месерле сӑмарта, аш кукли, сӑмарта кукли, тӑвара, пӑтӑ, пыл, кӑрчама, сим пыл, сӑра. Гостю преподносили три ковша пива подряд с пожеланием здоровья и выражением благодарности. К праздничной трапезе готовилась разнообразная выпечка (ср.: *Кукӑль-сӑмахсӑр хӑна кӑтмеçсӗ* «Без пирогов и клецек гостей не поджидают»), непременно считалось обилие мясных блюд (ср.: *Тӑван килсен аш пиçет, аш пиçмесен пит пиçет* «Если в гости приходят родственники, готовится мясо; если мясо не готовится, сгорает со стыда лицо» [10]; *Тӑвансем, пирӑн пата мӑншӑн пымастӑр?* / *Хура мӑкри тӑкет тетӑр-и?* / *Эсир пирӑн пата пынӑ сӑре* / *Хура мӑкри пулӑ хуранта.* / *Тӑвансем, пирӑн пата мӑншӑн пымастӑр?* / *Шурӑ хурӑ сӑхат тетӑр-и?* / *Эсир пирӑн пата пынӑ сӑре* / *Шурӑ хурӑ пулӑ хуплура* «Родственники наши, почему не приходите к нам в гости? / Опасаетесь, что забодает наш черный бык? / К вашему приходу черный бык будет в котле. / Неужели вы опасаетесь, что вас укусит наш белый гусь? / К вашему приходу белый гусь будет в пироге хуплу» [14. С. 190]).

Праздничная трапеза должна была символизировать достаток, хлебо-сольство и гостеприимство. В одной из чувашских народных гостевых песен отражено противопоставление праздничных и повседневных кушаний. Ср.: *Пичче калать: «Кил, – тет, – хӑнана, / Кӑрчамине хам ӑсса тухӑп, – тет, – / Çуллӑ шӑрттан касса хурӑп, – тет, – / Çийӑнчен така шӑрпи лартӑп», – тет.* / *Инке калать: «Кил, – тет, – хӑнана, / Кӑрчамине кӑсал туман, – тет, – / Çуллӑ шӑрттан пули-пулми, – тет, – / Паранк нимри мӑнрен япӑх?» – тет.* / *Аппа калать: «Кил, – тет, – хӑнана, / Сим пыл сӑри сана кӑтет, – тет, – / Хулӑм хуплу касса хурӑп, – тет, – / Çийӑнчен хур шӑрпи лартӑп», – тет.* / *Йысна калать: «Кил, – тет, – хӑнана, – / Сим пыл сӑри ёнер пӑтрӑ, – тет, – / Хулӑм хуплу пули-пулми, – тет, – / Сӑмах яшки мӑнрен япӑх?» – тет.* «Брат мне говорит: «Приходи в гости, / Сам вынесу медовую брагу крчама, / Нарезу жирный шрттан, / Поставлю шюрбе из баранины». / А жена брата говорит: «Приходи в гости, / Медовую брагу мы нынче не ставили, / Жирный шрттан, конечно, не обещаем, / А картофельное пюре чем худо?» / Сестра мне говорит: «Приходи в гости, / Тебя поджидает медовое вино сим пыл, / Нарезу большой хуплу, / Поставлю шюрбе из гуся». / А муж сестры говорит: «Приходи в гости, / Медовое вино сим пыл, конечно, вчера закончилось, / Большой хуплу, конечно, не обещаем, / А суп с клецками чем плох?» [14. С. 236]. Различный набор блюд характеризовал и повседневную трапезу богатых и бедных людей. Ср.: *Пуян çынсен, ай, ачисем / Апат çиме лараç те – / Сысна шаркку умӑнче те, / Какай кукли аллинче. / Пирӑн пек чухӑн ачисен / Апат çиме ларсан та – / Сӑл пашалу аллинче те, / Кӑмака улми умӑнче* «Когда садятся кушать / Дети богатых людей, / Перед ними жаркое из свинины, / А в руках мясной пирог. / Когда принимаются за еду / Такие, как мы, дети бедных людей, / В руках у них овсяная лепешка пажалу, / А перед ними печеный картофель» [11. С. 55].

В завершение следует отметить, что кулинария в целом и отдельные ее части могут рассматриваться как один из важнейших модулей, посредством которого этнос выстраивает свой национально специфический образ мира. Лексика тематической группы «пища и напитки» формирует один из значимых фрагментов языковой картины мира носителя чувашского языка. Это позволяет говорить о важности кулинарного кода в культуре чувашского народа. Настоящая работа, призванная внести определенный вклад в реконструкцию целостной языковой картины мира чувашского этноса, может служить материалом для дальнейших лингвокультурологических и когнитивно-дискурсивных исследований, в том числе и в сопоставительном аспекте.

Литература и источники

1. *Матвеев Г.М.* Народная кулинария // Чуваши: история и культура / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. С. 383-399.
2. *Матвеев Г.М.* Пища чувашская // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 3. С. 430-431.
3. *Матвеев Г.М.* Традиции питания чувашей // Чувашская кухня. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 205 с.
4. *Патмар И.А.* Пурнаç илемё. Паянхи чăвашсен туй йёрки. Канаш, 1993. 255 с.
5. *Патмар И.А.* Халăх аслăлăхё. Канаш, 1994 – 1995. Т. 1–5.
6. *Патмар И.А.* Юрă савăнтарать, ташлаттарать, хурлантарать, вăрçтарать. Канаш, 1997. 90 с.
7. *Тимофеев Г.Т.* Тăхăр ял. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2002. 431 с.
8. Халăх сăмахлăхё: хрестомати / Г.Ф. Юмарт пухса хатёрленё. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2003. 415 с.
9. Чăваш тĕнчи. Чăваш халăх каларăшĕсем / В.П. Галошев пухса хатёрленё. Шупашкар: Чăваш ун-чĕ, 2003. 164 с.
10. Чăваш халăх пултарулăхё. Ваттисен сăмахĕсем / О.Н. Терентьева. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2007. 493 с.
11. Чăваш халăх сăмахлăхё. 3 т. Юрăсем / Г.Ф. Юмарт ред. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1978. 512 с.
12. Чăваш халăх сăмахлăхё. 4 т. Юрăсем / Г.Ф. Юмарт ред. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1979. 480 с.

БОРИСОВА ЛЮДМИЛА ВАЛЕНТИНОВНА. См. с. 102.

УДК Ш12-635.1*316*008.32-432.4

ББК 811.512.111'373.2+811.112.2'372.2

В.А. ИВАНОВ

KASSI КАК КОМПОНЕНТ ЧУВАШСКИХ ОЙКОНИМОВ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: ойконим, лексема, происхождение, трансформация, тюркские языки, этимология.

На основе компаративного анализа чувашских и немецких ойконимов с привлечением малоизвестного немецкоязычного источника выявляются параллели в двух разноструктурных языках. В качестве компонентов названий населенных пунктов рассматриваются лексемы kassi, Gasse, Dorf, древнечувашские личные имена и некоторые названия представителей флоры и фауны.

V. IVANOV

KASSI AS A COMPONENT OF CHUVASH PLACE NAMES IN GERMAN

Key words: oikonym, lexeme, origin, transformation, Turkic languages, the etymology.

On the basis of comparative analysis of the Chuvash and German place names with the assistance of a little-known German-language source parallels in two different languages are revealed. As components of the names of settlements are considered lexemes kassi, Gasse, Dorf, old Chuvash personal names and some names from flora and fauna.

Неизвестный широкому кругу исследователей чувашского языка немецкоязычный источник по изучению наименований чувашских населенных пунктов, принадлежащий перу *Christoph Adalbert John Burghard*, не мог не обратить внимания на обилие ойконимов с *kassi* в качестве их второго компонента – более 400 деревень, что детерминировано происхождением селения (улицы, околотка) в результате вырубке леса и выкорчевывания пней на определенном участке роци, а первый компонент в них свидетельствует об имени первого поселенца, географическом положении ряда домов, богатстве растительного и животного мира, народонаселении, дохристианской чувашской вере, особенностях ведения хозяйства, обозначения цвета, возраста и иных типологических признаках. Концепт *kas* наряду с *kasă* немецким исследователем семантизиро-

ван как *Hausreihe an der einen Seite der Dorfstraße* – ряд домов на одной стороне деревенской улицы, часть деревни, квартал [2. С. 65]. Мы, в свою очередь, считаем нелишним указать на близость чувашского *касси* (*касă, кас*) и немецкого *Gasse* (переулок, улочка) по форме и содержанию.

Классификацию чувашских ойконимов на ауслаут *kassi* Бургхард проводит с учетом почвы и местности (*Lapra-kassi – Schlammdorf* – ил, тина, грязь, муть + *Dorf* – деревня), поверхности земли (*Tu-kas – Bergdorf* – гора, глыба), состояния участка (*S,or-kassi – Sumpfdorf* – болото, трясина, топь), флоры (*Jumansar-kassi – Eichenhaindorf* – дубрава), фауны (*Upa-kassi – Bärendorf* – медведь), веры (*Jëřh-kassi – Böser Geistdorf* – злой дух), части тела (*Kële-kassi – Fersendorf* – пятка), возраста (*Aca-kassi – Kinddorf* – ребенок), сословия (*Pujan-kassi – Reichendorf* – богатый), этноса (*Kalmäk-kassi* – калмык), стройматериала (*Kalaj-kassi – Blechdorf* – жель, стальной лист, листовой металл), профессии (*Timërzë-kassi – Schmieddorf* – кузнец), строения (*Arman-kassi – Mühdorf* – мельница), местоположения (*Turi-upa-kassi – Oberbärendorf* – верхний медведь), числа (*Viz-kas – drei Dorfstraße* – три улицы), реки (*Zaval-kassi – Zivildorf* – Цивиль) и некоторых других признаков, которые немецкий чувашевед рассматривает в историко-этимологическом экскурсе в крае компактного проживания чувашей между Волгой и Уралом.

В качестве второго компонента чувашских ойконимов Бургхард наряду с *kassi* употребляет компонент *Dorf* (деревня), напоминающий по этимологии древнегерманскую – *althochdeutsch* форму *thorph* – торф и чувашское *тăпра* (при учете метатезы – перестановки звуков типа *Teller* – тарелка). Исследователь напоминает, что формант *kassy* встречается в основном у верховых чувашей – *Dorf* (всего автором обнаружено более 80 чувашских деревень с данным компонентом – *Adäl-jal, Ara-jalë, Kas,kär-jalë, Kiremet-jalë, Patär-jalë* и т.п.). Деление на *тури* и *анатри* чувашского этноса по языку общеизвестно, как и наличие в развитии немецкого языка *hoch* (высокий) и *nieder* (нижний) диалектов – верхненемецкий и нижненемецкий. Интересно также, что в словарном тексте к концепту *Gasse* готский и греческий варианты переданы через *Straße in einer Stadt* – улица в городе [3. С. 234], вероятно, при этом имеется в виду древний маленький городок, а древнесеверогерманское *gata* для обозначения улочки, как и финское *katu*, вместе с *gassa* – улочка можно ставить в один ряд с чувашским *ката* – край деревни [1. С. 94].

Бургхард актуализирует свое исследование фактом отсутствия специальных работ по структуре ойконимов чувашского происхождения, особенно до хунно-болгарского периода, в то же время признает значение вклада чувашских ученых в исследование данной проблемы, в первую очередь Н.И. Ашмарина и Н.И. Золотницкого. Он указывает также на сложность в связи с наличием у ойконима иногда 3-4 названий: Ишек = Ишаки = Байсарино = Кёсле Ҷырма или Сорплат = Изванкино = Исванкă = Хурăнлă Элëк = Тëрëкушкăн. В названиях добулгарского периода множество населенных пунктов дано в вольном переводе на русский язык или адаптировано, есть примеры наименования деревень церковнослужителями, владельцами местности, но автор в целом старался исходить из исконно чувашских форм ойконимов. Работа составлена с опорой на источники также по хунно-болгароведению, в первую очередь на труды инспектора чувашских школ Казанской губернии Золотницкого – о названиях селений Казанского края по именам, о чувашском названии Нижнего Новгорода, Буинска, Цивильска, Сундыря, Карамыша, Тархана, Тогая, Булгара, Булара и Моркваши, об общих с чувашскими названиями у татар, мишарей, башкир, черемисов, вотяков, а также с учетом особенностей алфавита русского, тюркского

и латинского языков. Немецкий исследователь выражает надежду, что его труд вызовет интерес к ойконимам и в других алтайских языках.

Столицу Чувашской Республики немецкий исследователь называет *S,upas,kaŕ* и повторяет легенду о братьях *S,upas*, и *Kar*, основателях города. Принимая *kaŕ* как «город», он напоминает, что в народе город называется *čuksar*, а название *čeboksary*, по его мнению, не имеет объяснения – *unerklärt*. Не только этимология данного населенного пункта дается им с вопросительным знаком, у более 40 населенных пунктов на *kassi* вызывает сомнение первый компонент – *Asan, Assa, Akci, Atli, Ap, Cel, Cu, En, Hăntyŕ, Hosă, Jamaj, Jaron, Kati, Tus, Vocal, Urji...* Можно допустить, что многие чувашские ойконимы, собранные немцем из множества языков с искаженными звуками и буквами, транскрипцией и переводом, воспроизведены автором в меру своего опыта владения чувашским. Многие вопросительные знаки вызваны метатезой (*Urji* вместо *Ujri* – полевой), усечением (*Ap* вместо *Appa* – сестра), трансформацией звуков *a >u>ă* (*Asan* вместо *Āsan* – глухарь), незнанием слова (*Hăntyŕ* вместо *Хăнтăр* – бобр, *Cuman* – чуман – ленивый), заимствованием (*Tus* – тушăн – двенадцать) и другими предположениями. Особую ценность для чувашской культуры представляют личные имена – *Personennamen: Akaz, Akman, Aktaj, Elmen, Ilmet, Is,ek, Jekket, Jermak, Karman, Kaval, Las, man, Matji, Pattji, Tatmăs, Tuktas, Upi, Uraskilt, Vărmar* и др., всего у автора 155 единиц. Нам известно, что только в одном Аликовском районе их около трех десятков: Ярун, Ярхунь, Янтуш, Яшут, Юман, Энехмет, Шумшева, Пусай, Майраш, Иштек, Вутлан, Элĕк, Этмен, Тукташ и др.

Бургхард сознает всю сложность классификации тюркских языков и в ходе болгаро-чувашского исследования опирается на теорию *W.Barthold* в отношении языка болгар до XV в. на Средней Волге и Нижней Каме, часть болгар была известна под этнонимом сувары. Чувашский язык как наследник болгарского *ist von den übrigen Türksprachen so verschieden, dass man sie eine Zeit lang für einen türkisierten Dialekt der Wolgafinnen gehalten hat* – так отличается от других тюркских языков, что его долгое время считали тюркизированным диалектом волго-финского. Далее важно следующее признание: лишь благодаря чувашскому языку через болгарский, хазарский и западногуннский возможно и становление общего древнего языка, который вместе с древнетюркским ведет к чувашско-тюркскому праязыку, сестринскому языку древнемонгольского и древнетунгусского. В какой период указанные языки получили свое развитие (особенно их фонетика) или оно происходило только в чувашском периоде – задача исторической грамматики чувашского языка.

Бургхард прожил очень короткую жизнь (род. в 1919 г., участвовал во Второй мировой войне, умер в американском плену). Его труд, написанный под научным руководством известного чувашевода Бенцинга, заслуживает внимания, и его имя должно занять достойное место в ряду немецкоязычных исследователей чувашского языка.

Литература

1. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. 355 с.
2. Burghard A. Tschuwaschische Ortsnamen. Wiesbaden, 1957. 157 с.
3. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1967. 915 S.

ИВАНОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков № 2, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (bella-lucia@rocketmail.com).

IVANOV VLADIMIR – doctor of pedagogical sciences, professor of Foreign Languages Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 811.161.1'42
ББК Ш141.2-7

А.В. КАРТАШОВА

МЕТАФОРА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И УНИКАЛИИ

Ключевые слова: научный дискурс, когнитивная метафора, изоморфизм, алломорфизм, концептуальная асимметрия, языковая асимметрия.

Описаны результаты сопоставительного исследования языковых репрезентаций когнитивных метафор, направленного на выявление общих и специфических характеристик метафорического моделирования в научном дискурсе русского и английского языков на материале субдискурса альтернативной энергетики. Метафорическое моделирование научного знания проявляет черты изоморфизма, обусловленного общностью когнитивной базы, а также черты алломорфизма, обусловленного неравномерной репрезентированностью концептов в сопоставляемых языках.

A. KARTASHOVA

METAPHOR AND SCIENTIFIC DISCOURSE: CROSS-CULTURAL UNIVERSALS AND SINGULARITIES

Key words: scientific discourse, cognitive metaphor, isomorphism, allomorphy, conceptual asymmetry, language asymmetry.

The article presents the results of comparative analysis of linguistic representations of cognitive metaphors the aim of which is to elicit common and specific features of metaphorisation within Russian and English scientific discourse while examining alternative energy sub-discourse. Metaphorical modelling of scientific knowledge shows features of isomorphism, which is conditioned by common cognitive basis, as well as features of allomorphy, which is conditioned by uneven manifestations of concepts in languages analysed.

Исследование научного дискурса с точки зрения его метафорической компоненты представляет интерес ввиду самой специфики научной коммуникации, язык которой имеет достаточно консервативный, формализованный и унифицированный характер в соответствии с целью научной коммуникации. Метафора в науке выполняет фундаментальную функцию: научное исследование направлено на получение новых знаний об устройстве и существовании окружающего мира посредством наблюдения и анализа, проведения опытов и экспериментов. В результате открываются новые явления и феномены, не имеющие названия, но получающие их посредством языковой рефлексии, которая нередко происходит при помощи механизма метафоризации. В этом случае языковой номинации предшествуют ментальная обработка и соотнесение новых знаний с уже имеющимися, встроенными в общекультурную систему представлений, ценностей и норм.

В попытке определить степень интегративности и вариативности способов метафорического осмысления феноменов, постигаемых носителями разных языков, было проведено исследование, в основу которого была положена гипотеза о том, что метафорические модели в составе научного текста отражают общие и специфические характеристики понимания, трактовки явления и мировосприятия, свойственные различным культурам. Материалом для исследования послужили аутентичные научные издания по тематике «альтернативная энергетика» на русском и английском языках. Сопоставительному анализу подверглись языковые репрезентации когнитивных метафор с целью выявить общие и специфические характеристики метафорического моделирования в научном дискурсе русского и английского языков на материале субдискурса альтернативной энергетики.

Исследование основано на методологии таких научных направлений, как теория концептуальной метафоры, теория метафорического моделирования, когнитивная лингвистика, что отражается в инвентаре единиц исследования:

языковые выражения представляют собой объективации концептуальных метафор – двуплановых конструкторов, вовлекающих на ментальном уровне концептуальные структуры, фиксирующие уже полученную и обработанную информацию о внешнем мире (структуры источника), отталкиваясь от которой, сознание анализирует новый опыт и новую информацию (структуры цели).

Сопоставительный анализ взаимодействия структур источника и цели, участвующих в процессе метафоризации, позволил сделать ряд выводов об универсальных (изоморфных) и специфических (алломорфных) особенностях функционирования метафорических моделей в научном дискурсе.

Изоморфизм метафорических моделей на межъязыковом уровне объясняется общностью когнитивной базы, поскольку структуры источника метафорической проекции представляют собой общечеловеческие когнитивные конструкторы, обслуживающие повседневное существование и быт человека и закреплённые в концептах и фреймах, которые фиксируют опыт взаимодействия человека и окружающего мира (ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ / ГОРИЗОНТАЛЬНОСТЬ, СЕНСОРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ и т. д.), постижения человеком своего собственного тела и существования его в социуме (АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕКА, ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА и т. д.) и осмысляют опыт вовлечения человека в физиологические или социальные процессы (ХОДЬБА, ПУТЕШЕСТВИЕ, ВЫПОЛНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ и т. д.).

Таким образом, и русское, и английское научное сознание, производя метафорическую концептуализацию научного феномена, нередко обращаются к идентичным фрагментам указанных выше структур источника, что, в свою очередь, объективируется на языковом уровне в виде абсолютных переводных эквивалентов.

Например, благодаря тому, что окружающий мир предметов воспринимается человеком посредством органов чувств, становится очевидным вовлечение в процессы метафоризации параметрических единиц, т.е. единиц, обозначающих физические параметры осязаемых объектов, таких как: 1) линейные размеры предметов и 2) совокупный размер чего-либо [5. С. 168], что на ментальном уровне обслуживается метафорической моделью АБСТРАКТНАЯ СУЩНОСТЬ – ЭТО ОБЪЕКТ СЕНСОРНОГО ВОСПРИЯТИЯ. Ниже приведены примеры, демонстрирующие языковые объективации субординатной модели АБСТРАКТНАЯ СУЩНОСТЬ – ЭТО ОБЪЕКТ ВИЗУАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ.

– *Крупные аварии на ... Чернобыльской АЭС указали на неприемлемый уровень безопасности АЭС первых поколений* [1. С. 14].

– *The biggest change has been the dramatic increase in electricity use ...* [11. С. 10–12].

В данном примере абсолютными переводными эквивалентами выступают параметрические прилагательные *крупный* и *big*, которые в сочетании с существительными, обозначающими непредметные сущности (*авария*, *change*), становятся маркированными, наделяя контекст оценочными коннотациями так, что словосочетания *крупные аварии* и *biggest change* в сознании носителей русского и английского языка через размеры передают информацию о значимости сущностей.

Исследование материала показало, что в случае с изоморфными моделями в обоих исследуемых языках наблюдалась преимущественная концептуальная и языковая однородность, отражающая унифицированность способов метафорического осмысления научных феноменов, а также инвентаря структур источника, репрезентирующих объекты научной номинации в терминах общечеловеческих категорий.

Тем не менее анализ позволил выявить случаи разнонаправленности механизмов метафорического закрепления научного знания, которая отражается в

языке. Подтверждение данному положению было найдено в результате исследования метафорических моделей с точки зрения их специфических особенностей, алломорфизма, который характеризуется таким параметром, как асимметричность, и проявляется как на языковом, так и на концептуальном уровнях.

Одной из причин концептуальной асимметрии выступает отсутствие соответствующего метафорического концепта в концептуальной системе одного из сопоставляемых языков. Ниже представлены примеры, иллюстрирующие данное положение.

Исследование практического материала показало, что концептуальная метафора ПРОЦЕСС – ЭТО ОГОНЬ, языковые репрезентации которой были зарегистрированы в исследованных русских текстах в виде словосочетаний *затухание переходных процессов* и *затухание взаимных колебаний*, не имеет англоязычного коррелята.

– *Однако анализ ... дает противоположные результаты на основании затухания взаимных колебаний между выделившимися генераторами* [8. С. 241].

– *... выходные сигналы при затухании переходных процессов устанавливаются около осей ...* [8. С. 249].

Русский глагол *затухать* истолковывается словарями как относящийся непосредственно к огню, свету: «постепенно угасая, перестать гореть» [6. С. 587]. Обращение же к словарю для установления переводного эквивалента глагола *затухать* (а также для его синонима *гаснуть*) выявило следующие единицы: *to go out, to die out, to diminish* [4].

Ни один из этих глаголов не имеет собственной семы окончания горения, поэтому можно утверждать, что для целевого понятийного поля ПРОЦЕСС структурирование в терминах действий, свойственных огню, является нехарактерным.

При переводе на английский язык отсутствие «огненной» метафоры подтверждается нейтральными англоязычными коррелятами. Однако в словаре Multitran были обнаружены отдельные немногочисленные выражения, репрезентирующие метафору ПРОЦЕСС – ЭТО ОГОНЬ и включавшие глаголы *to spark, to extinguish* и существительное *extinction*. В связи с этим с целью убедиться в достоверности вышеупомянутого утверждения о нетипичности структурирования процессуальности в терминах концепта ОГОНЬ была проведена дополнительная проверка данных репрезентаций концепта ОГОНЬ в отношении возможности их сочетаемости с лексемами, обозначающими процессы. Источниками словосочетаний послужили Словарь Multitran, Корпус современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English (COCA) [10]), Британский национальный корпус (British National Corpus (BNC) [9]). В результате анализа 1820 словосочетаний с указанными единицами было зафиксировано высокое число комбинаций лексем *to spark, to extinguish* и *extinction* с существительными, обозначающими абстрактные понятия (*idea, interest, conflict* и др.), 56%, в отличие от комбинаций с лексемами, обозначающими процессы, которых было выявлено крайне мало, всего 4% от общего числа словосочетаний (например, *to spark research, to extinguish combustion, extinction of a branching process* и др.). Полагаем, что столь низкая частотность словосочетаний, реализующих метафору ПРОЦЕСС – ЭТО ОГОНЬ, позволяет нам говорить об относительной концептуальной лакуне в английском языке, которая охватывает структуру источника ОГОНЬ в составе данной метафоры.

Другим, не менее показательным случаем отсутствия метафорического концепта в концептуальной системе является онтологическая метафора МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ – ЭТО ПЕРСОНА (ЧЕЛОВЕК), ВЫПОЛНЯЮЩАЯ ДЕЙСТВИЕ.

Согласно анализу текстов на русском и английском языках научное сознание рассматривает материальные объекты как исполнителей определённых действий. В русском языке отдельной группой выделяются контексты, отражающие наделение материального объекта способностью ходить.

– Карусельные **ветродвигатели тихоходны** ... [2. С. 116].

В представленном примере метафорическим предикатом для лексемы *ветродвигатели* выступает краткое прилагательное *тихоходны*, что характеризует данный агрегат как работающий на малых оборотах.

Несмотря на то, что способность передвигаться при помощи ног можно рассматривать как фундаментальную физиологическую особенность всех человеческих особей, английскому научному тексту несвойственно наделение материальных объектов походкой, что подтверждается отсутствием в исследованном эмпирическом материале на английском языке примеров, содержащих репрезентации метафоры «ходьбы». Попытки установить межъязыковые корреляты привели к следующему.

Согласно данным словаря Multitran понятие *тихоходности* аппарата в английском языке отсутствует, а подобный режим работы передаётся буквально, как имеющий низкую скорость: *low-speed, slow-speed, slow-acting, slow-moving, slow* [7]. В результате исследования эмпирического материала можно сделать предварительный вывод о том, что метафорика ходьбы выступает характерной чертой русской научной традиции, поскольку в аутентичных текстах на английском языке концептуальных аналогов выявлено не было.

Не было их выявлено и в результате анализа англоязычных коррелятов русского отглагольного существительного *ход* (источником материала также послужили данные указанных выше корпусов и словаря. – А.К.), использующегося с названиями материальных объектов: оборудования, частей установок, деталей и т.д. Наряду с неметафорическими номинациями и репрезентациями метафор, не связанных с ходьбой, были выявлены единицы, метафорически наделяющие материальные объекты способностью передвигаться как человек: *to run, to crawl* и *to wobble*. Эти глаголы демонстрируют различную манеру передвижения: *to run* – бежать, т.е. передвигаться со скоростью выше, чем скорость ходьбы; *to crawl* – передвигаться на четвереньках, ползти; *to wobble* – идти, качаясь из стороны в сторону, шатаясь. Но если говорить о русском существительном *ход*, обозначающем в принципе способность передвигаться при помощи ног, то указанные эквиваленты являются семантически более узкими, а семантически равнозначного эквивалента *walk/to walk* не обнаружено. Следовательно, концепт ХОДЬБА как способ метафорического описания движения материального объекта или его частей в рамках метафоры МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ – ЭТО ПЕРСОНА (ЧЕЛОВЕК), ВЫПОЛНЯЮЩАЯ ДЕЙСТВИЕ, в английском языке представляет собой концептуальную лакуну.

Непредставленность концепта как структуры источника в рамках отдельных метафор – случай не столь распространённый, в отличие от иного способа реализации концептуальной асимметрии – отсутствия понятийных элементов концепта, выполняющего роль структуры источника метафорической проекции, в одном из сопоставляемых языков. Анализ материала показал, что в обоих языках преобладает тенденция обращаться к идентичным структурам более общего порядка (концептам) и вычленять разные элементы данных структур (фрагментов концептов), что также характеризует русскую и английскую концептуальную метафорику как проявляющую черты алломорфизма.

Концептуальная асимметрия как отсутствие различных понятийных элементов в структуре концепта, выполняющего роль структуры источника метафорической проекции, обнаруживается в обоих исследуемых языках. Приве-

дём пример в рамках английского эмпирического материала, поскольку в английских текстах был выявлен ряд глагольных метафор, которые не могут быть охарактеризованы как продуктивные для русской научной традиции.

– *An anemometer with a survival wind speed of 25 m/s is not apt to survive in most windy areas* [11. С. 19–48].

Глагол *survive*, предидирующий имя, обозначающее материальный объект, на русский язык переводится объектным словосочетанием *сохранять работоспособность*. Это подтверждается данными словаря Multitran, где приводятся такие словосочетания, как *number survived – число изделий, сохранивших работоспособность; surviving item – изделие, сохранившее работоспособность к определённому сроку* [7]. То же самое можно наблюдать и в выдержках, приведённых в Национальном корпусе русского языка:

– ...*выведен из эксплуатации по причине изношенности корпуса судна ледокол “Ленин”, хотя его ЯЭУ (ядерная энергетическая установка – прим. авт.) сохранила работоспособность ...* [3].

Подобная асимметрия вызвана тем, что выражения *anemometer is not apt to survive* и *ЯЭУ сохранила работоспособность* объективируют метафору, в создание которой вовлечены различные фрагменты одного и того же концепта ПЕРСОНА (ЧЕЛОВЕК); посредством метафорической предикативной номинации свойства материальных объектов в исследуемых языках осмысляются на основе разных действий, свойственных человеку: английский язык обращается к способности сберечь жизнь – *выживать*, русский язык обращается к способности непрерывно выполнять работу – *сохранять работоспособность*.

В русском эмпирическом материале также зарегистрированы контексты, иллюстрирующие разную фрагментацию анализируемого концепта-источника, что в данной работе представлено примером объективации структурной метафоры (ФИЗИЧЕСКАЯ) ВЕЛИЧИНА – ЭТО ВОДА.

– ...*что позволяет ей (оболочке реактора. – А.К.) выдержать кратковременные всплески давления ...* [1. С. 139].

В английском корпусе метафорических выражений, содержащих эквивалент словосочетания *всплески давления* как примера использования слова *всплеск* в метафорическом значении, обнаружено не было, т.е. для английского языка подобная сочетаемость лексических единиц нехарактерна, а соответствующее словосочетание будет иметь эквивалент *pressure surge*:

– *The resulting pressure surge (blue) propagates through the fracture mesh, triggering earthquakes (green) and deforming the brittle crust ...* [10].

Использование существительного *surge* в указанном словосочетании также объективирует на языковом уровне метафору со структурой источника ВОДА, поскольку означает «большая волна, вал; сильная накатывающая зыбь» [12. С. 2300]. Таким образом, не выходя за пределы семантического поля ВОДА, русское и английское научное сознание обращаются к разным его фрагментам, что на языковом уровне репрезентируется корреляцией существительных *всплеск – surge*, а на концептуальном – варьирующимся фрагментированием действительности в терминах субконцептов ДВИЖЕНИЕ ВОДЫ и ФОРМЫ ВОДЫ, являющихся элементами одной структуры источника и свидетельствующих о концептуальной асимметрии в рамках исследуемых языков.

Таким образом, ментальное конструирование действительности посредством концептуальной метафоры как процесс, дифференцирующий русский и английский научный дискурс, характеризуется лакунарностью как на уровне концепта в целом, так и на уровне его понятийных элементов.

Набор изоморфных и алломорфных моделей, выявленный в научных текстах на русском и английском языках, свидетельствует о наличии в рамках

двух исследуемых культур универсалий, отражающих точки соприкосновения в концептуализации научных феноменов, а также уникалий, разнонаправленно характеризующих механизмы метафорической концептуализации научной действительности представителями разных национальных культур.

Алломорфизм и изоморфизм в русском и английском научных дискурсах обусловлены тем, что метафорическая нагрузка на понятийные области не всегда распределяется равномерно, что отражено в показателях частотности обращения к когнитивным структурам источника и их аппликации к когнитивным структурам цели. Апеллируя к идентичным целевым концептам, русский и английский дискурсы нередко формируют метафорические концепты на основе различных структур источника, что характеризует механизмы метафорического моделирования в рамках двух языков с точки зрения степени вариативности: обращение к различным структурам источника на уровне концепта в целом характеризует исследуемые языки как полярные, что выражается в концептуальной лакунарности; обращение к различным структурам источника на уровне фрагментов концептов демонстрирует меньшую степень вариативности ввиду единой формулировки на уровне метафорического концепта. Однако апелляция к структурам цели также происходит на основе идентичных понятийных структур источника, что характеризует механизмы метафоризации в исследуемых субдискурсах как интегративные.

Литература

1. Белая книга ядерной энергетики / *Е.О. Адамов, Л.А. Большов, И.Х. Ганев и др.*; под ред. Е.О. Адамова. М. Изд-во ГУП НИКИЭТ, 2001. 269 с.
2. *Губин В.Е., Косяков С.А.* Малоотходные и ресурсосберегающие технологии в энергетике. Томск: Изд-во ТПУ, 2002. 123 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.05.2010).
4. Онлайн-словарь АБВУД Lingvo [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvopro.abbyyonline.com/ru> (дата обращения: 16.05.2011).
5. *Рычкова Е.Л.* К вопросу о лексико-семантическом выражении категории количественности в современном русском языке // Казанская лингвистическая школа: традиции и современность: труды и материалы II междунар. бодуэновских чтений: в 2 т. (Казань, 11–13 декабря 2003 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. Т. 1. С. 168–170.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981. Т. 1. 698 с.
7. Словарь Мультитран [Электронный ресурс]. URL: <http://multitrans.ru> (дата обращения: 17.05.2011).
8. Энергосистема: управление, конкуренция, образование: сб. докл. III междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / отв. ред. П.И. Бартоломей. Екатеринбург: УГТУ – УПИ, 2008. Т. 1. 453 с.
9. British National Corpus (BNC) [Electronic resource] / University of Oxford. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (access date: 24.10.2013).
10. Corpus of Contemporary American English (COCA) [Electronic resource] / Brigham Young University. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (access date: 24.10.2013).
11. *Kreith F., Goswami D.Y.* Handbook of energy efficiency and renewable energy. N.Y.: Taylor & Francis Group, 2007. 2003 p.
12. Webster's third new international dictionary of the English language: unabridged / Ed. by Ph. Babcock. Cologne: Könnemann Verlagsgesellschaft MBH, 1993. 2662 p.

КАРТАШОВА АНТОНИНА ВЛАДИМИРОВНА – старший преподаватель кафедры лингвистики и переводоведения, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, Томск (tonyaka@mail.ru).

KARTASHOVA ANTONINA – senior instructor of Linguistics and Translation Studies Chair, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia.

УДК 81'373.21

ББК 81.2-3

Г.Е. КОРНИЛОВ

**ЭТНОТОПОНИМИЯ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ
(БАШКОРТОСТАН, КОМИ, МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ,
ТАТАРСТАН, УДМУРТИЯ, ЧУВАШИЯ) – XXXIII:
А-АНЛАУТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ***

Ключевые слова: компаративистика, этимология, контактология, оноματοлогия, топонимика.

Статья продолжает инвентаризацию и интерпретацию топонимов и апеллятивов с компонентами «айыбауыл» и «айылтай» в языках Поволжья.

G. KORNILOV

**TOPONIMICS OF THE VOLGA REGION REPUBLICS
(THE BASHKIR, THE KOMI, THE MARI, THE MORDVA, THE TATAR, THE UDMURT,
THE CHUVASH REPUBLICS) – XXXIII: A-ANLAUT GEOGRAPHIC NAMES**

Key words: comparative linguistics, etymology, contactology, onomatology, toponymy.

The article continues the inventarization and interpretation of toponyms and appeals with the «айыбауыл» end «айылтай» components in the languages of the Volga region.

0.0.2.6.1. **АЙЫБАУЫЛ** – согласно мнению А. Камалова, это «базовый ойконим», а «новое название (этого. – Г.К.) базового населенного пункта» – *Иске Айыу*, давшее «дочерний ойконим *Яңы Айыу*» [5. С. 119]. На предыдущих страницах у него написано: «В подавляющем большинстве башкирских ойконимов слова *иске* и *яңы* употребляются соответственно в значениях «старый» и «новый». Сравните: *Искеауыл* «старая деревня» – название базового населенного пункта, *Яңауыл* «новая деревня» (почему на с. 119 – *Яңы...*, а на с. 98 – *Яңа...* – не объяснено. – Г.К.) – дочернего населенного пункта. *Иске Айыу* «Старомедведево» и *Яңы Айыу* «Новомедведево» [5. С. 98]. Некоторое противоречие обнаруживается и в определении «базовости» сперва комонима *Айыбауыл*, затем – комонима *Искеауыл*, при этом, если русское название *Старомедведево* считается калькой-объяснением башкирского *Иске Айыу* [ср. также: 5. С. 40], то исходное *Айыбауыл* оставлено без комментариев. Подобное имеет место и в «Словаре топонимов Башкирской АССР», где указан русский вариант *Аютово* для башкирского комонима *Айыу* «Медведь; медвежье» (башк. д. быв. Исянгулов. с-та Зианчурин. р-на. – Г.К.), но структура последнего не рассмотрена, не сказано, что башкирский вариант сам восходит к *Аюты / *Аюлы* и является скорее всего литературной инновацией [15].

Образованный в результате переосмысления исходной формы *Айыбауыл* современный башкирский комоним *Иске Айыу* / *Староаютово* в справочниках и 1961 и 1973 гг. значится как башкирское село *Старомедведево* быв. Новомедведев. с-та Илишев. р-на. Объяснение авторов словаря «От *иске* и прежн. назв. д. *Айыу*» явно недостаточное, русск. *Ают-* в составе *Аютово* никак не возводимо фонетически и морфологически к «прежн. назв. ... *Айыу*», оно однозначно указывает, что исконным прежним (разумеется, диалектным) названием было *Айуты / *Аюты*. Об использовании вариантов суффикса *-ты* / *-лы* / *-те* / *-ле* и т.д. в топонимии Башкортостана довольно подробно и обстоятельно см. [5. С. 209-210, 239; 44-45].

Что же собой представляет *Айыб-* в составе *Айыбауыл* «Деревня Айыба», об этом в вышеназванных источниках ни слова. Мы допускаем, что в результате диссимилятивной делабиализации *-у- > -ы-* в позиции перед губным

* Исследование выполнено при финансовом содействии Министерства образования и науки РФ (грант ГО 2-1.6-123).

согласным **-б-** форма *Айыб* могла возникнуть из *Айуб, ср. в книге «Мусульманские имена» варианты имени пророка: *Аййуб* [10. С. 34], *Айуб* [10. С. 36], *Аюб* [10. С. 56], объясненные ранее Алимом Гафуровым, как восходящие к араб. муж. имени *'Айуб* (др.-евр. *Иов*) «раскаивающийся» [3. С. 130], об *Айуб*, отце *Фатимы-элчи*, известно и из эпиграфического памятника города Булгара в устье Камы [11. С. 92]. Э.М. Мурзаев обнаружил в свое время *Аюб* «библейское имя пророка *Иова*» в составе названия джелалабадского курорта с минеральными водами *Хазрет-Аюб*, букв. «Спаситель Иов» [9. С. 199].

Когда, как и почему ойконим *Айыбауыл* был переименован в *Аютыауыл «Аютово», а последний в *Иске Айыу* «Старомедведево», из цитируемых источников нам установить не удалось. Однако уместно отметить, что колебание *-ты / -лы:* **Аюты / Аюлы* весьма характерно для наречий, диалектов и говоров казахского языка, ближайшего восточного соседа диалектов и говоров башкирского языка, ср. на территории Казахстана: селение *Аршалы* бив. Кульмен. сельаулс-та Абай. р-на Семипалатин. области, но селение *Аршаты* бив. Урыльск. сельаулс-та Катон-Карагай. р-на Вост.-Казахстан. области, оба комонима произведены от казах. *арша* «можжевелник» с помощью разных фонетических вариантов единого общетюркского суффикса *-ты / -лы* и означают по-русски «Можжевеловое»; с *-ты* вместо *-лы* также: *Алматы* «Яблоневое» или «Яблочное» – бив. столица Казах. ССР, *Балыкты* «Рыбное» – селение бив. Белозерск. сельаулс-та Кустанай. области, и т.д.

Подобное на территории Башкортостана: назв. пос. по-башк. *Қурғашты*, но по-рус. *Кургашлы* на основе потамонима (лев. пр. р. *Бол. Нуғуш* в Бурзян. р-не) [15. С. 95б]; марий. д. *Магашлы-Алмантаево* бив. Нижнесикийзов. с-та, но башк. д. *Магашты* бив. Старобалтачев. с-та Балтачев. р-на; в справочниках: башк. с. *Ябалакты* бив. Шингак-Кульск. с-та и башк. пос. *Новые Ябалакты* бив. Дурасов. с-та Чишмин. р-на, но в «Словаре топонимов БАССР» название последнего поселка по-русски указано – *Новые Ябалакты* [15. С. 195а]; потамонимы *Ямашты* (правый приток р. *Белой* в Бурзян. р-не, левый и правый притоки р. *Бол. Инзер* в Белорец. р-не) [15. С. 94б, 184а] повторены в форме *Ямашлы* (левый приток р. *Бол. Сюрень* в Зианчурин. р-не и правый приток р. *Малый Ик* в Кугарчин. р-не) [15. С. 184а].

Об *-ауыл, -аул, ағыл, аул* и т.д. «село, деревня» см. [14. С. 83–85], [17. С. 8а], [12. Т. 1. С. 74, 163, 171, 350].

0.0.2.6.2. **АЙЫЛТАЙ** – топоним, единожды (без объяснения, без топографической привязки, без указания на разряд, без указания на источник) упоминаемый на территории Башкортостана Азатом Камаловым [5. С. 45] в числе других, образованных с помощью *-тай, -тәй, -дай:* *Ирсәнтәй, Ломонтәй, Мантәй, Маңқатәй, Мөһәнтәй, Осқондай, Умантәй*.

Основу имени составил башк. апеллятив *айыл* «подпруга седла или седелки», башк. диал. «пряжка», по Х.Ч. Алишиной, в сиб.-тат. *айыл* «подбрюшник» [1. С. 65], соответствует казан.-тат. *аел [айъл]* «подпруга» (то же, что *ызма, ыңғырчак бавы, ияр бавы*), ср. чув. *-ай(ләх): хыра̄м~* (вариант: *хыра̄мсаләх*) «подпруга», полным соответствием было бы *айал: Хыра̄м~*, но **-айал(ләх)*, видимо, со временем испытало стяжение в *-ай(ләх)*. В кыпчакских диалектах можно предполагать (ныне стяженную) форму *қарыңайыл.

Ссылаясь на С.Ф. Миржанову [8. С. 117], А. Камалов правильно указывает, что «В говорах башкирского языка аффикс *-тай* образует имена существительные»; поскольку *-тай / -тей* и т.д. имеются в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, он полагает, что «... они очень древние по происхождению», «... близки к аффиксам *-лы, -ле, -ло; -ты, -те, -тө; -ды, -де, -дө* и др.» (ссылки на В.Д. Колесникову, см. [6. С. 75] и на У.-Ж.Ш. Дондукова, см. [4. С. 81]).

Если соглашаться с этим мнением, то вполне логичным было бы развить его дальше и предположить, что *-тай / -тей* – результат стяжения *-ты / -те + -ай / -ей* (показатели звательности, флексии вокатива), ср. подобное преобразование: формы уменьшительности на *-ак / -ек, -ка / -ке +* формы вокатива *-ай / -ей* дали употребительнейший во всех тюркских языках суффикс *-кай / -кей*, последнее подтверждает аналогия в украинском, где к уменьшительным *-онок / -ёнок* (*Иванёнок, Петрёнок*) присоединилась флексия вокатива *-о* и после стяжения получился чрезвычайно продуктивный суффикс *-онко / -енко* (*Иваненко, Петренко*).

Следует иметь в виду, что *-тай* в разных тюркских диалектах в зависимости от фонетических условий и некоторых иных причин представлен в вариантах *-тай / -тей, -дай / -дей*, которые исследователи не догадываются рассматривать в совокупности.

В «Словарь топонимов Башкирской АССР» попало 22 названия на *-тай / -тәй*, ниже приводим их без указания страниц, но с уточнением топографической привязки, нерегулярными комментариями, в алфавитном порядке: *Даутай* – р., производный комоним *Даутайтамак* – назв. местности и башкирского поселка быв. Карамалы-Губеев. с-та Туймазин. р-на, букв. «Устье речки Даутай», оставлено без объяснения; фактически двусмысленно: 1) **дау / тау* «гора; горный» + *-тай* или 2) *Даут* «Давид», имя личное, плюс вокатив *-ай / -әй; Енактай / Енактаево* – марий. д. быв. Ташкинов. с-та Краснокам. р-на, дано без объяснения, хотя можно довольно уверенно возводить к уменьшительно-звательной форме на *-тай* от **йаңак / *йеңек* (чув. *янах*) «челюсть, подбородок»; *Ирләнтәй / Ирлянтай* – лев. пр. р. *Зилаир* в Зилаир. р-не, убедительно сравнение с оронимом *Ирләнтәй*, но утверждение, что последний результат сочетания *ирлән* «хомяк; хомячья» и **тәй / тай* «гора», нуждается в доказательствах, поскольку ни башкирские, ни другие тюркские источники **тәй / тай* «гора» не фиксируют, с тем же успехом Г.В. Юсупов и Г.Ф. Саттаров в потамонимах компоненту *-тай* приписывают значение «река» [2. С. 104, 261], тогда потамоним *Ирләнтәй* первичен и означает не «Хомячья гора», а «Хомячья река», но ничто не мешает в *Ирлән / Ирлян* видеть прозвище (антропоним) или название рода-племени (геноним); *Иске Уртай / Староуртаево, Яңы Уртай / Новоуртаево* – башк. селения быв. Старобаишев. с-та Дюртюлин. р-на, авторы словаря возводят к **Уртауыл* «Средняя деревня», но регистрируется ли последняя форма каким-либо историческим источником – умалчивают, представляется более убедительным предполагать антропоним *Уртай* на базе известной в тюркских диалектах основы *ур / вәр*, вычленяемой, напр., в производной форме *урман / вәрман* (исторически *«бурелом»); *Көнтәй / Кунтай* – назв. горы в Чишмин. р-не, авторы производят от *көн* (следовало – *көн / күн. – Г.К.*) «день; солнечная, южная» с афф. *-тәй* (следовало *-тәй / -тай. – Г.К.*), но соблюдая последовательность (ср. выше – *Ирләнтәй / Ирлянтай* «Хомячья гора»), следовало предлагать перевод «Южная / Солнечная гора», точнее – «Южный / Солнечный склон», с учетом межтюрк. **тай* «склон», «клон», «уклон» и т.д. (конверсив от *тай*- «склонять, наклонять, уклонять; подпирать»); *Кәлтәй / Калтяево* – башкирско-татарское с. быв. Калтяев. с-та Татышлин. р-на, авторы производят от патонима *Кәлтәй* – назв. прав. пр. р. *Белая*, букв. «Короткая»; *Қаратай / Каратово* – башк. с. быв. Каратов. с-та Туймазин. р-на, оставлено без объяснения, представляется прозрачным, но неоднозначным: 1) от *қара тай* «вороной масти жеребёнок» [5. С. 145], ср. объяснение Х.Ч. Алишиной комонима *Кысылтаевские юрты* (быв. Синг. вол. Ялуторов. округа) на базе *кысыл* «красный», *тай* «жеребец» [1. С. 147]; 2) *қара-тай* «чёрненький» (уменьшит.-зват. форма в функции прозвища человека), 3) *қара-тов*- в ряду: *Арда- / Орда-тов, Сара-тов* и т.п. на базе *тау / тав*- (чув. *таё*) «гора»; *Ломонтай* – прав. пр. р. *Усолка* в Гафурый. р-не,

авторы производят от оронима *Оло ман тай, где оло «большая», *ман «гора», -тай – аффикс, хотя с учетом манифестации *тәй / тай «гора» при анализе Ирләнтей / Ирлянтай (см. выше) следовало бы членить Ломон-тай (*<Ромон-тай?) и искать иные толкования; Мағашлы-Алмантай / Мағашлы-Алмантаево / Кабырға – марий. д. б. в. Нижнесикийзов. с-та Балтачев. р-на, согласно авторам Словаря «от оронима Мағашлы и антропонима Алмантай, последнее оставлено без объяснения; Моҫтай / Мустаево – башк. д. б. в. Мукасов. с-та Баймак. р-на, убедительно выводится «от антропонима Моҫтай / Мостафа ... Моҫтай йылғаһы – речка в том же р-не» (т.е. исторически здесь нет -тай, а только вокатив на -ай. – Г.К.); Мотай / Мутаево – тат. д. б. в. Аптраков. с-та Юмагузин. р-на (в Словаре – Мелеузов. р-на. – Г.К.), «от антропонима Мотай», но как членится Мо-тай или Мот-ай остается неизвестным; Мәмәтәй / Маматаево – башк. д. б. в. Буль-Кайпанов. с-та Татышлин. р-на, сказано, что «от антропонима Мәмәтәй, но последний оставлен без объяснения, скорее всего здесь нет -тай, а правильное членение Мәмәт-әй / Мамат-ай; Торонтайыш / Трунтайшево / Тырымтайыш – тат. с. б. в. Трунтайшев. с-та Альшеев. р-на, тут же речка Торонтайыш йылғаһы (впадает в р. Курсак), сказано лишь: «Возможно от антропонима Торонтайыш», последнее не объяснено, хотя в данном случае членение однозначно: торон / турун / тудун «кузнец, ремесленник», «свободный человек», тай – уменьшительно-звательный суффикс, (й)ыш / (й)иш «семья, род», «клан», «клон» и т.п., ср. объяснение Х.Ч. Алишиной лимнонима Большой Турундай / Турунтай / Тәрәнтәй ссылкой на Н.А. Баскакова, который «половецкое имя Турундей сравнивает с *torun ~ turun ~ torum* «молодой верблюжонок» + *-daj* (аффикс уподобления)». Тай м.б. самостоятельной лексемой в значении «конь, жеребец». ЛИ Торынтай встречается ... у сельджуков ... имя Торымтай ... в словаре М. Кашгари (т.1, с. 161, узб. изд.) ... [1. С. 218]; Туктай / Туктаево – марий. д. б. в. Старобалтачев. с-та Балтачев. р-на, дано без объяснения, на самом деле двусмысленно: 1) тукта – «ждать» + -ай (вокатив), соответствие рус. имени личн. Ждан, Жданко, 2) Тук-тай, где Тук – прозвище; Тубәнге Яңы Кәстәй / Нижнее Новокостеево – рус. пос. б. в. Михайлов. с-та, Новокостеево / Новый Костей / Яңы Кәстәй – тат. пос. б. в. Старошарашлин. с-та Бакалин. р-на, оставлено без объяснения, которое, нам представляется, однозначно: Костя – уменьшит. форма от Константин + -әй / -ей (показатель тюрк. вокатива); Тубән Янақтай / Нижнеянактаево, Ёрге Янақтай / Верхнеянактаево – две марийские деревни б. в. Верхнеянактаев. с-та Балтачев. р-на, по мысли авторов Словаря, Янақтай «возможно антропоним», на самом деле адекватно членится Янақ-тай, что представляет собой уменьшительно-звательную форму от прозвища Янак (чув. янах) «Челюсть»; Ямантай – назв. горы на земле башк. д. Абуляисово / Абляисово б. в. Утягулов. с-та Зианчурин. р-на, где регистрируется и потамоним Ямантай йылғаһы – лев. пр. р. Ишاپай, объяснение «От яман «плохая, злая» и афф. -тай» явно недостаточно, поскольку возможно: 1) от яман тай «дурной жеребёнок», 2) от яман *тай «дурная гора» (см. выше объяснение теми же авторами Ирләнтей / Ирлянтай), Х.Ч. Алишина приводит назв. сенокосного угодья Ямантай в б. в. Кашегаль. вол. Тюмен. округа [1. С. 128]; Янақтай / Енактаево – «д. в. Калт. р-не», в справочниках не значится, см. выше: Енақтай / Енактаево; Яңы Балақатай / Новобелокатай – рус. с. б. в. Новобелокатай. с-та, Иҫке Балақатай / Старобелокатай – рус. с. б. в. Старобелокатай. с-та Белокатай. р-на, авторы Словаря производят от этнонима балақатай, который не объясняют, но с учетом наличия комонима Балақ, ср. Яңы Балақ / Новобалаково – башк. с. б. в. Резяпов. с-та, Иҫке Балақ / Старобалаково – тат. с. б. в. Тайняшев. с-та Чекмагушев. р-на, Балақ / Балакино – рус. д. б. в. Аскин. с-та Аскин. р-на – допустимо членение Балақ-атай, где тюрк.-кыпчак. балақ «штанина», перен. «узкий длинный залив, пролив, рукав (реки, озера, моря)», атай – вокатив от

ата «отец, глава», ср. как *Субра атай* «отец Субра» превратился в *Субратай*: *Ак қалада уйга бай, йорт агасы Субратай* [1. С. 171]; альтернативное членение *Бала-қатай* может допускаться с учетом наличия этнонима и комонима *Қатай*, ср. *Яңы Қатай / Новокатаево* – башк. с. быв. Новокатаев. с-та Бакалин. р-на, тогда *Балакатай* «Маленький Катай», «Ребенок Катай», но в случае мены *-р- / -л-* в заимствованиях из индо-иранских источников (особенно если *-р-* является церебрально-какуминальным) *бар,а / бала* будет (наоборот!) означать «большой; великий», ср. индо-иранское (субстратное по происхождению) название «Венгерского моря» – *Балатон* из **Бара тон* «Большое / Великое скопление воды». А. Камалов в д. *Ямантай / Манатау* отметил племя *қатай*, род *Оло қатай* (Кунашак. р-н Челябин. обл.) [5. С. 291], вряд ли допустимо членение *қа-тай*, скорее следует *қат-ай*, где *ай* неоднозначно, ср. *-ай* в *Чувашай / Ямантай-ауыл* – д. в Бардым. р-не Перм. обл. [5. С. 264]. В дополнение к рассмотренным выше производным на *-тай / -тәй*, *-ай / -әй* можно перечислить несколько подобных имен из книги А. Камалова, где их очень мало: микротопоним *Балтай Яланы* «Поляна Балтая» [5. С. 57]; *қаратай* – масть лошади [5. С. 145]; *Бурлытай атауы* «остров Бурлытай» [5. С. 161, без топографич. привязки]; *Яман тай күлмәге* «озерцо (окно в болоте) Ямантая» [5. С. 164, без координатов]; д. *Абултай / Абылтай* Сафакулов. р-на Курган. обл. [5. С. 250], от мусульм. имени личного; родовое подразделение *қалмантай* в д. *Үрге Ильяс / Тәңес* Красногвардей. р-на Оренбург. обл.; д. *Колтай* Перм. р-на Перм. обл. [5. С. 265]; д. *Башқұлтай / Башқорт Қолтай* Перм. р-на Перм. обл. [5. С. 265]; д. *Қаратай* Лениногор. р-на Татарстана [5. С. 278].

С данными «Словаря топонимов Башкирской АССР» [15], книги А. Камалова [5] и труда Х.Ч. Алишиной [1] перекликаются сведения, которые можно почерпнуть из монографии Ф.Г. Гариповой [2], в которой упоминается «тюркское имя XIII в. *Актай*» [2. С. 221], со ссылкой на Мизиева, и подтверждается, что «... У татар имеется имя *Актай* и фамилия от него *Актаев, Октаев*» [2. С. 222], со ссылкой на Саттарова, также указано [2. С. 224] марийское личное имя *Актай*, заимствование из татарского и рассматриваемое «учеными как сращение тюркских *ак* «белый» и *тай* «жеребёнок» [2. С. 222].

Это личное имя известно и как определяющая часть комонимов: д. *Актай* в быв. Осиновск. / Осинск. у. Перм. губ. [2. С. 224], марий. н.п. *Актаюжи* в быв. Кумьин. общ-ве Яран. у. Вятск. губ. [2. С. 222], по Ф.И. Гордееву ... от *Актай* – муж. имя личн. + ф.-угорского происхождения «древний марийский гидроним *Южа*»; и как определяющая часть потамонимов: *Актай* – пр. р. *Волга* (Спас.) [2. С. 139, 222], р. *Актай* в VI т. В.П. Семенова [2. С. 37], р. *Актай* у С.М. Шпилевского [2. С. 69], две речки *Актай* в быв. Верхтур. у. Перм. губ. [2. С. 224], р. *Актай / Актачы суы* [2. С. 7].

Другие имена на *-тай*, упоминаемые на разных страницах вышеназванной книги: *Алмантай йылгасы* – пр. р. *Киреметь* (Аксуб.) [С. 198], возвышенность и город *Валдай* (по мнению Ф.Г. Гариповой, то же, что и *Алтай*, только с протетическим В-, а последнее, по Татищеву, «... звание калмыцкое, значит *шестимесячные*, ... татара зовут *Алтау*, значит *Шесть гор...*») [С. 213], тюркские имена XIII в. *Асутай, Атам-Тай, Ашиктай* [С. 221], пристань, река, улица в Казани *Бакалтай* [С. 223], р. *Балтай* на «Саратовских землях» [С. 71], тюркское имя XIII в. *Баритай* [С. 221], «волжско-булгарское личное имя *Булартай*» [С. 292], тюркские имена XIII в. *Бурилтай, Даритай* [С. 221], правый приток р. *Лунга* и село у гагаузов в Молдове *Джолтай* [С. 223], топоним *Калагайтай* в Словаре В. Радлова [С. 224], хутор *Каматай* в быв. Оренбург. губ. [С. 223], топоним *Кандагайтай* в Словаре В. Радлова [С. 224], марий. личн. имена *Карантай, Саратай* [С. 224], тюркское имя XIII в. *Камтай* [С. 221], хутор *Каратаев* в области Войска Донского [С. 223], с. *Каратаи* в

Башкортостане [С. 223], тат. д. *Каратай* в Арском р-не [С. 222], три деревни *Каратай* в быв. Тетюш. у. [С. 222], две д. *Каратай* в быв. Перм. губ. (в Осинов. и Перм. уездах) [С. 223-224], согласно Г.В. Юсупову, «Каратай» отмечается в этническом составе ряда народов: алтайцев, казахов, каракалпаков, киргизов..., а каратай нәселе «род каратаев» «зафиксировано среди татар» [С. 223], *Каратай* «Черная река» у Г.В. Юсупова [С. 223], *Каратай йылгасы* – левый приток р. *Зай* (быв. Лениногор. р-н) [С. 103, 139], быв. остров *Каратай* вблизи устья Камы [С. 222-223], *Зай-Каратай* – лев. пр. р. *Зай*, на берегу тат. д. *Зай-Каратай* (быв. Лениногор. р-н), рус.-морд. д. *Заовражный Каратай*, р. *Кече Каратай / Малый Каратай*, р. *Олы Каратай / Большой Каратай*, рус.-морд. д. *Мордовский Каратай* в Камско-Устьин. р-не [С. 222], тат. с. *Мукмин Каратай* на берегу р. *Чути* – прав. пр. р. *Шешма* [С. 222], имена *Колатай* и *Субратай* в дастане «Идегей» [С. 221], тюркское имя XIII в. *Колимтай* [С. 221], р. *Коломонтай* в «Саратовских землях» [С. 71], река и д. *Коротаева* в быв. Оханск. у. Перм. губ. [С. 223], *Коротаевская дорога* у С. Мельникова [С. 223], «Деревни *Коротаи* за служилыми татарами в поместье вопче с ясачною чювашею» [С. 222], речка *Коратайка* в быв. Ардатов. у. и речка *Коротаика* в быв. Белоключев. у. Симбир. губ. [С. 223], посланные «в сторону кипчаков, Саксина и Булгара» богатыри *Куктай* и *Субатай-бахадур* [С. 326], в Башкортостане... д. *Култай-Каран* (Миякин. р-н) [С. 146], социальный термин *курултай* [С. 221], тюркское имя XIII в. *Кутай* [С. 221], топоним *Кутайкель* в Словаре В. Радлова [С. 224], тюркское имя XIII в. *Кутуктай* [С. 221], сибир.-татарское название муравья *кымрыскатай* в дастане «Илдан и Голдан» [С. 267], тюркские имена XIII в. *Кяхтай*, *Манзитай*, *Ойратай* [С. 221], тюркское имя XIII в. *Сабуктай* [С. 221], топоним *Сангылтай* в Словаре В. Радлова [С. 224], марий. личн. имя *Саратай* [С. 224], тюркские личные имена XIII в. *Сартактай*, *Субектай*, *Субетай* [С. 221], *Субетай-Багатур* в «Монгольской хронике» 1240 г. [С. 291], *Субратай* в дастане «Идегей» [С. 221], *Тай-* в составе *Тайаклар кизлэве (?)* – пр. р. *Черемшан* в Апастов. р-не [С. 199], *Тай-* в составе *Тайозен (?)* – долина в горах Сумультин. хребта [С. 119], топоним *Тарбагатай* [С. 221], *Таргитай* – имя родоначальника скифов, урожд. от брака *Зевса* и дочери *Борисфена* [С. 224], тюркское имя XIII в. *Тубтай* [С. 221], д. *Тутай* около горы *Чабырлы тау* в Апастов. р-не [С. 329], тюркские личные имена XIII в. *Уйгутай*, *Усутай*, *Хокутай* [С. 221], топоним *Хантай* [С. 221], по Мизиеву тюркское личное имя XIII в. *Чагатай* [С. 221], а по Саттарову монгол. личное имя *Чагатай* легло в основу названий: р. *Чыгтай йылагсы* – прав. пр. р. *Б. Черемшан*, тат. с. *Югары Чыгтай / Верхняя Чегодайка*, с. *Түбән Чыгтай / Нижняя Чегодайка* [С. 394], родник *Чурмантай* в д. *Биклян* Тукаев. р-на [С. 223], также «персонаж произведения писателя Г. Баширова – *Чурмантай*» [С. 221], тюркское имя личное XIII в. *Чутай* [С. 221], топоним *Ягыстай* в Словаре В. Радлова [С. 224], р. *Ямантай* – пр. р. *Була* в Апастов. р-не [С. 223].

Если Мизиев считал, что «... частица *тай* в этих именах означает принадлежность к какому-то народу, обществу и государству» [7. С. 43], [2. С. 221], то по Гариповой [2. С. 261] – «Известный ученый-археолог Г.В. Юсупов отмечал, что слова *сай* и *тай* в татарском языке обозначают понятие «река». Мысли этих ученых (кто еще, кроме Г.В. Юсупова, не указано. – Г.К.) подхватывает Г.Ф. Саттаров. Компоненты *зай*, *тай*, *чай*, *шай* в гидронимах Татарстана, – пишет он, – *Зай*, *Актай*, *Чайшур*, *Каратай* восходят к слову, обозначающему «река». Эта цитата Гариповой повторяет в несколько иной редакции изложенную раньше [2. С. 104]: «Форма *тай*, как *чай* и *сай*, означает «река» (Юсупов 1964, с. 7; Юсупов 1971, с. 224). Эту мысль поддерживает Г.Ф. Саттаров и перечисляет древнетатарские соответствия *чай / сай / тай / шай / зай / зэй / жай / йай* и современные звуковые соответствия (ч-с-т-ш-з-й) ... (Саттаров 1969, с. 32-33)».

Выше приведенные нами комментарии к работам Х.Ч. Алишиной, А. Камалова, к статьям «Словаря топонимов Башкирской АССР» убедительно демонстрируют необходимость критического подхода к изложенным Ф. Гариповой взглядам Г.Ф. Саттарова и Г.В. Юсупова.

Не перечисляя здесь зарегистрированные в чувашском именнике (более 100!) так называемые «мужские языческие имёна» на *-тай / -дай, -тей / -дей*, должные быть объектом самостоятельного исследования, следует напомнить, что в современном живом монгольском литературном языке суффикс *-тай / -тэй / -той* является одним из самых продуктивных, ср.: *Азтай* «удачливый» < *аз* «удача», *Ашигтай* «выгодный» < *ашиг* «выгода», *Аягатай* «налитый в чашку» < *аяга* «чашка, блюдо», *Банштай* (*шёл*) «пельменный (суп)» < *банш* «пельмень», *Бөхтэй* «горбатый» < *бөх* «горб», *Булчинтай* «мускулистый» < *булчин* «мускул(ы), бицепс(ы)», *Бүлтэй* (*хүн*) «сильный (человек)» < *бүл* «сила», *Бүтэлтэй* «успешный» < *бүтэл* «успех», *Гомдолтой* «жалобный» < *гомдол* «жалоба», *Гэргийтэй* «женатый» < *гэргий* «жена» < *гэр* «дом, семья», *Долоотой* «семилетний» < *долоо* «семь», *Даваатай* «имеющий перевал» < *даваа* «перевал», *Дугуйтай* «колёсный» < *дугуй* «колесо», *Жаргалтай* «счастливый» < *жаргал* «счастье», *Жудагтай* «имеющий совесть» < *жудаг* «совесть», *Заагтай* «имеющий границу» < *зааг* «рубеж, граница», *шоколадтай* (*зайрмаг*) «шоколадное (мороженое)» и так до бесконечности. В этом ряду заглавное для данной статьи башк. *Айылтай* следовало бы переводить «Подпружное», «Подпругообразное», «Подпругоподобное» или «Имеющий (имеющая, имеющее) подпругу».

Является ли *-тай / -тей (-дай / -дей, -той / *-төй, *-дой / *-дөй)* морфологическим тюркизмом в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках или, наоборот, монголизмом в тюркских (менее вероятно – общеалтайским наследием) – вопрос дискуссионный, требующий однозначного ответа в будущем.

(Продолжение следует)

Литература

1. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар. Ч.1. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1999. 240 с.
2. Гарипова Ф.Г. Татарская гидронимия: вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии. Казань: Ин-т языка, литература и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1998. Кн. первая. 571 с.
3. Гафуров А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков: словарь. М.: Наука, 1987. 221 с.
4. Дондуков У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964.
5. Камалов А.А. Башкирская топонимия. Уфа: Китап, 1994. 304 с.
6. Колесникова В.Д. Названия частей тела в алтайских языках: очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, 1972.
7. Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986.
8. Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979.
9. Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия. М.: Вост. лит., 1996. 254 с.
10. Мусульманские имена: словарь-справочник / сост. Ибн-Мирзәкарим ал-Ҷарнақи. СПб.: ДИЛЯ, 2006. 448 с.
11. Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань: Тат. кн. изд-во, 1987.
12. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. Т. 1–4. СПб., 1893–1911.
13. Саттаров Г.Ф. Топонимия края и некоторые вопросы этногенеза казанских татар. Татар тел белеме мәсьәләләре. Казан, 1969.
14. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
15. Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. 200 с.

16. Юсупов Г.В. К вопросу о тюркской топонимике в ТАССР. Тезисы аннотированных докладов на Учредительном съезде Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете. Казань, 1964.

17. Räsänen Martti. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания, декан филологического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (gennkorn@rambler.ru).

KORNILOV GENNADIY – doctor of philological sciences, professor, head of General and Comparative-Historical Chair, dean of Philology Faculty, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 27-23:811.512.111'25] : 008
ББК Ш 12=635.1*61+ЭЗ7-200.112

И.В. МУКИНА, В.А. МУКИН

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ, СВЯЗАННЫХ С ПЕРЕВОДОМ БИБЛИИ НА ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК*

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ, методология, культурный концепт, константы культуры, культурные установки, культурный код.

Выделение языковых особенностей и их системная классификация по лингвокультурологическим понятиям служат основанием для формирования методологии исследования библейских текстов. Лексические средства, используемые в них, обнаруживают диалектическую, бинарную взаимообусловленность культурных и языковых концептов, констант, установок, кодов, рассматриваемых в работе как средство структурирования, обеспечивающее целостность для осмысления текста. В качестве методологического основания для исследования словообразований рассматривается ментальная трансформация этносознания чувашей по трёхмерной схеме ценность – слово – образ.

I. MUKINA, V. MUKIN

LINGUISTIC AND CULTUROLOGICAL STRUCTURING OF LANGUAGE SPECIFICS RELATED TO THE TRANSLATION OF THE BIBLE INTO THE CHUVASH LANGUAGE

Key words: linguocultural analysis, methodology, cultural concept, constants of culture, cultural values, cultural code.

Selection of language specific features and their system classification linguocultural concepts is the basis for the formation of the methodology of the study of biblical texts. Lexical means to be used in them, find dialectic, binary interdependence of cultural and linguistic concepts, constants, units, codes, considered the work as a means of structuring, ensuring the integrity of the comprehension of the text. As a methodological basis for the research word formations considered mental transformation ethno-consciousness Chuvash on a three dimensional diagram of value – word – image.

Установление причинно-следственных связей и механизмов лингвистической обусловленности между переводами Библии и формированием письменности, стабилизацией и кодификацией норм национального литературного языка представляет собой одну из проблем лингвистического анализа. Мы полагаем, что библейские тексты на чувашском языке являются носителями не только смысла, формы и структуры слов, но и языковых особенностей, формирующих и обогащающих культурные компоненты чувашского литературного языка. Язык относится к духовной культуре человека и представляет собой коммуникативную систему, обладающую своим содержанием и возможностями передавать, сообщать это содержание в форме социального опыта. Составляющими социального опыта, несомненно, являются культурные нормы и традиции в контексте языковых особенностей. Научно-исследовательский интерес

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФНФ научного проекта № 13-14-21009.

представляют языковые особенности, проявляющиеся в ходе перевода библейского текста с одного языка на другой и участвующие в трансформации религиозного стиля текста в стиль светский. Выявление языковых особенностей, отражающих связи языка с национальной культурой, разными исследователями производится по-разному. Наиболее удачным, на наш взгляд, является лингвокультурологический метод, суть которого кратко можно выразить как способ исследования языковых процессов, отражающих духовную культуру, для последующего воплощения результатов в языковых единицах. Язык служит не только базой хранения и приумножения в своих единицах различных компонентов и установок культуры, но и инструментом воспроизводства её концепций в менталитете народа из поколения в поколение.

Таким образом, исследование текстов Библии на чувашском языке представляет собой лингвистический анализ содержания того лексического материала, который обладает свойством проникновения в языковое пространство культуры. Для достижения цели этой работы, объяснения феномена проникновения языковых особенностей библейских переводов в литературный язык, воспользуемся категориальным аппаратом, включающим такие лингвокультурологические понятия, как культурный концепт, константы культуры, культурные установки, культурный код.

Объектом исследования являются характерные языковые особенности в библейских текстах на чувашском языке. Предметом исследования является механизм проникновения неологизмов, заимствований и других лексических средств в современный чувашский язык через библейские тексты, используемые как для вероисповедания, так и для познания ценностей православно-христианской культуры.

Приступая к лингвокультурологическому анализу языковых особенностей библейских текстов на чувашском языке, составлению алгоритма их структурирования, выбираем фактический лексический материал, необходимый для выражения духовно-нравственной составляющей личности – носителя чувашского языка. В качестве одного из главных инструментов анализа рассматриваем понятие *культурный концепт*, в него мы вкладываем многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны. Кроме того, в лингвокультурологии считается, что существуют как специфические, национальные культурные концепты, присущие конкретному этносу, так и универсальные. В зависимости от этого выделяются и анализируются разные культурные концепты. В нашем случае речь идёт о культурных концептах, связанных с изменением ментальных признаков чувашей в ходе приобретения христианского мировоззрения. На основе библейских текстов на чувашском языке идёт формирование специфических чувашских концептов культуры, не признающих национальную «границу», языковое ограничение. В качестве мысли, объясняющей причину проникновения смысловых культурных концептов в чувашский язык и естественную необходимость образования неологизмов, заимствований и иных лексических средств, возьмём рассуждения чувашского просветителя и переводчика Библии И.Я. Яковлева в Предупреждении «Евангелия от Матфея», изданного в 1873 г. Он считает, что отсутствие готовых слов и выражений, необходимых для изложения библейского текста на чувашском языке, связано с тем, что в то время не было христианского содержания в этносознании чувашей. Кроме того, «...лишь только коснется дело понятий социально-христианских, то выразить их на чувашском языке можно только приблизительно, тою или другой стороной» [2. С. 1]. Следовательно, для отражения в библейском тексте проблемы нравственности и религиозности, с высокой достоверностью отражающей истинный смысл православно-христианских ценностей, приходится в ходе перевода создавать неологизмы, использовать заимствования и т.д., сформированные на основе первоисточника библейского текста.

Осмысливая трансформацию религиозной культуры чувашей в контексте отражения «добра и зла» в бинарном представлении о мироздании, мы выбираем для анализа в качестве культурного концепта «ангел» и проследим опыт безуспешных попыток дословного перевода слова *ангел* на чувашский язык с точки зрения историко-этимологического подхода.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера указывается, что данное слово заимствовано с греческого (*αγγελος*) в старо-славянский, др.-русский язык (*анъгель*) и означает «вестник, посол» [9. С. 78.]. Ангел – это слово [евр. малах (*malac*), греч. ангелос (*aqgelos*)] собственно означает: вестник или посланник; оно часто употребляется в Библии, когда речь идет об обыкновенных вестниках или даже известиях (Мтф. 11:10; Лук. 7:24; 9:52; Иов. 1:14; 1 Цар. 11:3; в русском переводе – вестник, посол и др.); о пророках (ангел Господень); священниках (Мал. 2:7); о всем израильском народе (Ис. 42:19), а также о неодушевленных предметах (Псл. 103:4) и о слугах сатаны во 2 Кор. 12:7 и, может быть, Псл. 77:49, т.е. в текстах Священного Писания указанная лексическая единица использовалась в двух основных значениях. Обычно словом *ангел* в Библии обозначается особый род разумных существ. Ангелы в собственном значении слова – существа другого порядка, чем люди: они окружают Бога; или Бог пользуется ими как орудием в управлении миром; через них он помогает отдельным лицам и народам. Они – или настоящие духи, или имеют тонкое невесомое тело, но мы знаем, что они не имеют такого вида, как люди, и у них не существует различных полов. Без сомнения, они были созданы задолго до сотворения земли [6. С. 19-20]. Из этого мы делаем вывод, что синонимами первого лексико-семантического варианта (ЛСВ) являются лексемы *архангел*, *серафим*, *херувим*, а второй ЛСВ имеет парадигматические связи с единицами *бес*, *злой дух*, *нечистый дух* (*явъл*).

В начале своей переводческой деятельности И.Я. Яковлев для перевода слова *ангел* использовал чувашское слово *пирёшти*, а в скобках ставил *ангелъ* (см.: «Начальное учение православной христианской веры» (Казань, 1873), а также Евангелия от Матфея (Казань, 1873), Марка и Луки (Казань, 1875. – *Авт.*). Не случайно он выбрал это персидско-татарское слово, известное чувашам (анатри), соседствующим с татарами. Словом *пирёшти* чуваша называют особое существо, добрый дух.

В словаре Ашмарина указывается, что *пирёшти* – название духа (ангела). Слово *пирёшти* активно употреблялось во многих местах как низовыми, так и верховыми чувашами, под ним подразумевалось не только значение «ангел» в богословском понятии. Согласно Ашмарину, словом *пирёшти* называют также домового, духа-хранителя дома (доможила) [1. С. 225].

В «Чувашско-русском словаре» под редакцией М.И. Скворцова *пирёшти* переводится «добрый дух; ангел» [12. С. 297], а само слово *ангел* дается без перевода «1.рел. ангел» [12. С. 35].

Однако священники прошлого века были категорически против использования слова *пирёшти*, они считали, что это слово связано с их языческими понятиями. По мнению чувашей, *пирёшти* это служебный дух *Кэбэ* – бога, управляющего всеми земными и подземными делами и особенно судьбами рода человеческого (наблюдает за целостью меж). Особенно это слово не нравилось священникам, которые работали в приходах Чебоксарского и Козмодемьянского уездов, так как чуваша, проживающие в этих местах, мало употребляли слово *пирёшти*. Вот что пишет священник села Кошек Чебоксарского уезда Василий Смелов Высокопреосвященнейшему Сергию Архиепископу Казанскому: «В переводах г. Яковлева *пярйшти* (в ориг. так. – *Авт.*) часто употребляется рядом со словом *Ангел* без перевода (Лук., гл. 1); и вследствие этого чувашину невольно навязывается языческое представление о *пярйшти* и он как бы вынуждает думать об *Ангеле* и *пярйшти*, как от-

дельных лицах. Вообще слова греческие, получившие гражданство в русско-церковном языке, следовало бы оставлять при переводах без перевода, чем подменять их словами новыми, или имеющими языческое значение. От чего, к несчастью, не свободен г. Яковлев» [3. С. 16–17].

Поскольку в то время чувашские книги религиозно-нравственного характера в основном печатались для употребления священниками чувашских приходов, к их мнению нужно было прислушиваться. В своих следующих переводах и новых изданиях ранее переведенных религиозных книг И.Я. Яковлев вместо слова *пирёшти* везде ставил *Ангель*. С тех пор и по настоящее время во всех чувашских переводах библейских книг закрепилось слово *ангел*.

Также нужно заметить, что И.Я. Яковлев в начале своей переводческой деятельности слово *ангел* попробовал передать другим словом – *пӱлӗхсӗ*. Но священники никак не могли принять это слово и написали об этом в переводческую комиссию при Братстве св. Гурия, на что Н.И. Ильминский в своей статье «К истории инородческих переводов», напечатанной в мартовском и апрельском номерах журнала «Православный собеседник» за 1884 г., ответил следующим образом: «Слово *пӱлӗхсӗ*, как коренное чувашское слово, явилось в переводах в соответствие татарскому (или вернее персидскому) слову *päriштä*. Но пересматривая имеющиеся у меня прежние издания переводов Яковлева, я вижу, что он скоро оставил это слово... Если допустим даже, что слово *пӱлӗхсӗ* неправильно было поставлено, но Яковлев скоро оступился от него...» [3. С. 51].

Однако И.Я. Яковлев не случайно выбрал это слово. Прежде чем приступить к переводу религиозных книг, он, по совету Н.И. Ильминского, внимательно изучил чувашские переводы начала XIX в. В самых ранних переводах христианской литературы переводчики употребляли слово *пӱлӗхсӗ* для перевода слов «Ангел», «Ангел Божий» и «Ангел Господень». Например, в чувашском переводе Евангелий от Матфея, Луки, Марка и Иоанна, осуществленном под руководством Казанского Преосвященного священнослужителями Казанской епархии и напечатанном при Казанском университете в 1820 г., это понятие в основном передано словами *пюлюхсь* и *Турӑ пюлюхси*: «...она акса барагане шойтань болать; вырас выгоче, юмюрь пюдмелли болать: выраганзам; вара *пюлюхси-зам* балассе» (Мтф. 13:39). «Тора *пюлюхси* суюльдень анза быче-мин, тобык алыкран мунь чоль ильзе тюндерче, ларче да онь сине. Тора *Пюлюхси* вара арымзане чинзе каларе» (Мтф. 28:2,5). Местами это слово писалось с прописной буквы, но тут же рядом встречается *Турӑ пюлюхси*, где *пюлюхсе* написано со строчной буквы. В (Мтф. 25:41) «в огонь вечный уготованный дияволу и ангелам его», где ангел имеет совершенно другой смысл, в чувашском переводе 1820 г. употреблено *озаль сулешсама* (в ориг. так. – *Авт.*), что буквально означает «злые духи». Но в Евангелии от Марка в некоторых местах слово *ангел* оставлен без перевода, например, в (Мрк.1:2,13; 13:27). А в Евангелии от Луки (7:27) слово ангел переведено *хыбарлаггань*, т.е. как «вестник».

В яковлевских переводах книг Нового Завета начиная с 1879 г. слово *ангел* передается без перевода.

Таким образом, ключевой культурный концепт «ангел» проникает в чувашский язык как заимствование, формируя некий неологизм в чувашском языкознании и литературе. Многочисленные литературные произведения, в частности, «Чун кёнеки», «Ӑслӑлӑх кёнеки» Н. Кушманова, «Хура ангел» Н. Петровской и др., подтверждают факт закрепления слова *ангел* в его лингвокультурологическом толковании в чувашском литературном языке.

В связи с этим следует отметить большое опосредованное русским языком влияние греческого мира, явившегося источником новой христианской веры, на культуру и язык чувашского народа. Вместе с заимствованными культовыми идеями в состав лексической системы чувашского языка вошли грецизмы, отражающие ярко выраженный заимствованный характер языковых особенностей,

связанных с переводом библейских текстов (*аллилуйя, аминь, анафема, апостол, кесарь, ладан, мира, манна, псалтирь, псалом и др.*).

Если рассматривать культурный концепт как некую ментальную трёхмерную единицу, основанную на трёх параметрах: ценность, слово и образ, определяющих взаимодействие культуры, языка и сознания, то следует отметить, что культура детерминирует концепт, язык его опредмечивает, а в сознании концепт пребывает. В нашем случае в условиях культурно-исторической значимости концепта он отличается от других языковых единиц своей ментальной природой. «...концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [7. С. 43]. Если речь идёт о некоем постоянном принципе культуры, то уместно вести речь о концепте, соответствующем константе культуры. «Константа в культуре – это, по Ю.С. Степанову, концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [7. С. 84]. Например, принцип теоцентричного мироздания, изложенный в библейских текстах, эсплицирующийся через перевод в различных культурах, может быть отнесен как раз к принципам-константам.

Рассматривая культурные константы, следует обратить внимание на вечные образы, воплощённые в языке и литературе многих стран. Они имеют нравственное и мировоззренческое содержание, значимое для разных времён и народов. Однако следует иметь в виду, что вечные образы являются продуктом сознательной деятельности, имеют как свой «адрес и дату рождения», так и «национальность». Кроме того, они отражают не только специфику общечеловеческого восприятия мира, но и определённый исторический и культурный опыт, закреплённый в художественном образе.

По этому поводу следует отметить ряд чувашских произведений, посвящённых святой вере и христианской духовности. Например, в произведениях Якова Турхана «Христос чёрёлнё!» (Христос воскрес!), «Хярушя парне» (Страшный подарок), «Тыря акакан» (Сеятель), «Каҫхи чан ҫапни» (Вечерний звон), Федора Турхана «Раштав сёрё» (Ночь Рождества) «Асап эрни» (Страстная неделя), Тараса Кириллова «Туря ҫинчен» (О Боге), «Туря тәрәшакана юратать» (Бог любит старательного), «Турра манса ан кайяр» (Не забывайте Бога) образ Бога выступает как эстетическая доминанта. В частности «Псалтирь» (Мухтав юрисем) в переводе классика чувашской поэзии К. Иванова несколько раз переиздавался именно в период становления чувашского литературного языка. В поэтике М. Сеспеля христианские мотивы используются для выражения как радостных, так и скорбных чувств поэта (стихотворения «Чан чёрёлнё!» (Воистину воскрес!), «Или! Или! Лама савахвани!..», «Паянтан» (Отныне) и др.

В чувашской литературе библейским образам посвящены яркие страницы произведений поэтов: Г. Айги, В. Митта, Р. Сарпи, В. Туркай, прозаиков: Д. Гордеева, В. Григорьева (Енёш), Н. Кушманова, Е. Лисиной, П. Львова и др. В их произведениях ярко выражены нравственные и мировоззренческие аспекты бытия чувашей, отражающие национальную самобытность.

Для персонажей Библии (*Бог, ангел и др.*), служащих источниками вечных образов, характерны признаки, отличающие их от иных образов содержательной ёмкостью и высокой духовной ценностью. Способность библейских вечных образов преодолевать границы эпох и национальных культур обеспечивает им возможность вписываться в изменяющуюся обстановку, не теряя своей идентичности. Всё это создаёт для библейских текстов условия переводимости на различные языки [5. С. 304–311].

Социокультурная практика показывает возможность воссоединения библейской культуры с миром литературного языка в рамках одних и тех же теоретико-методологических идей и интерпретационных схем. Такое слияние, пронизывающее всю мировую литературу и другие искусства, превращает

библейские вечные образы в инвариантный арсенал литературного дискурса. «Дискурс – это речь, наделенная социокультурным измерением, или язык, преобразованный говорящим субъектом и включенный в конкретный социокультурный контекст» [10]. Поскольку дискурс обладает свойством целостности, он предполагает систему, т.е. имеет внутреннюю организацию, форму, к нему применимы понятия вида, жанра и стиля.

Мы полагаем, что проникновение библейской терминологии через дискурс – это ещё один из механизмов проникновения языковых особенностей в пространство нормированного литературного языка.

Ещё одним инструментом, способствующим проникновению лингвокультурологического смысла в язык перевода, является культурная установка. По определению В.А. Масловой, «установки культуры – это своего рода идеалы, в соответствии с которыми личность квалифицируется как “достойная/недостойная”» [4. С. 50]. В связи с этим интересно проследить за историей перевода слова «целомудрие». Согласно толкованию русского религиозного мыслителя, ученого, богослова и священника П. Флоренского [11], по своему этимологическому составу греческое слово «sophrosune», переведенное на русский язык как «целомудрие», указывает на здравость, неповрежденность, единство и вообще нормальное состояние внутренней духовной жизни христианина, цельность и крепость личности, свежесть духовных сил, духовную устроенность внутреннего человека.

Проникнув через библейский перевод в чувашский язык, «целомудрие» имеет близкий к вышесказанному смысл и позиционирует себя в чувашском тексте как концепт, имеющий своим ядром слово «таса» (святость), переводимый в зависимости от контекста следующими словосочетаниями: «таса шухăш» (здравая мысль), «таса сын» (неискушённый), «таса чун» (чистая душа), «айăпсăр таса тăр» (жить в святости) и т.д.

Таким образом, исследование механизма концептуального проникновения показывает, что в некоторых случаях язык, на который переводится библейский текст, в состоянии справиться собственными лексическими ресурсами.

Итак, вечные образы, детерминированные культурой и опредмеченные через язык, участвуют в формировании культурной установки, отвечающей социальной памяти народа и его групповой ценностной ориентации. Ценностную ориентацию понимаем как способ организации поведения человека в соответствии с осознанными мотивами, возведенными в ранг смыслозначимых ориентиров. Касательно христианских ценностных ориентаций следует отметить, что христианство является религией, где этика представляет собой не систему теоретических принципов, а определенный способ жизни, отражающий когнитивный аспект устремлений человека. Здесь речь идёт не о мироздании, а о смысле человеческого бытия с точки зрения эмоциональной составляющей.

Характеризуя особенности реализации ценностных ориентаций, отмечаем, что все богослужебные действия христианства имеют морально-этическую направленность. В православии признаются семь таинств: крещение (*тёне кёни*), причащение (*Христосăн учёпе юнне аша илни*), покаяние (исповедь) (*сылăх каçарттарни*), миропомазание (*миро сăвёпе сёрни*), брак (*арлă-арăмлă пулма пиллех илни* (*венчет туни*), елеосвящение (*таса супа чирлĕ сынна сёрни*), священство (*священник тивлетне илни*). До утверждения христианства в полной мере эти понятия чувашам были неизвестны. Но коммуникативный запрос верующих, базирующийся на безграничности познания, делает эти языковые образования переводимыми, смысл языковых концептов может быть передан описательным способом, и появляются новые словосочетания, определяющие устойчивые представления.

Таким образом, как только появляется коммуникативный запрос, возникает интерес к этим явлениям со стороны других культур. Эти словосочета-

ния, обозначающие данные традиционные церковные понятия, в чувашский язык введены еще в яковлевские времена. Наблюдения чувашских переводов религиозных книг О.Р. Студенцовым [8. С. 101] показывают, что с 1873 г. по 1915 г. названия семи церковных таинств (само понятие *таинство* тоже для носителя чувашского языка было новым и его передали лексическим комментарием *пёлле сук ёссем*. – *Авт.*) переведены в разных вариантах, сначала исходное русское слово в скобках дано в препозиции, а в последующих переводах идет только перифраза. В итоге данные христианские понятия постепенно входили в сознание чувашского народа и становились культурным кодом. Это еще одно подтверждение того, что языковая картина мира носителя чувашского языка постепенно меняется в разные периоды развития культуры.

С точки зрения позиционирования лингвокультурологических особенностей перевода Библии на чувашский язык в общей теории переводов Библии на языки народов мира следует отметить, что это благое дело как область гуманитарной науки объединяет в себе, как минимум, такие три дисциплины, как лингвистика, культурология и богословие. Лингвокультурологическое позиционирование библейского перевода на чувашский язык показывает, что каждый переведенный текст представляет собой уникальный опыт структурирования чувашского литературного языка, способствующий его развитию.

Литература

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашгиз, 1999. Т. 9–10. 616 с.
2. Евангелие от Матфея на чувашском языке. Казань: Лито- и типография К.А. Тилли, на Грузинской улице, 1873. Предуведомление. С. I–V.
3. *Ильминский Н.И.* Переписка о чувашских изданиях переводческой комиссии. Казань, 1890. 204 с.
4. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
5. *Мукина И.В.* Лексико-семантический анализ лингвоспецифичных слов в переводах Библии на чувашский язык // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 304–311.
6. *Нюстрем Э.* Библейский словарь. СПб.: Библия для всех, 1997.
7. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 982 с.
8. *Студенцов О.Р.* Новое в лексике чувашской православной литературы (1871–1917). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 140 с.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. А–Д. 3-е изд., стер. СПб.: Терра-Азбука, 1996. 576 с.
10. Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/337.
11. *Флоренский П.* Письма [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/stolp_i_utverzhenie/1.
12. Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. 712 с.

МУКИНА ИРАИДА ВАСИЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языкознания и востоковедения имени М.Р. Федотова, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (imukina@yandex.ru).

MUKINA IRAIDA – candidate of philological sciences, assistant professor of Chuvash Linguistics and Oriental Studies Chair named after M.P. Fedotov, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

МУКИН ВЛАДИМИР АНТОНОВИЧ – кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mukin-va@yandex.ru).

MUKIN VLADIMIR – candidate of physical and mathematical sciences, head of Philosophy and Science Methodology Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 801.82
ББК 81.2Араб-96 я721

И.М. МУХАМЕТЗЯНОВ

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ГОРОДА КАЗАНЬ

Ключевые слова: арабский язык, систематизация, унифицирование, взаимообучение, планирование, методика преподавания, модернизация.

На сегодняшний день арабский язык занимает определенное место в образовательном процессе. Серия учебных пособий «Арабский язык для 5–11 классов» призвана систематизировать и унифицировать обучение арабскому языку в средних общеобразовательных учебных заведениях Республики Татарстан на основе современных методик обучения. Учебно-методический комплекс (УМК) состоит из учебника, книги для чтения и методического пособия для учителя, в котором используются современные подходы и методы обучения арабскому языку как к одному из наиболее распространенных в мире языков.

I. MOUKHAMTZYANOV

NEW TRENDS IN TEACHING THE ARABIC LANGUAGE IN SECONDARY INSTITUTIONS IN THE CITY OF KAZAN

Key words: Arabic, ordering, unification, mutual learning, planning, teaching methods, modernization.

Nowadays the Arabic language has a definite place in the educational process. Series Training aids «Arabic for grades 5–11» are designed to systematize and standardize the teaching of the Arabic language in secondary schools in the Republic of Tatarstan on modern teaching methods. The training complex consists of a textbook, reading books and teachers' guides, which uses modern approaches and methods of teaching the Arabic language, as one of the most common languages in the world.

В связи с прогрессивным развитием общества и расширением внешне-экономических связей в Республике Татарстан в последние годы наблюдается возрастающий интерес к арабскому языку. Стремление изучать этот предмет объясняется многими причинами. Одна из которых – желание путешествовать по миру, обогащать свои знания в общении с представителями различных стран и культур, сотрудничество, а без знания хотя бы одного иностранного языка это сделать очень трудно. Огромная роль в сохранении и развитии духовных и материальных ценностей играет язык каждого народа. Язык является важнейшим средством общения, без которого невозможны существование и развитие человеческого общества. Усваивая любой иностранный язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое языком. Так, арабский язык, являющийся единственным из афразийских языков, дающих непрерывную цепь развития от древнейших времен до наших дней, на протяжении всей многовековой истории своего существования не подвергся значительным изменениям в фонетической и грамматической структуре. Он сохранил первозданную красоту и изящество речи и неповторимое очарование арабской вязи. Существенной спецификой арабской грамматики является ее логическая структура. Большинство грамматических явлений подчиняется строгим установкам. Этот факт позволяет сравнить арабский язык с математическими правилами. Следовательно, его изучение способствует развитию логического мышления и интеллекта. В процессе обучения арабскому языку необходимо постоянно расширять кругозор учеников, знакомя их со спецификой арабских стран, культурой, обычаями и их историческим развитием. Приобщая школьников к арабскому языку, совершенствуя их умения в разных

видах речевой деятельности, надо иметь в виду, что в основе всего этого должно лежать эмоциональное, активное восприятие языка. Восприятие языка нельзя сводить к одному из «видов речевой деятельности». Прочувствованное и продуманное восприятие языка – одна из самых действительных форм приобщения учащихся к иностранному языку, так как при этом активизируются внутренний, духовный мир школьников, их чувства и мысли.

Обучение арабскому языку в школе преследует комплексную реализацию практической, воспитательной и общеобразовательной целей, при этом воспитательные и общеобразовательные цели достигаются в процессе практического овладения арабским языком. Преподавание арабского языка способствует овладению учениками глубокими и прочными знаниями и умениями, развитию познавательных интересов учащихся, приобретению ими навыков самостоятельного пополнения знаний и обеспечению единства обучения и воспитания. Практическая цель заключается в обучении учащихся общению на арабском языке. В школе закладывается основа практического овладения арабским языком, на котором они после окончания школы смогут дальше осваивать язык в высших учебных заведениях Республики Татарстан или арабских странах. Обучение арабскому языку в школе складывается из овладения основными видами речевой деятельности: аудированием, говорением и чтением. Несмотря на то, что письмо используется как средство обучения овладению чтением и устной речью, для арабского языка этот вид деятельности имеет важное значение, вот почему на него, как правило, выделяется достаточно большое количество учебного времени.

В процессе обучения арабскому языку школьники овладевают *двумя видами чтения*:

– *чтением текстов с охватом их основного содержания*. При этом виде чтения учитываются скорость чтения, число незнакомых слов и умение догадаться о значении незнакомых слов с опорой на знакомые словообразовательные элементы, на сходство между явлениями в родном и арабском языках и на контекст;

– *чтением с извлечением полной информации из текста*. В требованиях к чтению второго вида учитываются объем текста, скорость чтения и число незнакомых слов в тексте.

Процесс обучения арабскому языку в школе строится на упражнениях в аудировании, говорении и чтении на арабском языке. Он обеспечивается учебными пособиями, составляющими основу разработанного учебно-методического комплекса для каждого класса. Однако работа над совершенствованием произношения, особенно обработка сложных эмфатических согласных, должна проводиться в течение всего курса обучения арабскому языку. При обучении арабскому языку следует добиваться интенсификации учебного процесса путем широкого применения технических средств, обеспечивающих использование соответствующих пособий, учебно-методических комплексов, аудио- и видеозаписей. Существенное внимание при этом уделяется организации самостоятельной работы учеников над арабским языком, особенно в старших классах; на этом этапе большое значение приобретает домашнее чтение, которое должно носить обязательный характер. Арабский язык содействует формированию у школьников на материалах, используемых в учебном процессе, нравственности, расширению кругозора, обогащению школьников сведениями о географии, истории, литературе и искусстве, быте стран изучаемого языка и ознакомлению с достижениями научно-технического процесса. Обучение арабскому языку развивает мыш-

ление учащихся, и они получают основные представления о строе данного языка, осознают закономерности и особенности, отличающие его от их родного языка.

Литература

1. Закиров Р.Р., Мингазова Н.Г., Мухаметзянов И.М. Арабский язык. 5 класс: учеб. пособие для общеобразовательных учреждений. Казань: Магариф-Вақыт, 2011. 128 с.
2. Мингазова Н.Г., Закиров Р.Р., Мухаметзянов И.М. Арабский язык. 6 класс: учеб. пособие для общеобразовательных учреждений. Казань: Магариф-Вақыт, 2013. 144 с.

МУХАМЕТЗЯНОВ ИЛЪЯС МУЛЛАНУРОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры исламской экономики и управления, Российский исламский институт, Россия, Казань (iljas77@yandex.ru).

MOUKHAMTZYANOV ILYAS – candidate of philological sciences, assistant professor of Islamic Economics and Management Chair, Russian Islamic Institute, Russia, Kazan.

УДК 811.161.1'373.421
ББК Ш12=411.2*315.3

Т.Н. ПАВЛОВА, С.И. БАХТИНА

СИНОНИМИЯ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУБСТАНТИВОВ ОБЩЕЙ ДЕРИВАЦИОННОЙ ИСТОРИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (диахронический аспект)

Ключевые слова: синоним, лексическая синонимия, словообразовательная синонимия, синхроническая синонимия, диахроническая синонимия.

Рассмотрены понятия синхронической и диахронической синонимии, взаимосвязь лексики и словообразования как деривационного аспекта лексики, соотношение лексического и словообразовательного синонима, а также принципы выделения последних. С учетом таких факторов, как общность словообразовательных формантов и лексического значений, наличие разных словообразовательных формантов и способность взаимозаменяться в однотипных или сходных по смыслу контекстах у однокоренных лексем общей деривационной истории, предложено определение словообразовательного синонима. Обоснованность данного определения доказывается на примере анализа некоторых отглагольных лексем в диахроническом аспекте.

T. PAVLOVA, S. BAKHTINA
**SYNONYMY OF THE VERBAL SUBSTANTIVES OF GENERAL DERIVATIONAL HISTORY
IN THE RUSSIAN LANGUAGE**
(diachronic aspect)

Key words: synonym, lexical synonymy, derivational synonymy, synchronic synonymy, diachronic synonymy.

The concepts of synchronic and diachronic synonymy, relationship of vocabulary and derivation as a derivational aspect of vocabulary, correlation of lexical and derivational synonym, as well as the principles highlight the latest. Taking into account such factors as the word-formation and lexical values, the different derivation formants and the ability to be interchanged in the same type or similar contexts of tokens cognate general derivation history, proposed definition of derivational synonym. The validity of this definition is proved by analyzing some verbal tokens in diachronic aspect.

Синонимия, как известно, представляет собой явление универсальное, соединяющее языковые факты во времени, в локальных и социальных вариантах. В синонимическом ряду находят свое место слова устаревшие и новые, диалектные и просторечные, принятые общеязыковой нормой и окказиональные. Синонимический ряд, таким образом, отражает разнообразие и единство литературного языка [2. С. 101]. Естественно, что вопрос о принципах выделения синонимов является одним из важных в языкознании. Однако в том, что касается определения синонима вообще и словообразовательного или лексического синонима в частности, нет единодушного мнения. Явление лексической синонимии породило много споров относительно того, какие слова можно считать синони-

мами и в какой степени они могут быть синонимичны. Тем не менее большинство языковедов основополагающими признают такие признаки, как общность (или близость) значения и взаимозаменяемость лексем в однотипных контекстах. Исходя из этого мы признаем существование как абсолютных синонимов, так и синонимов неполных, или контекстно обусловленных. Последний вид синонимов заслуживает особенного внимания, так как позволяет охарактеризовать лексику русского языка с точки зрения синхронии и диахронии происходящих в ней процессов. Следует заметить, что обычно при выделении синонимов применяется синхронический подход, который позволяет определить синонимичные лексемы, существующие на определенном временном промежутке развития языка. Но синонимичными могут быть и лексемы, относящиеся к разным временным периодам, и в этом случае мы говорим о синонимии диахронической. Так, слова, существующие в одну эпоху и различающиеся значениями, при взгляде на них с точки зрения современных значений, могут стать синонимами, если не полными, так семантически или контекстно обусловленными.

Говоря о лексической синонимии, нельзя не затронуть вопрос о синонимии словообразовательной. Словообразование, являясь мощным средством пополнения словарного состава языка, непосредственно связано с лексикой, и, как следствие этого, словообразовательная синонимия представляет собой часть синонимии лексической, но при этом характеризуется рядом специфических черт: 1) для лексической синонимии пределом является слово, для словообразовательной синонимии – словообразовательный тип; 2) словообразовательные синонимы объединяет типовое словообразовательное значение; 3) лексическая синонимия опирается на определенное значение слова, независимо от его морфологического состава, в то время как словообразовательная синонимия основывается на словообразовательно-грамматических показателях и оформляется при помощи словообразовательных средств (аффиксов). И здесь возникает вопрос: чем следует руководствоваться при определении словообразовательных синонимов, в частности, однокоренных: общностью словообразовательного форманта и его значения или совокупностью всех значений, присущих языковой единице? По мнению представителей Казанской лингвистической школы (В.М. Марков, Г.А. Николаев, Э.А. Балалыкина, А.А. Аминова и др.), «однокоренные единицы, даже идентичные по своему значению, не могут быть вариантами одного и того же слова в силу того, что они образованы при помощи словообразования, т.е. основного способа создания новых слов в русском языке» [7. С. 138]. Поэтому под словообразовательными синонимами мы понимаем разноаффиксные образования, характеризующиеся общим типовым значением и общей словообразовательной соотнесенностью, близкие по смыслу и взаимозаменяемые в одинаковых или близких по характеру лексической сочетаемости контекстах.

Рассмотрим это на примере отглагольных субстантивов нулевой суффиксации. По мнению А.А. Аминовой, изучая глагольно-именные взаимоотношения, мы в первую очередь должны иметь в виду живые словообразовательные связи имени и глагола. На протяжении длительного времени развития языка словообразовательные связи имени и глагола неоднократно менялись. На первоначальные отношения производящих и производных имен накладывались результаты позднейших изменений в словообразовательных процессах. В настоящее время в ряде случаев трудно, а подчас и невозможно, установить, является ли глагол производным от существительного или существительное образовалось от глагола. Изменения в области семантических отношений повлекли за собой изменения в морфологической структуре имени: архаичные имена, осознанные как производные от глагола, выделили в своем составе показатель этой производности – нулевой суффикс. В дальнейшем развитие этих имен шло в направлении зависимости их от глаголов. Таким образом, имена, явившиеся производящими

для глаголов, и имена, образованные от глаголов, слились в единую, трудно разграничиваемую группу имен. Между именем и глаголом обнаруживается прежде всего структурная соотношенность. Имя и глагол имеют общие корневые морфемы, что находит объяснение в их этимологии. Причем некоторые корневые морфемы (точнее, глаголы с этими морфемами) обнаруживают активность при установлении словообразовательных связей с именами [1. С. 50].

Имена нулевой суффиксации были одним из наиболее продуктивных типов производных образований в древнерусский период существования языка. Актуализация нужного значения осуществлялась в контексте в стилистически значимом окружении. Иллюстрацией этого может послужить, например, история лексем *мысль* – *смысл* – *помысел* и *корм* – *покорм*, вступающих в синонимические отношения именно в определенных контекстах. Все слова в группах связаны между собой отношениями опосредованной дистантной мотивированности (производности): *мыслить* – *мысль* – *мысль*, *мыслить* – *смысл*, *мыслить* – *помыслить* – *помысел*; *кормить* – *корм*, *кормить* – *покормить* – *покорм*. Употребление их в однотипных контекстах (которые будут рассмотрены нами ниже) и тождественность их значений в данных контекстах, а значит, и способность заменять друг друга, позволяют отнести их к синонимам как лексическим, так и словообразовательным, несмотря на отсутствие общей, для каждого из определенной группы слова, производящей основы, так как синонимические связи действуют и между однокоренными производными разной деривационной истории.

Исследование производного слова в контексте позволяет определить не только его стилистическую маркированность, но и оценочные компоненты в значении [4. С. 126]. Лексемы *мысль* – *смысль* – *помысль* в семантическом плане сближаются в следующих выделенных нами контекстах: *Стополкъ же исполнися беззакония Каиновъ смыслъ приимъ* (Ипатьев. лет., Радз. лет., Новгород. 4-ая лет., Лаврентьев. лет.); *Приимъ помысль Каиновъ, с лестию посла ко Гльбу* (Радз. лет., Новгород. 4-ая лет., Лаврентьев. лет.); *По истине вѣтораго Каина улови мысль его, яко да избьетъ вся наследники отца своего* (Сказание о Борисе и Глебе, Сильв. сб-к) – в летописных списках жизни Бориса и Глеба этот контекст отсутствует.

Данные лексемы – *мысль*, *смысль*, *помысль* – будут рассматриваться нами как словообразовательные синонимы, так как их значения реализуются в однотипных смысловых контекстах и лексическое значение каждой анализируемой единицы может быть определено благодаря ее лексическому окружению.

Согласно «Материалам...» Срезневского [11] лексема *мысль* имела следующие значения: 1) мышление, помышление; 2) размышление, суждение; 3) намерение, умысел; 4) воображение.

Лексема *помысль* обладала большей полисемичностью: 1) мысль; 2) промысль, провидение; 3) понятие; 4) разсудок; 5) замысль, злой умысел; 6) стремление, намерение; 7) вождление; 8) предмет желаний; 9) основание, предлог; 10) смысл, значение.

В других словарях древнерусского языка лексемы *смысль* и *помысль* отсутствуют.

Данные лексические единицы сходятся благодаря наличию в их лексической структуре семы «злой умысел». Но если в лексеме *мысль* как таковой, взятой вне контекста, эта сема не актуализируется, то в лексеме *помысль* она присутствует изначально.

Как отмечает И.В. Ерофеева, «образования нулевой суффиксации чаще фиксируются в летописи в окружении немаркированных языковых единиц, реализуя конкретизированное значение... Употребление представителей разных словообразовательных типов в стилистически отмеченных отрывках летописи зависит от семантики производящих основ этих имен» [5. С. 145]. В приведенном

контексте данные лексемы окружены словами с отрицательной коннотативной оценочностью: *Каин*, *братоубийство*, *избить* – в лексической структуре этих слов уже присутствует отрицательная оценка: *Каин* – отрицательный библейский персонаж; *братоубийство* – действие, направленное на лишение жизни кровного родственника, что запрещено христианскими законами, следовательно, – грех; *избить* – глагол со словообразовательным значением интенсивности действия и лексическим значением «убить многих, вывести на корню», что, естественно отражается в значении исследуемых лексем. В подобной ситуации отрицательная коннотативная оценочность слова *помысль* усиливается.

Производящий глагол *помыслити* также имеет отрицательную коннотацию, так как префикс *по-* вносит в значение глагола новые семантические оттенки и глагол *помыслити* реализует уже не только значение «подумать», но и значение «замыслить». С учетом существующих отношений между производящим и производным словами можно сказать, что отрицательная коннотация производящего глагола находит отражение и в производном имени, вследствие чего «дериваты, мотивированные глаголом психического действия, выступают с обобщенным значением предметности, обозначая «мысль, помысл», и характеризуются отрицательной коннотацией, которая либо заключается в самом значении слова «замысел, злой умысел», либо эксплицируется в сочетании с определениями негативной семантики [5. С. 142]. Так, например, в тексте жития предложение «...примь помысль Каиновъ с лестию посла къ Глебу» идет после описания событий, произошедших с Борисом, и, возможно, в лексеме *помысль* отразился «накал страстей», испытываемых автором текста. Он подчеркивает, что мысли князя с каждым плохим его поступком становятся все злее и греховнее. Здесь стоит отметить тот факт, что в языковом сознании древнерусского человека, как и русского народа вообще, «более актуальным является негативный оценочный компонент» [4. С. 123].

Лексема *смысл*, мотивированная глаголом *смыслить*, в идентичном контексте также имеет отрицательный оттенок, реализующийся благодаря ближайшему окружению, а факт наличия словоформы *смысль* в одном и том же контексте в составе разных летописных списков говорит о регулярности использования данной языковой единицы и реализации ею значения «замысел, злой умысел» в книжных памятниках в период с XI – XVII вв. [10]. В XVIII в. отрицательная коннотация уже не актуализируется в лексемах *мысль* – *смысль* – *помысль*, за которыми закрепляются следующие значения [8]:

Мысль: 1) воображение, представление в уме предмета какого на разсуждение; 2) мнение; 3) намерение, предприятие.

Помысль: то же, что помышление в обоих смыслах: 1) воображение, представление чего в уме; 2) намерение, желание.

Смысль: 1) разумъ, способность обнять понятием вещи и судить о них правильно; 2) относительно к сочинениям, речам значит: знаменование периода или одного какого слова.

В XIX в., согласно данным словаря В.И. Даля [3], отрицательная коннотативная оценка сохраняется у лексемы *помысел (помысл)* – «замыслы, затеи; козни, крамолы; тайные злонамерения», тогда как у лексем *смысль* и *мысль* она нивелируется: *мысль* значит «всякое одиночное действие ума, разума, рассудка; представление чего в уме; идея; суждение, мнение, соображение и заключение, предположение, выдумка, думка и проч.», а *смысль* – «способность понимания, постижение, разум; способность правильно судить, делать заключения». Как видим, лексема *смысль* не имеет значения «намерение, желание», она соотносится непосредственно со способностью человека рассуждать, с его разумностью, но не с его желаниями. Скорее всего, это же явление наблюдалось и в древнерусском языке, а отрицательная коннотация актуализировалась в этой лексеме

благодаря ее лексическому окружению в составе одной синтагмы (контекста): *Святополкъ же исполнився беззаконья Каиновъ смыслъ приимъ посылая к Борису глаголаше.*

В современном русском языке отрицательная коннотация не актуализирована ни в одной из лексем *мысль* – *смысл* – *помысл*, которые разошлись в своих лексических значениях и служат для называния определенных процессов и явлений мыслительной и душевной деятельности человека [6].

Мысль: 1) мыслительный процесс // мышление // размышление, рассуждение; 2) результат процесса мышления; предположение, соображение; намерение, замысел (но без отрицательной коннотации. – *Авт.*); 3) знание, познание в какой-либо области; 4) то, что заполняет сознание; дума; 5) мн. ч. (мысли) убеждения, взгляды, воззрения. Отрицательная коннотация реализуется в этой лексеме при употреблении в устойчивом обороте «задняя мысль».

Смысл: 1) устар. разум, рассудок // с определением «способность понимать что-либо, разбираться в чем-либо»: Душа ми съмысль съмуцаеть (Сказание и страсть и похвала Борису и Глебу); 2) внутреннее логическое содержание, значение чего-либо, постигаемое разумом; 3) разумное основание, назначение, цель // достаточное основание, разумная причина.

Помысел: мысль, намерение, замысел.

В ходе развития лексической и словообразовательной системы русского языка происходит дифференциация языковых средств, перераспределение входящих в них сем и реализуемых ими коннотаций, это, в свою очередь, позволяет носителю языка выбирать нужную лексему из ряда одноосновных разноаффиксных синонимичных лексем одной словообразовательной структуры. Общим изменением, коснувшимся всех лексем, стало отсутствие явной отрицательной коннотации, которая в современном русском языке может проявиться в этих лексемах только в определенном контексте, в отличие от древнерусского языка.

Интересна и судьба субстантивов *корм* – *покорм*, реализовывавших синонимичные значения в древнерусском в контексте: Разведете дружину мою по городомъ на покормъ (Радз. лет., Лаврентьев. лет.) / Разведете дружину мою по городомъ на кормъ (Ипатьев. лет., Новгород. 4-ая лет.) / Разведете дружину мою по городам на покорм (перевод на современный русский язык).

Лексема *кормъ* имеет значение «все, что дается в пищу животным, как житная зерна, сено и прочее», значение лексемы *покорм*, вследствие ее отсутствия в словарях, определяется нами на основании значения производящего глагола и непосредственного лексического окружения данной языковой единицы в контексте ее употребления.

В древнерусском языке лексема *кормъ* не имела привязанности к обозначению пищи для скота, животного или человека, она обозначала пищу вообще [10]. К XVIII – XIX в. эта смысловая привязанность у слова *кормъ* появилась, причем данное значение – «пища для скота, животного» – являлось реализацией одного из значений производящего глагола *кормить*, который мог употребляться как в значении «довольствоваться кого пищей из платы или без оной» по отношению к человеку, так и в значении «давать пищу, питать» по отношению к молодым животным, не могущим еще доставлять себе пищи, и в контексте даю корм, говоря о скотине. Так, например, в современном русском языке у глагола *кормить* выделяется переносное значение «обеспечивать необходимыми средствами к жизни», а у существительного *корм*, наряду со значением «пища животных», – с пометой разг.-сниж. «пища, еда для людей», что подтверждает лексический синкретизм данной языковой единицы.

Следовательно, уже в XVIII в. лексема *кормъ* не могла соотноситься с лексемой *еда*, так как не употреблялась по отношению к человеку, т.е. произошло разрушение омонимичности этой языковой единицы. Лексема *покормъ*, не пред-

ставленная ни в одном из словарей, но явно соотносимая с производящим глаголом *покормити* в значении «дать поесть (кому?)», на наш взгляд, также соотносится со значением «пища». При анализе данных единиц нельзя не учитывать их лексическое окружение. Вероятно, искомым нами значением лексем *корм* и *покорм* реализуется в составе словосочетания *разведете дружину мою по городомъ на кормъ (покормъ)*, связанного с военной тематикой: *Разведете дружину мою по городомъ на кормъ (покормъ)*. Глагол *развести* употребляется в значении «соединенных или въ одном месте находящихся по разным местам или сторонам распределяю, разставляю, разделяю», а военная тематика проявляется в его причастной форме «разведенный», имеющей значение «разделенный порознь, расселенный по разным местам», реализующееся, например, в контексте «Разведенные по зимовьям солдаты» [9]. В современном русском языке отсутствует оборот речи, соответствующий данному – *разведете дружину мою на кормъ (покормъ)* – в плане языкового выражения, но можно найти устойчивые сочетания, близкие по смыслу, как, например, *взять кого-либо на постой*, где слово *постой* синкретично включает значения и «накормить», и «дать место для отдыха», т.е. обозначает место временного проживания с предоставлением питания. Так, в словаре В.И. Даля среди многочисленных значений лексемы *покормъ* отдельно следует выделить значение «корм и довольствие, содержание» с пометой стар. (старое). Учитывая это, можно сказать, что в отличие от лексемы *кормъ*, реализовавшей значение «взять на довольствие» именно в словосочетании *разведете на кормъ* в контексте «Разведете дружину мою по городомъ на кормъ», лексема *покормъ* уже имела данное значение. Следовательно, в контексте древнерусского языка значения лексем *кормъ* и *покормъ* в анализируемых синтагмах актуализировались благодаря лексическому окружению, в частности, в нашем случае лексическим окружением являлся, видимо, устойчивый для того времени оборот, употреблявшийся для обозначения специфических действий, имеющих отношение к военной тематике. В современном русском языке данный оборот утрачен в связи с разрушением лексического синкретизма лексемы *корм*.

Таким образом, мы видим, что синонимические отношения в разные исторические периоды развития языка могут возникать и у отглагольных лексем общей деривационной истории, причем на каждом временном отрезке синонимические связи между ними будут основываться на определенном значении, реализуемом этими единицами в однотипных контекстах, тогда как само это значение актуализируется благодаря активному употреблению в речи носителей языка. С течением времени за каждой единицей синонимического ряда закрепляется устойчивое, не характерное для других единиц этого же ряда значение, что ведет к разрушению синонимии.

Литература

1. Аминова А.А. Из истории слов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. 97 с.
2. Борисова Е.Н. Исторический словарь синонимов русского языка (к вопросу о принципах составления) // Теория и практика русской исторической лексикографии. М.: Наука, 1984. 184 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 т. М.: Мир книги, 2004. Т. 9.
4. Ерофеева И.В. Древнейшие русские летописи как источник изучения русского исторического словообразования // Иссл. по русскому и славянскому языкознанию: сб. ст. к 70-летию проф. Г.А. Николаева / под общ. ред. О.Ф. Желобова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. С. 120–127.
5. Ерофеева И.В. Словообразовательная синонимия имен действия в летописном тексте // История русского языка. Словообразование и формобразование: сб. материалов / под общ. ред. Г.А. Николаева. Казань: УНИПРЕСС, 1997. С. 132–145.
6. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М.: АСТ; Астрель, 2006.
7. Иванникова Е.А. К вопросу о взаимоотношении понятия варианта с понятием синонима // Синонимы русского языка и их особенности / отв. ред. А.П. Евгеньева. Л.: Наука, 1972. С. 138–153.
8. Павлова Т.Н. Разновременная синонимия глаголов и имен в древнерусских житиях (на материале жития Бориса и Глеба): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 210 с.

9. Словарь Академии Российской. 1789 – 1794. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001. Т. 1–6.
10. Словарь русского языка XI – XVII вв. М.: Наука, 1975–1997. Вып. 1–22.
11. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. М.: Книга, 1989.

ПАВЛОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. См. с. 95.

БАХТИНА СВЕТЛАНА ИВАНОВНА. См. с. 95.

УДК 811.161.1+811.512.111]:159.955

ББК Ш12=635.1*003+Ш12=411.2*003

Н.И. РЕЦ

АРГУМЕНТАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Ключевые слова: язык и мышление, аргументация как проблема, аргументативные модели, разноструктурные языки, русский и чувашский языки.

Проанализированы аргументативные модели в русском и чувашском языках как маркеры соотношения языка и мышления. Аргументативные отношения в сопоставляемых языках представлены в парадигматической и синтагматической моделях, что позволяет установить системную взаимосвязь в общеязыковой модели аргументации.

N. RETZ

ARGUMENTATION AS A RATIO PROBLEM OF LANGUAGE AND MIND

Key words: language and thought, reasoning as a problem, argumentative models languages of different structures, Russian and Chuvash languages.

Analyzed argumentative models in Russian and Chuvash languages as markers of relationship between language and thought. Argumentative relations in comparable languages represented in the paradigmatic and syntagmatic models that allows you to set the interconnection system in the Common models of argumentation.

Новый взгляд на проблему соотношения языка и мышления, сформированный в рамках когнитивной лингвистики, расширяет возможности исследования аргументативных когнитивных структур (моделей) [1]. Лингвистическое моделирование предполагает использование абстракции и идеализации. Отображая релевантные существенные (с точки зрения исследования) свойства оригинала и отвлекаясь от несущественных, модель выступает как некоторый абстрактный идеализированный объект. Конструирование модели – не только одно из средств отображения языковых явлений, но и объективный практический критерий проверки истинности знаний о языке, в частности знаний о фрагменте «аргументация». Лингвистическая область аргументации находится в междисциплинарной зоне и поэтому пользуется концептуальным аппаратом большого числа взаимоинтегрирующих наук. Если в области естественных и точных наук аргументация строится на доказательстве («прототип» математика с конкретными категориальными данными), то природа естественного языка характеризуется спонтанностью и нечеткой логикой. Как известно, нечеткая логика (*fuzzy logic*), основанная на аппарате нечетких множеств (в частности всевозможные конструкции естественного языка), и интеллектуальные информационные системы на ее основе (в основу функционирования положен механизм нечеткого вывода) активно развиваются в последние десятилетия. В настоящее время попытки модельного описания при помощи аппарата нечетких множеств различных областей знания и его отношений с человеческим сознанием порождают многочисленные разновидности структурных отображений языковых, речевых, когнитивных объектов [4, 8]. В частности, процесс аргументации характеризуется специфическими коммуникативными целями и представлен определенными речевыми ходами, реализующимися через комплекс языковых средств.

Аргументация реализуется как аргументативный дискурс, определяющими особенностями которого становятся противоречие, выражающееся в когнитивном или аксиологическом конфликте, в столкновении мнений, и противопостав-

ление как когнитивное моделирование сообщения, как техника убеждения. Применение различных методик анализа в понимании естественного текста можно связывать с идеей различной степени строгости рассуждения. В теории аргументации данная проблема предусматривает анализ соотношения объяснения (explanation) и обоснования (*justification VS. argumentation*). В разноструктурных языках одни и те же концепты, языковые явления могут интерпретироваться по-разному, неоднозначно. Зафиксированное в естественных языках разное мировосприятие носит системный характер. В отношениях аргументации, как показывает фактографический материал русского и чувашского языков, дифференциальные признаки базовых логических концептов образуют эквиполентную оппозицию каузальности (причинно-следственные отношения) и инкаузальности (обусловленность с отвергнутым основанием), что составляет семантическую субстанцию для изучения специфических типов парадигматических и синтагматических отношений внутри аргументативных конструкций. В связи с этим следует отметить, что вопрос об обязательной бинарности оппозиции в лингвистике как одно из основных понятий структурно-функциональной концепции неоднозначно трактуется, однако данные сопоставляемых языков подтверждают положения о том, что языки представляют собой как систему взаимоотнопроставленных элементов, в лингвистике частотны типы двучленных оппозиций, оппозитивная значимость выполняет семиологическую функцию [3]. В частности, семантическая и формальная специфика конструкций со значением обусловленности с отвергнутым основанием «может быть наиболее точно охарактеризована при их сопоставлении с причинными, условными и адверсативными конструкциями, поскольку, с нашей точки зрения, концепт «уступительное значение» не относится к числу семантических примитивов, а является сложным и формируется на базе концептов “причинное значение”, “условное значение”... » [7. С. 10]. Также отметим, что существуют общие принципы устройства объективной действительности, отражающие восприятие соответствующего мира человеком, и из этих соображений говорящий оценивает развитие ситуаций-фрагментов в устройстве окружающего его мира: если имплицативные каузальные конструкции отображают естественное следование ситуаций, то инкаузальные аргументативные конструкции – конфликтное следование ситуаций, т.е. оформляют оппозицию в аргументативном фрагменте наивной картины мира. Ср.: а) каузальная аргументативная ситуация: – *А это вот зачем: кончаешь ты долевую борозду и на выгоне завертаешь быков, так? Ежели круто их поворачивать, так им шеи побьешь ермами, и – готов бык, негож пахать! Потому вдоль пробороздишь, а потом вывернешь плуг и гонишь пятнадцать сажень порожнем* (Шолохов). – *Ку акă мёншён: эсё тăрăхла май сухаласа тухатан та, лăптăк вёсне ситсен серем синче вăкăрусене савăрса тăрататан. Сапла-и? Ылтах та вёсене кёскен туртса савăрсан, эсё вёсен мăйёсене сусменпе шăйăрса пётеретён, вара вăкăру пётсе те ларчё, сухалама юрăхсăр. Саванпа та тăрăхла сухаласа тухнă хысçан плугна касăран кăларатан та пёр вун пилёк чалăшне пушăллах уттарса каятан;* б) инкаузальная ситуация: Он помогал своей любушке в хозяйстве, с охоты нес ей убитого зайца или вязанку куропаток. Но Марина никогда не злоупотребляла своей властью и не обделяла матери Андрея, хотя и относилась к ней с чувством скрытой враждебности (Шолохов). – *Хайён савнине въл хусалăхра та пулăшат, сунартан пёр-пёр мулкача е сыххиле хир чăххисем тыта-тыта килсе парать. Анчах Марина хай власёпе тивёссёр усă курмасть. Андрей амăшне йшра кураймасăр пурăнать пулин те, йна мён пама тивёслине памасăр хăвармасть.*

Язык, как известно, представляет собой целостную систему взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов, и аргументативные отношения в сопоставляемых языках можно представить не только в парадигматической,

но и в синтагматической моделях, т.е. можно установить системную взаимосвязь в организации парадигматической и синтагматической оси общеязыковой модели аргументации. В связи с этим отметим, что, в основном, к синтагматическим отношениям относятся «связи и зависимости между словоформами в предложении. Синтагматические отношения лежат в основе так называемого дистрибутивного анализа, т.е. объективного анализа единиц по их валентным свойствам, по их окружению» [5. С. 26–38]. Парадигматическим отношениям присуща «значимость, или выражаемая сторона единиц; с помощью парадигматических отношений изучаются единицы по их значимости, семантике, содержанию и т.д.» [5. С. 34].

Языковые единицы в дискурсе, как известно, могут изменять свои функции, что приводит к переориентации категориальных характеристик. Аргументативные модели в русском и чувашском языках могут подвергаться онтологическим процедурным дивергентным и конвергентным преобразованиям, ибо эти процессы «протекают в противоположных направлениях и с разной силой в разное время, в ходе истории они могут сменять друг друга, но в принципе развитие того или иного языка никогда не сводится лишь к одному из этих двух направлений» [6. С. 123].

Дивергентность форм выражения аргументативных значений, как показывают материалы сопоставляемых языков, определяется самой сущностью причинно-следственных отношений. К факторам, способствующим их проявлению, относятся как собственно языковые (явление асимметричности; закон «давления ряда» – адаптация языковой единицы к включающей ее системе; закон семантической компенсации – восполнение семантических компонентов аргументативных единиц при их дивергентном использовании; закон концептивной конгруэнтности – зависимость формальной языковой сочетаемости от совместимости некоторых понятийных сущностей), так и дискурсно значимые показатели (экспликация/импликация причины и условия, наличие общих фоновых знаний у коммуникантов и др.). В ходе реализации дивергентных свойств аргументативных форм происходит перераспределение семантического потенциала по оси «интенционал – импликационал», а также при образовании дивергентных рядов происходят изменения лексико-грамматического статуса аргументативных конструкторов.

Конвергентные изменения отражают взаимопереплетение логических категорий, связей объективной действительности, и вследствие этого происходит сближение гомогенных и гетерогенных грамматических категорий, ибо при коммуникации конструкты аргументации способны приобретать и утрачивать отдельные дифференциальные признаки, т.е. формируются слабые и сильные оппозиции для противопоставленных компонентов системы.

Таким образом, модели отношений аргументации в языке выступают как универсалии, что объясняется единством отражаемой языками объективной действительности, общностью законов мышления и функций национальных языков мира.

Литература

1. Брюшинкин В.Н. Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация. Калининград: КГУ, 2003. С. 29-34.
2. Валимова Г.В. Явления синкретизма как результат функционирования системы языка // Явления синкретизма в синтаксисе русского языка. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1992. С. 4–14.
3. Кантино Ж. Сигнификативные оппозиции // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972.
4. Ким Г.А. «Утверждение» как речевая тактика аргументативного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2. С. 78–81.
5. Ломтев Т.П. Природа синтаксических явлений (к вопросу о предмете синтаксиса) // Научные доклады высшей школы. Сер. Филологические науки. 1961. № 3. С. 26–38.

6. Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание М.: Восток–Запад, 2006. 382 с.
7. Храковский В.С. Типология уступительных конструкций. СПб.: Наука, 2004.
8. Kaplan R.M., Bresnan J. Lexical-functional grammar: A formal system for grammatical representation // The mental representation of grammatical relations / Ed. by Bresnan. Cambridge, MA: MIT Press, 1982. P. 173–281.

РЕЦ НАТАЛИЯ ИВАНОВНА – докторант кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nata717@yandex.ru).

RETZ NATALIA – doctoral candidate in Russian as a foreign language, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 80/81+398
ББК 81.2+82.3(0)

О.Г. РУБЦОВА

**МОТИВЕМА «МАГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА»
В ФИТОНИМАХ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ**
(на материале марийского, русского, немецкого и латинского языков)

Ключевые слова: фитоним, поверье, сказание, легенда, мотивема, немецкий язык, русский язык, марийский язык, латинский язык.

Рассмотрены фольклорные фитонимы, обобщенные по принципу номинации «магические свойства», в марийском, русском, немецком и латинском языках. Все представленные фитонимы классифицированы по подгруппам на основании определенного мотивировочного признака, выявляющего семантические особенности номинации денотата. В фитонимах прослеживается взаимосвязь названий лекарственных растений с национальными (языческим) праздниками, их обрядовой стороной, народной магией и демонологией, их использованием в различных целях.

O. RUBTSOVA
THE MOTIVE «MAGICAL PROPERTIES» IN PHYTONYMS
OF DIFFERENT SYSTEMS LANGUAGES
(AS EXEMPLIFIED IN MARI, RUSSIAN, GERMAN AND LATIN LANGUAGES)

Key words: phytonyms, legend, popular legend, story, motive, Latin, Mari, German, Russian.

In the article it is shown the popular phytonyms in Mari, Russian, German and Latin languages. These phytonyms are generalized on the principle nomination «magical properties». All of presented phytonyms are classified on the subgroups on the basis of the common features of motive which specify semantic features of naming of denotation. Interactions of the names of medical plants with public holiday, their devotions, folk magic and demonology, using with a different purpose are detected.

Названия растений (фитонимы) как объект исследований представляют огромный интерес для лингвистов. Фитонимы в разноразличных языках рассматриваются и классифицируются лингвистами, филологами по определенным мотивированным типам номинации. Понятие «принцип номинации (мотивема)» достаточно широко используется в современной диалектной лексикологии при описании различных тематических групп лексики, в первую очередь – фитонимов. Особенности типологического характера в фитонимической лексике являются разнообразие и многочисленность принципов номинации: по цвету, по применению в медицине и т.д. [4].

Целью данной работы является семантический анализ фитонимов в разноразличных языках, объединенных мотивемой «магические свойства (поверья и легенды)». Фактический материал извлечен путем сплошной выборки из четырехязычного словаря лекарственных растений [18], двуязычных словарей [1, 2, 3, 7, 15, 18, 24, 25] и из одноязычных словарей и справочников по лекарственным растениям [6, 10, 13, 14, 17, 22, 24]. Внутри указанной лексико-семантической группы названий растений выделены отдельные подгруппы с общим мотивировочным признаком.

Лекарственные растения всегда присутствовали в жизни любого народа. Их применяли для лечения болезней, в заговорах на удачу, любовь, здоровье, богатство, подвязывали к одежде на дорогу путникам и на войну солдатам. Познавая окружающий мир, люди всегда пытались любому загадочному непонятному явлению приписать особую потустороннюю силу. Толчком к приписыванию растениям магических свойств, созданию легенд, поверий могли послужить их необычные и редкие свойства.

Происхождение поверий о фантастических травах связано с извечным желанием человека возвыситься над природой. Истоки легенд и поверий восходят, в первую очередь, к преувеличению свойств, которыми обладает растение. Это относится главным образом к лекарственной флоре.

Так, например, нецветковое растение папоротник всегда удивляло своим видом и необычным способом размножения. Все растения цветут, а папоротник нет, значит, он особенный, отмеченный тайной. Таким образом, о папоротнике начинают возникать легенды, сказания. Именно в них фоновый обитатель лесов наделяется теми свойствами, которые человек наяву не наблюдал: папоротник расцветает, но не просто, а волшебю.

В старину период сбора многих целебных растений приурочивали ко дню *Аграфены-купальницы* (23 июня по старому стилю). Травоискатели называли этот день «Аграфены – злые коренья». Сразу же за этим днем следовал знаменитый Иван Купала – время сбора волшебных трав.

В первой подгруппе в основе мотивировочного признака отражен языческий праздник *Ивана Купала*, который совпадает с днем летнего солнцестояния.

В ночь на Ивана Купалу, по суеверным представлениям, совершаются самые невероятные чудеса. Не зря в народе праздник называют *Иван Травник*, *Иван Колдовник*, *Иван Гулящий*, *Иван Градобой*. В *Иванову* ночь расцветает папоротник, колдуны и ведьмы ходили за *тирлич-травой* (золототысячником), умывались росой, затевались игры, зажигались купальские огни.

Сказание гласит, что **папоротник**, или, как его еще называют, *жар-цвет*, *светицвет*, *кочедыжник*, якобы цветет только в ночь на Ивана Купалу. Между листьями, похожими на крылья орла, поднимается, как светящийся уголек, цветочная почка. В полночь почка с треском раскрывается, появляется огненный цветок, озаряющий все вокруг. Некоторые добавляют, что при этом раздается гром и сотрясается земля [12].

Марийский народ на Ивана Купалу, мар. *Йиван кече*, тоже ищет магический цветок *кўртньышудо пеледыш* букв. 'цветок железной травы' (мар. *кўртнӧ* 'железо'; *шудо* 'трава'; *пеледыш* 'цветок'). У марийцев, по поверьям, если кто-то сможет добыть *кўртньышудо пеледыш*, то он приобретает магические знания, сверхъестественные способности [20. С. 143].

Славяне свято верили в то, что волшебный цветок папоротника стережет *Жар-Птица*, об оперение которой можно легко обжечься. Они считали, что папоротник, *перунов цвет* или *перунов огнецвет*, обладает могучей древней силой: тот, кто им владеет, не боится ни грома, ни воды, ни огня; он не подвержен влиянию злых чар; все его желания немедленно исполняются; он понимает язык цветов и птиц, деревьев и зверей. Способность человека управлять нечистой силой в немецком языке функционирует в фольклорном фитониме *Teufelsleiter*, букв. 'повелитель нечисти (чертей)' (нем. *der Teufel* 'черт, нечистая сила'; *der Leiter* 'руководитель'). В фитониме *Schnackenkraut* выражена уникальная способность человека понимать язык птиц (нем. *schnacken* 'болтать, разговаривать, трещать (о сороках)'; *das Kraut* 'трава') [12].

Время цветения и сбора **зверобоя** в *День Иоанна Крестителя* ярко отражено в немецких фитонимах *Johanniskraut*, *Johannisblut* (нем. *das Johannis* религ. 'Иванов день'; *das Blut* 'кровь'; *das Kraut* 'трава'), *Sonnenwendkraut*

(нем. *die Sonnenwende* 'солнцестояние') и русских *Ивановская трава*, *Иванова кровь*, *святоивановская трава*.

В течение *Русальной недели*, на Ивана Купалу для защиты от злых духов, особенно от русалок, **попынь** не только носили за пазухой, но и клали на окна и пороги домов [9. С. 208]. В марийской мифологии полынью отпугивали духа воды *Вүд үдыр*, букв. 'водяная девушка'. Чаще всего она описывается как обыкновенная женщина, а упоминания о рыбьем хвосте вообще не встречаются [20. С. 81]. Когда в ночь на *Иван кече* марийцы ходили в глубь леса за магическим цветком, кроме ладанки и Пасхальной свечи они обязательно брали с собой веточку полыни [20. С. 143]. Также считается, что трава *чернобыльник*, полынь горькая, охраняет дом и двор от ведьм [5. С. 58]. В старину говорили «хорошо носить при себе *божье деревце*, чтобы быть защищенным от колдовства» [9. С. 222].

Фитомимы *Sonnenwendkraut*, *Besenkraut* (нем. *der Besen* 'веник'), *Johannesgürtelkraut* (нем. *der Gürtel* 'пояс') в немецком языке и в русском *трава святого Ивана* отражают духовную культуру и наследие многих поколений. Название *Sonnenwendkraut* является омонимичным для зверобоя.

Согласно поверью, **девясил** собирают до восхода солнца в канун дня Ивана Купалы. Освященный на девяти заутренях *девятисилник* дает человеку «девять сил» [10. С. 105]. Ср.: *девятисил*, *дивосил* [13. С. 60], *дивочил*, *девятибрат*, *девятыха*, *девятуха*, *девятильник*, *девясильник* [2. С. 74], нем. *Neunkrafft* (нем. *neun* 'девять'; *die Kraft* 'сила') [14. С. 104]. Марийцы тоже верят в чудодейственную силу девясила. Эта уникальная способность растения отражается в фитониме *куатшудо* (мар. *куат* 'сила, мощь'; *шудо* 'трава').

Во вторую подгруппу можно объединить фитонимы с мотивемой «православные (христианские) святые».

По одной из легенд, *кровь Богородицы* капала на листья **зверобоя**. По другой версии, замесив хлеб, *Богородица* вымыла руки, и от капель, которые упали на это растение, листья получили свои пятна [21]. Ср.: *богородичная трава*, *богородица*, *богородичица*, *слезы Божьей Матери* [9. С. 157].

Основой для немецких фитонимов *Jesuswundenkraut* (нем. *Jesus* 'Иисус'; *die Wunde* 'рана'; *das Kraut* 'трава') и *Herrgottsblut* (нем. *das Blut* 'кровь'; *der Herrgott* 'Господь, Господь Бог') могла послужить легенда об *Иисусе Христе*. Зверобой вырос под крестом, на котором распяли Христа, и получил целебную силу от его крови [10. С. 157].

Ряд фитонимов восходит к поверью об *Апостоле Петре* (св. *Петре*). В период хождения Христа по земле св. *Петр* отгонял от Христа стеблем **цикория** детей и затем бросил стебель на землю. Мальчики подняли его, назвав цикорий *Петровым батогом* (*батог* – уст. трость, посох) [16. С. 231]. Ср.: *батог*, *батогои Петровы*, *батогои синие*, *батожки*, *батожок Петров*, *батогои*, *Петров кнут*, *Петровы розги* [9. С. 229].

Внешность св. *Петра* находит отражение в немецком фитониме *Kapuzienerbart* (нем. *der Kapuziener* 'монах'; *der Bart* 'борода'), который используется для номинации **цикория**.

В средние века появилась такая легенда: *Апостолу Петру* принадлежала связка золотых ключей, он ими отпирал дверь в царство небесное. Однажды к нему подбежал *Ангел* и взволновал страшной вестью о том, что будто бы кто-то подделал ключи от рая и собирается впустить туда разную нечисть. Апостол страшно перепугался, руки у него задрожали, и он выпустил из них настоящие ключи от рая. Ангел метнулся за ними, но не успел перехватить. Ключи упали на землю, где из них выросли цветы **примулы** – *цветы Святого Петра*, *ключики Петра* [10. С. 191]. Ср.: *небесные ключики*, *ключики*; нем. *Peterschlüssel*, *duftende Schlüsselblume* (нем. *die Blume* 'цветок'; *der Schlüssel* 'ключ') [19. С. 119].

Дягиль начинает цвести 8 мая, в день памяти св. *Михаила Архангела*. Считается, дягиль обладает мистическими силами, отгоняет болезни и злых духов. По легенде, эта трава получила латинское название *Archangelica* в честь арх. *Рафаила*, который в X в. во Франции раскрыл местному монаху мистические свойства *ангелика* и то, как излечить этой травой город от чумы [13. С. 74]. Ср.: нем. *Angelika, Angelikawurzel, Gartenengelwurz* [19. С. 11], *Engelwurz* (нем. *der Engel* 'ангел'; *die Wurz* уст. диал. 'корень'), *Heiligengeistwurz* (нем. *heilig* 'святой'; *der Geist* 'дух') [24. С. 100].

В средние века **анютины глазки**, фиалка трехцветная, начинают играть особую роль в христианском мире и получают название *цветка Святой Троицы*. Средневековые христиане видели в находящемся в середине цветка пятне треугольник и сравнивали его с *Всевидящем оком*, а в окружающих его разводах – идущее от него сияние. Треугольник, по их мнению, изображает три лица св. *Троицы* [9. С. 238].

Этому наименованию соответствует немецкое название *Dreifaltigkeitsblume*. Термин *die Dreifaltigkeit* в Большом толковом словаре немецкого языка трактуется, в соответствии с христианским учением, следующим образом: *die Einheit von Gott Vater, Gott Sohn (Christus) und dem Heiligen Geist, die zusammen Gott sind* 'Единство Бога-Отца, Бога-Сына (Христа) и Святого Духа, которые вместе являются Богом' [23. С. 146].

Самый известный миф о **клевере** связан с именем св. *Патрика*, который использовал три листа клевера на одном стебле для объяснения концепции святой *Троицы*: листья изображали *Бога-отца, Бога-сына и Святого Духа* [16]. Ср.: *троица, трелистник, троян*, лат. *Trifolium* (лат. *tres, tria* 'три'; *folium* 'лист') [6. С. 98].

В третью подгруппу включены фитонимы с мотивемой «пригодность для человека / способность отгонять нечисть».

С фольклорными фитонимами *татарская трава, татарский сабельник* или *татарское зелье* для номинации **aira** связано поверье. Считается, что *aur* был завезен во времена татаро-монгольского ига. Татары верили, *aur* очищает воду, и были убеждены, там, где он растет, можно пить воду без риска для здоровья [9. С. 23]. В одноязычном немецком справочнике также упоминается схожее поверье: *die Mongolen schreiben ihm eine wasserreinigende Kraft zu und pflanzen ihn auf ihren Streifzügen durch Europa überall an den Tränken der Pferde* 'Монголы наделяли его способностью очищать воду и сажали везде в период набегов на Европу, чтобы напоить коней' [23. С. 124].

Существует очень необычная легенда о **кошачьей лапке** или *нечуй-ветре*. Растет эта волшебная трава будто бы по берегам рек и озер. Собирают ее в глухоминье, под *Васильев вечер*, который празднуется в ночь с 31 декабря на 1 января (по старому стилю). Причем найти *нечуевуку* могут лишь слепцы. Наступая на сказочную траву, слепцы якобы чувствуют, как она колет их слепые глаза. Если нашедший возьмет *нечуй-ветер* не руками, а ртом, он обретает способность останавливать ветер [12].

В Германии цветы **примулы** еще называют *ключиками* за сходство со связкой старинных церковных ключей. В древнегерманских сагах примула считалась *ключами богини весны Фрей*; ожерельем ей служила радуга, и там, где она касалась земли, падали на землю золотые ключи, способные открывать спрятанные сокровища. Существовало поверье, что девушка, которая первой на пасхальные праздники найдёт цветок **примулы**, несомненно, в этот же год выйдет замуж [11]. Ср.: *ключи замужества*, нем. *Heiratsschlüssel* букв. 'ключи для замужества' [24. С. 70].

В старину по обычаю новобрачным под подушку клали траву *колдунью, медуницу*, чтобы жизнь супругов была долгой, а дети росли здоровыми.

На Руси **папоротник** еще называли *разрыв-травой* или *одолень-травой*. Преданья гласили, стоит только прикоснуться цветком *разрыв-травы* к любому замку, как он тут же откроется. Трава помогает преодолеть любые препятствия, которые злая нечистая сила возводит у человека на пути. А вот солдаты на войне хранили в ладанке *одолень-траву*, вешали ее на грудь, чтобы стрелы врагов их миновали [16].

В марийской мифологии злой дух болезни *Асера* мог проникать в человека и вызывать резкую боль [20. С. 65]. Поэтому марийцы принимали отвар **кровохлебки** для лечения колик в животе. Способность травы отгонять злых духов отражена в марийских фитонимах *арсшудо* или *асырашудо* (мар. *асыра* диал. 'острые боли в животе, колики').

О **татарнике** говорили, что он отгоняет чертей, преследующих человека. Неспроста его называли *чертогоном*, *шишебарником* (диал. *шиш* 'бес, черт', *бара* 'борьба'). Стоит только встать там, где растет *чертополох*, и бросить его шишки в нечистых, как они сразу отстанут. Если пригнуть чертополох к земле ветками, приговаривая: «Сгони чертей с моей скотины – отпущу» – любая напасть со скотины сойдет [14. С. 96]. Дымом этого растения марийцы окуривают цыплят. Считается, что после этого они защищены от хищных птиц. А цветок, принесенный в дом, защитит жилище от стихийных бедствий, а животных – от дурного глаза и болезней. Ср.: мар. *шайтаншорвондо* (мар. *шайтан* миф. 'черт, дьявол'; *шорвондо* 'грабли').

Марийские девушки принимали настой *сырт пеледыш* (мар. *сырт* горн. миф. 'фея, лесная красавица'; *пеледыш* 'цветок'), **фиалки трехцветной**, чтобы стать красивой, так как считалось, что это растение обладает магической силой превращать девушек в красавиц [8. С. 137].

Для лечения бесплодия принимали настой *чизышудо* (мар. *чизы* 'женская грудь, сосок'; *шудо* 'трава'). Марийцы верили, что если у женщины долгое время не наступала беременность, то после приема отвара **вахты трехлистной** она вскоре должна зачать ребенка [8. С. 138].

Возникновение немецкого фитонима *Beifuss* букв. 'около ноги, при ноге' связано с народным поверьем: путник не уставал, если привязывал к ноге букетик **полыни** [12]. В немецком этимологическом словаре Duden можно встретить схожее поверье: «...nach dem Volksglauben, dass der Wanderer nicht ermüdet, der sich die Pflanze an der Fuß bindet» [22. С. 78]. '...по поверью, чтобы странник не уставал, он привязывал к ноге растение'.

У восточных мари существует запрет рвать цветки *кишкышинча* (мар. *кишке* 'змея'; *шинча* 'глаза'), **фиалки трехцветной**, так как можно разгневать домового *Кишке-покровительницу*. *Кишке* оберегают, охраняют, приносят достаток в дом, а их гнев может принести в дом несчастье или смерть. Марийская вышивка с изображением *Кишке*, амулеты и украшения из змеиных голов служат оберегами до настоящего времени [20. С. 111].

Проанализировав и обобщив фитонимы по принципу номинации «магические свойства (легенды и преданья)», можно сделать следующие выводы. Наиболее продуктивной является мотивема «пригодность для человека / способность отгонять нечисть», так как основное применение лекарственных растений находили в быту. Чаще всего из них делали обереги, раскладывая растения в доме или носили их с собой, чтобы отогнать нечистую силу и защитить свой дом, себя и родных от напастей, болезней или смерти (*кровохлебка*, *татарник*, *полынь*).

Особое место отводили всегда лекарственным растениям и совершению различных обрядов с ними, когда заходила речь о замужестве и создании семьи (*примула*, *медуница*, *вахта трехлистная*).

Христианская вера и языческие поверья также ярко представлены в фольклорных фитонимах разносистемных языков. Проанализированные мотивемы «языческий праздник Иван Купала» и «православные (христианские) праздники» отражают представления народа о наличии у растений (*папоротник*, *зверобой*, *полюнь*, *дягиль*, *анютины глазки*, *цикорий*, *девясил*) особых целебных свойств.

Литература

1. 10-томный марийско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marla-muter.org> (дата обращения: 20.11.2013).
2. *Арьянова В. Г.* Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 1. А–К. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. 144 с.
3. *Балдаев Х.В.* Русско-марийский словарь биологических терминов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. 104 с.
4. *Голев Н.Д.* О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z08.html> (дата обращения: 19.11.2013).
5. *Даль В.И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб.: Литера, 1996. 480 с.
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. И–О. М.: Олма-Пресс, 2001. 672 с.
7. *Ермаков А.* Кушкыл, янлык, кайык... Марла-рушла мутер. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 80 с.
8. *Ефремов А.С.* Названия растений марийского языка (травянисто-ягодная флора): дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1987. 233 с.
9. *Колосова В.Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.
10. *Кузнецова М.А., Резникова А.С.* Сказания о лекарственных растениях. М.: Высш. шк., 1992. 272 с.
11. Легенды о примуле [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rostovurolog.ru/msh/nar-med-enciclop-primula.htm> (дата обращения: 17.11.2013).
12. Магия трав [Электронный ресурс]. URL: <http://bewitchit.com/magiya-rasteniy/magiya-trav.html> (дата обращения: 25.11.2013).
13. *Маккалистер Р.* Все о растениях в легендах и мифах. СПб.: Кристалл, 2007. 192 с.
14. *Меркулова В.А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Ягоды. Грибы). М.: Наука, 1967. 260 с.
15. Немецко-русский словарь. Deutsch-russisches Wörterbuch / под ред. А.А. Лепинга и Н.П. Страховой. 5-е изд., доп. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 992 с.
16. Поверья, связанные с цветами [Электронный ресурс]. URL: <http://svadba.kiev.ua/poverya-svuzannye-s-cvetami> (дата обращения: 18.11.2013).
17. *Подымов А.И., Суслов Ю.Д.* Лекарственные растения Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 192 с.
18. *Светличная Е.И., Толок И.А.* Этимологический словарь латинских ботанических названий лекарственных растений. Харьков: Золотые страницы, 2003. 288 с.
19. Словарь лекарственных растений (латинский, английский, немецкий, русский). 2-е изд., стереотип / сост. А.Ю. Болотина. М.: АБВУ Press, 2010. VII с., 249 с.
20. *Тойдыбекова Л.С.* Марийская мифология. Этнографический справочник. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2007. 312 с.
21. Трава от 99 хвороб [Электронный ресурс]. URL: <http://www.swarogich.ru/index.php/~99-.html> (дата обращения: 17.11.2013).
22. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Band 7. 4., neu bearbeitete Auflage. Mannheim; Zürich: Dudenverlag, 2007. 960 S.
23. Landenscheids Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache (Большой толковый словарь немецкого языка) / Herausgeber – Prof. Dr. Dieter Prof. Dr. Günther Hänsch, Prof. Dr. Hans Wellmann. М.: Март, 1998. 1218 S.
24. *Wendelberger E.* Heilpflanzen. Erkennen. Sammeln. Anwenden. 14., durchgesehene Auflage. München, 2013. 128 S.
25. Wörterbuch der Biologie Russisch-Deutsch. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1974. 900 S.

РУБЦОВА ОКСАНА ГЕННАДЬЕВНА – преподаватель, Йошкар-Олинский медицинский колледж, Россия, Йошкар-Ола (oksana8_7@mail.ru).
RUBTSOVA OKSANA – lecturer, Yoshkar-Ola Medical College, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 811
ББК 81.04

О.Г. РУБЦОВА

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ В ФИТОНИМАХ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ (на материале марийского, русского, немецкого и латинского языков)

Ключевые слова: фитоним, окраска, цвет, мотивема, немецкий язык, русский язык, марийский язык, латинский язык, семантика.

Рассмотрены наиболее продуктивные особенности образования фольклорных фитонимов, базирующихся на прямом цветообозначении, в марийском, русском, немецком и латинском языках, также выявлены типологические сходства в номинации фитонимов. Отдельные лексико-семантические подгруппы, функционирующие на основе доминирующего мотивировочного признака, определяют семантические особенности номинации денотата.

O. RUBTSOVA THE COLOUR DESIGNATION IN PHYTONYMS OF DIFFERENT SYSTEMS LANGUAGES

(as exemplified in Mari, Russian, German and Latin languages)

Key words: phytonyms, colour, motive, Latin, Mari, German, Russian, medical plant.

The author describes the most productive features of the formation of the popular phytonyms in Mari, Russian, German and Latin that are classified on the colour designation. It is shown typological similarity in naming of phytonyms too. The lexico-semantic subgroups on the basis of the dominant features of motive define the semantic features of naming of denotation.

Названия растений (фитонимы) представляют собой одну из самобытных тематических групп в лексике любого языка. Особый интерес лингвистов вызывают способы и средства номинаций, причем важными объектами исследования являются как научные, так и обыденно-когнитивные номинации.

В теории мотивационной номинации определены структурно-компонентные аспекты взаимосвязи мотивации с её гетерогенными детерминантами. Отмечается, что выбор мотива детерминируется тремя факторами: а) признаками денотата (объективной сторона номинации); б) намерениями номинатора (субъективной сторона номинации, которая детерминируется социальными, идеологическими, профессиональными, возрастными особенностями, следовательно, выбор мотива коммуникативно-ориентирован); в) словообразовательными моделями – структурно-семантическим типом языка, его системой [19]. Следует отметить, что теория номинации предоставляет и открывает новые возможности исследователям рассматривать различные единицы и типы номинации на материале конкретного номинативного ряда.

Особенностями типологического характера флоронимической лексики являются разнообразие и многочисленность принципов номинации. В данной статье проанализированы фитонимы в разноструктурных языках, базирующиеся на прямом цветообозначении. Как отмечает Н.Б. Бахилина, цветообозначения лишь в последние десятилетия стали предметом внимания в ряде лингвистических работ, рассматривающих проблемы семасиологии [7. С. 3].

Материалом исследования послужили основные фитонимы в разносистемных языках, отобранные путем сплошной выборки из одно- и двуязычных словарей [2–6, 9, 17, 20, 21, 26] и справочников лекарственных растений [8, 14–16, 18, 22–25]. В основе номинации растений чаще других оказываются абсолютные (основные) цветоименования: белый, желтый, красный, синий, черный. В связи с этим все фитонимы были распределены по подгруппам внутри представленной лексико-семантической группы.

1. **Фитонимы, отражающие белый (светлый) цвет реалии.** Белая окраска цветков отражается в фитонимах всех рассматриваемых языков: для номинации **тысячелистника** используются рус. *белоголовник, белошاپочник, беляк, тыся-*

челистник белый [4. С. 155], белая кашка, белоголовец, белоцвет, белоцветка, белошка, кашка белоголовник [22], мар. *ошвуйшудо* (мар. *ошо* 'белый'; *вуй* 'голова', *шудо* 'трава') [12. С. 19]; **антеннарии двудомной** – белый зверобой, **бес-смертник белый** [18. С. 124]; **ландыша** – мар. *ошорлангепеледыш* (мар. *ошо* 'белый'; *орланге* 'гроздь, кисть (растение)'; *пеледыш* 'цветок').

Слово *белый* несет основную функциональную нагрузку при обозначении **ромашки** в фитонимах разносистемных языков: рус. *белоцвет белоголовник, белюшка* [15. С. 152], *белоглазка, белица* [14. С. 12], мар. *ошвуй, ошвуяншудо, ошвуянпеледыш, ошвуйшудо, ош саска* (мар. *саска* диал. 'цветок'), *ош-шергашвуй* (мар. *ошо* 'белый'; *шергаш* 'кольцо'; *вуй* 'голова') [11. С. 121].

Белый налет на **полыни горькой** послужил основанием для образования фитонимов рус. *белокорка* [14. С. 12], *полынь белая* [18. С. 54], мар. *ош арым* (мар. *ошо* 'белый'; *арым* 'полынь') [1].

2. **Названия растений, подчеркивающие яркость денотата (желтый, красный цвет)**. Среди первых ранневесенних цветов по яркости цветения **адонису** нет равных. На склонах он начинает распускаться уже в конце апреля – начале мая, а его яркие желтые цветки словно «горят» на фоне снега и тусклой прошлогодней травы. Ср.: рус. *алик, аленький цветочек, желтый огонек* [3. С. 17]. По мнению В.Б. Колосовой, цвет играет огромную роль в народной медицине. Так, например, желтуху излечивали отваром желтых растений: *желтотысячника, желтоцветом 'адонис весенний'* [14. С. 12]; *зверобоем желтым 'зверобой продырявленный'* [14. С. 18]. **Цмин песчаный** похож во внешнему строению на растение *кошачья лапка двудомная*, но друг от друга они отличаются окраской цветков: у цмина цветки желтые, у кошачьей лапки двудомной – белые, розовые, иногда фиолетово-розовые [18. С. 124]. Лимонно-желтые цветочные шаровидные корзинки цмина напоминают мягкие кошачьи лапки и отражены в русских фитонимах *желтые кошачьи лапки, желтые кошечки*.

Слово *желтый* продуктивно представлено при номинации ряда других названий растений: **девясил высокий** – мар. *нарынчевуйчача* (мар. *нарынче* 'желтый'; *вуй* 'голова'; диал. *чача* 'цветок'); **донник лекарственный** – рус. *желтый цвет, желтый баркун* [8], желтый цвет [18. С. 26], нем. *gelber Steinklee* (нем. *gelb* 'желтый', *der Steinklee* бот. 'донник') [21. С. 97]; мар. *сар донник* (мар. горн. диал. *сар* 'желтый') [10. С. 121].

Русские диалектные названия растения *желтомолочник, желтый молочай, красномолочник* [14. С. 13] и марийские *сар-кына, саргыне* связаны с желтовато-красным млечным соком **чистотела**. Однако фитоним *сар-кына* является заимствованием из татарского языка и, по мнению А.С. Ефремова, связан со способностью растения выделять какой-либо сок, в данном случае оранжевый (тат. *сары* 'желтый') [10. С. 70]. Ярко-желтые цветки растения, в свою очередь, также отражены в фитонимах рус. *желтушник, желтый чистяк* [2. С. 94], *желтая трава* [23], нем. *Gilbkraut* (нем. диал. *gilb* 'желтый'; *das Kraut* 'трава') [24].

Немецкие фитонимы *blutroter Weissdorn, Blutdorn* (нем. *blutrot* 'крово-красный'; *weiss* 'белый'; *der Dorn* 'колючка, шип') [21. С. 49] выявляют окраску плода **боярышника кроваво-красного**. Окраска красных плодов **толокнянки обыкновенной** отражена в русских диалектных фитонимах *брусничник* и *бруслинник* [23].

Такой цветовой признак денотата, как красные «шапочки» **клевера лугового**, подчеркивается в фитонимах рус. *красноголовник луговой, клевер красный* [21. С. 151], *корасноголовка, красноголовник, красная кашка, красная коврига* [2. С. 359], мар. *йошкар клевер, яшкар клевер, чевер клевер* (мар. *йошкар* 'красный', *чевер* 'алый, румяный') [11. С. 122], нем. *roter Kopfklee, Rotklee* (нем. *rot* 'красный', *der Kopf* 'голова', *der Klee* бот. 'клевер') [21. С. 151]. Наличие прилагательного «красный» в роли цветообозначения в составе фитонима может свидетельствовать и о кровоостанавливающих свойствах денотата: *красные коренья, краснокоренник 'кровохлебка аптечная'; красная травица краснокоренка,*

‘зверобой продырявленный’ [14. С. 13]. Таким образом, слово расширяет свое первоначальное значение ‘красивый’ и становится многозначным [7. С. 165].

3. **Фитонимы, включающие в себя обозначения различных оттенков синего цвета.** В настоящее время прилагательное «синий» занимает необычно крепкую позицию, называя самые разнообразные оттенки цвета, так как в группе синего цвета допустимым является только стилистически нейтральное прилагательное «голубой», таким образом «синий» имеет более широкие возможности [7. С. 192]. Наряду с прилагательными «синий» и «голубой» в русском языке представлено также прилагательное «лазоревый» (от сущ. лазорь – название краски, которая добывалась из минерала лазурит) [7. С. 203].

В течение всего лета на полях и лугах можно заметить красивые голубые цветки **василька**. Ярко выраженный мотивационный признак представлен в латинском видовом названии растения *suavis* (греч. *suavos* ‘синий’) [20. С. 57] и в русских фитонимах, как правило, с корнями *син-* и *голуб-*: *синюха*, *синюшка* [3. С. 46], *синовница*, *синовник*, *синоцветка*, *синюшки*, *синюшник*, *синий цвет во ржи*, *синявка*, *синьки*, *синюка* [2. С. 89–90], *голубоцветник*, *голубец*, *голубые цветки*, *голубка*, *голубок*, *голубянка*, *голубоцветик*, *голубень*, *голубой колокольчик*, *синельник*, *синий житник*, *синоцветка*, *синушка*, *синька*, *синявушка*, *синиль*, *лазоревый цветок*, *синец*, *синик*, *синушка*, *синька*, *синюга*, *синюжник*, *синявушки*, *синяк*, *синеголов*, *синецветка*, *синик-василь*, *синяя трава*, *синенький цветок*, *голубоглазка*, *голубые глазки*, *синеглазик*, *синеглазка*, *ржавые синюшки* [14. С. 143–145]. Ср.: нем. *Suave* [2. С. 90]; мар. *кандывуй*, *кандывуйпеледыш*, *кандывуйшудо* (мар. *канде* ‘синий’, *вуй* ‘голова’, *шудо* ‘трава’, *пеледыш* ‘цветок’), *кловой шудо* (мар. *кловой* горн. ‘голубой’), *чалка пеледыш* (мар. диал. *чалка* ‘синий’) [11. С. 121].

Марийский фитоним *кандывуй* является омонимичным для **живокости высокой**. В русском языке **живокость** называют *синичка* или *синовник*; **татарник колючий** – *синеголовка*, а марийцы нарекли **фиалку трехцветную ошкандепеледыш** (мар. *канде* ‘синий’, *ошо* ‘белый’) [13. С. 34].

Синяя окраска цветков **цикория** отражена только в фитонимах русского языка – *синецветка*, *синие батоги*, *синий цветок* [14. С. 229].

4. **Названия растений, включающие в себя обозначения темной окраски денотата.** В названиях растений черный цвет отражается довольно редко. Народное название **черное зерно** растение-гриб **спорынья** получило из-за черно-фиолетового цвета рожков реалии. Ср.: мар. *шем пурак*, *шемуржа* (мар. *шем* ‘черный’, *пурак* ‘пыль’, *уржа* ‘рожь’) [1], нем. *Schwarzkorn* (нем. *schwarz* ‘черный’, *das Korn* ‘зерновой хлеб, зерно, рожь’) [21. С. 41]. Прилагательное **черный** функционирует только в немецких фитонимах *Schwarzauge*, *Schwarzperle* (нем. *schwarz* ‘черный’, *das Auge* ‘глаз’, *die Perle* ‘жемчужина’) для обозначения окраски ягод **вороньего глаза** [21. С. 106].

Темно-коричневый цвет плодов денотата лег в основу названия растения *brauner Dosten* (нем. *braun* ‘коричневый’, *der Dosten* бот. ‘душица’) для номинации **душицы** и в основу фитонима *чернушка* – для обозначения **тмина**. Латинское видовое название *cinnamomea* (греч. *κινναμόμον* ‘коричневый’) и русские фитонимы **шиповник коричневый**, **роза коричневая** характеризуют красно-коричневый окрас ветвей реалии [20. С. 206].

В фитонимах рус. **красноголовник**, **бордоголовка**, **бордоголовник**, **дикая рябина**, **лесная рябинка**, **рябинник**, **черноголовка**, **черноголовник**, **чернотрав** [14. С. 13–14], мар. *күренвуй*, *кыра́нвуй* [1] прослеживается связь с темно-красными, почти черно-пурпурными цветками **кровохлебки лекарственной**.

Полынь обыкновенная названа **чернобыль**, **чернобыльник**, **черная полынь**, **чернобыл**, **черная трава** за красноватый цвет метелок в отличие от белого налета полыни горькой [16. С. 122].

Как уже упоминалось ранее, **адонис** цветет довольно рано, когда только начинает сходить снег. На темных проталинах становятся заметны яркие цветки *черногорки*. Ср.: *черная трава, чернодубка* [18. С. 24].

Проведя анализ фитонимов, базирующихся на прямом цветообозначении, можно прийти к следующим выводам. В разносистемных языках при сравнительном анализе выявляются типологические сходства для номинации фитонимов. Выявление основных цветоименований обусловлено, в первую очередь, наличием определенных коннотаций: черный цвет в лексическом составе фитонима приобретает негативную коннотативную окраску, это может быть вызвано ядовитыми свойствами денотата (*черное зерно, Schwarzauge, шем уржа*).

Растениям также давались названия по цветовому признаку в зависимости от его лечебных свойств (*краснокоренник, желтоцвет, зверобой желтый*).

Наиболее продуктивным основанием для образования фитонимов, связанных с номинацией цвета, является окраска цветка реалии (*белошапочник, белоголовник, золотистка, йошкар клевер, красноголовник, лазоревый цветок, ошкандепеледыш, черноголовник, суапис*). К числу малопродуктивных оснований для номинации фитонимов можно отнести окраску плода, семян (*күренвуй, Schwarzkorn, brauner Dosten*), стебля (*полынь черная, белая полынь, шиповник коричневый, cinnatomea*) или сока реалии (*желтый молочай, сар-кына*).

Литература

- 10-томный марийско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marlamuter.org> (дата обращения: 20.12.2013).
2. *Анненков Н.А.* Ботанический словарь. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1878. 646 с.
3. *Арьянова В.Г.* Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 1. А–К. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. 144 с.
4. *Арьянова В.Г.* Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 2. Л–Т. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2007. 160 с.
5. *Арьянова В.Г.* Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 3. У–Я. Словник. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 192 с.
6. *Балдаев Х.В.* Русско-марийский словарь биологических терминов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. 104 с.
7. *Бахилина Н.Б.* История цветообозначения в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.
8. Донник лекарственный [Электронный ресурс]. URL: <http://medherbs.narod.ru/Travy/Donnik/donnik.html>.
9. *Ермаков А.* Кушкыл, янлык, кайык... Марла-рушла мутер. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 80 с.
10. *Ефремов А.С.* Параллельно бытующие названия растений в марийском языке // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1985. Вып. 5. С. 63–71.
11. *Ефремов А.С.* Принципы номинации травянистой и ягодной флоры в марийском языке // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1990. Вып. 7. С. 113–139.
12. *Ефремов А.С.* Структура, историческое развитие некоторых марийских названий растений // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. Вып. 6. С. 62–71.
13. *Ефремов А.С.* Структурно-семантический анализ марийских названий растений // Вопросы марийского языка. Грамматика и лексикология. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1986. С. 33–45.
14. *Колосова В.Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.
15. *Маккалистер Р.* Все о растениях в легендах и мифах. СПб.: Кристалл, 2007. 192 с.
16. *Меркулова В.А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Ягоды. Грибы). М.: Наука, 1967. 260 с.
17. *Немецко-русский словарь. Deutsch-russisches Wörterbuch / под ред. А.А. Лепинга и Н.П. Стреховой. 5-е изд., доп. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 992 с.*
18. *Подымов А.И., Суслов Ю.Д.* Лекарственные растения Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 192 с.
19. *Рябко О.П.* Когнитивные основания теории номинации и мотивации [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: www.science-education.ru/106-7666 (дата обращения: 11.01.2014).
20. *Светличная Е.И., Толоч И.А.* Этимологический словарь латинских ботанических названий лекарственных растений. Харьков: Изд-во НФаУ: Золотые страницы, 2003. 288 с.
21. Словарь лекарственных растений (латинский, английский, немецкий, русский). 2-е изд., стереотип. / сост. А.Ю. Болотина. М.: АБВУ Press, 2010. VII с., 249 с.
22. Целебная магия растений [Электронный ресурс]. URL: http://portaltravi.ru/rast_18/62-tsyachelistnik-obyknovennyj.html.

23. Экофабрика Старослав. Энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.staroslav.ru/index214470590.htm>.
24. Kräuterlexikon [Электронный ресурс]. URL: <http://www.heilkraeuter.de/lexikon/schoellk.htm>.
25. Wendelberger E. Heilpflanzen. Erkennen. Sammeln. Anwenden. 14., durchgesehene Auflage. München, 2013. 128 S.
26. Wörterbuch der Biologie Russisch-Deutsch. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1974. 900 S.

РУБЦОВА ОКСАНА ГЕННАДЬЕВНА. См. с. 148.

УДК 811.161.1'373
ББК Ш2=411.2*33

Е.Е. ФЛИГИНСКИХ

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕРМИНА «СУЕВЕРИЕ»

Ключевые слова: паремия, суеверие, примета.

Рассмотрены определения термина «суеверие» у разных ученых и в разных словарях. Проведено сравнение суеверий с другими подобными паремиями, такими как поверья, предубеждения, предрассудки и приметы. При этом понятие «примета» рассмотрено более подробно, так как оно нередко заменяет термин «суеверие». Автором выведено рабочее определение термина «суеверие» на основе его черт.

E. FLIGINSKIKH

TOWARDS THE DEFINITION OF A TERM «SUPERSTITION»

Key words: paroemia, superstition, omen.

The present article considers the definitions of a term «superstition» given by different scholars and dictionaries. The superstitions are compared with other similar paroemias such as popular beliefs, bias, prejudices and omens. At the same time the term «omen» is examined in detail as it often replaces the term «superstition». At the end of the article there is a working definition of the term «superstition» given by the author on the basis of its characteristic features.

В книге «Основы структурной паремиологии» Г.Л. Пермяков среди прочих устойчивых словосочетаний и выражений выделяет паремии. Он называет их «народными изречениями», которые могут выступать как в виде предложений, так и в виде целых цепочек предложений [8. С. 80]. Такие паремии, в свою очередь, делятся на большое количество разных типов, которые можно распределить в соответствии с их прагматическими функциями. Нас интересуют паремии с прогностической функцией, а именно суеверия.

Интерес к изучению паремий с прогностической функцией возник в конце XX в. Значительное внимание ученые отдавали природным и суеверным приметам, поверьям, редко прибегая к термину «суеверие». И только в начале XXI в. ученые-филологи стали рассматривать суеверия как отдельное явление в ряду других подобных паремий.

В настоящей статье дан обзор определений термина «суеверие» и проведено сравнение этого понятия с рядом схожих понятий.

Л.В. Киржанова отмечает, что суеверие включает в себя два понятия – «суе» и «вера». Приставка «суе» идентична древнеславянскому слову «всуе» – «зря», «напрасно» и используется в сложных словах, тем самым подчеркивается, что это противоположно разумному, вечному благу, духовной жизни [4. С. 11–12]. Из этого определения вытекает, что суеверие – это напрасная вера. Исследователи указывают разные синонимы к слову «суеверие»: *предрассудок, поверье, предубеждение, пережиток, примета*. Но прежде чем проанализировать взаимоотношение понятия «суеверие» с его синонимами, рассмотрим определение этого термина в разных источниках.

Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» Владимира Даля, *суеверие* – это «ошибочное, пустое, вздорное, ложное верование во что-либо; вера в чудесное, сверхъестественное, в ворожбу, гадания, в приметы, знаменья; вера в причину и последствие, где никакой причинной связи не

видно». При этом «взаимные пределы правоверия и суеверия зависят от убеждений, и у всякого на это своя вера» [15. С. 128].

«Большой толковый словарь» под редакцией С.А. Кузнецова поясняет, что *суеверие* – это «предрассудок, основанный на вере во что-либо сверхъестественное» [2. С. 1288].

В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой *суеверие* объясняется как «вера в то, что некоторые явления и события представляют собой проявление сверхъестественных сил или служат предзнаменованием будущего; предрассудок, основанный на такой вере» [11. С. 302].

По «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова, *суеверие* – это «вера во что-нибудь сверхъестественное, таинственное, в предзнаменования, в приметы» [7. С. 778].

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова отмечает, что *суеверие* – это «религиозный предрассудок, представляющий явления и события в жизни проявлением чудесных сверхъестественных сил и предзнаменованием будущего» [16. С. 586].

Более развернутые определения понятия «суеверие» с пояснениями дают тематические словари. Так, например, «Большой толковый словарь» издательства *Penguin* в переводе с английского языка отмечает, что *суеверие* – это «любое представление или убеждение, которого придерживаются при отсутствии того, что человек, не придерживающийся этого понятия или убеждения, посчитал бы свидетельством, достаточным для обоснования такого убеждения». При этом поясняется, что «многие суеверия уходят своими корнями в ту или иную теологическую систему или религиозную традицию..., другие существуют некритически, как непроверенные убеждения. ... Некоторые авторы трактуют суеверие как отголосок примитивных попыток понять необъяснимое, разобраться в сложном и запутанном мире; другие, особенно бихевиористы, рассматривают их как естественные следствия неспособности понять существование (или отсутствие) причинно-следственных связей между их собственным поведением и последующими событиями в мире» [1, С. 331].

«Новейший психологический словарь» В.Б. Шапаря с соавт., как и словарь под редакцией С.А. Кузнецова, называет *суеверие* «предрассудком»: «*суеверие* – предрассудок, состоящий в том, что индивид принимает за реальность неведомые силы, способные предвещать события и даже влиять на них. Включает в себя допущение, часто неосознанное, что от этих сил можно найти защиту или вступить с ними в компромисс». Здесь же отмечается особое место «примет» в ряду «суеверий» («определенным событиям приписывается прогностическое значение»), а также причина существования суеверий («желание заглянуть в ближайшее будущее, избежать неблагоприятных ситуаций») [20. С. 641].

Согласно энциклопедическому словарю по религиоведению, *суеверие* – это «вера в таинственные свойства и волшебную силу воображаемых или реально существующих объектов, явлений и процессов, а также в магическую силу отдельных людей, якобы способных определять благоприятный или неблагоприятный исход событий» [9. С. 1021].

Социологический энциклопедический словарь отмечает, что *суеверие* – это «предрассудок, в силу которого происходящее представляется проявлением сверхъестественных сил и предзнаменованием будущего» [13. С. 351].

«Философский словарь» под редакцией И.Т. Фролова рассматривает суеверие с разных точек зрения и объединяет в себе все рассмотренные определения: «*суеверие* – убеждение в том, что некоторые видимые явления представляют собой знаки или результат воздействия невидимых сверхъестественных сил, служащих предзнаменованием будущего. В гносеологическом плане *суеверие* – предрассудок, лишенный разумного основания, совокупность стереотипных взглядов на человека, историю и общественную

жизнь. В теологии суеверие обычно противопоставляется истинной вере, связывается с отвержением иных систем догматов и обрядности» [18. С. 548].

Е.Б. Смилянская приводит интересное и развернутое определение понятия «суеверие» из «Словаря натурального волшебства» XVII в.: «Суеверие состоит в следующих пунктах: 1) когда происшествия, кои можно объяснить силами естественных тел без нужды и произвольно приписывают духам и естественным причинам; 2) когда некоторым естественным телам прилагать свойства, которые они не имеют и иметь не могут; 3) когда некоторые естественные явления считать предзнаменованиями будущих добрых или худых приключений, с коими оне никакой связи не имеют; 4) когда некоторые последствия представлять возможными, кои еще не исполнялись и исполниться не могут.

Причины сего: а) невежество; б) легковерие; в) склонность к чудному и страшному; г) слабость тела или души; д) детский предрассудок; е) ложное понятие о вере» [12. С. 126–127].

И.А. Чергинец отмечает, что «суеверия могут быть описаны как транслируемые культурной традицией вербализованные иррациональные компоненты обыденного сознания, в соответствии с которыми человек моделирует своё поведение. К таким компонентам относятся гадания, вещие сны, приметы, поверья, а также персонажи народной мифологии, входящие в языковую картину мира определенного этноса, имеющие особый смысл для носителей определенной лингвокультуры» [19. С. 23–24].

Таким образом, *суеверия* – это вербализованные единицы в форме предложений с прогностической функцией, несущие веру во что-то сверхъестественное, необычное.

Поверья, в сравнении с суевериями, несут оттенок старины: «идущее из старины и живущее в народе убеждение, вера в примету» [7. С. 528]; *пережитки* – оттенок старомодности и устарелости: «то, что сохраняется от прошлого и не соответствует современному состоянию, современным нормам» [2. С. 802], «остаток прошлого, устарелого» [7. С. 503].

Наиболее близки по смыслу к понятию «суеверие», на наш взгляд, термины «*предрассудок*» и «*предубеждение*». Они чаще остальных выступают синонимами понятия «суеверие» и друг друга. Термин «*предубеждение*» несет смысл предвзятости: «*предубеждение*» – «ошибочное мнение, убеждение о деле, которого не знаешь; предрассудочная неосновательная уверенность» [14. С. 1016]; «предвзятое, заранее сложившееся отрицательное мнение о ком-, чем-л.» [2. С. 962]; «предвзятое отрицательное мнение, отношение к кому- чему-н.» [7. С. 582]. Термину «*предрассудок*» больше присущ смысл ложности, отсутствия разумности: «мнение превратное или одностороннее, ложное; поверье, суеверие» [14. С. 1013]; «укоренившийся ложный, лишённый разумных оснований взгляд на что-либо» [2. С. 961]; «ставший привычным ложный, суеверный взгляд на что-н.» [7. С. 581].

Особые отношения у термина «суеверие» сложились с термином «*примета*». Наряду с другими терминами последний часто заменяет понятие «суеверие», приобретая его признаки. Словари дают следующие определения понятия «*примета*»: «1. Отличительный признак, по которому можно узнать кого-, что-л. 2. По суеверным представлениям: признак, предвещающий что-л.» [2. С. 982]; «1. Отличительное свойство, признак, по которому можно узнать кого- что-н. 2. Явление, случай, которые в народе считаются предвестием чего-н.» [7. С. 594]. Таким образом, *примета* – это, с одной стороны, признак чего-либо, а с другой – *предвестие*. Именно второе определение этого термина чаще всего и соотносится с понятием «суеверие», что приводит к их отождествлению. Кроме того, среди всех паремий с прогностической функцией именно приметам учеными уделялось больше всего внимания.

Если говорить о жанровой квалификации приметы, то можно отметить, что в науке нет определенной ясности. Как отмечает Т.С. Садова, «одни фольклористы относят примету к народным паремиям бытового назначения, другие отождествляют ее с поверьями и суевериями, третьи полагают, что собственно *приметы* – лишь “реальные наблюдения за природой”» [10. С. 114]. Таким образом, достаточно большое количество ученых выделяют приметы природные и суеверные. М.И. Закиров указывает, что эти две группы различаются применением в разных сферах человеческой деятельности: «так, приметы отражают изменения погоды и виды на будущий урожай, то есть соотносятся с наивной метеорологией и сельским хозяйством. Поверья же, или суеверные приметы, как правило, охватывают все сферы жизни» [3. С. 36].

Но, тем не менее, мы бы хотели отметить и поддерживаем точку зрения тех ученых, которые под понятием «*примета*» подразумевают явления природы: устойчивые конструкции, в которых запечатлен коллективный опыт взаимоотношений с природной средой определенного этноса, построенный на основе данного опыта прогноз-предсказание [17. С. 6]; «устойчивые конструкции, как правило, выражающие прогноз в отношении метеорологических явлений либо сельского хозяйства на основе эмпирического опыта этноса в результате длительного взаимодействия с окружающей средой» [5. С. 28]; «сохраняющиеся в народе и передаваемые из поколения в поколение различные признаки, указывающие на предстоящие явления природы» [6. С. 982]; «устойчивые и проверенные временем конструкции, которые на основе длительной связи определенного этноса с явлениями природы выражают прогноз-предсказание в отношении метеорологических либо сельскохозяйственных явлений» [3. С. 35].

Именно эти определения и помогают провести границу между понятиями «*примета*» и «*суеверие*». Примета, в отличие от суеверия, связана с различными явлениями природы и может выполнять прогностическую функцию на основе метеорологических явлений или других доказанных и четко прослеживаемых признаков без оттенка суеверности и веры в сверхъестественное.

Таким образом, *суеверия* – это паремии, отличающиеся рядом черт:

- 1) это вербализованные единицы, имеющие форму предложений;
- 2) основная функция, которую они выполняют – прогностическая;
- 3) они появились много лет назад и несут в себе опыт поколений;
- 4) суеверия содержат необоснованную разумными доводами веру во что-либо необъяснимое с точки зрения логики.

Литература

1. Большой толковый психологический словарь: в 2 т.: пер. с англ. Т. 2. П – Я. М.: Вече, АСТ, 2000. 560 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Закиров М.И. Концепт вода/су в русских и татарских народных приметах: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 261 с.
4. Киржанова Л.В. Психолого-педагогические условия формирования готовности студентов к преодолению суеверий: дис. ... канд. псих. наук. Челябинск, 2005. 225 с.
5. Кулькова М.А. Семантика и прагматика немецких и русских народных примет (лингвокультурологический подход): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 216 с.
6. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь. СПб.: Нормит, 2003. 1536 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
8. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
9. Религиоведение: энцикл. словарь. М.: Академический Проект, 2006. 1256 с.
10. Садова Т.С. Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста: дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2004. 373 с.
11. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. С – Я / Ин-т лингвистических исследований РАН; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 800 с.
12. Смiliansкая Е.Б. Суеверие и народное религиозное вольнодумство в России XVIII в.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. 386 с.

13. Социологический энциклопедический словарь: на рус., англ., нем., фр. и чеш. яз. / ред.-координатор Г.В. Осипов. М.: ИНФРА-М; НОРМА, 1998. 488 с.
14. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. Т. 3. П – Р / под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. 3-е изд., испр. и доп. СПб.; М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1907. 1782 с.
15. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. Т. 4. С – Я / под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. 3-е изд., испр. и доп. СПб.; М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1909. 1619 с.
16. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель, 2000. Т. IV. 752 с.
17. *Фаттахова Н.Н.* Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках: сопоставительный аспект: дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2005. 402 с.
18. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
19. *Чергинец И.А.* Смыслопостроение суеверий и предрассудков в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. наук. Нальчик, 2008. 167 с.
20. *Шапарь В.Б., Россоха В.Е., Шапарь О.В.* Новейший психологический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2005. 808 с.

ФЛИГИНСКИХ ЕКАТЕРИНА ЕВГЕНЬЕВНА – аспирантка кафедры чувашского языкознания и востоковедения имени М.Р. Федотова, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары; преподаватель кафедры иноязычной речевой коммуникации, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (katenasmile@mail.ru).

FLIGINSKI KH EKATERINA – post-graduate student of Chuvash Language and Oriental Studies Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary; lecturer of Cross-Cultural Communication Chair, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 894.321

ББК 82.3

Р.Т. ЮЗМУХАМЕТОВ

РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА В ПОЭМЕ «ХОСРОВ И ШИРИН» ЗОЛотоОРДЫНСКОГО ПОЭТА КУТБА (XIV в.)

Ключевые слова: *Хосров, Ширин, Золотая Орда, Кутб, Низами, Иран, зороастрийцы, христиане, турки, мусульманская дидактическая поэзия, сосуществование культур, Ахура Mazda, Тенгере, Иисус Христос, Будда, христианские образы и мотивы, евангельские сюжеты, ветхозаветные мифы, мамлюки.*

Поэма «Хосров и Ширин» золотоордынского поэта Кутба создавалась в неоднородной культурной среде в XIV в. Принято относить этот литературный памятник к мусульманской любовной и дидактической поэзии. Однако жизнь главных героев развивается на фоне зороастрийских и христианских морально-этических представлений. Автором также включены и представления турок о «великом Тенгере» – как творце мироздания. Переписчик Берке Факих дополнил поэму вступлением и заключением, придавшим произведению мусульманский характер. Подробно рассмотрены религиозно-мифологические элементы разных культур, нашедших отражение в тексте этого поэтического произведения.

R. YUZMUHMETOV

RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL SITUATION IN THE POEM «KHOSROV AND SHIRIN» BY QUTB, THE POET OF THE GOLDEN HORDE (XIV CENTURY)

Key words: *Khosrow, Shirin, the Golden Horde, Qutb, Nizami, Iran, Zoroastrians, Christians, Turks, Muslim didactic poetry, the coexistence of cultures, Ahura Mazda, Tengre, Jesus Christ, Buddha, Christian characters and motives, the Gospel stories, myths of the Old Testament, mamluks.*

The «Khosrow and Shirin» poem by Qutub, the poet of the state of the Golden Horde, was created in a heterogeneous cultural environment in the XIV century. This literary work is commonly considered to belong to the Islamic love and didactic poetry. However, the life of the main characters develops on the background of Zoroastrian and Christian moral and ethical views. The author also included into the poem the traditions of the Turks with their belief in «the Great Tengri», the creator of the universe. Berke Faqih, the copyist and editor, added to the poem an introduction and a conclusion in the Muslim spirit. This article examined the religious and mythological elements from different cultures, reflected in the text of this poetic work.

Поэма «Хосров и Ширин» золотоордынского поэта Кутба дошла до нас в уникальной рукописи 1383 г., переписанной и отредактированной Берке Факихом в Египте. Она сейчас хранится в фондах Парижской национальной биб-

лиотеки. Рукопись была изготовлена в Александрии для местного кипчакского правителя Алтынбуги. Сама же поэма написана в 1341 г. в Белой Орде и посвящена цесаревичу Тенибеку, сыну хана Узбека.

Поэма-роман «Хосров и Ширин» будучи вольным переводом произведения персоязычного поэта Низами, одного из семи величайших поэтов Ирана, в своей основе больше тяготеет к *назире* (подражанию). В содержании этого произведения отражены события из истории Ирана и колоритные мотивы средневековой мифологии зороастрийцев, христиан, тюрков-тенгрианцев и др. Памятник интересен и тем, что отражает сложную культурно-историческую ситуацию, сложившуюся на территории Золотой Орды в тот исторический период.

Сейчас принято относить поэму «Хосров и Ширин» к мусульманской дидактической поэзии, однако это не совсем так. Во времена написания поэмы ислам только был введен как официальная религия Золотой Орды ханом Узбеком, при этом в стране были сильны и собственно тюркские степные шаманские традиции тенгрианства, и в политическом плане Узбеку приходилось преодолевать сопротивление шаманистов. Поэтому речь об исламской философичности произведения может идти только с оговоркой на внесенные дополнительные разделы позднейшим переписчиком-редактором Берке Факихом. Скорее всего, творческая среда поэта Кутба ещё не достигла тех высот, чтобы поэт мог в совершенной и развернутой форме организовать посвящение *Аллаху* и связать замысел своего творения с исламскими ценностями. Об этом свидетельствует дух написания основной части поэмы, где мы совершенно не обнаруживаем религиозного характера повествования, особенно это касается сцен с винопитием, любовными усадками героев, которые, скорее всего, не могли бы иметь место в «подлинно» исламском произведении.

Следует отдельно рассматривать основную часть поэмы и вступительно-заключительную части. Одна, очевидно, в основном написана поэтом Золотой Орды Кутбом с незначительными правками переписчиков, а другая составлена переписчиком Берке Факихом. При анализе основного текста поэмы (без вступления и заключения) видно, что автором развивается мысль о едином творце мира – небесном боге *Тенгре*. А исламский дух произведения, в его вводной и заключительной частях, был, скорее всего, привнесен переписчиком Берке Факихом, жившем в Мамлюкском Египте. Вступление поэмы построено по классическому мусульманскому канону. Вначале идет восхваление Бога (*Аллаха*), затем следует прославление Мухаммада – посланника Бога на земле, переписчик-поэт посвящает ему целый раздел во вступительной части. Во вступлении прославляются также и другие пророки: Иса (Иисус), Ягъкуб (*Иаков*), Дауд (*Давид*), Иосиф (*Иусуф*), Авраам (*Ибрахим*) и Адам. Упоминаются во вступлении и четыре праведных халифа. В вводной части звучат призывы к отказу от язычества, впрочем в основной части поэмы их практически нет. Исламская мифология, или точнее арабская доисламская, помимо имени бога – *Аллаха* – представлена также образами *шайтана* и *иблиса*, которые очевидно привнесены переписчиком Берке Факихом, так как они диссонируют с контекстом зороастрийско-христианского описания доисламского быта героев поэмы, перемешанного с тенгрианским мировоззрением автора поэмы – Кутба.

Главный герой Хосров, будучи иранским правителем, принадлежит к древней зороастрийской культуре, где почитается бог Ахура Мазда (аналог авраамического Бога-творца) и мироздание представляется как место постоянной борьбы двух начал – добра и зла, света и тьмы.

В поэме часто упоминаются такие персонажи древнеиранской мифологии, как *пери* (крылатые девушки), *дивы* (полубожества), *фариштэ* (послан-

ник, ангел, вестник), *Хомаюн* (птица счастья), *Симург* (вещая, пророческая птица), *дракон* (на Востоке – олицетворение космоса, вселенской гармонии).

Возлюбленная Хосрова, армянская принцесса Ширин, является христианкой по вере. Имя Ширин, по мнению исследователей, возможно, происходит от слова Сирия, некогда являвшейся важнейшей частью раннего христианского мира. Воспитательницей Ширин выступает армянская царица Мехинбану (в переводе с персидского её имя означает «луноподобная женщина»).

Хосров однажды, когда возжелал свою любимую Ширин без соблюдения свадебного обычая, получил отказ от возлюбленной. Это заставило Хосрова совершить другую ошибку – потеряв трон на родине, он бежал от любимой Ширин в Византию, и там женился на нелюбимой женщине Марьям, дочери византийского христианского императора. В результате родился нелюбимый ребенок от этого брака – сын по имени Шируя, который в конце поэмы и погубил Хосрова, своего отца.

Любопытными в поэме представляются и дружественные взаимоотношения между христианской и зороастрийской культурами. Так, царица Армении христианка Мехинбану отдает в пользу зороастрийского храма некоторое имущество:

Talim şükranalar berdi oşol dam qylyb köb *vaqyf* ataş hana-ya ham [4. С. 110].

Мехинбану, тотчас же выразила свою благодарность, отдала имущество храму огнепоклонников.

Примечательно, что в этом отрывке употреблено арабское слово *vaqyf* (вакф), относящееся к арабо-мусульманской культуре. Возможно, что переписчик употребил это слово как более понятное для своих современников, читателей-мусульман и передающее понятие *религиозного имущества*.

Образ Иисуса Христа и его матери Марии, Гайсы и Марьям служат этапом душевной чистоты в поэме. Так, ещё один ключевой персонаж поэмы – Шавур – описывает своему близкому другу Хосрову красоту Ширин:

jüzi şirin sözi şirin özi ham dami janqa sabab İsa va Marjam

Лицо привлекательное, слово сладкое, сама тоже.

Дыхание ее оживляет, как у Исы и Марьям.

Очевидно, что христианские образы и мотивы в эпоху написания поэмы имели важнейшее значение для читателей поэмы.

Ещё одна деталь заслуживает внимания, когда Шавур, друг Хосрова, поселяется близ места обитания Ширин в горах Кавказа, переодевшись в христианского монаха, – это тоже свидетельство о распространенности христианства на Кавказе:

Tüşüb dajr içra kirdi ol tutub fal oşol jan birla kim jürir köb abdal [4. С. 49].

Вошел Шавур, держал в руках он книгу гаданий (так ходят монахи по своему пути).

Когда умирает жена Хосрова Марьям, Ширин пишет письмо и утешает его, призывая забыть о горе, ибо он не сможет, «как Иисус», оживить умершую жену. Очевидно, здесь проводится параллель с чудесными евангельскими воскрешениями и исцелениями Иисусом разных людей, например Лазаря. Эти слова Ширин также характеризуют Ширин как христианку, а также свидетельствуют, что читатели поэмы были знакомы с евангельскими сюжетами.

Unut Marjam-ni az kör bu jafa-ny agar İsa ersañ bolmaz san any [4. С. 226].

Забудь ты Марьям, «Горя мало!» – скажи ты, ты не Иса, чтобы оживить её.

Marjam öldi 'İsa bolsun baqi [4. С. 227].

Если Марьям умерла, то пусть Иса будет вечно.

Помимо евангельских мотивов, в тексте поэмы обнаруживаются и ветхозаветные мифы. Например, история рождения женщины из ребра Адама и первородного греха человечества:

Jaratmyš sol jandyn haq [4. С. 173].

Создал творец из левого ребра женщину.

Bag ersa jazuqum san rahim qyl jazuq bu adami-din rasm erür bil [4. С. 261].

Если совершу я грех, прости меня, знай, что грех был совершен прадедом Адамом...

Таким образом, можем предположить, что рождение поэмы «Хосров и Ширин» иранского поэта Низами и последующий одноименный вольный перевод золотоордынского поэта Кутба связаны с неоднородной культурной средой, преобладанием зороастрийской и христианской традиций, которые мирно ладили друг с другом. Известно, что в Золотой Орде наблюдался расцвет разных культур, в том числе и христианской, в частности строились церкви и монастыри. Исламский компонент в поэме появился позже, уже в Мамлюкском Египте, благодаря переписчику-редактору текста Берке Факиху, имя которого само по себе свидетельствует о его духовном служении исламу и который преобразил оригинал поэмы, превратив его в мусульманское дидактическое повествование.

Литература и источники

1. *Алиев Г.Ю.* Из истории распространения тем и сюжетов Низами в литературах народов Востока. М.: Наука, 1985. 134 с.
2. *Алиев Г.Ю.* Темы и сюжеты Низами в литературах народов Востока. М.: Наука, 1985. 332 с.
3. *Бертельс А.Е.* Художественный образ в искусстве Ирана IX-XV веков (Слово, изображение). М.: Восточная литература, 1997. 422 с.
4. *Зайончковский А.* Старейшая тюркская версия поэмы «Хосров и Ширин» Кутба. Варшава, 1958. 304 с.
5. *Котб.* Хосров и Ширин (на арабской графике): в 2 ч. / науч. ред. Х.У. Усманов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1969. 440 с.
6. *Миңнегулов Х.Ю.* Котб ижаты. Казан: КДУ нәшр., 1976. 79 б. (на тат. яз.).
7. *Мухаметзянов И.М.* Фольклор в поэме Кутба «Хосров и Ширин»: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 151 с.
8. *Таһирҗанов Г.* Котбның «Хәсрәү вә Ширин» әсәре // Татар әдәбияты тарихы. Урта гасыр дәвере. Казан, 1984. Т. 1. 169–170 б. (на тат. яз.).

ЮЗМУХАМЕТОВ РАМИЛЬ ТАГИРОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры индоиранских и африканских языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (magg73@mail.ru).

YUZMUHAMETOV RAMIL – candidate of philological sciences, associate professor of Indo-Iranic and African Languages Chair, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia. Kazan.

УДК 070 (4/9)
ББК 76.01 (2Рос=Чув)

И.В. ВАРЛАМОВА

СМИ ЧУВАШИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РЕГИОНА

Ключевые слова: средства массовой информации, пресса, Чувашия, журналистика, медиаобраз, конвергенция, глокализация, интеграция, общественное мнение, образ региона.

В формировании современного образа Чувашии одна из ведущих ролей принадлежит республиканским СМИ. На медиарынке России они представлены мощным информационно-издательским комплексом, модернизирующимся в соответствии с реалиями современной действительности и уверенно смотрящим в будущее.

I. VARLAMOVA

MASS MEDIA OF CHUVASHIA AS A TOOL OF FORMING THE IMAGE OF THE REGION

Key words: mass media, press, Chuvashia, journalism, media image, convergence, globalization, integration, public opinion, image of a region.

At the formation of the modern image of Chuvashia one of the leading roles belongs to the Republican mass media. On the Russian mass media market they are presented as a powerful information-publishing complex, modernizing in accordance with the realities of contemporary reality and confidently looking into the future.

Согласно официальным данным, на сегодняшний день на местном уровне медиапортрет республики формируют 185 зарегистрированных средств массовой информации, в том числе 133 печатных, а также электронные СМИ, радио и ТВ-программы, информагентства, Чувашское книжное издательство.

При этом Чувашия – один из немногих регионов, где пресса продолжает активно развиваться и удерживать прочные позиции. Тиражи печатных изданий в последние годы здесь демонстрирует стабильность и даже постепенный рост. По данным Ассоциации распространителей печатной продукции (АРПП), по итогам подписки на газеты и журналы на первое полугодие 2013 г. по сравнению с соответствующим периодом 2012 г. в Чувашии подписные тиражи выросли на 5%. Хотя в целом по стране прослеживается прямо пропорциональная отрицательная динамика.

Наиболее уверенно в ходе подписных кампаний чувствуют себя районные и городские газеты республики. Так, по итогам 2011 г. рост числа их подписчиков составил 6% к показателям 2010 г. Подписка на республиканские газеты выросла на 1,6%. По данным Мининфорполитики Чувашии, в 2013 г. районные и городские издания по-прежнему остаются востребованными, их тираж в 2012 г. увеличился на 3,7% и в совокупности составил 85 тыс. экземпляров [1]. В контексте общероссийской тенденции снижения тиражей ситуация на рынке печатных СМИ республики выглядит оптимистично. А значит, население Чувашии по-прежнему читает местную прессу, доверяет и прислушивается к ней.

Корни этой доверительной привязанности уходят в далекое прошлое, в котором появление чувашской печати стало событием знаковым и желанным для всего чувашского народа.

Исторически возникновение журналистики в крае было тесно связано с желанием первых идеологов чувашского просвещения скорректировать репутацию национального сообщества как бесперспективного и обреченного на вымирание в результате вырождения коренной культуры и письменности.

Еще до появления подлинно национальных газет первые чувашские публицисты XVI – XIX вв. в прессе соседствующих губерний делали попытки презентовать широкой общественности положительный образ края и насе-

ляющего его народа. В своих статьях они старались развеивать мифы, порождающие ошибочные представления о чувашах как о темной и неспособной к развитию, созданию духовно-ценностных благ нации.

Мифы эти были рождены и подпитывались дискриминационной политикой царской власти в отношении малых нерусских народностей. Она предполагала подавление стремления инородцев к этнокультурному строительству и просвещению, поскольку такое положение дел облегчало возможности управления и манипулирования ими. Ожидалось, что при таком раскладе с течением времени чувашский народ продолжит ассимиляцию с русскими вплоть до полного исчезновения коренной культуры.

В сложившейся ситуации чуваша, по сути, многие годы находились в условиях языкового, информационного, образовательного, культурного, экономического и политического неравенства. В результате проводимой властями политики не то что периодика, но и книги для чувашей почти не издавались. С 1800 г. по 1871 г. было издано на чувашском языке только 20 книг, да и те с целью пропаганды. Из них 17 были религиозного содержания, остальные славили царский режим [7], русский и славянский тексты в них переводились на чувашский язык дословно, без литературной редакции. Сам чувашский текст печатался русскими буквами, а потому язык фонетически искажался, зачастую до неузнаваемости и был непонятен чувашам.

Первые образцы чувашской публицистики создавались для народа, во имя его интересов и, что немаловажно, выходцами из простонародья. Они сыграли существенную роль в конструировании адекватных представлений о возможностях и перспективах развития нации и подготовке почвы для преобразований в социальной жизни этноса.

Впоследствии лучшие традиции чувашской публицистики продолжает первая национальная газета «Хыпар» («Весть»). Ее появление стало возможным только в начале XX в. и было сопряжено со многими бюрократическими трудностями. Созданная по замыслу и на средства народных энтузиастов-интеллигентов газета была скептически встречена властями, но тепло принята населением и в дальнейшем широко поддерживалась им не только идейно и деятельно, но и материально.

Дебютный номер «Хыпар» увидел свет 8 января (21 января по новому стилю) 1906 г. Несмотря на то, что на первом этапе своей жизни издание просуществовало недолго, исследователи отмечают его важнейшее значение в культурном наследии чувашского народа.

Благодаря газете впервые в истории края чувашский народ обрел свою трибуну и голос. При участии первых народных корреспондентов и издателей газеты «Хыпар» становится информационным вестником, проводником просвещения, побудителем культурного строительства, средством пробуждения социально-политического сознания чувашей, рычагом этноконсолидации, каналом формирования социально-рентабельного образа Чувашского края и его населения. В конечном счете газета сыграла значительную роль в эволюции нации, сделала необратимым процесс развития национальной печати, которая впоследствии стала продолжателем ее традиций.

В статье «Против узости и пессимизма» А.М. Горький так писал о событиях тех лет: «... в 1905 году племя чувашей пыталось издавать газету, она существовала год, имея тысячу подписчиков и миллион чувашей. За последние 10 лет чуваша создали 5 газет, одна имеет уже 10 тысяч подписчиков, выросло до тысячи число корреспондентов, существует чувашское книгоиздательство, создан в Чебоксарах национальный музей, библиотека, оркестр, хор. До революции было 30 чувашей с высшим образованием, сейчас их 600» [2. С. 23].

В советский период власти начинают массовую подготовку национальных профессиональных квалифицированных кадров во всех сферах деятельности, создают условия для создания этнически окрашенной социокультурной инфраструктуры, идеологически и материально поддерживают индустрию национальной печати. Все это формирует благоприятные условия для развития национального института СМИ, литературы, полиграфической отрасли.

Крепнет кадровая, материальная база чувашской прессы, происходит ее законодательная поддержка. В апреле 1923 г. XII съезд партии принимает резолюцию о дифференциации газет и журналов. «Для каждого основного слоя читателя, – говорится в постановлении съезда, – необходимо создать особый тип газеты» [3. С. 40]. Для этих и других целей СМИ получают значительные финансовые вливания в виде государственных дотаций.

Это способствует росту количества периодики, появлению новых типов изданий – активное развитие получает фабрично-заводская, партийная и районная пресса. Кроме того, происходит процесс дробления национальной периодики по тематическому содержанию: помимо общественно-политических и аграрных изданий появляется молодежная, литературно-художественная, сатирическая пресса.

В 1930-х гг. газеты и типографии появляются уже во всех районах. Они, наравне с клубами, становятся центрами общественной и культурной жизни. Пресса не просто описывает события, а активно участвует в жизни колхозов, оказывая сельским жителям посильную помощь в организации хозяйства и организуя их досуг.

«В каждой деревне сплывались колхозы. И газетчики, и полиграфисты стали их постоянными помощниками, – вспоминает в те годы редактор передвижной газеты «За колхоз» Н.Т. Васянка. – Колхозу «Янду» мы помогли купить косилку. На средства, пожертвованные нашими коллективами, также купили сеялку» [3. С. 50]. В его воспоминаниях также рассказывается, как районные типографии и редакции проводили культурно-массовую работу, устраивали концерты, организовывали самодеятельность: хоровые, спортивные, оркестровые и драматические кружки.

В связи с ростом количества периодики и книг в 1933 г. создается газетно-журнальное издательство. В 1935 г. в Чебоксарах построен Дом печати с собственной типографией, здесь размещаются редакции республиканских газет и журналов, книжное издательство, а также правление Союза писателей Чувашии.

В послевоенные годы информационно-издательская отрасль Чувашии развивается ускоренными темпами. В 1981 г. в республике выходит уже 56 газет и 5 журналов общим тиражом 700 тыс. экз. В каждую семью в среднем поступает по 4 периодических издания [4. С. 20].

В этот период, а также на протяжении, пожалуй, всего времени действия в стране коммунистического режима, наиболее популярными игроками прессы Чувашии, флагами печати являются три республиканские газеты: общественно-политические «Коммунизм ялавё» («Знамя коммунизма» – выходит под этим названием с 1952 г., преемник «Хыпар») и «Советская Чувашия», а также первая молодежная газета, пережившая несколько переименований – «Ҫамрăк коммунист» («Молодой коммунист», выходит также в русскоязычном формате).

Пресса Чувашии советского периода сыграла большую роль в вовлечении населения в общественно-политическую жизнь страны и края, популяризации всеобщего образования, национальной культуры и разного рода новаций. Она была проводником передовых идей. В частности, именно ей принадлежит большая роль в создании в крае книгоиздательской отрасли. Малоизвестно, что национальная пресса оказала значительное влияние и на распространение на тер-

ритории республики радиовещания. Большую информационную поддержку печать оказала и в период становления в Чувашии телевидения (1960-е гг.).

Хотя партийная принадлежность оказала на печать этого периода пропагандистское воздействие со всеми вытекающими последствиями, можно говорить о том, что в остальном национальная пресса этого времени продолжает традиции первой чувашской газеты «Хыпар». Она не меняет своих позиций: готовит почву для внедрения передовых преобразований, технологий и идей, большое внимание уделяет национальному вопросу, народным чаяниям, всестороннему информированию читателей о самых важных событиях и свершениях, отражает идентичную реальную картину жизни региона, в конечном счете формируя его медиапортрет, сотканный из сотен тысяч публикаций.

«Прежде всего, сказалось страстное желание журналистов служить народу, которое они сумели сохранить, хоть и работали долгие годы под тяжелым гнетом запретов и указаний вождей», – объяснит позднее этот факт редактор Шемуршинской районной газеты «Коммунизм сулэ» («Путь коммунизма») П. Фомин в одном из своих интервью [7. С. 2].

В конце XX в. постепенное появление новых законодательно закрепленных свобод, связанных с переходом государственной политики на новые «рельсы» демократизации, значительным образом отражается на функционировании системы СМИ и на общественной жизни в целом.

С открытием для гласности новых тем и новых возможностей для самих журналистов работникам пера стало работать интереснее, но и труднее. Реформы переходного периода, несмотря на свой либеральный характер, ставят в непростое положение редакции газет и журналов. СМИ, как и другие отрасли хозяйства страны, терпят серьезные убытки.

Даже в самые сложные годы жители Чувашии проявляют большую заботу о местных изданиях, многие и в это время не отказываются от подписки. Люди безвозмездно спонсируют любимые газеты, вкладчину, «всем миром», спасая их от разорения: «Особую уверенность вселяет в нас поддержка народа. Только в нынешнем году десятки селян перечислили на наш счет тысячи рублей из своих сбережений. <...> И, главное, надеемся на дальнейшую дружбу с нашими постоянными подписчиками, которые, несмотря на «кусачие цены», не расстанутся с нашей газетой и в следующем году» [7. С. 2].

В 1994 г. постановлением № 5 Кабинета министров Чувашской Республики от 31 марта 1994 г. было образовано Министерство информации и печати Чувашской Республики. Оставшаяся практически без финансирования отрасль получила существенную поддержку со стороны властей.

В этот период важной вехой развития информационной отрасли края стало ее полноправное интегрирование в российское и международное информационное пространство благодаря курсу на развитие информатизации, объявленному в то время президентом Чувашской Республики Н.В. Федоровым. В качестве одного из приоритетов развития республики он провозгласил создание общереспубликанской компьютерной сети, которая позволила бы решить две основные задачи: создание технических возможностей для решения информационных задач и, затем, постепенное заполнение информационного пространства.

В рамках осуществления поставленных задач в 1995 г. была создана система компьютерной Интранет-связи между министерством и рядом подведомственных газет. Все редакции, а также Чувашское книжное издательство были оснащены компьютерным оборудованием, модемным доступом к Интернету. На завершающем этапе все государственные, и по желанию – других форм собственности, печатные и электронные СМИ республики были объединены в сеть «СМИ Чувашии». Сеть имеет выход на сервер Администрации президента ЧР, министерства и ведомства республики, местные органы вла-

сти и управления, федеральные компьютерные сети. Так впервые в России была создана своя информационная система средств массовой информации, в которую включены и редакции всех районных газет.

Это начинание положило начало новому медиатренду – процессу конвергенции печатных СМИ региона. Игроки республиканского пресс-поля начали освоение сети, в рамках газетных проектов запустили Интернет-версии своих изданий. Сайты районных газет, подведомственных министерству, организовали на базе портала органов власти республики www.sar.ru. На сегодняшний день свои Интернет-версии есть у всех городских и районных, республиканских газет Чувашии. Это позволяет им сохранять конкурентоспособность и шагать в ногу со временем, с одной стороны, и с другой – выходить со своими локальными информационными продуктами на глобальный уровень – за рамки своего региона, страны, а значит, и расширять свою аудиторию.

Еще один мощный тренд второй половины девяностых, позволивший местной прессе в сложной экономической ситуации не только остаться на плаву, но и усилить свои позиции, – процесс интеграции. С целью улучшения материального положения газет и журналов в республике создаются издательские дома (как юридические лица) в форме объединения типографий и редакций. Объединение усилий позволяет более эффективно решать возникающие проблемы, сократить управленческий аппарат и расходы. В частности, появляется возможность более целесообразно использовать деньги, выделяемые на поддержку средств массовой информации. За счет объединения значительно выросла доходность «районки» (в среднем на 20%, а кое-где и на 40%).

Интеграция государственных СМИ в издательские дома позволила выжить многим из них в условиях экономического кризиса 1998 г. Отметим, что Чувашия первой в России реализовала эту концепцию в государственном секторе СМИ. Так в регионе появились новые издательские дома. Наиболее крупными стали «Хыпар» (этому способствовало создание редакционным коллективом предприятия на базе газеты ряда новых изданий) и «Советская Чувашия» (она объединила под одной «крышей» несколько газет и сеть по распространению периодики). Процессы слияния произошли и в частном секторе. Коммерческие масс-медиа региона начали объединяться в медиаконцерны, нередко помимо средств массовой информации интегрирующие в свою структуру непрофильные бизнес-активы.

Третья векторная тенденция периода – глокализация российских медиа-активов. Общероссийские массовые еженедельники в рамках политики регионализации продают свои франшизы в регионы, где организуются франчайзинговые локальные редакции, а также открывают на партнерских условиях региональные представительства, где готовятся региональные вклады к центральным изданиям с материалами о местных событиях. Так, в Чувашии появились сначала «Аргументы и факты» Чувашия», потом «Московский комсомолец» в Чебоксарах» и «Комсомольская правда» Чувашия». Эти российские адаптированные к локальному региону продукты также стали популярны среди местного населения. Далее этой схемой воспользовались и другие издания, в частности, появившаяся «жёлтая» пресса, например, газета «Жизнь», а также развлекательные журналы-телегиды «Телесемь» и «Теленеделя».

Отметим, что тиражи прессы (а также книжной продукции) периода демократизации значительно скромнее советских. Сказываются появившееся богатое разнообразие на рынке масс-медиа, возросшая конкуренция, в том числе и с электронными СМИ, а также с международными средствами массовой информации, которые в обилии развернулись на информационном поле страны и региона. Падение тиражей было также обусловлено годами финансовых неурядиц, когда резкое и продолжительное снижение платежеспособности заста-

вило аудиторию умерить свои читательские «аппетиты», сократить количество выписываемых газет в среднем с четырех до одного наиболее интересного издания, а нередко и вовсе отказаться от подписки. Рост цен, правда, оказался менее ощутим в секторе государственных дотационных изданий региона, где сдерживать рост подписных цен помогали власти республики.

Заметим, падение тиражей не свидетельствует о снижении интереса и доверия к прессе в целом. На сегодняшний день, согласно социологическому исследованию, проведенному Чувашским государственным институтом гуманитарных наук, популярность местных СМИ среди населения республики растет. Со стороны читательской аудитории происходит повышение интереса к региональным, локальным новостям. Причем жители Чувашии при выборе источника информации отдают большее предпочтение местным газетам, нежели радио и телевидению [1].

Исследование чувашской республиканской общественной организации социологов «Центр политических и маркетинговых исследований «СОЦИС-М»» также показывает, что именно пресса среди прочих средств массовой информации в Чувашии – бесспорный лидер в рейтинге доверия у населения. При этом из общественно-политических изданий больше всего читатели региона верят «Советской Чувашии» – за нее отдали свой голос 19% опрошенных, 12% респондентов доверяют «Аргументам и фактам» Чувашия», 9% – газете «Московский комсомолец» в Чебоксарах» [5. С. 62]. Очевидно, что доверие аудитории порождает и интерес: аналогичным же образом места распределились и в рейтинге популярности.

Таким образом, на протяжении многих лет местная пресса была и остается трендсеттером информационного рынка Чувашской Республики, именно коммуникационные каналы печатных СМИ можно считать одним из основных инструментов формирования общественного мнения в регионе, а значит, и ведущим каналом конструирования медиаобраза Чувашии.

Анализ республиканских изданий позволяет нам объяснить причину стабильной популярности местных изданий среди населения республики. Сегодня, следуя лучшим традициям местной журналистики, корреспонденты чувашских газет по-прежнему продолжают «ходить в народ» и не живут исключительно в он-лайне. Они смотрят на мир глазами своих читателей, существуют с ними в одной ментальности, рассказывают о самых актуальных событиях, позволяя составить полноценное представление о разных сторонах жизни края.

При этом местная пресса шагает в ногу со временем, активно включена в глобальное международное информационное пространство, что позволяет ей расширять свою аудиторию, напрямую общаться со своими читателями и позиционировать регион далеко за его пределами. Сохраняя лучшие традиции и воспринимая инновации, пресса Чувашии не растеряла наиболее ценный капитал, которым владела – доверие аудитории и единение с ней.

Литература

1. В Чувашии местные издания популярнее федеральных [Электронный ресурс] // Мининформполитики Чувашии: офиц. сайт. URL: http://www.cap.ru/info.aspx?gov_id=243&id=2691719&type=news&page=5&size=20.
2. Горький М.А. Рабселькорам (письма). М.: Правда, 1928. 24 с.
3. Изоркин А.В., Петров А.П. Издательству и полиграфии в Чувашии 50 лет. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1970. 72 с.
4. Михайлов А. Трибуна партийного и общенародного мнения // Блокнот агитатора. 1981. № 7. С. 19–21.
5. Моисеев А.Н. Средства массовой информации и общественное сознание / Чуваш. гос. пед. ун-т. Чебоксары, 2009. 140 с.
6. Печать Чувашской АССР / сост. М.И. Петрова. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. 63 с.
7. Тимофеев А. Изменилось не только название // Советская Чувашия. 1993. № 172(20375).

ВАРЛАМОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры печатных СМИ, Академия медиainдустрии, Россия, Москва (varlamova1986@list.ru).

VARLAMOVA IRINA – post-graduate student of Print Media Chair, Academy of the Media Industry, Russia, Moscow.

УДК 332.1
ББК 65.04

И.В. ВАРЛАМОВА

ИМИДЖ РЕГИОНА КАК РЕПУТАЦИОННЫЙ КАПИТАЛ

Ключевые слова: регион, паблик рилейшнз, геоимиджирование, имидж региона, репутация, аудитория, конкуренция, капитал.

Создание когнитивной имиджевой структуры региона имеет своей целью не просто получение социального одобрения от целевой аудитории. Стратегии геоимиджирования ориентированы на содействие в решении ряда прагматических задач, которые в конечном счете подразумевают обеспечение территории социально-рентабельной репутации, возникновение «прибавленной стоимости», увеличение позитивной эмоциональной капитализации региона в восприятии целевыми группами. Многие идеи и практические наработки по формированию имиджа территорий еще не корреспондировались в теорию непосредственно и не подвергались научной апробации, что оставляет их за рамками когнитивного восприятия большинства специалистов по связям с общественностью. Вопрос о сущности и трактовке феномена регионального имиджа до сих пор также остается открытым.

I. VARLAMOVA IMAGE OF A REGION AS REPUTATION CAPITAL

Key words: region, public relations, geoimaging, the region's image, reputation, audience, competition, capital.

The creation of cognitive image structure of a region aims not just for social approval from the special audience. The strategies of the geoimaging are oriented on the assistance in solving a diversity of pragmatic tasks that ultimately imply the supplying of a territory with socio-profitable reputation, an occurrence of «added value», an increase of positive emotional capitalization of a region in the perception by special groups. Meanwhile many of the ideas and practical experience of image formation of the territories have not yet corresponded to the theory itself and not subjected to scientific approbation that leaves them outside the cognitive perception of the majority of specialists in public relations. Including, a question about the nature and interpretation of the phenomenon of regional image remains until now open.

Наличие положительной репутации территориального пространства в сознании целевых групп способствует переходу от знания к доверию, т.е. прогнозированию политико-культурного «поведения» в желательном ключе внутри государства и в рамках международных отношений, а также внутри самой территориальной общности. Предсказуемость поведения, надежность в сотрудничестве, устойчивость ожидаемых характеристик во времени, являющиеся компонентами положительной репутации в конечном счете, – есть важная часть механизма принятия внешне- и внутривнутриполитических и экономических решений. Для региона это означает наличие дополнительного конкурентного преимущества при решении тех или иных конъюнктурных вопросов – продвижении политико-экономических и социальных интересов, привлечении капитала и ресурсов для региональных программ, установлении трансграничного экономического и гуманитарного сотрудничества и т.д. Ведь очевидно, что российские регионы находятся в условиях неравномерного экономического и социокультурного развития и ведут между собой конкурентную борьбу за внимание общественности и капиталовложения как внутривнутригосударственных структур, так и зарубежных инвесторов не меньше, чем корпорации на национальной и общемировой глобальной арене. Все это выводит проблемы геоимиджирования на принципиально новый уровень осмысления.

В последние годы проблемы эффективного территориального имиджбилдинга и необходимости специализированного, планомерного и профессиональ-

ного создания привлекательных пространственных имиджей, которые позволили бы локальным территориям обеспечить себе релевантную репутацию в современных контекстуальных условиях, стали активно артикулироваться в кругах интеллектуальных и политических элит.

Между тем научный дискурс в сфере территориального направления отечественной пиарологии представлен недостаточно обширно по сравнению с другими базисными субъектами публичной сферы. В настоящее время среди литературы имиджевой тематики преобладают материалы, посвященные проблеме персонального и корпоративного (партийного) имиджа и их позиционирования в рамках политического и экономического метапространства. Существующие подходы хотя примордиально базируются на общей онтологической и гносеологической платформе, не могут тотально экстраполироваться на проблемы геоимиджа с его сложносочиненной структурой, поскольку территориальный имидж, многочисленные элементы которого находятся в постоянном процессе эмерджентности, модификации и девальвации, в состоянии конкуренции за степень влияния на сознание целевых групп, обладает значительной спецификой. Это значит, что подходы к пониманию геоимиджа и разработка эффективных стратегий территориального имиджирования нуждаются в дополнительной рефлексии, «селекции» продуктивных и эвристике новых методик, в интеграции накопленного теоретического и прикладного опыта.

Прежде чем обратиться к вопросам конструирования пространственного имиджа, на наш взгляд, правомерно говорить о детерминировании самого понятия территориального имиджа – каковы его сущность и специфика?

Генезис исследований понимания данного феномена в классической науке прослеживается в трудах ученых-географов прошлого столетия. Их выводы лежат в основе современных принципов эффективных стратегий геоимиджирования и описывают некоторые важные признаки территориального имиджа.

Один из первых исследователей пространственных представлений В. Семенов-Тянь-Шанский в своей монографии «Наука и страна» уже констатирует, что создание образа территории – «наука изобразительная» [13. С. 261], «близка к искусству», ее цель – «дать характерную картину тех или иных сочетаний, выявляя определенные типы, – «одни резкие черты» [13. С. 29]. Эту точку зрения логически развивает и Н. Михайлов, который пишет в своей статье, что «путь к образу открывается самим стремлением к географической специфике, <...> необходимости давать в описании концентрированный, сильно отгенерированный географический синтез. Он может найти свое выражение в сжатом образе» [9. С. 29]. Наш современник Д. Замятин отмечает, что «устойчивые пространственные представления <...> являются, как правило, компактными моделями определенного географического пространства, созданными для более эффективного достижения какой-либо поставленной цели»; основоположник когнитивной географии Н. Замятина отмечает, что «составляющая географический образ совокупность представлений должна быть целостной и внутренне непротиворечивой» [5].

Таким образом, исследуя пространственные образы, географы прошлого и современности сформулировали важные параметры, которые сегодня закладываются в основу территориального имиджа, – это *эстетичность, компактность и целостность*. Действительно, создание «живописного» территориального имиджа требует особой искусности, ведь его задача облагородить впечатление, которое территория производит на целевую аудиторию. Сам имидж при этом представляет собой не что иное, как свернутое сообщение, которое акцентирует внимание на специально вычлененных из общего бытийного контекста, наиболее выгодных характеристиках субъекта и объекта имиджирования. Это необходимо, чтобы не перегружать ментальную карту

рецепиента и зафиксировать в сознании как можно более четкий и понятный региональный образ с конкретно «осязаемыми» когнитивными контурами.

Присовокупим к выводам географов умозаключения американского социолога и одного из первых теоретиков территориальной имиджеологии Д. Бурстина [1. С. 291], который в конце прошлого века в своей книге «Имидж» характеризует *символичность* как еще один важный параметр геоимиджа – при помощи символов когнитивная карта имиджевой структуры наполняется понятными аудитории смыслами, заряжается на производство определенного впечатления. При этом, говорит Бурстин, содержание имиджевого сообщения должно базироваться на принципе *правдоподобности*, *быть основанным на достоверных фактах*. То есть смысловые коды, заложенные в имидже, должны быть релевантными здравому смыслу, идентифицироваться с конкретной территорией. Без этого условия невозможно создание позитивного имиджа пространства, вызывающего доверие у людей, обеспечивающего формирование символического «репутационного капитала». Вместе с тем имидж предполагает некоторую долю *идеализации* объекта, может преувеличивать его положительные характеристики и нивелировать отрицательные стороны в соответствии с поставленными при его формировании задачами. Благодаря идеализации имидж заряжается положительной экспрессией. *Эмоциональность* способна обеспечить имиджу больший отклик у целевой аудитории.

Принимая во внимание социокультурные реалии современного глобального мира, добавим, что эффективный территориальный имидж сегодня также должен включать такие параметры, как:

– *адаптивность* – имидж должен быть подвижным и адаптироваться к глобальным конъюнктурным условиям;

– *ориентированность на базовые императивы* – содержать понятные глобальному социуму смысловые коды и символы;

– *стереотипность* – представлять собой относительно фиксированный, достаточно упрощенный, сжатый когнитивный «шаблон», заданный базовым набором определенных смысловых компонентов для более простого восприятия в условиях продолжающейся интенсификации информационных потоков;

– *самобытность* – активно формулировать и транслировать региональную идентичность, национальное своеобразие, демонстрировать уникальные характеристики, ресурсы и возможности территории.

– *медийность* – активно использовать средства массовой информации и коммуникации, которые сегодня являются одним из основных инструментов ментального внедрения имиджеформирующей информации о территории.

Очевидно, что имидж территории – явление сложное и многоплановое. Прикладное значение пространственного имиджа характеризуется выполнением ряда функций, часть из которых кристаллизуются или существенно актуализируются в условиях глобализации. С позиций нашего исследования наиболее емко функционал геоимиджа в глобальном мире раскрывает классификация функций имиджа государства, разработанная В. Артемовым, Ю. Быбой, О. Васильевой, И. Колотий, В. Комаровским [10. С. 83]. Они выделяют ряд следующих функций пространственного имиджа:

1. *Нормативная*. Проявляется в символической демонстрации конкретных характеристик социокультурного и политико-экономического развития, паттернов политического и идеологического поведения.

2. *Функция идентификации*. Позволяет детерминировать когнитивное восприятие региона в апперцепции целевых групп, определять его в системе других территориальных пространственных субъектов, делать его запоминаемым.

3. *Интегративная (консолидирующая)*. Функция сплочения общества. Консолидирует усилия национальных общностей по обеспечению стабильного развития, а также отстаивания национальных интересов в стране и мире.

4. *Коммуникативно-познавательная.* В условиях, когда увеличивающиеся информпотоки зачастую усложняют для индивидуума процесс осмысления постоянно меняющегося окружающего мира, имидж региона выполняет посредническую функцию между насыщенным виртуализированным знаково-информационным миром и обыденным сознанием, физически неспособным к рецепции и переработке всего массива информации, циркулирующего в глобальном мире. Имидж региона компактно ретранслирует смысловые коды, кристаллизуя в сознании индивида сжатый, но емкий образ. Кроме того, наличие социально приемлемого в международном поле имиджа, основанного на приятии установленных норм и ценностей целевой аудитории, является своего рода символическим сигналом, опознавательной меткой, свидетельствующей о том, что территория готова к поддержанию конструктивного диалога с другими территориальными субъектами, а значит, может включиться в систему международных общественных связей.

5. *Прогностическая* [2. С. 65]. Осуществление прогностической функции означает создание для аудитории своего рода символической гарантии предсказуемости поведения, устойчивости ожидаемых признаков во времени, когда действия территориального актора кажутся общественности понятными, ожидаемыми и логичными.

Добавим к этой классификации важную, на наш взгляд, функцию *конструирования публичного дискурса* как одну из базовых в публичной рилейшнз, актуальную и для имиджа территории. Ее реализация предполагает репрезентацию территории и формирование для нее в публичном пространстве информационного поля положительно заряженных смыслов, а также создание возможностей наиболее «выгодной» интерпретации тех или иных взаимосвязанных с территорией событий. Посредством дискурса осуществляются позиционирование и экспликация геоимиджей в публичном информационном пространстве.

Добавим, что категория территориального имиджа, как и феномен имиджа в принципе, пока не нашла четкого детерминирования в научной и прикладной литературе. Экспликация понятия затрудняется и большим разбросом в толковании, поскольку единого образца толкования феномена пока не выработано:

– О. Прасолова считает, что имидж территории – «это мнение о регионе, основанное на его специфических особенностях, сформированное в сознании целевой аудитории посредством СМИ для обеспечения оптимальной коммуникативной среды географического субъекта PR» [11. С. 37];

– политолог И. Важенина отмечает, что имидж территории имеет ярко выраженную эмоциональную природу и «возникает по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических, морально-психологических и других особенностей данной территории» [3. С. 22].

– маркетолог Ф. Котлер с соавт. подразумевает под имиджем территории сумму убеждений, представлений и впечатлений людей в отношении этого места <...>. Это упрощенное обобщение большого числа ассоциаций и кусков информации, связанных с этим местом. Имидж является продуктом ума, пытающегося обработать и выбрать существенную информацию из громадных объемов сведений о месте» [6. С. 205].

И. Сушненкова и Ю. Маркина трактуют, конкретизируют и раскрывают понятие «имидж региона».

И. Сушненкова подчеркивает символичность и целостность представлений о регионе как имманентные характеристики имиджа региона и считает, что он формируется посредством информационного воздействия [15].

Ю. Маркина определяет имидж региона как относительно устойчивую и воспроизводимую в массовом и индивидуальном сознании совокупность

эмоциональных, рациональных представлений, убеждений и ощущений людей, которые возникают по поводу особенностей региона, складываются на основе всей информации, полученной о регионе из различных источников, а также собственного опыта и впечатлений [7].

И. Рожков и В. Кисмерешкин считают, что это «искусственное образование, сформированное на основе личного опыта людей или под воздействием источников информирования и навязывающее целевой аудитории определенное восприятие территории» [12. С. 17].

Не претендуя на представление полного спектра всех определений, раскрывающих бытийные характеристики пространственного имиджа и не ставя перед собой такой задачи, проанализировав суждения предшественников в специальной литературе, посвященной данной тематике, приведем свои выводы в отношении озвученного вопроса и сделаем собственную попытку раскрыть сущность понятия. В рамках нашего исследования логично говорить о феномене *регионального имиджа* как базового для нашей работы.

Регион, как и другие субъекты имиджмейкинга, обладает рядом бытийных характеристик, присущих ему имманентно. Эти примордиальные специфические параметры, присущие конкретному региону, являются базисной основой для конструирования смыслового наполнения стратегии пространственного имиджирования. Поэтому для достижения большей точности детерминирования обратимся к экспликации термина «регион».

Термин «регион» получил обращение в России в середине позапрошлого века, им обозначались «любые территории, по особым признакам, отличающиеся от других систем территориального членения и не позволяющие обозначить их соответствующими этой системе терминами» [4. С. 15].

Существующие на сегодняшний день трактовки понятия регион многозначны, разнятся подходами к описанию в зависимости от сфер науки, представители которой производят экспликацию термина. Географы предлагают территориальный признак как критерий выделения региона, экономисты фактически рассматривают регион как экономический район, социологи считают, что региональное членение основывается на социально-территориальной общности – совокупности социальных, экономических, политических факторов развития территории [7. С. 21].

В нашем понимании трактовать термин «регион» в соответствии с узкоспециализированными дисциплинарными задачами означает недостаточно полно раскрыть его суть. Так, например, хотя территориальная привязка существенна для региона, она не является абсолютным созидательным базисом и бытийным основанием категории. Необходимо признать, что наряду с признаком места «необходимой предпосылкой формирования региона на определенной территории является наличие специфики экономического состава и организации» [8], а также существование цементирующей общность своеобразных социокультурных особенностей. В связи с этим наиболее оптимальным, на наш взгляд, является официальное определение термина, с некоторыми оговорками компилирующее имманентные характеристики, присущие данному понятию, зафиксированное в «Основных положениях региональной политики в Российской Федерации», обозначающее «регион» как «часть территории Российской Федерации, обладающую общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов» [10].

Таким образом, осуществляя трактовку феномена регионального имиджа, необходимо учитывать, что специфические основания феномена выявляются посредством анализа суммы уникальных регионоформирующих фак-

торов интегрирующих и создающих людей, проживающих на данной территории в региональную общность. Его результаты будут являться своеобразной исходной точкой для конструирования базиса регионального имиджа и позволят детерминировать приоритетные направления формирования собственной самобытной стратегии геоимиджбилдинга и ее доминирующие компоненты, основанные на социокультурных и политических региональных особенностях и потенциале территории.

Итак, анализ литературы и наши собственные изыскания в области феноменологии регионального имиджа позволяют нам сформулировать следующее суждение.

Исходя из контекста нашего исследования наиболее оптимальным представляется следующее авторское определение имиджа региона, которое мы считаем справедливым и в отношении территориального имиджа в целом. Имидж региона – это символическое метафорическое представление о регионе, целенаправленно создаваемое при помощи паблисити, опосредованное суммой знаний о нем и личным опытом рецепиентов, которое основано на объективных исторических, социокультурных и политико-экономических реалиях, уникальных характеристиках и особенностях территории, идеологически заряжено базовыми ценностными установками, одобряемыми целевыми группами, и преломляет в нужном ракурсе «выгодные» репутационные свойства объекта с целью создания социально-рентабельного образа, апеллирующего как к рациональному, так и эмоциональному восприятию целевой аудиторией.

Литература

1. *Бурстин Д.* Имидж: пер. с англ. М.: Норма, 1998. 294 с.
2. *Быба Ю.В.* Имидж современного российского государства: состояние и перспективы формирования: дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. 215 с.
3. *Важенина И.С.* Концептуальные основы формирования имиджа и репутации территории в конкурентной среде: автореф. дис. ... докт. экон. наук. Екатеринбург, 2008. 45 с.
4. *Гагарский М.Д.* Территориальный маркетинг. Пермь: ПГУ, 2006. 144 с.
5. *Замятина Н.Ю.* Структура представлений о пространстве в разных странах: постановка проблемы [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/NikZamiyatin.htm>.
6. *Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д.* Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. СПб., 2005. 376 с.
7. *Маркина Ю.М.* Имидж региона и региональная идентификация населения Дальнего Востока России: социологический анализ: дис. ... канд. соц. наук. Хабаровск, 2010. 163 с.
8. *Межевич Н.* Основные направления региональной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://dvo.sut.ru/libr/history/i299mez1/1.htm>.
9. *Михайлов Н.Н.* Образ места // Вопросы географии. Сб. 10. Экономическая география СССР. М.: ОГИЗ. 1948. С. 193–198.
10. Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 03.06.1996 г. № 803 [Электронный ресурс] // Гарант: инф.-прав. портал. URL: <http://iv.garant.ru/session/pilot/main.htm>.
11. *Прасолова О.В.* Формирование имиджа региона в средствах массовой информации: на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 165 с.
12. *Рожков И.Я., Кисмерешкин В.Г.* Бренды и имиджи. М.: РИП Холдинг, 2006. 256 с.
13. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Район и страна: пособие для высшей школы. М.: Госиздат, 1928. 312 с.
14. Современный имидж и репутационный капитал Российского государства: формирование и перспективы развития: отчет о НИР / Российская академия государственной службы (РАГС) при Президенте РФ; рук. Л.Н. Тимофеева; исп.: Артемова В.М., Быба Ю.В., Васильева О.Б. и др. М., 2007.
15. *Сушненкова И.А.* Лингвокогнитивное исследование регионального имиджа (на примере Омской области): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011. 272 с.

УДК 82-31=511.152
ББК Ш5(2Рос=Мор)

В.И. ДЕМИН, С.В. ШЕЯНОВА

**КОНЦЕПТУАЛЬНО-АВТОРСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ МИРА И ЧЕЛОВЕКА
В РОМАНЕ А. БРЫЖИНСКОГО «ВЕЧКЕМАНТЬ ТЮСОНЗО ЭСЕНЗЭ»
(«У ЛЮБВИ КРАСКИ СВОИ»)**

Ключевые слова: концепция мира и человека, концептуальность, роман, нравственно-психологический анализ, нравственно-этические проблемы, философское осмысление действительности.

Выявлены особенности индивидуально-авторской концепции А. Брыжинского (на материале романа «У любви краски свои»), основанной на критериях нравственно-этической оценки мира и человека, философском осмыслении внутреннего мира личности и ее взаимосвязей с действительностью, что свидетельствует о самобытности творческого миропонимания и восприятия личности в контексте народного бытия.

**V. DEMIN, S. SHEYANOVA
THE AUTHOR'S INTERPRITATION OF THE WORLD AND MAN
IN THE NOVEL «THE COLORS OF LOVE» BY A. BRYZHINSKY**

Key words: concept of the world and man, conceptual, novel, moral and psychological analysis, moral and ethical issues, philosophical understanding of reality.

The article describes the features of A. Bryzhinsky's author concept (the case study of the novel «The colors of Love») based on the criteria of moral and ethical evaluation of the world and person, philosophical conceptualization of the person's mental world and the person's attitude to reality. The said concept is the result of the author's creative attitude to the person and his perception of the individual in the context of national life.

Взаимосвязь человека и окружающего мира во всем многообразии его проявления, поиск гармоничного их сосуществования, внутреннего единства – вопросы, находящие своеобразное преломление в творчестве каждого художника. Изучение художественной концепции мира и человека не только подводит к решению вопросов относительно сложного эстетического единства содержательных и формальных компонентов произведения, но и выявляет творческую индивидуальность автора, самобытность и неповторимость его стиля.

Концептуальность каждого писателя формируется системой его взглядов на объективный мир и место человека в нем, на отношения человека к окружающей среде и самому себе, мотивируется осмыслением взаимоотношений людей в социуме, социально-политических перемен и общественно-культурных ситуаций, диктуется субъективным эстетическим идеалом автора. Таким образом, в разработке художественной концепции мира действуют факторы объективные и субъективные, постоянные и переменные величины. Каждый писатель творчески переосмысливает сложившиеся до него и представляющие объективный фактор художественные традиции, однако он вносит новые черты в прежние концепции, в этом и проявляется процесс художественной эволюции.

Выстраиваемая мордовскими писателями картина мира во многом определяется социально-культурной, национально-психологической ситуацией современной действительности, по справедливому замечанию исследователей, «свободной от идеологической направленности», вызвавшей новый взгляд на происходящие процессы, потребовавшей «новых критериев в оценке человека» [1. С. 18]. Данные тенденции нашли воплощение в романе А. Брыжинского «Вечкеманть тусонзо эсензэ» («У любви краски свои») [4], продолжающем традиции «деревенской прозы» в художественном отражении взаимосвязей человека и окружающей среды, характеризующемся выразительным анализом внутренней сущности личности, напряженным осмыслением духовной атмосферы реальности, социальных явлений последних десятилетий, их ис-

токов, последствий и перспектив. В произведении актуализированы новаторские черты художественного процесса последних десятилетий, связанные с тем, что «предлагаемые современностью или недавним прошлым коллизии интересуют писателей преимущественно в плане нравственной проблематики» [3. С. 297].

Творчество А. Брыжинского в целом и роман «У любви краски свои» в частности определяют широта художественного видения писателя, художественно-философская обобщенность, интерес к судьбе отдельной личности в контексте историко-национального процесса современности, своеобразие авторской концепции мира и человека, что позволило прозаику подняться до вопросов, волнующих все современное общество, и через воспроизведение конкретных обстоятельств и характеров затронуть субстанциальные проблемы бытия. В романе «У любви краски свои» автор проводит «углубленный художественный анализ коренных преобразований, затронувших судьбы эрзянской (и не только) деревни за последние десятилетия, ... демонстрирует творческую и гражданскую зрелость, указывая на многие негативные явления недавнего прошлого и настоящего. На страницах книги предстает нарисованная выразительными красками эрзянская деревня конца XX века, социально-политическая жизнь сельского населения. Опираясь на социальные факты, писатель отразил самые разные перипетии человеческих судеб, личностные и общественные столкновения» [6. С. 119].

Авторское миропонимание в литературном тексте воплощается прежде всего через систему характеров и их сюжетные отношения. Литература стремится к целостному постижению личности в единстве ее внешней и внутренней жизни. Художественные произведения «заклучают в себе не только информацию о действительности, а сложный мир чувств, настроений, стремлений человека. Они захватывают читателя, слушателя, зрителя не только своими идеями, но и эмоциональным отношением к жизни, ощущением прекрасного и возвышенного» [8. С. 328]. Глубина и пронизательность в познании характера человека проявляются в открытии его индивидуальных черт, порой противоречивых, но составляющих органичное целое. Для репродукции масштабного характера «недостаточно изобразить лишь внешние проявления, необходимо проникнуть в духовный мир персонажей, художественно исследовать сложную, многогранную психологию личности» [3. С. 299]. Психологическая пронизательность и умение представить во всем многообразии проявлений духовную жизнь людей в художественно-эстетической форме являются важнейшими свойствами поэтического таланта А. Брыжинского.

Концепция мира и человека в романе «У любви краски свои» отражается в воссоздании личности и общества, личности и действительности, личности и природы в глубоком духовном единстве, характеризуется экспликацией экзистенциальных вневременных проблем. Авторские поиски сосредоточиваются на гармонизации, выявлении общих нравственных ценностей молодых людей и представителей старшего поколения. Концептуальность писателя актуализируется в утверждении вечных духовно-нравственных ценностей, в обращении к традиционной сфере народной жизни, исторической памяти, к тому ценностному багажу, накопленному в общечеловеческом, национальном и индивидуальном духовном опыте.

Художественная концепция каждого мастера, как указывалось нами ранее, уникальна. Самобытность концептуальной сферы А. Брыжинского наблюдается в приверженности к решению нравственно-этических проблем во взаимосвязи с социальными противоречиями эпохи. «Независимо от сложных, противоречивых социальных и финансово-экономических условий единственно не-

обходимыми ценностями для человека, по мысли романиста, остаются духовность, семья, осознание собственной ответственности, душевная щедрость» [9. С. 81]. При этом писатель не строит однозначный черно-белый макет действительности, не рисует узкие типы, а реставрирует реальность в многосложности ее проявлений и взаимосвязей, создает «углубленную, обогащенную, масштабную историю человеческой души, емкий национальный характер, отражающий противоречия и духовные поиски эпохи» [9. С. 81].

А. Брыжинского с полным правом можно назвать мастером психологического анализа, он не только описывает драматические столкновения, происходящие в действительности, но и воссоздает взаимосвязи человека со средой, описывает процесс формирования нравственного мира личности под влиянием внешних обстоятельств, вторгается в сокровенные мысли персонажей, анализирует их мироощущение, наблюдает за поисками собственного «я» героев.

С художественной убедительностью, глубоким проникновением во внутренний мир Петра Паксяськина писатель раскрывает своеобразный процесс становления его личности. Данная проблема, имеющая, естественно, различные модификации в зависимости от исторической эпохи, направления таланта и художественно-эстетической задачи, занимает одну из ведущих позиций в отечественной литературе. Воссоздание процесса социального и нравственно-формирования человека А.Г. Бочаров считает принципиально важным для построения концепции личности в художественном произведении. Ученый аргументирует свою мысль тем, что «во-первых, благодаря этому утверждается развивающийся, а не статичный, изначально «закодированный» – биологически или социально – характер; во-вторых, становится более наглядной социально-нравственная сущность личности» [2. С. 168].

«Точки отсчета», с которых художник начинает показ движения характера, могут быть разными. И сам процесс становления человека не ограничивается, на наш взгляд, исследованием лишь способности человека к обретению нравственных ценностей и духовной силы, преодоления своих слабостей, но и предполагает рассмотрение причин возможного угасания и обеднения личности. Принцип динамического развития характеров построен на столкновениях человека с жизнью, в результате чего человек либо обретает внутреннюю зрелость и извлекает необходимый опыт, либо нравственно опустошается и распадается, что А.Г. Бочаров называет «логикой наклонной плоскости». А. Брыжинский выбирает процесс познания причин, закономерностей и последствий духовного возвышения, нравственного роста героя. Он представляет образ человека, укрепляющего свои моральные качества, руководителя нового типа – глубоко образованного, всем сердцем любящего землю, заботящегося о благополучии людей. В действиях и поступках герой проявляется как натура глубоко честная, правдивая, ответственная, эмоциональная.

Автор совмещает в своем герое разные психологические состояния. Читатель узнает, что из-за болезни отца молодому специалисту Петру Паксяськину, блестяще окончившему сельскохозяйственную академию в Москве, пришлось отбросить мысли о карьере, оставить столицу, любимую девушку и вернуться в родное село Лашмино, чтобы заменить на посту председателя колхоза своего отца. Решение взвалить на свои плечи заботы о крупном хозяйстве далось ему нелегко, еще труднее было пережить расставание с любимой Наташей. Воспоминания о любимой лишь усиливают эмоциональную нагрузку в душе молодого человека, наполняют желанием встречи с ней и трезвым пониманием того, что вернуть ее будет нелегко. «Огромная грусть обуревает его, когда думает о ней. Вот и сейчас откуда-то из глубины души как будто темная пыль под-

нялась, как только вспомнил о Наташе. У парня даже настроение испортилось, силы в ногах начали покидать его. Казалось, гора Сар повалилась на него, давит его» [4. С. 263]. Данный эпизод передает душевное волнение героя, острое переживание им ситуации.

В художественной концепции А. Брыжинского значимость человеческой личности определяется не только ее социальным статусом, но и нравственностью деяний и эмоциональным зарядом. Любое человеческое чувство может стать для талантливого художника эффективным способом психологического анализа, принципом познания мира с его тревогами и радостями. Проникая в эмоциональный мир современника, исследуя истоки нравственности, подлинные мотивы поведения, прозаик «очеловечивает» концепцию личности, обогащает инструментарий психологического анализа.

Для художественного воплощения концепции личности немаловажное значение имеет изображение взаимоотношений между мужчиной и женщиной, «в начале XXI века решаемых, главным образом, в драматическом ключе» [7. С. 319]. В художественном мире романа А. Брыжинского четко эксплицируется убеждение в том, что личность обогащается от проявления чувства любви, оно неразрывно связано с нравственной основой личности: духовно богатый человек умеет любить, внутренне опустошенному истинное чувство любви недоступно.

Тема взаимоотношений молодых людей получает в романе разноплановое освещение. Если любовь Петра и Наташи воспринимается в авторской интерпретации как божий дар, то взаимоотношения Петра и Фаины – как отчаянная попытка парня забыть прежние отношения. Об этом свидетельствует и вопрос, который герой задает сам себе, анализируя причины расставания с Наташей: «Люблю или нет тебя, Фаина, так, как любил Наташу?» [4. С. 264]. Искренние чувства, на наш взгляд, не требуют размышлений «люблю – не люблю». Именно поэтому А. Брыжинский не восстанавливает процесс зарождения взаимоотношений между Петром и Фаиной, за исключением нескольких встреч молодых людей, автор не представляет ни одного развернутого диалога героев, ставит читателя перед фактом: Петр женился на Фаине. Отсутствие психологической мотивировки действий героя следует рассматривать, на наш взгляд, не как авторское упущение или недоработку, а подтверждение того, насколько сложны, неоднозначны такие вечные категории, как любовь и отношения между мужчиной и женщиной.

Герои А. Брыжинского испытывают любовь смелую, бескомпромиссную, иногда безрассудную, но чистую, глубокую, искреннюю. Это чувство сопряжено в романе, как и в фольклоре, с драматическими, а порой и трагическими событиями. Отношения Петра и Фаины завершаются трагедией: испытыв сильнейший психологический стресс во время похищения бандитами, женщина умирает при тяжелых родах. Однако для романиста не характерно завершение произведения на трагической ноте, поэтому он добавляет новый сюжетный поворот – неожиданно к Петру приезжает его любимая Наташа, которая с радостью становится матерью его новорожденному сыну. Приезд и близость Наташи, рождение сына помогают Петру пережить трагедию и смягчить душевную боль. Введение трагических моментов не мешает писателю в целом поэтизировать отношения любящих людей.

В философии А. Брыжинского человек воспринимается не только членом социума, но и неотъемлемой частью природного, естественного мира. Отношение к природе – та мировоззренческая доминанта, через призму которой высвечивается внутренняя сущность личности. Для раскрытия взаимосвязей

«человек – природа» романист достаточно часто обращается к психологическому параллелизму, позволяющему рельефно выявить происходящие в душе человека психологические процессы. Характерна следующая сцена: «Тропинка довела его (Петра) до полевой дороги. Продолжил свой путь по ней. На душе становилось все светлее и светлее. Особый настрой привнесили дурманящие голову запахи, идущие от высыхающей земли. Сердце Паксяськина постепенно наполнялось радостными чувствами, затмевающими собой все недоброе. Как дышит земля – таков и воздух. Весной словно просыпается кормилица, выпрямляется, расправит плечи, расширит грудь и сделает глубокий вздох. Дальше уж она начинает дышать легко, непринужденно, радуется пробуждению после зимы всего, что есть в природе. Летом дыхание у нее совсем другое: тяжелое, учащенное, неглубокое. Земля прогрелась, она всеми силами трудится, дает силы растениям, кормит их. Осенью земля вздохнет, словно после тяжелой работы, порадуетя вместе со всеми: богатый урожай помогла вырастить. Зимой дыхание почти что незаметно. И не только оттого, что покрыта белым одеялом. Матушка-земля засыпает, набирается новых сил к следующей весне, поэтому от дыхания грудь еле-еле приподнимается. Петр Иванович хорошо чувствует запахи земли. Когда он приходил в поле, казалось ему: у них с землей единое, с одним и тем же ритмом дыхание» [4. С. 225]. В данном примере состояние природы «дает реакцию» на душевное состояние героя. Активная функция психологического параллелизма способствует раскрытию авторской концепции личности.

А. Брыжинский целенаправленно отказывается от разделения жизненной сути человека на социальную сферу и личную жизнь. Для художественной концепции личности, по утверждению А.Г. Бочарова, «важна вся жизненная плоть, ибо между работой и личной жизнью существует множество взаимопересекающихся связующих сфер, которые и составляют в своей совокупности образ жизни» [2. С. 277]. Для А. Брыжинского характерно стремление равномерно сочетать картины семейно-интимной сферы и профессиональной деятельности, он эксплицирует чувство сопричастности отдельной личности к устройству судьбы и счастья других людей, гуманную мысль о невозможности полноценной и свободной жизни человека без ответственной нравственной связи с миром, с окружающими людьми. Изображение глубоко внутреннего состояния своего героя автор естественно дополняет сценами общественной его роли. Художественная роль Паксяськина не ограничивается общением с женщинами и заботой о родителях, он предстает квалифицированным специалистом, авторитетным руководителем, придерживающимся передовых и гибких методов управления хозяйством. Крестьянская жилка, особое «мужицкое» чутье, профессионализм, умение ориентироваться в сложных вопросах – вот та сила, которая движет Петром, обладающим способностью взвесить все с точки зрения морали и закрепить строгой логикой.

Главный герой романа «У любви краски свои» с первой страницы и на протяжении всего повествования находит психологическое раскрытие «изнутри». Автора интересуют внутренние мотивы его действий и поступков. В произведениях 1960 – 1980-х гг. внутренний мир героя-руководителя был представлен схематически, без проникновения в глубину сознания и интенций. Естественно, А. Брыжинский не изображает идеализированный образ сентиментального меланхолика, погруженного в свои чувства, однако выявляет скрытое, интимное. Романские ситуации, искусство в целом интересны прежде всего изображением неповторимости бытия личности с разных сторон, в том числе интимно-семейной. По утверждению исследователей, искусство потому

и является «орудием общества», что «оно вовлекает в круг социальной жизни самые интимные и самые личные стороны нашего бытия» [5. С. 308]. Таким образом концептуальность мировидения А. Брыжинского позволяет ему сказать новаторское художественное слово в мордовской романистике.

А. Брыжинский оригинально развивает традиции старшего поколения национальных романистов в исследовании человеческой судьбы, в показе поисков героями своего места в жизни, в изображении столкновения общечеловеческих нравственных норм с низменной «самостью» человека. В писательской концепции мира и человека находят выражение такие художественные принципы, как исследование характеров в их объективной обусловленности и многообразии связей с миром, в диалектике развития личности и общества, нравственно-психологический анализ характеров. Романист нацеливается на многоплановый охват действительности, на раскрытие многослойности и сложности сферы общественного бытия, ориентируется на правдивое отражение противоречивых связей человека с обществом. Обращение к философским, социальным, нравственно-этическим проблемам гармонично подводит писателя к изображению психологических движений и духовного мира персонажей.

Рассмотрение художественной концепции личности в романе А. Брыжинского «У любви краски свои» позволяет сделать вывод о том, что прозаик стремится увидеть человека во всей сложности его взаимоотношений с миром и обществом, запечатлеть личность с богатством и противоречивостью ее внутреннего состояния, раскрыть неведомые потаенные кладовые ее сознания и интенций.

Литература

1. Антонов Ю.Г. Проблема героя в драме А. Пудина «В пустом доме люди» // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 20(274). С. 18–22.
2. Бочаров А.Г. Требовательная любовь. Концепция личности в современной советской прозе. М.: Худож. лит., 1977. 368 с.
3. Бояринова Г.Н. Типология конфликта и характера в драматургии К Коршунова // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 294–299.
4. Брыжинский А. У любви краски свои: роман. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2007. 308 с.
5. Вьютский Л.С. Психология искусства. 5-е изд-е. М.: Лабиринт, 1998. 416 с.
6. Демин В.И. Воспитание земель // Народное образование Республики Мордовия. 2004. № 5–6. С. 118–121.
7. Степанова Л.А. Основные типы персонажей в современном чувашском рассказе // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 317–319.
8. Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М.: Сов. писатель, 1981. 408 с.
9. Шеянова С.В. Мордовский роман о современности: национально-художественный традиционализм и признаки обновления эпической формы // Финно-угорский мир. 2012. № 3/4. С. 78–83.

ДЕМИН ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорских литератур, Мордовский государственный университет, Россия, Саранск (bishten@mail.ru).

DEMİN VASILY – doctor of philological sciences, professor of Finno-Ugric Literatures Chair, Mordovia State University, Russia, Saransk.

ШЕЯНОВА СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорских литератур, Мордовский государственный университет, Россия, Саранск (sheyanovas@mail.ru).

SHEYANOVA SVETLANA – candidate of philological sciences, assistant professor of Finno-Ugric Literatures Chair, Mordovia State University, Russia, Saransk.

УДК 821.161.1-056.31"XIX"
ББК Ш43(2)=(411.2){5}*3*23

О.К. ЕВДОКИМОВА

ТЕМА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАК ПРИМЕТА ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX ВЕКА

Ключевые слова: интеллигенция, русская литература, конец XIX в., повести и рассказы П.Д. Боборыкина, А.П. Чехов и писатели «чеховской поры».

В центре внимания статьи – отражение темы интеллигенции в русской литературе конца XIX в. как характерной приметы времени. В этой связи затрагивается история понятия «интеллигенция». Подчёркивается особая актуальность названной темы в творчестве П.Д. Боборыкина и его младших современников – А.П. Чехова и писателей «чеховской поры», а также специфический ракурс темы интеллигенции в повестях и рассказах П.Д. Боборыкина.

O. EVDOKIMOVA

THEME OF INTELLIGENTSIA AS A SIGN OF TIME IN RUSSIAN LITERATURE AT THE END OF XIX CENTURY

Key words: intelligentsia, Russian literature, the end of XIX century, tales and stories of P.D. Boborykin, A.P. Chekhov and writers of «Chekhov period».

The reflection of the theme of intelligentsia in Russian literature in the end of XIX century as typical sign of time is in the centre of attention in the article. In this connection the history of the term «intelligentsia» is touched. In the article special actuality of the called theme in the creative work of P.D. Boborykin and his younger contemporaries – A.P. Chekhov and writers of «Chekhov period» is emphasized, and also specific aspect of the theme of intelligentsia in tales and stories of P.D. Boborykin is emphasized.

Традиционно такие понятия, как русская классическая литература и русская интеллигенция, и в общественном сознании, и в научных исследованиях выступают как взаимообусловленные, если не сказать – как единое целое. Наверное, это и справедливо, и оправданно, поскольку во многом с отечественной литературой связано наше представление об интеллигенции и конкретно – о русском интеллигенте. Несмотря на то, что существует два основных подхода к толкованию понятия «интеллигенция» – культурологический и социологический, мы вольно или невольно соотносим содержание этого понятия, прежде всего, с русской классической литературой XIX в. Более того, так сложилось в истории русской культуры, что именно отечественная литература в значительной степени способствовала формированию представлений о характере русского интеллигента и его отличительных свойствах. Это понимание добра и зла, правды и справедливости, долга и чувства ответственности, совести и порядочности, значения духовных ценностей в жизни человека и общества.

Феномен русской интеллигенции, несмотря на давнюю историю изучения, определить непросто, поскольку это совершенно неповторимое явление русской жизни, отражающее, прежде всего, духовное самочувствие и самосознание общества. Неслучайно весь комплекс вопросов, входящих в понятие «интеллигенция», и по сей день, спустя более ста лет после выхода в свет известного сборника «Вехи» (1909) и полемики, которую он вызвал, по-прежнему остаётся актуальным.

Если говорить о научно-исследовательском подходе, то здесь, безусловно, доминирует анализ интеллигенции с позиций социологии и истории. Так, известен интерес к этому понятию в исторической науке, стремящейся определить роль интеллигенции в истории России [11]. Вполне естественно, что и социология не может оставить без внимания интеллигенцию, которая уверенно занимает лидирующие позиции в современном мире [4, 8]. Отметим, что в исследовательской литературе выделяются различные категории интеллигенции, например, учительская, научная, творческая, столичная, провинци-

альная, сельская и т.п., что позволяет показать не только многоликость русской интеллигенции, но и её разные социальные функции. Многообразие точек зрения, различные методологические подходы [5] осложняют выработку единой концепции интеллигенции, и потому проблема, как и сто лет назад, по-прежнему остаётся и дискуссионной, и открытой.

Любопытно, что само слово «интеллигенция» не раз становилось предметом изучения в лингвистике [10]. Как полагают некоторые исследователи, в русифицированной форме это слово пришло в западные языки, по-видимому, не требуя специального перевода [13].

В начале XXI в., когда наше общество вновь обратилось к поискам веры, смысловое наполнение данного понятия, его историко-культурный контекст, сфера распространения по-прежнему в центре внимания науки, общественности и литературы. Неслучайно с 2001 г. выходит всероссийский научный журнал «Интеллигенция и мир». Помимо этого проводятся научные конференции, посвящённые проблемам, связанным с социальной ролью интеллигенции, например, в 2010 г. в Москве прошла международная конференция «Интеллигенция и идеалы российского общества». В этой связи обращение к истории формирования самого понятия, а также к его истокам, которые восходят, в том числе, и к русской литературе, представляется и целесообразным, и актуальным.

Как известно, понятие «интеллигенция» обозначилось в русской культуре в XIX в., хотя история его формирования более давняя. Если в этой связи обратиться именно к литературе, то, наверное, можно и нужно вспомнить такое произведение древнерусской литературы, как «Моление» Даниила Заточника, которое датируется началом XIII в. [3]. По всей видимости, в «Молении» впервые в русской литературе прозвучала мысль о необходимости труда не только ратного и физического, но и умственного. Так в памятнике письменной литературы было выражено представление об особой сфере деятельности человека – умственном труде, что, как известно, является одним из видовых признаков интеллигенции.

Но древнерусская литература – это своего рода предыстория. Начиная с XVIII в., как считают некоторые исследователи [2], термин «интеллигенция» уже появляется в литературе и вводится в научно-публицистический оборот. В конце XIX в. понятие «интеллигенция» получило стремительное развитие и необычайно актуализировалось, прежде всего, в связи с процессами, протекавшими в России на рубеже столетий, – культурными, политическими, социально-экономическими. Именно в это время в литературе наряду с традиционными вопросами русской жизни обозначился новый – русская интеллигенция, её судьба и судьба России. Начиная с этого времени и слово «интеллигенция» становится общеупотребительным, поскольку его смысловое наполнение к концу XIX столетия уже в основном определилось.

В условиях русской жизни интеллигенция – это лица, выделяющиеся образованием и обладающие так называемыми интеллигентными профессиями, – учителя, писатели и художники, инженеры, политики, т.е. лица, занятые умственным или творческим трудом, живущие, как говорили в XIX в., «интеллигентно». Сюда же относили и студентов, поскольку для многих жизнь интеллигента начиналась именно со студенчества. Так, например, П.Д. Боборыкин (1836 – 1921), известный русский писатель второй половины XIX в., в повести «Однокурсники» (1901) дал зарисовки Москвы глазами человека именно этого круга. Герой повести, бывший студент, для которого Москва – «очаг» духовной культуры, после долгого отсутствия возвращается в столицу. Его восприятие столичного города как нельзя более соответствовало представлениям времени, было типичным для интеллигенции конца XIX в.: «...для него и для сотен таких, как он, этот всероссийский город – очаг духовной жизни. Здесь стали они любить науку, общественную правду, понимать красоту во

всех видах творчества, распознавать: кто друг, кто враг того, из-за чего только и стоит жить на свете» [1. Т. 3. С. 507].

П.Д. Боборыкин, снискавший славу «ловителя моментов» и «отметчика целых полос», писатель своеобразный, нашедший свою нишу в русской литературе второй половины XIX в. Перу П.Д. Боборыкина принадлежали произведения разных жанров: романы, повести, рассказы, пьесы. Он был талантливым публицистом, литературным и театральным критиком, историком и теоретиком литературы, автором обширных мемуаров о жизни Западной Европы и России второй половины XIX в. Однако при всём многообразии творческих устремлений он был, прежде всего, русским писателем, для которого всегда характерна целостность восприятия мира с его добром и злом, со всеми жизненными проблемами и непременно с поиском решения этих проблем.

Имя П.Д. Боборыкина не затерялось на фоне таких имён, как И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, и не растворилось в общем потоке беллетристики второго ряда [9]. У него всегда была своя особая манера письма и своё понимание задач искусства, о чём, в частности, свидетельствует ряд статей («Свобода и выучка писателя» 1883, «Писатель и его творчество» 1883, «Этюды по психологии творчества» 1885), публиковавшихся в русских журналах на протяжении 1880-х годов.

Абсолютная злободневность произведений этого автора сделала его творчество ни много ни мало «художественной летописью» русской жизни второй половины XIX в. И если современники ставили в вину Боборыкину подчеркнутую актуальность его романов, повестей и рассказов, то в настоящее время, напротив, именно актуальность звучания придаёт творческому наследию писателя особую ценность, позволяет судить о знаковых явлениях отбрасываемой им эпохи в контексте русской жизни. В длинном перечне событий и лиц, новых веяний и общественных умонастроений особый интерес представляет интеллигенция и интеллигентская среда, без которой, в изображении П.Д. Боборыкина, немислимо развитие общества по пути прогресса. Неслучайно одной из главных тем творчества романиста стала тема интеллигенции. Обращаясь к этой теме, Боборыкин, по сути, развивал лучшие традиции русского классического романа, в котором духовные искания героя всегда были в центре внимания. На протяжении всей второй половины XIX в. герой романов, а также повестей и рассказов писателя – человек из интеллигентской среды, живущий интеллигентно, и этот герой особенно дорог автору.

Сам П.Д. Боборыкин настаивал на том, что слово «интеллигенция» было им пущено в печать ещё в 1860-е гг. Можно принимать подобное утверждение «маститого романиста», как его с некоторой долей иронии величали современники, или нет, но Боборыкин одним из первых стал называть интеллигенцией людей не просто образованных, а ещё и совестливых. Именно в таком значении слово «интеллигенция» закрепилось в России. Без преувеличения можно утверждать, что без имени П.Д. Боборыкина история понятия «интеллигенция» в русской литературе будет явно неполной. Отметим, что эту мысль подчеркивает В.Б. Катаев, автор многих работ, посвящённых творчеству А.П. Чехова и писателей его времени. Так, в монографии «Чехов плюс: Предшественники, современники, преемники» В.Б. Катаев, обращаясь к теме интеллигенции в произведениях Чехова, рядом ставит Боборыкина, поскольку без этих двух писателей, как считает автор монографии, невозможно представить историю понятия «интеллигенция» в русской литературе XIX в. [6].

Действительно, П.Д. Боборыкин сыграл едва ли не ключевую роль в утверждении нового понятия. Со свойственной ему чуткостью к веяниям времени, он очень точно «угадал» тот характер и то настроение, которое в конце столетия становилось лицом эпохи. В его произведениях, по справедливому замечанию

С. Чуприна, «идеалы утверждались такие, какие уже наличествовали в среднеинтеллигентской массе» [12. С. 24]. Вряд ли будет большой натяжкой, если мы скажем, что злободневность произведений Боборыкина во многом определялась изображением интеллигентской среды, её духовных запросов и умонастроений и потому они сохранили свою актуальность в начале нового тысячелетия.

Творчество П.Д. Боборыкина охватывало разные периоды бурно меняющейся общественной жизни России, однако неизменным оставался интерес писателя не только к новым веяниям времени, но и к той общественной среде, с которой в нашей стране связаны представления о смысле жизни, поисках веры и вечных истин. И эта среда, вне всякого сомнения, – интеллигенция. Несмотря на «всеядность» в литературе, Боборыкина более всего интересовал человек образованный и обладающий богатым духовным миром, прогрессивно мыслящий и высоко нравственный. Таковы герои многих романов писателя, например, Степан Николаевич Кротков («Жертва вечерняя» 1868), Крутицын («Солидные добродетели» 1870), дворянин Палтусов («Китай-город» 1882). В 1890 г. появляется очередная роман Боборыкина – «На ущербе», вообще ставший своеобразной хроникой духовной жизни интеллигенции 1880-х гг., т.е. именно того времени, когда вопрос об интеллигенции в литературе начинал приобретать особую остроту.

Из всего обширного творческого наследия П.Д. Боборыкина обращают на себя внимание те произведения, в которых изображение интеллигентной среды не только дань времени, но именно тема, актуальная и вместе с тем психологически острая. Это повести «Долго ли?» (1875), «Поумнел» (1890), «Однокурсники» (1901) и рассказ «Последняя депеша» (1897). Здесь автор воссоздаёт, прежде всего, психологическую атмосферу времени, но самое главное – он раскрывает духовную жизнь интеллигенции в разные периоды развития русского общества, начиная с крушения демократических идеалов («Долго ли?») и заканчивая кризисным мироощущением русского интеллигента («Однокурсники»). Так, в повести «Долго ли?» рассказывается о русских литераторах-подёнщиках в пореформенную эпоху, удивительно точно воспроизводится жизнь литературной и околосреды. Название повести «Поумнел» стало афористически точным определением мироощущения той части интеллигенции 1880-х гг., которая в угоду времени отреклась от своих былых убеждений. Рассказ «Последняя депеша» посвящён дружбе А. Герцена и Н. Огарёва. Эти культовые для эпохи 1840-х гг. имена в конце 1890-х гг. должны были, по мысли писателя, воскресить в памяти целый пласт русской жизни, когда умственные, духовно-этические, философские искания русской интеллигенции становились выражением общественной позиции. В повести «Однокурсники» звучит мотив грусти по безвозвратно ушедшим юношеским мечтаниям, надеждам и идеалам, мотив, который перерастает в лейтмотив безнадежных ожиданий, утрат и разочарований.

Сюжет каждого из этих произведений удивительно прост, однако простота сюжета в сочетании с нарастающим драматизмом ожиданий главного героя невольно заставляла читателя вновь задуматься над извечными вопросами бытия: жизнь и смерть, истинная дружба, взаимоотношения между близкими людьми, мировоззренческие и нравственные устои личности. Если в своих романах П.Д. Боборыкин обращался к изображению общественно значимых явлений русской жизни, то здесь на первый план выдвигаются само время и его составляющие – идеология, философия и культура, духовно-нравственные искания. Как следствие, в центре внимания Боборыкина не столько сами события или герой, сколько та сфера жизни, которая для русского человека неизменно ассоциировалась с представлениями об интеллигенции и интеллигентской среде.

Необходимо подчеркнуть, что интерпретация темы интеллигенции в произведениях П.Д. Боборыкина отличалась своеобразием, если сравнивать писателя с его современниками, прежде всего, с А.П. Чеховым и беллетристами

«чеховской поры», для которых тема судеб русской интеллигенции была главной. Именно в их прозе раскрывался тот особый стиль жизни русского человека, когда сословные характеристики переставали быть доминирующими. У П.Д. Боборыкина был свой взгляд на эту важную для него тему. В его произведениях тема интеллигенции не ограничивалась изображением главного героя как героя времени. Писатель создавал некий обобщённый образ как выражение эпохи, где одинаково значимы и собственно герой, и его умонастроения, и отражение его духовной жизни в жизни общества.

Интерес к теме интеллигенции ставил П.Д. Боборыкина в один ряд с А.П. Чеховым и писателями «чеховской поры», но если учесть, что Боборыкин выступил в литературе задолго до восьмидесятников, то можно, по-видимому, утверждать, что он явился одним из непосредственных предшественников «чеховской артели» с точки зрения тематики и проблематики творчества. Неслучайно В.И. Кулешов в статье «Нерешённые вопросы изучения русской литературы рубежа XIX – XX веков» назвал Боборыкина «летописцем русской интеллигенции» [7. С. 70].

Таким образом, специфический ракурс темы интеллигенции в творчестве П.Д. Боборыкина определялся и характером изображаемого героя, и приметами времени, и подчёркнутой актуализацией поисков идеала и новой веры. Для русской литературы конца XIX в. это были не праздные вопросы, а скорее всего, направление творческих исканий, которые стирали грань между большой литературой и литературой периферийной и позволяли выявить различные оттенки общественного самочувствия, где герою из интеллигентской среды, безусловно, принадлежала ведущая роль.

Литература

1. Боборыкин П.Д. Сочинения: в 3 т. / сост., подгот. текста, примеч. С. Чуприна. М.: Худож. лит., 1993.
2. Веселов В.Р. Провинциальная интеллигенция как социокультурный феномен // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2010. Т. 16, № 3. С. 240–245.
3. Ерёмин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1987. 327 с.
4. Интеллигенция и идеалы российского общества: сб. ст. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2010. 730 с.
5. Ишимская Е.В. Методология исследования интеллигенции: проблемы и перспективы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Сер. Гуманит. науки. 2010. № 1(13). С. 70–75.
6. Катаев В.Б. Чехов плюс: Предшественники, современники, преемники. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.
7. Кулешов В.И. Нерешённые вопросы изучения русской литературы рубежа XIX–XX веков // Вопросы литературы. 1982. № 8. С. 50–74.
8. Кустарёв А. Нервные люди: Очерки об интеллигенции. М.: Тов-во науч. изданий, 2006. 374 с.
9. Муратов А.Б. Проза 1880-х годов // История русской литературы: в 4 т. / под ред. К.Д. Муратовой. Л.: Наука, 1983. Т. 4. С. 27–73.
10. Панфилов А.К. О слове интеллигенция // Вопросы языкознания и русского языка. М., 1970. (Учёные записки Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. № 353). С. 362–373.
11. Соколов А.В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 344 с.
12. Чупринин С.И. Труды и дни П.Д. Боборыкина // Боборыкин П.Д. Соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1993. Т. 1. С. 5–26.
13. Шмидт С.О. К истории слова «интеллигенция» // Россия – Запад – Восток. Встречные течения. К столетию со дня рождения М.П. Алексеева. М.: Наука, 1996. С. 409–417.

ЕВДОКИМОВА ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (evdokimova.ok@mail.ru).

EVDOKIMOVA OLGA – candidate of philological sciences, assistant professor of Russian and Foreign Literature Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 821.111 (73) "XVII/XVIII"
ББК Ш 43 (7 СОЕ)(+432.14)(5)

Л.А. МИШИНА

АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVII ВЕКА. ПРОБЛЕМА СТИЛЯ

Ключевые слова: *plain style, хроника, протестантизм, unplain style, исключительная личность, иносказание, библейские образы.*

Охарактеризован plain style – простой, ясный стиль в американской литературе XVII в. Предложено понятие "unplain style" – метафорический, усложненный стиль. Проанализировано его воплощение в работах Д. Уинтропа, Э. Джонсона, К. Мэзера.

L. MISHINA

AMERICAN LITERATURE OF THE 17th CENTURY. THE PROBLEM OF STYLE

Key words: *plain style, chronicle, protestantism, unplain style, unusual person, allegory, Bible images.*

In this article plain style in the seventeenth century American literature is characterized. There is a new definition in this article – unplain style. Unplain style is analyzed in the works by J. Winthrop, E. Johnson, C. Mather.

Американская литература XVII в., первого века своего существования, представлена жанрами документальными и художественно-документальными, среди которых проповеди, духовные биографии, описания, хроники, эссе, исторические очерки, дневники, письма. Отсутствие беллетристических и драматических жанров снижает для исследователей значение стилевых проблем в американской литературе названного периода. Между тем и non-fiction может оказаться многостилевой.

Крупнейший исследователь ранней американской словесности П. Миллер считает характерным для литературы этого периода plain style – простой, ясный стиль. «В сознании пуритан, – пишет П. Миллер, – это было краткое выражение широкого спектра риторических, психологических и теологических убеждений, которые основывались на доктрине о том, как слово, произнесенное или написанное, может быть использовано» [8. С. 96]. По мнению исследователя, plain style прекрасно выражен в «Истории поселения в Плимуте» (1630) Уильяма Брэдфорда – в книге, которую американские исследователи единодушно называют первым значительным произведением не только в рамках Новой Англии, но и в масштабах всей Америки XVII в.

У. Брэдфорд, в течение многих лет бывший губернатором Нового Плимута, создает подробнейшую хронику существования поселения. Однако для автора история Нового Плимута – лишь часть истории христианства. Эта идея находит воплощение в композиции произведения. «История поселения в Плимуте» построена Брэдфордом по принципу воронки. Вначале Брэдфорд обращается к истории раннего христианства, отметив жестокость гонений язычников на христиан. Затем он приводит факты глубочайшего непонимания христианами друг друга. Далее автор анализирует более узкую сферу – возникновение протестантизма в его борьбе против католицизма, подчеркивая не меньшую жестокость гонителей новой веры, чем в период становления христианства. Наконец, предметом его внимания становятся конфликты, в ходе которых рождается конгрегационализм. Община Ричарда Клифтона в английском местечке Скруби, с которой фактически начался американский пуританизм, есть предмет его особого интереса. Брэдфорд прослеживает переселение части общины в Голландию, в Амстердам, а затем в Лейден. В Америку приехала лишь часть этой части, но и в жизни общины на новых землях постоянно возникала проблема единства. Таким образом, центром кругов, точкой упора воронки является небольшая группа «святых», или «истинно верующих; они и были

теми «ступеньками», по которым другие пошли на великое дело «распространения Евангелия и проповеди царства Христова».

Вся история христианства оказывается «притянутой» автором к факту и проблемам существования Плимутской общины. Масштабность повествования сочетается в сочинении Брэдфорда с сиюминутностью, а хроникальность с рассуждениями на религиозные, исторические и нравственные темы. «В книге Брэдфорда, – по справедливому замечанию Е.А. Стеценко, – одновременно разыгрывается высокая духовная и низкая мирская драма, а частные судьбы и конкретные бытовые события приобретают историческое значение. Некоторые реальные истории перерастают в притчи, повествующие о наказанном пороке и пользе раскаяния» [3. С. 84]. Решить авторские задачи Брэдфорду помогает использование plain style, который предполагает неспешность, четкость, логичность, выверенность повествования.

Для американских пуритан было характерно сочетание религиозности с расчетливостью, деловитостью. Явно или скрыто эта особенность демонстрируется Брэдфордом на всем протяжении повествования, и прежде всего там, где речь идет о материальной стороне жизни общины. Умелое использование plain style позволяет автору соблюсти равновесие между обыденным и духовным. Осознавая бренность «земного имущества», Брэдфорд, тем не менее, ведет скрупулезный учет его. Однако многие его деловые записи заканчиваются своеобразным объяснением детального внимания к столь будничным вопросам. Вот одно из них, последовавшее за описанием имущества, выделенного вновь прибывшим в колонию: «Это записываю я подробно по разным причинам. Во-первых, дабы указать на редкий пример братской христианской любви и стараний выполнить данные братьям обещания, хотя бы непосильные... 2-е. Была тут несомненно и помощь свыше. Ибо только это могло подвигнуть сердца людей для такого дела объединиться и во всех испытаниях сохранить верность братьям своим... 3-е. Дабы бедные переселенцы, заброшенные в дикий край, сумели в конце концов расплатиться по всем обязательствам...» [1. С. 196–197].

Plain style не исключает образности. Образность в книге Брэдфорда и других раннеамериканских авторов связана прежде всего с изображением «божественной реальности» – концепции и различных проявлений веры. Брэдфорд широко использует одно из широко распространенных «провиденциальных клише» – сопоставление истории новоанглийских пуритан и «детей израилевых». Самый цитируемый писателем пророк – Моисей. Брэдфорда, по-видимому, привлекали не только книги Моисея, но и его личность. Автору «Истории поселения в Плимуте», человеку образованному, были доступны сведения о жизни пророка. Многие ее эпизоды были близки Брэдфорду. Он воспроизводит, в частности, важнейший эпизод библейской истории, связанный с именем Моисея, – исход израильтян из Египта. Брэдфорд обращается к Пятикнижию для того, чтобы проявить и для себя, и для общины вопрос о том, почему в колонии оказалось столь много недобросовестных людей. «И множество разноплеменных людей вышло с народом божьим из Древнего Египта. Исход 12, 38, – пишет Брэдфорд. – Случалось, что люди отправляли сюда своих близких в надежде на исправление; другие – чтобы избавиться от обузы или не терпеть позора, какой беспутные навлекали на семью свою. Так или иначе, за 20 лет едва ли не большинство пошло здесь дурным путем» [1. С. 293].

В Пятикнижии Моисеевом Брэдфорд находит формулу, близкую пуританскому мировосприятию: «Не хлебом единым жив человек, Второзак., 8, 3» [1. С. 304]. Доказательства малозначительности земных благ в книге Брэдфорда конкурируют по своей убедительности со сценами голода и холода, пережитыми колонистами. процитировав знаменитую фразу из Второзакония, автор «Истории поселения в Плимуте» красноречиво развивает ее: он вспо-

минает пророка Даниила, которому «вкуснее была похлебка, чем иным царские яства» [1. С. 304], и пророка Иакова, который, несмотря на многочисленные бедствия, дожил до старости.

При всей осязаемости реалий повествование Брэдфорда носит притчевый характер. Его книга может быть сведена к иносказанию. «История поселения в Плимуте» – это притча о стойкости духа и жертвенности. В связи с притчевым характером немаловажную роль в повествовании играет метафора. «История поселения в Плимуте» зиждется на двух главных метафорах – это сравнение Плимутской колонии с бедной вдовой, покинутой детьми и уповающей только на бога, и аналогия между плимутцами и ступеньками, по которым другие пойдут дальше. Обе метафоры, как отмечает П. Уэстбрук, впервые были использованы Брэдфордом в поэме «Слово к Новому Плимуту». Они, видимо, так запали в память автора, что позднее возникли на страницах его «Истории поселения в Плимуте» [10. С. 115]. Называя известность получила брэдфордская аналогия со ступеньками. Называя причины, побудившие английских пуритан принять решение о переезде на новый континент, Брэдфорд главной считает следующую: это «надежда и стремление заложить основу или хотя первые сделать к тому шагу для распространения Евангелия и проповеди царства Христова в далеких странах; пусть даже суждено нам стать лишь ступеньками, по которым другие пойдут на великое это дело» [1. С. 40].

Наряду с plain style в американской литературе XVII в. существовал стиль, прямо противоположный названному, который может быть определен как unplain style – непростой, отягощенный метафорами, символикой, повторами, иносказаниями, сравнительными оборотами, многочисленными эпитетами, риторическими вопросами. В основе unplain style лежит проповедь, значение которой в протестантизме известно. Однако unplain style шире проповеди – авторы XVII в. обращаются к нему для решения не только богословских, но и исторических, и нравственных, и идеологических, и научно-познавательных задач.

Unplain style использует в своей знаменитой речи «Образец христианского милосердия», произнесенной в 1630 г. на борту «Арабеллы», руководитель Массачусетской колонии Джон Уинтроп. «Если сердцевиной пуританской набожности является брэдфордская «История поселения в Плимуте», то основы пуританской социальной программы заложены в работе Уинтропа» [9. С. 78]. Излагая основы создания Града божьего на новых землях, Уинтроп пишет: «Если мы сохраним единство духа в нашей общине, Господь будет нашим богом и будет восхищаться нас своим пребыванием рядом с нами, будет нас считать Его людьми и будет благословлять пути наши, так что мы сможем гораздо яснее видеть Его царство, Его величие, Его доброту, Его правду, чем это было раньше, до нашей встречи. Мы поймем, что Бог Израиля среди нас, когда десять из нас будут способны победить тысячу наших врагов, когда Он преисполнит нас гордостью и величием, так что всякий скажет о нашей процветающей плантации: “То, что называется Новой Англией, создал Господь”» [11. С. 83].

На одном корабле с Джоном Уинтропом на американский континент прибыл Эдвард Джонсон, явившийся одним из вдохновителей и организаторов Великого Переселения в Новую Англию в 1630 г. Его труд «История Новой Англии» (1654) более известен под названием «Чудесное провидение Сионского спасителя в Новой Англии», что в большей степени соответствует его содержанию и стилю. В сочинении Джонсона unplain style является доминирующим. Показательно описание Джонсоном отправления в Америку корабля «Игль» и сопутствующих этому сцен. «О, мой многоуважаемый друг! Не явил ли Христос великую милость, став предводителем людей в их далеком передвижении в безбрежной пустыне? О! Вы можете погибнуть там, и я никогда не увижу Вашего цветущего лица! Вы призваны выполнить великую миссию –

переправиться через бурный океан и рисковать собой в битве с многочисленными врагами, имея надежду на триумфальное возвращение...» [5. С. 29–30], – так описывает Джонсон прощание близких с отъезжающими. Его работа изобилует повторами, восклицаниями, риторическими вопросами, красочными эпитетами и метафорами, что характерно для unplain style.

Во второй половине XVII в. образность в языке американской литературы имеет тенденцию к возрастанию. М.И. Лоуанс, автор монографии «Язык Ханаана», склонен объяснять этот факт переосмыслением аналогии между древним Израилем и Новой Англией. Известное сопоставление все больше используется для фигуральности языка, а «бегство в пустыню» Новой Англии трактуется как величайшего значения самобытное явление [6. С. 162]. «Метафоры библейской истории» являются основой стилевой манеры Коттон Мэзера – одной из ключевых фигур ранней американской истории и литературы. «Коттона Мэзер, сын Инкриса Мэзера и внук обоих – Ричарда Мэзера и Джона Коттон, был рожден для того, чтобы принять эстафету духовного лидерства и незаурядной учености» [4. С. 105]. Он является автором более пятисот опубликованных работ и огромного количества материалов, которые все еще находятся в рукописях. Самая известная книга Мэзера носит название «Magnalia Christi Americana» – «Великие деяния Христа в Америке» (1702). Этот монументальный труд представляет собой духовную историю Новой Англии, начиная с первой плантации, основанной в 1620 г., до 1698 г. Замысел Мэзера «состоял в том, чтобы внушить гражданам Новой Англии гордость за духовное наследие и тем самым возродить религию предков» [4. С. 106]. Таким образом, Коттон Мэзер поставил перед собой комплексную задачу: одновременно быть историком, богословом, моралистом, трибуном и писателем.

Одна из семи книг «Великих деяний», третья, посвящена жизни выдающихся священников; среди них – преподобный Джонатан Барр (1604 – 1641), который около двух лет сотрудничал с Ричардом Мэзером, дедушкой автора, в Дорчестере.

Исключительность личности героя – эта идея является в повествовании Мэзера главной. М-р Барр с раннего детства исключительно набожен, скромнен и добродетелен. Исключительная личность действует в исключительных обстоятельствах. «Эта яркая звезда должна была двигаться на Запад» [7. С. 114], – пишет Мэзер о своем герое, «подключая» его к беспрецедентному событию – переселению пуритан на новый континент. Unplain style становится адекватной формой выражения как идеи исключительности, так и принципа призывности, которым руководствовался Мэзер, стремясь возродить у своих современников былой энтузиазм и религиозную страстность.

Метафоричность в произведении Мэзера не декоративна, она не менее значима, чем факты биографии преподобного. Источники образности для автора – Библия и история протестантизма. Произведение начинается с метафорического вступления, что задает тональность дальнейшему повествованию: «Когда судьба привела Давида в пустыню, преклонение перед ним Ионафана было столь велико, что он воскликнул: «Твоя любовь ко мне изумительна!» Судьба нашего Иисуса, истинного Давида, во многом связана с американской пустыней, где тоже был Ионафан, чья любовь оказалось столь удивительной, что перенесла его через воды Атлантического океана, чтобы служить там; это был м-р Джонатан Барр» [7. С. 112]. В нескольких предложениях Мэзеру удается выразить несколько важнейших мыслей: сопоставление Иисуса и Давида, пустыни библейской и пустыни американской, Барра и Ионафана. Как известно, Ионафан, сын царя Саула, был всем сердцем привязан к Давиду. «Любовь между ними была изумительная, какая только может быть между двумя доблестными чистыми душами» [2. С. 226], – пишет А.П. Лопухинь в «Библей-

ской истории» Ветхого Завета. Называя Джонатана Барра Ионафаном, Мэзер подчеркивает страстную преданность его делу Христа.

С характерным для *uplain style* преизбыточеством Мэзер сопоставляет м-ра Барра не только с Ионафаном, но и с другими библейскими персонажами, а также с Мартином Лютером и его сподвижником Филиппом Меланхтоном. В формировании этих контекстов автор использует клишированность библейских образов и исторических характеров. Ионафан – известный символ любви и преданности. Иеремия, Иоанн и Тимофей, помимо других качеств, отличались молодостью – в ряд с ними Мэзер ставит м-ра Барра, который также рано «расцвел пред Господом» [7. С. 112]. М-р Барр соотнесен и с Моисеем, который в мировоззрении раннеамериканских пуритан являлся одной из ключевых фигур. Заявляя, что м-р Барр возносил молитвы о тех, кто был рядом с ним, с кротостью Моисея [7. С. 114], Мэзер подчеркивает способность своего героя жить заботами других, быть лидером. В работе Мэзера звучит и имя современника св. Павла Варнавы, известного своей миссионерской деятельностью. Св. Павел упоминает его в Первом послании к Коринфянам. Мэзер называет м-ра Барра истинным Варнавой, который «не только наносил утешительные визиты церквям Новой Англии, но являл собой пример той любви, терпения, святости, трудолюбия, которые делают других счастливыми» [7. С. 115]. Пуританами глубоко чтимы не только библейские фигуры, но и духовные отцы протестантизма Мартин Лютер и Филипп Меланхтон. Нежелание м-ра Барра принимать подарки Мэзер сравнивает с бессребрничеством Лютера, а его глубокую веру – с религиозностью Меланхтона.

Восторженная тональность повествования Мэзера создается не только многочисленными библейскими параллелями, но и комплиментарными эпитетами, использованием анафоры, устойчивых словосочетаний, подбором выигрышных моментов биографии м-ра Барра.

Американская литература XVII в. продолжает оставаться одним из малоисследованных периодов мировой литературы. Проблема стиля – в числе наиболее сложных в комплексе проблем, связанных с этим периодом. Известный специалистам *plain style* и выделенный нами *uplain style* не исчерпывают, как можно предположить, стилового многообразия американской литературы XVII в.

Литература

1. Брэдфорд У. История поселения в Плимуте / пер. З. Александровой. М.: Худож. лит., 1987.
2. Лопухинь А.П. Библейская история ветхого Завета. Монреаль, 1986.
3. Стеценко Е.А. История, написанная в пути (записки и книги путешествий в американской литературе XVII – XIX вв.). М.: Наследие, 1999.
4. Blair W., Hornberger Th., Stewart R. Cotton Mather. Introduction // The Literature of the United States. An Anthology and a History. From the Colonial Period through the American Renaissance. Chicago; N.Y., 1953. Vol. 1.
5. Jonson E. Wonder – Working Providence of Sion's Story // American literature Survey. N.Y., 1962. Vol. 1.
6. Lowance M.I. The Language of Canaan. Cambridge: Harvard University Press, 1980.
7. Mather C. The Life of mr. Jonatan Burr. From «Magnalia Christi Americana» // The Literature of the United States. An Anthology and a History. From the Colonial Period through the American Renaissance. Chicago; N.Y., 1953. Vol. 1.
8. Miller P. A Colonial Dialect // Early American Literature. A collection of critical essays. Prentice – Hall, 1980.
9. Miller P. John Winthrop // The American Puritans. Their Prose and Poetry. N.Y., 1956.
10. Westbrook P.D. William Bradford. Boston, 1978.
11. Winthrop J. A Model of Christian Charity // The American Puritans. Their Prose and Poetry. N.Y., 1956.

МИШИНА ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (futurum2006@yandex.ru).

MISHINA LARISA – doctor of philological sciences, professor of Russian and Foreign Literature Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 82-1/-9
ББК 83.3(0)

П.А. МОИСЕЕВ

ДЕТЕКТИВ НА ФОНЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ПСИХОЛОГИЗМ В ДЕТЕКТИВНОМ ЖАНРЕ

Ключевые слова: детектив, психологизм, Буало – Нарсежак, Агата Кристи, Жорж Сименон.

Доказывается почти абсолютная невозможность плодотворного использования психологизма в детективном жанре. Показывается, что существующие варианты «психологического» детектива чаще всего либо не относятся к детективному жанру, либо не являются психологическими романами в точном смысле слова.

P. MOISEEV

DETECTIVE FICTION AGAINST THE BACKGROUND OF THE WORLD LITERATURE: PSYCHOLOGISM IN THE DETECTIVE GENRE

Key words: detective fiction, psychologism, Boileau – Narcejac, Agatha Christie, Georges Simenon.

The present article proves that the fruitful use of psychologism in the detective genre is almost impossible. The article also demonstrates that the variants of so-called «psychological detective novel» either are not the detective ones or are not the psychological prose in the strict sense.

Одним из часто звучащих и весьма убедительных аргументов, которые используются защитниками детективного жанра в спорах с его хулителями, обвиняющими детектив в принадлежности к низкопробной «формульной» литературе, в его лубочности, отсутствии жизненной правды и тому подобных грехах, является указание на жанровое своеобразие детектива и его отличие от других, более привычных для критиков литературных произведений. Суть этого аргумента исчерпывающе выражается пушкинской формулой: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собой признанным» [5. С. 96]. Действительно, оценивая художественные достоинства и недостатки детектива, литературоведы и литературные критики нередко используют те же понятия и категории, с помощью которых они привыкли – более или менее успешно – анализировать произведения так называемой «серьезной литературы». Тем самым они неосознанно вершат свой суд, используя известные им художественные законы, во многом отличные от тех, которым следуют в своем творчестве авторы детективов. В результате критика нередко упрекает детективы именно за то, что следовало бы считать их истинными достоинствами, а в своих выводах приходит к таким суждениям, ошибочность которых очевидна для всякого непредвзятого читателя. Единственным выходом из существующего на сегодняшний день положения, при котором имеющиеся у литературоведа профессиональные приемы анализа не только не помогают ему верно понять и оценить детектив, но зачастую и прямо затрудняют такую оценку, следует считать дальнейшую разработку теории этого жанра и выработку *специфических* научных понятий, с одной стороны, позволяющих логично и непротиворечиво рассуждать о художественной структуре детективных произведений, а с другой – совпадающих с теми интуитивно ощущаемыми представлениями о «хорошем детективе», которые руководят как писателем, стремящимся построить увлекательный детективный сюжет и воплотить его в идеальной художественной форме, так и читателем, простодушно следящим за развитием этого сюжета.

В то же время подчеркивание специфичности структуры детективного повествования, абсолютизирование его непохожести на другие литературные жанры таят в себе еще малоосознаваемую опасность. Доведенная до своего логического конца такая тенденция «отгораживания» детектива от всей прочей литерату-

ры (подчеркнем еще раз: вполне оправданная в сложившихся на сегодняшний день обстоятельствах) может, в конце концов, привести к не менее абсурдным последствиям, нежели вышеупомянутая склонность к игнорированию художественного своеобразия детективов. В итоге такого крайне нежелательного развития литературной науки детектив может оказаться на отведенной ему, четко отграниченной территории, но уже за пределами литературы – где-то рядом с логическими задачами, ребусами, головоломками, «криминальными квестами» и тому подобными интеллектуальными развлечениями. Как бы ни призрачна казалась эта опасность сегодня, когда на первом плане находится отстаивание специфичности детектива, возможность уклона в эту сторону не следует приуменьшать (тем более, что этому может немало способствовать широко распространенное представление о детективе как о «честной игре с читателем»).

Каково бы ни было своеобразие детективного жанра – он один из результатов развития мировой литературы (можно сказать, один из самых рафинированных его результатов), и, с теоретической точки зрения, прежде чем рассматривать его как сугубо индивидуальное образование, как специфический жанр, он должен быть понят как часть литературы, подчиняющаяся в силу этого общим для всех жанров литературным законам и, соответственно, доступная для анализа, применяющего общелитературные категории и понятия. Учитывая тот факт, что в современном литературоведении можно обнаружить лишь первые шаги на пути такого анализа, а его использование, не игнорирующее жанровых особенностей детектива, – дело будущего, настоящая статья является, по замыслу, лишь первым приближением к постановке вопросов о месте, занимаемом детективом в контексте мировой литературы.

Сперва рассмотрим вопрос о том, какое место в детективном произведении занимает психологизм. Именно «занимает», а не «может занимать». Традиционно говорится о том, что психологизм именно может занимать в детективе важное место, а может и не занимать. В первом случае мы якобы имеем дело с особой разновидностью детектива – детективом психологическим. Мы предполагаем оспорить эту точку зрения, показав почти взаимное отталкивание между «психологической прозой» (в общепринятом ее понимании) и детективом, так что, фактически, автор почти всегда вынужден делать выбор между этими типами повествования.

Такая позиция опирается, естественно, на определенное понимание детективного жанра. Детектив понимается нами как жанр, основу которого составляет решение загадки определенного типа; в тех случаях, когда загадка отсутствует, или не является детективной, или играет второстепенную роль, произведение нельзя считать детективом. Именно так детектив понимался повсеместно на протяжении долгого времени – от своего зарождения до того, как это понятие было неправомерно расширено – в частности, Чандлером. Именно так понимают его и сегодня те (относительно немногочисленные) авторы, которые до сих пор пытаются работать в этом жанре. Наиболее детальное и теоретически осмысленное изложение такого традиционного, хотя и непопулярного сегодня взгляда на детектив дано Н.Н. Вольским, работу которого мы и кладем в основу нашего исследования [1].

Итак, детектив, понятый в вышеизложенном смысле, на наш взгляд, подразумевает отсутствие психологизма. Объясняется это достаточно просто. Психологизм ничего не дает для продвижения от загадки к разгадке. Более того, психологизм прямо вредит детективному повествованию. Он вредит просто потому, что раскалывает произведение надвое; автор всегда вынужден делать выбор – рассказывает ли он о внутреннем мире героя или предлагает читателю загадку.

По словам А.Б. Есина, при активном использовании психологизма художественное время «может подолгу останавливаться на анализе скоротечных психологических состояний и очень кратко информировать о длительных периодах, не несущих психологической нагрузки и имеющих, например, характер сюжетных связок» [3. С. 71]. Представим себе такую ситуацию в детективе – и убедимся, что «очень краткая» информация о сюжете и вообще отношение к сюжету как к «связке» приведет к художественному провалу.

Эта особенность детектива связана отчасти и с другой – детектив крайне редко и с трудом вмещает в себя «серьезную» проблематику; единственное известное нам исключение – это новеллы Честертон. В тех случаях, когда писатель отдается большой теме и психологизму, детективный сюжет оборачивается псевдетективным (будь то «Братья Карамазовы» или «Имя розы»).

Эта же особенность детектива связана и с третьей его чертой: детектив очень плохо совмещается с другими жанрами. Подобно слону, который, став маленьким, белым и гладким, перестанет быть слоном и превратится в таблетку аспирина, детектив, совмещенный, например, с историческим романом, будет детективом лишь тогда, когда не будет историческим романом. Хорошим примером этого является роман Дж.Д. Карра «Дьявол в бархате», который, несмотря на четко сформулированные условия задачи, добротную загадку и разгадку, все же оставляет впечатление несовершенного, словно недоделанного детектива – поскольку решение загадки то и дело перебивается рассказом об отношении главного героя к Карлу II.

Иными словами, детективу, как и любому другому жанру, противопоказано все, уводящее от сути – в том числе психологизм. Однако значительная часть пишущих о детективном жанре литературоведов и литературных критиков рассматривают психологизм в качестве основного средства, предоставляющего автору возможность преодолеть литературную неполноценность детектива, его ненатуральность и схематичность. Психологическую прописанность персонажей, их «одушевленность» они считают одним из важнейших достоинств «хорошего детектива», приводя ряд примеров психологического детектива, приближающихся, по их мнению, к желаемому образцу. Разумеется, ряд этот длинен, поэтому нам необходимо свести его к обозримому количеству произведений. Это достаточно легко. Во-первых, чаще всего под психологическим детективом подразумевается тип романа, восходящий к романам и повестям Жоржа Сименона о Мегрэ. Во-вторых, психологическими детективами называют романы, характерными образцами которых могут служить некоторые произведения Буало – Нарсежака. В-третьих, иногда выделяют психологические детективы в творчестве писателя, принадлежность которого к детективу не вызывает сомнений; например, психологические детективы находят у Агаты Кристи. Именно этих трех авторов и можно выбрать для разрешения вопроса о том, существует ли психологический детектив и если существует, то как он возможен.

Обратимся сначала к роману сименоновского типа. Этот случай наиболее прост для анализа, поскольку, если отбросить навязчивый стереотип («Сименон – классик детектива»), легко заметить, что к детективу романы о Мегрэ отношения не имеют. В них отсутствует уже названная главная черта жанра – загадка. Обычно в центре повествования о Мегрэ находится не *загадка*, а *вопрос* – «Кто убил?», «Кто украл?» и т.п. (а в некоторых случаях не составляет тайны и личность преступника). Таким образом, перед нами образцы не детективного, а полицейского жанра. Но и в качестве таковых романы о Мегрэ могут вызвать нарекания; не раз отмечалось, что в послевоенных произведениях этой серии Сименон явно делает попытку создавать скорее психологическую беллетристику, чем полицейские романы.

Более сложный случай – Агата Кристи. В самом деле, некоторые ее романы производят впечатление более психологизированных, чем другие. В качестве образца первых можно взять известный роман «Пять поросят», который на взгляд, например, Роберта Барнарда является одним из лучших произведений писательницы. В основе сюжета – расследование загадочной смерти художника Эмиаса Крейла. Загадка здесь сводится к следующему: ни один из тех, кто имел мотив и возможность совершить убийство, его не совершал; те же, у кого не было мотива, очевидно, тоже не могли его совершить (бессмысленное убийство находится за границами детектива).

Почему этот роман может показаться психологическим? По нескольким причинам: первая заключается в том, что это роман, а не новелла. Выбрав большую форму, детективист налагает на себя обязанность как-то заполнить объем книги, растянуть повествование. Существует, на наш взгляд, три основных способа это сделать: а) создать по-настоящему сложную *детективную* интригу (самый трудный способ, но мы его находим в «Лунном камне» Коллинза и в некоторых других романах, в том числе недавних – «Убийстве на дуэли» А.И. Бакунина или в «Четвертой жертве сирени» В. Данилина); б) оснастить роман «вставными новеллами» (достаточно частотный способ у классиков жанра), в которых будут происходить разного рода приключения, разрабатываться ложные версии или расследоваться дополнительные загадки и тайны; в) снизить темп повествования за счет разного рода «воды» (например, повторения уже известной информации). В «Пяти поросятах» загадка не настолько сложна, чтобы Кристи могла прибегнуть к первому способу; второй способ отчасти представлен (подробно разбирается вопрос о мотивах и возможности совершения убийства у всех участников драмы), но широкое его использование невозможно – убийство совершено много лет назад, и ожидать появления приключенческих глав (к счастью) не приходится. В такой ситуации повествование неизбежно начинает вертеться вокруг героев – другие возможности просто исключены или сильно ограничены. Такова первая причина того, почему «Пять поросят» кажутся психологическим произведением.

Вторая причина более существенная. Как неоднократно замечает Пуаро (не только в этом, но и в других произведениях писательницы), часто разгадка скрыта в личности жертвы. В «Пяти поросятах» ситуация именно такова, с той поправкой, что здесь важны две личности – жертвы и главной подозреваемой (жены Крейла Кэролайн). И здесь мы вплотную подходим к вопросу: а является ли действительно этот роман психологическим? И если это так, то можно ли сказать, что это тот же психологизм, который свойствен мнимому «психологическому детективу» сименоновского типа?

У Сименона мы находим погружение во внутренний мир героев (Мегрэ и участников очередного дела), причем главный интерес для писателя составляют разные психологические состояния, переживаемые героями. Пресловутый внутренний мир в романах Сименона текуч, и автор в значительной мере занят фиксацией этой текучести.

В «Пяти поросятах» и других романах Кристи этого типа мы не находим даже попыток дать «диалектику души». Когда писательница устами Пуаро говорит, что разгадка часто связана с характером жертвы, она понимает характер иначе – не как динамическое явление, а как устойчивую сущность, как нечто само себе равное. Задача, которую Кристи перед собой ставит, – дать правильное определение этой сущности. Так, в «Пяти поросятах» разные версии убийства сопровождаются разными определениями характеров Эмиаса и Кэролайн Крейл и отношений между ними. При этом автор не углубляется в эти характеры и отношения; дистанция между читателем и героем остается одной и той же; характерно,

что Эмиас и Кэролайн не являются персонажами книги, поскольку умирают еще до начала событий, составивших непосредственный сюжет романа.

И.В. Страхов, говоря о психологическом анализе, называет такую его форму психологическим анализом «извне», противопоставляя ее психологическому анализу «изнутри», который, как мы пытаемся показать, детективу противопоставлен [6]. А.Б. Есин, следуя за Страховым, выделяет косвенную и прямую формы психологического изображения [3. С. 69–70].

При использовании косвенной формы психологизма большую роль играет использование художественной детали и пейзажа. Лев Данилкин писал об акунинском Фандорине:

«То, что для нас, читателей, воспитанных на классических текстах, – драматургический прием, для него – улика (звук лопнувшей струны или сорвавшейся бабьи в чеховской пьесе наверняка не случаен – чудит не автор и не звукорежиссер, а крадется преступник). Для нас – психологическая деталь (кресла Собакевича и диван Манилова), для него – вещественные доказательства. Для нас – пейзаж, соответствующий настроению персонажей, для него – место преступления. Для нас – объемный характер, для него – объект, принадлежащий к какому-либо психотипу и поэтому требующий особой методики дознания» [2].

Данилкин абсолютно верно подметил эту черту поэтики Акунина, но, видимо, будучи мало начитанным в детективах, да и просто не испытывая, возможно, особой любви к этому жанру, не понял, что это черта жанровой, а не индивидуальной поэтики. На том же самом основании можно было бы противопоставить Кристи Теккерею или Джордж Элиот. Деталь в детективе может быть даже, как мы сказали выше, психологической, однако она все равно является уликой, давая ключ к правильному пониманию характера, что, в свою очередь, необходимо для разгадки. В «Пяти поросятах» такими деталями являются изуродованное лицо Анджелы, слова Кэролайн «Я тебя когда-нибудь убью» (обращенные к мужу), слова Эмиаса «Я помогу ей собрать вещи»; наконец, чисто психологический характер носят размышления о портрете Эльзы Грир. Кстати, обратим внимание на противопоставление Данилкиным «объемного характера» и «объекта, принадлежащего к какому-либо психотипу». Выше мы сформулировали это же противопоставление, хотя терминология критика представляется некорректной: персонажи Акунина, как и Кристи, – это тоже характеры, хотя, действительно, не «объемные». Но к этой теме мы еще вернемся.

Такое же положение особенности психологии героев занимают и в других произведениях Кристи в тех случаях, когда они вообще там появляются. Более того: деталь может вводиться в произведение как психологическая (это дает ей право быть упомянутой), но подлинное значение ее оказывается совсем не психологическим. Так, в романе «Берег удачи» героиня должна сделать сложный выбор. Ей, погруженной в размышления, все вокруг напоминает о ее проблеме, и даже дым паровоза вдалеке кажется похожим на знак вопроса. Перед нами типичная и для «высокой» литературы «психологизация» пейзажа. Но надо ли говорить, что весь этот психологический пассаж нужен Кристи исключительно ради упоминания о дыме от паровоза, который окажется важным доказательством в деле?

Становится ли роман от этого психологическим? Этот вопрос сводится к другому: можно ли называть психологизмом психологический анализ «извне», или косвенную форму психологического изображения? Вопрос сложный. Есин рассматривает эту форму как разновидность психологизма. С другой стороны, в начале своей статьи он оговаривается, что не всякое информирование о переживаниях персонажа является психологизмом. В таком случае, может быть, резонно было бы «косвенные» способы изображения психологии, или

психологический анализ «извне», называть не психологизмом, а как-то иначе. Ведь вряд ли мы сочтем психологическим роман, в котором внутренний мир героев будет характеризоваться только таким, внешним образом.

Как бы то ни было, мы, говоря о неприемлемости психологизма в детективе, имеем в виду именно психологический анализ «изнутри», или прямую форму психологического изображения. Но именно эту форму мы находим в творчестве Буало – Нарсежака.

Случай этих писателей самый сложный. Прежде всего необходимо отметить, что не все произведения дуэта являются детективами¹. Мы находим в их творчестве и образцы триллера («Лица во тьме», «Волчицы») и даже психологического романа с элементами триллера («Неприкасаемые»). Нас будут интересовать образцы «чистого» детектива, в которых Буало – Нарсежак практически всегда использует психологизм. Как в данном случае психологизм влияет на *качество* детективов? На наш взгляд, представлены все три возможных варианта.

Вариант первый. Психологизм вредит детективу. Пример – роман «Среди мертвых». Погружая нас в душу главного – но как личность ничтожного – героя, Буало – Нарсежак в основном рассказывает нам о его комплексах, любовных терзаниях, отчаянии после гибели возлюбленной и т.д., в результате замедляя темп повествования и рискуя вызвать наше раздражение неуместностью таких подробностей. Прекрасная загадка *утяжеляется* психологизмом².

Вариант второй. Психологизм не вредит детективу, но и ничего не прибавляет к нему. Пример – роман «Та, которой не стало». Здесь мы снова погружаемся во внутренний мир героя, которого, однако, одолевают уже совсем другие проблемы. Фернан Равинель около трети романа занят убийством своей жены, что, безусловно, имеет более непосредственное отношение к сюжету, чем терзания Флавьера в романе «Среди мертвых». Остальной части романа (где излагается детективная загадка) психологизм также не наносит большого ущерба: здесь мы следим за переживаниями Равинеля, который начинает на каждом шагу сталкиваться с призраком убитой им жены. Психологизм не слишком мешает: в данном случае чувства героя тесно связаны с загадкой – и даже (как выясняется в финале) более тесно, чем кажется на первый взгляд. С другой стороны, фиксация переживаний Равинеля не улучшает повествование, потому что нас все-таки интригует именно загадка ожившего мертвеца. Если бы, скажем, авторы радикальным образом перестроили композицию романа, дав Равинелю слово лишь в первых главах романа, где он (предположим) излагал свою историю сыщику, принципиальным образом ничего бы в романе (как в детективе) не изменилось³.

Вариант третий. Психологизм органически сочетается с детективом, улучшая его. Редкий, может быть даже исключительный пример – роман «Жертвы». Как и в «Той, которой не стало», здесь несколько затянута экспозиция (что вызвано уже отмеченной необходимостью превратить новеллистический сюжет в романский), где главный герой, сотрудник одного из парижских издательств, Пьер Брюлен фиксирует мелкие странности в поведении своей возлюбленной мадам Жаллю. Наконец дело доходит до детективной загадки: героиня замужем и должна отправиться с мужем в Афганистан; Пьеру удастся присоединиться к

¹ Это относится и к произведениям Кристи на криминальные темы; однако не оговаривалось нами по той причине, что лишь в немногих романах писательницы можно найти иллюзию психологизма.

² Мы уже писали о том, что сделал с этим романом Хичкок в процессе создания «Головокружения», превратив его, в частности, в образцовый детектив. См.: [4].

³ Интересно, что Анри Клузо, хотя при экранизации романа и оставил в неприкосновенности его композицию, а также сохранил точку зрения жертвы на происходящее, действительно ввел в фильм фигуру сыщика.

экспедиции, однако мадам Жаллю, которую он встречает в аэропорту Кабула, оказывается не той женщиной, которую он знал. При этом банальное мошенничество исключается: обе женщины владеют одним и тем же набором фактов о мадам Жаллю, которые излагают практически одними и теми же словами; в Париже возлюбленная героя однажды приглашала его в свой дом, обе героини показывают Пьеру фотографию родителей (одну и ту же) и т.д.

Психологизма здесь ничуть не меньше, чем в других произведениях Буало – Нарсежака. Но как он сочетается с детективным сюжетом? Авторам удалось решить две сложные задачи. Во-первых, нагружая книгу описаниями чувств, мыслей и страхов Пьера Брюлена, они тем не менее не допустили ни малейшего зазора между этими описаниями и изложением детективной загадки. Герой полностью погружен в свои чувства, но его напряженное переживание происходящего – это одновременно перебор возможных версий происходящего. Герой мыслит как сыщик (пусть и не «великий», не имеющий возможности разгадать тайну), но в то же время смотрит на ситуацию изнутри, как заинтересованное лицо. Все его эмоции, зафиксированные Буало – Нарсежаком, абсолютно уместны, их описания не являются лирическими отступлениями. Во-вторых, авторам удалось не только не допустить упомянутого зазора, но и сделать психологизм двигателем сюжета. Все переживания Брюлена имеют определенные последствия. В других произведениях Буало – Нарсежака такая взаимосвязь между психологизмом и сюжетом тоже присутствует, но лишь отчасти. Так, в «Той, которой не стало» Равинель – фигура достаточно пассивная, и лишь в финале его психологическое состояние выливается в конкретный поступок. Это же можно сказать, например, и о повести «Остров». В романе «Среди мертвых» подробнейшее описание внутреннего мира Флавьера дважды находит свое продолжение в поступках героя: в его отказе засвидетельствовать самоубийство возлюбленной и в финальном убийстве. В «Жертвах» герой гораздо активнее, и каждый его поступок оказывается результатом тех чувств, с которыми нас познакомили авторы; большая часть психологических описаний функциональна. Так, уже в начале романа, ожидая мадам Жаллю в Афганистане, Брюлен начинает испытывать недоверие к ней; это недоверие впоследствии окажет влияние на весь ход сюжета.

На наш взгляд, лишь решив обозначенные две задачи, можно сделать психологизм не скучным привеском к детективу (или наоборот: не основой, к которой прилагается занимательный сюжет, – как у Сименона), а значимым его элементом. Но решить эти две задачи, видимо, достаточно сложно, – судя по тому, что «Жертвы» занимают в истории детектива уникальное или почти уникальное место.

Итак, мы попытались продемонстрировать неуместность психологизма в детективе (исключение лишь подтверждает правило). Однако теперь мы должны сделать одну оговорку, связанную с тем, какой именно психологизм имеется в виду. Мы намеренно откладывали это более чем существенное уточнение, ради того чтобы не нарушать логику изложения. Нетрудно заметить, что мы подразумевали психологизм строго определенного типа – реалистического. И неспешный анализ мельчайших оттенков душевной жизни в духе Тургенева, Гончарова или Толстого, и задыхающийся, исповедальный, «пороговый» психологизм Достоевского в равной мере неуместны в детективе.

Интересно, что неудачи, вызванные введением психологизма в этот жанр (романы о Мегрэ, «Среди мертвых»), были обусловлены попыткой опереться на психологизм, условно говоря, тургеневско-толстовского типа⁴. Даже Буало – Нарсежак, в отличие от Сименона работавшие (часто) именно в детективном

⁴ Разумеется, мы не отождествляем психологизм Толстого и Тургенева, а всего лишь сближаем, прекрасно понимая все различия между ними.

жанре и, судя по всему, хорошо чувствовавшие его природу, пытались передать состояние загнанной в угол жертвы в спокойной, слегка отстраненной и при этом аналитической манере. Но реалистический психологизм – отнюдь не то, что нужно детективу.

Литература

1. *Вольский Н.Н.* Загадочная логика // Вольский Н.Н. Легкое чтение: Работы по теории и истории детективного жанра. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. С. 5–126.
2. *Данилкин Л.* Убит по собственному желанию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guelman.ru/slava/akunin/danilkin.html>.
3. *Есин А.Б.* Психологизм // Есин А.Б. Литературоведение. Культурология: избранные труды. М.: Флинта; Наука, 2002.
4. *Моисеев П.А.* «Головокружение» А. Хичкока и «Среди мертвых» Буало – Нарсежака: превращение детективного романа в кинотриллер // Литература в искусстве, искусство в литературе: сб. науч. ст. Пермь: Перм. гос. ин-т искусства и культуры, 2010. С. 86–99.
5. *Пушкин А.С.* Письмо к А.А. Бестужеву. Январь 1825 г. // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); текст проверен и примеч. сост. *Б.В. Томашевского*. 4-е изд. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 10. Письма / Текст проверен и примечания составлены *Л.Б. Модзалевским* и *И.М. Семенко*; под ред. *Б.В. Томашевского*. 1979. 711 с.
6. *Страхов И.В.* Психологический анализ в литературном творчестве. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. Ч. 1. С. 4.

МОИСЕЕВ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Пермский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия, Пермь (petre@mail.ru).

MOISEEV PETR – candidate of philosophical sciences, associate professor of Humanities Chair, Perm Branch of National Research University Higher School of Economics, Russia, Perm.

УДК 004.738.52

ББК 32.81

Т.А. СПИРЧАГОВА

ИНТЕРНЕТ-ПРОДВИЖЕНИЕ: ИННОВАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ КОММУНИКАЦИЯМИ

Ключевые слова: форум, чат, инновационные коммуникации, сетевое общение, вербальная коммуникация.

Предложены результаты исследования интернет-структуры коммуникативных форм, которые находятся в активном режиме пользователей, обозначающих актуальные варианты интернет-продвижения. В состав таких коммуникаций, как форум и чат, входят разнообразные версии словесного творчества, форм обращений, вариантов влияния на собеседника, непропорционально расположенные в Сети. Следствием такой коммуникации оказывается сильное воздействие на участников процесса общения на любом уровне выражения эмоций и конструирования любого по содержанию предложения.

T. SPIRCHAGOVA

INTERNET ADVANCE: INNOVATIONS IN MANAGEMENT OF COMMUNICATIONS

Key words: forum, chat, innovative communications, network communication, verbal communication.

Results of research the Internet of structure of communicative forms which are in an active mode of the users designating actual options of Internet advance are offered. As the forum and a chat are included into structure of such communications various versions of verbal creativity, forms of addresses, options of influence on the interlocutor, is disproportionate located in the Network. The result of such communication makes strong impact on participants of process of communication at any level of expression of emotions and designing of any according to contents of the offer.

Функция коммуникации в Сети осуществляется в условиях, отличающихся от традиционного прямого общения в жизни. Здесь имеет место быть виртуальное общение или виртуальная коммуникация, заменяющая порой реальность. А это может как бы «размыть» личность, обезличить, поставить

в сильнейшую зависимость, что является весьма злободневной психолого-социальной проблемой. Как известно, по наблюдениям ведущих медиа специалистов, как российских, так и западных [3, 5], Интернет-технология делает коммуникацию трансграничной: пропадает привязанность к местоположению, актуализируется социально-креативная функция, создается новая общность с единой информационной базой. В условиях Интернета аудитория участвует одновременно в рождении и обмене информацией.

Коммуникативная функция Интернета граничит с «интерактивностью» и «обратной связью». В качестве «обратной связи» в Интернете работает функция «форум». В этом контексте актуальными становятся показатели посещаемости, заинтересованности сайтом. Интерактивность в какой-то мере контролирует пользователя над содержанием (запрос, оценка, авторство, обмен мнениями). Это сближает с традиционными СМИ, что неоднократно заостряется и в международных исследованиях подобного формата, но определенно выявляет специфику общения в Интернете: оперативность, быстрота и доступность связи между пользователями на разных расстояниях [3, 4]. Цель исследования – принципиально в контексте нашего рассуждения определить конкретные возможности Интернета не только как инструмента познания, но и как инструмента общения.

В связи с этим могут себя обнаружить уникальные особенности общения через Интернет. В их пользу говорят такие известные категории, как анонимность, аффективная раскрепощенность, ненормативность и даже безответственность участников общения, практически отсутствие невербальной информации (если мы исключаем общение через видео ресурсы, типа SKYPE), добровольность и желательность контактов, а также стремление к нетипичному поведению. Все это подводит к тому, что в современной действительности возникает новая форма языкового взаимодействия, можно сказать письменно-разговорная речь. Конечно, обитатели чатов в связи с этим по определению лишены тембра речи, акцентирования части высказывания, эмоциональной окраски, тембра голоса, его силы, дикции, жестов и мимики. Придумана и компенсация в виде «смайликов» (от англ. «smile» – «улыбка»), которые получили чрезвычайно широкое распространение.

Чат, как форма коммуникации, появился в Сети одним из первых. Его отличительной чертой является общедоступность, т.е. открытость (в большинстве случаев) для любых лиц. Чат-рынок России в полном объеме развивается, на нем представлено множество дизайнерских чат-агентств, дизайнерских чат-студий, которые предлагают свои многочисленные товары/услуги. Соответственно появился в обиходе и термин «чатинг», соединивший в себя и коммуникацию, и информацию. Основные чат-коммуникации – это вербальная и визуальная части, это название чата или его имя, volchat.ru, Чат волчат – самый популярный чат (chat) в России. Здесь живое общение, множество собеседников, «приваты», «игнор», почта. Также может быть представлена и аудиоподложка, например музыка в эфире, или даже радиозфир. БУЛМАС.РУ, первый татарский чат, где желающие могут одновременно общаться на родном языке, слушать татарское интернет-радио и наслаждаться татарскими песнями (<http://www.bulmas.ru>). Татар чаты – Татарский чат знакомств и общения Кунел.ру. Призыв – общайтесь в чате на татарском языке, слушая приятную татарскую музыку! Лучший коллектив – лучшие слушатели – лучшее общение! Татарлар чаты! Чын татар егетләренең һәм кызларының аралашу урыны! Без Татарча сөйләшәбез! [6].

Вместе с тем возникает проблема чатинга – ответственность за созданный интернет-продукт. Чатинг по своему назначению – это стратегическая

коммуникационная разработка. В качестве способа функционирования чат использует схему работы радиостанции – открытый эфир и симплексную связь. Рассматривая чаты в качестве платформы для коммуникаций, необходимо проследить их эволюцию. Изначально созданный как рабочий инструмент общения программистов-профессионалов чат быстро приобрел популярность среди широкой аудитории. Произошло это практически сразу, как только Интернет стал доступен для массового использования. При этом чат утратил свою утилитарную направленность и стал площадкой для неформальных обсуждений и практически полностью вышел из сферы серьезного, делового общения, перейдя в область развлечений.

Следующим этапом развития чата с точки зрения организации является форум. В условиях ускорения темпа жизни и нехватки времени чат как среда, требующая постоянного присутствия, отслеживания поступающей информации и реакции на нее, постепенно переходит в сферу развлечений и общения людей, не ведущих активный образ жизни, и становится все менее популярным в деловой и профессиональной среде. Форум можно отнести к числу перспективных инструментов в системе коммуникаций.

Chat.ru – самый популярный российский сервер, предоставляющий своим пользователям самый широкий спектр бесплатных интернет-услуг. «На данный момент бесплатными услугами этого сервера пользуются более 3 млн человек. А самый популярный российский чат-сервер позволяет пользователям общаться в режиме on-line, при этом они имеют возможность создавать свои собственные «каналы» – приватные комнаты для общения в узком кругу. В галерее чата много интересного. На каждом канале чата могут быть свои правила и нормы общения (например, на канале о программировании могут быть запрещены разговоры с целью познакомиться с девушкой, или наоборот)» [6].

Казанский чат «Мегаполис» – замечательное место для общения, знакомства и приятного времяпровождения! На сегодняшний день это один из самых функциональных, красивых, приятных и уютных чатов рунета! Здесь обмен музыкой, мнениями, полезными ссылками, дискуссии на различные темы в форуме, контакты и связи, знакомства-встречи, предложения о походах, велопоходах, в общем, интересная и полноценная жизнь в рамках казанского портала общения. Чат Казани – это популярный казанский молодежный чат общения и знакомств, с дружелюбными и интересными участниками – жителями г. Казань. Но если в графе проживания не будет указана Казань, то ничего страшного, здесь рады видеть всех, кто присоединится к дружному сообществу, ведь здесь представители разных городов России, жители которых присоединились к увлекательному казанскому portalу общения и знакомств! Чат абсолютно бесплатный для пользователей. Активность в жизни чата – залог популярности, различных бонусов, подарков и возможностей. Цель – создать сообщество людей, которым приятно и интересно общаться друг с другом. В чате постоянно присутствуют модераторы, поэтому во избежание «карательных» мер в отношении пользователей рекомендуется внимательно ознакомиться с разделами «Описание чата» и «Устав чата».

Бесплатность, большой набор разных «фишек движка», а также возможность сидеть в чате без регистрации предопределили успех чатов.

Бесплатный каталог чатов – «Для двоих», где собрано большинство самых крупных чатов рунета, находящихся на известных «движках», таких как August4u, mpchat Вос++, а также на самописных уникальных «движках». Каталог носит сразу два названия, «Чат Вдвоем» и Каталог «Для двоих»: здесь са-

мые интересные чаты, возможность безграничного общения, много виртуальных приключений, поиск половинки и продолжение общения в чате вдвоем. Таким образом, работает и социальная функция. Чат «Мир влюбленных»: здесь ожидает масса интереснейших развлечений. В чате «Влюбленных» можно и встретить свою виртуальную любовь. Для любителей поупражняться в остроумии существует круглосуточная викторина, участие в которой даст возможность заработать чатовские виртуальные деньги. Ежемесячно по итогам викторины победители получают вознаграждение. В чате проводится фотоконкурс, победители которого также получают призы. Наличествует возможность потратить заработанные в чате виртуальные деньги в чатовском магазине на привилегии и подарки для себя или друзей. Веселую и дружелюбную атмосферу помогает отображать разнообразие смайлов. Таким образом, работает принцип интимизации виртуального сближения, т.е. нет недостатка внимания: пользователь не будет чувствовать себя одиноким, его ожидают хорошее настроение и заряд бодрости. Административный состав чата и активные пользователи помогут легко и быстро ориентироваться в чате, несмотря на наличие опыта в использовании компьютера и общения в Интернете. Каждый пользователь имеет возможность разместить в своем профиле дополнительную информацию о себе и создать собственный фотоальбом. Подобный по фактуре чат «Трепет сердца» открыт для всех, кто жаждет общения на любые темы с разными людьми в любое время суток. Плюс в том, что к регистрации допускаются лишь те лица, которым уже есть 18 лет. «Трепет сердца» это то место, где можно забыться от проблем повседневности, выпить чашечку интернет-чая и пообщаться с интересными людьми на различные темы.

«Самым революционным в новых коммуникационных технологиях считается их интерактивный характер. Это то, что отличает их от старых, которые «могут сказать, но не могут ответить». Интерактивность заставляет ученых пересматривать свои концепции и методы исследований, отказываясь от прежнего акцента на линейные модели эффектов масс-медиа, поскольку теперь традиционное деление участников процесса коммуникации на отправителей и получателей информации потеряло всякий смысл» [2]. Чат «METRO MTR. KZ» – это чат, где можно спокойно пообщаться с людьми из Казахстана, с самых отдаленных его уголков. Это первый чат, где собираются все прекрасные жители этой большой и красивой страны. Если пользователь сейчас находится далеко от дома, то этот чат предоставляет возможность на некоторое время вернуться в родной край, пообщаться с родными людьми и узнать новости своей страны. Таким образом, национальность и место жительства – это не основные критерии для нахождения в этом чате. Его принцип – общение людей из разных стран, обогащение своего кругозора вместе с чатом и его администрацией.

Чат «Ад и Рай» – захватывающий, стильный, очень уютный чат, в котором царит позитивная, дружественная обстановка. Здесь ждут хороших, добрых и отзывчивых людей, общительных, естественных, положительно настроенных приятных собеседников! Этот чат очень функционален, что позволит насладиться комфортом в полной мере! Это место для тех, кто устал от негативных эмоций, для тех, кто хочет расслабиться, морально разгрузиться и приятно отдохнуть. Такой проект создан для максимально расширенной возрастной категории, чтобы каждый посетитель ощутил приятную атмосферу! «Мульти чат» как место для общения существует продолжительное время благодаря чатланам в формате непринужденного, свободного и интересного общения. Для этого в чате есть всё возможное, а именно: удобный и интуитив-

тивный интерфейс, молодежное радио, круглосуточная викторина, sms, статусы, мультимедиа, приветливый технический персонал. Чат «Маленькая Венеция» «для тех, кому за 30». Это ни в коем случае не возрастное ограничение и не запрет на вход прочим! Здесь разговор, умных, взрослых людей. Взрослых по уровню сознания. «Маленькая Венеция» для адекватных и для всех тех, кто устал от негатива. Каждый выбирает чат сердцем и душой. И главное в чате не дизайн и количество смайлов, тегов, а отношение друг к другу, атмосфера, царящая в чате.

Таким образом, интерактивность позволяет контролировать сам процесс коммуникации и является существенным качеством электронной коммуникации. «Прототипом интерактивного процесса служит простой разговор двух человек. Это общий взаимный процесс. Любая сторона может прервать другую, поменять тему, высказать новые идеи... Новые масс-медиа тяготеют к личной интерактивной беседе. Для них характерны растущая скорость, взаимосвязанность и двухсторонний характер электронной коммуникации, а также возрастающий контроль за процессом со стороны как отправителя сообщения, так и аудитории» [1].

Выявлено, что находящиеся в чате люди наполняют его бессчётным количеством реплик, «чатлане» (это те, кто сидит в чате) имеют неискоренимую привычку комментировать чужие разговоры, и все эти беседы непринужденно сливаются и разливаются на множество тем. Убежденно продемонстрировано, что темы разговоров тоже на первый взгляд отнюдь не отличаются упорядоченностью и академичностью. Первичная же функция чата – бытийная. Чат – это не клуб знакомств, это реальная жизнь, проживаемая в ином мире. Посетители чата не общаются в нем, они в нем живут, потому устойчивое мнение таково, что «вписаться» в чат с первой попытки удастся далеко не всем, даже искренне этого желающим.

В результате вышесказанного считаем, что встроенные в реальную жизнь инновационные коммуникации наполняют сетевое общение смыслом, создают притягательную атмосферу, а вербальная коммуникация носит стильный характер, упорядочивая законы языка на современный лад, подсказывает новые коммуникативные тенденции.

Литература

1. Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: Западные теории и концепции. М.: Аспект Пресс, 2005. 176 с.
2. Вартанова Е.Л. Конвергенция как неизбежность // От книги до Интернета. Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия: сб. ст. / отв. ред. Я.Н. Засурский, Е.Л. Вартанова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 39.
3. Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М.: Наука; Флинта, 2012. 328 с.
4. Bryant J., Thompson S., Finklea B.W. Fundamentals Of Media Effects. 2nd ed. Long Grove: Waveland Pr Inc, 2012. 410 p.
5. Plotkin R. Communication and Cyberspace (Computers, Internet, and Society). N.Y., 2012. 224 p.
6. <http://kynel.ru/chat>.
7. <http://www.chat.ru/about.html>.

СПИРЧАГОВА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики электронных средств массовой информации, Казанский (При-волжский) федеральный университет, Россия, Казань (1114.69@mail.ru).

SPIRCHAGOVA TATYANA – candidate of philological sciences, assistant professor of Chair of the Theory and Practice of Electronic Mass Media, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan.

УДК 070.421:778.5

ББК 76.032

Т.А. СПИРЧАГОВА, ЦИ ИЧЖИ

**ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
СОВРЕМЕННЫХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПРОЕКТОВ:
СТИЛИСТИКА ОРГАНИЗАЦИИ В РАЗНЫХ СТРАНАХ**

Ключевые слова: проект, телевидение, коммуникации, стилистика передачи, выразительность слова на экране, телевизионное мастерство.

Предложены результаты включенного наблюдения стилистической структуры телевизионного проекта, реализующегося в различных государствах с учетом регламентирующих условий проведения и реализации. В основе выразительных возможностей телевизионного ресурса лежит наличие открытых и скрытых от публики технологий производства телепередачи, отображающей слово, звук, стиль, образ как результат командного участия, что приводит к серьезным позициям эмоционального воздействия на адресат. В разных странах программы серьезно похожи, как близнецы, однако национальный колорит также присутствует, что выражается в количестве не только зрителей и голосующих, но и рекламы. Современные телевизионные приемы направлены на продвижение развлекательной функции телевидения, что, в свою очередь, обязывает непрерывно развивать и совершенствовать телевизионное мастерство.

**T. SPIRCHAGOVA, QI IZHI
EXPRESSIVE OPPORTUNITIES OF MODERN TELEVISION PROJECTS:
ORGANIZATION STYLISTICS IN DIFFERENT COUNTRIES**

Key words: the project, television, communications, transfer stylistics, expressiveness of the word on the screen, television skill.

Results of the included supervision of stylistic structure of the television project which is realizing in a set of the countries taking into account regulating conditions of carrying out and realization are offered. At the heart of expressive opportunities of a television resource existence of the production technologies of the telecast displaying the word open and hidden from public, a sound, style, an image as result of team participation that leads to serious positions of emotional influence on the addressee lies. In the different countries of the program are seriously similar as twins, however national color also is present that is expressed not only in number of the audience and voting, but also abundance of advertizing. Modern television receptions are directed on advance of entertaining function of television that in turn obliges to develop and improve television skill continuously.

Телевидение можно подвергать анализу в многообразных аспектах и измерениях, в том числе в русле общих экранных подходов к организации телепродукции, что авторитетно подчёркивается в трудах зарубежных коллег и научных разработках наших соотечественников [3, 5]. Здесь есть право на существование оригинальных методов, технологий, стилей, языка, которому присущи своя орфография и грамматика, богатая палитра его возможностей и весь спектр изобразительных средств, обеспечивающих совершенствование профессионального мастерства творческих работников телевидения.

Тенденции последних лет демонстрируют возросший интерес к шоу-проектам на телевидении, а именно смотрибельность таких ресурсов сохраняется и усиливается. В связи со значительным объемом увлеченных зрителей можно считать эту сферу довольно могучим инструментом для преследования интересов тех, кто имеет реальный доступ к управлению этими технологиями. В результате включенного наблюдения над известным теперь во всем мире проектом The Voice или «Голос» (русская версия) мы представим некоторые выводы и предположения относительно возможностей организации и стилистики ведения программы. В частности, наиболее полному анализу подверглись «Голос Китая» и «Голос России», последний принципиально отличается от привычных вокальных конкурсов и телешоу по поиску музыкальных талантов. Редкость процесса в том, что звезды оценивают только голоса конкурсантов, не видя их самих.

Это позволяет сформулировать главную траекторию нашего наблюдения в сторону усиления главной идеи телевизионного проекта и понимания важности

средств выразительности на телевидении с учетом продвижения миссии. В частности, необходимо заострить четкое понимание выразительного средства на экране и установить, что не только слово, но и звуковая часть палитры (слово, музыка, шум) являются важнейшим средством выражения идей и продвижения миссии. Произведения телеэкрана должны создаваться с ориентацией на зрителя, который не только и не столько слушает, сколько смотрит и видит. Именно зрелищная природа телевидения, видимые, зримые образы определяют его специфику, дают возможность творческому началу всего телевидения воздействовать на сознание зрителя, на его эмоции, участвуя, таким образом, в формировании человеческой личности, выработке нравственных и духовных ценностей, чтобы в итоге расшифровать идею, замысел автора.

Проект «Голос» на Первом канале – российская версия международного популярного формата The Voice, который с огромным успехом был представлен в более чем пятидесяти странах мира на всех континентах. Телевизионная франшиза стартовала в 2010 г. в Голландии под названием The Voice of Holland. После завершения первого сезона шоу, которое вызвало огромный интерес у телеаудитории Нидерландов и жителей сопредельных государств, оно было адаптировано для других стран, а создатели проекта подписали глобальное соглашение с одним из флагманов мировой звукозаписывающей индустрии Universal Music Group. Проблема соотношения национальных и интернациональных особенностей стилистики организации телевизионных проектов находит свое выражение и в языке международной коммуникации. «Интернациональные тенденции, свойственные не только генетически родственным языкам, но и языкам неродственным ... обнаруживаются, прежде всего, в лексике, в новых словах и устойчивых словосочетаниях...» [1].

Интересные факты о шоу «Голос» в разных странах, где различается количество членов команд. Например, в британской версии «Голоса» участвуют 10 человек в стартовом составе каждой команды, в США – 12, а в Голландии – 16. В Нидерландах телешоу «Голос» оказалось настолько успешным (финал первого сезона, состоявшийся 21 января 2011 г., посмотрело 3,75 млн зрителей), что было принято решение о запуске детского варианта конкурса. В качестве наставников в украинской версии программы «Голос страны» («Голос країни») наряду с украинскими артистами принимали участие и российские звезды. Структура шоу стандартна: отборочный этап, люди «из народа», записи и фонограммы, выбранные конкурсанты. В жюри сидят четыре известных певца и артиста, спиной к вокалисту, слушают песню, не видя человека, затем тот, кому понравилось исполнение, нажимает клавишу и поворачивается на механическом кресле, чтобы увидеть конкурсанта. А единственное условие, которое позволяет попасть на телепроект – наличие необычайных, взрывающих и волнующих голосовых данных, которые поразят всю страну!

Мнения, высказанные вслух, очень характерны и отражают в своем большинстве народное настроение зрителей. К примеру, на интернет-форумах одноименного российского проекта встречаются такие мысли: *«смотрели оба сезона – разочарованы в финале. Какая-то подозрительная закономерность, побеждают ученики А. Градского, однотипные, неинтересные, стандартные певцы. А ребята, которые могли б внести новую волну в наш шоу-бизнес уходят... Мы остаемся верными Наргиз, Тине и Насте Спиридоновой! Они – зажигалки, креативные, позитивные! А я следующий сезон смотреть не буду! В этом году я разочаровалась в голосе! Говорю не о победителе, а в общей четверке! Мне кажется, что были участники гораздо сильнее. Рада, что победил Сергей, действительно, потрясающий голос! Если победитель шоу, как и в том году, будет представлять Россию на конкурсе «Евровидение», то победитель почти предсказуем. Скорей всего это будет не Наргиз, и не Гела по*

понятным причинам, а Тина! Хотя мне они все очень нравятся, и выбирать буду в финале, именно по голосу и спетой песне!»

Резюмируя европейские исследования по когнитивной лингвистике в формате «язык и лингвистика», мы согласны с авторами [4], что язык, будучи наиболее привычным, естественным продуктом человеческого интеллекта, пока остается одним из недостаточно познанных его творений. Исключительная роль, которая принадлежит языку в интеллектуальном освоении, осмыслении мира и в общении людей, обуславливает философское значение его анализа, а предлагаемые в современной науке способы решения его фундаментальных теоретических проблем имеют принципиальные методологические и практические следствия.

Центральной среди этих проблем является «анализ смысла языковых выражений, объединяющий сегодня усилия философов, логиков, лингвистов и являющийся главным и наиболее интенсивно обсуждаемым предметом их совместного рассмотрения. От решения этой проблемы зависит не только построение общей теории языка как средства формирования и передачи информации, не только научное объяснение понимания языка, решение множества практически важных задач автоматической обработки языка, но и выявление места и функций языка в процессе познания и освоения мира, теоретически обоснованное определение связи мысли, языка и мира, имеющее огромное методологическое значение. Последний аспект анализа смысла и сообщает ему философский характер, а применение в нем логических методов обуславливает его понимание как логико-философского анализа языка» [2]. Слово, произнесенное в кадре или за кадром, оживает, обретая богатство красок человеческой речи. Оно персонафицировано, наделено чертами самого образа, который живет на экране, будь то человек, предмет, процесс – любое явление действительности. Связь слова и изображения на телеэкране сложна.

Поскольку проект набрал международный оборот, в СМИ неоднократно писалось и о национальных версиях шоу «Голос». Интересные подробности о том, как снимают популярное шоу в других странах. Украина характеризуется емко: впереди планеты всей, потому что дала оригинальное название: «Голос страны» (1-й сезон), «Голос страны. Новая история» (2-й сезон), «Голос страны. Все по-честному» (3-й сезон). Одними из первых начали работу над адаптацией формата украинцы. Премьеру смотрел практически каждый третий житель страны. Последующие сезоны становились популярнее предыдущих. Также метко охарактеризовано шоу и в США: американцы бьют рекорды в том же шоу с тем же названием The Voice. И по праву американский «Голос» – рекордсмен по количеству сезонов. Желających принять участие в проекте с каждым разом становится все больше: в последний раз было подано около 100 тыс. заявок, на кастинг пригласили примерно 2 тыс. человек. В первых выпусках битва между участниками шла буквально. Наставники отмечали высокий уровень подготовки всех исполнителей. Оценка журналистов в Великобритании проекта The Voice UK сведена к скандалам, интригам. Двумя тренерами аудитория шоу «Голос» была недовольна, так как они слишком мягко относились к участникам. В британском шоу участники не только учились петь, но и успевали строить любовь, ругаться на публике и унижать друг друга. Зрители, устав от многочисленных перипетий, едва не бойкотировали второй сезон «Голоса». Здесь англоязычный проект не уступает долгожителю российского телевидения канала ТНТ «Дом-2», те же идеи и те же подходы.

Однако своеобразную характеристику дают СМИ каналы проекту в Китае, назвав его просто «междусобойчик», указывая на ангажированность «Голоса Китая». На китайском телевидении одновременно идет около десятка шоу талантов. Все они неизменно пользуются большой популярностью. Но «Голос»

побил по рейтингам все известные вокальные соревнования. На телевидении 15-секундный рекламный ролик во время финального шоу стоил 1,16 млн юаней (184 тыс. долл.). По подсчетам, «Голос Китая» заработал 100 млн юаней (15,8 млн долл.) только на рекламе.

Россия охарактеризована с любовью, как страна, воспринявшая все в лучшем виде, и европейскую теленовеллу, и саму Европу. Нам известны подобные «Голосу» на российском телевидении такие шоу, как «Народный артист», «Фактор А», «Фабрика звезд», но они не «выстрелили» так, как адаптированная версия нидерландского проекта. По статистике, премьеру «Голоса» смотрел каждый второй телезритель страны, и второй сезон оказался еще популярнее первого. Однако проект «Голос» на Первом канале имеет ряд существенных отличий от многочисленных аналогичных шоу по поиску талантов. Название проекта говорит само за себя – участники для него отбираются не по внешним данным, возрасту, умению держаться на сцене или образованию, единственное условие для участия в проекте «Голос» – выдающиеся вокальные способности претендентов. При этом также не играет никакой роли, в каком жанре пробует свои силы исполнитель – это может быть поп, рок, джаз, классический вокал или народные песни (см. об этом подробнее таблицу).

Сравнительная характеристика программы «Голос» на телеканалах России и Китая

Показатель	Название программы	
	«Голос Китая»	«Голос России»
Общее время	Примерно 90 мин/выпуск	Примерно 105 мин/выпуск
Количество рекламы	6 рекламных блоков в одном выпуске	4 рекламных блока в одном выпуске
Период трансляции	С 13 июля 2012 г. по 30 сентября 2012 г.	С 5 октября 2012 г. по 29 декабря 2012 г.
Время выхода эфира	Первый эфир: по будням в 21:30 Имеется повторный эфир	Единственный эфир: по будням в 21:30
Стиль телепрограмм	Музыкальный проект	Музыкальный проект
Количество ведущих	1: Hua Shao	1: Дмитрий Нагиев
Количество героев	10 исполнителей	12 исполнителей
Количество выпусков	14	13
Наставники	4	4
Язык	Китайский	Русский

Судьи конкурса являются важной частью программы. В портретах судей Россия и Китай идут по одному принципу: набирают только известных в своей стране музыкальных лидеров. Оказаться и работать в команде Леонида Агутина не просто: он требователен, трудолюбив, в меру жесток и отдается творчеству без остатка: «Мне нравится, когда хорошо поют, рассчитываю получить удовольствие. Тех, кого отберу, научить смог бы многому. Вопрос лишь в том, будут ли они в этом нуждаться, и хватит ли у нас времени?» Александр Градский готов не только собрать команду талантливых, но и вывести их на новый качественный уровень: «Посмотрим, есть у нас голоса или нет. Надеюсь услышать неожиданные тембры. Буду следовать простому принципу, которым руководствуюсь с 1965-го года: человек либо поет, либо нет. Учить его чему-либо бесполезно. Можно лишь подсказать, от чего ему стоит избавиться и на что обратить больше внимания». Дима Билан пока единственный в России артист, познавший вкус победы на «Евровидении»: «По тому, как человек поет, можно догадаться, о чем он думает и даже как он примерно выглядит. Хотя, конечно, впервые в жизни буду оценивать людей только на слух, без “картинки”». Пелагея: «Буду слушать их с закрытыми глазами, погрузившись почти в медитативное состояние. Попробую настроиться на эти волшебные вибрации. Голос – это большой дар, но я по себе знаю, как тяжело им правильно распорядиться. Думаю, что не столько смогу их чему-то научить, сколько самой у них многому научиться».

Программа в Китае также имеет четырех судей. Лю Хуань является китайским певцом, который пел на Церемонии открытия летних Олимпийских игр 2008 в Пекине. Он сочетает в себе свою музыкальную карьеру с преподаванием истории западной музыки в Университете международного бизнеса и экономики в Пекине. На Ини-Она считается одной из лучших современных певиц в Китае. Ей присущи плавучесть и откровенность. Ха Лин, он был первым художником, чтобы экспериментировать со стилем R&B и рэп на китайском музыкальном языке. Ян Кун, известная китайская певица, дебютировал в 2002 г. Они дают игрокам много заданий, чтобы они смогли себя показать (чего они стоят).

К первому этапу прослушивания в России было допущено 150 человек, успешно преодолевших многоступенчатый предварительный отбор, в Китае – только 100 человек. Но надо заметить и то, что в Китае полностью рассказывают об участниках и, конечно, показывают их родных, в России такого нет, участник сам выходит и рассказывает о себе, родных мы видим вскользь. Заметим, что по участникам серьезный отбор, например в Китае участники только китайцы, при том, что в России много участвует иностранцев. И наконец, съёмочная площадка тоже отличается: стилистика и оформление. В конечном итоге зрители подсказывают своим голосованием, что следовало бы сделать новую телевизионную оригинальную программу, хотя и копировать программу, которую организаторы обязаны строить по жестким авторским требованиям, весьма непросто.

Руководствуясь логикой исследования, можно отметить, что проект любого тематического формата на телевидении строится по закону публичной коммуникации. Определённым образом ТВ-продукция зависит от стратегически верно выстроенной стилистики и тональности передачи (необходимо учитывать и национально-этнический подход, и территориальный аспект, и менталитет зрителя). В общей совокупности это способствует оттачиванию телевизионного мастерства и усилению выразительности слова на телевизионном экране. Таким образом, выявлена зависимость между всеми компонентами средств выразительности на телевидении, где особенно важна гибкая комбинация слова и двуединство музыки-шумов. Иными словами, красноречивые возможности телевизионного ресурса зависят и от присутствия открытых/скрытых технологий телепрограммы, включающей слово, звук, стиль, образ как итог группового включения и безусловного выражения позиции обстоятельного плана, сосредоточенной на эмоциональном влиянии на зрителя. Следовательно, существующие в реалии современные телевизионные приемы сконцентрированы на желании продвинуть развлекательную функцию телевидения, привлекая через это финансовые потоки, требующие создания вечно работающего двигателя телевизионного мастерства и развивающегося стилистического достоинства.

Литература

1. Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека. М.: Добросвет, 2000. 304 с.
2. Павилёнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
3. Стариков А.Г. Масс-медиа современной России. Ростов н/Д.: Феникс, 2013. 256 с.
4. Compendium of Cognitive Linguistics Research (Language and Linguistics) / Ed. by T.F. Li. N.Y., 2012. 201 p.
5. Television standards and practice; selected papers from the Proceedings of the National television system committee and its panels / Ed. by D.G. Fink. N.Y.; L.: McGraw-Hill Book Company, inc., 1943. 422 p.

СПИРЧАГОВА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА. См. с. 200.

ЦИ ИЧЖИ – магистрант кафедры теории и практики электронных средств массовой информации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань.

QI IZHI – master's programm student of Chair of the Theory and Practice of Electronic Mass Media, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan.

УДК 338.24
ББК 65.05

О.Г. АЛЕКСАНДРОВА, Е.С. ГРИНИНА

**МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ РАСЧЕТНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
ПРОГРАММНОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫМИ ФИНАНСАМИ РЕГИОНА***

Ключевые слова: программный бюджет, уровень программизации, программные расходы.

Дан сравнительный анализ методик расчета уровня программных расходов бюджетов субъектов РФ. Сформулированы принципы формирования расчетных показателей программной модели управления общественными финансами региона. Приведен авторский подход к проведению сопоставительного анализа программных бюджетов регионов и отражены его основные результаты.

**O. ALEXANDROVA, E. GRININA
METHOD OF CALCULATED INDICES FORMING
FOR TARGET-PROGRAM MODEL OF PUBLIC FINANCE MANAGEMENT**

Key words: program budget, program outlays level, program expenses.

This article provides a comparative analysis of methodologies of calculating the level of program outlays for the budgets of subjects of Russian Federation. The principles of the methodology for forming calculated indices for target-program model of public finance management in regions are formulated. The original approach to the comparative analysis of program budgets of regions is presented and its main results are published.

Актуальной проблемой развития бюджетного процесса в субъектах РФ является организация перехода на программное бюджетирование. Предварительная диагностика бюджета региона в рамках программной модели управления общественными финансами региона в условиях бюджетирования, ориентированного на результат, опирается на сложившийся и предполагаемый способы распределения бюджетных ресурсов, которые могут выражаться в зависимости от избранной модели бюджетной классификации между функциями органов государственного управления, главными распорядителями бюджетных средств и (или) между утвержденными целевыми программами.

М.П. Афанасьев выделяет ряд этапов развития программного бюджетирования применительно к государственному бюджету и отмечает постепенное сближение методов и инструментов управления государственными и частными финансами [1. С. 23]. Это полностью согласуется с внедряемыми в систему государственного управления принципами New Public Management, когда основной подход к построению модели программного бюджетирования должен заключаться в подчинении стадий бюджетного процесса цели повышения эффективности и результативности управления общественными финансами. Авторы полагают, что для достижения данной цели программная модель управления общественными финансами региона должна строиться на принципах: 1) единства (методика расчета показателей программной модели должна быть единой для всех субъектов РФ); 2) универсальности (показатели должны применяться регионами вне зависимости от региональных различий в социально-экономическом развитии и в нормативно-правовой базе); 3) сопоставимости (показатели должны выражаться в одинаковых единицах измерения, иметь одинаковое экономическое содержание и учитываться за одни и те же периоды); 4) преемственности (методика не должна испытывать кардинальных реформ для сохранения возможности

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-32-01207.

сопоставления данных во временном разрезе); 5) достоверности (исходные данные для расчета показателей должны содержаться в документах, имеющих юридическую силу и статус нормативно-правового акта); 6) существенности (результаты применения методики должны использоваться для принятия дальнейших решений в сфере управления общественными финансами).

Основной методической проблемой при построении программной модели управления общественными финансами региона является определение порядка расчета уровня программизации бюджетов ввиду отсутствия законодательного закрепления единого подхода к определению программных расходов бюджетов. Проблема усугубляется тем, что данные, приводимые органами государственной власти, противоречивы, непоследовательны и зачастую несопоставимы между собой. С целью формирования подхода, отвечающего вышеназванным принципам, были проанализированы существующие методики расчета программных расходов бюджетов субъектов РФ.

1. Государственная программа Российской Федерации «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 18.03.2013 г. № 376-р, содержит указания по расчету доли расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, формируемых в рамках целевых программ. Данный показатель рассчитывается по формуле:

$$I_3 = \frac{A}{B} \times 100,$$

где A – объем расходов бюджетов субъектов Российской Федерации, формируемых в рамках программ; B – объем расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации [7].

Органом, ответственным за сбор и представление информации для расчетов, выступает Федеральное казначейство. Источниками информации являются отчет об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда (ф. 0503317) и справочная таблица к отчету об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации (ф. 0503387). При этом основой для расчета показателя A служит ф. 0503387, и ежегодно с 2007 г. Министерство финансов Российской Федерации направляет письмо о порядке заполнения и представления данной таблицы, которая не включена в перечень открытых данных об исполнении бюджета. В государственной программе «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации» приведены данные о значениях итогового показателя I_3 (табл. 1).

Таблица 1

**Уровень программизации бюджетов субъектов РФ
в 2009 – 2011 гг., %**

Показатель	Год		
	2009	2010	2011
Доля расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ, формируемых в рамках целевых программ	20,7	29,0	37,7

Примечание. Табл. 1 составлена по данным [7].

Согласно Подпрограмме 3 «Содействие повышению качества управления региональными и муниципальными финансами» в результате обеспечения методической поддержки и применения мер стимулирующего характера, со-

финансирования из федерального бюджета региональных программ повышения эффективности бюджетных расходов доля расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, формируемых в рамках целевых программ, на первом этапе (2013 – 2015 гг.) возрастет до 55%, на втором этапе (2016 – 2020 гг.) – до 75%.

Таким образом, данная методика сопоставляет расходы бюджета субъекта РФ в рамках целевых программ разнообразного статуса, не уточняя их конкретный перечень, с расходами консолидированных бюджетов субъектов. Целевые расходы местных бюджетов при исчислении объема программных расходов не учитываются, однако включены в общий объем бюджетных расходов региона.

2. Приказ Министерства финансов РФ 29.06.2011 г. № 73н определил методику проведения оценки результатов, достигнутых субъектами Российской Федерации в сфере повышения эффективности бюджетных расходов, и динамики данных результатов. Результаты оценки по данной методике могут быть сопоставлены только за 2 финансовых года (2012 и 2013 гг.) ввиду издания Приказа Минфина России от 26.07.2013 г. № 75н «Об утверждении методики проведения оценки результатов, достигнутых субъектами Российской Федерации в сфере повышения эффективности бюджетных расходов, и динамики данных результатов». При этом ключевой показатель ПР1 имеет разное балльное выражение, а критерии оценки показателя были существенно ужесточены (табл. 2).

Таблица 2

Индикаторы оценки достигнутых субъектами Российской Федерации результатов в сфере повышения эффективности бюджетных расходов и соответствующие им значения балльной оценки

Код	Индикатор	Баллы и соответствующие им значения индикаторов					
		0	1	2	3	4	5
ПР	Группа индикаторов «Внедрение программно-целевых принципов организации деятельности органов государственной власти»						
ПР1	Удельный вес расходов бюджета субъекта Российской Федерации, формируемых в рамках целевых программ в общем объеме расходов бюджета субъекта РФ, %: Приказ от 26.07.2013 № 75н Приказ от 29.06.2011 № 73н	менее 30	30–50	50–60	60–70	70–85	85 и более
		менее 10	10–20	20–30	30–40	40–50	50 и более
ПР2	Доля субсидий местным бюджетам, предоставляемых в рамках целевых программ, %	менее 25	25–40	40–60	60–80	80–100	100
ПР3	Доля расходов субъекта Российской Федерации на осуществление бюджетных инвестиций в рамках целевых программ, %	менее 60	60–70	70–80	80–90	90–100	100

Примечание. Табл. 2 составлена авторами на основе методик, изложенных в [4] и [5].

В отличие от первой рассмотренной методики, в данном случае оценка программных бюджетов субъекта РФ и целевых трансфертов местным бюджетам разнесена по разным индикаторам, и отнесение расходов к программным сформулировано более конкретно. В данной методике также учтены случаи, когда финансирование программ пересекается в рамках одного бюджета: так, в случае если расходы на реализацию одной программы полностью или частично учитываются в расходах на реализацию иных программ, в целях расчета такие расходы учитываются только по одному типу программ.

Индикатор ПР1 «Удельный вес расходов бюджета субъекта Российской Федерации, формируемых в рамках целевых программ в общем объеме рас-

ходов бюджета субъекта Российской Федерации» рассчитывается по следующей формуле:

$$ПР1 = \frac{ПР_n}{P_n} \times 100,$$

где $ПР_n$ – объем расходов бюджета субъекта Российской Федерации на реализацию программ (государственных программ, целевых программ); P_n – объем расходов бюджета субъекта Российской Федерации.

Отдельно следует отметить, что методика предусматривает расчет индикаторов ПР2 «Доля субсидий местным бюджетам, предоставляемых в рамках целевых программ» и ПР3 «Доля расходов субъекта Российской Федерации на осуществление бюджетных инвестиций в рамках целевых программ», которые призваны конкретизировать направления программных расходов.

3. Постановление Правительства РФ от 15.04.2009 г. № 322 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28.06.2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»» содержит широкий перечень показателей, сгруппированных по сферам деятельности органов власти субъектов РФ и включает показатель «Доля расходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации, формируемых в рамках программ, в общем объеме расходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации (без учета субвенций на исполнение делегируемых полномочий)» [2]. Таким образом, данный показатель, в отличие от двух вышеописанных методик, комплексно учитывает программные расходы местных бюджетов. Согласно данным Министерства регионального развития РФ, среднероссийский уровень данного показателя в РФ в 2011 г. составил 35,5761%. Регионы демонстрируют высокую дифференциацию уровня программизации бюджетов: так, 32 региона имеют долю программных расходов консолидированных бюджетов выше среднероссийского, и лидером является Омская область со значением 97,37%. 51 регион имеет значение показателя ниже среднероссийского, при этом Республика Ингушетия программных расходов консолидированного бюджета в 2011 г. не имела (табл. 3).

Данный показатель, на наш взгляд, является наиболее комплексным и исчерпывающим, однако Указ Президента РФ от 21.08.2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» содержит новый перечень показателей, в число которых вышеназванный не включен. Таким образом, с 2012 г. его расчет прекращен, и данные могут быть оценены лишь за период 2007-2011 г.

4. Приказ Минфина РФ от 03.12.2010 г. № 552 «О порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами» содержит порядок расчета удельного веса расходов бюджета субъекта Российской Федерации, формируемых в рамках программ, в общем объеме расходов бюджета (за исключением расходов, осуществляемых за счет субвенций из федерального бюджета). Показатель рассчитывается по следующей формуле:

$$U_{-11i} = \frac{A_i}{B_i} \times 100,$$

где A_i – утвержденный объем расходов бюджета i -го субъекта Российской Федерации, формируемых в рамках программ; B_i – утвержденный объем расходов бюджета i -го субъекта Российской Федерации (за исключением расходов, осуществляемых за счет субвенций из федерального бюджета) [3].

Методика исключает из расчета безвозмездные поступления, выделяемые бюджету субъекта РФ на исполнение делегируемых полномочий, не содержит порядка отнесения расходов бюджетов субъектов РФ к программным и не учитывает расходы местных бюджетов.

Таблица 3

**Доля расходов консолидированного бюджета субъекта РФ,
формируемых в рамках программ, в общем объеме расходов
консолидированного бюджета субъекта РФ (без учета субвенций
на исполнение делегируемых полномочий) в 2011 г., %**

№	Места с 1 по 20	%	№	Места с 21 по 40	%	№	Места с 41 по 60	%	№	Места с 61 по 83	%
1	Омская область	97,37	21	Краснодарский край	55,23	41	Ямало-Ненецкий автономный округ	25,83	61	Республика Бурятия	15,71
2	Республика Башкортостан	92,72	22	Калужская область	53,83	42	г. Санкт-Петербург	24,97	62	Мурманская область	15,33
3	Тюменская область	90,83	23	Воронежская область	52,34	43	Рязанская область	24,05	63	Еврейская автономная область	14,66
4	Кировская область	90,72	24	Тамбовская область	50,14	44	Свердловская область	23,6	64	Брянская область	14,29
5	Ростовская область	90,5	25	Ульяновская область	49,01	45	Псковская область	23,44	65	Оренбургская область	14,16
6	Липецкая область	78,03	26	Московская область	47,82	46	Вологодская область	22,94	66	Саратовская область	13,61
7	Республика Татарстан	75,98	27	Томская область	47,09	47	Белгородская область	22,7	67	Республика Дагестан	13,51
8	Владимирская область	75,28	28	Курганская область	45,68	48	Амурская область	22,26	68	Хабаровский край	13,31
9	Пензенская область	74,84	29	Калининградская область	41,39	49	Алтайский край	20,98	69	Иркутская область	12,33
10	Челябинская область	73,51	30	Ивановская область	38,7	50	Архангельская область	19,92	70	Тульская область	12,29
11	Красноярский край	72,89	31	Ярославская область	38,5	51	Республика Саха (Якутия)	19,59	71	Республика Северная Осетия-Алания	11,47
12	Республика Алтай	68,69	32	Республика Мордовия	38,02	52	Удмуртская Республика	18,99	72	Новосибирская область	11,39
13	Волгоградская область	68,47	33	Приморский край	35,33	53	Новгородская область	18,89	73	Ставропольский край	11,02
14	Смоленская область	67,76	34	Ханты-Мансийский автономный округ	34,91	54	Республика Хакасия	18,83	74	Кабардино-Балкарская Республика	10,95
15	Кемеровская область	66,93	35	г. Москва	33,55	55	Чукотский автономный округ	18,82	75	Орловская область	10,32
16	Республика Карелия	66,31	36	Сахалинская область	30,35	56	Республика Марий Эл	18,59	76	Магаданская область	10,24
17	Тверская область	65,51	37	Ненецкий автономный округ	29,88	57	Чеченская Республика	18,32	77	Пермский край	6,73
18	Республика Коми	62,54	38	Республика Адыгея	28,21	58	Ленинградская область	18,11	78	Республика Тыва	6,67
19	Астраханская область	58,83	39	Курская область	26,7	59	Камчатский край	17,83	79	Республика Калмыкия	5,83
20	Чувашская Республика	58,78	40	Самарская область	26,62	60	Нижегородская область	16,53	80	Забайкальский край	5,52
									81	Карачаево-Черкесская Республика	5,46
									82	Костромская область	3,04
									83	Республика Ингушетия	0

Примечание. Табл. 2. составлена авторами на основе данных [7].

Отчеты органов государственной власти субъектов РФ об уровне программизации бюджетов субъектов РФ могут составляться на основании любой из приведенных методик либо на основании собственных адаптированных методик и, соответственно, содержат противоречивые и несопоставимые результаты. Для обеспечения сопоставимости и преемственности данных о

программных расходах бюджетов субъектов РФ была разработана авторская расчетная методика, основными положениями которой выступили:

1) принятие за расчетную основу данных о распределении расходов бюджетов субъектов по функциональной и ведомственной классификациям согласно законам об исполнении бюджетов за соответствующие годы;

2) отнесение расходов к программным с опорой на Бюджетный кодекс РФ, где отсутствуют определения программного бюджета и программных расходов, а сформулированы определения разновидностей программ: государственная, долгосрочная, ведомственная и адресная инвестиционная программы. В качестве программных расходов бюджетов субъектов учитывались расходы в рамках названных программ, за исключением адресной инвестиционной программы, расходы на которую не выделяются в структуре расходов бюджетов субъектов обоснованно в рамках целевых статей классификации расходов;

3) формирование временного ряда для анализа с опорой на бюджетную классификацию расходов РФ, действующую с 2005 г. Начало ряда динамики было усечено по 2006 г. включительно ввиду того, что в законах об исполнении бюджетов ряда регионов, таких, как Республика Саха (Якутия), детализация расходов в рамках программных статей приводится начиная с 2006 г.

Проведенный по авторской методике анализ регионального опыта реализации программно-целевого бюджетирования позволил не только выявить региональные особенности, но и систематизировать характеризующие уровень программных расходов регионального бюджета субъектов Российской Федерации различные по размеру доходной базы и уровню социально-экономического развития данные, необходимые для построения универсальной модели, описывающей структуру программных расходов.

Показатель, отражающий уровень программизации регионального бюджета, находясь под влиянием множества внешних факторов, сильно варьируется между субъектами РФ и, скорее, носит случайный характер, что можно наблюдать на примере выбранных для анализа регионов (табл. 4). К примеру, доли программных расходов бюджета малообеспеченных финансовыми ресурсами Мордовии, Чувашии и Марий Эл, по отчетным данным 2012 г. составившие 29,9%, 21,7% и 20,9%, соответственно, сопоставимы с долями программных расходов более высокообеспеченных собственными финансовыми ресурсами регионов. Так, доля целевых программ в общей структуре бюджетных расходов Ханты-Мансийского автономного округа за аналогичный период составила 27%, Ленинградской и Воронежской областей – 24% и 33,8%, соответственно. В то же время уровень программных расходов Республики Саха (Саха), в числе первых внедрившей государственные программы, в 2011 г. достиг лишь 11,2%, а в 2012 г. снизился до 0,6%, что меньше уровня программных расходов дотационных регионов Республики Тыва и Республики Коми более чем в 6 раз.

Несмотря на разный уровень программизации бюджетов анализируемых субъектов, его временная динамика не характеризуется существенными различиями и имеет четко прослеживаемую тенденцию, развитие которой принимает вид графика с хорошо заметным экстремумом (минимумом). Стабильный рост уровня программных расходов до 2008 г. сменяется его резким снижением в период экономического кризиса, что наиболее заметно на примере Республики Чечня, программные расходы которой в 2007 г. на 34% финансировались за счет средств федеральных программ и лишь на 2,8% – региональных. В результате резкого сокращения финансирования из федерального бюджета, вызванного экономическим кризисом, программные расходы Республики Чечня в 2009 г. составили менее 1%. Посткризисный период как в Республике Чечня, так и в ряде других регионов характеризуется восстановлением прежнего уровня программных расходов.

Таблица 4

**Динамика уровня программных расходов бюджетов отдельных субъектов РФ
в 2006 – 2012 гг.**

Субъект РФ	Год						
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Республика Коми	2,5	1,5	5,1	3,4	3,9	5,7	9,0
Республика Тыва	2,8	3,7	3,8	5,8	8,0	9,2	9,8
Кировская область	7,2	24,2	23,6	26,1	23,9	75,8	87,7
Ленинградская область	7,3	9,9	16,8	12,8	17,1	24,0	24,0
Республика Чувашия	8,7	27,4	29,9	15,8	20,2	22,9	21,7
Республика Марий Эл	12,7	19,6	22,4	12,9	24,1	19,9	20,9
Воронежская область	13,0	14,3	16,2	14,5	17,6	24,4	33,8
Республика Мордовия	20,3	20,4	19,7	14,4	13,1	34,3	29,9
Республика Чечня	23,9	21,7	37,2	0,9	23,2	21,9	23,8
Ханты-Мансийский АО	27,7	18,1	26,7	20,9	21,7	26,3	27,0
Республика Татарстан	36,5	21,9	30,2	1,9	12,0	14,6	0,7
Республика Саха (Якутия)		6,5	7,1	7,1	7,2	11,2	0,6

Примечание. Табл. 4 составлена авторами на основе законов об исполнении бюджетов субъектов РФ за 2006 – 2012 гг.

Структура программных расходов бюджета, как правило, также имеет некоторые закономерности. В наибольшей степени в регионах через целевые программы финансируются расходы в разделе «Национальная экономика», в том числе по отчетным данным 2012 г. в Воронежской области – 78,7% всех расходов раздела, в Республике Мордовия – 66%, в Чувашской Республике – 61,3%. В ряде регионов высокий уровень программирования наблюдается по разделу «Жилищно-коммунальное хозяйство»: в Ханты-Мансийском автономном округе – 92,3%, Кировской области – 59,8%, Воронежской области – 58,9% и др.

В структуре программных расходов субъектов РФ преобладают региональные целевые программы, которые составляют не менее 10%, а в обеспеченных финансовыми ресурсами регионах составляют до 30%, при этом присутствует тенденция к снижению доли федеральных источников финансирования целевых программ. Особое внимание привлекает Кировская область, финансирование целевых расходов которой в 2012 г. на 65,5% реализовано посредством ведомственных целевых программ, вместе с тем расходы республиканских целевых программ составили 18,2%.

Уже в 2012 г. в бюджетах некоторых субъектов РФ фигурируют государственные программы. Особое внимание привлекает Воронежская область. Несмотря на низкую долю государственных программ в структуре бюджетных расходов (лишь 4,8%), 22,8% расходов раздела «Национальная экономика» составило финансирование государственной целевой программы. Наибольший удельный вес государственных программ – 5,7% выявлен в Республике Мордовия, при этом государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, как и в ряде других регионов (Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Якутия (Саха), Республика Тыва, Республика Коми), присвоен отдельный код целевой статьи «2670000», что не предусмотрено для других государственных программ. Однако, несмотря на существующие предпосылки к переходу на программное построение регионального бюджета, уровень государственных программ в субъектах РФ на сегодняшний день не превышает 6%.

Таким образом, при принятии решения о переходе на программный бюджет в субъекте РФ необходимо учитывать следующие факторы:

1. Достигнутый уровень социально-экономического развития регионов, обеспеченность ресурсами для полноценного осуществления мероприятий текущего этапа бюджетной реформы.

2. Опыт региона в применении программных инструментов: количество действующих и финансируемых целевых программ, соотношение между отдельными их разновидностями, процент финансирования программных мероприятий и достижения запланированных индикаторов; сложившийся уровень программизации бюджета субъекта в целом и в разрезе отдельных разделов классификации расходов бюджетов бюджетной системы РФ.

3. Качество проработки нормативно-методологической базы в сфере программного бюджетирования.

4. Степень внедрения информационных технологий в процесс бюджетирования.

5. Управленческий потенциал органов власти субъекта РФ в повышении эффективности управления общественными финансами и совершенствовании бюджетного процесса.

Основной методологической проблемой является отнесение тех или иных программ к программным расходам бюджетов. Необходимо разработать нормативную базу и методологические рекомендации по использованию регионами одной из моделей программного бюджетирования:

– непосредственно программный бюджет, когда расходная часть бюджета сформирована преимущественно при помощи государственных программ;

– аналитическое распределение бюджетных ассигнований по отдельным направлениям программных расходов, внедрение государственных программ в тех сферах, где использование программных инструментов апробировано («ЖКХ», «Национальная экономика»);

– сохранение существующей модели бюджетирования, когда большая часть расходов направляется на финансирование текущих расходов и обеспечение деятельности государственных (муниципальных) учреждений, а отдельные наиболее важные проблемы социально-экономического развития решаются при помощи программно-целевых инструментов.

Результаты расчетов уровня программизации бюджетов субъектов РФ подтвердили гипотезу исследования о наличии пробелов в развитии программных методов управления общественными финансами и позволили установить ключевые направления совершенствования программной модели. Сделанные в ходе анализа обобщения и выводы позволили сформировать типологическую классификацию регионов РФ в зависимости от степени внедрения программных инструментов в бюджетный процесс и эффективности их применения. Необходимо установить различные сроки и сформулировать методические рекомендации по переходу на программный бюджет для регионов в зависимости от модели бюджетирования, рекомендуемой на среднесрочную перспективу.

Литература

1. Афанасьев М.П. Программный бюджет / под ред. М.П. Афанасьева. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2012, 384 с.

2. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28.07.2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»: постановление Правительства РФ от 15.04.2009 г. № 322 [Электронный ресурс] // Гарант: информ.-прав. портал. URL: <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 10.12.2013).

3. О порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами: приказ Минфина РФ от 03.12.2010 г. № 552 [Электронный ресурс] // Гарант: информ.-прав. портал. URL: <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 10.12.2013).

4. Об утверждении методики проведения оценки результатов, достигнутых субъектами Российской Федерации в сфере повышения эффективности бюджетных расходов, и динамики данных результатов: приказ Министерства финансов РФ от 29.06.2011 г. № 73н [Электронный ресурс] // Гарант: информ.-прав. портал. URL: <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 10.12.2013).

5. Об утверждении методики проведения оценки результатов, достигнутых субъектами Российской Федерации в сфере повышения эффективности бюджетных расходов, и динамики данных результатов: приказ Минфина России от 26.07.2013 г. № 75н [Электронный ресурс] //

Гарант: информ.-прав. портал. URL: <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 10.12.2013).

6. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти регионов Министерством регионального развития РФ // Министерство регионального развития РФ: офиц. сайт. URL: <http://ef.minregion.gas-u.ru> (дата обращения: 10.12.2013).

7. Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации: государственная программа Российской Федерации [Электронный ресурс] // Гарант: информ.-прав. портал. URL: <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 10.12.2013).

АЛЕКСАНДРОВА ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и статистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (knedlix@yandex.ru).

ALEXANDROVA OLGA – candidate of economics sciences, assistant professor of Finance, Credit and Statistics Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ГРИНИНА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА – студентка V курса экономического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ekaterina.mulyukova@gmail.com).

GRININA EKATERINA – student of Economic Faculty, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 331.1
ББК 65.290-2

И.С. АНДРЕЕВА, И.П. ДАНИЛОВ

ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ КОМПЕТЕНЦИЙ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ

Ключевые слова: компетенция, оценка персонала, модель компетенций, управление персоналом, индикаторы поведения, уровни компетенций.

Одним из наиболее актуальных методов повышения конкурентоспособности предприятия является управление персоналом на основе модели компетенций. Компетентностный подход определяет ожидаемые от работников стандарты поведения и требования к качеству работы. Изучив опыт компетентностного подхода крупных успешных организаций, авторы пришли к выводу, что правильно сформулированная модель компетенций – это эффективный инструмент работы с персоналом для каждого руководителя и сотрудника.

I. ANDREEVA, I. DANILOV

APPLICATION MODEL OF COMPETENCIES IN PERSONNEL MANAGEMENT

Key words: competence, personnel rating, model of competencies, personnel management, behavior indicators, competence level.

One of the actual methods to increase in an organization's competitiveness is personnel management based on the model of competencies. Competent approach determine expected standards of behavior and of quality performance. Investigating experiment of large successful companies, the authors have concluded that the right formulated model of competencies is an effective instrument for personnel working for every manager and worker.

В эпоху глобальных перемен и постоянного обновления знаний развитие персонала в организациях выходит на первый план.

Существующие методы и подходы развития и оценки персонала внутри организации зачастую приводят лишь к увеличению затрат и получению поверхностных знаний сотрудников. Обучение носит ознакомительный характер, проводится бессистемно и не привязано к конкретным потребностям компании. Однако в период высоких скоростей и постоянной конкуренции развитие персонала должно быть прикладным, заточенным под конкретные задачи организации, что определяет потребность в более четком планировании работы с персоналом и оценке его эффективности. Таковым является создание программ развития и оценки на основе компетентностного подхода.

Компетенции – устойчивые модели поведения, определяемые опытом, знаниями, навыками, личностными качествами и мотивацией сотрудников.

Многие успешные компании применяют модель компетенций, чтобы увязать стратегические задачи и тактическую работу с человеческими ресурсами, управление персоналом через унификацию требований к сотрудникам.

Наиболее частыми причинами, по которым внедряются компетенции, являются: потребность в обучении персонала и инвестициях в его развитие, эффективность и качество исполнения работы, мотивация сотрудников, вознаграждение персонала, повышение стандартов качества, конкурентоспособность организации, определение общей стратегии работы с персоналом.

Однако основным способом использования компетенций сегодня является оценка персонала. Важно отметить, что оценка на основе компетенций дает ряд преимуществ [2]:

для организации:

- возможность разработки единых стандартов описания эффективности работы, которые будут способствовать установлению взаимопонимания между сотрудниками разных отделов и уровней (например, вырабатывается единое для всех понимание, что такое «эффективное руководство» и что означает «командная работа»);

- возможность проведения оценки компетенций сотрудников и выявления их соответствия требуемому уровню;

- согласованность при оценке работника: все эксперты смогут достичь согласия в понимании «ценных качеств» работника и иметь представление о том, что необходимо оценить, а что можно проигнорировать;

- возможность определить сильные и слабые стороны каждого сотрудника и использовать эту информацию для его развития;

- появляются основания для включения сотрудников в кадровый резерв предприятия, а также планирования их карьеры;

- возможность обоснования корректировки компенсационной политики в отношении квалифицированных сотрудников, не управляющих людьми и ресурсами, но успешно прошедших оценку.

для сотрудников:

- лучшее понимание требований организации к работе, какие качества им необходимы для успешного выполнения работ;

- возможность получить обратную связь, узнать о своих сильных и слабых сторонах, общем потенциале и карьерных перспективах, сформировать конкретные планы профессионального развития.

Необходимо помнить, введение компетенций может усилить связь между всеми примерами их использования. Однако само по себе внедрение модели компетенций еще не гарантирует, что это новшество даст высокую эффективность работы персонала.

Поэтому, применяя компетенции, очень важно ясное понимание того, что они помогают эффективному управлению персоналом только при правильном их использовании.

Эффективность применения модели компетенций как основы управления персоналом в организации зависит от совершенства организационной деятельности, наличия необходимых инструментов управления персоналом и искусства опытных менеджеров. Большинство моделей компетенций, независимо от тщательности и правильности их разработки, не превратят плохой процесс деятельности в хороший и не компенсируют слабое обучение, плохое технологическое оборудование и неопытность персонала.

При организации управления персоналом на основе предлагаемых компетенций действия сотрудников определяются ожидаемыми от них стандартами поведения и требованиями к качеству работы. Поэтому следует пом-

нить: использование корпоративных компетенций повлияет на корпоративную культуру компании. В некоторых случаях повышение корпоративной культуры и есть одна из основных целей введения системы компетенций. Если изменения в культуре деятельности не предусмотрены при описании стандартов поведения, то это значит, что компетенции составлены неправильно и вполне вероятны конфликты между тем, что необходимо компании, и стандартами поведения, которые предлагается принять сотрудникам [1. С. 115].

Задачи внедрения модели компетенций: эффективно отобрать и адаптировать новых сотрудников; создать единую систему требований к сотрудникам; подобрать программы обучения и развития сотрудников; выделить критически важные для качества работы факторы; прогнозировать потребность в замещении и продвижении сотрудников; оценивать качество выполнения работы сотрудником, в том числе при аттестации сотрудника.

Модель компетенции может выступать в качестве основы оценки деятельности сотрудника, как «мотиватор» сотрудника к обучению, а также как метод саморазвития.

Теория компетенций была разработана американскими психологами как ответ на вопросы: почему сотрудники, имеющие престижные дипломы, шикарный послужной список, прошедшие отборочные тесты на уровень, зачастую так неэффективно выполняют свою работу? На основе чего можно спрогнозировать эффективное выполнение работы сотрудником?

После многолетних исследований психологи сделали следующий вывод: ни опыт работы, ни дипломы, ни рекомендации коллег на самом деле не могут гарантировать, что сотрудник будет достаточно хорошо выполнять ту или иную работу. Оказалось, что возможность наиболее точно спрогнозировать качество выполнения работы сотрудником, дают его компетенции [2. С. 3].

Для эффективного использования компетенции объединяют по общим признакам в группы и блоки, которые, в свою очередь, образуют модель компетенций или набор компетенций, который необходим организации для решения стоящих перед ней задач и работнику для выполнения определенной работы. Модели компетенций обычно содержат детальное описание стандартов поведения персонала, ведущих к достижению определенных целей организации. Модель компетенций можно сравнить с фундаментом дома, на прочном, надежном фундаменте которого можно построить большое, высокое здание; если фундамент просчитан неверно, очень скоро дом даст осадку, появятся трещины и потребуются серьезные ремонт. Необходимо понимать, что хорошо разработанные компетенции способствуют упорядочиванию проведения оценочных мероприятий. В случае если выбрана модель компетенций, не адаптированная к стратегическим целям и специфике компании, она не будет работать эффективно.

Набор элементов, входящих в описание модели компетенции, зависит от предполагаемого практического применения конкретной модели.

Стандартная модель включает в себя следующие элементы:

- кластер компетенций – наборы тесно связанных между собой компетенций (обычно от трех до пяти в одной связке);
- сами компетенции;
- уровни компетенций – применяемые чаще всего для создания моделей под конкретные должности из общих моделей отделов или дирекций;
- индикаторы поведения.

Разработка модели включает в себя несколько этапов:

1. Определение лучшего или идеального сотрудника организации на определенной должности.

2. Сбор примеров стандартов поведения, обеспечивающих эффективное исполнение работы.

3. Анализ полученных данных.

4. Объединение схожих поведенческих проявлений в одну компетенцию.

5. Разработка конечного профиля компетенций [3. С. 25].

Для точной диагностики и планирования эффективного развития персонала необходимо разработать модель компетенций под специфику и задачи конкретной организации. Рассмотрим на примере телекоммуникационной компании.

Одной из стратегических задач компании, представляющей телекоммуникационные услуги, является максимальное удовлетворение потребностей клиента, в связи с чем в разработанной модели компетенций компании присутствует такая компетенция, как «Ориентация на клиента», представленная в коммуникативном кластере компетенций. Данная компетенция пронизывает всю иерархию должностей бэк-офиса и фронт-офиса компании. Это обусловлено не только необходимостью выстраивания клиентоориентированных отношений с клиентом, но и пониманием того факта, что эффективные внутренние коммуникации между структурными подразделениями являются фундаментом для повышения качества обслуживания внешнего клиента.

Для организации оценки сформированности данной компетенции у сотрудников были описаны индикаторы проявления данной компетенции в поведении.

Пример описания индикаторов для компетенции «Ориентация на клиента» с поуровневым описанием в терминах поведения.

Компетенция «Ориентация на клиента» – это желание помочь клиенту, заказчику или смежному подразделению (внутреннему клиенту), предоставить ему желаемое обслуживание, удовлетворить его запросы. Это готовность сосредоточить свои усилия на выявлении потребностей клиента и их выполнении.

Уровень 0. Раздражается при общении с клиентом, перенаправляет клиента к другим сотрудникам, использует фразы отрицания и отказа.

Уровень 1. Отвечает на запросы и жалобы клиентов. Предоставляет клиенту удовлетворительное обслуживание, однако не выявляет скрытые проблемы, которые могут быть у клиента. Отвечает на вопросы коротко, сам не задает вопросов.

Уровень 2. Идет навстречу клиенту, предлагает разные варианты решения проблемы. Всегда доступен для клиента, принимает личную ответственность за немедленное решение проблем при обслуживании клиентов, не занимая при этом оборонительных позиций.

Уровень 3. Выявляет потребности внутренних и/или внешних клиентов, способен выстраивать с ними конструктивные, долгосрочные отношения. Предвосхищает и прогнозирует возможные потребности и запросы клиентов и учитывает их в своей работе. Направляет индивидуальные и/или групповые усилия на программы и услуги, соответствующие ожиданиям клиента.

Для каждого работника в иерархии должностей и профессий определен свой уровень сформированности компетенции, ведь для каждой профессии предусмотрен разный перечень задач и, соответственно, деловых качеств, например, если для успешной деятельности специалиста фронт-офиса необходимо проявление данной компетенции на 2- и 3-м уровне, то успешная деятельность специалиста бэк-офиса может осуществляться при условии сформированности компетенции на 1- и 2-м уровне.

Таким образом, описание требований к поведению сотрудников с помощью моделирования компетенций и описания и выявления индикаторов поведения – это инструмент, который может применяться во всех областях, где нужно работать с людьми. Поэтому пользоваться им могут не только специа-

листы по персоналу. По-настоящему внедренная модель компетенций – это рабочий инструмент каждого руководителя и сотрудника организации, а осуществление компетентностного подхода в управлении может стать стратегической методологией успешного развития компании.

Литература

1. Компетенции персонала [Электронный ресурс] // Психологический образовательный сайт. URL: <http://psychologiya.com.ua/kompetenczii-personala.html>.
2. Михайлова А.В. Понятие, сущность и виды компетенций при отборе и найме персонала // Экономика и социум. 2012. № 3. URL: <http://kurs.znate.ru/pdfview/index-191595.html>.
3. Спенсер Л., Спенсер С. Компетенции на работе: пер. с англ. М.: HIPPO, 2005. 379 с.
4. Щелыкина Е.В. Компетентностный подход в обучении персонала // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2010. № 1.

АНДРЕЕВА ИРИНА СЕРГЕЕВНА – аспирантка кафедры менеджмента, Университет управления «ТИСБИ», Россия, Казань (zabegaevais@mail.ru).

ANDREEVA IRINA – post-graduate student of Management Chair, Management University «TISBI», Russia Kazan.

ДАНИЛОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ – доктор экономических наук, профессор, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dip41@yandex.ru).

DANILOV IVAN – doctor of economics sciences, professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 331.104
ББК 65.290-2

И.С. АНДРЕЕВА, И.П. ДАНИЛОВ

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ПЕРСОНАЛОМ КАК КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО ПРЕДПРИЯТИЯ

Ключевые слова: управление персоналом, компетенция, оценка персонала, модель компетенций, корпоративная культура.

Стратегия управления персоналом основывается на стратегии предприятия и описывает методы достижения приоритетных задач компании. Чтобы применять единые стандарты и правила поведения в организации, авторы предлагают использовать модель компетенций как основу управления персоналом, а также собственную методику оценки и развития компетенций. Изучив опыт крупных успешных организаций, авторы пришли к выводу, что компетентностный подход создает дополнительное конкурентное преимущество предприятия на рынке.

I. ANDREEVA, I. DANILOV

THE ROLE OF PERSONNEL MANAGEMENT IN IMPROVEMENT OF ORGANIZATION MANAGEMENT

Key words: personnel management, competence, personnel rating, model of competencies, corporate culture.

The strategy of personnel management bases on the strategy of the organization and describes methods to achieve chief tasks of the company. To use standards and behavior rules the authors offer to use model of competencies as a base of personnel management, and proposes her own method of assessing and developing competencies. Investigating experiment of large successful companies, the authors concluded that using competencies creates additional preferences of a company.

Отдельное направление деятельности управления персоналом на предприятии появилось сравнительно недавно в начале XX в. в рамках возникновения и развития науки управления организацией. Считается, что специализация этой отрасли началась в 1900 г. Научно-технический прогресс в последние десятилетия стал причиной в повышении роли персонала и изменении отношения к нему в отличие от традиционного поточно-массового производства.

Актуальность функции управления персоналом вызвана необходимостью упорядочивания производственной деятельности на крупных заводах и управления процессами коллективной работы сотрудников.

Отличительная черта современного производства – внедрение и использование новых достижений науки и техники, автоматизация бизнес-деятельности, вследствие чего численность персонала сокращается с повышением значимости высокопрофессиональных специалистов. Современное производство сильнее зависит от качества работы отдельных специалистов, степени вовлеченности сотрудников в проблемы и задачи организации.

В последние годы во внутриорганизационном управлении выделился ряд новых профессий и специальностей, в том числе специалисты по набору персонала (рекрутеры), интервьюеры (психологи, проводящие собеседования с претендентами на получение работы), методисты и инструкторы, консультанты по вопросам карьеры, специалисты по профориентации и организационному планированию, по организационному развитию, внутренние преподаватели и корпоративные тренеры [2].

Существующие сегодня на предприятии службы управления персоналом, прежде всего, сталкиваются с нехваткой квалифицированных специалистов. Это обусловлено, с одной стороны, демографическим спадом рождаемости в 1990-е гг. и, с другой стороны, свободой выбора работодателем с помощью современных средств коммуникаций и электронных ресурсов. Таким образом, профессионалы легко выбирают и меняют место работы, а молодых специалистов 1990-х гг. рождения недостаточно для замещения актуальных вакансий. И здесь функция подбора, мотивации, развития персонала, вовлеченности, формирования приверженности ценностям компании становится наиболее актуальной для предприятия.

Управление как воздействие на производственную деятельность людей, объединенных в рабочие группы, трудовые коллективы и другие социально-экономические системы, в современном менеджменте принято называть управлением персоналом [3].

Концепция управления персоналом – это система теоретических и методологических взглядов на понимание и определение сущности, содержания, целей, задач, критериев, принципов и методов управления персоналом, а также организационно-практических подходов к формированию механизма ее реализации в конкретных условиях работы организаций. Она включает: разработку методологии управления персоналом, формирование системы управления персоналом и разработку технологии управления персоналом.

Основу концепции управления персоналом организации в настоящее время составляют возрастающая роль личности работника, знание его мотивационных установок, умение их формировать и направлять в соответствии с задачами, стоящими перед организацией [3]. Таким образом, основная задача управленческого звена в организации увязать личные установки работника с целями компании.

На основе исследований и изучения опыта работы специалистов по управлению персоналом автор выделяет общие принципы и закономерности к системе управления персоналом в организации:

- соответствие системы управления персоналом целям, специфике организации и отрасли, этапу экономического развития организационной системы предприятия;
- учет взаимосвязей между системой управления персоналом и системой управления организации в целом, а также производственной системой и внешней средой;
- пропорциональное сочетание элементов системы управления персоналом – совершенствование одного элемента системы может привести к несоизмерному отставанию или ускорению развития других элементов системы управления, а значит, к разрушению равномерного развития;

- оптимальность соотношения численности работников управленческого звена и производственной системы;
- постоянное изменение функций и роли управления персоналом с развитием самой организации;
- сокращение звеньев управления персоналом – чем меньше уровней управления имеет система управления персоналом, тем она эффективнее работает.

Комплексное изучение существующих на предприятии отношений в системе управления персоналом основывается на применении системного подхода. Он позволяет рассматривать управляемую и управляющую подсистемы как единую систему управления персоналом предприятия, составляющие элементы которой объединены общей экономической целью, состоящей в получении максимальной прибыли. Системный подход в управлении персоналом служит методологической основой проектирования, создания и функционирования организационно-управленческих систем на предприятиях [3].

Изучив опыт работы служб персонала нескольких крупных компаний отрасли связи (ОАО «МТС», «Вымпелком», «Таттелеком», «Ростелеком», «МГТС»), авторы пришли к выводу, что на данный момент успеха достигают лишь те предприятия, где руководство осознало и уделяет большое внимание работе с персоналом, а именно: существует стратегия развития персонала, принципы отбора и найма, система оценки, повышения квалификации работников, управление карьерой. В таких компаниях созданы условия для справедливых, доверительных взаимоотношений в организации; работники имеют возможность удовлетворить свои личные потребности; каждый сотрудник может полностью использовать свои навыки. В таких организациях создана философия предприятия как официальный документ, настольная книга каждого сотрудника.

Как совокупность целей и правил поведения сотрудников философия организации впервые появилась в японских компаниях Mitsubishi, Toyota, Sony и позднее в США в компаниях IBM, General Motors, McDonald's. Президент Sony А. Морита так сформулировал философские принципы предприятия нового типа: «Если бы удалось создать условия, в которых люди могли бы объединиться с твердым намерением совместно трудиться и использовать свои технические способности для осуществления своих сокровенных желаний, то такая организация могла бы принести огромное наслаждение и пользу» [3]. Таким образом, автор приходит к выводу, что наиболее успешные компании на рынке уделяют особое внимание управлению персоналом, создают и следуют определенным традициям внутри компании, передают традиции организации из поколения в поколение.

Однако, изучив опыт российских компаний, авторы пришли к выводу, что на практике система управления персоналом в организации, несмотря на наличие определенных принципов и технологий функционирования, имеет достаточно расплывчатую основу. Стратегия управления персоналом основывается на стратегии предприятия и описывает методы достижения приоритетных задач компании с помощью этапов и методов управления. Зачастую на российских предприятиях стратегия не прописана и ее знает только руководитель (или на предприятии существуют двойные стандарты). Например, руководитель предприятия говорит об открытости и прозрачности политики компании, а своим поведением демонстрирует обратное. Чтобы на практике применять единые стандарты и правила поведения в организации, авторы предлагают использовать модель компетенций как основу управления персоналом.

Компетенции – это ядро, вокруг которого выстраивается организационная культура компании. Например, если мы хотим, чтобы в организации была культура прозрачности, предсказуемости, порядочности по отношению друг к

другу, необходимо, чтобы все сотрудники проявляли такие компетенции, вели себя соответствующим образом.

Корпоративная культура – это понятие, общее для всех, кто работает в организации, а компетенции – это проявление культуры применительно к каждому сотруднику. Не все это осознают, но в конечном итоге выигрывают те организации, в которых есть такое крепкое ядро.

Прежде всего, нужно понимать, зачем мы это делаем, какие задачи с помощью компетенций хотим решить. Если просто ввести компетенции, как игрушку («чтобы были»), они работать не будут. Второе – нужно четко понимать, что подходит именно для нашей компании. Потому что компетенции – это производная организационной культуры. Компетенции, важные и востребованные в одной компании, в одной культуре, могут оказаться неподходящими для другой. Поэтому нельзя, не задумываясь, копировать то, что делают другие. Можно копировать саму идею, но не ее выражение. Нельзя брать готовую модель. Каждая компания должна разработать модель для себя [4].

Обычно выделяют следующие типы компетенций:

- *корпоративные* (или ключевые) – компетенции, которые поддерживают провозглашенную миссию и ценности компании и, как правило, применимы к любой должности в организации, часто перечень корпоративных компетенций можно встретить в презентационных и информационных материалах компаний;

- *управленческие* компетенции, применяемые в отношении должностей всех уровней управления. Используются для оценки руководителей;

- *профессиональные* компетенции, используемые в отношении определенных групп должностей разных департаментов. Например, профессиональные компетенции разрабатываются для сотрудников каждого из отделов: продаж, информационных технологий, технических отделов, бухгалтерии, службы сервиса и т.д. Это знания и навыки, определяющие профессиональные обязанности, уровень владения ими, способность применения их на практике отдельными категориями сотрудников;

- *личностные* компетенции, имеющие надпрофессиональный характер и необходимые в любой области деятельности. Под личностной компетенцией подразумеваются духовная зрелость, осознание человеком собственных жизненных целей и смысла жизни, понимание себя и других людей, умение понять глубинные мотивы поведения.

Практика показывает, что некоторые организации используют только ключевые компетенции, другие разрабатывают и используют только управленческие – для проведения оценки топ-менеджеров, а часть компаний разрабатывает профессиональные компетенции только для сотрудников департамента продаж.

Профиль компетенций описывает не только то, что ожидается от сотрудников, но и то, как им следует действовать. Перед проведением оценочных мероприятий необходимо пересматривать и актуализировать профили компетенций, учитывая, что за прошедший период содержание работы сотрудника могло измениться [1].

Эксперты в области управления персоналом рекомендуют также описывать индикаторы компетенций для идеального сотрудника компании, каким должен быть будущий перспективный высокопрофессиональный специалист, чтобы добиться стратегических результатов через три-пять лет.

Таким образом, служба управления персоналом в организации инициирует процесс описания ключевых компетенций идеального сотрудника. Это делается путем опроса руководителей, ключевых сотрудников, специалистов разных категорий. Далее эту информацию необходимо обобщить, проанализировать, выделить наиболее значимые характеристики. Идеальный вариант, когда в выборе корпоративных и управленческих компетенций активное уча-

стие принимает первое лицо предприятия. Однако зачастую этим занимается руководитель службы персонала или менеджер по кадрам. И далее мы имеем необъективную модель компетенций, которая неприменима в работе. Отобранные характеристики необходимо апробировать на экспериментальной зоне или «пилотном» этапе управления персоналом. Далее, необходимо тщательно проанализировать и скорректировать модель компетенций, сформировать окончательный вариант индикаторов. По мнению авторов, модель компетенций это динамично развивающийся инструмент, который может изменяться с трансформацией тенденций окружающей среды или кардинальных изменений стратегии предприятия.

При организации управления персоналом на основе предлагаемых компетенций действия сотрудников определяются ожидаемыми от них стандартами поведения и требованиями к качеству работы. Поэтому следует помнить: использование компетенций повлияет на корпоративную культуру компании. В некоторых случаях повышение корпоративной культуры и есть одна из основных целей введения системы компетенций. Если изменения в культуре деятельности не предусмотрены при описании стандартов поведения, то это значит, что компетенции составлены некорректно и вполне вероятны конфликты между тем, что необходимо компании, и стандартами поведения, которые предлагается принять сотрудникам.

Задачи внедрения модели компетенций: эффективно отобрать и адаптировать новых сотрудников; создать единую систему требований к сотрудникам; подобрать программы обучения и развития сотрудников; выделить критически важные для качества работы факторы; прогнозировать потребность в замещении и продвижении сотрудников; оценивать качество выполнения работы сотрудником, в том числе при аттестации сотрудника.

Модель компетенции может выступать в качестве основы оценки деятельности сотрудника, как стимул для сотрудника к обучению, а также как метод саморазвития.

На примере крупного оператора связи республики Татарстан авторы предлагают рассмотреть применение компетентного подхода в управлении персоналом. На предприятии существует документ «Положение об оценке и развитии персонала на основе модели компетенций», разработанный одним из авторов. Этим документом регламентируется: единый перечень корпоративных и управленческих компетенций как основа для оценки и развития персонала, отбора кандидатов, планирования обучения под конкретные компетенции, трансляция ценностей компании, создание конкурентных преимуществ компании через развитие приоритетных компетенций. Компетенции выявлены с помощью анкетирования руководителей высшего и среднего звена и ключевых сотрудников, увязаны с конкурентными особенностями предприятия. Корпоративная модель компетенций разработана на основе анализа целей, ценностей и культуры компании, его структуры и должностей.

В процессе анализа все должности компании оцениваются по таким параметрам, как сложность решаемых в должности задач, область и характер влияния результата деятельности должности на результаты компании, особенности взаимодействия с людьми, требования к квалификации и компетенциям, необходимым для успешной реализации поставленных перед должностью задач. Структура корпоративной модели компетенций отражает структуру уровней должностей компании.

Будучи тесно связанной со стратегическими целями и корпоративной культурой компании, корпоративная модель компетенций эволюционирует соответственно происходящим в компании изменениям. Регулярный пере-

смотр и актуализация структуры корпоративной модели и содержания компетенций осуществляются с периодичностью раз в три года.

Основные этапы регулярной оценки компетенций реализуются следующим образом:

1. Определение перечня компетенций, актуальных на будущий отчетный период, производится руководителем на основании перечня корпоративных и управленческих компетенций, должностной инструкции и описания рабочего места сотрудника. Сотрудник получает полную информацию об оцениваемых компетенциях и их описании до начала отчетного периода. По договоренности с работником руководителем могут быть определены также компетенции, необходимые для перемещения работника на другую должность и требующие развития в течение отчетного периода.

2. Мониторинг рабочего поведения оцениваемого работника осуществляется его руководителем регулярно в течение всего отчетного периода. Руководителю рекомендуется фиксировать свои наблюдения в письменной, либо электронной форме, записывая наиболее яркие или характерные факты, связанные с данным работником. По окончании отчетного периода руководитель инициирует проведение оценочного собеседования.

3. При подготовке к оценочному собеседованию руководитель должен проанализировать все факты, характеризующие рабочее поведение работника и относящиеся к требуемым для должности компетенциям, а затем интерпретировать поведение оцениваемого работника в терминах компетенций.

4. Интерпретация поведения. На этом этапе события, факты и инциденты, зафиксированные руководителем структурного поведения (экспертом), соотносятся с индикаторами, описанными для каждой компетенции в оценочной форме. В случае, если факты свидетельствуют о том, что оцениваемый работник регулярно демонстрирует на протяжении отчетного периода не менее 50% целевых индикаторов компетенции, компетенция считается проявленной.

5. Определение соответствия фактических компетенций требуемым. Решение о соответствии компетенций оцениваемого сотрудника требуемому уровню принимается на основе интегральной оценки компетенций. Интегральная оценка компетенций фиксирует долю продемонстрированных компетенций в процентном выражении.

6. Во время проведения оценочного собеседования руководитель и сотрудник обсуждают результаты, достигнутые сотрудником за период; компетенции сотрудника, включая факты, подтверждающие их наличие или отсутствие; факторы, повлиявшие на достигнутые результаты и рабочее поведение.

7. В результате собеседования руководитель и оцениваемый сотрудник должны прийти к согласию относительно соответствия фактических компетенций оцениваемого сотрудника требуемому уровню и, соответственно, согласовать интегральную оценку компетенций.

8. На основании результатов оценки, а также с учетом фактов, повлиявших на результат, руководитель совместно с сотрудником вырабатывают корректирующие действия, направленные на улучшение результатов работы и повышение компетентности сотрудника. На основании результатов оценки и с учетом желаний и стремлений сотрудника планируется индивидуальное развитие и/или его карьерный план.

9. Результаты регулярной оценки компетенций, включая интегральную оценку компетенций, рекомендованные корректирующие действия и план индивидуального развития заносятся в оценочную форму, и анализируется динамика изменений по сравнению с прошлым периодом.

Таким образом, описание требований к поведению сотрудников с помощью моделирования компетенций и описания и выявления индикаторов поведе-

ния – это инструмент, который может применяться во всех областях, где нужно работать с людьми. Поэтому пользоваться им могут не только специалисты по персоналу. По-настоящему внедренная модель компетенций – это рабочий инструмент каждого руководителя и сотрудника организации, а осуществление компетентностного подхода в управлении может стать стратегической методологией успешного развития компании.

Литература

1. *Ветошкина Т.* Роль компетенций в управлении персоналом // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2008. № 3.
2. История развития науки о персонале [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=529197>.
3. Методологические основы управления персоналом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.webarhimed.ru/page-130.html>.
4. Роль компетенций в системе управления персоналом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hr-portal.ru/article/rol-kompetency-v-upravlenii-personalom>.
5. *Спенсер Л., Спенсер С.* Компетенции на работе: пер. с англ. М.: НИППО, 2005. 379 с.

АНДРЕЕВА ИРИНА СЕРГЕЕВНА. См. с. 218.

ДАНИЛОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ. См. с. 218.

УДК 632.51
ББК 41.46

Н.П. МАЛОВ, В.Г. ФЕДОРОВ

ОСВОЕНИЕ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ РАСТЕНИЙ ОТ СОРНЯКОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ЗЕРНА (вопросы теории и практики)

Ключевые слова: Чувашская Республика, защита растений от сорняков как элемент системы полеводства, зерновое хозяйство, статическая и динамическая устойчивость, урожайность, эффективность.

Исследованы возможности наращивания производства зерна на основе применения комплексных методов защиты растений от сорняков. Выявлено, что стратегия адаптивного сочетания биологических и техногенных (гербициды, минеральные удобрения) и социальных (оплата труда) факторов интенсификации является важным резервом подавления сорняков и синергическим потенциалом повышения экологической, социальной и экономической устойчивости зерновой отрасли как динамической производственно-хозяйственной и социально-экономической системы.

N. MALOV, V. FEDOROV
**ASSIMILATION OF PLANT PROTECTIVE SYSTEM AGAINST WEEDS AS A FACTOR
OF INCREASING STABILITY AND EFFICIENCY OF GRAIN PRODUCTION**
(problems of theory and practice)

Key words: the Chuvash Republic, plant protection against weeds as the element of the field crop cultivation's system, grain farming, static and dynamic stability, productivity of crops, efficiency.

The possibilities of increasing grain production on the basis of usage of complex methods of plant protection against weeds were investigated by us. It was found out that the strategy of the adaptive combination of biological, technogenous (herbicides, mineral fertilizers) and social (payment of labour) factors of intensification is a very important reserve for suppression of weeds and synergetic potential of increasing ecological, social and economic stability of grain industry as a dynamic, productive and social-economic system.

Сорные растения – постоянно действующий фактор, влияющий негативно на продуктивность пашни и производительность земледельческого труда. Борьба с сорняками становится одним из важнейших направлений эффективного ведения земледелия и его главной отрасли – зернового производства.

В последние годы нарастающим потоком идет информация, подтверждающая тенденции сокращения применения удобрений, перехода на упрощенные технологии возделывания зерновых культур. Это сопровождается увеличением засоренности посевов и падением урожайности возделываемых культур. По уровню урожайности зерновых культур Российская Федерация и Чувашская Республика занимают 60–70-е место в мире. Если сравнивать динамику урожайности зерновых в России (около 16–20 ц/га) и в странах Западной Европы (36–66 ц/га) за последние 25–30 лет, то можно убедиться, что ежегодный прирост урожайности зерновых в России составил 0,25–0,30 ц/га, а в странах Западной Европы – 0,89–1,11 ц/га [1]. Отсюда можно констатировать, что одним из показателей интенсивного развития зерновой отрасли может служить ежегодное повышение (прирост) урожайности зерновых, равное 1,0 ц/га. Поэтому сейчас нам следует отказаться от мысли о том, что зерновая отрасль Чувашии развивается по устойчивому, инновационному пути (табл. 1).

Таблица 1

Динамика развития зернового хозяйства Чувашии

Показатели, характеризующие потенциал развития отрасли	Годы				
	2008	2009	2011	2012	2013 (оценка)
Посевные площади, тыс. га	238,6	251,0	254,7	228,0	223,7
Нагрузка посевов зерновых на один зерноуборочный комбайн, га	194	207	239	361	373
Внесено минеральных удобрений на один га посева зерновых, кг д.в.	43	39	31	33,9	нет св.
Валовое производство зерна, тыс. т	522,8	573,0	554,4	411,9	407,4
Производство зерна на душу населения, кг	414,7	455,8	444,8	339,1	322,0
Урожайность зерна с убранной площади, ц/га	22,0	23,1	23,0	19,8	18,2
Недополучено зерна из-за засоренности посевов зерновых в средней и высокой степени, ц/га	1,8	2,0	1,6	2,1	1,9
Суммарный вынос азота, фосфора и калия сорняками в посевах зерновых, кг/га д.в.	59,5	58,0	49,0	46,0	52,0
Баланс питательных веществ, кг/га д.в.	-16,5	-19,0	-18	-12,1	нет св.

Примечание. Расчеты по выносу питательных веществ сорняками и снижению урожайности из-за фактора засоренности выполнены авторами.

Анализ показывает, что только из-за фактора засоренности республика ежегодно недобирает около 40–46 тыс. т зерна (10–12% общего валового его производства). Это прямые потери урожая. За счет поглощенного (отчужденного) количества питательных элементов сорняками в посевах зерновых сельхозорганизации могли бы получить дополнительно около 2-3 ц/га зерна. Снижая урожай культур, сорняки создают очаги распространения вредителей и болезней. Ухудшают качество продукции. Сорные растения, особенно многолетние корнеотпрысковые и корневищные, повышают тяговое сопротивление почв обрабатывающих орудий. Все это значительно повышает себестоимость продукции. Поэтому в Чувашии проблема борьбы с сорняками стоит на втором месте после проблемы почвенной эрозии.

Однако вопросы, связанные с разработкой комплексных противосорняковых мероприятий, изучались в недостаточной степени и не получили всесторонней экономической оценки. До последнего времени мероприятия по борьбе с сорняками не значатся в числе основных элементов системы земледелия. Это является существенным упущением.

Самостоятельность защиты растений от сорняков как важнейшего фактора развития отрасли зернового производства заключается в следующем.

Во-первых, борьба с сорняками сокращает потери урожая на 15–25% и более и увеличивает продуктивность культурных растений как «центрального предмета деятельности человека».

Во-вторых, защита растений от сорняков позволяет повышать эффективность дополнительных вложений в земледелие и экономическое плодородие почв.

В-третьих, борьба с сорняками является одним из условий ресурсосберегающих технологий возделывания сельскохозяйственных культур.

В-четвертых, борьба с сорняками есть не только категория биолого-агрономическая, но и категория экологическая, социальная и экономическая. Отсюда вытекает, что мероприятия по борьбе с сорняками должны занимать в составе элементов системы земледелия такое же ведущее место, как система обработки почвы, удобрений, защиты растений от вредителей и болезней и т.д.

Известно, что в настоящее время все мероприятия по борьбе с вредителями, болезнями и сорняками относятся к одному «универсальному» элементу системы земледелия и объединены под общим названием «система защиты растений». Система «защиты растений» – это собирательное понятие, которое истолковывается весьма упрощенно.

Проблему защиты растений изучали в рамках системы земледелия в качестве неделимой «системы мероприятий по борьбе с сорняками, вредителями и болезнями сельскохозяйственных культур» [2–4]. Этот подход искажает суть решения проблемы. Поэтому заслуживает внимания, на наш взгляд, уточнение понятия такого элемента системы земледелия, как «Система защиты растений».

Эти направления решают общие проблемы защиты растений, однако в природе и на практике мы имеем дело с весьма отдаленными биологическими объектами, принципиально отличающимися по мерам и приемам борьбы с ними, и что более корректно этот элемент «защиты растений» делить на два самостоятельных элемента земледелия:

- 1) комплекс защиты растений от вредителей и болезней;
- 2) систему мероприятий по борьбе с засоренностью полей, включив сюда биологические, агротехнические и химические методы воздействия на сорную растительность.

Основанием для выделения системы борьбы с сорняками в самостоятельный элемент системы земледелия является то, что проблемы защиты растений от вредителей и болезней в сельскохозяйственных вузах изучаются в курсах «Энтомология» и «Фитопатология», а вопросы борьбы с сорняками – отдельно в курсе «Земледелие». Основное назначение сортировки семян – не борьба с вредителями и болезнями, а профилактическая работа против засорения полей путем тщательной отчистки семенного материала. Это же имеет место и по отношению к технологии приготовления органических удобрений. Технология обработки почвы смыкается не системой защиты растений вообще, а находится в тесной связи с системой борьбы с сорняками.

С точки зрения общей теории систем, система защиты растений от сорняков является автономной системой более низкого порядка. Система борьбы с сорняками не есть простой свод применяемых агротехнических, биологических и химических средств в отдельных культурных севооборотах. В понятие «система борьбы с сорняками» должны войти:

- а) число, состав и технология возделывания и чередования сельскохозяйственных культур в севообороте, вызывающие фитоценотическое и агротехническое подавление сорняков;
- б) место, глубина, сроки и технология основной обработки почвы и их последствие в севообороте;
- в) ассортимент гербицидов, место их применения на культурах севооборота и длительность последствия препарата;
- г) периодичность углубления пахотного слоя в севообороте;

- д) сроки, способ, качество полевых работ и уборки урожая;
- е) количество вносимых минеральных и качество органических удобрений и технология их приготовления.

Таким образом, совокупность перечисленных элементов в их взаимосвязи и взаимодействии образуют систему борьбы с сорняками, которую мы сформулировали следующим образом.

Система борьбы с сорняками – это комплекс правильного применения профилактических, агротехнических, фитоценологических, химических и организационно-технологических мероприятий, направленных на создание в полях севооборота благоприятных фитосанитарных условий с целью повышения конкурентоспособности культурных растений, уменьшения экологических конфликтов, повышения экологической устойчивости, улучшения социальной среды и социальной устойчивости и получения все большего количества товарной продукции при минимальных затратах труда и средств на ее единицу.

Повышение устойчивости и экономической эффективности производства зерна в Чувашии тесно связано с освоением системы защиты растений от сорняков как одного из факторов интенсификации отрасли. Изучение научно-практических основ повышения устойчивости аграрного производства в современных условиях приобретает особую актуальность.

Теоретическое обоснование проблем устойчивости нашло отражение в исследованиях Р. Акоффа, А.А. Богданова, Ю.Н. Лапыгина, С.Т. Тодошевой и других авторов. Современные аспекты обеспечения устойчивости аграрной сферы представлены в работах А.И. Алтухова, И.Н. Буздолова, В.А. Захаренко, И.М. Куликова, А.Ф. Серкова, И.Г. Ушачева и других ученых.

В то же время проблемы формирования устойчивого развития зерновой отрасли на основе эффективного использования потенциала системы защиты растений от сорняков исследованы недостаточно. Понятие устойчивого развития зерновой отрасли применительно к системе защиты растений от сорняков может быть проанализировано в нескольких аспектах: экологическом, социальном, экономическом. Воздействуя в системе «фактор – продукт», элемент системы защиты растений определяет следующие индикаторы устойчивости зерновой отрасли.

Экологическая устойчивость: уменьшение загрязнения почвы пестицидами; уровень освоения севооборотов; доля посевов озимых культур, многолетних трав, промежуточных культур, подавляющих растения биологическим (фитоценологическим) способом, способствующим уменьшению гербицидной нагрузки.

Социальная устойчивость: уровень заработной платы работников сельского хозяйства; уровень занятости сельского населения; средняя продолжительность жизни селян; качество жизни тружеников села; уровень потребления продукции растительного и животного происхождения в расчете на душу населения; демографическая ситуация на селе; размер оплаты труда в расчете на каждый гектар посева возделываемых культур; уровень развития транспорта, здравоохранения, образования, культуры, спорта и т.д.

Экономическая устойчивость: ресурсоотдача в расчете на единицу применяемых ресурсов; природоемкость и природоотдача продукции возделываемых культур; производственная себестоимость единицы получаемой продукции; размер прибыли на единицу посевной площади и единицу продукции; уровень товарности продукции; фондоемкость; фондоотдача; самообеспечение населения продуктами питания собственного производства; уровень рентабельности отрасли.

Повышение социальной и экономической устойчивости зернового хозяйства тесно связано с интенсификацией комплекса мер по защите растений от

сорняков, что находит свое отражение в процессе расширенного воспроизводства урожайности зерновых на основе модернизации и увеличения напряженности функционирования всех факторов производства. О том, как интенсификация факторов системы защиты растений от сорняков, гармонизируя их синергические взаимоотношения и взаимодействия, повышает устойчивость отрасли зернового производства, можно судить по производственным данным сельхозорганизаций Северо-Западной зоны Чувашии, представленным в табл. 2.

Таблица 2

**Экономическая эффективность производства зерна
в зависимости от уровня освоения системы защиты растений
от сорняков в сельхозорганизациях Северо-Западной зоны Чувашии**

Группы хозяйств по уровню урожайности зерновых культур с 1 га, ц	Число хозяйств в группе, ед.	Освоены системы, %		Внесено на 1 га посева зерновых минеральных удобрений, кг д.в.	Доля зерновых в структуре посевов, %	Посевы зерновых засорены в средней и сильной степени, %	Урожайность зерновых в среднем по группе, всего ц/га	В том числе озимых, ц/га	Себестоимость 1 ц зерна, руб.	Получено прибыли с 1 га посева, руб.	Оплата труда в расчете на 1 га посева зерновых, руб.	Уровень рентабельности, %
		севооборотов	химической прополки									
2011 г.												
До 15	9	44	18,6	15,4	41	41	11,5	13,2	309	-18,6	711	0,5
15,1–20	6	59	47,3	11,0	49	40	17,0	18,2	459	-657,9	2214	-17,7
20,1–23	10	71	57,5	36,7	49	36	21,8	25,6	483	-623,5	1329	-16,9
23,1–26	11	74	50,6	33,5	51	32	24,3	26,6	518	-332,3	1087	-9,8
26,1–29	11	87	56,4	48,4	47	31	27,4	29,6	376	-321,4	1647	-12,6
Более 29,1	6	89	62,6	44,9	36	19	31,8	34,5	401	3095,6	2170	63,0
2012 г.												
До 12	10	36	36,5	9,4	51	79	7,5	5,5	871	-287	1241	-6,0
12,1–15	8	61	44,9	19,3	53	58	13,8	9,0	549	884	1201	38,4
15,1–18	9	77	68,2	36,7	45	36	17,0	15,4	589	719	1906	20,8
18,1–21	8	76	56,7	43,5	55	21	19,8	19,9	493	972	1496	24,0
21,1–24	11	90	79,0	36,1	38	15	23,0	15,6	639	-545	2063	-8,2
Более 24,1	8	97	61,4	48,2	35	16	28,3	17,3	449	1621	2322	43,9

Устойчивость как универсальная категория природно-экологических, социальных и социально-экономических систем характеризует свойства этих систем сохранять свою количественную и качественную определенность, несмотря на внешние и внутренние возмущения.

Анализ данных табл. 2 показывает, что определенному уровню освоения системы севооборотов, химической прополки и применения удобрений соответствует «своя» доля посевов зерновых культур, засоренных в средней и сильной степени. Уровень засоренности посевов служит диагностическим показателем, характеризующим уровень культуры и интенсификации производства, степень гражданского развития народов, экологическую, социальную и экономическую устойчивость зерновой отрасли.

Низкому параметру интенсификации зерновой отрасли (первые две группы предприятий за 2011 – 2012 г.), где севообороты были освоены на 36–60%, на 1 га посева вносилось по 9,4–19,3 кг минеральных удобрений, химическим способом пропалывалось 18,6–47,3% посевов и уровень засоренности полей в средней и сильной степени составлял около 41–79%, соответствует суженное воспроизводство продукции зернового поля: урожайность колеблется в пределах от 7,5 до 13,8 ц/га. В эти группы вошли хозяйства с низкой социальной (оплата труда в расчете на 1 га составляет около 711–1240 руб.) и эконо-

мической устойчивостью (зерновое производство ведется убыточно из-за высокой себестоимости единицы продукции).

В сельхозорганизациях 3-й и 4-й групп доля засоренных посевов уменьшилась до 21–36%. Это явилось результатом лучшего освоения севооборотов как биологического, неинвестиционного фактора интенсификации. По мере увеличения уровня освоения севооборотов повышается эффективность внесения возрастающих доз минеральных удобрений и усиливается действие гербицидов. В результате взаимодействия нескольких факторов производства возникает совместный синергический эффект, отчего урожайность возрастает больше, чем при простом сложении используемых ресурсов. В итоге улучшаются основные индикаторы устойчивости отрасли: урожайность повышается от 17–19 ц/га до 21,8–24,3 ц/га, снижается себестоимость в 1,4–1,7 раза (2012 г.), увеличивается размер оплаты труда в расчете на каждый гектар посева в 1,2–1,4 раза, а уровень рентабельности – до 20,8–24,0% (2012 г.). Размеры получаемой прибыли позволяют организовать производство продукции отрасли по принципу расширенного воспроизводства при непрерывном увеличении объема производимой продукции.

В 5-ю группу включены сельхозорганизации, где преобладают хозяйства с социальной и экологической устойчивостью. Расширенное воспроизводство зерна сопровождается падением экономической устойчивости. Несмотря на синергический эффект в борьбе с засоренностью посевов от освоения севооборотов и применения средств химизации, издержки производства не окупаются размерами получаемой с единицы площади посева прибыли. В значительной мере это объясняется взлетом цен на материально-технические ресурсы, применяемые при производстве товарного зерна.

Лидирующие позиции в области экологической, социальной и экономической устойчивости занимают сельхозорганизации 6-й группы, где зерновое производство основано на принципах рационального сочетания модели биологического (севообороты освоены на 97–98%, зерновые в структуре посевов занимают только 35–36%), агротехнического и химического методов подавления сорняков. Резкое сокращение посевов, засоренных в средней и сильной степени, позволило лучше использовать питательные вещества применяемых минеральных удобрений (44,9–48,8 кг/га д.в.), добиться получения максимальной урожайности (28,3–31,8 ц/га) и высокорентабельного (43,9–63,0%) ведения отрасли.

Таким образом, интенсивное зерновое хозяйство (сельхозорганизации 3–6-й групп), основанное на сочетании комплексных приемов защиты растений от сорняков, не только более устойчиво, но и имеет тенденцию к дальнейшему росту и расширению. Увеличение числа компонентов борьбы с сорняками повышает **количественную устойчивость** зерновой отрасли как социально-экономической системы. А увеличение многообразия связей между компонентами системы защиты растений, усиливая их синергическое взаимодействие, повышает **структурную устойчивость** отрасли зернового производства.

Качественная сторона структурной устойчивости характеризуется **статической** и **динамической устойчивостью**. **Статическая устойчивость** характерна для систем статического равновесия, когда зерновая отрасль развивается на основе суженного или простого воспроизводства (сельхозорганизации первой и второй групп). **Динамическая устойчивость** свойственна системам подвижного равновесия, когда созидательная сумма подавляющих сорных растений ресурсов превышает сумму ресурсов, стимулирующих засорение полей. Итогом динамической устойчивости является живучесть, конкурентоспособность зерновой отрасли, где наблюдается процесс расширенного воспроизводства продукции.

Итак, вышеизложенное позволяет констатировать, что полное использование возможностей биологической интенсификации зерновых культур и инвестиционных техногенных факторов интенсификации отрасли позволяет обеспечить чистоту полей от сорняков и устойчивое развитие зернового производства Чувашской Республики.

Литература

1. Банкин М.П., Рижия Е.Я., Якушев В.П. Состояние плодородия дерново-подзолистых почв и прогноз развития земледелия на Северо-Западе России // Удобрения и химические мелиоранты в агроэкосистемах: материалы V науч.-практ. конф. (Москва, 7–10 октября 1997 г.) / под ред. В.Г. Минеева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 256–259.
2. Научные основы систем земледелия Чувашской АССР на 1981 – 1985 годы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. С. 61–77.
3. Система ведения производства в сельскохозяйственных организациях Сибири / РАСХН. Сиб. отд-ние. Новосибирск, 2007. С. 158–171.
4. Системы земледелия / А.Ф. Сафонов, А.М. Гатаулин, И.Г. Платонов и др.; под ред. А.Ф. Сафонова. М.: КолосС, 2009. С. 304–356.

МАЛОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ – аспирант кафедры экономики и организации аграрного производства, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары.

MALOV NIKOLAY – post-graduate student of Chair of the Economics and Organization of Agricultural Production, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary.

ФЕДОРОВ ВАЛЕНТИН ГЕРАСИМОВИЧ – доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры торгового дела и товарного менеджмента, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (ValentinFedorov2012@yandex.ru).

FEDOROV VALENTIN – doctor of agricultural sciences, professor of Business and Commodity Management Chair, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 658.1–026.451:342.951

ББК У291.551–21

Т.В. МУЖЖАВЛЕВА

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ (российский и зарубежный опыт)

Ключевые слова: высокотехнологичные предприятия, экономическая безопасность, научно-технический потенциал, государственное регулирование.

Дан анализ состояния высокотехнологичного сектора экономики России как системообразующего фактора экономического потенциала государства. Исследованы причины снижения конкурентоспособности инновационной продукции российских предприятий на мировых рынках. Рассмотрен опыт государственной поддержки венчурного бизнеса на примере зарубежных стран. Предложены меры государственного регулирования по укреплению научно-технического потенциала России.

T. MUZHZHAVLEVA

ROLE OF STATE SUPPORT OF HI-TECH ENTERPRISES IS IN PROVIDING ECONOMIC SECURITY OF THE COUNTRY (russian and foreign experience)

Key words: hi-tech enterprises, economic security, scientific and technical potential, government control.

In this article is given the analysis of the state of hi-tech sector of economy of Russia as a strategic factor of economic potential of the state. Reasons of decline of competitiveness of innovative products of the Russian enterprises are investigated on world markets. Experience of state support of venture business is examined on the example of foreign countries. The measures of government control are offered on strengthening of scientific and technical potential of Russia.

Обеспечение национальной безопасности страны является приоритетной функцией государства. Национальная безопасность – многоаспектная категория, включающая политическую, военную, экономическую, социальную, ин-

формационную составляющие. Экономическая безопасность, в свою очередь, характеризуется следующими основными элементами: технологическим уровнем производства, стабильностью финансовой сферы, наличием ресурсов, благосостоянием населения, экологией, степенью интегрированности в мировую экономику и др.

По прошествии более двух десятков лет рыночных преобразований очевидно, что наиболее уязвимым звеном оказался высокотехнологичный сектор экономики: ожидания, что рынок, как саморегулируемая система, обеспечит прорыв в инновационном развитии страны, не оправдались. Самым негативным фактором стало сокращение бюджетного финансирования наукоемких отраслей и практически самоустранение государства от участия в развитии инновационного, по своей природе венчурного, бизнеса. Эту сферу спасло лишь то, что потенциал, создававшийся многие десятилетия, оказался настолько значительным, что протекающие в нем инерционные процессы, заложенные на самосохранение, позволили обеспечивать приемлемый уровень удовлетворения потребностей в высокотехнологичной продукции. Это определило актуальность рассматриваемой проблемы.

Протекающие в современной России и ее регионах процессы сокращения производства, снижения уровня жизни населения, ослабления конкурентных позиций отечественных товаров, нивелирования значимости и престижности научно-исследовательского и опытно-конструкторского труда обусловлены прежде всего такими макроэкономическими факторами, как отказ от централизованной планово-директивной системы в пользу рыночного реформирования экономики, распад СССР и, как следствие, разрыв не только межрегиональных экономических связей, но и технологических цепочек, что привело к частично-временной остановке высокотехнологичных производств, пока не были восстановлены либо прежние интеграционные отношения, либо не найдены другие способы замещения разрушенных звеньев.

В настоящее время конкурентные позиции России в мировой экономике могут быть усилены наукоемкими разработками по таким направлениям, как физика, электроника, электротехника, информатика, химия. Несмотря на то, что на долю России приходится лишь 0,3% мирового рынка инноваций (для сравнения, доля Китая 6%), причем эта цифра устойчиво сохраняется на протяжении нескольких последних лет, в стране, по данным Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, с 2004 г. по 2012 г. количество выданных патентов увеличилось на 53%, а темп прироста затрат на научные исследования составил 11%. Такая же тенденция сохраняется в пропорциях прироста национального дохода. Сравнение удельного веса высокотехнологичных отраслей в приросте национального дохода России (около 37%) и развитых стран (62–76%) показывает различие более чем в два раза. Это свидетельствует о неэффективном распоряжении научно-техническими мощностями, что также ослабляет экономическую безопасность государства.

Отсутствие государственных ассигнований в инновационный сектор экономики привело к тому, что произошло перераспределение финансовых потоков от частных инвесторов в сырьевые, экспортоориентированные отрасли. И, как следствие, присутствие отечественных инновационных предприятий на мировом рынке технологий стало замещаться иностранными конкурентами, а в Россию началась экспансия импортного оборудования и инновационных разработок, прежде всего, из стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

В свете этого показательна позиция движущих сил – политических, финансовых, научных – развитых и новых индустриальных государств, когда, объединившись, эти силы смогли обеспечить рост уровня жизни населения в результате использования ресурсосберегающих технологий, инновационных механизмов,

перманентного повышения образовательного уровня трудовых ресурсов и их квалификации, в том числе за счет международной интеграции и кооперирования. Все это позволило мировой экономике выйти на более высокий уровень технологического производства, базовыми элементами которого стали нанотехнологии и информационные системы. Причем каждое государство стремится преуспеть в определенном перечне инноваций, так как это позволяет сэкономить время и ресурсы, перенаправив последние в наиболее актуальные сферы.

За рубежом государство и бизнес совместно концентрируют усилия по развитию наукоемких производств, в частности, в Японии – через разработку программ стимулирования предприятий на внедрение передовых технологий, принятие законодательных актов о развитии и поддержке венчурного бизнеса; изменения во внешнеэкономической политике. Ввиду того, что мировое сообщество выражает недовольство по поводу стабильно активного сальдо платежного баланса Японии, были разработаны направления, с одной стороны, ликвидирующие претензии основных экономических партнеров государства, а с другой стороны, способствующие закрытию проблемных зон в экономике самой Японии. Так, например, устанавливаются льготные импортные пошлины на ввозимые в страну продовольствие и сырьевые продукты. Это вполне объяснимо, так как у Японии две основные проблемы: во-первых, дефицит земельных ресурсов, что объясняется высокой степенью урбанизации и значительной плотностью населения. Климат страны позволяет собирать урожай три раза в год, т.е. ущемления отечественных сельхозпроизводителей не происходит.

Во-вторых, практически полное отсутствие природно-минерального сырья. Поэтому снижение импортных пошлин на данный фактор производства стимулирует обрабатывающие, а в особенности высокотехнологичные, отрасли. Параллельно устанавливается высокий импортный ценз на продукты интеллектуальной собственности.

В Китае государственная программа развития науки и техники сочетается со стратегией национальной безопасности, так как на государственном уровне продекларировано, что суверенитет страны напрямую зависит от состояния ее научно-технического потенциала. На государственном уровне разработана концепция стимулирования и поддержки экспорта высокотехнологичной продукции, имеющей значительный уровень добавленной стоимости. Совместным Постановлением министерств финансов, экономического развития, таможенных и налоговых структур было решено ввести дифференцированный подход к возврату налога на добавленную стоимость (НДС) при реализации инновационных продуктов и товаров за рубеж с учетом величины удельного веса добавленной стоимости. Например, по продукции электротехнической и фармацевтической отраслей увеличение возмещения НДС составило 4% (с 14% до 18%). Производителям товаров широкого потребления (одежда, обувь, мелкие электротехнические изделия) установлены пониженные ставки возврата НДС – в пределах 10–11%; хозяйствующим субъектам, экспортирующим черные и цветные металлы, компенсируется менее 5%, а по природному сырью возврат вовсе не осуществляется.

Изменение налогового законодательства КНР коснулось всех отраслей, в частности, повышение возврата НДС произошло почти по 200 наименованиям продукции, а снижение – по 1300 пунктам таможенной номенклатуры. Однако использование данного подхода применительно к Российской Федерации в настоящее время бесперспективно, так как существуют проблемы возмещения НДС экспортерам по фиксированной для всех участников внешнеэкономической деятельности ставке, а вопрос дифференциации ее в соответствии с размером добавленного вклада даже не рассматривается.

В США широкое распространение получило компьютерное моделирование производственных объектов, политической и социальной среды, что позволяет составлять долгосрочные прогнозы последствий реализации проектов по вышеназванным направлениям. Интересен также опыт США в изыскании источников для финансирования высокотехнологичных отраслей. Американское законодательство предусматривает возможность инвестирования в инновационные проекты средств внебюджетных фондов, в том числе пенсионных, через специализированные инвестиционные институты. Результатом стало повышение доходности капитализируемых финансовых ресурсов пенсионных фондов на 3,3–4,2%.

В условиях России это возможно только при жестком контроле денежных потоков аналогичных структур государством. Учитывая, что дефицит бюджета Пенсионного фонда РФ находится в пределах 2,7 млрд руб., вложения в высокотехнологичные сектора экономики, можно предположить, позволили бы со временем ликвидировать эту проблему. В настоящее время отсутствует финансовый механизм реализации данного направления.

Современный рынок наукоемких производств предусматривает развитие и внедрение макротехнологий, аккумулирующих факторы, способствующие созданию конечной продукции, повышающей экономический потенциал страны и позволяющей обеспечить политическую независимость.

Сравнение государств по возможности реализации макротехнологий показало, что максимальное количество (16) способны освоить США, Австралия, Германия, Израиль, Канада, Япония, Южная Корея; от 10 до 12 – Россия, Китай, Индия, Польша; от 6 до 9 – Индонезия, Мексика, Турция, ЮАР, Бразилия; от 1 до 5 – страны Африки.

В вышеприведенном рейтинге Россия занимает в целом достойную позицию, однако индекс внедрения у нашей страны равен 0,89, в то время как у США он составляет 5,03, Японии – 3,08, Германии, Канады, Тайваня в пределах 2.

Однако в России есть резервы повышения технологичности экономики, к которым относятся: существующая система образования, от общего до профессионального, способная подготовить высококвалифицированные кадры; интеграция науки и производства через создание технопарков; наличие системы регистрации интеллектуальной собственности; превышение, несмотря на отсрочку во времени, уровня рентабельности высокотехнологичных отраслей над сырьевыми и ресурсоперерабатывающими.

Реалии состояния научно-производственного потенциала таковы, что провалы в космической отрасли, практически отсутствие реализации значимых инвестиционных проектов, объективно обеспечили принятие государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» (03.04.2013 г.), на реализацию которой Правительство РФ планирует направить 356,7 млрд руб. За сравнительно небольшой промежуток времени, с 2013 г. по 2020 г., данная программа призвана обеспечить создание благоприятной инвестиционной среды, трансформацию экспортно-сырьевого типа экономического развития в инновационный, последствия которой должны сказаться на повышении уровня благосостояния населения и обеспечить экономическую безопасность государства.

В качестве дополнительных мер государственной поддержки предприятий высокотехнологичных отраслей можно предложить:

- введение льготного налогообложения по разработкам инновационных продуктов: от уменьшения налогооблагаемой базы за счет вычета из нее затрат на НИОКР до дифференциации ставок НДС в зависимости от величины доли добавленной стоимости в себестоимости готовой продукции;
- совершенствование законодательства в сфере поддержки инновационного предпринимательства, предусматривающее прямое дополнительное

государственное финансирование сопровождения при выходе высокотехнологичных предприятий на зарубежные рынки;

– изменение таможенных тарифов, приоритетной задачей при этом должен стать протекционизм в отношении отечественных производителей.

Данные мероприятия будут способствовать укреплению научно-технического потенциала России и обеспечению ее экономической безопасности.

Литература

1. Росстат: Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: <http://www.gks.ru>.

2. Статистика конференции ООН по торговле и развитию: сайт. URL: <http://unctad.org/en/PagStatistics.aspx>.

МУЖЖАВЛЁВА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и международных отношений, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (csaprdom@mail.ru).

MUZHZHAVLEVA TATYANA – doctor of economics sciences, professor of Economic Theory and International Relations Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 339.92

ББК 65.5

А.Ю. МУНШИ, Ш.Мд. МУНШИ, Л.Ю. АЛЕКСАНДРОВА

ПРОБЛЕМЫ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА НА ЗАРУБЕЖНЫХ РЫНКАХ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

***Ключевые слова:** малые и средние предприятия, глобализация, либерализация торговли, экспорт, импорт, маркетинговые проблемы, риски, маркетинговые исследования.*

Рассмотрены направления внешнеэкономической деятельности предприятий малого и среднего бизнеса Чувашской Республики; отражены результаты маркетинговых исследований по выявлению проблем чувашских компаний на зарубежных рынках; представлены направления их решения.

A. MUNSHI, S.Md. MUNSHI, L. ALEXANDROVA
**PROBLEMS OF SMALL AND MEDIUM-SIZED REGIONAL ENTERPRISES
ON FOREIGN MARKETS AND THEIR SOLUTIONS**

***Key words:** small and medium enterprises, globalization, trade liberalization, export, import, marketing issues, risks, market research.*

In this publication addressed the topical questions of the direction of foreign economic activity of small and medium-sized businesses of the Chuvash Republic, reflects the results of market research to identify problems Chuvash companies on foreign markets; presented directions to solve them.

Процессы глобализации и интернационализации все в большей степени воздействуют на предприятия, в том числе малого и среднего бизнеса. При этом активному влиянию подвергаются и компании, не принимающие участия во внешнеэкономической деятельности. Постепенная либерализация торговли (снятие ограничительных барьеров, упрощение процесса осуществления экспортно-импортных операций и др.) способствует дальнейшему развитию внешнеэкономических связей малых и средних предприятий регионов России.

Участие малого и среднего бизнеса во внешнеэкономической деятельности обеспечивает улучшение как макроэкономического положения регионов страны, так и финансово-экономических показателей отдельно взятых предприятий. Данное обстоятельство обуславливается тем, что внешняя торговля предоставляет предприятиям возможности реализации новых идей, роста производительности труда, увеличения объёмов продаж и прибыли посредством использования инновационных подходов в управлении производственной, сбытовой и маркетинговой деятельностью.

Несмотря на очевидную привлекательность зарубежных рынков, вклад региональных малых и средних предприятий в международную торговлю существенно меньше их вклада в формирование валового регионального продукта. Это является свидетельством существующих барьеров на пути их интернационализации.

В декабре 2012 г. нами были проведены исследования проблем, препятствующих активному развитию внешнеэкономических связей предприятий малого и среднего бизнеса Чувашской Республики в форме письменного анкетного опроса руководителей и ведущих специалистов. Общая характеристика изученных компаний представлена ниже в таблице.

Как видно из данных таблицы, среди исследованных предприятий малого и среднего бизнеса преобладают наиболее опытные. В практике внешнеэкономической деятельности они используют наиболее простые формы: экспорт и импорт. При этом более распространен прямой экспорт (на это указали 73% респондентов), нежели косвенный (27%). В структуре экспортируемой продукции наибольший удельный вес приходится на товары производственного назначения (64%), наименьший – на услуги (9%).

Характеристика исследованных малых и средних предприятий Чувашской Республики, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность

Направления анализа	Удельный вес, %
1. Опыт внешнеэкономической деятельности: до 1 года; 1-3 года; 3-5 лет; свыше 5 лет	0 18 9 73
2. Используемые формы внешнеэкономической деятельности: импорт; прямой экспорт; косвенный экспорт; совместное предприятие; прямое инвестирование; прочие	36 73 27 0 0 0
3. Вид экспортируемых товаров: потребительские товары; товары производственного назначения; услуги	27 64 9

Товары малых и средних предприятий Чувашской Республики экспортируются в различные страны: СНГ (Беларусь, Украину, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан), Европы, США, Объединенные Арабские Эмираты, Монголию (рис. 1).

По мнению респондентов, при принятии решения о выходе на зарубежные рынки чувашские предприятия принимали во внимание следующие факторы: наличие деловых связей (на это указали 78% опрошенных); низкий уровень конкуренции, налоговые льготы (22%); привлекательная экономическая ситуация (11%).

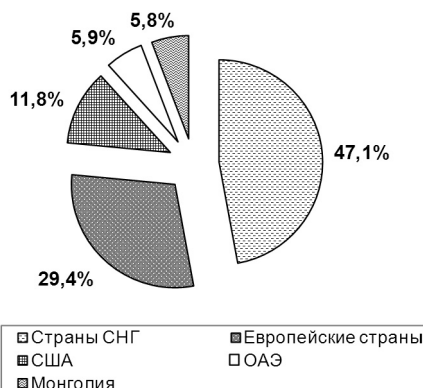

Рис. 1. География экспорта товаров предприятий малого и среднего бизнеса Чувашской Республики (уд. вес, %)

Рис. 2. Проблемы малых и средних предприятий Чувашской Республики на зарубежных рынках (уд. вес, %)

Вместе с тем на зарубежных рынках предприятия малого и среднего бизнеса Чувашской Республики сталкиваются с рядом существенных проблем, основной из которых является недостаток информации (об этом свидетельствуют 32% респондентов). Далее по мере убывания следуют недостаток финансовых средств и квалифицированных кадров – 18%, незнание законов за рубежом – 14%, недостаток собственного опыта и государственной поддержки – 9% (рис. 2).

Таким образом, недостаток информации является главной проблемой (32+14%), сдерживающей эффективную работу предприятий Чувашской Республики на внешних рынках. Успешное решение данной проблемы во многом зависит от

грамотного использования инструментов международного маркетинга, в частности проведения международных маркетинговых исследований. Данное обстоятельство обусловлено тем, что работа на внешних рынках характеризуется более высоким уровнем: рисков и конкуренции; требований к качеству экспортируемой продукции, упаковке, маркировке. Поэтому без детального исследования зарубежных рынков, их хорошего знания практически невозможно обеспечить долгосрочную конкурентоспособность предприятий.

Изучение зарубежных рынков должно проводиться систематически, с применением в первую очередь кабинетных методов. Результатом исследований должно стать получение информации, касающейся размера и роста рынка, его доступности, экономической стабильности и политической ситуации зарубежных стран, их культурной, эколого-географической и иной среды. Источниками информации могут служить публикации ООН (World statistics pocket book), Всемирной торговой организации, Всемирного банка, различных консалтинговых фирм (в частности, специализирующихся на оценках страновых рисков – «Frost and Sullivan Inc», «Business International Corporation», «BERI») и др.

Данная информация может быть получена как специалистами предприятий, так и с помощью независимых экспертов (Центра экспортной поддержки Чувашской Республики, Торгово-промышленной палаты ЧР и др.). Ее применение позволит принимать обоснованные решения, связанные с выбором зарубежных рынков, стратегий поведения на них; разработкой товарной, ценовой, сбытовой и коммуникационной политики на зарубежных рынках.

Литература

1. Елагин В.И., Мунши А.Ю. Маркетинговая деятельность экспортно-ориентированных малых и средних предприятий. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2013.
2. Жаринов А.А. О поддержке экспорта малых и средних предприятий // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 1.
3. Петросян Н.Э. Основные риски внешнеэкономической деятельности российских компаний // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 24.
4. Центр поддержки экспорта и привлечения инвестиций Чувашской Республики: сайт. URL: www.ved21.ru.

МУНШИ АЛЕВТИНА ЮРЬЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры торгового дела и товарного менеджмента, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (m.alevtina@rambler.ru).

MUNSHI ALEVTINA – candidate of economics sciences, assistant professor of Trade and Commodity Management Chair, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

МУНШИ ШАХИН МД. – доктор философии по экономическим наукам, доцент кафедры мировой экономики и налоговых систем, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (shomy@rambler.ru).

MUNSHI SHAHIN MD. – doctor of philosophy in economics, assistant professor of World Economy and Tax Systems Chair, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

АЛЕКСАНДРОВА ЛЮДМИЛА ЮРЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры торгового дела и товарного менеджмента, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (m.alevtina@rambler.ru).

ALEXANDROVA LYUDMILA – candidate of pedagogical sciences, assistant professor of Trade and Commodity Management Chair, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 502.5:379ю83 (470.344)

ББК Ч 507 (2Рос.Чув)

З.А. ТРИФОНОВА, М.М. РОСТОВЦЕВА

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕКРЕАЦИОННЫХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ РЕСУРСОВ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ключевые слова: историко-культурный ресурс, туристский потенциал, территориальный анализ.

Проведена оценка историко-культурных ресурсов в разрезе 21 муниципального района и 5 городов Чувашии. Оценка составляющих историко-культурных ресурсов проводилась индексным методом. На основе полученных данных была проведена типология районов и городов, составлена карта, отражающая 5 типов территорий, отличающихся комплексной величиной обеспеченности историко-культурными ресурсами. Предложено развитие туристического кластера на основе высокой ресурсной обеспеченности историко-культурных объектов территории чебоксарской агломерации.

Z.TRIFONOVA, M. ROSTOVSEVA

TERRITORIAL ASSESSMENT OF HISTORIC AND CULTURAL RECREATIONAL RESOURCES OF THE CHUVASH REPUBLIC

Key words: historical and cultural resources, tourist potential, territorial analysis.

In this paper we evaluated the historical and cultural resources in section 21 of the municipal district and 5 cities Chuvashia. Score components of historical and cultural resources held by the index method. Based on the data, was conducted typology of districts and cities, made a map, showing the 5 types of areas with different security complex value of historical and cultural resources. We have proposed the development of the tourism cluster based on high resource provision of historical and cultural sites territory Cheboksary agglomeration.

Формирование культуры отдыха – составная часть реализации приоритетных направлений туризма Российской Федерации. Необходимо отметить тот факт, что историко-культурные ресурсы занимают особое место в туристском потенциале, поскольку культурное самовыражение народа всегда вызывает интерес. Историко-культурные ресурсы представляют собой наследие прошлых эпох общественного развития. Культурное наследие – это объекты и явления материальной и духовной культуры народов, имеющие особую историческую, художественную, эстетическую и научную ценность [14].

Феномены культуры все чаще рассматриваются как факторы аттрактивности территории и ресурс ее развития. Образующие историко-культурными объектами пространства, они во многом определяют локализацию туристско-рекреационных потоков и направления туристских маршрутов. Минимальный набор ресурсов есть практически в любой местности, но для массового развития туризма необходима концентрация объектов культурного туризма.

Объект исследования данной работы – историко-культурные ресурсы (ИКР) Чувашской Республики как один из важнейших компонентов туристского потенциала региона. Предмет – территория Чувашской Республики и организация туризма в регионе.

Цель исследования – провести территориальный анализ историко-культурных ресурсов и выделить наиболее перспективные для развития историко-культурного туризма территории в Чувашской Республике.

К историко-культурным ресурсам принято причислять те объекты, которые исследованы и оценены как имеющие общественное значение и могут быть использованы для удовлетворения рекреационных потребностей [5]. Как правило, историко-культурные объекты делят на материальные и духовные. Материальные объекты охватывают совокупность средств производства и других материальных ценностей общества на каждой стадии его развития, духовные – совокупность достижений общества в образовании, науке, искусстве, литературе, в организации государственной и общественной жизни и труде [3].

Особое место в данном сегменте принадлежит памятникам истории и культуры, которые служат основным средством удовлетворения потребностей. Памятники истории и культуры – это особо ценные объекты материальной и духовной культуры народов в форме отдельных сооружений, их ансамблей и памятных мест, имеющие законодательно установленный режим особой охраны [14].

Чувашия – один из древнейших историко-культурных центров. К культурному наследию республики относятся 682 объекта, в том числе это 29 ансамблей. 628 из них – это памятники регионального значения (в том числе 20 ансамблей), а 54 – федерального (9 ансамблей). Необходимо отметить тот факт, что 97 объектов (27 из которых федерального значения) находятся на территории Чебоксарского городского округа [1]. Естественно, особую ценность представляют собой памятники федерального значения [10]. Всего их в перечне отмечается 160, среди них – храмы, колокольни, часовни, мечети.

Для систематизации объектов, представляющих историко-культурные ресурсы, было выделено 4 группы, по которым в дальнейшем рассчитывались промежуточные сводные индексы: 1) памятники истории (здания и сооружения светского характера, памятные места); 2) памятники археологии (городища, курганы, остатки древних поселений); 3) современные светские культурные центры (музеи, театры, художественные галереи и выставки, памятники, кинотеатры); 4) культовые сооружения (церкви, храмы, часовни, монастыри, мечети).

При анализе нами учитывались объекты, входящие в перечень культурного наследия, и объекты, которые в перечень не входят, но могут быть использованы, по мнению экспертов, в качестве туристского продукта. Всего было обработано 8 показателей: 1 – здания и сооружения светского характера (являющиеся памятниками истории и архитектуры), 2 – памятники, бюсты и обелиски, 3 – исторические и воинские могилы и захоронения, 4 – памятники археологии (городища, могильники, поселения и пр.), 5 – музеи, 6 – православные культовые сооружения (церкви, храмы, часовни, монастыри и пр.), 7 – исламские культовые сооружения (мечети) и 8 – современные светские культурные центры (кинотеатры, театры, выставочные центры, картинные галереи и пр.). Показатели были пересчитаны на 10 000 человек населения. Для получения сводного индекса полученные данные предварительно индексировались по формуле:

$$I = \frac{X - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}}, \quad (1)$$

где X – величина показателей исследуемых величин.

Значения промежуточного индекса варьируются в интервале от 0 до 1. Таким образом, он показывает расположение каждого района и города среди остальных районов и городов.

Для классификации и картографирования результатов оценки рассчитывался интегральный показатель, представляющий собой сумму промежуточных индексов.

В качестве территориальных единиц анализировалось 26 муниципальных образований: 21 сельский район и 5 городов республиканского значения (Чебоксары, Новочебоксарск, Алатырь, Канаш, Шумерля). Остальные города (Мариинский Посад, Ядрин, Козловка, Цивильск) оценивались в составе района. Оценка потенциала районов проводилась относительно друг друга, а не изолированно, что позволило вычислить долю каждой территории как в отдельном компоненте, так и в общем туристском потенциале республики.

По результатам исследований было выделено 5 групп районов и городов, отличающихся уровнем обеспеченности историко-культурными ресурсами: 1) группа с максимальной обеспеченностью историко-культурными ресурсами (4,96–4,02) – Козловский район; 2) группа с обеспеченностью историко-культурными ресурсами выше среднего (4,02–3,08) – Порецкий район; 3) группа со средней обеспеченностью историко-культурными ресурсами (3,08–2,14) – Алатырский, Батыревский, Красночетайский, Мариинско-Посадский, Шемуршинский, Шумерлинский, Ядринский районы; 4) группа с обеспеченностью историко-культурными ресурсами ниже среднего (2,15–1,20) – Комсомольский, Урмарский, Цивильский, Яльчикский, Янтиковский районы, г. Алатырь, г. Канаш; 5) группа с минимальной обеспеченностью историко-культурными ресурсами (1,20–0,26) – Аликовский, Вурнарский, Ибресинский, Канашский, Красноармейский, Моргаушский, Чебоксарский районы, г. Новочебоксарск, г. Чебоксары, г. Шумерля.

Данные интегральных индексов были использованы для построения карты обеспеченности районов и городов Чувашской Республики историко-культурными ресурсами (рисунок).

Наилучшей обеспеченностью историко-культурными ресурсами отличается Козловский район. Он имеет максимальный интегральный показатель – 4,96. Оценка района нами проводилась с учетом города Козловка, в котором сосредоточены практически все историко-культурные объекты. Козловский район является лидером в Чувашии по обеспеченности населения памятниками (2-й показатель) и современными светскими культурными центрами (8-й показатель). Он занимает второе место по обеспеченности историческими и воинскими могилами и захоронениями (3 показатель). В городе Козловка расположена историко-культурная туристская зона, включающая Волжскую набережную. Набережная имеет пешеходную зону, здесь находится мемориальный комплекс – музей боевой славы под открытым небом. Комплекс включает памятник погибшим воинам, установленный к 30-летию Победы, мраморную плиту, Вечный огонь, танк Т-54, бронетранспортер БТР-60 БП, двухместный легкомоторный самолет ПО-2, аллею Героев – уроженцев Козловского района. Пешеходную зону обрамляют здания дореволюционных построек: дом купца Волочкова и депутата царской думы Лунина. Недалеко от прогулочной зоны находится дом-усадебка гениального математика Н. Лобачевского, создавшего новое направление в геометрии. Город Козловка и, соответственно, Козловский район обладают несомненным преимуществом для привлечения туристов в связи с удачным расположением на реке Волга. Пассажирские и круизные судна имеют возможность останавливаться для осмотра достопримечательностей на оборудованной речной пристани. Для успешного функционирования туристского кластера требуется строительство предприятий размещения и питания разных категорий туристов.

На втором месте по величине интегрального показателя находится Порецкий район (3,61). Порецкий район является лидером по двум показателям – обеспеченность историческими зданиями и сооружениями, а также христианскими культовыми сооружениями. К историко-культурным ресурсам села Порецкого

относятся такие объекты, как здание Порецкой учительской семинарии 1780 г. (объект федерального значения), историко-краеведческий музей, в фондах которого представлено более 3000 подлинных памятников истории и культуры, 30 памятников архитектуры XVIII – XIX вв.: колокольня Троицкого собора высотой 56 м, придающая колорит селу, 6 святых источников и большое количество церквей, среди которых особо стоит выделить Петропавловскую церковь 1816 г. Село очень живописно, улицы старинные, раскинувшиеся на высоком берегу реки Суры. Здания оригинальной архитектуры, воздвигнутые искусными руками безымянных зодчих. Среди историко-культурных ресурсов других населенных пунктов Порецкого района следует отметить Мемориальный музей академика-кораблестроителя А.Н. Крылова (расположенный в одноименном селе), которому присвоено звание народного, и ряд церквей, среди которых Богоявленская церковь 1829 г. (с. Козловка) и Вознесенская церковь 1813 г. (с. Семеновское). Еще одним уникальным ресурсом района являются мордовские села. В селе Напольное действует мордовский культурный центр, где представлены культура и быт мордовского народа [12].

Обеспеченность районов и городов Чувашской Республики историко-культурными ресурсами (на 10 тыс. чел.)

Во многом лидирующие позиции Порецкого района по обеспеченности историко-культурными ресурсами связаны с незначительной численностью населения района, оказывающей влияние на интегральный индекс. Численность населения района составляет всего 14,0 тыс. человек, это 25-е место (из 26 муниципальных образований) в списке рассматриваемых нами районов и городов.

Нужно отметить, что в районе имеются все возможности для строительства туристического комплекса на живописном берегу реки Сура. Развитие сельского и экологического туризма, для которых требуется организация пансионатов, считается приоритетным направлением. Постановлением правительства РФ в 2010 г. уже были приняты к субсидированию инвестиционные кредиты, которые были получены в кредитных учреждениях организациями и направлены на развитие туризма в данном районе, включая развитие народных промыслов, торговли в сельской местности, бытовое и социально-культурное обслуживание сельского населения [13].

Третью группу по значению интегрального индекса образуют 7 районов, а лидирует среди них Мариинско-Посадский район (2,93). Мариинско-Посадский район имеет высокие показатели по наличию исторических и архитектурных зданий и православных культовых сооружений. По данным государственной телевизионной и радиовещательной компании «Чувашия» в 2013 г. Мариинский Посад стал победителем конкурса «Лучшие туробъекты Приволжского федерального округа» и признан лучшим малым туристским городом Поволжья (15). В районе имеется большое количество светских зданий и сооружений, являющихся объектами культурного наследия. Центральные улицы города сохранили стиль XIX в., в пределах города находятся две парковые зоны и дендропарк. Главный храм города – собор Святой Троицы, построенный в 1726 г., в стиле псевдорусского средневекового декора. С начала XX в. действует церковь Казанской Божией Матери. Особо стоит отметить благоустроенную набережную с постройками XVIII – XIX вв., здание Лесной школы, дом лесопромышленника Короткова, в котором расположен краеведческий музей, дом купца Соснина. Жители района и города ведут системную работу по благоустройству города и превращению его в туристический центр. Более 10 лет назад сотрудники музея и городские активисты используют фольклорные элементы и театрализованные представления в туристических экскурсиях и программах как в городе, так и в пригородной части. Так, например, восхитительный обзор волжских просторов открывается с Государевой горы, названной так в память о том, как согласно легенде в 1763 г. Екатерина II останавливалась на берегу Волги у города.

В Мариинско-Посадском районе есть еще один привлекательный центр – село Шоршелы – родина дважды героя Советского Союза летчика-космонавта Андрияна Григорьевича Николаева. В 1972 г. был открыт Музей космонавтики, а в 1977 г. установлен бронзовый бюст и действует мемориальный комплекс. Положительное значение для района имеют близость к столице – городу Чебоксары и наличие реки Волга, протекающей по территории района. Перспективными для района являются развитие Волжского круизного туризма; совершенствование туристических маршрутов, их обновление и пополнение новыми элементами, театрализованными представлениями для повышения качества предоставляемых услуг. На территории района намечен к реализации ряд инвестиционных туристических проектов. Один из них подразумевает создание сельского туристско-этнографического комплекса в селе Бичурино. Село является местом рождения основоположника российского

востоковедения Никиты Яковлевича Бичурина, автора четырехтомного русско-китайского словаря. Второй проект предусматривает создание международного молодежного волонтерского лагеря народных промыслов и ремесел на территории Карабашского сельского поселения Мариинско-Посадского района. Местные мастера славятся с XVIII – XIX вв. лько- и лозоплетением, деревообработкой (изготовление мебели, маломерных речных судов и паромов), бондарным делом, пошивом обуви и одежды, кузнечным делом и др. Изделия мастеров народных художественных промыслов в 1905 г. экспонировались на Всемирной выставке в Париже, в разные годы экспонировались в городах Москва, Чебоксары – на ярмарках, выставках. В 2001 г. изделия мастеров нового поколения были с успехом представлены на Международной выставке достижений малых городов России в Вашингтоне в рамках программы «Малые города России» Фонда Сороса, на ярмарке на Межрегиональном празднике малых исторических городов Поволжья «Многоцветие радуги над Волгой». При условии реализации данных проектов число туристов значительно возрастет.

В третьей группе также находятся районы, получившие довольно высокие показатели обеспеченности историко-культурными ресурсами за счет низкой численности населения, проживающего в них. К таким районам относятся Алатырский, Красночетайский, Шемуршинский и Шумерлинский районы. Все они занимают последние позиции в рейтинге людности муниципальных образований Чувашии.

Районы, образующие пятую группу по уровню обеспеченности историко-культурными ресурсами, имеют значения интегрального показателя ниже 1,20. Самые низкие значения имеют Ибресинский район (0,48), город Новочебоксарск (0,44) и Чебоксарский район (0,26). Низкий рейтинг объясняется высокой людностью районов и города. Нужно заметить, что в Ибресинском районе еще в 1980 г. к 60-летию образования Чувашской автономии создали Этнографический музей под открытым небом. Музейный комплекс, занимающий территорию площадью 1,5 га, является культурным памятником республиканского значения. В него входят крестьянские дома конца XIX – начала XX в. и 30-х гг. XX в., ветряная мельница, двухэтажный амбар – клеть, пивоварня, колодец «журавль». В нем постоянно действует картинная галерея.

Город Новочебоксарск – молодой город, возникший в 1960 г. Он занимает второе место в республике по численности населения, сосредоточивая 9% населения Чувашии. Новочебоксарск имеет значительный промышленный потенциал, но недостаточно обеспечен объектами истории и культуры. Из историко-культурных объектов, заслуживающих внимания, отметим Соборную площадь (оформление завершено к 2000 г.), расположенные на ее территории памятник князю Владимиру и одноименный Собор (Собор Святого Равноапостольного Князя Владимира). Новочебоксарск продолжают украшать скульптурными композициями.

Минимальное значение интегрального показателя имеет Чебоксарский район, в котором нет историко-культурных объектов федерального значения. Из наиболее привлекательных историко-культурных объектов стоит отметить музей «Бичурин и современность», расположенный в поселке Кугеси. Фонд музея насчитывает более 5 тыс. ед. хранения – изделий прикладного искусства, предметов археологии, этнографии, документов и фотографий по истории Чебоксарского района, коллекций живописных и графических работ местных художников. Кроме того, в районе находится несколько церквей, входящих в список памятников республиканского значения и памятники археологии. Вышепе-

речисленные достопримечательности (за исключением музея) недостаточно обустроены для туристического посещения. В силу того, что Чебоксарский район является самым густонаселенным районом республики (3-е место по показателю людности из 26 рассмотренных районов и городов), именно он имеет самую низкую обеспеченность историко-культурными ресурсами.

Оценивая историко-культурный потенциал районов и городов Чувашии, отдельно отметим ее столицу – город Чебоксары. Город вошел в группу с минимальной обеспеченностью и имеет значение интегрального показателя 0,60 (это 23-е место в рейтинге обеспеченности ИКР). Причиной низкого положения в рейтинге районов и городов является многолюдность города, численность населения которого составляет 464,1 тыс. человек. В то же время в городе сосредоточено довольно значительное количество историко-культурных объектов как федерального, так и регионального значения. Наиболее ценные и значимые объекты культурного наследия сосредоточены преимущественно в районе залива. Всего в Чебоксарах к памятникам истории и культуры, имеющим официальный охранный статус, относятся 96 объектов, из них 23 – памятники федерального значения. Самыми старыми зданиями в городе являются культовые сооружения: Введенский собор и Свято-Троицкий мужской монастырь (VII в.). Сохранились жилые дома, построенные в середине XVIII в. – Соляная контора, Дом Козьмы Кадомцева, Дом Зеленщикова, Дом Соловцова. Эти здания являются памятниками архитектуры федерального значения. Необходимо отметить монумент Матери-хранительницы, продолжательницы рода и истории чувашского народа. Памятник был воздвигнут в 2003 г. и органично вписался в архитектуру старой части города. С северо-востока залив обрамляется Красной площадью, от которой начинается пешеходная часть – бульвар Купца Ефремова, на котором сохранились дома застройки второй половины XIX в. Формирование облика пешеходной части продолжается. В комплексе зданий купцов Ефремовых разместился Чувашский национальный музей, антикварный магазин и Музей пива. В 2012 г. на бульваре установили памятник Остапу Бендеру и Кисе Воробьянинову. Этот эксцентричный дуэт заметно оживил и сделал более привлекательным и симпатичным пешеходную зону города. Кроме того, в Чебоксарах сосредоточены основные памятники истории и культуры советского периода. В городе имеются места, связанные с именем героя Гражданской войны В.И. Чапаева. На высоком берегу Волги размещен парк Победы и монумент Воинской славы в честь земляков, погибших в годы великой Отечественной войны. Здесь же расположена самая высокая выгодная для обзора города смотровая площадка, с которой открывается панорамный вид на город [16].

Таким образом, территориальный анализ обеспеченности районов и городов Чувашской Республики историко-культурными ресурсами позволил обозначить два важных аспекта в развитии туристской аттракции. Во-первых, следует уделить особое внимание районам с высокой обеспеченностью историко-культурными ресурсами, входящими в первую и вторую группу. Географически эти районы формируют западную, юго-восточную и северо-восточную границы республики. В существующих муниципальных программах развития туризма, а также в республиканской программе районы и их ресурсы слабо представлены для туристического освоения. В силу отсутствия организованной системной работы муниципалитетов с местными рекреационными ресурсами туристические маршруты в этих районы формируются редко, стихийно, что сказывается на местном бюджете. Заметим, что на юго-западе республики может начать эффективно действовать туристский кластер на

основе уникального сочетания этнографических, исторических, религиозных, архитектурных и природных ресурсов. Его ядром может стать село Порецкое, от которого будут сформированы тематические маршруты в Алатырь, Ядрин, в мордовские села, в Крылово и т.д.

Во-вторых, сформированный вокруг Чебоксар туристский кластер требует формирования дополнительных объектов аттракции. Следует насытить историческую часть города Чебоксары памятниками городской скульптуры, тематическими музеями, центрами досуга, развлечения, а также предприятиями размещения и питания разных категорий населения. Это относится и к прилегающим к столице республики районам, в которых в настоящее время отмечается сравнительно низкая обеспеченность историко-культурными ресурсами. Исключением являются Мариинско-Посадский и Козловский районы.

Литература

1. Генеральный план Чебоксарского городского округа. Положения о территориальном планировании / РосНИПИУрбанистики, СПб., 2013.
2. Дмитриева Н.И., Никитин В.П. Хозяйство, промыслы. Ремесла // Мир Чувашской культуры. Чебоксары: Новое время, 2007. С. 128–135.
3. Квартальнов В.А. Туризм. М.: Финансы и статистика, 2002. 320 с.
4. Колотов Е.В. Рекреационное ресурсосведение. М.: РМАТ, 1998. С. 92–93.
5. Кусков А.С., Голубева В.Л., Одицова Т.Н. Рекреационная география. М.: МПСИ; Флинта, 2005. 496 с.
6. Ливинская О.А. Оценка аттрактивности культурно-исторического наследия как компонента культурных ландшафтов Псковской области // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16.
7. Максаковский В.П. Всемирное культурное наследие. М.: РАО, 2003. С. 67–73.
8. Мариинский Посад признан лучшим малым туристским городом Поволжья [Электронный ресурс] // Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Чувашия»: сайт. URL: <http://chuvashia.rfn.ru/rnews.html?id=62493>.
9. Михайлов Е.П. Археология // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. Т. 1. С. 133–136.
10. Муратов Н.И. Объекты культурного наследия Чувашской Республики: каталог: в 2 кн. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Кн. 1. 262 с.
11. Муратов Н.И. Объекты культурного наследия Чувашской Республики: каталог: в 2 кн. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. Кн. 2. 287 с.
12. Общественная организация «Мордовский культурный центр» Чувашской Республики: сайт. URL: <http://mkccr.ru>.
13. Программы развития субъектов малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, в Порецком районе Чувашской Республики на 2011 – 2020 годы, за 2011 год [Электронный ресурс] // Администрация Порецкого района Чувашской Республики: сайт. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-537348.html>.
14. Социально-экономическая география: понятия и термины: словарь-справочник / отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
15. Социально-экономический атлас Чувашской Республики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. 111 с.
16. Трифонова З.А. Города Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 238 с.

ТРИФОНОВА ЗОЯ АЛЕКСЕЕВНА – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (zoyatrifonova@mail.ru).

TRIFONOVA ZOYA – candidate of geographical sciences, associate professor of Economic and Social Geography Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

РОСТОВЦЕВА МАРИЯ МИХАЙЛОВНА – ассистент кафедры экономической и социальной географии, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mariyatrifonova@list.ru).

ROSTOVSEVA MARIYA – assistant of Economic and Social Geography Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 330:342.141
ББК У010.11

Н.В. ТУМАЛАНОВ, И.Н. УРУСОВА

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Ключевые слова: экономический интерес, институциональное развитие, экономическое развитие, ресурсы, рента.

Исследование нацелено на выявление тенденций воздействия на экономическое развитие взаимодействующих экономических интересов и институциональных структур. Анализ показал, что рентоориентированные интересы и поведение влиятельных групп создают монопольное положение на рынках некоторых ключевых ресурсов, что не позволяет эффективно использовать их в комбинации с другими ресурсами. Действующая институциональная система не в состоянии создать социальным группам, способным быть ведущими в экономическом развитии, необходимые условия для высокопродуктивной деятельности. Исследование этой проблемы на основе исторического подхода показало, что в устройстве институциональных структур недостаточно учтены опыт функционирования институциональных систем прежних эпох и ошибки, совершенные в экономической политике. Обосновано, что политика взаимодействия экономических интересов и институциональных структур в долгосрочном периоде благоприятствует экономическому и социальному развитию тогда, когда она нацелена на получение условий производства и обмена, опирается на соответствующие социальные группы.

N. TUMALANOV, I. URUSOVA INFLUENCE OF ECONOMIC INTERESTS AND INSTITUTIONAL STRUCTURES ON ECONOMIC DEVELOPMENT

Key words: economic interest, institutional development, economic development, resources, rent.

The article's aim is to detect tendencies of how economic interests and institutional structures influence an economic development in their interaction. Rent-oriented interests and the influential groups' conduct lead to a monopoly situation on the markets of some key resources, the analysis shows. The fact doesn't let one combine these resources with any other. The current institutional structure is not able to create conditions for high-yielding activity in the cause of which some social groups can become the leaders in economic development. Historical approach of the research shows that previous periods' experience in institutional systems functioning and the mistakes made in economic policy are not well taken into account in the organization of the institutional structures. It is founded that the policy of economic interests and institutional systems interaction are favorable to the economic and social development in a long-term period. It happens when it aims at getting conditions of producing and exchange and when it depends on the respective social groups.

Экономические интересы и институциональное развитие: противоречия и проблемы. Известна роль экономических интересов в хозяйственном развитии общества. Функционально экономические интересы непосредственно воздействуют также и на институциональную эволюцию. Они являются, по существу, побуждающей её силой, которая в дальнейшем, трансформируясь, способствует становлению формализованных и неформальных институтов, а также органов принуждения.

Слова Й. Шумпетера, которыми он определил цель своих исследований, «...найти ответ на вопрос, как экономическая система производит ту силу, которая беспрестанно её изменяет» [13. С. 455], относятся как к экономическому развитию, так и к институциональной эволюции. Мы же можем исходить из того, что сила эта берет своё начало в экономических интересах людей, а наращивание её происходит в структурах институциональной системы общества, чтобы, окрепнув, произвести изменения в экономике. Поэтому исследование их взаимодействия в разнообразных связях и зависимостях весьма актуально, поскольку направлено на получение знаний, необходимых для создания институциональной системы, способной обеспечить стабильное экономическое развитие.

С исторической точки зрения можно различить два основных подхода к постановке проблемы взаимодействия экономических интересов и институциональной системы:

1) исходя из интересов индивидуумов, которые для их удовлетворения, как правило, сплачиваются в организованные группы;

2) исходя из общественных интересов, когда главное действующее лицо – государство, делегируемое обществом в качестве своего доверенного органа для решения своих задач.

Первый подход предложен представителями классической политической экономии [6]. Свобода индивидуума обеспечивает общество наибольшей экономической выгодой. Преследуя свои интересы, индивид приносит обществу больше пользы, нежели тогда, когда он радеет за общественные интересы. Поэтому государству отводится обязанность ограждать его от насилия, несправедливости и угнетения.

Дальнейшее развитие этот подход получил в неоклассической теории, и установилось общее положение, что главное – свободный рынок и отсутствие препятствий для него. Это создаёт наиболее благоприятные условия для экономического роста и развития, что приводит к наилучшему удовлетворению экономических интересов. Из этого постулата вытекает, что главная функция институтов – устранение препятствий для свободного рынка, который обеспечивает свободный доступ всех экономически активных индивидов к ресурсам.

В современных условиях феномен глобализации расширил диапазон экономических интересов до небывалых пределов: от потребностей простого физического выживания до контроля над ресурсными потоками планетарного масштаба. Соответственно и проблема совмещения экономических интересов и векторов институционального развития усложняется. Тем не менее центром остаётся доступ к ресурсам.

На это обращают внимание Д. Норт с соавт. в статье «В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности» [5]. На основе анализа институциональных структур развивающихся стран они пришли к выводу, что каждая группа элиты получает свои ресурсы и ренты от них. Получение ренты обеспечивается договорённостями между лидерами групп не применять по отношению друг к другу насилие. Заинтересованность прямая: применение насилия сокращает или сводит на нет ренты. Такое институциональное устройство они называют порядком ограниченного доступа.

Представители теории эволюционной экономики сосредоточивают внимание на рациональном выборе индивидов на основе интереса и его взаимодействия с системой и порождаемым ими необратимым динамическим процессом [15]. Рассматривается и воздействие изменений на рынках ресурсов, технологических сдвигов на поведение фирм. Они нередко меняют существующие принципы своего поведения, так называемые рутины [14], под которыми подразумеваются выработавшиеся на основе накопленных навыков и опыта приёмы.

Ренты, образующиеся в результате контроля над ресурсами, являются конечной инстанцией экономических интересов организаций. Необходимо отметить, что под понятием ренты тут подразумевается сложная комбинация рент, включая экономическую ренту от любых видов ресурсов, рикардианскую ренту, дифференциальную, монопольную ренту и квазиренту, которые достаточно подробно описаны А. Алчианом [1. С. 724–732].

Ряд вопросов, касающихся экономических интересов, институциональных структур и отношений, связанных с ними, нами рассмотрены в [12]. Выведены принципы интеграции личных, коллективных, общественных интересов в территориальные институциональные структуры [11].

Уточнены функции институциональных структур в ценообразовании и рыночном обмене. Предложена методика определения в этом процессе функций рыночных и институциональных сил [9]. Проведен анализ современного этапа эволюции некоторых институциональных структур национальной экономики и выявлены основные её тенденции [8]. Дана характеристика и предложена оценка эффективности функционирования в современной отечественной экономике институтов собственности и контрактных отношений [10].

Проведенный анализ в целом подтвердил наличие в отечественной экономике нерешённой проблемы: невнятная связь сформировавшихся институтов с общественными интересами и недостаточное положительное функциональное воздействие их на экономическое развитие. Он убедил в необходимости выявления, во-первых, тех тенденций, которые преобладают во взаимодействии экономических интересов и институциональных структур в современной отечественной экономике; во-вторых, определения тех последствий, к которым может привести характер взаимодействия экономических интересов и институциональных структур в долгосрочном периоде.

Характер функционирования институциональных структур, сложившихся в современной отечественной экономике. Если исходить из наличия четырёх уровней экономических интересов – общественные интересы, интересы латентных групп (социальных классов), групповые интересы конкретных лиц, интересы индивидуумов, то, несмотря на их различие, они взаимосвязаны и интересы вышестоящих групп формируются под воздействием нижестоящих. Нижняя группа индивидуумов формирует интересы второй группы – конкретных лиц. По существу, интересы индивидуумов и являются причиной появления этих групп.

Образовавшиеся группы в рыночных условиях неизбежно вступают в борьбу, порой ожесточённую. Но со временем приходит понимание, что переговоры и сделки выгоднее, чем борьба. В результате договорённостей каждая группа получает контроль над определённым сегментом ресурсов, что гарантирует ей получение ренты.

Институциональные структуры отечественной экономики формировались под доминирующим воздействием интересов этих групп и их коалиций. Понятно, что институциональные структуры не могут создавать в экономической системе должную конкурентную среду, когда отношения в ней основаны на сделках по разделу сфер влияния на рынках ресурсов и получаемых в результате этих сделок рентах. Чтобы сделать рынок конкурентным, необходимо ликвидировать системную ориентацию на ренты и резко ограничить само получение различных видов рент. Поэтому прежде всего необходимо выяснить, за счет каких ресурсов формируются рентные доходы существующих основных групп, коалиций и их клиентских организаций?

Понятия «ресурсы» и «рента», как уже отмечалось, весьма широкие. Однако первоначально целесообразно рассматривать их по первичному их делению. Если обратить внимание на рынок труда, то он, на первый взгляд, может вполне удовлетворять и интересы бизнеса, и интересы самих наёмных работников. Несмотря на неблагоприятную демографию, желающих работать достаточно, и реальное производство может быть укомплектовано отечественными работниками. Однако рентные доходы групп, потенциально способных контролировать этот рынок, – невелики. Поэтому и реальной борьбы за контроль не наблюдается. Можно обнаружить противоречие и проблему: это оплата и качество труда. Многие работодатели не готовы поднять уровень оплаты, качество которого не улучшается и не может улучшаться, поскольку работники вынуждены трудиться за заработную плату, которая не обеспечивает нормальный уровень жизни, не говоря уже о воспроизводстве рабочей силы [10].

Исправлять положение на рынке труда необходимо и, видимо, начинать следует с создания нормальной конкурентной среды на нём для действующих лиц: работодателей, дееспособных профсоюзов нового типа, соответствующих государственных органов в качестве арбитра. У профсоюзных функционеров необходимо создать свой собственный рынок так же, как и у менеджеров – посредников в переговорах между администрацией и трудовыми коллективами предприятий (организаций). Кажется странным, что этот рынок не сложился и он существует лишь на рынках труда особого качества (футбол, хоккей, профессиональный бокс, шоу-бизнес и некоторые другие). Рента на этих рынках может быть значительной во многих отраслях. Пока же экономическую ренту (если определяться в соответствии с трактовкой А. Алчиана [1. С. 724–725]) от использования труда получают исключительно работодатели.

Экономические интересы существующего и потенциального и во многом системообразующего в современных условиях среднего класса обычно обращены также на рынок ссудного капитала. В отечественной экономике рынок капитала институционально оформлен, однако он явно не удовлетворяет потребности развивающейся экономики. Многие граждане недостаточно доверчиво относятся к банкам и не склонны вкладывать в них свои сбережения. Банки неспособны обеспечивать доступным кредитом предпринимателей, в особенности – малого бизнеса и начинающих. Ставка процента высокая, условия получения кредита – сложные. Институты денежно-кредитной политики пока не проявили способность исправить такое положение. Однако группы и коалиции, образовавшиеся в банковской системе, условия образования высокой экономической ренты создали и эту ренту получают.

Рынки земли и природных ресурсов из всех ресурсных рынков наиболее чувствительны к отношениям между доминирующими коалициями и между их клиентскими организациями, поскольку наибольшая часть рент в отечественной экономике формируется на этих рынках. Это предопределено тем, что отечественная институциональная система и её структуры строились при ориентации на добычу и экспорт минерального сырья и возникающую при этом многоуровневую комбинацию рент.

При этом вполне очевидно, что распределение рент происходит не только между экономическими структурами, непосредственно занятыми в добыче, первичной обработке, экспорте. Институциональные структуры сформировались таким образом, что созданы условия распределения рент между политическими партиями и разными уровнями государственной власти. Убедительное подтверждение этого – существование и активная деятельность института лоббирования.

Эта сфера институциональных структур весьма затруднительная для преобразований и изменения установившихся порядков. Обычно изменения в контроле и перераспределение рент на рынках ресурсов происходит только в результате смены организаций – лидеров и господствующей коалиции. Это в полной мере касается и рынка добываемых природных ресурсов. В сырьеворенторирующей экономике, где рента от них представляет собой центр экономических интересов, даже сокращение ренты может нарушить равновесие между интересами групп и их коалиций, поскольку вызовет борьбу за перераспределение и может перерасти в серьёзный конфликт.

Для характеристики механизма контроля над ресурсами и извлечения рент можно применять введённое и используемое на разных уровнях (в том числе и на самом высоком) новое понятие «статусная рента». Она создаётся и извлекается через использование «особого ресурса», под которым чаще всего подразумевается власть государственного служащего [7. С. 13]. Усло-

вием её образования является положение, когда в сделках и договорах неформальные институциональные отношения преобладают над формализованными установлениями. На практике такие договорённости широко используются в разнообразных формах между разными контрагентами: государством и хозяйствующими субъектами, между предприятиями, между представителями различных органов государственной власти и др.

Особый ресурс – должностная власть, которую некоторые авторы называют «специфическим активом» [7. С. 41], позволяет, например, использовать институт банкротства для захвата контроля над предприятием. В переговорах с подрядными организациями, усиливая позиции нанимателя, он делает возможным требовать так называемый «откат». Широко используется при распределении некоторых видов бюджетных средств, предоставлении прав на льготное налогообложение, лицензировании, рейдерских захватах и др. Вполне естественно, что в большинстве видов использования этого особого ресурса присутствует элемент насилия или угрозы насилия. Группы, контролирующие ресурсные потоки, ревностно оберегают свою власть над контролируруемыми ими сегментами.

Д. Норт с соавт. отмечают, что договорённости и мирное сосуществование между группами устраняют стимулы к насилию [5. С. 8]. Действительно, применять насилие, отказавшись от договорённостей, невыгодно: ренты уменьшаются или утрачиваются совсем. Благодаря этому складываются сдерживающие функции существующих институциональных структур, стремящихся сохранить *статус-кво* ради выгодного использования своих специфических активов.

В целом современную функционирующую институциональную систему страны можно характеризовать как организованную по принципам порядка ограниченного доступа (в соответствии с терминологией Д. Норта) и ориентированную преимущественно на регулирование взаимоотношений заинтересованных групп и их коалиций в целях реализации их экономических интересов.

Возможные политические и социальные последствия функционирования институциональных структур. Важнейшей функцией институциональных структур считается государственное регулирование экономики в целях устранения провалов рынка. Какие результаты даёт регулирование – зависит от устройства институциональных структур и их работы. Однако существуют и другие взгляды на экономическую политику. Некоторые специалисты полагают, что даже успешная экономическая политика может привести к нежелательным политическим результатам [2]. Авторы считают, что через сокращение экономических рент для определённых групп эффективная с экономической точки зрения политика может нарушить равновесие между группами, контролирующими ресурсы [2. С. 6]. Кроме того, влиятельные политические силы могут потерять рычаги своего воздействия в результате борьбы с провалами рынка.

Это действительно случается весьма часто. Однако главное скорее всего заключается в том, что нежелательные последствия обусловлены характером действий государственного вмешательства, направленного не на решение коренных политико-экономических проблем, а на исправление последствий этих проблем. При этом действия государства, направленные на удовлетворение общественных интересов, лица и группы быстро превращают в инструмент удовлетворения своих частных интересов.

Отечественная история изобилует примерами подобной политики и её результатами.

В начале XII в. киевский князь Святополк для пополнения казны дал привилегии ростовщикам, которые стали контролировать не только монетарную систему, но и торговлю. Злоупотребления ростовщиков привели к тому, что народ против них восстал, ограбил их дома и дом их покровителя воеводы Пу-

таты. Новый князь Владимир Мономах принял срочные меры и освободил население от монетарной и торговой власти ростовщиков.

К 1658 г. в результате продолжительной войны с Польшей царская казна истощилась, не хватало серебра для чеканки денег, и Алексей Михайлович распорядился чеканить медные деньги. Тотчас мастера оловянщики, серебряники, медники стали тайно чеканить свои деньги, и к 1662 г. денежная масса увеличилась в 8 раз. Вспыхнул так называемый «Медный бунт». Приближённые царя, Милославский и Матюшкин были обвинены в сговоре с преступниками. Народ взбунтовался и требовал строжайшего их наказания. В 1663 г., когда цена серебряного рубля дошла до 15 руб. медного, медные деньги были изъяты и уничтожены, в ход пущены серебряные.

Эмпирические данные свидетельствуют, что чаще всего равновесие нарушается вне зависимости от того, желает кто-либо это или нет. Так происходит, когда коренные проблемы обостряются и продолжать прежнюю политику невозможно. Однако и решение коренных проблем оказывается не вполне удачным, когда не определены группы и социальный класс, интересы которых приоритетны. В этом отношении характерны эпохальные преобразования Александра II, последовавшие после Манифеста 1861 г.

Институциональные структуры, созданные в России в 1863 – 1874 гг. в результате крестьянской, земской, городской, судебной, финансовой реформ, реформы образования, способствовали экономическому развитию страны, завершению промышленного переворота, отвечали интересам всего общества. Была создана и эффективно размещена крупная промышленность, выросли железнодорожная сеть, паровой водный транспорт. Развивались мелкая промышленность, сельское хозяйство. Основные направления были выбраны рационально.

Но вряд ли можно утверждать, что определение приоритетности интересов мощных групп и социальных классов было столь же удачным. Крестьянская и земская реформы были направлены на то, чтобы удовлетворить жизненно важные интересы помещиков – землевладельцев и крестьян. Но результатами реформ осталось недовольно подавляющее большинство как тех, так и других. Земская и городская реформы были призваны дать дворянству, промышленникам и всем другим классам свободу и участие в ведении местных текущих дел управления. Уездные, губернские земские учреждения, городские думы и управы избирались по принципу имущественного ценза. При этом столкновение интересов различных классов и групп только обострилось.

Нарушать равновесие и произвести смену элиты пришлось Петру I, когда он понял, что первичны для хозяйственного развития не интересы экономически бесплодного класса знатных бояр, а интересы рядового дворянства и промышленников.

Многое зависит от приёмов экономической политики. Обычное начало преобразований – попытка поправить финансовое состояние и монетарную систему. В нашей истории немало и таких примеров, когда эта проблема решалась, на первый взгляд, вполне успешно.

Денежную реформу, осуществлённую при Николае I, возглавил министр финансов Е.Ф. Канкрин. Четыре года скупали золото и серебро, создали необходимый запас. В 1843 г. был отменён двойной счёт рубля, серебром и ассигнациями. Был введён твёрдый кредитный рубль, обеспеченный золотом и серебром. Далее заострили внимание на поддержании выгодного торгового баланса и покровительстве отечественных предпринимателей. Это дало хорошие результаты. Вот что пишет об этом известный немецкий экономист того времени: «... Россия решила искать спасения в так осуждаемой протекционной системе и что же является результатом этого? – Благополучие нации» [4. С. 38].

Стране не суждено было в полной мере воспользоваться достигнутыми результатами. Воспрепятствовала этому Крымская война, которая привела к 50%-ному дефициту бюджета и падению курса кредитных билетов. Вырос государственный долг. Однако коренной причиной кризисного результата явилась, скорее всего, власть социальной группы, интересы, которой стали превалирующими. Кодификация законодательства, централизация управления империей укрепили порядок, обеспечили успех начала промышленного переворота. Однако беспрецедентно разрасталась бюрократия, движущей силой управления стали низшие чиновники – сам Николай I с досадой заметил, что Россией правит не император, а столоначальники [3].

При Александре III министром финансов стал И.А. Вышнеградский. Путём жесткой фискальной и монетарной политики был ликвидирован бюджетный дефицит, создан золотой запас на 500 млн руб. Этот задел успешно использовался в денежной реформе следующий министр финансов (с 1892 г.) С.Ю. Витте. Рубль стал конвертируемым на золото.

Однако состояние финансов и денежно-кредитной системы – это результат производства, обмена, торговли. Если в этих сферах положение неудовлетворительное, успехи в финансовой и монетарной областях быстро улетучиваются. Положение же в сферах производства и обмена во многом зависит от институционального устройства и от того, чьи интересы в нем преобладают. Успехи политики Канкрин были уничтожены внешней силой: Крымская война, потеря Чёрного моря, спад в производстве и торговле и, как результат, – пятидесятипроцентный дефицит бюджета. Добила их бюрократизация управления. Успехи политики Витте (рост промышленного производства в 2-3 раза, модернизация) были приглушены, скорее всего, неосторожной манипуляцией кредитами и институциональными просчётами, которые создали отечественному предпринимательству такие условия, когда можно было обогащаться, не напрягаясь и не конкурируя. Первое привело к небывалому росту (на 2 млрд руб.) государственного долга, а второе способствовало выработке у отечественных капиталистов своеобразного типа поведения: алчности, привычки к сверхприбыли, стремления к дармовым доходам, паразитизму и всё это – в сочетании с аполитичностью. Монетарная же политика Витте привела в конечном счёте к утечке золота из казны, которая приняла катастрофические масштабы в 1905 г., когда революционеры призвали людей обменять кредитные рубли на золото.

Таким образом, в современных условиях институциональные структуры формируются преимущественно при доминировании интересов групп, целью которых являются контроль над потоками ресурсов и получение различных видов экономической ренты. В краткосрочном периоде это может не препятствовать общему экономическому росту. В долгосрочном периоде в случае ошибочного выбора класса и групп, интересы которых приоритетны для экономического развития, последствия для социальной и политической сферы могут быть самыми печальными.

Анализ взаимодействия экономических интересов и институциональных структур позволил выявить и описать основные тенденции в их воздействии на экономическое развитие.

1. Это воздействие бывает положительное, если чётко определены социальные группы, которые могут стать локомотивами развития и интересы которых приоритетны. Институциональная система создаёт им благоприятные условия для деятельности, но отнюдь не монопольные.

2. Поощрение рентаориентированного поведения групп снижает конкурентоспособность, создаёт монопольное положение в пределах сегментов их влияния на рынках ресурсов.

3. Положительное воздействие на экономический рост обеспечивается определением ключевых его факторов и выбором решающей группы ресурсов, когда институциональные структуры ориентированы на создание благоприятных условий для людей и групп, способных эффективно их комбинировать и налаживать надёжную и выгодную систему их аллокации.

4. Долгосрочные последствия функционирования созданной системы институциональных структур могут быть отрицательными не только из-за нарушения равновесия интересов существующих групп, способных применять насилие, но по ряду других причин. Исследование данной проблемы на основе исторического подхода свидетельствует, что результаты функционирования лучше тогда, когда институциональное устройство способствует тому, чтобы приоритетными в экономической политике были не краткосрочные задачи финансовой выгоды, а долгосрочная цель создания условий повышения эффективности производства и обмена.

Литература

1. Алчиан А.А. Рента. Экономическая теория: пер. с англ. / под ред. Дж. Итуэлла. М.: ИНФРА-М, 2004.
2. Асемоглу Д., Робинсон Дж. Политика или экономика? Ловушка стандартных решений // Вопросы экономики. 2013. № 12. С. 4–27.
3. Ключевский В.О. Русская история: в 3 кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 3. 439 с.
4. Лист Ф. Национальная система политической экономики. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1881.
5. Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгайт Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности // Вопросы экономики. 2013. № 3. С. 4–31.
6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкиз. 1962. 684 с.
7. Статусная рента в системе экономических отношений / под общ. ред. В.В. Чекмарёва, Н.А. Александровой. Кострома: Костромской гос. ун-т. им. Н.А. Некрасова, 2004.
8. Тумаланов Н.В. Воздействие экономических институтов на межотраслевой обмен // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 495–500.
9. Тумаланов Н.В. Рынок и цена: институциональный аспект теории ценообразования // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 500–505.
10. Тумаланов Н.В., Николаева Т.А. Базовые экономические институты в формировании отношений конкуренции и обмена // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С. 315–321.
11. Урусова И.Н. Управление развитием региона на основе баланса экономических интересов субъектов воспроизводственного процесса // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 456–459.
12. Урусова И.Н. Экономические интересы в системе отношений собственности // Экономический журнал. 2008. № 15. С. 37–47.
13. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития: пер. с нем. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
14. Nelson R., Winter S. Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1982.
15. Weise P. Evolution and Self – Organization // J. of Institutional and Theoretical Economics. 1996. № 4. P. 716.

ТУМАЛАНОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tumalanov@mail.ru).

TUMALANOV NICOLAY – doctor of economics sciences, professor, head of Economic Subjects Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УРУСОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и предпринимательства, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (urusova_irina@mail.ru).

URUSOVA IRINA – candidate of economics sciences, assistant professor of Regional Economy and Entrepreneurship Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 658.5
ББК 65.290

И.Б. ТЮМЕРОВА

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В АГРАРНОЙ СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: предпринимательство, аграрная сфера, объективные экономические законы, аграрная политика, производственные отношения, производительные силы.

Изучены региональные особенности предпринимательства в аграрной сфере в совокупности с экономическими законами. Разработана методология исследования предпринимательства в аграрной сфере Чувашской Республики с учетом действия экономических законов при формировании эффективной аграрной политики региона.

I. TYUMEROVA

THE METHODOLOGY OF THE STUDY OF ENTREPRENEURSHIP IN THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE REGIONAL ECONOMY

Key words: entrepreneurship, agricultural sector, the objective economic laws, agricultural politics, the relations of production, the productive forces.

The paper studied the characteristics of entrepreneurship in agriculture taking into account the economic laws. A methodology was developed for the research of entrepreneurship in the agricultural sector of the Chuvash Republic considering the economic laws of the efficient formation of an agricultural politics in the region.

Современное развитие рыночной экономики рассматривает предпринимательство как наиболее эффективный способ хозяйствования, который позволяет получить наибольший доход при наименьших затратах. В рыночной системе «предпринимательство» является самостоятельным фактором хозяйственной деятельности, которая предполагает использование всех имеющихся ресурсов (труд, земля и капитал) с максимальной экономической эффективностью.

Во всем мире предпринимательство играет ведущую роль в развитии страны (региона). Личностные качества предпринимателей (профессиональные и личностные качества на основе новаторства, умения организовать свой труд и деятельность наемных работников) в сочетании с использованием прогрессивных средств труда способствуют экономическому росту.

Предпринимательская деятельность в различных сферах экономической деятельности развивается с учетом специфических особенностей. Отраслевая структура предпринимательства в российской экономике представлена в большей степени развитием торговли, которая не осуществляет производственную деятельность, а развивает сферу обмена. Такая отраслевая структура национальной экономики не является экономически оптимальной, так как не способствует увеличению темпов экономического роста. Основой экономического роста является увеличение темпов производства, поэтому развитие аграрной сферы – приоритетное направление регионального развития.

Чтобы выбрать стратегическое направление в развитии предпринимательства, необходимо изучить особенности развития предпринимательства в различных сферах экономики (табл. 1).

Выявление особых условий развития предпринимательства в различных сферах способствует формированию направлений эффективной государственной поддержки развития предпринимательства, в том числе в аграрной политике.

В целях совершенствования аграрной политики региона рассмотрим основные показатели деятельности предпринимательства в Чувашской Республике (табл. 2).

Таблица 1

**Особенности развития предпринимательства
в различных сферах экономики**

Признаки	Предпринимательство в сфере торговли	Предпринимательство в аграрной сфере
Рисковый характер ее осуществления	Низкие риски, так как не требует больших инвестиционных затрат в средства производства	Высокие риски, так как требует большие инвестиции в производство
Экономическое содержание деятельности	Деятельность осуществляется в сфере обмена	Деятельность осуществляется в сфере производства
Виды дохода	Прибыль, которая определяется как разница между ценой приобретения и продажи	Прибыль от реализации произведенной сельскохозяйственной продукции
Тип хозяйствования	Товарное производство, целью которого является получение дохода	Сочетание товарного производства (крестьянские (фермерские) хозяйства) и натурального хозяйства (личное подсобное хозяйство)
Новаторство (инновационность деятельности)	Отсутствие инновационности	Высокий уровень инновационности определяется в виде нового продукта, производственной технологии и т.д.
Социальная ответственность	Невысокая социальная ответственность, которая определяется лишь своевременным обеспечением товарами потребителей	Высокая степень социальной ответственности, которая определяется обеспечением продовольственной безопасности страны, производством экологически безопасными продуктами питания, обеспечением рабочих мест в сельской местности и т.д.
Влияние внешних факторов	Результат экономической деятельности в большей мере зависит от платежеспособности покупателя.	Помимо общих внешних факторов (политическая обстановка, мировые экономические тенденции и т.д.) на результат деятельности влияют природно-климатические условия.

Таблица 2

**Основные показатели деятельности предпринимательства
в Чувашской Республике [2]**

Показатели	2011 г.	2012 г.	Темпы роста, %
Количество предприятий, тыс. ед.	57,0	53,7	94,2
Отраслевая структура, %			
торговля	51,2	36,7	71,7
сельское хозяйство	4,4	4,1	93,2
Средняя численность работников, человек			
всего	95 781	94 250	98,4
торговля	21 088	21 069	99,9
сельское хозяйство	7 823	7 039	90,0
Среднемесячная заработная плата, руб.			
всего	12 885,6	14 116,5	109,6
торговля	11 280,3	12 373,7	109,7
сельское хозяйство	6 895,9	8 038,7	116,6
Инвестиции в основной капитал, тыс. руб.			
всего	3 215 261,5	4 077 273,2	126,8
торговля	601 103,8	840 608,7	140,0
сельское хозяйство	544 245,1	920 566,7	169,1
Налоговые платежи, млн руб.			
всего	1488,0	1916,4	128,7
единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН)	22,32	18,3	82,0

Анализируя деятельность предпринимательства региона в различных сферах экономики, можно выделить следующие особенности:

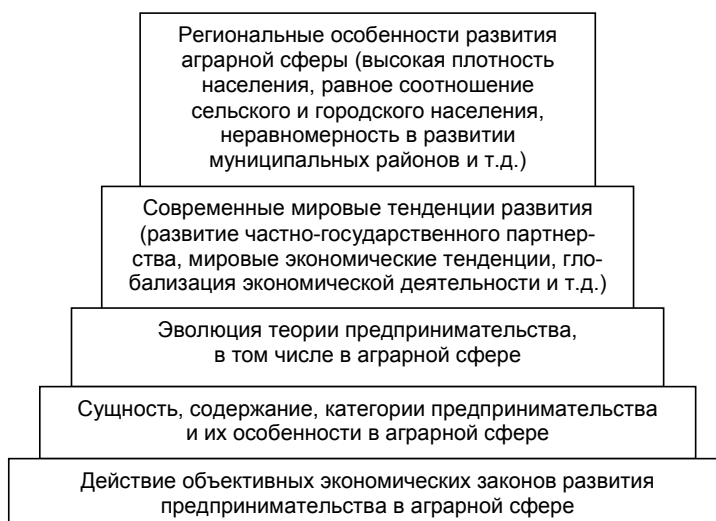
1. Сокращение количества субъектов предпринимательства и снижение среднесписочной численности работников приводят к увеличению безработицы или миграции наиболее активной части трудоспособного населения.

2. Незначительная доля сельского хозяйства в отраслевой структуре предпринимательства, значение которой снижается, не способствует развитию аграрной сферы региона.

3. Снижение сумм налоговых платежей в консолидированный бюджет Чувашской Республики с части ЕСХН характеризует неэффективность финансирования мероприятий, осуществляемых в рамках оказания государственной поддержки аграрного сектора.

4. Увеличение среднемесячной заработной платы и объема инвестиций в основной капитал в аграрном секторе с большей динамикой способствует экономическому росту развития региона с равным количеством сельского и городского населения.

В целях повышения эффективности проводимой аграрной политики необходимо обеспечить учет особенностей развития предпринимательства в аграрной сфере. Для этого необходимо развивать все этапы общественного воспроизводства (производство, распределение, обмен и потребление произведенной сельскохозяйственной продукции). А чтобы обеспечить эффективность проводимых мероприятий аграрной политики региона, необходимо определить теоретическую основу функционирования предпринимательства в аграрной сфере с учетом требований объективных экономических законов. В общем виде методологию эффективной аграрной политики как общий подход к исследованию эффективности развития предпринимательства в аграрной сфере региона, можно представить следующим образом (рисунок).

Методология эффективной аграрной политики Чувашской Республики

Объективные экономические законы развития предпринимательства в аграрной сфере – это устойчивые и повторяющиеся причинно-следственные связи и взаимозависимости экономических явлений в процессе производства, распределения, обмена и потребления сельскохозяйственной продукции и услуг на различных ступенях развития той или иной системы производственных отношений [1].

Экономические законы можно разделить на следующие группы:

1. Общие экономические законы – это законы, свойственные всем без исключения историческим эпохам, формам собственности и хозяйственной деятельности (закон спроса, предложения, закон стоимости и т.д.).

2. Специфические экономические законы (частные), свойственные конкретным стадиям хозяйственной деятельности (законы инновационных процессов, закон воспроизводства трудовых ресурсов и т.д.).

Изучение объективных экономических законов и применение их в аграрной сфере способствуют росту экономической эффективности.

Так как деятельность в аграрной сфере осуществляется, прежде всего, в сфере производства, то развитие производственных отношений и производительных сил является основой для повышения производительности в сфере сельского хозяйства региона.

Между работниками формируются производственные отношения, которые реализуются в рамках собственности на средства производства. Эффективные производственные отношения находятся в противоречии с экономическими потребностями и экономическими интересами отдельных людей (предпринимателя и наемного работника). Так, экономические интересы предпринимателя и наемного работника определяются получением максимальной прибыли и желанием получить большую заработную плату. Получение максимальной прибыли зависит от эффективного использования имеющихся ресурсов, а рост заработной платы наемного работника – от квалификации.

Рост производительности труда способствует оптимизации экономических интересов субъектов предпринимательской деятельности, т.е. со стороны предпринимателя повышается эффективность использования средств производства за счет внедрения научных достижений в производство (инновационность бизнеса). Развитие средств производства, в свою очередь, предполагает постоянное повышение знаний и квалификации наемных работников. Модернизация средств производства в аграрной сфере способствует переходу рабочей силы на более высокий уровень развития, что служит материальной основой высокопроизводительного труда и делает затраты работника более продуктивными. Все это стимулирует воспроизводство трудовых ресурсов и увеличение производительности труда в аграрной сфере.

Следует добавить, что совершенствование производственных отношений способствует не только развитию средств производства, но и социальному равновесию в обществе (социальной ответственности предпринимателя). Решение проблемы социальной справедливости осуществляется в зависимости от общественной значимости вида предпринимательской деятельности, ее необходимости для общества, в частности для реализации экономических интересов людей. Развитие предпринимательства в аграрной сфере повышает уровень качества жизни сельского населения за счет организации дополнительных рабочих мест, способствует воспроизводству трудовых ресурсов и самозанятости сельского населения в качестве собственника бизнеса (крестьянские (фермерские) хозяйства).

Также следует учитывать закон пропорционального развития с целью оптимизации межотраслевых пропорций. Невозможно развивать предпринимательство в аграрной сфере в определенных отраслях без структурной перестройки всей региональной политики.

Современное развитие предпринимательства характеризуется снижением доли сельского хозяйства. Так как сельское хозяйство является основой для развития других отраслей аграрной сферы, данная ситуация приведет к сокращению деятельности в сфере переработки сельскохозяйственной продукции, стагнации машиностроения и т.д. Для Чувашской Республики с равным количеством сельского и городского населения рост предпринимательства в аграрной сфере будет способствовать выравниванию экономического и соци-

ального развития муниципальных районов регионов в условиях территориальной специализации хозяйств.

Активную роль в развитии предпринимательства в аграрной сфере играет закон стоимости. Применение закона стоимости позволит устранить разницу между ценой производителя и конечной ценой сельскохозяйственной продукции. Учет закона стоимости в аграрной сфере позволит обеспечить расширение материальной базы и рациональное использование рабочего времени, что в целом способствует росту производительности.

Увеличение темпов экономического развития в аграрной сфере невозможно без проведения эффективной аграрной политики, способствующей созданию благоприятных условий для развития предпринимательства. При этом необходимо учитывать объективные экономические законы развития предпринимательства в данной сфере, что позволит повысить эффективность проводимых мероприятий по государственной поддержке сельского хозяйства.

Литература

1. Тюмерова И.Б. Развитие аграрного сектора региональной экономики на основе стимулирования предпринимательской деятельности: дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2010. 184 с.
2. Чувашстат: офиц. сайта территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чувашской Республике. URL: <http://chuvash.gks.ru>.

ТЮМЕРОВА ИРИНА БОРИСОВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Волжский филиал Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ), Россия, Чебоксары (tumerova78@mail.ru).

TYUMEROVA IRINA – candidate of economics sciences, associate professor of Economics and Management Chair, Volga Branch of Moscow State Automobile and Road Technical University, Russia, Cheboksary.

УДК 658.011.46:[631.14:633.1]

ББК 65.325.151-35

В.Г. ФЕДОРОВ, Н.Я. СЕМЕНОВА

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА – ЛОГИКА УРОЖАЯ И ПРИБЫЛИ

Ключевые слова: Чувашская Республика, зерновое хозяйство, интенсификация, закон пропорциональности, урожайность, рентабельность.

Поиск путей повышения эффективности зернового хозяйства в современных условиях связан с интенсификацией отрасли. Доказывается, что, управляя размерами производства, производственными издержками и адаптивно используя закон пропорциональности, можно добиться устойчивого и рентабельного ведения зернового хозяйства.

V. FEDOROV, N. SEMENOVA

THE INTENSIFICATION OF PRODUCTION IS A LOGIC OF YIELD AND GROSS PROFIT

Key words: the Chuvash Republic, a grain farm, intensification, the law of proportionality, yielding capacity, profitability.

Searching of efficiency raising ways of grain farms in contemporary conditions is connected with intensification of the agriculture branch. It is proved that by managing production dimensions, production costs and by using adaptively the law of proportionality one can become stable and profitable grain farming.

Многолетняя практика передовых стран Западной Европы показывает, что возрождение экономики государств, всей нации начинается с развития сельскохозяйственного производства. Состояние полеводства, прежде всего зернового хозяйства, определяется положением всей национальной экономики. Зеркальным отражением уровня развития зернового хозяйства и степени его интенсификации является величина урожайности, а в условиях рынка – прежде всего размер прибыли. В Чувашии, где преобладают натуральные

хозяйства, где продукция полеводства используется для внутреннего потребления, определяющее значение приобретает величина урожайности возделываемых культур. О том, какова динамика урожайности зерновых культур и картофеля и сколько в расчете на душу населения производится продукции сельского хозяйства, можно судить по данным, приведенным в табл. 1.

Таблица 1

**Динамика урожайности зерновых культур и картофеля
и производство продукции сельского хозяйства на душу населения
в Чувашской Республике**

Показатели	Годы								
	1986–1990	2000	2006	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Урожайность, ц/га									
зерновые	19,8	18,0	19,5	22,0	23,1	11,2	23,1	19,8	17,4
картофель	140	96	178	186	164	80	171	191	166
Производство на душу населения, кг									
зерно (масса после доработки)	704	376	324	414	455	102	445	332	322
картофель	694	431	534	620	644	240	661	733	482
мясо (убойная масса)	83,0	50,3	49,3	55,0	58,4	55,5	55,3	нет св.	нет св.

Данные свидетельствуют, что за 1990 – 2012 гг. урожайность зерновых в Чувашии фактически не сдвинулась с отметки около 20 ц/га. В то же время в Англии, Германии, Франции, США, Нидерландах она возросла на 18–20 ц/га и превысила 65–75 ц/га. Эти страны быстрее нас поняли значение интенсификации аграрного производства, научились получать высокие урожаи сельскохозяйственных, надаивать по 7000–9000 кг молока с каждой коровы и получать прибыль. Полеводство и животноводство превратились из отрасли, поглощающей денежные средства, в отрасль, добывающую валюту. В нашей стране слово «интенсификация» исчезло с экономического лексикона и трансформировалось в понятие «инновационное развитие», хотя известно, что применительно к сельскому хозяйству инновации (нововведения) «являются лишь факторами интенсификации как более широкого экономического понятия, как ...комплексного качественного преобразования всей системы ведения сельского хозяйства» [1].

Известно, кто не строится, тот не развивается. Точно так же: нет достаточных инвестиций, нет и инновационного развития, а следовательно, устойчивого (интенсивного) развития сельского хозяйства.

Такие известные ученые, как академики Россельхозакадемии И.Н. Буздалов, И.М. Куликов, отмечают, что тема интенсификации «совершенно незаслуженно вообще почти выпала из научных исследований и печатных изданий» [1], а экономическая наука «в последнее время вообще отодвинула на задний план разработку научных основ и обоснований прикладного плана по вопросам интенсивного развития сельского хозяйства» [2].

В переводе с латыни «интенсификация» означает «работать напряженно, усиленно». В сельском хозяйстве это – обеспечение роста сельскохозяйственной продукции на основе применения более совершенных систем полеводства, новых способов содержания скота, высокопроизводительных машин и эффективных технологий производства сельхозпродукции. Целью интенсификации земледелия является повышение производительности пахотных земель, увеличение урожайности, снижение затрат на единицу производимой продукции [4]. Являясь базой расширенного воспроизводства, интенсификация повышает устойчивость полеводства и его ведущей отрасли – зернового хозяйства. На экономическую эффективность интенсификации зерновой отрасли влияют концентрация посевов зерновых, размеры производственных издержек, затрат живого труда в расчете на единицу посевной площади и другие факторы (табл. 2).

Таблица 2

**Экономическая эффективность интенсификации зерновой отрасли
в зависимости от концентрации посевов зерновых
и размера производственных издержек в расчете на единицу
их посевной площади (хозяйства Северо-Западной зоны Чувашии)**

Группы хозяйств по площади посевов зерновых, га	Число хозяйств в группах, ед.	Приходится посевов зерновых на одно хозяйство, га	Производственные издержки на 1 га посева зерновых, руб.	Произведено зерна в среднем на одно хозяйство, ц	Урожайность зерна, ц/га	Себестоимость зерна, руб.	Получено прибыли в расчете на 1 га посева, руб.	Уровень рентабельности, %
2011 г.								
До 300	14	201	11 791	4 117	20,5	455	-735	-19,6
301-500	11	422	8 688	8 214	19,4	455	-1015	-19,3
501-700	14	618	9 181	19 298	23,1	385	355	13,6
Более 701	14	1090	11 029	26 441	24,3	452	575	17,3
2012 г.								
До 200	12	103	7 873	1 752	16,9	448	-847	-9,8
201-400	15	325	8 605	5 371	16,5	505	314	7,3
401-600	10	518	10 683	9 621	18,6	537	-74	-1,7
601-800	6	673	8 603	11 588	17,2	485	606	15,0
Более 801	11	974	13 004	19 723	20,2	632	883	23,7

Анализ производственных данных сельхозорганизаций позволяет констатировать, что с увеличением издержек производства в расчете на единицу посевной площади повышаются урожайность зерновых поля и уровень рентабельности отрасли. В ряде случаев повышается себестоимость каждого центнера зерна. Это объясняется взлетом цен на энергоносители. Так, по данным Председателя Правительства Российской Федерации Д.А. Медведева, цены на газ на август 2013 г. в сравнении с таковыми в 2007 г. возросли на 115%, на электроэнергию – на 71% [3]. Совершенно очевидно, что это повышает риски в области производства зерна.

При выявлении резервов повышения производительности зернового поля должно быть учтено влияние на конечные результаты интенсификации отрасли таких факторов, как уровень обеспечения агропроизводства тракторами, зерноуборочными комбайнами и другими материально-техническими ресурсами. Они влияют на сроки выполнения полевых (технологических) и уборочных работ. Только из-за недостаточной технической оснащённости села зерноуборочными комбайнами республика недобирает десятки тысяч тонн зерна. Так, нагрузка посевов на 1 зерноуборочный комбайн возросла с 143 га в 2007 г. до 361 га в 2012 г. при расчетной нормативной нагрузке на 1 комбайн 244 га. В то же время нагрузка на 1 комбайн в США составляет 50 га, в Англии – 77, в Германии – 53 га. Нарушение закона пропорциональности (соотношение между требуемым количеством комбайнов и нормативными размерами уборочных площадей посевов зерновых) ведет к снижению эффективности интенсификации и устойчивости зерновой отрасли Чувашии.

Это же явление имеет место по отношению к удобрениям: недостаток удобрений; нарушение баланса питательных веществ; снижение эффективности использования пашни.

Таким образом, повышение экономической эффективности и устойчивости зернового хозяйства тесно связано с интенсификацией отрасли как важнейшего стратегического направления обеспечения продовольственной безопасности региона и страны в целом.

Литература

1. Буздалов И.Н. Основное направление обеспечения устойчивости сельского хозяйства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2013. № 7. С. 1–8.
2. Куликов И.М. Актуальные проблемы интенсификации садоводства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2013. № 10. С. 11–15.
3. Медведев Д.А. Время простых решений прошло // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2013. № 10. С. 1–5.
4. Федоров В.Г. Основы экономики земледелия Марийской АССР. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. ун-та, 1992. С. 93.

ФЕДОРОВ ВАЛЕНТИН ГЕРАСИМОВИЧ. См. с. 230.

СЕМЕНОВА НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА – аспирантка кафедры экономики и организации аграрного производства, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары.

SEMENOVA NADEGDA – post-graduate student of Chair of the Economics and Organization of Agricultural Production, Chuvash State Agrocultrual Academy, Russia, Cheboksary.

УДК 631.4
ББК 41.4

Н.В. ФЕДОРОВА

**МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ОБЩЕСТВЕННО НЕОБХОДИМЫХ ЗАТРАТ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ
НА ОСНОВЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПЛОДРОДИЯ ПОЧВ**

Ключевые слова: воспроизводство земель, плодородие почвы, физический и моральный износ плодородия, общественно необходимые затраты, дифференциация качества почв.

На примере Чувашской Республики исследовались проблемы воспроизводства и амортизации почвенного плодородия. Раскрыты механизмы взаимодействия потенциального, эффективного и экономического плодородия почвы как базы воспроизводственных процессов в земледелии. Разработана методика определения уровня и величины общественно необходимых затрат в земледелии на основе дифференциации качества почвы по плодородию с учетом действия закона убывающего плодородия почвы.

N. FEDOROVA

**THE METHODS OF SOCIAL NECESSARY INPUT DETERMINATION INTO CROP PRODUCTION
ON THE BASIS OF SOIL FERTILITY DIFFERENTIATION**

Key words: soil reproduction, soil fertility, physical and moral soil fertility wearing, social necessary input, soil quality differentiation.

On the basis of the Chuvash Republic reproduction and amortization problems of soil fertility were investigated. Reciprocal mechanisms of potential, effective and economical soil fertility as the basis of reproductive processes in crop production were disclosed. Methods of level and size determination of social necessary input into crop production we worked out on the basis of soil fertility differentiation as the natural result of soil fertility domination.

Базу воспроизводственных процессов в земледелии составляют воспроизводственные механизмы взаимодействия потенциального, эффективного и экономического плодородия в алгоритме эколого-экономической реализации воспроизводственных процессов в системах земледелия. Именно исходные свойства потенциального почвенного плодородия являются основой последующей реализации эффективного плодородия в виде продукционного потенциала сельхозкультур (урожайности) и отдачи экономического плодородия в виде валовых сборов сельхозпродукции и экономических результатов возделывания почв и выращивания культурных растений.

Прибавка урожайности и ее стремление к достижению максимально возможной планки биопродукционного потенциала сельхозкультур на основе полномасштабного, комплексного и системного потребления земельных и других природных ресурсов как активных факторов производства и воспроизводства,

наиболее полного использования природных механизмов сохранения агроэкосистем и всеобъемлющей экологизации агропроизводства – есть источник поступательного и последовательного формирования и роста прибавочной сельскохозяйственной продукции, вновь созданной стоимости, прибавочной стоимости, чистого дохода и прибыли.

В основе расширенного воспроизводства экономического плодородия лежит восстановление исходных свойств земли, определяющих уровень гумуса и питательных веществ как ведущий показатель потенциального плодородия, в наибольшей степени отражающий способность почвы обеспечивать растения факторами жизни. Простое и расширенное воспроизводство гумуса и питательных веществ обеспечивается за счет их нормального биогеохимического кругооборота, который в максимальной степени должен поддерживаться за счет природной и в значительно меньшей степени – за счет химической и техногенной составляющих. Природная, биологическая компонента способна успешно действовать лишь при устойчивости механизмов ее природной саморегуляции и самовосстановления, поэтому техногенная компонента должна служить только средством поддержания устойчивости и компенсировать потери почвенного плодородия при его хозяйственном потреблении [3. С. 85–86].

Поэтому в качестве фундамента воспроизводства ресурсов в земледелии следует рассматривать расширенный кругооборот гумуса и питательных веществ за счет внедрения наиболее перспективных для конкретного региона направлений экологизации агропроизводства и строгого соблюдения экологических ограничений в процессе сельскохозяйственного агропроизводства.

Ухудшение состояния почвенного плодородия и необходимость его расширенного воспроизводства требуют расчета стоимостного эквивалента снижения содержания гумуса и решения вопроса о разработке механизмов и методик амортизации земли как основного средства производства и определения уровня и величин общественно необходимых затрат для возделывания почв и выращивания культурных растений.

Если в других отраслях общественно необходимые затраты определяются среднерыночными, среднеотраслевыми, среднерегionalными параметрами, то в сельском хозяйстве, и особенно в земледелии, они соответствуют уровню затрат производства не на средних, а на худших по плодородию земельных участках. Поэтому дифференциация подхода к определению минимального уровня затрат ресурсов как на воспроизводство почвенного плодородия, так и на возделывание сельхозкультур с учетом влияния природно-климатических, почвенно-климатических факторов и качества земель на различных земельных участках обязательна.

Физический износ плодородия, заключающийся в утрате почвой определенных полезных потребительских свойств, необходимых для выращивания растений, и соотносящийся с потенциальным почвенным плодородием, преодолевается посредством повышения содержания в почвах органического вещества, гумуса и питательных веществ. В результате улучшения агрохимических, агрофизических и агробиологических свойств почвы создаются приемлемые условия и факторы жизни растений.

Моральный износ плодородия возникает при неиспользовании достижений науки и новейших технологий, позволяющих формировать новые качества и свойства почвы. Он соотносится с формированием новых, более высоких границ эффективного плодородия. Преодолеть моральный износ экономического плодородия (т.е. убыточность использования сельскохозяйственных земель) можно двумя путями: за счет технических и технологических способов повышения продуктивности земель и за счет роста цен реализации на сельхозпродукцию [1. С. 85].

Более перспективен первый путь, основанный на применении различных направлений экологизации в земледелии, позволяющий экономить техногенные ресурсы и снижать на сумму этой экономии уровень общественно необходимых затрат. При этом обеспечивается последовательное улучшение параметров потенциального, эффективного и экономического плодородия. Ведущий параметр восстановления плодородия почвы – гумусовое состояние как важнейшая характеристика естественного почвенного плодородия. Оценка и прогнозирование этого состояния возможны на основе балансового подхода к решению проблемы воспроизводства гумуса и органического вещества. Прогнозные нормативно-балансовые расчеты поступления и расхода гумуса позволяют проектировать размеры поступления органического вещества в почву и управлять процессами его трансформации в гумус, значит, осуществлять целенаправленное управление физическим износом потенциального почвенного плодородия.

Далее, основываясь на прогнозировании гумусового состояния, устанавливаем оптимальные соотношения и технико-технологические нормативы потребления природных, биологических и техногенных ресурсов, планируя тем самым повышение отдачи эффективного и экономического плодородия без снижения исходного потенциального плодородия.

Для выявления уровня общественно необходимых затрат на поддержание почвенного плодородия и выращивание сельхозкультур нами на примере зерновых культур проведена внутрирегиональная дифференциация по агропочвенным зонам Чувашской Республики (табл. 1, 2), позволяющая вывести формулу зависимости урожайности зерновых от уровня содержания гумуса в почве и затрат производства на 1 ц гумуса [3. С. 87–88].

$$\text{Урожайность (ц/га)} = \frac{\text{Содержание гумуса (ц/га)}}{\text{Затраты производства на 1 ц гумуса (руб./ц)}} \times \frac{\text{Выход зерна на руб. затрат (с 1 га посева или с 1 ц гумуса (кг/руб.))}}{\text{Затраты производства на 1 ц гумуса (руб./ц)}} \quad (1)$$

С использованием формулы зависимости урожайности зерновых от уровня содержания гумуса в почвах и вложений в зерновое производство разработана методика определения уровня общественно необходимых затрат и минимальной величины чистого дохода в земледелии на основе дифференциации качества почв по агропочвенным зонам с учетом действия закона убывающего плодородия почв на примере зернового производства за 2011 г.

Таблица 1

**Дифференциация зернового производства
в агропочвенных зонах Чувашской Республики по содержанию гумуса,
урожайности и затрат на 1 га посева и 1 ц гумуса**

Агропочвенные зоны Чувашской Республики	Содержание гумуса		Урожайность зерновых, ц/га	Затраты производства, руб./га	Выход зерна на 1 ц гумуса, кг/ц	Затраты производства на 1 ц гумуса, руб./ц	Выход зерна на руб. затрат, кг/руб.	
	%	ц/га					с 1 га посева	с 1 ц гумуса
Юго-Восточная	7,0	2100	26,8	10 472,2	1,276	4,99	0,257	0,257
Юго-Западная	6,0	1800	19,1	6 362,4	1,061	3,53	0,300	0,300
Центральная	3,8	1140	22,0	8 626,0	1,930	7,57	0,255	0,255
Северо-Западная	3,0	900	23,4	10 522,3	2,600	11,69	0,222	0,222
Северо-Восточная	2,3	690	19,9	9 487,7	2,884	13,75	0,210	0,210
В среднем по Чувашской Республике	4,4	1320	22,9	9 141,2	1,735	6,93	0,250	0,250

Таблица 2

**Внутрирегиональная дифференциация зернового производства
в агропочвенных зонах Чувашской Республики
с учетом индексного метода оценки**

Агропочвенные зоны Чувашской Республики	Урожайность зерновых, ц/га	Содержание гумуса, ц/га	Выход зерна на 1 ц гумуса, кг/ц	Затраты производства на 1 ц гумуса, руб./ц	Выход зерна на руб. затрат, кг/руб.	
					с 1 га зер- новых	с 1 ц гумуса
1	2 = 3 × 4	3	4 = 5 × 6	5	6а	6б
Юго-Восточная	1,170	1,591	0,735	0,720	1,021	1,021
Юго-Западная	0,834	1,364	0,611	0,509	1,200	1,200
Центральная	0,961	0,864	1,112	1,091	1,020	1,020
Северо-Западная	1,022	0,682	1,498	1,687	0,888	0,888
Северо-Восточная	0,869	0,522	1,662	1,982	0,840	0,840
В среднем по Чувашской Республике	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0

В ходе исследований нами установлено, что величина показателя выхода зерна в кг на 1 ц гумуса по агропочвенным зонам возрастает от меньшей к большей обратно пропорционально уменьшению показателей относительно (%) и абсолютного (ц/га) содержания гумуса в почвах. Показатель выхода зерна на 1 ц гумуса привязан к показателю содержания гумуса в почвах и имеет свой четкий диапазон возможностей и изменений в разрезе каждой агропочвенной зоны.

Принимая показатель потенциального плодородия в виде содержания гумуса в почвах за постоянную величину и зная диапазон возможностей и изменений действительного плодородия в виде биопродуционного потенциала (урожайности) сельхозкультур по максимальным и оптимальным значениям для каждой агропочвенной зоны, можно запланировать, запроектировать тот уровень урожайности, который нам необходим. Далее, используя проектные значения показателя выхода зерна на 1 ц гумуса и выхода зерна на рубль затрат, имеем возможность рассчитать и обосновать тот диапазон затрат на гектар посевов, при котором будет обеспечиваться достижение проектируемых значений урожайности для каждой агропочвенной зоны.

По нашим исследованиям, величина показателя выхода зерна на рубль затрат является относительно постоянной величиной для каждой агропочвенной зоны в определенном диапазоне с учетом качества почв и содержания гумуса в них, степени освоенности сельских территорий и пахотных земель для нужд аграрной отрасли, уровня ведения культуры земледелия и соблюдения технологической дисциплины в агропроизводственных процессах. При этом установлена прямая зависимость роста значений показателя выхода зерна на рубль затрат по мере увеличения содержания гумуса в почвах. Зная запланированное значение показателя выхода зерна на 1 ц гумуса и располагая полученными средними многолетними данными об относительно постоянных величинах выхода зерна (кг) на рубль затрат, характерных для каждой агропочвенной зоны, рассчитываем для этой агропочвенной зоны величину затрат зернового производства на 1 га посевов зерновых.

Проектируемые параметры урожайности и затрат на производство зерновых культур на 1 га посевов представлены в табл. 3, в соответствии с которой по зонам дифференцировались различия в проектируемых значениях урожайности и выходе зерна на 1 ц гумуса и фактических значениях содержания гумуса и затрат в зерновое производство на 1 га посевов зерновых. Дифференциация производилась с использованием методов рейтингового

позиционирования зон от лучшей к худшей по показателям содержания гумуса в почвах и индексного метода, при котором все фактические среднерегionalные величины показателей принимались за единицу, относительно которых сперва рассчитывались индексные значения этих показателей по агропочвенным зонам, а затем на основе индексных показателей рассчитывались проектируемые величины затрат производства на 1 ц гумуса и затрат производства на 1 га посевов зерновых культур для средних и максимальных значений урожайности зерновых в разрезе агропочвенных зон (табл. 2, 3).

Таблица 3

Проектируемые параметры урожайности и затрат на производство зерновых культур по агропочвенным зонам Чувашии исходя из фактического содержания гумуса и выхода зерна на 1 руб. затрат в соответствии с действием закона убывающего плодородия почв

Удельные показатели в натуральной и стоимостной величинах						
Агропочвенные зоны	Урожайность, ц/га	Содержание гумуса, ц/га	Затраты производства, руб./га	Выход зерна на 1 ц гумуса, кг/ц	Затраты производства на 1 ц гумуса, руб./ц	Выход зерна на 1 руб. затрат, кг/руб.
1	2	3	4	5 = 2 : 3	6 = 4 : 3	7 = 2 : 4
Юго-Восточная зона	25	2 100	9 597	1,190	4,57	0,260
	30	2 100	11 508	1,429	5,48	0,260
	35	2 100	13419	1,667	6,39	0,260
Юго-Западная зона	25	1 800	8 316	1,389	4,62	0,300
	28	1 800	9 324	1,556	5,18	0,300
	30	1 800	9 972	1,667	5,54	0,300
Центральная зона	25	1 140	9 986	2,193	8,76	0,250
	28	1 140	11 183	2,456	9,81	0,250
	30	1 140	11 970	2,632	10,50	0,250
Северо-Западная зона	22	900	9 981	2,444	11,09	0,220
	25	900	11 349	2,778	12,61	0,220
	28	900	12 708	3,111	14,12	0,220
Северо-Восточная зона	20	690	9 515	2,899	13,79	0,210
	22	690	10 481	3,188	15,19	0,210
	25	690	11 909	3,623	17,26	0,210
В среднем по Чувашской Республике	22,9	1320	9141,2	1,735	6,93	0,250
Индексные показатели						
1	2	3 = 4 × 5	4	5 = 6 × 7	6	7
Юго-Восточная зона	25	1,092	1,591	0,686	0,660	1,040
	30	1,310	1,591	0,823	0,791	1,040
	35	1,528	1,591	0,960	0,923	1,040
Юго-Западная зона	25	1,092	1,364	0,801	0,667	1,200
	28	1,223	1,364	0,897	0,748	1,200
	30	1,310	1,364	0,960	0,800	1,200
Центральная зона	25	1,092	0,864	1,264	1,264	1,000
	28	1,223	0,864	1,416	1,416	1,000
	30	1,310	0,864	1,516	1,516	1,000
Северо-Западная зона	22	0,961	0,682	1,409	1,601	0,880
	25	1,092	0,682	1,601	1,819	0,880
	28	1,223	0,682	1,793	2,037	0,880
Северо-Восточная зона	20	0,873	0,522	1,672	1,990	0,840
	22	0,961	0,522	1,841	2,192	0,840
	25	1,092	0,522	2,092	2,490	0,840
В среднем по Чувашской Республике	22,9	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0

При расчете индексных показателей, а затем и стоимостных величин затрат производства (руб.) на 1 ц гумуса в качестве относительно постоянных значений для выхода зерна на 1 руб. затрат по агропочвенным зонам учтены значения: по Юго-Западной зоне – 0,300 кг/руб., по Юго-Восточной зоне – 0,260 кг/руб., по Центральной зоне – 0,250 кг/руб., по Северо-Западной зоне – 0,220 кг/руб., по Северо-Восточной зоне – 0,210 кг/руб. Данные значения являются не только относительно постоянными для агропочвенных зон, но и средними величинами в диапазоне от минимального до максимального уровня затрат, сложившимися фактически за 2011 г. для каждой агропочвенной зоны с учетом всех районов, входящих в неё.

Определенные с учетом вышеизложенных авторских подходов величины показателей затрат зернового производства вначале на 1 ц гумуса, а затем на 1 га посевов зерновых и на 1 ц зерновых в разрезе агропочвенных зон считаем целесообразным признать общественно необходимыми затраты в зерновое производство, от которых на втором этапе будет рассчитываться минимальная величина чистого дохода в соответствии с предложенной методикой.

Для обоснования проектных параметров и обобщения проектных показателей валовой продукции, затрат производства и чистого дохода по зерновому производству по Чувашской Республике в расчеты были включены величины зернового производства на 1 га посевов зерновых, соответствующих максимальным значениям урожайности зерновых культур, которая может быть получена в каждой агропочвенной зоне (табл. 3, 4).

Фактические результаты по формированию чистого дохода от производства зерна и получению прибыли от его реализации за 2011 г. по Чувашской Республике и в разрезе агропочвенных зон показали (табл. 4), что эти результаты явно недостаточно привязаны к дифференциации и разности уровней плодородия почв по агропочвенным зонам, а формирование чистого дохода и получение прибыли от производства и реализации зерна не стимулируют повышения их величин на основе роста объемов производства зерна и увеличения отдачи биопродукционного потенциала (урожайности) зерновых за счет более экономически эффективного и экологически более сберегающего вовлечения почвенного плодородия в агропроизводство в качестве главного фактора производства.

Для устранения между уровнем и объемом общественно необходимых затрат зернового производства и уровнем и объемом чистого дохода, формируемым в зерновом производстве, диспропорций в натурально-вещественной и стоимостной форме предлагается следующий алгоритм методики определения уровня общественно необходимых затрат и минимальной величины чистого дохода на примере зернового производства на основе дифференциации качества почв по агропочвенным зонам с учетом действия закона убывающего плодородия почв:

1) на основе использования формулы (1) с учетом данных фактического наличия гумуса, предельных возможностей выхода зерна на 1 руб. затрат и программирования урожайности определяем уровень затрат на производство зерна на 1 га посевов и на 1 т в среднем по региону и с разбивкой по агропочвенным зонам;

2) устанавливаем среднерегиональную минимальную величину чистого дохода на уровне 25% от среднерегиональной величины затрат на производство 1 т зерновых как величины, необходимой для обеспечения минимальных нужд простого воспроизводства;

3) в качестве условной минимальной цены принимаем сумму среднерегиональной величины затрат в зерновое производство на 1 т зерна и величины чистого дохода на уровне 25% от среднерегиональной величины затрат на производство 1 т зерновых;

4) данная условная минимальная цена будет обеспечивать положительную динамику формирования чистого дохода на стадии производства по всем агропочвенным зонам и в то же время стимулировать дифференциацию рентабельности чистого дохода по принципу: чем выше качество почв по параметрам содержания гумуса и выхода зерна на 1 руб. затрат, тем выше и рентабельность чистого дохода в данной агропочвенной зоне. То есть, чем качественнее почва, тем выше должна быть и экономическая отдача от использования данной почвы в агропроизводстве;

5) установление условной минимальной цены будет стимулировать более активное вовлечение в агропроизводство и самых низкогумусных почв за счет гарантирования формирования на этих почвах минимальной положительной величины чистого дохода на стадии производства.

Таблица 4

Фактические и проектные показатели валовой продукции, затрат производства и чистого дохода по зерновому производству с учетом дифференциации качества почв по агропочвенным зонам Чувашской Республики исходя из фактического содержания гумуса и выхода зерна на 1 руб. затрат в соответствии с действием закона убывающего плодородия почв

Агропочвенные зоны	Посевные площади, га	Валовые сборы зерна, т	Урожайность зерновых, ц/га	На 1000 га посевов зерна			На 1 т зерна			На валовый сбор зерна			
				Валовая продукция, млн руб./1000 га	Затраты производства, млн руб./1000 га	Чистый доход (+) Чистый убыток (-), млн руб./1000 га	Валовая продукция, руб. на 1 т	Затраты производства, руб. на 1 т	Чистый доход (+) Чистый убыток (-), руб. на 1 т	Валовая продукция, млн руб.	Затраты производства, млн руб.	Чистый доход (+) Чистый убыток (-), млн руб.	Рентабельность чистого дохода, %
Фактические показатели 2011 г. в ценах 2011 г.													
Юго-Восточная зона	43 346 23,5%	116 033,1 27,5%	26,8	13,55	10,47	+3,08	5061,0	3912,1	+1148,9	587,24 31,5%	453,93 26,9%	+133,31 +76,4%	+29,4
Юго-Западная зона	24 060 13,0%	45 998,8 10,9%	19,1	8,95	6,36	+2,59	4683,4	3327,9	+1355,5	215,43 11,6%	153,08 9,0%	+62,35 +35,7%	+40,7
Центральная зона	75 606 40,9%	166 134,2 39,3%	22,0	8,84	8,62	+0,22	4023,4	3925,6	+97,8	668,42 35,9%	652,18 38,6%	+16,24 +9,3%	+2,5
Северо-Западная зона	32 551 17,6%	76 065,2 18,0%	23,4	10,04	10,52	-0,48	4298,9	4502,9	-204,0	327,00 17,5%	342,52 20,3%	-15,52 -8,9%	-4,5
Северо-Восточная зона	9124 5,0%	18 150,3 4,3%	19,9	7,09	9,49	-2,40	3566,4	4769,4	-1203,0	64,73 3,5%	86,57 5,2%	-21,84 -12,5%	-25,2
Чувашская Республика	184 687 100%	422 381,6 100%	22,9	10,09	9,14	+0,95	4362,3	3997,0	+365,3	1862,82 100%	1688,28 100%	+174,54 100%	+9,1
Проектные показатели 2018 г. в ценах 2011 г.													
Юго-Восточная зона	43 346 23,5%	151 711,0 26,9%	35,0	17,43	13,42	+4,01	4978,6	3834,3	+1144,3	755,31 26,9%	581,70 25,9%	+173,61 30,9%	+29,9
Юго-Западная зона	24 060 13,0%	72 180,8 12,8%	30,0	14,94	9,97	+4,97	4978,6	3323,3	+1657,7	359,36 12,8%	239,88 10,7%	+119,48 21,3%	+49,9
Центральная зона	75 606 40,9%	226 818,0 40,2%	30,0	14,94	11,97	+2,97	4978,6	3989,9	+988,7	1129,23 40,2%	905,00 40,2%	+224,23 39,9%	+24,8
Северо-Западная зона	32 551 17,6%	91 142,8 16,1%	28,0	13,94	12,71	+1,23	4978,6	4539,3	+439,3	453,76 16,1%	413,72 18,4%	+40,04 7,1%	+9,7
Северо-Восточная зона	9124 5,0%	22 810,0 4,0%	25,0	12,45	11,91	+0,54	4978,6	4764,1	+214,5	113,56 4,0%	108,67 4,8%	+4,89 0,8%	+4,5
Чувашская Республика	184 687 100%	564 661,8 100%	30,5	15,22	12,18	+3,04	4978,6	3982,9	+995,7	2811,22 100%	2248,97 100%	+562,25 100%	+25,0

Сопоставление проектных и фактических показателей, рассчитанных по обоснованной методике определения уровня общественно необходимых затрат и минимальной величины чистого дохода на примере зернового производства (на основе дифференциации качества почв по агропочвенным зонам с учетом закона убывающего плодородия почв), позволило прийти к следующим выводам:

1. Проектная урожайность зерновых культур в сопоставлении с фактической урожайностью и по агропочвенным зонам, и по республике в целом значительно возрастает при примерно равных величинах затрат на производство 1 т зерна за счет более гибкого и дифференцированного подхода к вовлечению в агропроизводство природных возможностей и биологической продуктивности почв с разным уровнем плодородия (содержания гумуса). Определение уровня общественно необходимых затрат по каждой агропочвенной зоне зиждется на полномасштабном учете специфики состояния плодородия и биологической продуктивности почв с учетом возможностей достижения оптимальных и максимальных значений биопродуционного потенциала (урожайности) зерновых по каждой зоне. Именно за счет этого при 25–30%-ном повышении затрат производства на 1000 га посевов зерновых по проекту по сравнению с фактическими данными обеспечивается такой рост урожайности и валовых сборов зерна, который позволяет проектные затраты на производство 1 т зерна удерживать на уровне фактических величин.

2. По проекту имеем значительно более высокую отдачу по производительному потреблению в агропроизводстве земельных ресурсов по сравнению с фактическими показателями. Это связано с тем, что структура валовых сборов зерна в разрезе агропочвенных зон по проекту более близка к структуре посевных площадей в разрезе агропочвенных зон, чем фактическая структура валовых сборов зерна. Это означает, что по проекту на более плодородных почвах за счет более высоких урожаев зерновых обеспечиваются и более массовые сборы зерна. Например, по Юго-Западной зоне за счет проектного роста зерновых до 30 ц/га по сравнению с фактической урожайностью в 19,1 ц/га увеличатся валовые сборы зерна с 45 998,8 т до 72 180,8 т, или с 10,9% до 12,8% в структуре валовых сборов зерна по агропочвенным зонам (табл. 4).

3. Предложенный механизм установления среднерегionalной минимальной цены с рентабельностью чистого дохода на уровне 25% от среднерегionalной величины затрат на производство 1 т зерна позволяет сформировать проектный чистый доход в Северо-Западной и в Северо-Восточной агропочвенных зонах, тогда как по факту имеем чистый убыток по производству зерна в этих зонах. Уровень минимальной рентабельности проектного чистого дохода в 25% установлен именно с учетом особенностей зернового производства в Чувашской Республике. Мы при определении уровня рентабельности чистого дохода руководствовались тем, что этот показатель не может быть слишком низким (иначе не будет обеспечиваться рентабельность производства зерна на худших землях) и не может быть слишком высоким (иначе будет иметь место разрыв в формировании излишне высокого чистого дохода на лучших землях при недостаточном доходе на средних землях и мизерном чистом доходе на худших землях). Обеспечить равномерность увеличения рентабельности чистого дохода на землях по мере роста их плодородия (по содержанию гумуса), стимулировать вовлечение в агропроизводство худших земель, обеспечить рост биопродуционного потенциала (урожайности) зерновых адекватно (пропорционально) возможностям биологической продуктивности и почвенного плодородия на землях разного качества, производительно использовать весь имеющийся в наличии земельный фонд, который целесообразно вовлечь в агропроизводственный оборот – вот комплекс тех синергетически взаимосвязанных задач, которые ставились при

разработке методики определения уровня общественно необходимых затрат и минимальной величины чистого дохода на примере зернового производства. Ведущая, главная задача разработки данной методики – обеспечение формирования прибавочного продукта, прибавочной стоимости и чистого дохода хотя бы на минимальном уровне, на всех землях разного качества, в том числе и на худших низкоплодородных землях.

Литература

1. Голубев А.В. Учитывать экологические факторы // Экономика сельского хозяйства России. 2010. № 2. С. 81–86.
2. Федорова Н.В. Воспроизводство ресурсов в системе земледелия: теория, методология, практика. М.: Дашков и К°, 2010. 676 с.
3. Федорова Н.В. Эффективность воспроизводства почвенного плодородия в системе земледелия // АПК экономика, управление. 2010. № 12. С. 84–90.

ФЕДОРОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕНТИНОВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры торгового дела и товарного менеджмента, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (pfedorova66@mail.ru).

FEDOROVA NATALYA – candidate of economics sciences, assistant professor of Business and Commodity Management Chair, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 330.341.44:332
ББК У049(2Рос)-984

В.Н. ЧАЙНИКОВ

СТРАТЕГИЯ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ ИНТЕГРИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА (на примере Чувашской Республики)

Ключевые слова: конкурентоспособность региона, интегрированная система управления, человеческие ресурсы, региональный центр управления знаниями.

Рассмотрена стратегия долгосрочного развития интегрированной системы управления конкурентоспособностью экономики региона, под которой понимаются совокупность стратегических целей и выбор путей их достижения.

V. CHAYNIKOV THE STRATEGY OF LONG-TERM DEVELOPMENT OF THE INTEGRATED MANAGEMENT SYSTEM OF COMPETITIVENESS OF THE REGIONAL ECONOMY (on the example of Chuvash Republic)

Key words: competitiveness of the region, integrated management system, human resources, the regional center of knowledge management.

We considered the strategy of long-term development of the integrated management system of competitiveness of the regional economy. This is a set of strategic objectives and choice of the ways to achieve them.

Задачи экономического роста Чувашии, перевод её экономики на инновационный путь развития, служащий основой для повышения уровня региональной конкурентоспособности, вызывает необходимость дальнейшего стратегического развития инструментов их реализации, одним из которых является интегрированная система управления конкурентоспособностью экономики региона (ИСУКЭР). Кроме того, усиление межрегиональной конкуренции и всё большее вовлечение российских регионов в мировое экономическое пространство также требуют непрерывного развития ИСУКЭР, которое во многом определяется выбором направления стратегического управления и его стратегией. При этом следует отметить, что система, которая непрерывно качественно совершенствуется

в своём развитии, может быстрее адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды и иметь больше возможностей достижения более высоких темпов повышения конкурентоспособности. В этом случае развитие системы управления должно происходить на основе использования новых научных подходов и технологий формирования стратегий. Под стратегией долгосрочного развития ИСУКЭР мы понимаем совокупность стратегических целей и выбор эффективных путей их достижения. Эта стратегия формируется в рамках общей стратегии ИСУКЭР и стратегии развития социально-экономической системы региона на период 2020 г. В качестве стратегических целей развития ИСУКЭР могут быть её более высокие способности к быстрой адаптации к изменяющимся условиям внешней среды; обучению, совершенствованию, самоорганизации и саморазвитию; повышению эффективности функционирования ИСУКЭР; созданию новых конкурентных преимуществ.

При этом по каждой цели определяются соответствующие показатели (индикаторы), которые должны быть достигнуты в результате реализации стратегии, выступающей в качестве инструмента достижения поставленных стратегических целей, и для их реализации необходимы экономические ресурсы.

Поскольку непременным условием повышения уровня конкурентоспособности экономики региона выступает показатель темпа её кластеризации, стратегическое развитие ИСУКЭР и её стратегия непосредственно должны основываться на развитии компонент её базового ресурсного потенциала, к которым следует отнести следующие виды экономических ресурсов: человеческие, инвестиционные, материально-технические, финансовые, природные и др. Следовательно, ресурсы в долгосрочном развитии ИСУКЭР становятся важным стратегическим фактором, что подтверждается теорией стратегического управления, на современном этапе будем исходить из ресурсной теории [1–4].

Если за основу стратегического направления развития ИСУКЭР принять ресурсную теорию, далее становится важной задача выбора конкретного вида ресурсов, который в наибольшей степени будет определять его успех в будущем.

В настоящее время в системе экономических ресурсов все большую роль ученые-экономисты отводят нематериальным ресурсам, среди которых центральное место занимают человеческие ресурсы. Именно они считаются наиболее важным элементом любой национальной экономической модели, от которых в решающей степени зависят перспективы экономического роста и развития.

При этом эффективность развития ИСУКЭР, исходя из ресурсной теории, во многом будет определяться стратегией повышения качественного уровня её человеческих ресурсов, который включает следующие задачи:

- определение стратегической цели совершенствования и развития человеческих ресурсов ИСУКЭР в условиях усиления глобализации мировой экономики и обострения конкуренции на мировых рынках;
- разработка концепции развития ИСУКЭР в аспекте повышения качества человеческих ресурсов на основе экономических знаний;
- разработка системы управления знаниями как основы качественного развития человеческих ресурсов;
- прогнозирование развития человеческих ресурсов исследуемого региона и формирование их стратегического конкурентного потенциала.

Формирование стратегии повышения конкурентоспособности региона на основе ресурсной теории предполагает, что человеческие ресурсы и их активная компоненты – интеллектуальные ресурсы – являются основными источниками конкурентных объектов и субъектов.

В настоящее время многие компании и фирмы рассматривают человеческие ресурсы как одушевленный инструмент достижения экономических целей.

Благодаря эффективному использованию качественных способностей человеческих ресурсов хозяйственные субъекты любого масштаба, включая экономику региона и страны в целом, могут не только сохранить и упрочить, завоеванные конкурентные позиции в соперничестве, но и приобрести новые.

Однако как в регионах, так и стране в целом обостряется проблема необходимости качественного роста человеческих ресурсов путем обновления их знаний, навыков и умений, которые вызваны ускорением НТП. Высокие темпы развития НТП в значительной степени ускоряют процесс устаревания персональных знаний работников организаций и их компетенций. Об этом свидетельствуют результаты исследований, подтверждающие необходимость повышения своей квалификации, приобретения новых дополнительных знаний и навыков как руководителями (топ-менеджерами), так и специалистами предприятий и компаний. Установлено, что человеческие ресурсы постоянно дорожают и их приобретение становится все более и более значительной составляющей издержек производственного цикла и дефицитным ресурсом. Сегодня производство конкурентоспособной продукции требует не только постоянного обновления знаний менеджеров и специалистов, но и создания новых знаний, на основе которых можно производить высококачественные товары и услуги с наименьшими затратами.

Следует отметить, что проблема устаревания персональных знаний, компетенций, навыков и умений занятых в экономике человеческих ресурсов охватывает все ее отрасли и ее решение становится все более актуальной. Острота проблемы повышения профессиональных качеств человеческих ресурсов нарастает по мере возрастания перспектив и сложности решения задач, которые возникают в связи с предстоящим технологическим развитием регионов и страны в целом.

В настоящее время человеческие ресурсы и их интеллектуальный труд становятся стратегическими факторами современного производства, способного создавать новые знания и технологии, конкурентоспособную продукцию и услуги. Кроме того, человеческие ресурсы и их активный компонент – интеллектуальная составляющая – служат универсальным критерием оценки конкурентоспособности экономического субъекта, так как они отражают динамику создания новых ценностей в условиях быстрых изменений внешней среды.

В этой связи нами ставится задача совершенствования и развития ИСУКЭР на основе одного из доминирующих конкурентных факторов человеческих ресурсов – их качественного уровня, которым предстоит формировать в будущем конкурентный потенциал экономики региона. Поэтому решение по обеспечению качественными человеческими ресурсами ИСУКЭР является важной задачей, так как при наиболее эффективном управлении их использования региональная экономика сможет достичь высокого уровня ее конкурентоспособности и экономического роста. Чтобы приобрести высокие качественные способности непрерывного генерирования конкурентных преимуществ, человеческие ресурсы ИСУКЭР должны постоянно приобретать и эффективно использовать новые знания, воплощения в инновации и конкурентные преимущества, на основе которых и будут создаваться конкурентоспособные товары и услуги. Таким образом, системное решение поставленной задачи возможно на основе ресурсной теории и разработки методологии повышения качества человеческих ресурсов путем создания системы управления их знаниями, которая включает следующие этапы:

– научное обоснование непрерывного повышения качества персональных компетенций (знаний, навыков, умений) персонала хозяйствующих субъек-

ектов ИСУКЭР на всех ее иерархических уровнях: предприятий, территориальных кластеров и региона путем постоянного приобретения новых знаний и их креативного использования;

- идентификация ИСУКЭР как обучающей системы;
- разработка цикла создания новых знаний, их приобретения и воплощения в инновации и далее их трансформация в конкурентные преимущества и конкурентоспособность объектов и субъектов на всех иерархических уровнях;
- разработка концептуальной модели системы управления знаниями человеческих ресурсов (СУЗЧР) и ее органическая встроенность в ИСУКЭР;
- описание функционирования модели СУЗЧР как источника формирования инноваций и конкурентных преимуществ;
- определение рейтинга существующего потенциала человеческих ресурсов исследуемого региона среди регионов Приволжского федерального округа и прогнозирование их стратегического развития на период до 2030 г.

Создание эффективной системы управления знаниями человеческих ресурсов (СУЗЧР) может служить конкурентной стратегией региона и представляет собой сложную задачу, решение которой может быть осуществлено в следующей логической последовательности:

- определение управляющих субъектов и управляемых объектов создания новых знаний и их использования;
- определение круга источников создания новых знаний и их использования, а также организация их в соответствующие организационные структуры;
- организация процесса передачи знаний от источников их создания к потребителям (человеческим ресурсам);
- воплощение полученных знаний человеческими ресурсами в инновации, конкурентные преимущества и конкурентоспособность объектов и субъектов экономики региона.

Таким образом, система управления знаниями человеческих ресурсов становится одним из ведущих направлений стратегического менеджмента региона и может представлять собой достаточно сложную организационную структуру, состоящую из большого количества подсистем и их компонентов.

Системное решение актуальной проблемы создания и эффективного использования новых знаний для стабильного развития конкурентоспособности экономики региона дало нам возможность разработать региональную систему управления знаниями человеческих ресурсов (РСУЗЧР), концептуальная схема организационной структуры которой представлена на рис. 1.

Предлагаемая схема РСУЗЧР имеет ряд подсистем, отражающих два основных направления ее функционирования: создания новых знаний и их использования, объединенных в замкнутый контур с внешними элементами, к которым относятся: «вход» в систему, «выход» из системы, обратная связь и внешняя среда. Рассмотрим последовательно содержание элементов внешней среды. Так, на «входе» системы находится стратегическая цель, заключающаяся в создании потенциала качественных человеческих ресурсов ИСУКЭР, способного решить задачу стабильного развития региональной конкурентоспособности и на этой основе обеспечить экономический рост региона. При этом РСУЗЧР нами рассматривается как инструмент реализации стратегии ИСУКЭР – достижения конкурентоспособности исследуемого региона (Чувашской Республики) к 2020 г. до уровня региона-лидера, способного стабильно конкурировать на международных рынках.

Соответственно, исходя из цели «входа» в систему конечным результатом ее «выхода» должен быть достигнутый качественный показатель – уровень че-

ловеческого потенциала, который должен будет обеспечить реализацию поставленной на «входе» цели. При этом эффективность достижения поставленной цели во многом будет определяться состоянием внешней среды РСУЗЧР, к элементам которой относятся: инфраструктура региона, его социальная и конкурентная среды, состояние системы образования и здравоохранения. Кроме того, важным элементом внешней среды является макросреда, обуславливаемая политическими, экономическими, социально-демографическими, экономическими, научно-техническими и другими факторами. Для достижения поставленной цели РСУЗЧР должна быть в состоянии эффективно реагировать и адаптироваться к изменениям внешней среды, для чего необходимо организовать ее мониторинг, анализ и оценку его результатов. Главной целью региональной системы управления знаниями человеческих ресурсов является формирование их способности создавать новые конкурентные преимущества и их основы – высшего уровня конкурентоспособности хозяйственных субъектов ИСУКЭР.

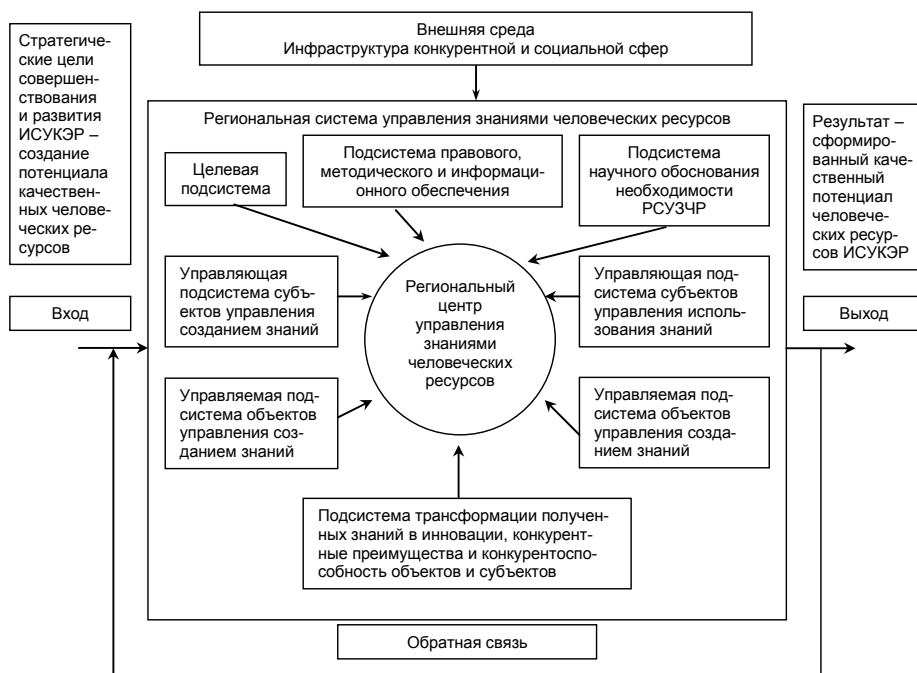

Рис. 1. Схема РСУЗЧР

Как показано на рис. 1, внутренний контур РСУЗЧР содержит полный набор подсистем, отражающих ее организационную структуру, способную обеспечить эффективность ее функционирования для достижения поставленных целей на ее «входе» и необходимых результатов «выхода». Не раскрывая назначения и содержания каждой подсистемы внутреннего контура РСУЗЧР, так как их миссии содержатся в соответствующих их названиях, отметим лишь некоторые их особенности.

Человеческие ресурсы в настоящее время становятся важным составляющим компонентом экономики региона, и его основной качественной характеристикой является интеллектуальная составляющая, выражающаяся в знаниях, умениях и способности их использовать при создании инноваций, конку-

рентных преимуществах и конкурентоспособности объектов и субъектов на всех иерархических уровнях ИСУКЭР. Исходя из этой предпосылки, основной подсистемой РСУЗЧР считаем подсистему научного обоснования необходимости ее формирования, что отвечает современным тенденциям развития инновационной экономики.

Следует отметить, что в настоящее время в регионах и, в частности, в Чувашской Республике наблюдается разрыв в цепочке создания и промышленного освоения новых знаний при производстве конкурентоспособных товаров и услуг. Это подтверждается тем, что научный сектор региона, имея потенциал генерировать инновационные идеи, слабо ориентированный на рыночные потребности экономики, ограничен в производственных и финансовых ресурсах для самостоятельного освоения и вывода новшеств на рынок. С другой стороны, региональная промышленность обладает свободными производственными мощностями, но не рискует вкладывать финансовые средства в те инновации, которые не подтвердили свою потенциальную эффективность на рынке. Это приводит к разрыву между потенциалом научного сектора и его возможностями реального воплощения своих разработок в промышленность. Отсутствие взаимосвязи научно-исследовательских организаций региона с его конкретными промышленными предприятиями и опыта коммерциализации научных знаний является основной причиной, сдерживающей развитие производства конкурентоспособных товаров и услуг. Решению обозначенной проблемы может способствовать предлагаемая региональная система управления знаниями человеческих ресурсов, которая требует реального осуществления путем разработки соответствующей организационной структуры.

По нашему мнению, одним из вариантов ее реализации, может быть региональный центр управления знаниями (РЦУЗ) (рис. 2), являющийся некоммерческой организацией и находящийся в составе Агентства развития конкурентоспособности ИСУКЭР и, соответственно, под юрисдикцией Министерства развития экономики и торговли Чувашской Республики.

Главной целью центра (РЦУЗ), исходя из его миссии, является передача современных знаний и передового опыта (обучение новым знаниям) производства продукции мирового уровня – человеческих ресурсов (как физических, так и интеллектуальных) предприятий, территориальных кластеров и региона в целом путем послевузовской переподготовки и повышения квалификации менеджеров и специалистов предприятий, фирм различных форм собственности.

В настоящее время организационная система управления знаниями на предприятиях ограничивается рамками одной организации, которая накапливает свой опыт переподготовки и повышения квалификации, становящейся ее конкурентным преимуществом.

В системе управления знаниями человеческих ресурсов региона решающее значение имеет политика, вытекающая из его стратегических целей, заключающихся в достижении лидерства по уровню конкурентоспособности выпускаемой им продукции среди регионов ПФО, которое могло бы обеспечить ему выход на мировые рынки сбыта и стабильный экономический рост. Стремление достичь поставленной цели возможно, как отмечалось выше, на основе конкурентных преимуществ товаров и услуг, синтезируемых человеческими ресурсами товаропроизводителей на основе новых знаний, что обуславливает необходимость организации их получения по двум главным направлениям: создания новых знаний и их эффективного использования. В этой связи в организационной структуре центра управления знаниями человеческих ресурсов (РЦУЗ) предусмотрено создание двух соответствующих секторов: создания новых знаний и их использования.

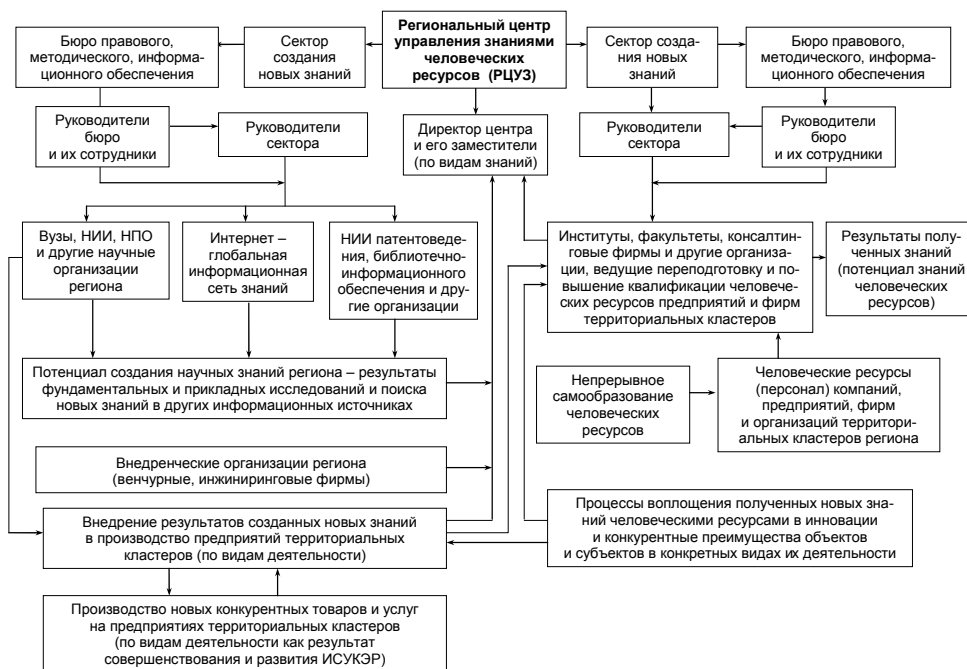

Рис. 2. Организационная схема структуры РЦУЗ

Как показано на рис. 1, секторы возглавляются руководителями, и в их состав входят бюро правового, методического и информационного обеспечения, имеющих руководителей и соответствующие штаты сотрудников по направлению вида деятельности.

В задачи сектора создания новых знаний входит формирование информации о создании соответствующих (внутренних) знаний в регионе, поиска внешних, уже созданных мировой наукой, их интеграции в единую информационную базу и организации их внедрения конкурентоспособной продукции.

Информационными источниками новых знаний в регионе являются результаты фундаментальных и прикладных исследований НИИ, вузов и других организаций, ведущих исследования, а также НИИпатентоведения, библиотеки и другие организации, осуществляющие информационное обеспечение.

Новые знания, полученные в вышеперечисленных организациях, в виде результатов выполненных фундаментальных и прикладных исследований, а также полученных из других источников далее могут быть представлены на рынке знаний как конкурентоспособный товар, востребованный другими организациями и предприятиями региона или венчурными и инжиниринговыми фирмами для дальнейшего их внедрения в производство. При этом создатели новых знаний НИИ, вузы и другие организации могут сами непосредственно вести внедрение своих разработок на соответствующих предприятиях территориальных кластеров на договорной основе. Конечным результатом создания и внедрения новых знаний должно быть производство конкурентоспособных товаров и услуг, пользующихся успехом на отечественном и мировом рынках.

Задача сектора использования знаний заключается в передаче знаний человеческим ресурсам предприятий, фирм территориальных кластеров, которые затем должны воплощать их в конкурентные преимущества и инновации и внедрять их в соответствующие производства по месту их работы. Конечная цель

использования новых знаний человеческими ресурсами – создание качественных с меньшими затратами конкурентоспособных товаров и услуг.

Кроме того, в задачи рассматриваемого сектора входит не только передать новые знания человеческим ресурсам, но и научить творческой трансформации их в конкурентные преимущества и инновации.

РЦУЗ формирует программы послевузовской переподготовки и повышения квалификации менеджеров и специалистов, которые должны соответствовать мировому уровню современных технологий и передовых методов производства высококачественной продукции с наименьшими производственными затратами.

Таким образом, стратегия долгосрочного развития ИСУКЭР заключается в развитии человеческих ресурсов и повышении их капитала путем создания региональной системы управления знаниями и ее реализации через организационную структуру – региональный центр управления знаниями.

Литература

1. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
2. Парахина В.Н., Максименко Л.С., Панасенко С.В. Стратегический менеджмент. М.: КНОРУС, 2005. 496 с.
3. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов: пер с англ. 2-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 454 с.
4. Холодков А.В., Сурков С.А. Экономические аспекты управления человеческими ресурсами // Менеджмент в России и за рубежом. 2009. № 1. С. 128–135.

ЧАЙНИКОВ ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления качеством и конкурентоспособностью, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (chvn66r@mail.ru).

CHAYNIKOV VALERIY – candidate of economics sciences, associate professor of Quality Management and Competitiveness Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 336.221
ББК 65.05

Е.Н. ЧЕКУЛАЕВА

ЗНАЧЕНИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В СНИЖЕНИИ НАЛОГОВЫХ РИСКОВ

Ключевые слова: *налоговый риск, налоговая политика, налоговый риск государства, формы и цели налоговой политики, субъекты, несущие налоговые риски, методы налоговой политики.*

Рассмотрено значение налоговой политики государства, уточнены формы и цели налоговой политики. Выявлены субъекты, несущие налоговые риски, причины рисков, пути их выявления, а также систематизирована работа налоговых органов для снижения налоговых рисков в будущем.

E. CHEKULAIEVA

THE VALUE OF THE TAX POLICY OF THE STATE IN REDUCING TAX RISKS

Key words: *tax risk, tax policy, tax risk the state, the form and the goals of the tax policy, subjects carrying the tax risks, methods of tax policy.*

The article discusses the importance of the state tax policy, refined forms and goals of the tax policy. Identified subjects carrying the tax risks, causes, risks, ways of detecting them, and systematized the work of the tax authorities to reduce tax risks in the future.

В рыночной экономике проблемы экономической неопределенности и риска требуют научно обоснованных решений, поскольку снижение налоговых поступлений в бюджет может провоцировать новые кризисные ситуации. Налоговое администрирование как система управления налоговыми отноше-

ниями, развивающаяся на основе «отраслевого» подхода, использования отраслевых бизнес-моделей налогообложения, тесно сопряжена с налоговыми рисками. В этой связи требуют переосмысления многие налоговые категории, значения налоговой политики, цели и формы налоговой политики, механизмы урегулирования отношений с налогоплательщиками.

Испытывая постоянную налоговую нагрузку, организации должны уметь управлять финансовыми результатами деятельности и влияющими на них рисками. Для этого требуются эффективная налоговая политика, систематизированная работа налоговых органов, которые позволяют контролировать и оптимизировать налоговую нагрузку организаций. Чем выше качество управления, тем меньше вероятность наступления налоговых рисков и их последствий, тем стабильнее достигнутые результаты деятельности и большие возможности наращивания капитала. Устойчивое развитие налогоплательщика на основе постоянного мониторинга рисков является, в свою очередь, залогом сохранения и увеличения налоговой базы уплачиваемых им налогов и увеличения налоговых доходов бюджетов всех уровней.

Недостаточное количество исследований в этой области не позволяет сформировать научно обоснованный инструментарий управления рисками и урегулировать отношения с налогоплательщиками на новом качественном уровне. Вышеизложенное свидетельствует об актуальности рассматриваемой проблемы значения налоговой политики государства в снижении налоговых рисков.

Целью исследования является определение роли налоговой политики для снижения налоговых рисков в отношении государства и налогоплательщиков.

В соответствии с поставленной целью в работе определены следующие задачи: уточнить цели и формы налоговой политики; выявить субъекты, несущие налоговые риски; систематизировать работу налоговых органов для снижения налоговых рисков в будущем.

Важнейшим инструментом государства в реализации поставленной цели является налоговая политика, которая представляет собой совокупность экономических, финансовых и правовых мер государства по формированию налоговой системы страны в целях обеспечения финансовых потребностей государства, отдельных социальных групп общества, а также развития экономики страны за счет перераспределения финансовых ресурсов.

История развития налоговой политики свидетельствует, что налоги могут быть не только источником пополнения бюджетов, но и инструментом регулирования тех или иных социально-экономических процессов. Теория налогов развивается и совершенствуется по мере развития экономики, укрепления государства, расширения его функций и усиления воздействия на развитие экономики. Длительное время в экономике преобладала классическая теория налогообложения, в соответствии с которой налогам отводилась чисто фискальная роль пополнения доходов государства. Основоположник научной теории налогообложения А. Смит дал определение понятия налоговой системы, сформулировал необходимые условия для ее формирования и выдвинул четыре основных принципа налогообложения: равномерность, определенность, удобство уплаты и дешевизна налогового администрирования. Дальнейшее развитие учение А. Смита получило в трудах Д. Рикардо, Дж. Милля.

Среди новых научных теорий налогообложения наиболее существенную роль в формировании налоговой политики стран с развитой рыночной экономикой сыграли два основных направления экономической мысли: кейнсианское и неоклассическое [4].

Налоговая политика, как и любая другая политика государства, имеет свое содержание, которое характеризуется последовательными действиями государства по выработке научно обоснованной концепции развития налого-

вой системы, определению важнейших направлений использования налогового механизма, а также практическому внедрению налоговой системы и контролю за ее эффективностью.

Объектом налоговой политики является налоговая система государства. Государство в лице своих законодательных и исполнительных органов, принимая управленческие решения, также несет риски, связанные с налогообложением, поэтому налоговые риски как неопределенность относительно достижения целей характерны не только для хозяйствующих субъектов, но и для субъектов управления на всех уровнях – федеральном, региональном и местном, которых мы объединяем под названием «власть» (табл. 1).

Таблица 1

Субъекты, несущие налоговые риски

Власть	Налогоплательщики
Государственные органы, обладающие полномочиями контроля и управления в налоговой сфере: налоговые органы, органы государственных внебюджетных фондов, таможенные органы,	Субъекты хозяйственной деятельности Налогоплательщики (плательщики сборов) Налоговые агенты
Правоохранительные органы	Лица, предоставляющие профессиональную помощь Уполномоченные и законные представители Налоговые консультанты
Органы, участвующие в мероприятиях налогового контроля: регистрационные органы	Лица, предоставляющие необходимые данные Нотариусы
Органы, предоставляющие необходимые данные: органы лицензирования	Лица, обеспечивающие перечисление и сбор налогов Банки

Для каждой группы субъектов, несущих налоговые риски, существуют свои последствия, реализующиеся в виде финансовых и иных потерь.

Действительно, вводя новые налоги, усиливая налоговую нагрузку, а зачастую и внося, казалось бы, безобидные изменения в налоговое или иное законодательство или своевременно не поправив действующие законы, государство всегда рискует недосчитаться налоговых поступлений. Общеизвестно, что при чрезмерном усилении налогового гнета определенная доля налогоплательщиков неизбежно уйдет в теневую экономику, другие, оставаясь «на свету», всеми правдами и неправдами постараются минимизировать свои налоговые обязательства перед государством. Вследствие этого потери налоговых поступлений в бюджеты всех уровней могут оказаться значительно больше, чем выигрыш от введения нового налога или повышения налоговых ставок, или отмены налоговых льгот.

В частности, речь идет о возможных действиях государства по увеличению налоговой нагрузки на экономику. Налоговые риски возникают и в случае недостаточной проработки налогового законодательства, нечеткости его отдельных положений.

На основании документа «Основные направления налоговой политики Российской Федерации на плановый период 2014 и 2015 годов», в котором были подведены итоги за 2011 г.: повышение ставок страховых взносов с 26 до 34%; распространение общих правил на специальные налоговые режимы, которыми пользуется малый бизнес (в рамках этих режимов малые предприятия платили взносы по ставке 14%), проводились подготовительные мероприятия по введению налога на недвижимость, мониторинг эффективности налоговых льгот и совершенствование налогового администрирования.

На современном этапе основной задачей налоговой политики государства являются создание благоприятных условий для активной финансово-

хозяйственной деятельности субъектов экономики и стимулирование экономического роста посредством сочетания личных и общественных интересов, т.е. оптимального соотношения между средствами, остающимися в распоряжении налогоплательщика, и средствами, которые перераспределяются через налоговый и бюджетный механизмы [8].

Главные направления налоговой политики должны исходить не только из центральной функции налогов – пополнения государственной казны. Нельзя забывать о том, что налоги – важнейший экономический инструмент стимулирования и регулирования производства, обеспечения социальных гарантий. Используя дифференциацию ставок и предоставления льгот, через систему перераспределения доходов с помощью налогов необходимо обеспечивать обособленную структурную перестройку производства в пользу отраслей, в первую очередь служащих удовлетворению жизненных потребностей населения и пополнению бюджета за счет снижения налоговой задолженности.

Надо отметить, что посткризисное восстановление экономики страны происходит не так быстро, как ее прогнозировали представители государственных органов управления. По итогам 2011 г. Россия на мировом фоне действительно находится на высоких позициях по ряду ключевых показателей: превышены максимальные предкризисные значения ВВП середины 2008 г. Этот показатель составил 104,3% в 2011 г., индексы промышленного производства – 104,7%, экспорта – 130%, импорта – 133,4% и др. Однако основные факторы риска, оказывающие влияние на экономику России продолжают иметь место, они связаны с долговыми кризисами в Еврозоне (например, неразрешенная проблема с Грецией), конъюнктурой на сырьевом рынке (цены на нефть) и инфляцией.

Инфляция в России находилась на уровне 6,1% в 2011 г., на который повлиял возросший отток капитала за рубеж (84,2 млрд долл.).

Рост российской экономики оказал прямое влияние на рост налоговых поступлений в бюджет. За 2011 г. в консолидированный бюджет поступило 9,7 трлн руб., что на 26% больше, чем за 2010 г. Все факторы экономического роста, которые мы отметили, оказали непосредственное влияние на рост налоговых поступлений:

- на рост поступлений налога на прибыль (28%) оказали влияние рост промышленного производства, рост экспортных цен, увеличение положительного финансового результата организаций-налогоплательщиков;
- на рост поступлений НДС (45%) оказало влияние увеличение мировых цен на нефть;
- на рост поступлений акцизов (37%) повлиял административный фактор, результатом которого стало ежегодное повышение ставок на подакцизную продукцию;
- на рост поступлений НДФЛ (12%) повлияли снижение уровня безработицы и рост заработной платы.

Однако, работая в условиях неопределенности и повышенных рисков, многие налогоплательщики активизируют вывод денежных средств за рубеж в ущерб налоговым обязательствам. Проблема минимизации уплаты налогов происходит с использованием «оффшоров», т.е. компаний, зарегистрированных в зонах льготного налогообложения за пределами Российской Федерации. Статистика свидетельствует, что имеющаяся задолженность по уплате налоговых платежей в бюджет в последние годы, в целом, снижается, но объемы ее остаются все еще существенными. Можно привести пример динамики такой задолженности по исследуемой нами Инспекции Федеральной налоговой службы по городу Йошкар-Оле (табл. 2).

Налоговые органы во всех регионах предпринимают широкий спектр мер в отношении решения своей главной фискальной задачи – обеспечения

собираемости налогов и сборов в бюджеты всех уровней. Например, в случае неуплаты юридическими лицами в установленные сроки суммы недоимки (пеней, штрафов) налоговый орган приобретает право на их принудительное взыскание, которое может производиться за счет денежных средств налогоплательщика либо за счет его имущества на основании соответствующего решения о взыскании. По результатам анализа работы Инспекции федеральной налоговой службы по г. Йошкар-Ола можно выделить несколько видов различных мер, принятых инспекцией по взысканию задолженности по налоговым платежам с юридических лиц (табл. 3).

В ходе проведения таких мероприятий налоговые органы рассчитывают на более полное взыскание задолженности и снижение в дальнейшем рисков ситуаций.

Таблица 2

Задолженность по уплате налоговых платежей в бюджет по г. Йошкар-Ола за 2010 – 2012 гг., тыс. руб. [7]

Наименование налога	Задолженность на 01.01.2010		Задолженность на 01.01.2011		Задолженность на 01.01.2012	
	всего	в том числе недоимка	всего	в том числе недоимка	всего	в том числе недоимка
Федеральные налоги	1876,1	374,25	1670,5	290,1	1706,3	356,3
Налог на прибыль	226,6	40	220,4	21,1	219,5	22,1
НДС	1230,7	2538,7	1103,4	194,7	1096,4	187,6
Региональные налоги	279	77,2	213,1	50,6	209,4	56,3
Местные налоги	76,7	40,9	69,2	14	71,6	72,1
Налоги со специальным налоговым режимом	39,9	44,1	41,2	10,5	42,3	42,6

Таблица 3

Результаты работы ИФНС по г. Йошкар-Ола по взысканию задолженности по налоговым платежам с юридических лиц за 2010 – 2012 гг. [7]

Показатель	Количество, ед.			На сумму, тыс. руб.		
	2010	2011	2012	2010	2011	2012
Направлено требований об уплате налогов и сборов	42 328	71 613	80 921	1 678 925	1 773 147	1 892 214
Погашено должниками после получения требований налоговых органов об уплате налогов и сборов	-	-	-	20 789	417 051	498 742
Выставлено инкассовых поручений	1 348	39 971	21 348	43 994	993 264	101 476
Погашено должниками по инкассовым поручениям	-	-	-	168 147	170 424	184 213
Направлено банкам решений о приостановлении операций по счетам должников	1 982	2 102	2 215	232 697	263 112	319 872
Вынесено постановлений о наложении ареста на имущество налогоплательщиков в соответствии со ст.77 НК РФ	1	2	5	71	3 783	4 098
Погашено должниками после вынесения постановления о наложении ареста на имущество налогоплательщика в соответствии со ст.77 НК РФ.	-	-	-	54	71	84
Направлено постановлений о взыскании налогов, сборов, пеней и штрафов за счет имущества налогоплательщика в соответствии со ст.47 НК РФ	1 921	2 588	3 347	353 709	13 132 600	14 598 710
Произведено арестов имущества должников судебными приставами	4	8	12	207	17 323	19 641
Возбуждено дел о несостоятельности (банкротстве) с участием уполномоченного органа	21	64	78	10 698	135 669	139 642

Создание эффективной системы управления налоговыми рисками косвенно способствует и увеличению стоимости компании, поскольку отсутствие негативных неожиданностей повышает доверие инвесторов. В связи с этим необходима выработка стратегии, основанной на управлении налоговыми рисками, что, однако, не означает их полное устранение, поскольку некоторые риски принципиально не могут быть устранены. Тем не менее все налоговые риски должны быть своевременно идентифицированы и оценены и в дальнейшем учитываться при принятии управленческих решений.

Снижению налоговых рисков, по мнению О.В. Гордеевой, способствует: соблюдение осторожности суждений о требованиях налогового законодательства; взвешенный подход к налоговым рискам, которые могут возникнуть при решении вопросов, недостаточно освещенных в действующем законодательстве; достаточная степень профессионального консерватизма в отношении налогообложения операций и сделок при неоднозначном толковании действующего законодательства; оптимизация налогообложения – разработка комплекса мер, направленных в рамках действующего законодательства на оптимизацию уплачиваемых налогов и снижение налоговых рисков, предполагающих баланс уровня налоговой нагрузки и удержание налоговых рисков в допустимых пределах.

Можно согласиться с автором, что, действительно, в снижении налоговых рисков необходимы данные принципы налоговой политики. Для снижения степени риска применяются различные приемы, наиболее распространенными среди которых являются: диверсификация, приобретение дополнительной информации о выборе и результатах, лимитирование самострахование, страхование [2].

Риски в налоговой сфере являются предметом обсуждения и исследования учеными. Практическая деятельность налоговых органов также связана с рисками. Поэтому в налоговой науке и практике появилось понятие «налоговый риск». Это понятие присуще разным субъектам налоговых отношений в том числе и налогоплательщикам – юридическим лицам. Проводя налоговый контроль юридических лиц, налоговые органы выявляют все стороны их деятельности, которые могут быть связаны с налоговыми рисками. Поэтому в системе налогового администрирования значимое место стали занимать вопросы управления налоговыми рисками, поэтому работа по созданию условий для реализации программы снижения налоговых рисков должна включать: устранение или максимальную минимизацию противоречий в российском налоговом законодательстве; полную оценку влияния предполагаемых изменений в российское налоговое законодательство на деятельность хозяйствующих субъектов, на налоговое бремя и физических, и юридических лиц; полную оценку потерь для российской бюджетной системы в результате предполагаемых изменений налогового законодательства; постоянный мониторинг законодательства о налогах и сборах с целью выявления в нем противоречий.

В заключение следует отметить, что значение налоговой политики позволит отслеживать статус налогового риска, определять, достигнут ли желаемый результат систематизированной работы налоговых органов для снижения налоговых рисков в будущем. С налоговым риском имеет дело каждое предприятие, поскольку налогообложение касается всех видов деятельности и все налогоплательщиков и, следовательно, каждому предприятию необходимо учитывать налоговый риск и принимать меры по его снижению.

Всесторонняя оценка налоговых рисков со стороны участников налогового процесса (как налогоплательщиков, так и государственных органов) приведет к росту налоговой дисциплины и снижению количества и объема налоговых споров.

Литература

1. Гончаренко Л.П. Налоговые риски: теория и практика управления // Финансы и кредит. 2009. № 2. С. 30–31.
2. Гордеева О.В. К вопросу об управлении налоговыми рисками // Законодательство и экономика. 2008. № 2. С. 38–45.
3. Дятлов С.Г. Категория риск в инвестиционно-строительной деятельности // Строительный комплекс: экономика, управление, инвестиции: межвуз. сб. науч. тр. СПб.: СПбГУЭФ, 2008. Вып. 8. 123 с.
4. Налоговая политика. Теория и практика / под ред. И.А. Майбурова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 519 с.
5. Налоговый кодекс РФ. Части первая и вторая. М.: Проспект; КноРус, 2013. 784 с.
6. Пансков В.Г. Налоги и налогообложение. 2-е изд., перер и доп. М.: Юрайт, 2012. 680 с.
7. Сводные данные статистической налоговой отчетности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.r12.nalog.ru>.
8. Чурсина И.А. Налогообложение: история и современность // Налоги. 2008. № 3(2).

ЧЕКУЛАЕВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА – кандидат экономических наук, ассистент кафедры налогов и налогообложения, Поволжский государственный технологический университет, Россия, Йошкар-Ола (lenchik281287@mail.ru).
CHEKULAEVA ELENA – candidate of economics sciences, assistant of Taxes and Taxation Chair, Volga State Technological University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 334.012.82
ББК У290.3

М.П. ЧЕРДАКОВА

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Ключевые слова: кластеры, цели, модели кластерного развития, мировой опыт, кластеризация в России.

На современном этапе развития мирового хозяйства конкурентоспособность экономик стран мира определяется конкурентоспособностью не отдельных хозяйствующих субъектов, а кластерных образований. В условиях рыночной экономики кластеры рассматриваются как факторы повышения конкурентоспособности экономики. Автором изучены мировой и российский опыты кластеризации.

M. CHERDAKOVA CLUSTERING AS THE MECHANISM OF INCREASE OF COMPETITIVENESS

Key words: clusters, the purposes, models of cluster development, world experience, formation clusters in Russia.

At the present stage of development of the world economy competitiveness of economy of the countries of the world is defined by competitiveness not separate managing subjects, and cluster formations. In the conditions of market economy clusters are considered as factors of increase of competitiveness of economy. The author studies world and Russian experiences formation clusters.

Повышенный интерес мирового сообщества к процессу кластеризации в значительной мере обусловлен его эффективностью и перспективностью, в связи с чем в большинстве стран мира данный процесс нашел широкое применение. Более того, существует мнение, что «хорошо работающий кластер – обязательная черта рыночной экономики, нет кластера – нет эффективной экономики» [2].

Как показывает практика наиболее конкурентоспособные страны мира, реализация кластерной политики признана действенным механизмом повышения конкурентоспособности. Это очевидно, ведь в рамках кластера, состоящего из группы объединившихся географически и технологически взаимосвязанных, конкурирующих предприятий, обслуживающих организаций, научных и образовательных учреждений, происходят непрерывный инновационный процесс и ускоренный обмен информацией, что способствует повышению конкурентоспособности не только самих предприятий, но и экономики региона в целом [4].

Кластеризация как резерв для дальнейшего поступательного развития страны может быть применена практически всеми странами мира при усло-

вии учета специфики государства и соблюдения соответствующих критериев создания такого рода образования. Кластерная политика необходима для повышения конкурентоспособности РФ, поскольку позволит решить проблему разобщенности государства, бизнеса, науки, образования. Однако при этом необходимо учитывать специфику российской экономики и на начальном этапе базироваться на тех моделях кластеров, которые позволяют максимально учитывать наши преимущества.

Мировой опыт кластеризации свидетельствует о наличии соответствующих центров кластерного развития, каждый из которых характеризуется наличием отличительных черт. Рассмотрим специфику данных моделей подробнее.

Для Североамериканского региона характерна исторически сложившаяся ориентация на политику «ограниченного вмешательства федерального правительства в процесс кластерного развития». Инициатива создания кластеров исходит от бизнеса. Аналитическую работу по инициированию создания кластеров ведут в основном научные центры и университеты. Первоначальный капитал выделяется штатом того или иного научного центра или университета, затем привлекаются средства частных компаний. Особенность североамериканской модели заключается в наличии высокой конкуренции между компаниями одного уровня за факторы производства, за счет чего производственный процесс не предполагает налаживания тесных взаимосвязей между предприятиями и позволяет обеспечить низкую себестоимость продукции. Яркий пример кластеризации по данной модели – кластер информационных технологий в Силиконовой долине.

Тесное взаимодействие государства и промышленного бизнеса является отличительной чертой модели создания кластеров стран Западноевропейского региона. При этом активный диалог с бизнесом не предусматривает прямого проникновения государства в структуры крупных частных промышленных фирм. Среди успешных примеров кластеров в Европе можно назвать: NOKIA (Финляндия), Медиконовую долину (совместный проект Дании и Швеции), автомобильный кластер (Восточная Германия) и т.д.

В Азиатском регионе сложился свой особый тип развития кластеров в экономике, характеризующийся преобладающей государственной инициативой и вмешательством власти в экономические процессы. Опыт по эффективной реализации кластерных решений острова Хоккайдо в Японии заслуживает особого внимания. «Японская модель» в наиболее полной форме отражена в организации производства компании «Toyota Motor Co». Головная фирма осуществляет «интеграцию» всех отдельных производителей в рамках технологической цепочки. Индийская модель во многом схожа с японской, но ее специфика заключается в том, что развитие кластеров происходит исключительно за счет прямых зарубежных инвестиций и активной государственной поддержки. Достаточно высокая инвестиционная привлекательность обеспечивается дешевизной производственных ресурсов (в основном трудовых). Пример кластера, который здесь следует упомянуть, это так называемый Electronic City, в котором расположены представительства 116 компаний, в том числе таких крупных, как Infosys, Wipro, Motorola, Hewlett-Packard, и др. Если изначально индийская модель подразумевала использование трудовых ресурсов только данного государства, то сейчас повышение востребованности специалистов привело к привлечению ими трудовых ресурсов из других стран.

Таким образом, анализ зарубежной практики кластеризации свидетельствует о наличии огромного потенциала такого рода объединений, что подтверждается множеством фактов, в том числе ростом производства высокоинновационной продукции в странах, где данные кластерные проекты успешно реализуются. Мировой опыт использования кластеров как факторов развития экономики особенно актуален для субъектов РФ в связи с тем, что для них превращение в технологические центры видится объективной необходимостью.

Путь развития кластеризованной экономики успешно начался в СССР, хотя и не был логически завершен. Первые попытки были предприняты еще в конце 1980-х гг., когда уже складывались два типа кластеров. Например, в области электронной промышленности кластеры образовывались по географическому образцу: под Москвой (Зеленоград, Калуга), в Воронеже, Новосибирске, Ленинграде, Саратове и др. Второй тип кластеров складывался в основном в области оборонного машиностроения и представлял собой «проектное» образование, созданное командным путем. Так, атомная промышленность в СССР была «государством в государстве» и может рассматриваться как специфический кластер.

В настоящее время экономика России обладает наследственностью в виде советской модели организации промышленности – территориальных производственных комплексов. Кроме них в России начали создаваться объединения предприятий, которые изначально позиционируют себя как кластерные образования. Среди них к наиболее успешным на сегодняшний день относят ЗАО «Индезит Интернэшнл» в Липецкой области, Поволжский автомобильный кластер на базе ОАО «АвтоВАЗ», Алтайский биофармацевтический кластер, IT-кластер в Республике Татарстан и другие. Каждый из них обладает своими характерными чертами и функционирует исходя из базовых стратегий бизнеса данного конкретного объединения. Однако для создания в дальнейшем успешно функционирующих кластеров необходимо их создавать не спонтанно, а с учетом соответствия необходимым параметрам. Критерии идентификации кластеров могут быть различные. Так, в Австрии такими критериями являются ориентация на потребителя, горизонтальные и вертикальные отношения; определение конкурентоспособности на международном уровне. В Италии кластеры определяются по следующим критериям: индустриальные районы являются местными системами труда, имеют большее количество рабочих мест; специализированы в производственных секторах; имеют высокую концентрацию рабочей силы. В Норвегии используют три основных критерия: рынок рабочей силы; специализированный рынок рабочей силы; не менее 10 фирм и 200 рабочих мест [5].

Применительно к Российской Федерации заслуживает внимания подход Ю. Гаджиева, В. Аконова, М. Стырова, в работе которых исследованы межрегиональные различия в научно-инновационном потенциале РФ. Основными критериями оценки научно-инновационного потенциала региона выступают группы показателей, характеризующие состояние научного персонала, уровень финансирования научных исследований, уровень подготовки научных кадров, уровень инновационного потенциала.

Данный анализ позволяет сделать вывод о том, что по признаку наличия высокого научно-инновационного потенциала кластеры самого высокого ранга могут быть сформированы из небольшого числа регионов – первые три группы кластеров. При этом каждый из них получит возможность за счет объединения усилий максимально использовать свои преимущества в рамках кластерного образования.

Кластер 1 – кластер с самым высоким уровнем научно-инновационного потенциала – включает три региона – Москва, Санкт-Петербург и Томская область. Кластер 2 – также состоит из трех регионов (Московская, Нижегородская, Калужская области) и по большинству показателей уступает лишь регионам кластера 1. Кластер 3 (Свердловская, Челябинская, Владимирская, Тульская, Самарская области, Пермский край (без АО)) – превосходит регионы кластера 2 по выпуску из аспирантуры специалистов, а также по затратам на технологические инновации [1].

Однако на сегодняшний день ситуация осложняется необходимостью дальнейшего развития экономики России в масштабах глобальной экономики, что усиливает давление глобальной конкуренции. Поэтому российская мо-

дель организации промышленности нуждается в модификации для соответствия рыночной экономике и вызовам глобализации. С этой точки зрения, резюмируя вышеизложенный опыт зарубежных стран, можно сказать, что:

– для России в наибольшей степени применима индийская модель организации промышленных кластеров, которые будут развиваться за счет привлечения преимущественно прямых иностранных инвестиций крупных международных компаний;

– финская модель актуальна только для части российских регионов, которые обладают выгодным экспортным расположением (Центр, Юг, Северо-Запад России), высоким потенциалом системы науки и образования для создания инновационной продукции (Свердловская область);

– Россия может успешно использовать японский опыт фирм-лидеров и частно-государственного регулирования экономических процессов, если каждый кластер в регионе будет характеризоваться наличием фирмы-лидера, основного инициатора развития, ответственного за эффективность выбранной стратегии;

– североамериканская модель обладает самой низкой степенью применимости в России, так как ее эффективность существенно зависит от степени развития рыночных институтов и конкуренции.

Таким образом, кластерная политика должна реализовываться только после тщательного анализа специфики пространственной структуры экономики России. Кроме того, учет всех вышеотмеченных особенностей должен помочь Правительству РФ обеспечить ускорение процесса инновационного развития страны.

В соответствии с политикой социально-экономического развития России до 2020 г. создание кластеров является одной из стратегических задач. На сегодняшний день многие регионы уже вышли с инициативой создания такого рода объединений на территории государства. Вот некоторые из объявленных кластерных инициатив, которые заслуживают внимания.

В Липецкой области формируется кластер по производству сельскохозяйственной техники и оборудования, автокомпонентов, строительных материалов и строительству жилья. В Калужской области в качестве потенциально возможных кластеров рассматривают: автомобилестроительный, биотехнологий и фармацевтики, а также ядерной медицины. В Санкт-Петербурге и в Татарстане планируется создание фармацевтического кластера. Власти Волгоградской области отправили в Министерство промышленности и торговли РФ проект по созданию Поволжского текстильного кластера. В Омской области создается нефтехимический кластер. На Дону пока существует лишь один кластер, объединивший ряд швейных предприятий с текстильной фабрикой «Дон-Текс». Имеются восторженные упоминания о работе химического кластера в г. Ангарск. Любопытен опыт кластеризации в Иркутской области по объединению предприятий перспективных отраслей промышленности с использованием классического кластерного подхода [3].

Таким образом, РФ обладает достаточно высоким потенциалом кластеризации, что должно послужить благоприятным условием для успешной реализации кластерной политики, предопределяющей повышение конкурентоспособности регионов.

Литература

1. Гаджиев Ю., Аконов В., Стыров М. Межрегиональные различия в научно-инновационном потенциале Российской Федерации // Общество и экономика. 2009. № 2. С. 156–179.
2. Карманова Н.Е. В переходной экономике и кризисы «переходные» // ЭКО. 2009. № 11. С. 4.
3. Кондрашина О.Н., Третьяк В.П. Состояние процесса кластеризации фирм в России [Электронный ресурс]. URL: http://www.virtass.ru/admin/pics/24_02_IO.pdf.
4. Печаткин В.В. Методика оценки и анализа потенциала кластеризации экономики регионов // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 28(193). С. 42–48.
5. Скоч А. Международный опыт формирования кластеров [Электронный ресурс] // ИНТЕЛ-РОС – Интеллектуальная Россия. 2007. 4 апр. URL: <http://www.intelros.ru/2007/04/04>.

ЧЕРДАКОВА МАРИНА ПЕТРОВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и международных отношений, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mp.cherdakova@yandex.ru).

CHERDAKOVA MARINA – candidate of economics sciences, associate professor of Economic Theory and International Relations chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 336.67

ББК 65.05

Н.К. ШВЕЦОВА, М.Н. ЕГОШИНА

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Ключевые слова: финансовая устойчивость, денежный поток, цена капитала, коэффициенты финансовой устойчивости, политика управления оборотным капиталом, банкротство.

Рассмотрена одна из важнейших характеристик финансового состояния организации, определяющая стабильность ее деятельности, обеспечивающая свободный оборот денежных потоков – финансовую устойчивость. Рассмотрены тривиальные подходы к оценке финансовой устойчивости, имеющие свои достоинства и недостатки, отмечено, что их целесообразно дополнить показателями денежного потока, определяемыми на основе отчета движения денежных средств и их прогноза.

N. SHVETSOVA, M. EGOSHINA

METHODICAL APPROACHES TO MANAGEMENT OF FINANCIAL SOUNDNESS OF THE ENTERPRISE IN THE CONDITIONS OF FINANCIAL CRISIS

Key words: financial stability, cash flow, cost of capital, financial stability ratios, working capital management policy, bankruptcy.

One of the major characteristics of a financial condition of the organization, the determining stability of its activity providing free turnover of monetary flows – a financial soundness problem is considered. Trivial approaches to the financial soundness estimation, having merits and demerits are considered, is noticed that it is reasonable to add them with indicators of the monetary flow, determined on the basis of the report movement of funds and their forecast.

Последствиями разразившегося в 2008 г. мирового финансового кризиса стали падение уровня мирового производства и потребления, обвал фондовых рынков и банкротство крупнейших корпораций. В связи с этим в очередной раз перед менеджментом предприятий возникает необходимость в решительных и неотлагательных финансово-экономических мероприятиях по недопущению попадания своих фирм в «кризисную яму». Основу такой стратегии составляет анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятия, позволяющий своевременно отслеживать изменения в его финансовом состоянии. В качестве таких показателей, как правило, выступают показатели финансовой устойчивости предприятия.

Кризисные явления, представляющие угрозу финансовой устойчивости организаций, отражают закономерность и необходимость развития. В связи с этим необходимо четкое понимание роли экономического кризиса в устойчивом развитии коммерческой организации и принятии своевременных мер по управлению такими кризисами, когда их наступление не является для руководства организацией неожиданностью, а принимаемые меры своевременны и продуманы. В настоящее время экономисты выделяют новый вид управления – управление финансовой устойчивостью организации [1].

С одной стороны, управление финансовой устойчивостью в условиях кризиса характеризуется как обобщенное понятие, означающее направление управленческой науки, связанное с изучением приемов и методов, позволяющих предотвратить банкротство, с другой – оно трактуется как микроэко-

номический процесс, представляющий собой совокупность форм и методов реализации антикризисных процедур применительно к конкретной организации с целью сохранения ее устойчивости.

Управление финансовой устойчивостью является важной задачей менеджмента на всем протяжении существования предприятия с целью обеспечить независимость от внешних условий (внешняя финансовая устойчивость) и рациональность покрытия активов источниками их финансирования (внутренняя финансовая устойчивость).

В процессе реализации своей главной цели антикризисное финансовое управление предприятием направлено на решение таких задач, как своевременное диагностирование предкризисного финансового состояния предприятия и принятие необходимых превентивных мер по предупреждению финансового кризиса; устранение неплатежеспособности предприятия; минимизация негативных последствий финансового кризиса предприятия.

Таким образом, в условиях финансового кризиса залогом выживаемости предприятия служит его финансовая устойчивость. Проблемы финансовой устойчивости относятся к числу наиболее важных не только финансовых, но и общеэкономических проблем. Финансово-экономический кризис является проверкой для коммерческих организаций, так как в условиях кризиса смогут функционировать только те хозяйствующие субъекты, руководство которых сумело адаптироваться к изменяющимся макро- и микроэкономическим показателям. Любому предприятию необходимо проводить анализ своей деятельности в динамике за несколько лет, чтобы была возможность выявить недостатки своей работы и принять меры по их ликвидации.

Для анализа устойчивости финансового состояния предприятия предлагается функциональный подход, основанный на применении методов дифференциального исчисления.

Для анализа устойчивости финансового состояния предприятия часто используется принцип объединения показателей в однородные по экономическому содержанию группы, однако можно использовать и другой принцип объединения показателей – функциональный [4].

Для функционального анализа характерно объединение в группы различных по экономическому содержанию показателей, позволяющих определить тип развития производства в соответствии со структурой и динамикой изменения данных показателей.

Различают два основных типа развития производства: интенсивное и экстенсивное. Различные их сочетания позволяют делать вывод об интенсивно-экстенсивном или экстенсивно-интенсивном типе развития производства.

Для характеристики типа развития производства показатели классифицируют на качественные (атрибутивные) и количественные. Если развитие характеризуется более полным использованием факторов, повышением их отдачи, то происходит интенсификация процесса производства за счет качественных факторов. Если дополнительно вовлекаются ресурсы, то развитие осуществляется за счет экстенсивных факторов.

Сопоставление темпов прироста объема выпуска продукции с темпами прироста потребляемых ресурсов позволяет найти количественную оценку о типе развития производства.

Следовательно, на основе функционального подхода можно не только вывести условия максимизации прибыли предприятия, но и определить тип предприятия по отношению к финансовой устойчивости.

В условиях современных тенденций к всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации и вступления России в ряды участников Всемирной торговой организации отечественным промышленным

предприятиям необходимо прилагать усилия для совершенствования систем управления. Перед ними стоит задача создания и развития высокотехнологичных конкурентоспособных в мировом масштабе производств, что, несомненно, требует поддержки со стороны государства и внешних инвесторов.

Для участия в конкурентной борьбе нужно использовать международные стандарты в организации системы управления качеством. Сертификат соответствия системы менеджмента качества международным стандартам, полученный в одной стране, автоматически принимается в остальных странах мира. Система управления качеством давно не ограничивается понятием качества продукции: сегодня это организационный механизм построения эффективной системы управления предприятием, ориентированный на непрерывное самосовершенствование системы. Одним из наиболее известных инструментов управления предприятием является система бюджетов, которые аккумулируют информацию, требующуюся для реализации управленческих решений [4]. В настоящее время процесс бюджетирования (разработка и исполнение бюджетов, алгоритмы сбора информации и сравнения плановых и фактических показателей) является важным инструментом управления деятельностью структурных подразделений и мотивации сотрудников.

На практике интеграция системы менеджмента качества и системы бюджетирования на промышленном предприятии обеспечивает реализацию потребности в планировании, сравнении фактических и плановых показателей, а также информационное обеспечение для принятия управленческих решений.

Следует сделать вывод о том, что для оценки деятельности предприятия основными являются показатели финансово-экономической устойчивости, которые одновременно служат базой для принятия управленческих решений. Обеспечение финансовой устойчивости является важной задачей и условием успешности внутренних и внешних взаимодействий предприятия. Для получения государственного финансирования или коммерческого кредитования нужна оценка финансово-экономического состояния предприятий. Одним из существенных условий для привлечения инвестиций является необходимость совершенствования инструментов и методов управления устойчивостью предприятия.

Литература

1. *Бородина Н.М.* Управление финансовой устойчивостью предприятия в условиях финансового кризиса // Альманах современной науки и образования. 2009. № 12 (31), ч. I. С. 184–186.
2. *Швецов А.В.* Методические подходы к оптимизации бюджетных расходов в социальной сфере // Вестник Марийского государственного технического университета. Сер. Экономика и управление. 2010. № 2.
3. *Швецова Н.К.* Проблемы учетно-аналитического обеспечения управления финансовой устойчивостью бизнеса // Инновационное развитие экономики. 2013. № 3(15). С. 103–106.
4. *Шестакова И.О., Алексейчик Т.В.* Функциональный подход к анализу финансовой устойчивости предприятия // Вестник Ростовского государственного экономического университета «РИНХ». 2009. № 2. С. 198–205.

ШВЕЦОВА НАТАЛИЯ КИМОВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (n.shvetsova.2014@yandex.ru).

SHVETSOVA NATALIYA – candidate of economics sciences, associate Professor of Economics and Finance Chair, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

ЕГОШИНА МАРГАРИТА НИКОЛАЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (egoshina.mn@yandex.ru).

EGOSHINA MARGARITA – candidate of economics sciences, associate Professor of Economics and Finance Chair, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 347.122
ББК Х404.0

Н.В. АЛЕКСАНДРОВА

О МЕТОДАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ

Ключевые слова: методы, предмет, категория, гражданское право, правовое регулирование, правоотношения.

Исследованы отраслевые методы правового регулирования общественных отношений – методы гражданского права, научные концепции и авторские подходы, отражающие сущность и значение данной категории права в целях регулирования гражданско-правовых отношений.

**N. ALEKSANDROVA
ABOUT THE METHODS OF REGULATION OF CIVIL LEGAL RELATIONS:
SCIENTIFIC APPROACHES**

Key words: methods, subject, category, civil law, regulation, legal.

In this article we study the sectoral methods of legal regulation of the public relations methods of civil law, scientific concepts and original approaches, reflecting the essence and importance of this category of rights.

Метод правового регулирования является одним из определяющих элементов гражданского права, однако вопросы, связанные с изучением данной категории права, среди ученых-цивилистов встречаются крайне редко и, следовательно, вызывают повышенный научный интерес.

В науке нет единого мнения о методах регулирования правоотношений, что, возможно, объясняется тем, что это один из спорных вопросов цивилистики. Безусловно, отсутствие такого согласия порождает бесконечные споры и формирует научные идеи и концепции, отражающие субъективные взгляды на указанную проблему, поскольку метод регулирования относится к числу основополагающих категорий правовой науки. Однако, несмотря на различия в аргументации, все сходятся в том, что метод правового регулирования – это способ воздействия (осуществляемый с помощью права), цель которого – совершение действий в интересах общества.

Одни полагают, что категория метода правового регулирования применяется для характеристики регулирующего воздействия на общественные отношения различных правовых образований. В зависимости от вида последних следует различать: общий (общеправовой) метод регулирования, характеризующий регулирующее воздействие права в целом; отраслевой (общеправовой) метод, раскрывающий специфику регулирования отдельной отрасли права соответствующего рода общественных отношений; метод регулирования определенного вида или комплекса отношений правовым институтом и метод регулирования, присущий отдельной юридической норме [2. С. 12–13].

Другие отстаивают точку зрения, согласно которой метод – это совокупность приемов, средств и способов воздействия права на общественные отношения, т.е. тот набор юридических инструментариев, «посредством которого государство оказывает необходимое воздействие на волевое поведение участников общественных отношений» [8. С. 234–235].

Третьи утверждают, что метод правового регулирования – это лишь такой способ воздействия права на поведение людей, который связан с реализацией норм права в правоотношениях.

Следует сказать о том, что различные общественные отношения, входящие в сферу правового регулирования, порождают различия в методах и способах юридического воздействия. Одной из причин этого является особое значение исследуемой правовой категории для системы гражданского права, что связано с необходимостью познания сущности способов и средств, непосредственно воздействующих на общественные отношения.

В теории права высказаны различные мнения по поводу определения метода правового регулирования общественных отношений. Так, по мнению С.С. Алексеева, метод правового регулирования есть «совокупность юридических приемов и средств, с помощью которых осуществляется правовое воздействие в данной области отношений» [1. С. 215].

Для того, чтобы воздействие на предмет регулирования было эффективным, должны быть использованы средства, соответствующие природе регулируемых отношений, – отмечает А.А. Гончаров [4. С. 4].

Тем не менее общепринятого подхода к определению понятия метода правового регулирования не существует.

Спорным в цивилистической науке является вопрос о методе гражданско-правового регулирования отношений. Широкое распространение получило мнение о том, что нельзя сводить отраслевой метод правового регулирования к какому-то одному приему, способу, используемому законодателем в данной отрасли права. Однако как невозможно перечислить все общественные отношения, входящие в предмет гражданского права, так и невозможно привести все приемы и способы воздействия на них, применяемые в гражданском праве.

В научных трудах В.Ф. Яковлев указывает на характерные черты гражданско-правового метода: правонаделение, правовую инициативу, юридическое равенство субъектов. По мнению ученого, «гражданско-правовой метод – способ воздействия на отношения, который является дозволительным, характеризуется наделением субъектов на началах их юридического равенства способностью к правообладанию, диспозитивностью и инициативой, обеспечивает установление правоотношений на основе правовой самостоятельности сторон» [9. С. 69].

Сказанное лишь свидетельствует о том, что современная гражданско-правовая наука, характеризуется возрастающим интересом к исследованию понятия методов гражданско-правового регулирования.

Безусловно, нет отраслей права, построенных лишь на одном методе правового регулирования. Так, если в публичных отраслях господствуют методы власти и подчинения, предписаний (обязываний) и запретов, то для частного права характерны дозволение и правонаделение, т.е. предоставление возможностей для использования различных средств достижения правовых результатов.

В то же время одни считают, что каждой отрасли права присущ только один метод правового регулирования, другие говорят о нескольких методах, третьи полагают, что метод имеет универсальный, надотраслевой характер.

При подобном подходе общее понятие метода подменяется его единичным проявлением с точки зрения гражданского права.

Являясь ведущей отраслью права, гражданское право использует два метода правового регулирования: императивный и диспозитивный. В частности, метод власти – подчинения (метод субординации) и метод равенства участников правоотношений (метод координации). Первая разновидность характерна для публичного права, а вторая – для частного, в том числе для гражданского, так как его характеризуют признаки: юридическое равенство участников регулируемых отношений, их имущественная самостоятельность и автономия воли.

Исходя из изложенного, под методом гражданского права следует понимать совокупность юридических приемов, способов и средств, с помощью которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений, составляющих предмет гражданского права.

В свою очередь, общественные отношения, составляющие предмет гражданского права, имеют комплексный характер, так как связаны с реализацией группы имущественных и неимущественных прав его участников.

На наш взгляд, характеризую каждую конкретную отрасль права, метод правового регулирования раскрывает определенные черты соответствующего предмета регулирования. Наличие специфики предмета предполагает использование специфического метода, так как сам метод имеет производный характер от предмета гражданского права. В данном случае, в широком смысле слова, предметом гражданского права являются три группы отношений: 1) имущественные отношения; 2) тесно связанные с имущественными личные неимущественные отношения; 3) личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными, если иное не вытекает из сути этих отношений.

Содержание и воздействие метода правового регулирования предопределяются характером имущественных и личных неимущественных отношений таким образом, чтобы такое воздействие было эффективным и достигало поставленных целей, на которые оно рассчитано, и соответствовало природе регулируемых отношений.

Отсюда следует важная научная позиция: входящие в предмет гражданского права общественные отношения регулируются определенным гражданско-правовым методом, под которым понимается способ воздействия норм права на отношения, регулируемые гражданским законодательством. «По содержанию и общей направленности метод гражданского права является предметно-координационным, отражающим специфику модельного гражданского правоотношения, закрепленного в нормах права». [5. С. 15].

По мнению исследователей, включение в название метода гражданского права координационного элемента объясняется, во-первых, его функцией по координации поведения участников гражданского правоотношения и, во-вторых, необходимостью координации субъективных прав и обязанностей участников гражданского правоотношения с нормами объективного права [6. С. 32].

Полагаем, в первом случае координация обеспечивается юридическим равенством участников правоотношений на всех стадиях его существования, начиная от возникновения и до завершения. Во втором случае координация выражается в определении свободы участников правоотношений, в части осуществления ими субъективных прав и обязанностей. Такого рода координация закрепляется в форме дозволения участникам соответствующего правоотношения самим устанавливать права и обязанности, прежде всего, посредством диспозитивных норм права. Большинство правоотношений вследствие регулирования гражданским правом носит двусторонний характер: каждая из сторон не только принимает на себя обязанность, но приобретает в этом же правоотношении и субъективное право.

Большинство ученых признают, что основополагающим признаком метода гражданско-правового регулирования следует рассматривать юридическое равенство участников, а именно – их правовое положение. В то же время нельзя отрицать, что равенство в гражданском праве имеет место в отношении возможности субъектов гражданского права осуществлять свои субъективные гражданские права, поскольку именно такое равенство является предпосылкой эффективного осуществления их прав.

Мы полагаем, субъекты гражданского права не могут быть юридически равны в силу своего различного правового статуса, поскольку равенство в осуществлении прав и исполнения обязанностей является более конкретным отражением сущности гражданского права, в котором каждый субъект гражданского права имеет равную возможность реализации своих субъективных прав.

Как известно, нормы гражданского права предусматривают широкие возможности для участников правоотношений в сфере гражданского оборота, которые должны действовать разумно и добросовестно и осуществлять свои права исключительно в соответствии с их назначением.

Исходя из общих положений существенной чертой гражданско-правового метода является возможность для участников правоотношений в пределах, установленных законом, определять права и обязанности сторон, порядок их исполнения, изменения и прекращения с предусмотрением условий ответственности. Эта возможность в совокупности создаёт значительную самостоятельность для субъектов в распоряжении и осуществлении ими гражданских прав.

Действительно, характер тех или иных правоотношений позволяет говорить о методах правового регулирования в контексте юридического равенства субъектов гражданского права. В.П. Грибанов усматривал черты гражданско-правового метода в равном положении субъектов, в исковом способе защиты гражданских прав и специфической форме воздействия на правонарушителя – имущественной ответственности [3. С. 153].

Категория «равенство» наиболее полно отражает сущность метода гражданско-правового регулирования, включая обязательственные, вещные, договорные и т.д. правоотношения.

В практическом аспекте важной чертой гражданско-правового метода является диспозитивность многих гражданско-правовых норм (абз. 2 п. 4 ст. 421 ГК РФ), которые содержат общее правило поведения участников, допуская возможность отступления, если это вытекает из другого закона и (или) соглашения самих сторон. Например, в силу п. 1 ст. 223 ГК РФ право собственности у приобретателя вещи по договору возникает с момента ее передачи, если иное не предусмотрено законом или договором. Точно так же риск случайной гибели или случайного повреждения имущества по общему правилу диспозитивной ст. 211 ГК РФ несет его собственник, если иное не предусмотрено законом либо договором.

Полагаем метод диспозитивного регулирования гражданских правоотношений наиболее «востребованным» в отличие от другого метода регулирования – императивного, который предполагает строго определенную модель поведения сторон, нарушение которой влечет неблагоприятные для них последствия. Так, несоблюдение правил о форме заключения сделки в предусмотренных законом случаях влечет ее недействительность (ст. 168 ГК РФ).

Важно отметить, что более детальное исследование диспозитивные нормы получили в трудах О.А. Красавчикова. По его мнению, гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений – это правовой метод, который характеризуется юридическим равенством субъектов права, их диспозитивностью и инициативой в формировании и реализации гражданских правоотношений, возложением мер имущественной ответственности и защиты (в случае нарушения гражданских прав), которые выполняют в основном восстановительную функцию [7. С. 18]. Нам представляется правомерным данное мнение.

Мы считаем, что диспозитивность следует рассматривать как правовую свободу, предоставленную субъектам гражданского права в целях осуществления ими гражданских прав и исполнения принятых обязанностей.

Таким образом, преобладающим методом в гражданском праве является диспозитивный, например, граждане вправе заключить любой договор, даже если такой вид не предусмотрен гражданским законодательством.

Однако в настоящее время активные рыночные процессы определяют необходимость выработки новых подходов не только к определению диспозитивности в гражданском праве как сущностной характеристики метода гражданско-правового регулирования, но и к совершенствованию его условий.

Проблема методов гражданско-правового регулирования должна исследоваться посредством анализа особенностей правового положения субъектов гражданских правоотношений.

Особенности метода гражданско-правового регулирования, прежде всего, отражают его сущность и предполагают юридическое равноправие субъектов гражданского права, диспозитивность правовой нормы, тесную взаимосвязь с предметом, функциями и принципами гражданско-правового регулирования. Данная характеристика указывает на своеобразие метода гражданско-правового регулирования как особого системного фактора гражданско-правовой отрасли.

С учетом вышеизложенного правовая природа каждого метода регулирования правоотношений вызывает в современной науке гражданского направления немало дискуссионных вопросов, а все вышеотмеченное свидетельствует об актуальности исследования категории методов гражданско-правового регулирования общественных отношений, основанных на началах императивности и диспозитивности.

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права: 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2008. 565 с.
2. Байтин М.И., Петров Д.Е. Метод регулирования в системе права: виды и структура // Журнал российского права. 2006. № 10. С. 12–17.
3. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Юрид. лит., 1972. 311 с.
4. Гончаров А.А., Маслова А.В. Гражданское право (части общая и особенная) / отв. ред. А.А. Гончаров. М.: Wolters Kluwer, 2010. 512 с.
5. Емельянов В. Пределы осуществления гражданских прав // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 15.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая / под ред. О.Н. Садикова. М.: Контракт; ИНФРА-М, 2006. 987 с.
7. Советское гражданское право / под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд. М.: Высш. шк., 1985. Т. 1. 544 с.
8. Теория государства и права. Академический курс / под ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 1998. Т. 2. 640 с.
9. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М.: Статут, 2006. 240 с.

АЛЕКСАНДРОВА НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nadyaalex@list.ru)

ALEKSANDROVA NADEZHDA – candidate of legal sciences, associate professor of Civil Legal Disciplines Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 34. 343
ББК 67.408

Р.М. КОЧЕТОВ

АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ, ВНЕСЕННЫХ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РФ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОНЯТИЯ «ПОЛОВАЯ ЗРЕЛОСТЬ»

Ключевые слова: изменения, половая зрелость, исключение, усиление ответственности.

Исследованы изменения в Уголовном кодексе РФ, связанные с использованием понятия «половая зрелость». Автором представлен анализ федеральных законов РФ, вносивших изменения в УК РФ, связанные с введением в него и исключением из него понятия «половая зрелость». Представлено мнение уголовного законодателя и научного сообщества в рамках рассматриваемого вопроса. По результатам аналитической деятельности выработаны и представлены проекты изменений в части статей 134, 135 УК РФ.

R. KOCHETOV

ANALYSIS OF THE CHANGES TO THE CRIMINAL CODE RELATING TO THE USE OF THE CONCEPT OF «PUBERTY»

Key words: change, puberty, exclusion, increased responsibility .

The article investigates any changes to the Criminal Code relating to the use of the concept of «puberty». The author presents an analysis of the Federal laws of the Russian Federation, to make changes to the Criminal Code relating to the introduction and exclusion concept of «puberty». The paper presents a view of the criminal legislator and scientific community in a matter under consideration. According to the results of analytical work developed and presented draft amendments under Articles 134 and 135 of the Criminal Code of the RF.

В последнее время на территории России наблюдается некая тенденция, которая указывает на увеличение количества зарегистрированных преступлений, относящихся к группе преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Частые упоминания о них в различных средствах массовой информации напрямую указывают на это. В период с 2012 г. в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ), в том числе в гл. 18, внесены изменения, направленные на принятие определённых мер по усилению уголовно-правовой защиты граждан, в том числе несовершеннолетних. Именно на это указывают названия некоторых федеральных законов, которые утвердили изменения в УК РФ.

Существенные изменения, усиливающие уголовную ответственность за посягательства в области преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, были внесены в УК РФ 1 марта 2012 г. путём введения в него понятия «половая зрелость». Произошло это с принятием Федерального закона Российской Федерации от 29.02.2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Нововведения российского законодателя гласили:

«1) статью 134 УК РФ изложить в следующей редакции:

“Статья 134. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста

1. Половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста и **половой зрелости**, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, – ...

2. Мужеложство или лесбиянство с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста и **половой зрелости**, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, – ...”;

в статье 135:

а) в части первой:

абзац первый изложить в следующей редакции:

“1. Совершение развратных действий без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста и **половой зрелости**, —” [6].

Забегая вперёд, следует пояснить, что введение указанного понятия явилось новеллой действующего УК РФ, несмотря на наличие данного понятия в предыдущем УК РСФСР (1960 г.). Да и сама идея, которая заключается в появлении нового критерия, позволяющего сохранить половую неприкосновенность лиц, которые не достигли половой зрелости в физиологическом аспекте, достойна поддержки.

Впоследствии в Государственную Думу РФ был внесён законопроект за № 321231-6 «О внесении изменений в статьи 134 и 135 Уголовного кодекса Российской Федерации» [2], предусматривающий исключение из ст. 134, 135 УК РФ введённого в 2012 г. понятия «половая зрелость». Пояснительная записка к данному законопроекту гласит: «После принятия данного Федерального закона в правоприменительной практике появились сложности, связанные с установлением признака достижения или недостижения потерпевшим половой зрелости. Для этого каждый раз требуется проведение судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз, которые являются дорогостоящими, отсутствует достаточное количество экспертов. В результате снижается эффективность расследования преступлений, связанных с сексуальным насилием. Кроме того, современное поколение переживает период ретардации (психическое развитие отстает от физического), соответственно повышение возраста несовершеннолетнего потерпевшего является дополнительной гарантией защиты психического здоровья российских детей.

Законопроектом предлагается исключить из частей 1 и 2 статьи 134, части 1 статьи 135 УК РФ признак, указывающий на достижение либо недостижение несовершеннолетним потерпевшим половой зрелости.

Принятие данного проекта федерального закона позволит повысить эффективность раскрытия сексуальных преступлений в отношении всех несовершеннолетних, раскрываемость этих преступлений и в конечном счёте приведёт к сокращению числа сексуальных преступлений против несовершеннолетних» [5].

В результате вышеизложенного был принят Федеральный закон РФ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28.12.2013 г. № 380-ФЗ, гласящий в ст. 1:

Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 25, ст. 2954; 2009, № 31, ст. 3921; 2012, № 10, ст. 1162) следующие изменения:

1) в статье 134:

а) в абзаце первом части первой слова «и половой зрелости» исключить;

б) в абзаце первом части второй слова «и половой зрелости» исключить;

2) в абзаце первом части первой статьи 135 слова «и половой зрелости» исключить [3].

Вышеуказанные изменения свидетельствуют о том, что законодатель в данном случае выбрал самый простой вариант – исключить понятие «половая зрелость», введённое в УК РФ менее двух лет назад, вместо необходимой доработки и корректировки как самого текста ст. 134, 135 УК РФ, так и условий для

применения нормы права, предусматривавшей достижение лицом половой зрелости. Научное сообщество, в частности А.Е. Якубов, говорит о том, что законодателю необходимо доработать используемое нововведение, а именно: следует либо исключить из ст. ст. 134, 135 УК признак “не достигшим половой зрелости”, либо, если законодатель захочет пойти дальше инициатив Президента в усилении ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних, – заменить соединительный союз “и” на разделительный союз “или”. Обвиняемый должен не только понимать опасность деяния, но и желать совершить преступление именно в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего или четырнадцатилетнего возраста и половой зрелости [7]. А.Ю. Епихин, в свою очередь, говорит о том, что: «для установления признаков достижения половой зрелости производится судебно-медицинская экспертиза, что уже само по себе ставит в затруднительное положение лицо, ведущее производство по уголовному делу в процессе квалификации действий обвиняемого. Проблема состоит в том, что в силу ч. 2 ст. 5 УК РФ “Принцип вины” следователь (суд) обязаны установить наличие прямого умысла и его содержание, достоверную информацию у субъекта преступления о достижении потерпевшей (потерпевшим) половой зрелости по делам данной категории» [1]. Он приходит к выводу о том, что, «вводя обязательный признак “половая зрелость”, законодатель тем самым декриминализовал случаи добровольного полового сношения с лицами, достигшими 16 лет и достигшими половой зрелости. Исключение половой зрелости из диспозиций ст. ст. 134 и 135 УК РФ позволяет сделать вывод о декриминализации фактов ненасильственного полового сношения с лицами, достигшими 16 лет, но не достигшими половой зрелости» [1].

Необходимо также обратить внимание на предложение А.Е. Якубова, который говорит, что: «при использовании разделительного союза “или” для привлечения к уголовной ответственности достаточно было бы установить любой из признаков – недостижение потерпевшим лицом шестнадцатилетнего возраста либо недостижение половой зрелости, и это отвечало бы целям Федерального закона от 29 февраля 2012 г. – усиление ответственности, так как появился бы новый состав преступления – половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости. Соединительный же союз “и” для привлечения к уголовной ответственности требует, чтобы виновный сознавал, что лицо и не достигло 16 лет и не достигло половой зрелости» [7].

Анализируя вышеизложенное, возможно сделать вывод о том, что Федеральный закон Российской Федерации от 29.02.2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних», содержал ошибку в названии, так как после введения критерия половой зрелости дополнительный признак в составе преступления мог смягчить ответственность. Однако исходя из того, что ст. 6 УК РФ предусматривает принцип справедливости, указанный ФЗ от 29.02.2012 г. наиболее полно производил градацию и дифференциацию уголовного наказания в рамках ст. 134, 135 УК РФ. Введение понятия «половая зрелость» также наиболее удовлетворяло ст. 18 Конституции РФ. Однако в нынешнем состоянии (исключение понятия «половая зрелость») уголовный закон позволяет ускорить процесс привлечения преступника к уголовной ответственности, в итоге быстрее проходит следствие (без назначения различных экспертиз, определяющих достижение/недостижение половой зрелости) и т.п. По мнению автора, с учётом предложений научного сообщества наилучшим вариантом следует признать необходимость возвращения по-

нения «половая зрелость» в УК РФ с дополнением союзом «или» частей ст. 134, 135 УК РФ, в следующей редакции:

«Статья 134. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста

1. Половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста или половой зрелости, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, – ...

2. Мужеложство или лесбиянство с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста или половой зрелости, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, – ...

Статья 135. Развратные действия

1. Совершение развратных действий без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста или половой зрелости».

Следует отметить, что поднимаемый в юриспруденции и медицине вопрос о том, что на момент введения в УК РФ рассматриваемого понятия отсутствовали современные экспертные методики для проведения экспертизы на предмет установления достижения/недостижения возраста половой зрелости, впоследствии был разрешён, о чём свидетельствует Письмо Минздрава России от 14.12.2012 г. № 14-1/10/2-5080 «О Порядке установления достижения половой зрелости», а также принятие методических рекомендаций «Порядок установления достижения половой зрелости», утвержденных ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России 11.12.2012 г. [4].

В то же время введение, а потом отмена понятия «половая зрелость» в ст. 134, 135 УК РФ привели к тому, что создаётся двойственная правоприменительная практика, так как при выявлении и раскрытии преступного деяния правоохранительные органы должны руководствоваться нормой права, действовавшей на момент совершения преступления. Из этого следует, что при утверждении исключения понятия «половая зрелость» необходимо было рассмотреть вопрос о едином толковании правовых норм, предусмотренных ст. 10 УК РФ. Из этого следует, что введённое понятие имело обратную силу в части преступлений, предусмотренных ст. 134, 135 УК РФ (в предыдущей редакции), совершённых в отношении лиц в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет при условии достижения ими половой зрелости. Соответственно, из пенитенциарных учреждений необходимо было освободить определённое число граждан, которые совершили преступления до введения понятия «половая зрелость», а неосужденных – освободить от ответственности. Но трудность заключается в том, что после этого данная категория преступлений законодателем вновь подвергается криминализации.

Таким образом, после отмены понятия «половая зрелость» в правовой системе выработана современная экспертная методика, определяющая порядок установления достижения лицом половой зрелости, возвращена правоприменительная практика, позволяющая декриминализировать деяние, заключающееся в ненасильственном половом сношении с лицом, достигшим шестнадцати лет, но не достигшим половой зрелости. В связи с этим должно сократиться время, проходящее от возбуждения уголовного дела до передачи его в судебные органы. Однако вопрос морали и воспитания современного поколения, возникающий при совершении добровольного полового акта с лицом, достигшим возраста сексуального согласия, но не достигшим половой зрелости, законодателем не рассмотрен. Произошло это, в том числе, в угоду эффективности расследования отдельной группы преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Литература

1. Епихин А.Ю. Проблемы введения и исключения дефиниции «половая зрелость» в современном российском уголовном праве // Роль высшего образования в подготовке компетентного бакалавра: материалы итоговой Международ. науч.-практ. конф. (7 февраля 2014 г., г.Казань) / под ред. Ф.Г. Мухаметзяновой, Р.Р. Фахрутдинова, А.З. Гильманова. Казань: ЧОУ ВПО «Академия социального образования», 2014. С. 168–171.
2. О внесении изменений в статьи 134 и 135 Уголовного кодекса Российской Федерации: законопроект № 321231-6 [Электронный ресурс] // Государственная дума: офиц. сайт. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=321231-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=321231-6) (дата обращения: 27.02.2014).
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Фед. закон от 28.12.2013 г. № 380-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
4. О Порядке установления достижения половой зрелости (вместе с «Порядком установления достижения половой зрелости (методическими рекомендациями): письмо Минздрава России от 14.12.2012 № 14-1/10/2-5080: утв. ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России 11.12.2012 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
5. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 134 и 135 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Государственная дума: офиц. сайт. URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/2287F055CB8F4BAC-43257BB2005CEB27/\\$FILE/321231-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/2287F055CB8F4BAC-43257BB2005CEB27/$FILE/321231-6.PDF?OpenElement) (дата обращения: 27.02.2014).
6. Рос. газета. 2012. 2 марта.
7. Якубов А.Е. Как депутаты от «Единой России» педофилию легализовали [Электронный ресурс] // ВоттАнти Спам: сайт. URL: <http://vottantispam.livejournal.com/203631.html> (дата обращения: 27.02.2014).

КОЧЕТОВ РЕНАТ МИХАЙЛОВИЧ – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (RENAT51@yandex.ru).
KOCHETOV RENAT – post-graduate student of Criminal Law Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 347.6.01
ББК Х 404.5-0

И.Ю. СЕМЕНОВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНКРЕТИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА ДЕЙСТВИЯ ПРАВОВЫХ СТИМУЛОВ И ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ В РОССИЙСКОМ СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

Ключевые слова: правовые средства, стимулы в семейном праве, ограничения в семейном праве, механизм действия правовых средств в российском семейном праве.

Исследованы теоретические основы конкретизации механизма действия таких правовых средств, как стимулы и ограничения, и их проявления в семейном праве РФ. Анализируя указанную проблему, автор приходит к выводу, что рассмотренные вопросы достаточно актуальны и требуют активизации правовых исследований в данной сфере.

I. SEMENOVA

THEORETICAL BASES SPECIFICATIONS OF LEGAL INCENTIVES MECHANISM AND LEGAL RESTRICTIONS IN RUSSIAN FAMILY LAW

Key words: legal means, incentives in a family law, restrictions in a family law, the mechanism of action of legal means in the Russian family law.

Article is devoted to theoretical bases of a specification of the mechanism of action of such legal means as incentives and restrictions and to their manifestation in a family law of the Russian Federation. Analyzing the specified problem, the author comes to a conclusion that the considered questions are rather actual and demand activization of legal researches in this sphere.

Общая теория государства и права традиционно выполняет методологическую функцию, разрабатывает теоретико-методологический инструментарий для познания закономерностей в рамках отраслевых наук. Особенно это актуально в современных условиях, когда отчетливо обнаруживается активная стадия процесса интеграции и дифференциации юридических наук.

Сегодня нельзя утверждать, что правовая наука в полной мере раскрыла стимулирующие и ограничивающие возможности права, однако в отечественном семейном праве эта проблема не исследована и в этом испытывается острая необходимость. Для того, чтобы детально уяснить механизм правового стимулирования и правового ограничения в отечественном семейном праве, следует обратиться к достижениям общей теории права.

Система правовых средств, влияющих на общественные отношения, образует правовой инструментарий (или правовой механизм). Механизм действия правовых стимулов и правовых ограничений проявляется в виде процесса воздействия данных правовых средств на волю, сознание и интересы индивида. Данный механизм работает через внутренний мир человека, и его условно можно представить как цепочку следующих логически последовательных взаимосвязанных действий: потребность – интерес – мотив – деятельность человека под воздействием либо стимулирующих, либо ограничивающих правовых средств.

Механизм действия стимулов и ограничений складывается из внешних (конкретные правостимулирующие или ограничивающие средства) и внутренних (потребности, цели, установки, мотивы) средств.

Право, оказывая собственно юридическое воздействие, влияет на волю и сознание людей, закрепляет сложившуюся систему социальных ценностей, к числу которых, несомненно, относятся семья и брак. Субъект семейных правоотношений всегда ориентируется на формальные правила и ценности. Когда человек осознает эти ценности, появляются потребности как их осознанное выражение. Потребности определяют и влияют на мотивы поведения личности. В соответствии с мотивами поведения человек выбирает тот или иной вариант поведения в рамках семейно-брачных отношений, а элементами правовой программы являются правовые стимулы и ограничения.

Раскрывая механизм действия стимулов и ограничений в отечественном семейном праве, следует уяснить, что первоначально данные правовые средства на информационно-психологическом уровне воздействуют на интересы, которые являются осознанным выражением потребности. По справедливому утверждению А.В. Малько, «интерес есть форма проявления в сознании человека такой его потребности, удовлетворение которой для него жизненно важно и удовлетворить которую можно только посредством определенной деятельности» [6. С. 143]. Субъективный интерес есть специфическая связь между человеком и внешней средой. Сущность связи состоит в том, что у человека имеется потребность, а во внешней среде – ценность, удовлетворяющая эту потребность. Например, у человека появляется потребность в создании семьи. Он осознает данную потребность вовне, а внешне это осознание начинает выражаться в определенных действиях, совершаемых для удовлетворения данной потребности: поиске второй половины, создании условий для семейной жизни и т.д. Удовлетворение потребности в создании семьи становится для человека жизненно важно, и далее его деятельность сводится к уяснению требований общества и государства, соблюдение которых позволит ему удовлетворить его потребность. Российское государство выступает за создание семьи путем регистрации должным образом брачных отношений. Именно регистрация брака в органах записи актов гражданского состояния при соблюдении установленных в законе условий означает, что государство берет такую семью под свою защиту. Отсюда можно говорить о том, что осознанное выражение потребности в создании семьи будет выражено в виде брака, который понимается как форма проявления в сознании человека такой потребности. Причем потребность в создании семьи обязательно будет основываться на опыте, который регулирует поведение личности. Еще Г.Ф. Шершеневич в своем труде отмечал, что «в своем поведении человек руководствуется представлением о том удовольствии или страдании, с которыми

соединено то или другое действие. Откуда же знать человеку, какое действие соединяется с удовольствием, а какое со страданием? Такое указание может исходить только из опыта» [10. С. 88]. Опыт выступает как итоговая совокупность удовлетворенных и неудовлетворенных в прошлом интересов личности. Если у человека за спиной остался неудавшийся брак, то в случае возникновения симпатии в будущем он будет достаточно настороженно относиться к факту установления законных брачных отношений.

Однако, помимо опыта, человек, испытывающий потребность в создании семьи, будет опираться и на свои имеющиеся представления относительно функционирования будущей семьи. Данный феномен у А.В. Малько определен как «идея – потенциальный интерес (будущее)» [6. С. 143]. И стимулирующий потенциал отечественного семейного права должен положительно влиять на формирование потенциального интереса у субъекта к семье и браку.

Вообще право влияет на интересы неодинаково: одни стимулирует, другие ограничивает. Механизм действия правовых стимулов в отечественном семейном праве проявляется в том, что здесь нет прямых указаний для деятельности субъектов, а наблюдается создание таких условий, где субъект имеет большую свободу варианта поведения. Специфика действия стимулов в семейном праве заключается в том, что они побуждают людей к социально полезному поведению, выступая для них как желанная цель (брак – желательное социальное поведение для общества и государства, а также желанная цель для лиц, имеющих потребность в создании семьи). Механизм же действия ограничивающих средств в отечественном семейном праве сводится к тому, что право путем прямых запретов, обязанностей и т.д. определяет единственно возможный вариант поведения личности. Например, согласно семейному законодательству, муж не имеет права возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года со дня рождения ребенка. И в данном случае законодатель, используя такое правовое средство, как ограничение, гарантирует в определенной мере охрану материнства и детства.

Конкретизация общего механизма действия правовых стимулов и ограничений в отечественном семейном праве позволяет сделать самые общие выводы относительно правового режима отрасли семейного права. Как известно, под правовым режимом понимается совокупность юридических средств, устанавливаемых и обеспечиваемых государством в целях урегулирования конкретных общественных отношений путем ограничения одних и стимулирования других сторон деятельности отдельных субъектов права. Иными словами, правовые режимы «создают конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов отдельных субъектов права» [7. С. 11].

В зависимости от соотношения стимулов и ограничений в каждой конкретной отрасли права правовой режим будет либо правостимулирующим, либо правоограничивающим. В свою очередь, указанные виды правовых режимов можно разделить на множество подвидов в зависимости от того, какие именно стимулы и ограничения преобладают в них: рекомендательный, поощрительный, дозволительный, обязывающий, льготный, запрещающий и т.д. Именно правовые режимы направляют волю субъекта, ориентируя человека на правомерное законопослушное поведение. Следствием такого поведения является либо неприменение наказания, либо фактическое поощрение.

Если рассматривать правовое воздействие в сугубо специально-юридическом плане, в теории права раскрывается такая категория, как механизм правового регулирования, а в информационно-психологическом аспекте изучают психологический механизм действия права. Как верно замечено, юридическое управление представляет «собой сложный и противоречивый процесс взаимодействия информационного содержания социализирующих и регулирующих по-

ведение личности факторов с различными типами сознательно-психологических процессов» [8. С. 73]. Стоящие перед правом задачи решаются вследствие информационно-психологического воздействия на личность, которое, по мнению М.Ф. Орзиха, «подчиняется общим законам информации и психологии» [9. С. 61]. И именно поэтому А.В. Малько дополняет традиционный «психологический» механизм (по Л.И. Петражицкому) информационным и называет его «информационно-психологическим» [6. С. 32].

Механизм воздействия правовых стимулов и правовых ограничений на сознание субъекта права работает как сложная упорядоченная система, состоящая из двух факторов: внешних (правовых средств) и внутренних. В состав внутренних факторов входят такие составляющие психологической структуры личности, как потребности, интересы, цели, мотивы, воля, установки.

Предположим, что действие правовых стимулов и правовых ограничений в отечественном семейном праве, непосредственно, минуя элементы внутренней структуры человека, вызывают поведение, соответствующее их алгоритму действия, то, как правильно заметил Д.А. Кикнадзе, в таком случае одно и то же требование должно было бы вызвать одно и то же действие у разных людей. Но практика показывает, что это не так. Одни люди выполняют общественные требования, другие поступают вопреки им [4. С. 45].

Таким образом, можно вычленил следующие основные (связующие) элементы психологического механизма действия стимулов и ограничений в семейном праве: правовое средство – интерес – мотив – установка.

Сделаем попытку рассмотреть названные элементы, их понятие, место и роль в механизме правового стимулирования и правового ограничения в отечественном семейном праве.

1. *Воздействие правовых средств на интересы человека.* В отличие от потребности, которая выступает в качестве непосредственного отношения человека к действительности, интерес, по А.В. Малько, – это осознанное выражение потребности.

Интерес проявляется в сознании человека в виде главной для него потребности, удовлетворить которую можно только посредством конкретной деятельности. Например, интерес к противоположному полу порождает потребность – вступление в брак.

Сами по себе интересы стали базой, фундаментом для существования и правовых стимулов, и правовых ограничений в отечественном семейном праве. Без интересов существование правовых стимулов и ограничений было бы ничтожным, так как правовые средства определяют поведение людей, разводя «сталкивающиеся интересы» и представляя возможности их удовлетворения через распределение ценностей. Суть правовой регуляции сводится в итоге к разграничению двух интересов по поводу одной и той же ценности, способной их удовлетворить. Любая личность, желая удовлетворить свой частный интерес, вступает в правоотношение с другой личностью для реализации этого интереса. Это возможно благодаря правовым стимулам.

Однако, чтобы пресечь положение, при котором личность удовлетворяла бы лишь собственную выгоду, законодатель закрепляет и правовые ограничения в виде ответственности, наказания, обязанности, прямого или косвенного запрета и др. Потребность к созданию семьи сталкивается с ограничениями семейного законодательства, устанавливающими условия заключения брака. Это основа, благодаря которой раскрывается процесс воздействия правовых стимулов и ограничений на интересы личности.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время теоретической базой, основой исследования категории «законный интерес» служат труды таких ученых, как Н.И. Матузова, А.В. Малько, В.П. Субочева.

Говоря об интересах, следует отметить, что в науке отечественного семейного права уделялось внимание лишь отдельным вопросам, касающимся интересов. Ю.Г. Долгов исследовал охраняемые законом интересы супругов, родителей и детей в семейных правоотношениях [2]. А.Г. Малинова также изучала правовую категорию «интерес» в семейном законодательстве [5]. Огромное значение для исследования категории «интерес» в семейном праве имеет монографическое исследование О.Ю. Ильиной [3].

Особенностью понятий «законные интересы» и «интерес» применительно к науке семейного права является то, что на сегодняшний день отсутствует четкое их определение. Представляется возможным говорить о том, что правовая категория «интерес» изучается в теории отечественного семейного права лишь частично как интерес того или иного члена семьи.

Эффективность действия стимулов и ограничений в отечественном семейном праве зависит от грамотного осознания потребностей в семейных правоотношениях, выявления необходимых интересов и закрепления их в нормах действующего семейного законодательства.

Нормы семейного законодательства сопровождают человека в течение всей его жизни, координируя поведение в различных жизненных ситуациях. Как верно отмечено О.Ю. Ильиной, «система интересов каждого из членов семьи, обусловленная субъективными и объективными факторами, подвергается процессу естественного изменения, модификации. Поэтому очень важно найти оптимальные, универсальные варианты и формы признания правом интересов членов семьи, применимые в любых социально-экономических условиях. Важно также выяснить, при помощи каких форм право признает приоритет частных интересов в семейных правоотношениях, а в каких формах содержится установление иных границ между частными и публичными интересами».

Участвуя в тех или иных общественных отношениях, граждане хотят удовлетворить собственные интересы. Семейные отношения, в основном имущественные, также регулируются государством. Даже общество путем моральных, религиозных и иных социальных норм устанавливает определенные правила поведения для членов семьи, тем самым выражая свой интерес. Однако лишь некоторые из этих интересов одобряются и закрепляются государством в правовых нормах, становясь правовыми интересами. Например, п. 1 ст. 119 Семейного кодекса РФ гласит: если после установления размера алиментов судом изменилось материальное или семейное положение одной из сторон, суд вправе по требованию любой из сторон изменить установленный размер алиментов или освободить лицо, обязанное уплачивать алименты, от их уплаты. При этом суд вправе учесть также иной заслуживающий внимания интерес сторон.

2. *Цель в механизме правовых стимулов и правовых ограничений.* Личность, следуя своим интересам и желая их удовлетворить, первоначально определяет, что для того должно быть сделано, достигнуто. Другими словами, человек ставит перед собой определенную цель. Лица, проявляющие интерес к семейным отношениям, ставят перед собой цель – подать заявление в ЗАГС и зарегистрировать брак.

3. *Мотивация поведения субъектов правовыми стимулами и ограничениями.* В теории права внешнее воздействие на волю и сознание людей для достижения поставленных целей реализуется такими методами, как стимулирование определенных видов деятельности и метод властного предписания, обеспечиваемый возможностью применения мер принуждения.

Действительно, в этом смысле в отечественном семейном праве механизм воздействия един. Таким образом, возникают две основные ситуации: одна из них сводится к тому, что цели субъекта и объекта управления совпа-

дают, а другая – к тому, что они не совпадают, и в этом случае испытывается острая потребность в дополнительной регуляции поведения со стороны социального контроля.

Как справедливо отмечено А.В. Малько, «между потребностями и интересами, с одной стороны, и целями – с другой, находится связующее звено – мотивы человеческой деятельности, представляющие собой ее необходимый компонент. Только с учетом характера мотивов, которыми руководствуется личность в своей деятельности, можно понять подлинный характер правомерного либо противоправного поведения» [6. С. 123].

Мотив, по своей сути, побудительная причина, а мотивация же – система внутренних факторов, определяющих и направляющих ориентированное на достижение цели поведение человека.

Для мотивации в семейных отношениях необходимо, чтобы человек осознал потребность в чем-либо в виде интереса, определил характер своих действий и их конечный результат (цель), затем соотнес деятельность с теми социальными требованиями, которые содержатся в системе юридических стимулирующих и ограничивающих средств. Для того, чтобы лицо имело мотивацию на вступление в брак, необходимо, чтобы оно осознало условия, порядок, а также правовые последствия заключения брака.

Представляется верным утверждение А.В. Малько, что «правовой стимул только тогда становится побудительной силой, когда «затронет» интерес субъекта и превратится в мотив. Правовой стимул может и не превратиться в позитивный мотив, если не принимается личностью, не отвечает какому-либо ее стремлению» [6. С.148].

Нельзя не отметить, что правовые ограничения, воздействуя на мотивы личности, также влияют на ее интересы. Однако в этом случае законодатель сообщает не о добровольности, а о необходимости и принудительности. Личность понимает данный сигнал, и у нее формируется определенный мотив. Однако стимулы и ограничения в семейных отношениях по-разному влияют на мотивы участников семейных отношений. Например, запреты сдерживают личность от неправомерного поведения, способствуя тем самым положительной мотивации. Запрет на вступление в брак до достижения возраста, установленного законом, ограничивает лицо от вступления в брак, тем самым мотивируя его дожидаться наступления совершеннолетия.

Однако, например, обязанности, обладая косвенным сдерживанием, оказывают вместе с тем мощное побудительное воздействие. Но это побуждение типа нужды, необходимости, подчинения, имеющее цель гарантировать удовлетворение интересов управомоченного. «Позитивное обязывание, – пишет С.С. Алексеев, – направлено на то, чтобы сформировать побудительные мотивы поведения и обеспечить (в конечном счете преимущественно принудительными мерами) их действие... Ведь психологическая основа побудительного мотива в данном случае состоит в том, чтобы избежать неблагоприятных последствий: страх, боязнь и т.д.» [1. С. 16]. Обязанность родителей по содержанию своих детей побуждает их обеспечивать детей, тем более, что при злостном уклонении от уплаты алиментов суд может лишиться родительских прав.

4. Мера социально-правовой активности как конечный результат правового стимулирования и ограничения. «Если на «входе» механизма своего действия правовые стимулы и правовые ограничения «встречаются» с потребностями и интересами, – пишет А.В. Малько, – то на «выходе» они трансформируются в правовые установки, в них концентрируются все указанные выше компоненты психологической регуляции. Сами по себе потребности, интересы, мотивы не порождают конкретного поступка, «они проходят через систему позитивно-ценностных представлений (установок) субъекта, которые

определяют направленность поведения, цели, пути и средства их достижения». Установка служит как бы мостиком от интереса и мотива к поведению, к объективированию результатов воздействия правовых стимулов и правовых ограничений на внутреннюю структуру личности» [6. С.89].

Создавая с помощью правовых стимулов в отечественном семейном праве благоприятные юридические условия для его реализации, государство формирует основу для усиления позитивной активности личности.

Насущная потребность правовых ограничений в отечественном семейном праве, прежде всего, заключается в том, чтобы, сдерживая негативную активность, доводить ее до уровня пассивности. Призывание же правового стимулирования в семейном праве состоит в том, чтобы повысить общественно полезную активность, уменьшить активность негативную. Презюмируя, отметим, что потребности, интересы, цели, мотивы, воля и установка в совокупности определяют компоненты механизма социально-психологической регуляции в семейном праве.

Проанализировав механизм действия правовых стимулов в отечественном семейном праве, можно определить процесс стимулирования как процесс воздействия определенных правовых норм на сознание субъекта семейного правоотношения, представляющий собой совокупность следующих стадий: 1) закрепление норм-стимулов в семейном законодательстве; 2) информирование субъекта семейных правоотношений о правовых стимулах в семейном праве; 3) осознание субъектами семейных правоотношений норм-стимулов; 4) реализация правовых норм, закрепляющих правовые стимулы в семейном законодательстве.

Правовые стимулы и правовые ограничения, воздействуя на интересы, мотивы и установки личности в отечественном семейном праве, приводят общественные отношения в определенную систему.

Таким образом, теоретические основы конкретизации механизма действия правовых стимулов и правовых ограничений в российском семейном праве достаточно актуальны и требуют активизации правовых исследований в данной сфере.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 360 с.
2. *Долгов Ю.Г.* Охраняемые законом интересы супругов, родителей и несовершеннолетних детей в семейном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 178 с.
3. *Ильина О.Ю.* Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. 374 с.
4. *Кикнадзе Д.А.* Потребности. Поведение. Воспитание. М.: Мысль, 1968. 146 с.
5. *Малинова А.Г.* Категория «интерес» в семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 27 с.
6. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. М.: Юристъ, 2005. 256 с.
7. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Политико-правовые режимы: Актуальные аспекты // *Общественные науки и современность.* 1997. № 1. С. 6–11.
8. *Новик Ю.И.* Психологические проблемы правового регулирования. Минск: Университетское, 1989. 135 с.
9. *Орзих М.Ф.* Личность и право. М.: Юрид. лит., 1975. 112 с.
10. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Рига, 1924. 805 с.

СЕМЕНОВА ИННА ЮРЬЕВНА – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (iysemenova@mail.ru).

SEMENOVA INNA – senior teacher of Civil Legal Disciplines Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

- 1) *заявление автора на имя главного редактора;*
- 2) *две внешние рецензии;*
- 3) *ходатайство научного руководителя;*
- 4) *лицензионный договор в двух экземплярах;*
- 5) *экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати.*

3. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

4. **Оформление статьи:**

- 1) *классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);*
- 2) *инициалы и фамилия авторов;*
- 3) *название статьи;*
- 4) *ключевые слова;*
- 5) *аннотация статьи;*
- 6) *название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;*
- 7) *ключевые слова на английском языке;*
- 8) *аннотация на английском языке;*
- 9) *текст статьи;*
- 10) *примечательный библиографический список;*
- 11) *сведения об авторе.*

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

Текст статьи представляется в двух экземплярах с приложением файла в электронном виде.

5. **Рисунки.** Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подписанные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

6. **Формулы и буквенные обозначения по тексту.** Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 11 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт.

Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом.

Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. **Таблицы.** Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовки выделяются полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

8. **Список литературы.** Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

9. Сведения об авторах набираются полужирным шрифтом размера 10 пт **на русском и английском языках в именительном падеже** по следующей форме: *Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail).*

10. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редакцией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

11. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

12. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Данилов А.А. Расширение культурно-воспитательной функции регионального телевидения: исторический опыт советского государства (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР).....	5
Дмитриев А.Е., Минеева Е.К. Цивильский детский городок имени В.И. Ленина как неформальный центр системы детских учреждений опеки в Чувашской АССР	9
Ерофеев Б.Н. Творческая интеллигенция Чувашии в начале 90-х годов XX века.....	13
Кириллова А.М., Широков О.Н. Международные связи сельских поселений Чувашии на рубеже XX – XXI веков	20
Козлов Ф.Н. Заккрытие церквей как элемент государственной антирелигиозной политики в конце 1920-х – начале 1930-х годов (по материалам национальных республик Среднего Поволжья)	26
Кузнецова Н.Ю., Минеева Е.К. Помощь эвакуированным в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.)	34
Минеев А.И. Чувашский совнархоз и производственная активность работников промышленности.....	39
Михайлова Р.В., Данилова О.А., Науменко А.А. Изменение духовности крестьян России в начале XX века под воздействием государства	43
Осипов А.А. Особенности свадебного обряда в доме невесты у чувашей вирьял.....	49
Попов С.А. Должность писаря в структуре крестьянского самоуправления Вологодской губернии в конце XIX – начале XX веков.....	56
Романов В.В. Противодействие Российского государства крестьянским побегам в 1826 – 1860 годах.....	61
Салмин А.К. В.В. Радлов и чувашеведение – II	66
Широкова М.А. Сельские работники культуры Чувашии в годы Великой Отечественной войны: штрихи к социальному портрету	79

ЛИНГВИСТИКА

Ахметзянов И.Г., Гареева А.К. Анализ продуктивных топонимобразующих суффиксов <i>-лык/-лек (-лы/-ле)</i> в татарском языке и их эквивалентов в английском языке	86
Бахтина С.И., Павлова Т.Н. Лексико-семантическая адаптация заимствований в русском языке XX – начала XXI веков	89
Борисова Л.В. Концептосфера «пища и напитки» в чувашской языковой картине мира – I.....	95
Борисова Л.В. Концептосфера «пища и напитки» в чувашской языковой картине мира – II.....	102

Иванов В.А. Kassı как компонент чувашских ойконимов на немецком языке	109
Карташова А.В. Метафора в научном дискурсе: межкультурные универсалии и уникалии	112
Корнилов Г.Е. Этнотопонимия Республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXXIII: А-анлаутные географические названия	118
Мукина И.В., Мукин В.А. Лингвокультурологическое структурирование языковых особенностей, связанных с переводом Библии на чувашский язык	125
Мухаметзянов И.М. Новые тенденции преподавания арабского языка в средних общеобразовательных учреждениях города Казань	132
Павлова Т.Н., Бахтина С.И. Синонимия отглагольных субстантивов общей деривационной истории в русском языке (диахронический аспект)	134
Рец Н.И. Аргументация как проблема соотношения языка и мышления	140
Рубцова О.Г. Мотивема «магические свойства» в фитонимах разноструктурных языков (на материале марийского, русского, немецкого и латинского языков)	143
Рубцова О.Г. Цветобозначение в фитонимах разноструктурных языков (на материале марийского, русского, немецкого и латинского языков)	149
Флигинских Е.Е. К вопросу об определении термина «суеверие»	153
Юзмухаметов Р.Т. Религиозно-мифологическая картина в поэме «Хосров и Ширин» золотоордынского поэта Кутба (XIV в.)	157

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Варламова И.В. СМИ Чувашии как инструмент формирования образа региона	161
Варламова И.В. Имидж региона как репутационный капитал	167
Демин В.И., Шеянова С.В. Концептуально-авторское отражение мира и человека в романе А. Брыжинского «Вечкеманть тусонзо эсензэ» («У любви краски свои»)	173
Евдокимова О.К. Тема интеллигенции как примета времени в русской литературе конца XIX века	179
Мишина Л.А. Американская литература XVII века. Проблема стиля	184
Моисеев П.А. Детектив на фоне мировой литературы: психологизм в детективном жанре	189
Спирчагова Т.А. Интернет-продвижение: инновации в управлении коммуникациями	196
Спирчагова Т.А., Ци Ичжи Выразительные возможности современных телевизионных проектов: стилистика организации в разных странах	201

ЭКОНОМИКА

Александрова О.Г., Гринина Е.С. Методика формирования расчетных показателей программной модели управления общественными финансами региона	206
Андреева И.С., Данилов И.П. Применение модели компетенций в управлении персоналом	214
Андреева И.С., Данилов И.П. Компетентностный подход к управлению персоналом как конкурентное преимущество предприятия	218

Малов Н.П., Федоров В.Г. Освоение системы защиты растений от сорняков как фактор повышения устойчивости и эффективности производства зерна (вопросы теории и практики)	224
Мужжавлева Т.В. Роль государственной поддержки высокотехнологических предприятий в обеспечении экономической безопасности страны (российский и зарубежный опыт)	230
Мунши А.Ю., Мунши Ш.Мд., Александрова Л.Ю. Проблемы малых и средних предприятий региона на зарубежных рынках и пути их решения	234
Трифопова З.А., Ростовцева М.М. Территориальный анализ рекреационных историко-культурных ресурсов Чувашской Республики	237
Тумаланов Н.В., Урусова И.Н. Воздействие экономических интересов и институциональных структур на экономическое развитие	245
Тюмерова И.Б. Методология исследования предпринимательства в аграрной сфере региональной экономики	253
Федоров В.Г., Семенова Н.Я. Интенсификация производства – логика урожая и прибыли	257
Федорова Н.В. Методика определения общественно необходимых затрат в земледелии на основе дифференциации плодородия почв	260
Чайников В.Н. Стратегия долгосрочного развития интегрированной системы управления конкурентоспособностью экономики региона (на примере Чувашской Республики)	268
Чекулаева Е.Н. Значение налоговой политики государства в снижении налоговых рисков	275
Чердакова М.П. Кластеризация как механизм повышения конкурентоспособности	281
Швецова Н.К., Егошина М.Н. Методические подходы к управлению финансовой устойчивостью предприятия в условиях финансового кризиса	285

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Александрова Н.В. О методах регулирования гражданско-правовых отношений: научные подходы	288
Кочетов Р.М. Анализ изменений, внесенных в Уголовный кодекс РФ, связанных с использованием понятия «половая зрелость»	293
Семенова И.Ю. Теоретические основы конкретизации механизма действия правовых стимулов и правовых ограничений в российском семейном праве	297
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	304

VESTNIK CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

HUMANITIES

2014

№ 1

CONTENTS

HISTORY

Danilov A. EXPANSION OF CULTURAL AND EDUCATIONAL FUNCTION OF REGIONAL TELEVISION: HISTORICAL EXPERIENCE OF THE SOVIET STATE (ON MATERIALS OF MARI, MORDOVIAN AND CHUVASH REPUBLICS)	5
Dmitriev A., Mineeva E. THE CHILDREN TOWN OF CIVILSK NAMED AFTER V.I. LENIN AS THE INFORMAL CENTRE OF ORPHANAGES AND CHILD PROTECTION SYSTEM IN CHUVASH REPUBLIC	9
Erofeev B. CREATIVE INTELLIGENTSIA OF CHUVASHIA IN THE EARLY 90s OF THE 20 th CENTURY	13
Kirillova A., Shirokov O. INTERNATIONAL RELATIONS OF RURAL SETTLEMENTS OF CHUVASHIA AT THE TURN OF THE XX – XXI CENTURIES	20
Kozlov F. CLOSING OF CHURCHES AS AN ELEMENT OF THE STATE ANTIRELIGIOUS POLICY IN THE LATE 1920s – THE EARLY 1930s (ON MATERIALS OF THE NATIONAL REPUBLICS OF CENTRAL VOLGA REGION)	26
Kuznetcova N., Mineeva E. THE HELP TO EVACUEES IN CHUVASH AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941 – 1945)	34
Mineev A. CHUVASH COUNCIL OF NATIONAL ECONOMY AND PRODUCTION ACTIVITY OF INDUSTRY WORKERS	39
Mikhailova R., Danilova O., Naumenko A. THE CHANGE OF SPIRITUALITY OF RUSSIAN PEASANTS UNDER THE INFLUENCE OF THE STATE AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY	43
Osipov A. FEATURES OF THE WEDDING CEREMONY IN THE HOUSE OF THE BRIDE IN ACCORDANCE WITH THE RITES OF CHUVASH VIRYAL	49
Popov S. POSITION OF RECORD CLERK IN STRUCTURE OF PEASANTS'S SELF-ADMINISTRATOIN IN VOLOGDA PROVINCE AT THE END OF XIX – AT THE BEGINNING OF XX CENTURIES	56
Romanov V. RUSSIAN STATE ACTION AGAINST PEASANT ESCAPE IN 1826 – 1860	61
Salmin A. V.V. RADLOFF AND CHUVASH STUDIES – II	66
Shirokova M. RURAL CULTURAL WORKERS OF CHUVASHIA IN THE GREAT PATRIOTIC WAR: STROKES TO THE SOCIAL PORTRAIT	79

LINGUISTICS

Akhmetzyanov I., Garaeva A. THE ANALYSIS OF PRODUCTIVE PLACE-NAME FORMING SUFFIXES -LYK/-LEK (-LY/-LE) IN TATAR AND THEIR EQUIVALENTS IN ENGLISH	86
Bakhtina S., Pavlova T. LEXICAL AND SEMANTIC ADAPTATION OF BORROWINGS IN THE RUSSIAN LANGUAGE IN XX – EARLY XXI CENTURIES	89
Borisova L. CONCEPTUAL SPHERE «FOOD AND DRINKS» IN THE CHUVASH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD – I	95
Borisova L. CONCEPTUAL SPHERE «FOOD AND DRINKS» IN THE CHUVASH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD – II	102

Ivanov V. KASSI AS A COMPONENT OF CHUVASH PLACE NAMES IN GERMAN.....	109
Kartashova A. METAPHOR AND SCIENTIFIC DISCOURSE: CROSS-CULTURAL UNIVERSALS AND SINGULARITIES..	112
Kornilov G. TOPONIMICS OF THE VOLGA REGION REPUBLICS (THE BASHKIR, THE KOMI, THE MARI, THE MORDVA, THE TATAR, THE UDMURT, THE CHUVASH REPUBLICS) – XXXIII: A-ANLAUT GEOGRAPHIC NAMES	118
Mukina I., Mukin V. LINGUISTIC AND CULTUROLOGICAL STRUCTURING OF LANGUAGE SPECIFICS RELATED TO THE TRANSLATION OF THE BIBLE INTO THE CHUVASH LANGUAGE	125
Moukhamtzyanov I. NEW TRENDS IN TEACHING THE ARABIC LANGUAGE IN SECONDARY INSTITUTIONS IN THE CITY OF KAZAN	132
Pavlova T., Bakhtina S. SYNONYMY OF THE VERBAL SUBSTANTIVES OF GENERAL DERIVATIONAL HISTORY IN THE RUSSIAN LANGUAGE (DIACHRONIC ASPECT)	134
Retz N. ARGUMENTATION AS A RATIO PROBLEM OF LANGUAGE AND MIND	140
Rubtsova O. THE MOTIVE «MAGICAL PROPERTIES» IN PHYTONYMS OF DIFFERENT SYSTEMS LANGUAGES (AS EXEMPLIFIED IM MARI, RUSSIAN, GERMAN AND LATIN LANGUAGES)	143
Rubtsova O. THE COLOUR DESIGNATION IN PHYTONYMS OF DIFFERENT SYSTEMS LANGUAGES (AS EXEMPLIFIED IM MARI, RUSSIAN, GERMAN AND LATIN LANGUAGES)	149
Fliginskikh E. TOWARDS THE DEFINITION OF A TERM «SUPERSTITION»	153
Yuzmuhametov R. RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL SITUATION IN THE POEM «KHOSROV AND SHIRIN» BY QUTB, THE POET OF THE GOLDEN HORDE (XIV CENTURY).....	157

LITERATURE STUDY

Varlamova I. MASS MEDIA OF CHUVASHIA AS A TOOL OF FORMING THE IMAGE OF THE REGION.....	161
Varlamova I. IMAGE OF A REGION AS REPUTATION CAPITAL	167
Demin V., Sheyanova S. THE AUTHOR'S INTERPRITATION OF THE WORLD AND MAN IN THE NOVEL «THE COLORS OF LOVE» BY A. BRYZHINSKY	173
Evdokimova O. THEME OF INTELLIGENTSIA AS A SIGN OF TIME IN RUSSIAN LITERATURE AT THE END OF XIX CENTURY	179
Mishina L. AMERICAN LITERATURE OF THE 17 th CENTURY. THE PROBLEM OF STYLE	184
Moiseev P. DETECTIVE FICTION AGAINST THE BACKGROUND OF THE WORLD LITERATURE: PSYCHOLOGISM IN THE DETECTIVE GENRE	189
Spirchagova T. INTERNET ADVANCE: INNOVATIONS IN MANAGEMENT OF COMMUNICATIONS	196
Spirchagova T., Qi Izhi EXPRESSIVE OPPORTUNITIES OF MODERN TELEVISION PROJECTS: ORGANIZATION STYLISTICS IN DIFFERENT COUNTRIES	201

ECONOMICS

Alexandrova O., Grinina E. METHOD OF CALCULATED INDICES FORMING FOR TARGET-PROGRAM MODEL OF PUBLIC FINANCE MANAGEMENT	206
Andreeva I., Danilov I. APPLICATION MODEL OF COMPETENCIES IN PERSONNEL MANAGEMENT	214
Andreeva I., Danilov I. THE ROLE OF PERSONNEL MANAGEMENT IN IMPROVEMENT OF ORGANIZATION MANAGEMENT ..	218
Malov N., Fedorov V. ASSIMILATION OF PLANT PROTECTIVE SYSTEM AGAINST WEEDS AS A FACTOR OF INCREASING STABILITY AND EFFICIENCY OF GRAIN PRODUCTION (PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE).....	224

Muzhzhavleva T.	
ROLE OF STATE SUPPORT OF HI-TECH ENTERPRISES IS IN PROVIDING ECONOMIC SECURITY OF THE COUNTRY (RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE).....	230
Munshi A., Munshi S.MD., Alexandrova L.	
PROBLEMS OF SMALL AND MEDIUM-SIZED REGIONAL ENTERPRISES ON FOREIGN MARKETS AND THEIR SOLUTIONS.....	234
Trifonova Z., Rostovseva M.	
TERRITORIAL ASSESSMENT OF HISTORIC AND CULTURAL RECREATIONAL RESOURCES OF THE CHUVASH REPUBLIC.....	237
Tumalanov N., Urusova I.	
INFLUENCE OF ECONOMIC INTERESTS AND INSTITUTIONAL STRUCTURES ON ECONOMIC DEVELOPMENT.....	245
Tyumerova I.	
THE METHODOLOGY OF THE STUDY OF ENTREPRENEURSHIP IN THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE REGIONAL ECONOMY.....	253
Fedorov V., Semenova N.	
LOGIC OF YIELD AND GROSS PROFIT IS THE INTENSIFICATION OF PRODUCTION.....	257
Fedorova N.	
THE METHODS OF SOCIAL NECESSARY INPUT DETERMINATION INTO CROP PRODUCTION ON THE BASIS OF SOIL FERTILITY DIFFERENTIATION.....	260
Chaynikov V.	
THE STRATEGY OF LONG-TERM DEVELOPMENT OF THE INTEGRATED MANAGEMENT SYSTEM OF COMPETITIVENESS OF THE REGIONAL ECONOMY (ON THE EXAMPLE OF CHUVASH REPUBLIC).....	268
Chekulaeva E.	
THE VALUE OF THE TAX POLICY OF THE STATE IN REDUCING TAX RISKS.....	275
Cherdakova M.	
CLUSTERING AS THE MECHANISM OF INCREASE OF COMPETITIVENESS.....	281
Shvetsova N., Egoshina M.	
METHODICAL APPROACHES TO MANAGEMENT OF FINANCIAL SOUNDNESS OF THE ENTERPRISE IN THE CONDITIONS OF FINANCIAL CRISIS.....	285

LAW

Aleksandrova N.	
ABOUT THE METHODS OF REGULATION OF CIVIL LEGAL RELATIONS: SCIENTIFIC APPROACHES..	288
Kochetov R.	
ANALYSIS OF THE CHANGES TO THE CRIMINAL CODE RELATING TO THE USE OF THE CONCEPT OF «PUBERTY».....	293
Semenova I.	
THEORETICAL BASES SPECIFICATIONS OF LEGAL INCENTIVES MECHANISM AND LEGAL RESTRICTIONS IN RUSSIAN FAMILY LAW.....	297
RULES FOR THE AUTHORS	304

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Гуманитарные науки
№ 1 2014

Редактор ***Н.И. Завгородняя***
Корректор ***Г.Ф. Губанова***
Технический редактор ***Н.Н. Иванова***

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51087 от 04.09.2012 г.

Сдано в набор 13.01.14. Подписано в печать 14.03.14. Выход в свет 25.03.2014.
Формат 70×100/16. Бумага писчая. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 30,4.
Тираж 500 экз. Заказ № 230. Свободная цена.

428015, Чебоксары, Московский просп., 15
Типография Чувашского университета